Министерство культуры и туризма Украины
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Национальная академия наук Украины
Крымский филиал Института археологии

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XIV

Памяти Мирона Ильича Золотарёва

Севастополь
2005

ББК 63.3(0)3+63.3(0)4+63.48(4УКР-6КРМ)
УДК 2-1
Х-39

Х 39 ***Херсонесский сборник. Выпуск XIV. Сборник научных статей. – Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005 - 348 с.***

Издается по решению Ученых советов Института Археологии НАН Украины и Национального заповедника «Херсонес Таврический»

Рецензенты:
Г.Ю. Ивакин доктор исторических наук
Э.Б. Петрова доктор исторических наук

Редакционно-издательский совет:

С.Д. Крыжицкий	член-корреспондент Национальной академии наук Украины, профессор, (главный редактор)
А.И. Айбабин	профессор, доктор исторических наук
Ю.М. Бабинов	профессор, доктор философских наук
В.М. Зубарь	профессор, доктор исторических наук
Л.В. Марченко	кандидат исторических наук
В.Л. Мыц	кандидат исторических наук
С.А. Русяева	доктор исторических наук
С.Б. Сорочан	профессор, доктор исторических наук
Г.М. Николаенко	кандидат исторических наук
Е.Я. Туровский	кандидат исторических наук (ответственный секретарь)

ББК 63.3(0)3+63.3(0)4+63.48(4УКР-6КРМ)
УДК 2-1

Очередной выпуск «Херсонесского сборника» посвящён памяти Мирона Ильича Золотарёва, многие годы работавшего в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический», жизнь и творчество которого было тесно связано с Херсонесом. Исследования и публикации друзей и коллег посвящены актуальным проблемам античной и византийской археологии, которыми занимался и интересовался М.И. Золотарев. Издание адресуется историкам, археологам, краеведам и всем, кто интересуется древней и средневековой историей.

ISBN 966-8738-03-9

© Коллектив авторов (2005)

Мирон Ильич Золотарёв
29.12.1945 - 6.07.2004

СОДЕРЖАНИЕ

Светлой памяти Мирона Ильича Золотарева посвящается 7

Список печатных работ кандидата исторических наук М.И. Золотарева 9

М.И. Золотарёв
Херсонес Таврический: основание и становление полиса 13

Н.П. Андрущенко
К вопросу о реконструкии античных виноделен: херсонесский «дом винодела» 45

D. Braund
Notes on the history of chersonesus before 422 B.C. and after 53

А.В. Буйских
О пространственной организации некрополя на северном берегу Херсонеса 59

С.Б. Буйских
Архаический Ахиллейон близ Ольвии в зеркале зарубежной историографии 71

И.И. Вдовиченко
Чернофигурная керамика из фондов Национального заповедника «Херсонес Таврический» 81

А.Ю. Виноградов
Херсонесский храм св. Петра и его эпиграфические памятники 91

Ю.А. Виноградов
К изучению зерен культурных растений, найденных в Мирмекии 94

Гинькут Н.В.
Поливная керамика византийского круга из раскопок «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало 99

В.А. Горончаровский, Т.С. Тихонова
Римский гладиус из раскопок некрополя Горгиппии 121

С.Г. Демьянчук
Священная казна и источники ее пополнения 125

Д.В. Журавлев, М.И. Золотарев†, А.А. Кобзева
Светильники из северо-восточного района Херсонеса: позднеархаическое, классическое и эллинистическое время 129

Д.В. Журавлев
Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV 141

Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева, И.И. Неневоля, К.Б. Фирсов, В.Ю. Радочин
Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района 169

А.И. Иванчик, В.В. Крапивина
Римский военный диплом из Ольвии 197

В.П. Кирилко
Потерна крепости Каламиты 211

Л.А. Ковалевская, И.Ю. Суханова
Лепная керамика из раскопок сельской усадьбы 338 в округе Херсонеса 215

С.Г. Колтухов, А.А.Труфанов, В.Б.Уженцев
Новый памятник IV–III вв. до н.э. в Западном Крыму 225

С.Д. Крыжицкий
К вопросу о храме Аполлона Дельфиния в Ольвии 235

И.А. Макаров
Эпитафия командира армянских лучников из Херсонеса Таврического 239

Ю.М. Могаричев
Крымская Алания и Чуфут-Кале 249

В.Л. Мыц
Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооружённый
конфликт между Каффой и Феодоро в 1422-1423 гг. 257

М. Ю. Николаенко
Археологические информационные системы: перспективы развития.....269

А.Е. Пуздровский, Г.В. Медведев
Погребения I-II вв. н. э. из Усть-Альминского некрополя 271

Л.А.Рыжова
Бронзовые ажурные подвески из раскопок в Юго-Западном Крыму 283

С.Р. Тохтасьев
Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae 291

М.Ю. Трейстер
Херсонесский вариант греко-скифского стиля в торевтике Северного Причерноморья 307

А.А. Труфанов
Исследования могильника у с. Брянское в 1995-1996 гг. 315

Е.Я. Туровский
Свинцовые монеты античного Херсонеса 327

Н.Ф. Федосеев
Мерные сосуды Херсонеса Таврического 337

И.Н. Храпунов, С.А. Мульд
Трупосожжение римского времени из могильника Опушки 341

Список сокращений 346

Светлой памяти Мирона Ильича Золотарева посвящается

6 июля 2004 года после тяжелой болезни ушел из жизни Мирон Ильич Золотарев – человек, для которого изучение древностей Херсонеса Таврического было смыслом и целью жизни. Родился он 29 декабря 1945 года в Севастополе и прожил большую часть жизни в этом городе, который любил и хорошо знал. Еще школьником Миша, так называли его друзья, участвовал в раскопках Херсонеса, помогал обрабатывать керамические находки. После окончания школы он поступал на исторический факультет Ленинградского университета, но не прошел по конкурсу. Затем были три года службы в армии. После службы в армии Миша не изменил своей детской мечте стать археологом и поступил на исторический факультет Симферопольского университета. Во время учебы каждый полевой сезон он работал в археологических экспедициях в Херсонесе.

В 1970 году Мирон Ильич Золотарев поступает на работу в Херсонесский историко-археологический музей, и вся его дальнейшая жизнь была неразрывно связана с Херсонесом. За 34 года работы в музее он прошел путь от экскурсовода до заместителя генерального директора. При этом главным для него всегда была возможность заниматься любимой наукой-археологией.

С 1974 года и до последнего дня жизни в течение тридцати лет он руководил археологической экспедицией, исследовавшей северо-восточный район городища Херсонеса. Результаты этих раскопок во многом изменили существующие в науке представления об истории Херсонесского государства. Без имени М.И. Золотарева уже давно невозможно представить историю изучения Херсонеса. Его раскопками впервые в Херсонесе был выявлен слой позднеархаической-раннеклассической эпохи. В этом слое были найдены остраконы - черепки с процарапанными на них именами, использовавшиеся для голосования - находка уникальная не только для Северного Причерноморья, но и для всего античного мира. Данные своих раскопок М.И. Золотарев тщательно исследовал совместно с ведущим российским эпиграфистом, выдающимся ученым Ю.Г. Виноградовым, с которым его связывало не только многолетнее научное сотрудничество, но и крепкая дружба, продолжавшаяся всю жизнь. В результате совместной работы по изучению ранних материалов из раскопок северо-восточных кварталов городища исследователи пришли к заключению, что Херсонес был основан на век раньше, чем традиционно считалось в отечественной науке. Согласно их выводам, время основания Херсонеса Таврического – 528-527 гг. до н.э.

В 1987 году в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР М. И. Золотарев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Херсонес и Ольвия в VI-II вв. до н.э.». Круг научных интересов исследователя всегда был очень разнообразным, но особое предпочтение он всегда отдавал изучению истории древнегреческой колонизации Причерноморья, взаимоотношению городов этого региона в эпоху античности. Имя М.И. Золотарева широко известно историкам и археологам как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Публикации его работ в отечественных и иностранных научных изданиях, доклады и выступления на международных конференциях всегда привлекали новизной исследовательского подхода, смелостью и неординарностью взглядов.

Широкий круг интересов Мирона Ильича отражают статьи разной проблематики, написанные им. Он интересовался смежными областями знаний, технологиями, которые позволили бы повысить эффективность археологических и исторических исследований. В ранней своей работе, которой всегда гордился, о кратком древнем морском пути через Черное море Мирон Ильич привел новые данные о характере течений Черного моря, географии и климате этого региона. Он участвовал в археологических экспедициях на Березани, в Пичвнари (Грузия), Болгарии, публиковал работы по археологии и нумизматике других античных центров, о подводных исследованиях в акватории Херсонеса, портовых сооружениях города, греко-варварских взаимоотношениях, керамических клеймах, хронологии оборонительных сооружений, культе божественной триады в эллинистическом Херсонесе и о многом другом.

В 1994 году М.И. Золотарев совместно с коллегами из США (Макалестер колледж и университет Пьюджет Саунд) исследовал остатки синагоги, существовавшей в Херсонесе в первые века н.э., которые позднее были перекрыты ранневизантийским храмом. О том, что в древнем Херсонесе существовала синагога, было известно еще в 30-е годы, но это открытие долгое время

попросту замалчивалось. Доследование этого памятника позволило надежно установить существование иудейской общины в Херсонесе в позднеантичный период.

Много лет Мирон Ильич занимался проблемами градостроительной истории Херсонеса, установлением места и вариантом реконструкции священного участка - теменоса, разработкой типологии и периодизации жилой застройки городской территории, определением границ города в IV в. до н.э. Итогом этих многолетних исследований, проведенных совместно с А.В. Буйских, стала публикация нескольких статей в отечественной и зарубежной литературе, которые позволяют лучше решать проблемы планировки, архитектурной застройки и развития города на ранних этапах его существования.

М.И. Золотареву принадлежит ведущая роль в возрождении издания «Херсонесского сборника», который при поддержке дирекции Национального заповедника вновь стал изданием регулярным. «Херсонесский сборник» стараниями М.И. Золотарева вновь стал авторитетным научным изданием для всех исследователей древней и средневековой археологии Херсонеса и Крыма.

М.И. Золотарев всегда трепетно относился к музейному делу, стремился решать сложные проблемы сохранения археологических памятников. Трогательно радовался, когда предметы, найденные в раскопках его экспедиции, пополняли экспозицию музея. Собственные научные достижения, напряженную исследовательскую и организационную работу Мирон Ильич всегда сочетал с интересом к работе коллег и уважением к делам предшественников. Он был наделен истинным даром общения, человеческим обаянием, подлинной интеллигентностью, что всегда привлекало к нему людей.

Последние несколько лет жизни Мирон Ильич, не оставляя работы в Херсонесе, работал заведующим античным отделом в Крымском филиале Института археологии, преподавал древнюю историю в филиале Московского Государственного университета. Он был душой исторического отделения Черноморского филиала МГУ, где не только читал увлекательные лекции, но и руководил археологической практикой, его заслуженно уважали коллеги и любили студенты. М. И. Золотарев был достойным ученым и педагогом, у него было много друзей и сам он был верным другом. Когда внезапно и трагически погиб его лучший друг Ю.Г. Виноградов, М.И. Золотарев долго не мог примириться с этой безвременной смертью, тяжело переживал ее, говорил, что потеря Юрия Германовича для науки невосполнима. И пережил своего друга всего на четыре года. Одну из последних своих работ - перевод книги Х. Хабихта - «Афины» Юрий Германович подарил Мирону Ильичу и его жене с надписью «Еве и Мишелю от старого верного друга и борца за афинскую демократию с нежной любовью. Ю.В.(Баронет)». Баронетом прозвали Юру Виноградова его друзья по Березанской экспедиции.

Мирон Ильич жил в археологии, любил экспедиционный быт, археологическое братство. Он щедро делился своими идеями и материалами своих раскопок с другими исследователями, привлекал для работы в Херсонесе молодых ученых. Все, кто знал Мирона Ильича, запомнят его как человека жизнелюбивого, искреннего, остроумного и щедрого. Он был полон идей и планов, среди которых большая работа по клейменной эпиграфике Геракли Понтийской, исследование о греческой расписной керамике в Херсонесе и многое другое. Но смерть не дала ему осуществить их. Остались его книги, статьи, его ученики и единомышленники, его друзья, а значит – он будет с нами.

Присутствие Мирона Ильича Золотарева в истории изучения Северного Причерноморья и Херсонеса навсегда останется ярким и значительным.

Коллеги, друзья

Список печатных работ М.И. Золотарева

Научные статьи, публикации и тезисы докладов

1. Раскопки средневекового жилого дома в Херсонесе // АО 1970. - М., 1971. С. 302.
2. Раскопки у Храма с ковчегом в Херсонесе // АО 1971. - М., 1972. С. 392.
3. Раскопки античного театра в Херсонесе // АО 1972. - М., 1973. С. 279-280. (Совместно с Домбровским О.И.)
4. Раскопки античного театра в Херсонесе // АО 1973. - М., 1974. С. 272. (Совместно с Домбровским О.И.)
5. Средневековый набор разновесов из Херсонеса // НиС 5. - Киев, 1974. С. 94-96.
6. Раскопки в Херсонесе // АО 1974. - М., 1975. С. 282-283.
7. Подводные археологические работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. - Киев, 1975. С. 140-141.
8. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса // АО 1976. - М., 1977. С. 299-300.
9. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // Античная древность и средние века. № 14. - Свердловск, 1977. С. 27-33.
10. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса // АО 1977. - М., 1978. С. 326-327.
11. Новые факты о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и восточного Причерноморья. - Тбилиси, 1979. С. 94-100.
12. Геоаккустические работы в портовой части Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. - М., 1979. С. 19-22.
13. Керамические клейма из раскопок Северо-восточного района Херсонеса в 1974-1975 гг. // КСИА 159. - М., 1979. С. 66-73.
14. Некоторые вопросы греко-варварских взаимоотношений в Западном Крыму в V-IV вв. до н.э. // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. - Тбилиси, 1979. С. 25-26.
15. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса // АО 1978. - М., 1979. С. 331-332.
16. Караимы. В: Украинская Советская Энциклопедия. Т. IV. - Киев,1980.
17. О роли ветровых факторов при организации хоры некоторых греческих полисов // ВДИ 1. - 1981. С. 144-150.
18. Керамические клейма из раскопок в портовом районе Херсонеса // АДСВ 18. - Свердловск, 1981. С. 106-119.
19. Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округи Херсонеса // КСИА 168. - М., 1981. С. 56-58.
20. Херсонесский гончарный комплекс VIII-IX вв. // АДСВ 19. – Свердловск, 1982. С. 145-148.
21. Cersonesos. Lexikon des Mittelalters. Bd. II. - München, 1983. (Chichurov I.S.).
22. Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. // ВДИ 1. - 1984. С. 89-93.
23. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса // АО 1982. - М., 1984. С. 261.
24. Новый склеп западного некрополя Херсонеса // Археологія 48. - 1984. С. 68-78. (Совместно с Рыжовым С.Г.)
25. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV-II вв. до н.э. (по материалам херсонесских клейм из Ольвии) // Проблемы исследования Ольвии. - Парутино, 1985. С. 29-30.
26. Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. - Тбилиси, 1985. С. 34-35.
27. Раскопки в Херсонесе // АО 1983. - М., 1985. С. 277-278.
28. Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI-V вв. до н.э. // ВДИ 2. - 1986. С. 88-93.
29. Херсонес и Ольвия в VI-II вв. до н.э. (Проблемы взаимоотношений) Автореф. дис. канд. ист. наук. - Л., 1986. 18 с.
30. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса // АО 1984. - М., 1986. С. 235-236.
31. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса // АО 1985. - М., 1987. С. 330-331.
32. Северо-восточный район Херсонеса в античное время (по материалам раскопок 1976-86 гг.) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. - Севастополь, 1988. С. 50-52 .
33. О политической ситуации в Крыму в III в. до н.э. // Скифия и Боспор. - Новочеркасск, 1989. С. 55-56.
34. Об этапах жилой застройки Северо-восточного района Херсонеса в конце V - IV вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - Запорожье, 1989. С. 49-50.
35. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V-II вв. до н.э. по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов конференции памяти П.О. Карышковского. - Одесса. 1989. С. 30-31.
36. О начальном этапе строительства в античном Херсонесе // Археологія 3. - 1990. С. 68-76.
37. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. - Одесса. 1990. С. 71-89. (Совместно с Туровским Е.Я.)
38. Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса // Археологія 4. - 1990. С. 138-140.
39. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі // Археологія 3. - 1990. С. 68-76.
40. Торговые коммуникации Херсонеса в Скифию в конце IV первой трети III в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. - Ростов-на-Дону, 1990. С. 17-18.
41. Формирование архитектурно-планировочной структуры Северо-восточного района Херсонеса в античное

время // Древнее Причерноморье. - Одесса, 1991. С. 38-40.
42. Міжполісні відносини в Північному Причорномор'ї в кінці IV ст. до н.е. Херсонес, Боспор та Ольвія. // Археологія 4 - 1991. С. 28-34.
43. Сосуд с зооморфным изображением из Херсонеса. (К вопросу о связях средневекового Херсонеса с Востоком) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. - Ростов-на-Дону, 1992. С. 64-65.
44. Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. – Тбилиси, 1990. С. 48-74. (Совместно с Виноградовым Ю.Г.)
45. Межполисные отношения в Северном Причерноморье в конце V - первой половине IV вв. до н.э. Херсонес, Боспор и Ольвия // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. - Севастополь. 1992. С. 13-19.
46. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса в 1991 г. // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. - Луцьк, 1993. С. 32-33. (Совместно с Ушаковым С.В.)
47. Раскопки в Портовом районе Херсонеса в 1992 г. // Археологічні дослідження на України 1992 року. - Київ. 1993. С. 55-57. (Совместно с Дьячковым С.В.)
48. Херсонесская архаика. – Севастополь, 1993. 98 с.
49. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs Paris, 1990. P. 85-120. (Vinogradov Jr.G.)
50. Moulds for castings of matrices for Roman relief mirrors from Chersonesus // Bronces and religion romana. Actas del XI congreso international de bronces antiguos . - Madrid, 1993. P. 429-448. (With Treister M.Ju.)
51. Формы для відливки римських дзеркал із Херсонеса // Археологія 2. - 1993. С. 117-130. (Совместно с Трейстером М.Ю.)
52. Теменос античного Херсонеса (Опыт архитектурной реконструкции) // ВДИ 3. - 1994. С. 78-101. (Совместно с Буйских А.В.)
53. Херсонес и птолемеевский Египет в III в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древностии и средние века. - Ростов-на-Дону, 1994. С. 63-64.
54. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV-II вв. до н.э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-западный Крым в античную эпоху. - Киев, 1994. С. 123-137.
55. Раскопки общественного здания в портовом районе Херсонеса // Археологические исследования в Крыму в 1993 году. - Симферополь, 1994. С. 129-133. (Совместно с Дьячковым С.В.)
56. Исследования в Северо-восточном районе Херсонеса // Археологические исследования в Крыму в 1993 году. - Симферополь, 1994. С. 134-137. (Совместно с Ушаковым С.В.)
57. Раскопки в Портовом районе Херсонеса // Крымский музей. № 1 - 1994. С. 141-142. (Совместно с Дьячковым С.В.)
58. A Boeotian Lekanis from Chersonesus // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. Vol. 1 (1), may. - 1994. P. 112-117.
59. Chersonesus Museum // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. Vol.1 (2), september. - 1994. P. 220-223.
60. К хронологии Юго-восточной линии обороны Херсонеса Таврического // Фортификация в древности и средневековье. - СПб., 1995. С. 49-50.
61. К хронологии древнейшего Херсонеса //Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, 1995. С. 100-106.
62. The Temenos of ancient Chersonesos. An attempt at an architectural reconstruction // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. Vol. 2 (2), september. - 1995. P. 125-156. (With Buiskikh A.V.)
63. Херсонесская архаика // ВДИ 3. - 1995. С. 138-151.
64. О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV веке до н.э. // ХСб. VII. - Севастополь, 1996. С. 37-47.
65. Об одном типе полусферических чаш эллинистического времени // Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора П.О. Карышковского. - Одесса, 1996. С. 47-48.
66. Новый клад ольвийских дельфиновидных монет из раскопок на острове Березань // Мир Ольвии. Чтения памяти профессора Л.М. Славина. - Киев, 1996. С. 121-122.
67. Торговые коммуникации между Херсонесом и Скифией в конце IV - первой трети III в. до н.э. // Археологія 2. - 1996. С. 79-84.
68. Sur la Chronologie de Chersonèse a l'époque archaïque // Sur les Traces des Argonautes. - Paris, 1996. Ğ. 311-317.
69. Древнєгрецькі мореплавці у Північному Причорномор'ї //Сторінки історії флоту України. - Севастополь, 1996. С. 14-20.
70. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія 1. - 1997. С. 57-63. (Совместно с Э. Оверман, Р. Макленнан)
71. Неизвестный план Ольвии П.И. Кеппена // РА 2. 1997. С. 241-245. (Совместно с С.Б. Буйских)
72. О хронологии античных слоев т.н. «Казармы» в Херсонесе Таврическом // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. - Одесса, 1997. С. 196-202. (Совместно с Коробковым Д.Ю. и Ушаковым С.В.)

73. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // ХСб. VIII. - Севастополь, 1997. С. 30-45. (Совместно с Ушаковым С.В.)
74. Информационная система Национального заповедника «Херсонес Таврический». Принципы построения // ХСб. VIII. - Севастополь, 1997. С. 110-113. (Совместно с Гуревичем И.М.)
75. К пониманию сюжета нескольких позднеантичных светильников // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной конференции. - Севастополь, 1997. С. 32-36. (Совместно с Коробковым Д.Ю.)
76. О принципах изучения античных водосборных цистерн. - Севастополь, 1997. 78 с. (Совместно с Коробковым Д.Ю. и Ушаковым С.В)
77. Исследования в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму в 1994 году. - Симферополь, 1997. С. 125-128. (Совместно с Коробковым Д.Ю., Ушаковым С.В.)
78. Новий скарб ольвійських дельфіноподібних монет з розкопок на о. Березань // Археологія 4. - 1997. С.141-144.
79. Находки поливной посуды как датировочный термин в изучении построек византийского Херсона (по материалам раскопок XCVI городского квартала) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. - Симферополь, 1998. С. 101-105. (Совместно с Коробковым Д.Ю., Ушаковым С.В.)
80. О культе божественной триады в эллинистическом Херсонесе // Боговите на Понта. - Варна, 1998. С. 63-69.
81. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Боговите на Понта. - Варна, 1998. С. 70-75. (Совместно с Э. Оверман)
82. Древнейший этап жилого строительства в дорийском Херсонесе // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти проф. П.О. Карышковского. - Одесса, 1998. С.70-78.
83. Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р.Х. // Церковная археология 4. Материалы II Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1948-1917). - СПб., 1998. С. 111-115. (Совместно с Коробковым Д.Ю.)
84. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. IX. - Севастополь, 1998. С. 26-35.
85. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. IX. - Севастополь, 1998. С. 36-46. (Совместно с Ю.Г. Виноградовым)
86. Кладовая дома XIII в. в северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. IX. - Севастополь, 1998. С. 182-194. (Совместно с Коробковым Д.Ю., Ушаковым С.В.)
87. Worship of the Sacred Egyptian Triad in Chersonesus (Crimea) // Ancient Civilization from Scytia to Siberia. Vol. 5 (4). - 1999. P. 357-381. (With Yu.G.Vinogradov)
88. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica. Analisi comparata con gli ostraka dal kerameikos di Atene // Minima epigraphica et papirologica № 2. - 1999. P. 111-131. (With Jurij G.Vinogradov)
89. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. - М., 1999. С. 91-129. (Совместно с Ю.Г. Виноградовым)
90. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н.э. - XIII в. н.э. - Севастополь, 1999. 142 с. (Совместно с Кочетковой Е.М.)
91. О времени строительства т.н. «Казармы» в Херсонесе Таврическом (по материалам находок керамических клейм) // ХСб. X. - Севастополь, 1999. С. 70-74.
92. Иудейская диаспора в Северном Причерноморье в первые века н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). - Запорожье, 1999. С. 103-107.
93. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. - СПб., 2000. С. 284-294. (Совместно с Виноградовым Ю.Г.)
94. О крещении жителей Херсонеса Таврического в IV в. // NOMOS 28/29. - Krakow, 1999/2000. С. 131-140. (Совместно с Коробковым Д.Ю.)
95. Торговые коммуникации между Херсонесом и Скифией в конце IV - первой половине III в. до н.э. // Донская археология 1. - 2000. С. 22-26.
96. Judaic diaspora in the North coast of the Black Sea in the initial centuries A.D. // Proceeding of the Twelfth World Congress of Jewish Studies. - Jerusalem, 2000.
97. О сакральной функции каменных якорных штоков с о. Березань // Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. - Київ, 2001. С. 56-58.
98. К истории исследования так называемой «Базилики Крузе» (Базилика №7) // Проблемы религии стран Черноморско-Средиземноморского региона. - Севастополь-Краков, 2001. С. 144-148.
99. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ 1. - 2001. С. 111-132. (Совместно с А.В. Буйских)
100. О государственных границах Херсонеса Таврического в IV в. до н.э. // ХСб. XI. - 2001. С. 100-105.
101. Еще раз о событиях вокруг Феодосии в начале IV в. до н.э. // Боспорский феномен. Ч. 2. - СПб., 2001. С. 65-66.
102. О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. по Р.Х. // Православные древности Таврики

(Сборник материалов по церковной археологии). - Киев, 2002. С. 68-73. (Совместно с Коробковым Д.Ю.)
103. Новые находки монет Западного Понта из раскопок Херсонеса Таврического // Известия на народния музей Бургас 4. Studia in Honorem Ivani Karayotov. - Бургас, 2002. С. 148-152.
104. Классическая археология и метеорология // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Материалы X международной научной конференции. - Ростов-на-Дону, 2002. С. 45-50.
105. Была ли херсонесско-ольвийская война в середине IV в. до н.э.? // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. II. - СПб., 2002. С. 68-70.
106. The System of City Planning in Chersonesos Tauricos // Archaologischer Anzeiger 1. - 2002. S. 273-303. (Совместно с А.В. Буйских)
107. О сакральной функции каменных якорных штоков с о. Березань // Северное Причерноморье в Античное время. Сборник научных трудов к 70-летию С.Д. Крыжицкого. - Киев, 2002. С. 33-37.
108. The Ancient Chersonesos: New Discoveries // Urbanism in the Black Sea Area in the Archaic and Classical Periods: Polis Hellenis and Polis Barbaron. The 10th International Symposium on the Ancient History and Archaeology of the Black Sea Area. - Tbilisi, 2002. P. 70-73. (With A.V. Bujskikh)
109. Раскопки т.н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (Украинско-Австрийский проект) // ХСб. XII. - Севастополь, 2003. С. 229-247. (Совместно с Коробковым Д.Ю., Ушаковым С.В., Пиленгер Р., Пюльц А.)
110. Chersonesus Tauricus. In: Ancient Creek colonies in the Black Sea. Vol. 1. - Thessaloniki, 2003. P. 603-645.
111. Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // ХСб. XIII. - Севастполь, 2004. С. 55-67.
112. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. - СПб., 2004. С. 135-138.
113. Новые исследования в Северо-восточном районе Херсонеса (средневековые памятники). // Россия-Крым-Балканы: диалог культур. - Екатеринбург, 2004. С. 194-197. (Совместно с Ушаковым С.В.)
114. Новые исследования в Северо-Восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // АДСВ 35. - Екатеринбург, 2004. С. 279-294.
115. Исследования в северо-восточном районе Херсонеса // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. Вип. 7. - Київ-Запоріжжя, 2005. С. 135-138. (Совместно с Ушаковым С.В.)
116. Об одном типе полусферических чаш эллинистического времени // Боспорские исследования VIII. - Симферополь-Керчь, 2005. С. 54-60.

Научно-популярные издания

1. Античный театр в Херсонесе Таврическом. - Симферополь, 2000. 16 с.
2. Владимирский собор в Херсонесе. Историко-публицистический очерк. - Севастополь, 2002. 160 с. (Совместно с Виноградовым В.С., Ивановым В.Б., Хапаевым В.В.)
3. Херсонесские святыни. Популярный исторический очерк. - Севастополь, 2002. 158 с. (Совместно с Хапаевым В.В.)
4. Легендарный Севастополь. Увлекательный путеводитель. - Севастополь, 2002. 158 с. (Совместно с Хапаевым В.В.)
5. Древний город Херсонес Таврический. Путеводитель. - Симферополь, 2002. 174 с. (Совместно с Хапаевым В.В.)
6. По землям древней Балаклавы. - Севастополь, 2003. 158 с. (Совместно с Шавшиным В.Г., Хапаевым В.В.)

М.И.ЗОЛОТАРЕВ[U]

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: ОСНОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСА*

Изучение классических древностей Таврики насчитывает более чем двухвековую историю. Начавшийся как поиск античных сокровищ в двух противоположных частях Крыма (восточной и западной) этот процесс со временем трансформировался в стройную систему научных археологических знаний об античных памятниках этого региона. Сопоставление богатейших археологических источников с письменными свидетельствами дали возможность для моделирования процесса исторического развития народов, населявших Крымский полуостров в античный период. В процессе территориального оформления границ древнейших античных государственных структур происходило формирование экономико-географических районов Крыма, входящих в рамки общей системы экономико-географического районирования всего античного Причерноморья [Шелов, 1967, с. 219-225; Брашинский, 1970, с. 129-137]. Рассматривая весь понтийский регион античного периода как единую структуру, органично входящую в единую греческую ойкумену, нетрудно заметить, что события политического и экономического обустройства античных государств Таврики были тесно связаны между собой и во многом контролировались и определялись двумя крупнейшими античными государственными образованиями – Боспорским царством на востоке и Херсонесским государством на западе полуострова. Остановимся на анализе исторического развития Херсонесского государства.

Херсонес Таврический расположен в юго-западной части Крыма на Гераклейском полуострове, на мысу, образованном двумя бухтами, носящими современные названия Карантинная и Песочная. Западный пологий берег Карантинной бухты, надежно защищенный от ветров, течений и штормов, был выбран гераклеотами для устройства здесь порта, вокруг которого стал развиваться основанный ими в последней четверти VI в. до н.э. город. Одна из причин выбора места для новой апойкии была обусловлена расположением его в северной части кратчайшего морского пути через Понт Евксинский. Этот путь пролегает от мыса Карамбис на южнопонтийском побережье к мысу Криу Метопон в Таврике и совпадает по направлениям с единой системой черноморских течений. Другая причина – исключительно благоприятные эколого-метеорологические особенности Гераклейского полуострова, позволяющие успешно обустраивать, развивать и эксплуатировать его обширные земельные пространства [Золотарев, 1979, с. 94-100].

В изучении истории любого эллинского полиса проблемами первостепенной важности оказываются вопросы выяснения даты и обстоятельств его основания, определявших пути его дальнейшего развития на протяжении столетий. Это положение целиком и полностью касается Херсонеса Таврического. Как известно, единственный хронологический репер для установления даты основания Херсонеса историческая традиция сохранила нам в перипле Псевдо-Скимна, условно именуемом «Царю Никомеду» (ad Nicomedem regem). Этот перипл, составленный, скорее всего, в конце II в. до н.э., вобрал в себя бесценную и во многом уникальную информацию более ранних хронографов об основании целого ряда апойкий на Понте [См. Rostowzew, 1931, s. 27-30; Максимова, 1956, с. 49-52; Diller, 1952]. По сообщению Псевдо-Скимна (v. 826-831), Херсонес основали по оракулу гераклеоты совместно с делосцами. Более столетия тому назад, в 1882 г., проф. Герман Шнайдервирт первым предпринял попытку синхронизировать свидетельство Псевдо-Скимна с определенным

**Статья была написана автором еще в 2000 г. и впервые была опубликована на английском языке в Ancient Greek Colonies In The Black Sea. Vol. 1. // Publications Of The Archaeological Institute Of Northern Greece 4. - Thessaloniki, 2003, p. 603-645. Здесь она приводится без каких-либо изменений, в этой связи отдельные ее положения отражают состояние разработанности проблематики на время ее подготовки и написания. (* *Ред.*)

моментом в истории Делоса: в 422 г. до н.э. жители острова, будучи ровно на год выселены афинянами с острова, могли принять участие в колонизационном предприятии гераклеотов [Schneiderwirth, 1882, s. 15f]. Несмотря на то, что работа Шнайдервирта представляла собой, скорее, облегченное от ссылок на источники и современную ему литературу вольное изложение истории Гераклеи [Ср. ее справедливую оценку Д. Ашери: «Изложение Шнайдервирта живо, но абсолютно некритично» - Asheri, 1972, s. 23], его идея, особенно после появления подробной работы акад. А.И.Тюменева, подхватившего (с глухой ссылкой) и развившего ее в своих «Херсонесских этюдах» [Тюменев, 1938, с. 245-275], прочно укоренилась в отечественной и западной историографии как раз и навсегда доказанная аксиома и, перешагнув целое столетие, благополучно дожила до наших дней. Один лишь В.В. Лапин высказал скептическое отношение к идее Шнайдервирта/Тюменева, отметив, «что изыскания эти построены, в конечном счете, на весьма ненадежной литературной традиции, не дающей никаких опорных точек для установления сколько-нибудь точной датировки». Указав на гораздо большую объективность источников археологических, критик, тем не менее, своей альтернативной датировки не предложил [Лапин, 1966, с. 81сл.). Должен expressis verbis сознаться, что и мы с Ю.Г. Виноградовым нисколько не сомневались в ее непоколебимости [см. например: Vinogradov, Zolotarev, 1990, p. 85 = Vinogradov, 1997, s. 397].

Однако исследователи все чаще и чаще задавали себе вопрос: как объяснить происхождение археологических материалов из херсонесских раскопок, которые значительно старше (иногда чуть ли не на столетие) традиционной даты основания этого дорийского полиса. Попытки объяснить появление в херсонесских слоях древних материалов в рамках теории «двусторонности» греческой колонизации [Иессен, 1947] и предшествующему началу колонизационного процесса этапу доколонизационных торговых плаваний [Блаватский, 1954, с. 10 сл.] не нашли своего подтверждения, тем более что современные теории греческой колонизации отвергают обязательное существование этих этапов колонизационной практики [см. например: Брашинский, Щеглов, 1979, с. 38-40]. Наиболее остро этот вопрос встал в последние десятилетия, когда в процессе расширения объемов археологических раскопок в Херсонесе количество архаических материалов стало очень быстро увеличиваться и достигло сотни единиц [Золотарев, 1993]. Прежде всего, это ионийская «полосатая» керамика, представленная несколькими сотнями кувшинов, чаш-киликов, лекан и других форм. Специальные исследования позволили выделить шесть типов ионийских кувшинов и три типа чаш-киликов, основная масса которых датируется последней четвертью VI - второй четвертью V в. до н.э. [Золотарев, 1993, с. 14]. Уже предварительные исследования этой группы показали, что ионийская полосатая керамика бытовала в Херсонесе на протяжении всего V и даже «заходила» в IV в. до н.э. [Белов, 1972, с. 17-26]. Ту же дату сообщают нам находки чернофигурной и краснофигурной керамики, которые укладываются в рамки третьей четверти VI - третьей четверти V в. до н.э. [Зедгенидзе, 1979, с. 27].

Но если в поступлении парадной столовой посуды в Херсонес и можно было бы предполагать временную цезуру, то находки керамической тары - амфор, в которых ввозились основные продукты питания, отображают реальную картину жизнедеятельности и жизнеспособности любой греческой апойкии. В этом аспекте более всего показательны находки фрагментов амфор архаического и раннеклассического времени из раскопок, проводившихся в Херсонесе в последние годы. В настоящий момент мы располагаем многими десятками фрагментов лесбосских, протофасосских, самосских, хиосских амфор, а также амфор со стаканообразными донъями. Найденные на городище обломки хиосских амфор относятся ко II-IV типам (согласно классификации В.Грейс-И.Б. Брашинского), которые датируются второй половиной VI - третьей четвертью V в. до н.э., что подтверждается и последними разработками хронологии амфорной тары этого центра [Абрамов, 2002, с. 7-26]. Фрагменты самосских амфор дают нам ту же картину поступления тары этого центра, что и в Фанагории, где они (по последним хронологическим разработкам) заполняют собой весь V в. до н.э. от его начала до самого конца [Завойкин, 1992, с. 40-56]. Многочисленные находки амфорного материала из различных средиземноморских центров однозначно доказывают, что поступление жизненно

необходимых продуктов питания в Херсонес не прерывалось ни на одно десятилетие в течение всего V в.

Итак, данные археологии реально свидетельствуют о непрерывной жизнедеятельности поселения на берегу Карантинной бухты как минимум от последней четверти VI в. до н.э. без каких-либо заметных перерывов в его существовании на протяжении всего V столетия. Мы убеждены в том, что дальнейшее накопление археологических артефактов едва ли сможет повлиять на вышеизложенные выводы.

Самым ошеломляющим археологическим материалом, добытым в последние годы, стала внушительная серия из 45 покрытых надписями остраконов [Vinogradov, Zolotarev, 1999, s. 111-120], которые подразделяются по материалу, технике исполнения и различным употребляемым формулам.

Большинство остраконов исполнены на фрагментах чернолаковых сосудов, датируемых по форме - как и вся прочая аттическая столовая посуда этого типа - от самого начала до конца V в. до н. э. Все остальные остраконы изготовлены из разбитых амфор. По фактуре глины и, главным образом, по палеографии и ранним диалектальным признакам все они прекрасно укладываются в рамки V в. до н.э. В итоге сопоставительного анализа херсонесских и афинских остраконов мы приходим к выводу о справедливости предложенной интерпретации херсонесских черепков с граффити как остраконов. Можно с уверенностью утверждать, что в таврической апойкии, по крайней, мере с самого начала V в. до н.э. и как минимум до конца этого столетия, если не до конца следующего, в политической жизни безо всякого перерыва регулярно применялась одна из самых радикальных мер греческой демократии – остракизм [Виноградов, Золотарев, 1998, с. 41].

Итак, анализ новейших археологических материалов из херсонесских раскопок, новое прочтение письменных памятников и их современная интерпретация на базе вновь добытых археологических источников позволили определить совершенно новую, отвечающую современному уровню понимания источников дату основания Херсонеса в Таврике - 528/7 г. до н.э. [Виноградов, Золотарев, 1999, с. 124]. Обратившись к оракулу с просьбой указать место для основания новой колонии, гераклеоты вместе с делосцами получили известный нам пророческий ответ Аполлона Пифийского. Именно таким путем в 528/7 г. в Юго-Западном Крыму был основан Херсонесский полис, в котором, по меньшей мере, до IV в. до н.э. правила демократия. В Таврику выселился этнически смешанный контингент гераклеотов, в котором над ионянами превалировали мегаряне и беотийцы [Zolotarev, 1994, p. 112-117], но который был спаян едиными «партийными» демократическими узами. Отсюда и проистекает разъяснение, почему херсонеситы столь рано, почти с первых шагов своего обитания на новом месте вводят у себя остракизм.

К сожалению, на херсонесском городище не сохранилось никаких объектов, относящихся к архаическому периоду, кроме архаической керамики, предметов мелкой пластики и единичных монетных находок этого времени. Лишь только в третьем квартале северо-восточного района города были открыты остатки полуземлянки, предположительно датированной серединой V в. до н.э., но, к сожалению, почти полностью уничтоженной более поздними каменными наземными постройками.

Первые погребения на херсонесском некрополе появляются уже в начале V в. до н.э. Известно около десятка погребений (в основном детских), которые были совершены на херсонесском некрополе (судя по погребальному инвентарю) еще в конце VI -начале V в. до н.э. [Монахов, Абросимов, 1993, с. 140-141]. Эти погребения принадлежат к херсонесскому некрополю архаического времени, «окаймляющему» древнейшую северо-восточную часть херсонесского городища. Нас не должно смущать столь малое количество архаических погребений и общая малая численность архаических материалов в Херсонесе. Особенность скального геологического строения этого района Крыма приводила к тому, что при дальнейшем росте городской территории уничтожались расположенные на скале более ранние сооружения и вычищались остатки культурного слоя предшествовавшего времени. Но даже то, что сохранилось, реально свидетельствует об основании Херсонеса в последней трети VI в. до н.э., а не в последней четверти V в. до н.э., как это считалось ранее.

Если об архаическом Херсонесе мы знаем пока еще не много, то о классическом периоде

жизни этого полиса информации несколько больше. Последние раскопки в юго-восточном районе Херсонеса позволили открыть сохранившийся участок древнейшей оборонительной стены, возведенной, вероятно, еще в последней трети V в. до н.э. Наше внимание привлекла северо-восточная стена одного из помещений расположенного здесь здания, т.н. «казармы». Она сложена из тесаных плит известняка небольшого размера с плотной притеской и подгонкой швов. Резкое понижение скального ложа с северо-запада к юго-востоку обусловило различное количество сохранившихся рядов кладки на разных отрезках стены - от 1-3 до 6-7. Хорошо обработанные камни панциря обращены как бы “внутрь” помещения; с противоположной (внутренней) стороны камни оставались совершенно необработанными, с «рваными» краями. В аналогичной строительной технике и из блоков того же размера выполнена кладка, расположенная к юго-востоку. Однако фасадом она обращена как бы в сторону города, а «рваной» необработанной частью камни положены навстречу кладке помещения. Иными словами, обе кладки являются панцирями одной стены. Пространство между ними оказалось заполненным разномерным бутовым камнем на глине, образующим очень плотную забутовку, идущую полосой с северо-запада на юго-восток, как бы повторяя направление понижения скалы. Ширина этой мощной двухпанцирной стены 2,85 м, сохранившаяся длина - 10,8 м. В юго-восточной части стена, сохраняя ту же технику сооружения, поворачивает под прямым углом на северо-восток.

Важнейшее значение для выяснения времени возведения стены имеют археологические материалы, найденные в наскальном слое, примыкающем к нижним камням кладки. Изучение археологического материала из наскального слоя показало, что весь он датируется в пределах второй половины - конца V в. до н.э. Таким образом, есть все основания полагать, что мощная двухпанцирная стена была возведена еще в последней четверти V в. до н.э.

Существует еще один памятник, позволяющий реально говорить о существовании ранней оборонительной стены. В 1958 г. над калиткой у XVI башни был вынут большой строительный квадр, использованный вторично в забутовке оборонительной стены эллинистического времени (Инв. № 10/36504). У боковых граней квадра вырезаны два углубления для металлических пиронов, скреплявшие соседние с ним квадры, а у краев камня прорезаны две греческие буквы M и N. При первой публикации этих каменотесных меток Э.И. Соломоник осторожно отнесла их к концу V - началу IV в. до н.э. [Соломоник, 1964, № 23]. Позднее она совершенно определенно стала утверждать о принадлежности меток к V в. до н.э [Соломоник, 1990, № 59]. По нашей просьбе Ю.Г. Виноградов ознакомился с этим памятником и, на основании особенностей начертания букв, пришел к заключению, что метки датируются не позднее последней трети V в. до н.э. Все сказанное дает основание считать, что квадр принадлежал оборонительной стене, сооружение которой было начато еще в V в. до н.э. Нелишне вспомнить, что В.В. Латышев относил часть каменотесных меток на херсонесских квадрах к концу V в. до н.э. [ОАК за 1899 г., с. 15].

Эта стена повторяла очертания древней материковой скалы, внутренним панцирем была к ней пристроена, что значительно облегчало и удешевляло строительство. Множество подрубов скалы у поворота стены в юго-восточной части были предназначены, на наш взгляд, для создания системы запора городских ворот. Эта часть оборонительной стены вместе со встроенной водосборной цистерной являлись, по всей вероятности, северным пилоном городских ворот и представляли единое строительно-архитектурное сооружение - часть древнейшей оборонительной стены. Мы склонны предполагать, что по своему функциональному назначению открытая система кладок является древнейшим сохранившимся фортификационным сооружением Херсонеса, возведенным, видимо, еще в V в. до н.э. [Золотарев, 1995, с. 49-50].

В северо-восточном районе города были изучены древнейшие жилые сооружения неизвестного доселе в Херсонесе типа. Интенсивное археологическое изучение древнейших слоев античных городов и поселений Северного Причерноморья сопровождается обнаружением почти на всех памятниках в древнейших их горизонтах земляночных или полуземляночных жилых структур. Исходя из характера несущих конструкций, их пространственного положения и общего принципа решения объемов, терминологически определены и выделены

четкие критерии различия между наземными, слегка заглубленными постройками: полуземлянками, землянками, подвалами и полуподвалами. Таким образом, вопрос о характере самого раннего жилища античных северопричерноморских городов можно считать решенным - это были земляночные и полуземляночные структуры [Крыжицкий, 1982, с. 11-14]. Сказанное положение касается и Херсонеса Таврического.

Еще недавно у исследователей даже не возникало мысли о том, что в херсонесском домостроительстве может существовать какой-либо иной тип сооружений, кроме наземного каменного жилого дома. Но в 1983 г. при археологических исследованиях, проводившихся нами в третьем квартале северо-восточного района города, были впервые обнаружены и исследованы заглубленные в скалу сооружения, в объемно-планировочном отношении близкие к полуземлянкам различных греческих городов и поселений Северного Причерноморья [Золотарьов, 1990, с. 68-76]. Позднее было исследовано еще несколько подобных сооружений, расположенных там же, в северо-восточном районе города. Открытые здесь специфичные, углубленные в скалу сооружения эллипсовидной или круглой формы являлись, по нашему мнению, древнейшими известными на сегодняшний день жилыми сооружениями Херсонеса. Площадь их колеблется от 4-х до 10 м^2. Заглубление в материк разное - от 0,6 до 0,9 м. Сейчас открыто уже 13 таких сооружений. Судя по всему, они группируются в своего рода кусты по всей площади северовосточного района города [Золотарев, 1998, с. 70-78].

В херсонесских сооружениях присутствуют все элементы, характерные для подобных объектов, открытых повсеместно практически на всех северо-причерноморских памятниках - глинобитные полы, очаги, ступени-тамбуры, иногда - углубления в полу для центрального опорного столба, поддерживавшего перекрытие постройки. Находки крупных обломков разложившихся сырцовых кирпичей в заполнении сооружений позволяют предполагать наличие невысоких наземных сырцовых стен, что, в свою очередь, дает возможность считать их жилыми полуземлянками. Найденные лежащими in situ на полах раздавленные остродонные амфоры (в том числе и клейменные), аттическая чернолаковая посуда, столовая посуда других центров производства очень точно укладывается в жесткие хронологические рамки конца V - первой трети IV в. до н.э. По всей вероятности, открытые в последние годы полуземляночные жилые структуры являлись древнейшими жилищами дорийского Херсонеса. Нелишне будет заметить, что все найденные на полах раздавленные предметы были археологически целыми, и почти все их удалось склеить по старым сколам. Закономерно возникает вопрос о рациональности сооружения заглубленных в материк жилищ в Херсонесе, расположенном на массиве скальных пород. Это сомнение должно быть отвергнуто по двум причинам. Во-первых, земляночные (в нашем случае, скорее полуземляночные) структуры являлись типично греческим типом жилого дома, возникшего как дом колониста и развившегося на базе местной строительной традиции в процессе греческой колонизационной практики в Северном Причерноморье. Это положение сейчас безусловно доказано, в первую очередь, работами С.Д. Крыжицкого [Крыжицкий, 1993, с. 41]. Землянки как наиболее дешевый и рациональный тип жилища сооружаются первоначально почти на всех северопричерноморских памятниках первопоселенцами, а затем (по мере освоения нового места жительства) они уступают место наземным жилым структурам. Во-вторых, материковые скальные породы в районе Херсонеса не однородны. Они состоят из чередующихся по высоте слоев мергелистой материковой глины и твердых скальных пластов. В слое наскального мягкого мергеля, очень напоминающего лесс, и устраивали свои первые заглубленные жилища основатели дорийского Херсонеса. Очень часто полуземлянки сооружались на небольших склонах. В этом случае большей частью стен являлась твердая скала, а по склону приходилось возводить только одну стену из сырцового кирпича. Такой способ устройства полуземляночных жилищ был очень рационален и значительно удешевлял стоимость сооружения.

Земляночные структуры Херсонеса существовали примерно 25-30 лет, т.е. приблизительно в пределах жизни поколения поселенцев, а затем (на исходе первой трети IV в. до н. э.) они прекращают свое существование, уступая место более удобному (но более дорогостоящему и трудоемкому в сооружении)

наземному типу жилища.

Специально подчеркнем, что датируются эти полуземлянки рубежом V-IV вв. до н.э., а не архаическим временем. Это необходимо сделать еще раз, т.к. некоторые исследователи, не разобравшись в реальных датировках считают их сооружениями архаического времени и объявляют едва ли не главным аргументом в системе доказательств ранней даты основания Херсонеса. Более того, врезанные в скалу жилища, безо всякой аргументации объявляются «карьерами по добыче камня для наземных жилищ» [Saprykin, 1998, p. 234]. Оставим, однако, эти беспочвенные домыслы на совести их авторов. Впрочем неправомерность такого отношения к археологическим источникам и их исторической интерпретации была недавно подвергнута резкой критике [Буйских, 2002, с. 208].

Главной вехой в политической жизни укрепляющегося на крымских берегах молодого дорийского полиса в конце V - начале IV в. до н.э. стали события, развернувшиеся вокруг расположенного в восточной части полуострова одного из самых известных и процветавших в то время полисов - Феодосии. Херсонес выступил вместе со своей метрополией Гераклеей Понтийской на стороне Феодосии, поддержав ее сепаратистские настроения по отношению к Боспорскому царству [Шелов, 1950, с. 168-174; Сапрыкин, 1986, с. 70-79; Золотарев, 1984, с. 89-92]. Накал политических страстей был столь велик, а события вокруг Феодосии развивались в таком русле, что привели к вооруженному противостоянию, участниками которого оказались все крупнейшие северопричерноморские полисы. Для ликвидации конфликта использовалась вся система мер как военного, так и дипломатического характера. Во всяком случае, все источники, имеющиеся на сегодняшний день: нарративные, эпиграфические, нумизматические и археологические - каждый по-своему отражают это неординарное событие в истории античного Причерноморья. События вокруг Феодосии, на наш взгляд, следует рассматривать как глобальную военную катастрофу, охватившую все Северное Причерноморье и прямо или косвенно повлиявшую на судьбы народов, населявших эту часть античного мира [Золотарев, 2001, с. 101-102].

После завершения феодосийских баталий херсониты приступают к созданию мощного экономического фундамента своего государства, концентрируя усилия на организации в западной части Таврики хорошо организованной собственной хоры. Но созданию структуры херсонесской хоры предшествовал период, в который практически вся херсонесская экономика целенаправленно формировала экономическую основу будущего могущества полиса, опирающегося на развитие сельскохозяйственного производства. Это был период своего рода «первоначального накопления средств» за счет прибыли, получаемой херсонеситами от торговли в основном с греческими полисами. В первые десятилетия IV в. до н.э. основой экономики Херсонесского государства была транзитная морская торговля. С этой целью обустраивается городская гавань в Карантинной бухте. Активизации посреднической морской торговли Херсонеса в немалой степени способствует и то, что к этому времени древнегреческие мореходы начинают совершать длительные морские переходы в открытом море [Гайдукевич, 1969, с. 18-19]. В конечном итоге, греческие мореплаватели осваивают краткий морской путь через Черное море [Максимова, 1954, с. 56-57], проходящий от мыса Карамбис на Анатолийском побережье к мысу Криу Метопон в Крыму, и превращают его в активно эксплуатируемую морскую торговую магистраль [Золотарев, 1979, с. 96]. Используя удобное и выгодное географическое расположение города на пересечении основных морских путей, херсониты превращают свой порт в узловую перевалочную базу морской торговли не только между территориями южного и северного побережья Понта, но и всего Восточного Средиземноморья. Археологические слои Херсонеса первых десятилетий IV в. более чем красноречиво повествуют о торговой направленности его экономики и его разнообразных эллинских торговых контрагентах. Находки этого времени почти на 90 % состоят из импортных материалов и, прежде всего, обломков амфор, в том числе и клейменных [Кац, 1979, с. 176-191]. Основой экономики государства в это время является посредническая морская торговля с греческими полисами.

Однако это был лишь небольшой, хотя и очень важный эпизод в истории Херсонесского государства. Все чаяния и помыслы херсонеситов были направлены на создание

мощной экономической базы сельскохозяйственной направленности. Необходимо подчеркнуть, что, говоря об организации херсонесской хоры, мы исходим из того, что в каком бы регионе Крыма эти действия не разворачивались, они всегда носили общегосударственный характер. Создание мощной аграрной структуры затрагивало коренные интересы полиса, являлось основой его экономического процветания и благосостояния его граждан. Не случайно основные события не только экономической, но и политической жизни Херсонесского государства в классическое и раннеэллинистическое время разворачивались в основном на херсонесской хоре или были с ней связаны [Рогов, 1999, с. 116сл.]. На наш взгляд, именно по этой причине государство осуществляло строгий контроль за всем, что происходило на херсонесской хоре, начиная с самых первых шагов ее организации.

Для достижения этой цели необходимо было значительно расширить территориальные владения, обезопасить границы полиса и на обширных землях создать хорошо организованную и защищенную аграрную систему - хору Херсонеса. Доходы от посреднической морской торговли, поступавшие в государственную казну, создали экономический базис, позволивший херсонеситам приступить к осуществлению долговременной государственной аграрной программы. Военно-политическая обстановка в регионе складывалась так, что к этому времени организационно отлаженная иерархическая система дорийской общины Херсонеса была в состоянии обеспечить территориальные захваты земель для поэтапного создания разветвленной системы собственной хоры. Оставалось решить еще один важный вопрос - обеспечить необходимый людской ресурс. Возможно, что для малочисленной херсонесской общины того времени эта проблема вполне могла быть ключевой.

Наконец, в истории херсонесского полиса наступает время, когда херсонеситам в какой-то момент удается одновременно сконцентрировать воедино и решить все три составляющих: экономическую, политическую и демографическую - и приступить к активным действиям по организации собственной хоры, выбрав первоначально для этих мероприятий Маячный полуостров, расположенный в северо-восточной части Гераклейского полуострова.

В первые десятилетия IV в. до н.э. в метрополии Херсонеса Гераклее Понтийской резко обостряются противоречия между военно-земледельческой аристократической верхушкой и стремительно богатевшими представителями торгово-ремесленного капитала. Одновременно, еще с начала IV в. до н.э. свободе греческих малоазийских городов начинают угрожать персидские сатрапы. Попытка пригасить политические коллизии в гераклейском обществе и ликвидировать внешнюю опасность была предпринята в Гераклее путем установления в 364/3 г. до н.э. тирании Клеарха [Сапрыкин, 1986, с. 103 = Saprykin, 1997, p. 133]. Можно предположить, что бежавшие от притеснений тирана гераклеоты нашли приют в дочернем полисе Херсонесе. Они-то и обусловили стремительный рост городского населения Херсонеса, последовавший после установления в Гераклее тирании Клеарха [Burstein, 1976, p. 60.]. Не исключено, что быстрый рост населения и необходимость обустроить жизнь новых граждан херсонесского полиса (своеобразный «демографический взрыв») послужили важными причинами, ускорившими активные действия херсонесской общины по организации хоры на Маячном полуострове.

Межеванию на наделы земель Маячного полуострова предшествовало, по всей видимости, изгнание с его территории местного оседлого аборигенного населения, проживавшего доселе здесь [Chtcheglov, 1992, p. 102]. Вероятно, это была обычная практика организации собственной хоры для дорийских полисов. Во всяком случае, аналогичное изгнание с насиженных земель мариандинов было осуществлено в херсонесской метрополии Гераклее Понтийской при создании ее хоры [Фролов, 1981, с. 22-33]. Затем осуществляется комплекс аграрных мероприятий, включающих межевание всей территории полуострова на 30 земельных площадей, на которых разместилось около 100 индивидуальных участков [Щеглов, 1993, с. 29-33]. Так была создана первая аграрная система херсонесского полиса, находившаяся под защитой небольшого укрепленного городка (так называемый «Страбонов Херсонес»), расположенного на узком перешейке в южной части полуострова [Щеглов, 1994, с. 8-42]. Вполне вероятно, что это крохотное греческое поселение возникло еще в архаическое время, а

после сооружения в первой четверти IV в. до н.э. достаточно мощных оборонительных стен, превратилось в защитный форпост вновь созданной аграрной системы [Щеглов, 1997, с. 42-54]. Расположение укрепленного городка на перешейке, географически доминирующем над всей территорией Гераклейского полуострова, давало возможность осуществлять сторожевые, охранные и защитные функции вновь созданной аграрной системы херсонесской хоры.

Трудно судить о культурах, возделывавшихся на Маячном полуострове в этот ранний период. Можно лишь предполагать, что ведущее место, наряду с другими культурами, занимало виноградарство. Во всяком случае, после включения во второй половине IV в. до н.э. во вновь созданную единую структуру херсонесской хоры земель всего Гераклейского полуострова виноградарство становится здесь монокультурой [Жеребцов, 1976, с. 17]. Важно то, что с организацией системы землепользования на Маячном полуострове Херсонес начинает активно создавать собственную сельскохозяйственную базу. С этого момента аграрно-сырьевая направленность на долгие годы становится фундаментом его экономики. Заботы о расширении хоры, ее защите и совершенствовании агротехнических мероприятий, проводимых на ней, становятся центральным звеном политики полиса по укреплению экономического могущества государства и процветания его граждан в классический и эллинистический периоды.

Стремительный рост населения Херсонеса за счет новых переселенцев, бежавших из метрополии после установления там тирании Клеарха, не только стимулировал организацию хоры на Маячном полуострове, но и совпал с еще одним весьма значительным событием в жизни херсонеситов. На рубеже первой-второй половины IV в. до н.э. наступает новый этап в градостроительной истории города. Он связан, прежде всего, с упразднением полуземляночных структур и переходом к наземному каменному домостроительству [Золотарев, 1998, с. 32]. Новый этап домостроительства отмечен переходом к сооружению типовых жилых домов небольшой площади (160-210 м^2) с размещением жилых и хозяйственных помещений по принципу параллельности помещений относительно продольной оси здания. Формирование плана здания на основе взаимно пересекающихся продольных и поперечных планировочных осей свидетельствует о типовой планировке жилых домов в Херсонесе [Буйских, 1999, с. 23-28]. Этот тип домов-ячеек, сгруппированных в регулярные кварталы [Золотарев, 1998, с. 33], лег в основу практической реализации регулярного градостроительного плана Херсонеса, осуществленного в конце второй четверти – середине IV в. до н.э. [Буйских, Золотарев, 2001, с. 111-132].

Есть все основания предполагать, что реализация генерального плана города и рядовой застройки была обусловлена ростом городского населения и базировалась на предыдущем градостроительном опыте херсонеситов. Маловероятно, что генеральный план города был разработан непосредственно в Херсонесе. Скорее всего, здесь была использована типовая градостроительная модель Гипподама Милетского, лишь откорректированная и привязанная к конкретной местности. Реконструкция этой идеальной модели на основании херсонесских материалов нам представляется следующей.

Вероятнее всего, в основу детальной планировки была положена типовая квадратная сетка, включавшая кварталы, рассчитанные как на определенное количество жилых домов, так и продольных и поперечных улиц.

В результате натурных обмеров городских кварталов в северо-восточной части города установлено, что в качестве метрологической основы при их разбивке использовался фут дорического стандарта в 0,3265 м. Кварталы в северо-восточной части имели размеры 75 х 200 футов, состояли из 10 стандартных жилых домов, размерами 36-37,5 х 40 футов. Изучение планировочных особенностей херсонесских жилых домов малой площади, открытых на северном берегу, позволило установить наличие типовых жилых домов, стандартная планировка которых строилась по параллельному принципу. В основе городской планировки находилась квадратная сетка, размерами 605 х 605 футов, состоявшая из 7 кварталов и 6 поперечных улиц. Регулярный план предполагал наличие нескольких магистральных улиц шириной по 20 футов - четырех продольных и пяти поперечных, ориентированных, как правило, на городские ворота в юго-западной, южной и юго-восточной оборонительных линиях города. Исследование идеальной градостроительной модели

позволило установить, что, согласно первоначальному проекту, Херсонес был рассчитан на 1000 граждан. Исходя из того, что количество индивидуальных земельных наделов на ближней хоре в два раза превышало количество домов в городе, мы предположили резервирование земельного фонда, предусматривавшее увеличение гражданского населения через поколение.

Опыт реконструкции идеального градостроительного плана Херсонеса Таврического дал возможность поставить его в один ряд с Милетом, Пиреем, Олинфом, объединенных школой Гипподама Милетского, и заслуженно ввести этот северопричерноморский центр в круг выдающихся памятников градостроительства античной эпохи [Буйских, Золотарев, 2001, с. 111-132].

В этой связи весьма парадоксально выглядит высказанное недавно мнение о том, что самым ранним планом регулярной застройки в Причерноморье следует считать поселение на острове Березань (стратиграфические горизонты второй половины VI - начала V в. до н.э.) [Вонсович, 2001, с. 89]. Автор этой гипотезы реанимирует устаревшее положение об участии родосцев совместно с милетянами в основании Березани и объясняет регулярность плана поселения влиянием древних родосских традиций [Вонсович, 2001, с. 95]. Ошибочность этих построений более чем очевидна. За Херсонесом остается «пальма первенства» в Причерноморье в осуществлении городской застройки по принципам регулярного плана.

Около середины IV в. до н.э. активные действия херсонеситов по укреплению экономической базы родного полиса и превращению его в процветающее государство перемещаются в западные районы Таврики. Здесь еще с архаического времени существует и успешно развивается ионийская Керкинитида [Кутайсов, 1990, с. 24сл.], с интересами которой, несомненно, столкнулись устремившиеся сюда херсонеситы. Кроме того, нельзя исключать и определенного противодействия херсонесской экспансии со стороны ольвиополитов, осуществлявших контроль за какой-то частью территории Северо-Западной Таврики. У нас нет данных о системе взаимоотношений в первой половине IV в. между двумя милетскими колониями - Ольвией и Керкинитидой. Можно только предполагать, что независимая Керкинитида владела небольшой хорой, непосредственно примыкающей к городскому центру. Какая-то часть Тарханкутского полуострова (скорее всего, северная) находилась под контролем ольвиополитов. Не упускали из поля зрения этот район Крыма и гераклеоты. Смелая точка зрения С.Ю. Сапрыкина о возникновении городища «Чайка» как гераклейской фактории не лишена определенной привлекательности [Saprykin, 1997, p. 122-123]. Если это так, то поселение «Чайка» на первых этапах своего существования (нижний строительный горизонт - мощный форт с прямоугольными оборонительными башнями) могло осуществлять функции своеобразного «буфера» между владениями ольвиополитов и керкинитов, а при последовавшей позднее активизации Херсонеса в Северо-Западном Крыму стать их опорной базой в борьбе за обладание этим регионом Таврики. Можно предположить, что после неудачи в Восточной части полуострова под Феодосией, гераклеоты перемещают свои экспансионистско-территориальные притязания на западно-крымскую равнину.

Захватнические намерения гераклеотов сталкиваются здесь с интересами сразу двух греческих полисов - Керкинитиды и Ольвии. Кроме того, нельзя исключать, что после освобождения этих полисов от скифского протектората [Виноградов, 1989, с. 121] дальнейшее их развитие происходило по-разному. Получившая полную свободу действий Ольвия молниеносно начинает развивать собственную хору. А для крохотной Керкинитиды это освобождение было лишь номинальным. Скифская орда по-прежнему продолжала осуществлять какие-то формы контроля над Керкинитидой и, видимо, как и раньше, взимала дань (пусть и в более скромных масштабах) с керкинитской гражданской общины. Положение осложнялось еще и тем, что в этот сложный клубок межполисных и греко-варварских проблем региона внедряется сначала Гераклея Понтийская, а вслед за ней - стремительно обретавший стабильный экономический потенциал Херсонес Таврический.

В изучении процесса внедрения херсонеситов в западные области Крыма пока много неясного. Вероятно, для установления херсонесского владычества в этом регионе Крыма применялся весь комплекс

существующих методов - от дипломатических акций до открытых военных действий. Мы не склонны безоговорочно принимать факт существования какой-то «неизвестной войны» между Херсонесом и Ольвией около середины IV в. до н.э. за обладание всей территории Северо-Западного Крыма [Sceglov, 1987, p. 244-247]. В первой половине IV в. до н.э. херсониты, очевидно, не только мирятся с существованием здесь ольвийских поселений, но и (судя по ольвийской проксении, дарованной херсониту, сыну Пирралиона) активно осуществляют через них торгово-обменные операции [Золотарьов, 1991, с. 30-31]. Однако позднее, в результате утраты ольвийского влияния, поселение Панское I (первоначально ольвийское) было захвачено херсонеситами [Sceglov, 1987, p. 246]. Специально подчеркнем, что среди многочисленных эллинских памятников этого региона «ольвийский» горизонт прослежен пока только на поселении Панское I. Справедливости ради отметим, что В.А. Кутайсов предлагает связывать появление поселения Панское I в его первоначально «ионийском» облике с деятельностью Керкинитиды, не приводя, правда, для этого сколько-нибудь веских аргументов [Кутайсов, 2001, с. 77-80]. Нет сомнения в том, что ольвийский форт после военного разгрома и пожара становится херсонесским поселением. Но с какими событиями следует связывать этот слой пожара? А.Н. Щеглов и Ю.Г. Виноградов видят в пожаре результат военного столкновения Ольвии и Херсонеса за господство в Северо-Западной Таврике [Vinogradov, 1997, s. 484-492]. Между тем, весь комплекс источников не позволяет говорить об охлаждении ольвийско-херсонесских отношений (и тем более военного столкновения) ни в предшествующее, ни в последующее время [Золотарев, 1989, с. 30-31; Буйских, 1997, с. 18-19; Кутайсов, 2001, с. 77-80].

Мы предлагаем несколько иную реконструкцию событий, развернувшихся около середины IV в. до н.э. вокруг поселения Панское I, в результате которых Херсонес сменяет Ольвию на этом памятнике.

По мнению некоторых исследователей, основанном на резком увеличении в этот период погребений в степной части Крыма, скифское население этого региона в первой половине IV в. до н.э увеличилось в пять-шесть раз [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 51]. Среди многочисленных исследованных погребений известны не только могилы рядовых скифов, но и богатые погребения скифской знати [Манцевич, 1957, с. 155-158]. Здесь, вероятно, располагался один из так называемых «царских курганов» (Чаяновский) [Shcheglov, Katz, 1991, p. 97-122]. В первой половине IV в. до н.э. этот район Причерноморской степи включается в зону активных скифских кочевий. Произошедший в степной Таврике «демографический взрыв» не мог не сказаться на характере греко-варварских отношений в этом регионе. Активизировав свою политику в степном Крыму, скифы сталкиваются с противодействием их экспансионистским намерениям со стороны эллинов. На этой почве разгорается вооруженный конфликт между стремящимися укрепиться в крымской степи скифами и противостоящим им греческим земледельческим населением. В результате греко-варварского военного конфликта в степном Крыму четырехбашенный ольвийский форт был сожжен скифами и после разгрома оставлен ольвиополитами. Воспользовавшись ситуацией, херсониты захватили бывшие ольвийские владения и закрепились здесь. Если наша реконструкция событий, происходивших в середине IV в. до н.э., на поселении Панское I верна, то для признания херсонесско-ольвийской войны реальным событием не остается решительно никаких аргументов.

По-иному происходило подчинение Херсонесом Керкинитиды. Около середины IV в. до н.э. в Керкинитиде проводится капитальная реконструкция системы оборонительных сооружений, отвечающая всем новейшим принципам античной полиаркетики [Кутайсов, 1992, с. 82-83]. Естественно предположить (как это делает В.А. Кутайсов), что укрепление крепостных сооружений было инспирировано вероятностью военного захвата Керкинитиды Херсонесом. Однако археологические источники не позволяют напрямую связывать стеностроительные мероприятия в Керкинитиде этого времени с военным противостоянием двух полисов. Вряд ли подчинение Керкинитиды было результатом военных действий херсонеситов или каких-либо иных сил, хорошо владеющих современной тогда передовой греческой военной техникой штурма городов с мощными защитными крепостными системами. Здесь (в Керкинитиде) не прослеживается разрушений оборонительных стен, не выявлены

следы пожаров, штурма или осады. Но закономерен вопрос: против кого в таком случае были возведены эти мощные стены керкинитского полиса? Нам представляется, что ответ на этот вопрос следует искать в истории не эллинского населения Таврики, а во внутренних изменениях, проходящих в этот период в варварской его части. Напомним, что Керкинитида только что освободилась от скифского протектората и, видимо, продолжала как бы «по инерции» ощущать скифское давление, хотя и не столь сильное, как прежде.

Вполне вероятно, что именно для обеспечения безопасности от скифов и была возведена новая система обороны Керкинитиды. Не исключено, что на этом этапе помощь Керкинитиде оказывал Херсонес. Херсонесско-керкинитский военный союз (около середины IV в. до н.э.) наносит окончательный удар скифскому диктату над Керкинитидой [Рогов, 1999, с. 138-139]. Эта значимая совместная военная победа над варварами была отмечена в Херсонесе и в Керкинитиде специальным парадным монетным выпуском с единым сюжетом оборотной стороны – сценой терзания львом быка, весьма популярной в скифском искусстве. Заимствование сцены «благого» терзания одновременно монетариями двух соседних полисов - явление исключительное. Этот уникальный сюжет, по мнению А.Н. Зографа, находит аналогии в золотых бляшках из Чертомлыка [Зограф, 1927, с. 396]. Он единственный раз появляется в нумизматике городов Северного Причерноморья и никогда более не используется античными монетариями. Заимствованный для совместного монетного чекана в скифском зверином стиле, весьма популярный в скифском искусстве сюжет должен был точно указывать - над кем одержана победа херсонесско-керкинитским союзом.

Равноправный союз двух соседних полисов оказался недолгим. После устранения скифской опасности и потери Ольвией контроля за частью территорий Северо-Западного Крыма только независимая Керкинитида мешала выполнению захватнических планов честолюбивых херсонеситов. Мы не знаем, как действовал механизм покорения Керкинитиды. Не исключено, что херсонеситы использовали здесь популярную у эллинов тактику подчинения соперника, ранее с успехом примененную против Гераклеи Понтийской афинским навархом Ламахом во времена его понтийской экспедиции [Доманский, 1974, с. 44-46]. Разрушив хору керкинитского полиса, херсонеситы вынудили граждан Керкинитиды заключить с ними неравноправный политический союз (симполитию), лишив независимости городскую общину и полностью включив ее в состав херсонесского полиса. Впоследствии особая роль Керкинитиды в составе Херсонесского государства выражалась в предоставлении ей в особых случаях кратковременного права чеканки собственной монеты. С подчинением Керкинитиды Херсонес полностью завоевывает земли Северо-Западного Крыма. Завершение процесса создания мощного Херсонесского государства было ознаменовано массовой чеканкой на херсонесском монетном дворе нового специального парадного выпуска монет типа квадрига-воин [Зограф, 1951; № 10].

В начале последней трети IV в. до н.э. завершаются землеустроительные мероприятия по организации всей территории Гераклейского полуострова [Золотарев, Туровский, 1990, с. 73-74]. По всей вероятности, была предпринята хорошо отработанная еще при освоении Маячного полуострова тактика изгнания с насиженных земель аборигенного таврского населения [Савеля, 1997, с. 88-89]. Вытеснив его на кромку современной Сапунгорской гряды, херсонеситы в кратчайшие сроки проводят комплекс крупномасштабных аграрных мероприятий и создают на Гераклейском полуострове мощнейшую сельскохозяйственную зону, состоящую из около 400 земельных наделов, объединенных в единую структуру [Николаенко, 1999, с. 78]. По завершении аграрного обустройства этой части хоры Херсонес превращается в крупнейший в Северном Причерноморье центр виноградарства и товарного виноделия.

С подчинением земель Северо-Западного Крыма Херсонес завершает формирование границ государства [Золотарев, 2001, с. 104]. С этого времени четко определены не только государственные границы Херсонеса, но и его территориальные владения. Стабилизируется на какое-то непродолжительное время общая военно-политическая обстановка и греко-варварские отношения в северопонтийском регионе. Сложившаяся благоприятная ситуация дала возможность для стремительного развития экономики Херсонесского государства. Основой бурного экономического роста становится

успешная эксплуатация собственной хоры, создававшейся усилиями херсонесского полиса на протяжении почти всего IV в. до н.э. Сформированная и прекрасно структурно организованная сельскохозяйственная территория Херсонесского государства к концу столетия состоит из двух частей. Первая (на Гераклейском полуострове), так называемая ближняя хора, специализируется на виноградарстве и товарном виноделии. Вторая (в Северо-Западном Крыму) - дальняя хора - становится базой по производству товарного хлеба. Интенсивное развитие аграрного сектора экономики Херсонеса было основой его благосостояния и превращения Херсонесского государства в процветающую и крупнейшую аграрно-промышленную державу в Северном Причерноморье.

Таким Херсонесское государство вступает в период своего наивысшего расцвета, продлившееся около половины столетия, вплоть до конца первой трети III в. до н.э.

Экономический подъем нашел отражение во всех областях жизни Херсонесского государства. Изменения затронули не только внутриполисную жизнь, но и коснулись разнообразных внешних сторон жизни Херсонеса. Последние историко-эпиграфические исследования позволяют по-новому взглянуть на события политической жизни Херсонесского государства рубежа IV-III вв. до н.э.

Проведя скрупулезный анализ текстов Закона об изгнанниках [Соломоник, 1984, с. 72-81], Присяги граждан Херсонеса [IPE I^2, 401], почетной надписи в честь Агасикла [IPE I^2, 418] и акта о продаже земель [IPE I^2, 403], Ю.Г. Виноградов убедительно доказал, что на рубеже IV-III вв. до н.э. в Херсонесе сложилась сложная политическая ситуация, угрожавшая не только херсонесской демократии, но и существованию самого государства [Vinogradov, 1997, s. 452]. В результате неудавшейся попытки олигархов совершить антидемократический переворот потерпевшая поражение политическая группировка вынуждена была уйти в изгнание. Ей удалось на какое-то время не только укрепиться в Северо-Западном Крыму, но и отторгнуть у Херсонесского государства часть земель расположенной здесь его хоры [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 343-344]. Для ликвидации политического противостояния была объявлена амнистия политическим эмигрантам и часть из них, возвратясь в родной полис, получила по суду конфискованное раннее имущество. Непримиримая часть олигархов, опираясь на поддержку скифов, закрепилась на пограничных территориях хоры и представляла угрозу для херсонесской демократии. Решительными действиями Агасикл четко обозначил границу между земельными владениями полиса и отложившимися оппозиционерами, воздвиг в пограничье ряд фортификационных сооружений и разместил в них для защиты специально созданные гарнизоны [Vinogradov, 1997, s. 469]. Долгое и упорное противостояние законного правительства и части изгнанников, в конечном итоге, было ликвидировано, политическая стабильность была восстановлена.

Общий экономический подъем потребовал значительного увеличения городской территории, обусловленного стремительным ростом населения. В последней четверти IV в. до н.э. упраздняется некрополь классического времени в северном районе города [Белов, 1938, с. 313-314] и на его месте возводятся городские кварталы. При этом принятая херсонесскими градостроителями общая архитектурно-планировочная схема формирования городской территории, восходящая к Гипподаму Милетскому, лежит в основе строительной деятельности херсонеситов. Правильная регулярная прямоугольная планировка городских улиц и жилых кварталов сохраняется при сооружении новых районов на вновь обживаемых территориях. Практика соблюдения регулярности городской застройки была настолько хорошо продумана и столь полно отвечала задачам формирования города, что сохранилась не только в античном Херсонесе, но и была унаследована жителями средневекового Херсона.

Громадные изменения происходят и в оборонном зодчестве. В конце IV в. до н.э. возводится новая линия оборонительных стен, включившая в состав города новые земельные площади, которые почти окончательно сформировали городскую территорию [Антонова, 1990, с. 17-18]. В дальнейшем город уже почти не рос вширь и развивался в пределах вновь созданной линии обороны не только в античный период, но и в средневековье. Лишь только в первой половине III в. до н.э. юго-восточная часть города обносится оборонительными стенами и присоединяется к

городу территория, получившая название «цитадель» [Антонова, 1990, с. 18].

В период расцвета Херсонесского государства начинает складываться и быстро формируется архитектурный облик города. Он определяется основными общественными зданиями, сооружавшимися за короткий срок. В каждом районе города возводится одно или комплекс общественных зданий, которые являлись своеобразной строительной доминантой не только для отдельного городского района, но определяли архитектурный облик города в целом. Основным ядром формирования архитектурного облика Херсонеса становится агора, расположенная в центральной возвышенной его части. Интенсивная строительная деятельность в византийское и особенно в новое время, к большому сожалению, полностью уничтожила некогда расположенные здесь античные архитектурные сооружения, не сохранив даже их следов. В этой связи любые архитектурные реконструкции агоры носят гипотетический характер и совершенно не имеют привязки к реально существующей археологической строительно-архитектурной ситуации на главной городской площади в древности. Надо полагать, что специальное исследование архитектурных деталей (которое еще только предстоит совершить) даст возможность создания реконструкций ордерных зданий, которые, возможно, располагались на агоре античного Херсонеса. Но это - дело будущего. Пока только один архитектурный памятник более-менее надежно связывается с главной городской площадью.

Специальное изучение нескольких мраморных блоков с изображением букраниев и гирлянд позволили И.Р. Пичикяну объединить их и доказать, что они принадлежали одному сооружению. Исследователь проанализировал топографию находок на городище различных частей сооружения, атрибутировал изображения и достаточно точно восстановил надпись. По его мнению, это был монументальный алтарь с размерами 2,64 м в длину и 1,32 м в ширину. Он был посвящен верховным жрецом богини Девы Пасиадом, сыном Артемидора, главному божеству Херсонеса и установлен перед ее храмом на агоре [Пичикян, 1984, с. 198-207].

Этим исчерпывается наша информация об архитектурных сооружениях, некогда располагавшихся на главной площади античного Херсонеса. Можно лишь предположительно говорить о существовании здесь обычных для главной площади греческого города строений: храмов, алтарей, торговых рядов, здания суда, различных стой и других сооружений, в которых осуществлялась повседневная общественная жизнь городской общины и функционировали полисные магистраты. Здесь же могли устанавливаться для всеобщего обозрения важнейшие государственные акты. В этой связи напомним, что уникальный документ древнегреческой демократической мысли - Присяга граждан Херсонеса (IPE I^2, №401) - была найдена во вторичном использовании именно здесь.

Архитектурный облик северо-восточного района города формировался постройками площади, расположенной на высоком скалистом берегу и завершающей здесь главную городскую улицу. Специальное исследование по реконструкции северо-восточной площади античного Херсонеса позволило определить ее функциональное назначение и то место, которое занимала площадь в топографии города и определении его архитектурного облика. Архитектурный облик площади окончательно сформировался к рубежу IV-III - началу III в. до н.э. [Золотарев, Буйских, 1994, с. 99]. Именно в это время здесь устраивается плитовая вымостка, сооружается центральный храм дорического ордера, посвященный, видимо, женскому божеству (очевидно Афине).

В западной части площади открыты остатки нижнего ряда стилобата с пиронами в форме «ласточкин хвост», шириной по главному фасаду около 4,8 м и восстанавливаемой длиной 10,5 м. План постройки, его восточная ориентация позволили трактовать его как храм. Ордер храма - ионический - реконструирован на основании находок поблизости четырех идентичных по размерам (высота 0,36 м, диаметр основания 0,6-0,64 м, нижний диаметр колонны 0,39-0,44 м) баз ионического ордера. Стилистические особенности баз позволяют датировать их раннеэллинистическим временем. Принадлежность деталей указанному храму надежно восстанавливается, исходя и из единого метрологического стандарта (фута в 0,296 м). Модуль, равный нижнему диаметру колонн (0,43-0,44 м), позволил просчитать и наиболее вероятные высотные габариты реконструированного сооружения с высотой ордера порядка 5 м. Что же касается объемно-планировочного решения, то возможны два

варианта - простиль или амфипростиль.

Одновременно в западной части площади на высоком постаменте возвышалась обращенная лицом к морю величественная статуя Афины. Перед статуей располагался монументальный алтарь, облицованный прямоугольными плитами с изображениями рельефных щитов. Здесь же стояла небольшая вотивная колонка, посвященная Деве, а вокруг могли быть установлены почетные надписи в честь херсонесских проксенов и государственные договоры [Zolotarev, Byiskhih, 1995, c. 155]. Здесь же на площади располагался небольшой алтарь, воздвигнутый в середине III века до н.э. в честь трех восточных божеств - Исиды, Сераписа и Анубиса [Vinogradov, Zolotarev, 1999, p. 358].

В нескольких десятках метров к востоку от площади размещалась открытая в 1888 г. мастерская коропласта. На полу одного из помещений мастерской было найдено около 40 глиняных матриц для изготовления терракотовых статуэток и рельефных сосудов [Мальмберг, 1892, с. 3-23, табл. I-IV]. В расположенной за оградой площади мастерской коропласта могли изготавливаться вотивные терракоты, которые херсониты приносили как дары в стоящие на площади храмы. В таком случае эта мастерская была связана с комплексом расположенных на площади культовых сооружений. Аналогичная мастерская по изготовлению терракот входила в комплекс сооружений центрального теменоса Ольвии эллинистического времени [Карасев, 1964, с. 44].

Сопоставив архитектурный облик всех построек на площади с их функциональным назначением, нетрудно заметить, что все они имеют специфические культовые черты. Это храмы и алтарь, вставная колонна и тексты важных государственных постановлений и, наконец, вертикальная доминанта всего архитектурного ансамбля площади - самая крупная в Херсонесе величественная статуя Афины, принадлежащая руке скульптора Поликрата. Перед нами весь комплекс сооружений, возводившихся обычно в античных городах на священных участках. Нет сомнения, что северо-восточная площадь города была в эллинистическое время таким священным участком - теменосом античного Херсонеса, определяющим архитектурный облик не только этого района, но во многом и всего античного города.

Помимо двух описанных храмов, реконструкция которых привязана хотя и к очень плохо сохранившимся, но строительным остаткам, существует еще одна попытка реконструкции херсонесского храма, созданная на анализе только отдельных архитектурных деталей. Детали эти - фрагментированная капитель и комплекс элементов перекрытий (блоки архитравов, фризов внешнего и внутреннего ордеров, венчающих стеновых карнизов, сухарных и безсухарных карнизов) были обнаружены во вторичном использовании в кладке позднеэллинистической башни XVI юго-восточной линии обороны [Борисова, 1960, с. 5-9; Домбровский, Паршина, 1961, с. 80-83]. На основании этих деталей была осуществлена и реконструкция фасада храма в виде четырехколонного простиля [Пичикян, 1984, с. 207-218]. Высота фасада составляла порядка 6,6 м от основания баз до конька фронтона. На основании стилистического анализа архитектурных деталей храм датируется в пределах начала III в. до н.э., т.е. того же времени, когда был воздвигнут и ансамбль построек северо-восточного теменоса. У нас нет совершенно никаких данных для определения места расположения в древнем городе этой постройки. Можно только очень осторожно предположить, что храм располагался здесь же, невдалеке от XIV башни, куда после упразднения античного сооружения попали его архитектурные детали. Он вполне мог быть центральным сооружением одной из площадей античного Херсонеса.

Херсонесский театр – единственное общественное зрелищное сооружение, известное к настоящему времени во всем северопричерноморском регионе. Он располагался на склоне глубокой балки в южной части города, не занятой жилыми кварталами. До сооружения театра эта территория находилась за чертой оборонительных стен, и здесь размещались городская свалка, участок некрополя и нимфей, наиболее поздние материалы из которых относятся к третьей четверти IV столетия [Домбровский, 1997, с. 85; Махнева, Пуздровский, 1998, с. 74]. В результате почти сорокалетних (с перерывами) раскопок театра установлен его план и прослежены основные строительные периоды, несмотря на значительные разрушения, нанесенные активной строительной деятельностью херсонеситов в средневековый период.

Начало строительству театра было положено в первые годы последней четверти IV в. до н.э., т.е. сразу после расширения города в западном направлении, когда для устройства орхестры были засыпаны дно балки и нимфей, а под театрон произведена нивелировка скального склона. Херсонесский театр, как и все сооружения подобного рода, состоял из орхестры, театрона, двух пародов (из которых сохранился только правый), проскения и скене, под которой были открыты два подвала. Согласно одной из последних реконструкций, театрон состоял из семи секторов зрительских мест, причем пять центральных включали 10 рядов скамей, а боковые (по крайней мере, правый) - по 8. Это было связано с общей градостроительной ситуацией, поскольку расстояние между углом театрона и линией проходившей здесь оборонительной стены оказалось равным всего 1,5 м. В результате была сокращена длина аналеммы и, следовательно, крайнего сектора [Домбровский, 1997, с. 87-88]. Размеры секторов театрона восстановлены достаточно точно по открытому ряду скамей, ограниченному лестницами, в одном из них. Реконструированное расстояние между зрительскими рядами составляло около 1 м. В доримский период театр имел один ярус театрона. Второй ярус и повышение общего уровня театрона относительно орхестры на 1,5 м связаны с перестройкой театра в начале I в. н.э.

От проскения, длиной чуть более 20 м, сохранилась северо-восточная часть стилобата со следами подтесок под установку четырех полуколонн дорического ордера, что позволило в свое время эскизно реконструировать проскений в дорическом ордере [Домбровский, 1960]. Основаниями для реконструкции театра послужили следующие аргументы: шаг полуколонн (равный 1 м) и фиксированная длина проскения, ограниченная фундаментом правого парода, позволили восстановить фасад проскения с 16 полуколоннами. Для реконструкции использовались находки архитектурных деталей дорического ордера : барабан колонны (полуколонны?), капитель полуколонны, триглифный фриз, выносная часть угловой карнизной плиты с мутулами и гуттами, а также ионического - двух фрагментированных барабанов колонны (?) и полуколонны, фрагментов карнизов, которые дают возможность соотнести первые с ордером проскения, а вторые – с ордером пародов. Размеры деталей дорического ордера надежно соотносятся между собой и подтесками под установку полуколонн на стилобате проскения. По стилю все детали синхронны и уверенно датируются раннеэллинистическим временем. Реконструкция ордера пародов более сложна, хотя небольшая ширина правого парода позволяет предположительно говорить о наличии пилястров или антов, фланкировавших входные проемы.

Согласно первоначальным подсчетам О.И. Домбровского, в первые века н.э. театр мог вмещать до 3000 зрителей [Домбровский, 1960, с. 36]. Что же касается театра эллинистического времени, то, как представляется, его максимальная вместимость вряд ли превышала 1000 человек, что хорошо согласуется и с количеством жилых домов, на которое был рассчитан первоначальный градостроительный план [Буйских, Золотарев, 2001, с. 130-131].

Античный театр Херсонеса являлся одним из основных градообразующих элементов в архитектурно-планировочной структуре города. Он, как и древняя агора и северо-восточный теменос, был ключевым сооружением, во многом определяющим архитектурный облик города в системе горизонтальной планировки городской территории, и представлял собой одну из главнейших архитектурных доминант.

Не подлежит сомнению, что количество общественных центров Херсонеса не ограничивалось теменосом на северо-востоке, теменосом с агорой в центральной части города и античным театром. Весьма вероятно, что какая-то часть городской территории была отведена под общественные, в том числе и культовые, монументальные сооружения в западной и в портовой частях. Однако современная археологическая ситуация в Херсонесе не позволяет пока делать по этому поводу никаких конкретных выводов.

Рамки настоящей статьи не позволяют дать развернутую картину развития херсонесской экономики времени расцвета города. Приведем лишь один пример, который наглядно показывает, что экономика Херсонесского государства в этот период развивалась очень динамично.

Выше мы отмечали, что созданные на территориальных владениях Херсонесского государства две мощные аграрные зоны по производству товарного зерна и особенно

товарного виноградарства стали краеугольным камнем херсонесской экономики. Расшифровка данных аэрофотосъемки и корректировка их по натурным исследованиям дают возможность предполагать, что, как и на Гераклейском полуострове, в Северо-Западном Крыму значительные площади были заняты виноградниками [Sceglov, 1980, p. 62-63]. По А.Н. Щеглову, эксплуатировавшийся Херсонесом под виноградники земельный фонд на Гераклейском полуострове составил около 100 км^2, в западной части Тарханкутского полуострова виноградники занимали около 199 км^2, а на южном побережье Тарханкута - 50-60 км^2 [Sceglov, 1992, p. 252-258]. Сравнение площадей, занятых виноградниками, с размерами хлебных полей дает возможность предположить, что получаемый херсонесскими земледельцами хлеб намного уступал по количеству производимым продуктам виноградарства. Есть все основания думать, что выращенного в Северо-Западном Крыму хлеба хватало в основном лишь для внутреннего потребления, и только незначительная часть получаемого здесь зерна могла быть товарным продуктом. В этой связи становятся более понятными строгие санкции Присяги граждан Херсонеса (IOSPE, I^2 № 401), ограничивающие возможность вывоза хлеба за пределы Херсонесского полиса. Иными словами: виноградарство и осуществляемая на его основе виноторговля становятся базовыми отраслями херсонесской экономики.

Необходимость обеспечения тарной продукцией транспортировки херсонесского вина явилось главной причиной высокого уровня развития в полисе керамического производства. В юго-восточной части Херсонеса, за городскими стенами, располагался керамический комплекс, состоявший из 16 обжигательных печей, объединенных в четыре мастерские. Мастерские изготавливали различную продукцию, но основной была керамическая тара [Борисова, 1958, с. 147-152]. Второй специализированный участок херсонесского керамика по производству тары существовал у Песочной бухты в западной части города, тоже за оборонительными стенами [Монахов, 1984, с. 122].

По самым приблизительным подсчетам, херсонесские виноделы производили в год около 10-12 млн. литров вина. Если предположить, что товарный продукт для экспорта мог составлять около половины производимого вина, то и в этом случае для его транспортировки требовалось колоссальное количество амфорной тары. Основным метрологическим стандартом производящихся в этот период в Херсонесе амфор были сосуды в 17,51 л [Монахов, 1989, с. 93-94]. Для бесперебойного обеспечения винного экспорта было необходимо ежегодное изготовление около 300 000 амфор этого метрологического стандарта [Whitbread, 1995, p. 16]. С такой задачей успешно справлялись керамические мастерские, специализирующиеся в первую очередь на изготовлении керамической тары. Особая роль амфорного производства в керамическом ремесле Херсонеса подтверждается наличием в городе (единственном в Северном Причерноморье!) специальной магистратуры и осуществляемого на протяжении почти двух столетий астиномного клеймения керамической тары [Кац, 1994].

Ключевое значение имеет вопрос о том, кто же был потребителем этого колоссального количества херсонесского вина и, в этой связи, куда было направлено острие херсонесской торговли? Нам представляется, что херсонесские купцы сумели не только найти необъятный рынок для продукции херсонесских земледельцев, но и по-новому сориентировали международную виноторговлю во всем Северном Причерноморье. Если раньше Херсонес в основном осуществлял посредническую торговлю с эллинским населением Причерноморья, то после создания собственной развитой специализированной аграрной винодельческой структуры его продукция буквально хлынула в гущу варварского мира и в первую очередь в Скифию. При этом херсонесские купцы «отодвинули» на второй план в системе северопонтийской международной торговли старые виноторговые центры, традиционно ориентированные в основном на греческую межполисную торговлю. В изменившихся условиях сложившегося нового рынка, при которых приоритетной составляющей становится греко-варварская торговля, лидирующие позиции в виноторговле занимает Херсонес. Не выдержавшие конкуренции обильного и дешевого херсонесского вина старые понтийские торговые центры (прежде всего - Гераклея Понтийская) вынуждены уступить херсонесским купцам пальму первенства.

Косвенным свидетельством победы

Херсонеса в конкурентной борьбе за северопонтийский винный рынок является прекращение практики клеймения Гераклеей керамической тары. В конечном итоге, гераклеоты под натиском конкуренции херсонесских товаров вынуждены были резко свернуть свою торговую активность в Северном Причерноморье. В этой ситуации отпадает необходимость в производстве большого количества керамической тары и по этой причине происходит резкое сокращение собственного керамического производства в Гераклее Понтийской.

Херсонесские купцы-виноторговцы осваивают и успешно эксплуатируют два пути движения потока товаров из Херсонеса к двум крупнейшим скифским торжищам. Первый путь (морской) пролегал от Херсонеса к Елизаветовскому поселению в дельте Дона, второй (сухопутно-речной) - к Каменскому городищу в среднем течении Днепра [Золотарев, 2000, с. 22-26].

Успешная торговля вином со Скифией гарантировала стабильное развитие основополагающей отрасли херсонесской экономики, аграрной по своей сути, базирующейся на виноградарстве и виноделии. Херсонес превратился в процветающий и богатый полис, некоторые граждане которого стали обладателями внушительных состояний. О материальном достатке отдельных херсонеситов и их авторитете в северопонтийских полисах можно судить из текста почетного декрета в честь сыновей херсонесита Аполлония, найденного при раскопках Ольвийского теменоса (НО 28+29+123+IPE I^2, 240).

Новейшее прочтение Ю.Г.Виноградовым текста этого документа позволяет реконструировать ход событий, предшествовавших его принятию. Херсонесский гражданин Аполлоний, сын Эвфрона, одолжил ольвиополитам 3 000 золотых статеров под проценты на неопределенный срок и установил порядок возвращения займа и процентов, что и было зафиксировано в соответствующем договоре. Однако из-за плохого состояния городского хозяйства выплата процентов и возвращение долга растянулись на такой продолжительный срок, что Аполлоний успел скончаться, а долг унаследовали его три сына. Понимая, что из-за крайне тяжелого финансового положения ольвийского полиса получить огромный основной капитал и проценты они полностью не смогут, наследники покойного Аполлодор, Аполлоний и Эвфор пошли на ряд важных уступок ольвийской общине по выплатам долга, за что около середины III в. до н.э. были удостоены почетного декрета [Виноградов, 1989, с. 209-217].

Этот сам по себе интереснейший памятник особо важен для темы нашего исследования, так как показывает, что в Херсонесе в конце IV - первой половине III в. до н.э. были очень богатые граждане, имеющие возможность давать взаймы баснословные суммы. Мы полагаем, что причастные к винной торговле с варварским миром некоторые херсонесские семьи (такие, как Аполлоний и его сыновья) могли быстро накапливать громадные состояния.

Итак, на рубеже классики и раннего эллинизма Херсонес предстает перед нами как экономически мощное военно-политическое государственное образование - крупнейший центр эллинской культуры в Северном Причерноморье.

Экономический расцвет Херсонесского государства продолжался около полустолетия. В конце первой трети III в. до н.э. начинаются коренные изменения военно-политической обстановки в Причерноморье, связанные с началом передвижения новых кочевых варварских масс [Марченко, 1996, с. 72]. Вторжение кочевничьих орд в Причерноморские степи повлекло за собой не только коренную ломку жизненных устоев кочевых скифов, но и положило начало затяжному кризису в связанных с ними крепкими экономико-политическими узами греческих полисах.

Под ударами варваров Херсонес окончательно теряет дальнюю хору в Северо-Западном Крыму, а ближняя, на Гераклейском полуострове, покидается эллинами-земледельцами и постепенно жизнь здесь почти полностью замирает. Утрата Херсонесским государством сырьевых баз, основной составляющей его экономики, тяжело отразилась на всех сферах жизни полиса. С этого момента Херсонесское государство вступает в полосу общего для всего Северного Причерноморья экономического и политического кризиса, растянувшегося почти на все третье столетие до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А.П. Типология и хронология амфор о. Хиос // Древности Боспора 5. - М., 2002.
Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ 25. - Свердловск, 1990.
Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. - Севастополь, 1938.
Белов Г.Д. Ионийская керамика из Херсонеса // Труды государственного Эрмитажа XIII. - Л., 1972.
Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА 33. - 1954.
Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса // СА 4. - 1958.
Борисова В.В. Эллинистические архитектурные детали // Сообщения херсонесского музея I. - Симферополь, 1960.
Брашинский И.Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ 2. - 1970.
Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-77. - Тбилиси, 1979.
Буйских С.Б. К проблеме территориальных владений ольвийского полиса в IV в. до н.э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. - Севастополь, 1997.
Буйских А.В. Жилые дома на северном берегу Херсонеса // ХСб. X. - Севастополь, 1999.
Буйских А.В. Рец: The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology (Ed. Gocha R. Tsetskhladze). Stutgard, 1998 // ВДИ 1. - 2002.
Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ 1. - 2001.
Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. - М., 1989.
Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. IX. - Севастополь, 1998.
Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности. - М., 1999.
Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. - М., 1990.
Вонсович А. Березань - самый ранний план регулярной застройки в Причерноморье // Археологія 4. - 2001.
Гайдукевич В.Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА 116. - М., 1969.
Доманский Я.В. К предыстории Херсонеса Таврического // Античный мир и археология 2. - Саратов, 1974.
Домбровский О.И. Работы на участке херсонесского театра в 1991-1994 гг. // Археологические исследования в Крыму 1994 г. - Симферополь, 1997.
Домбровский О.И., Паршина Е.А. Архитектурные детали античного Херсонеса // Сообщения херсонесского музея II. - Симферополь, 1961.
Жеребцов Е.Н. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV-I вв. до н.э. // КСИА 145. - 1976.
Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА 3. - 1992.
Зедгенидзе А.А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА 159. - 1979.
Зограф А.Н. Две группы Херсонесских монет с заимствованными типами // ИРАИМК V. - Л., 1927.
Зограф А.Н. Античные монеты // МИА 16. - М.-Л., 1951.
Золотарев М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-77. - Тбилиси, 1979.
Золотарев М.И. Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. // ВДИ 1 1984.
Золотарев М.И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V-II вв. до н.э. по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Чтения памяти профессора П.О.Карышковского. Тезисы докладов конференции. - Одесса, 1989.
Золотарев М.И. Херсонесская архаика. - Севастополь, 1993.
Золотарев М.И. К хронологии юго-восточной линии обороны Херсонеса Таврического // Фортификация в древности и средневековье. - СПб, 1995.
Золотарев М.И. Древнейший этап жилого строительства в дорийском Херсонесе // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти профессора П.О. Карышковского. - Одесса, 1998.
Золотарев М.И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. IX. - Севастополь, 1998а.
Золотарев М.И. Торговые коммуникации между Херсонесом и Скифией в конце IV - первой трети III в. до н.э. // Донская археология 1. - 2000.
Золотарев М.И. О государственных границах Херсонеса Таврического в IV в. до н.э. // ХСб. XI. (ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова). - Севастополь, 2001.
Золотарев М.И., Буйских А.В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ 3. - 1994.
Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. - Одесса, 1990.
Золотарьов М.І. Про початковий етап будівництва в антічному Херсонесі // Археологія 3. - 1990.
Золотарьов М.І. Міжполісні відносини в Північному Причорномор'і в кінці V - першій половині IV ст. до н.е. Херсонес, Боспор та Ольвія // Археологія 4. 1991.
Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. - Л., 1947.
Карасев А.Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. - М.-Л., 1964.
Кац В.И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм) // Античный мир и археология 4. - Саратов, 1979.
Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. - Саратов, 1994.

Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. - IV в. н.э.). - Киев, 1982.
Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида VI-II вв. до н.э. - Киев, 1990.
Кутайсов В.А. Керкинитида. - Симферополь, 1992.
Кутайсов В.А. Ольвия и Северо-западный Крым // Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. - Київ, 2001.
Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. - Киев, 1966.
Максимова М.И. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА 33. - 1954.
Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. - М.-Л., 1956.
Мальмберг В.К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888-1889 гг. // МАР 7. - 1892.
Манцевич А.П. Ритон Талалаевского кургана // История и археология древнего Крыма. - Киев, 1957.
Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА 4 - 1996.
Махнева О.А., Пуздровский А.Е. Погребения IV в. до н.э. на участке раскопок античного театра в Херсонесе // ХСб. IX. – Севастополь, 1998.
Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического. Опыт системного анализа. - Саратов, 1989.
Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // Античный мир и археология 9. - Саратов, 1993.
Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Часть I. - Севастополь, 1999.
Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. - Симферополь, 1990.
Пичикян И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. - М., 1984.
Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus 3. - СПб.-Кишинев-Одесса, 1999.
Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг. // ХСб. VIII. - Севастополь, 1997.
Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношение метрополии и колонии в VI-I вв. до н.э. - М., 1986.
Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. - Киев, 1964.
Соломоник Э.И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ 3. 1984.
Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. - Симферополь, 1990.
Тюменев А.И. Херсонесские этюды, 1-2 // ВДИ 2. - 1938.
Фролов Э.Д. Гераклейские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. - Тбилиси, 1981.
Шелов Д.Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ 3. - 1950.
Шелов Д.Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. - М., 1967.
Щеглов А.Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (юго-западный Крым) // История и археология юго-западного Крыма. - Симферополь, 1993.
Щеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. - Симферополь, 1994.
Щеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: III. Следы архаического поселения в вершине Казачьей бухты // БИАС I. - Симферополь, 1997.
Asheri D. Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike, in: Ergänzungsbände zu TAM. Nr. S. - Wien, 1972.
Burstein S. Outpost of Hellenism: the Emergence of Heraclea of the Black Sea. - Berckeley, 1976.
Chtcheglov A. Polis et chora. Cite et territoire dans le Pont-Euxin. - Paris, 1992.
Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. - Oxford, 1952.
Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Bd. I. - Berlin, 1931.
Sceglov A. N. Utilisation de la photographique aérienne dans l'étude du cadastre du Chersonesos Taurique (IVe-IIe s. av. n.e) // DHA 6. - 1980.
Saprykin S.Yu. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I centuries B.C.). - Amsterdam, 1997.
Saprykin S. The Foundation of Tauric Chersonesus // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. Gocha R. Tsetskhladze. - Stuttgart, 1998.
Schneiderwirth H. Das pontische Heraklea. Bericht über das Schuljahr 1881-1882 des Kather. - Gymnasiums zu Heiügenstadt, 1882.
Shcheglov A.N., Katz V.I. A Fourth-Century b.c. Royal Kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum Journal 26. - 1991.
Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. - Mainz, 1997.
Vinogradov Yu.G. Die olbiopoliten in der nordwest Tauris // Pontische Studien. - Mainz am Rhein, 1997.
Vinogradov Ju.G., Zolotarev M.I. La Chersonèse de la fin de l'archaisme // in: Le Pont-Euxin vu par les Grecs. - Paris, 1990.
Vinogradov Y.G, Zolotarev M.I. Worship of the Sacred Egyptian Triad in Chersonesus (Crimea) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5. - 1999.
Vinogradov Yu., Zolotarev M. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica analisi comparata con gli ostraka dal kerameikos di Atene // Minima epigraphica et papyrologica 2. - 1999a.
Whitbread I.K. Greek Transport Amphorae // A Petrological and Archaeological Study. - Exeter, 1995.
Zolotarev M.I. A Boeotian Lekanis from Chersonesus // Ancient Civilization from Scythia to Siberia 1. - 1994.
Zolotarev M.I, Byiskhih A.V. The Temenos of Ancient Chersonesos: An Attempt at an Architectural Reconstruction // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 2. - 1995.

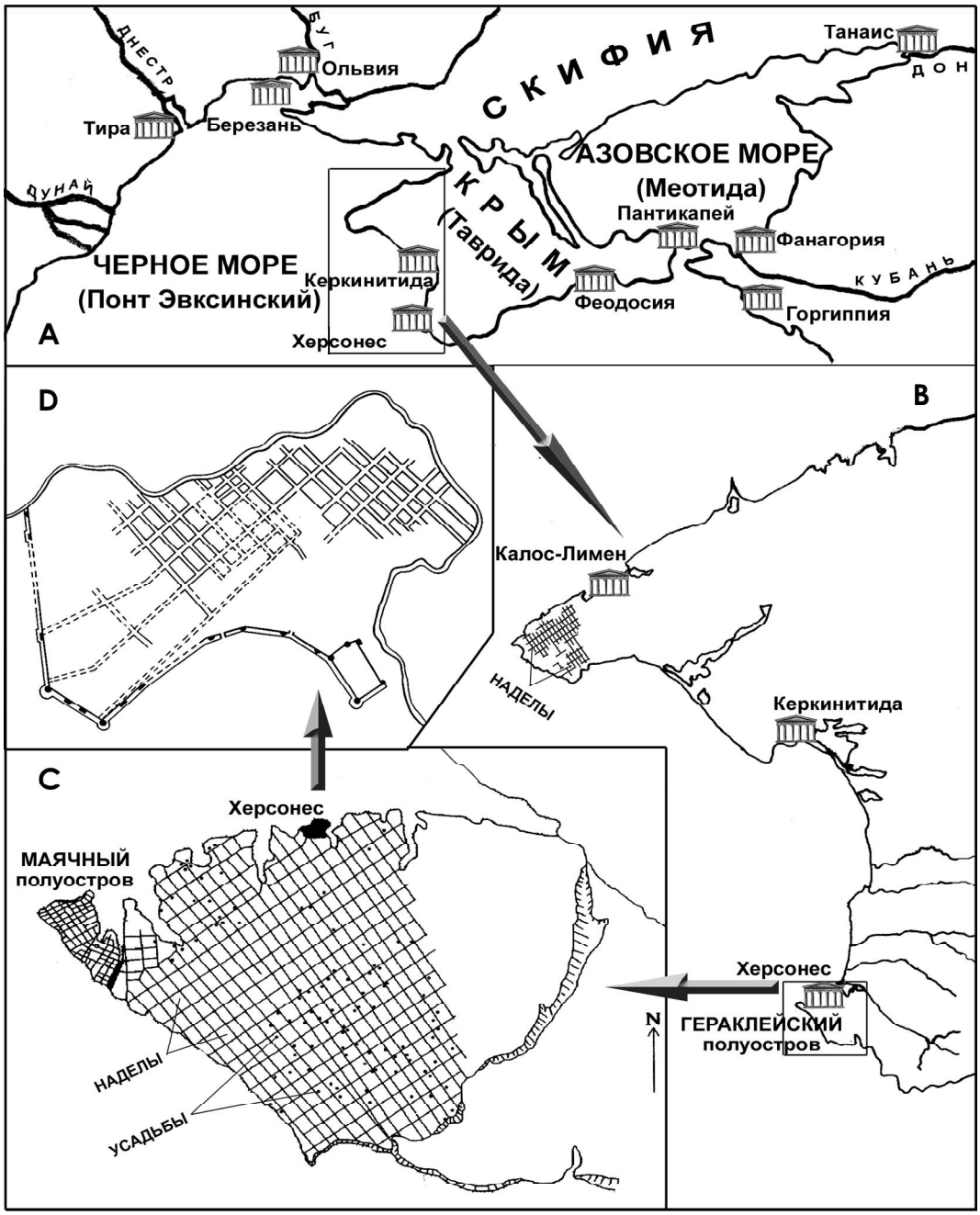

Рис. 1. A. Северное Причерноморье. B. Северо-Западный Крым.
C. Гераклейский полуостров. D. Херсонес Таврический.

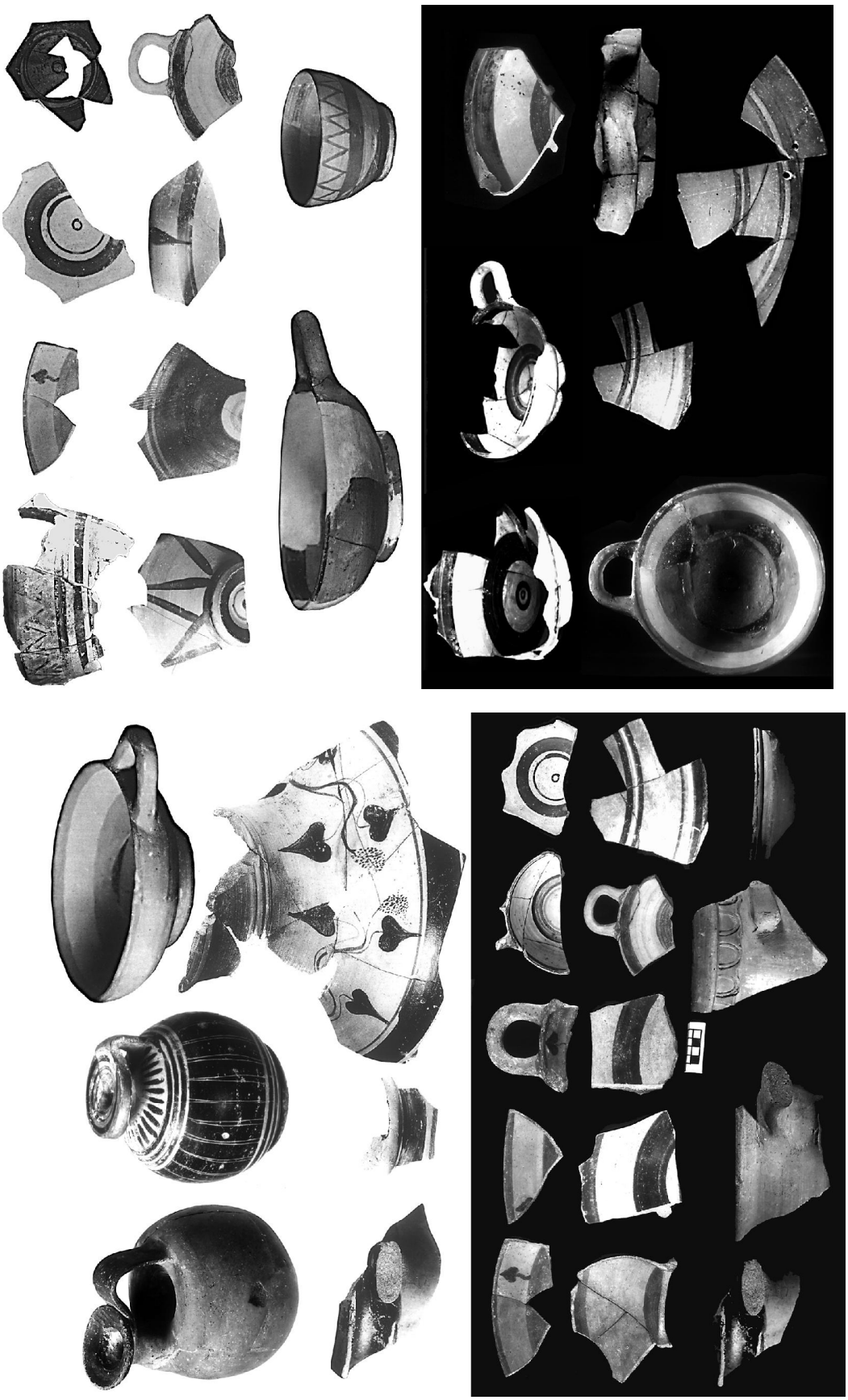

Рис. 2-3. Ионийская столовая посуда из Херсонеса Таврического.

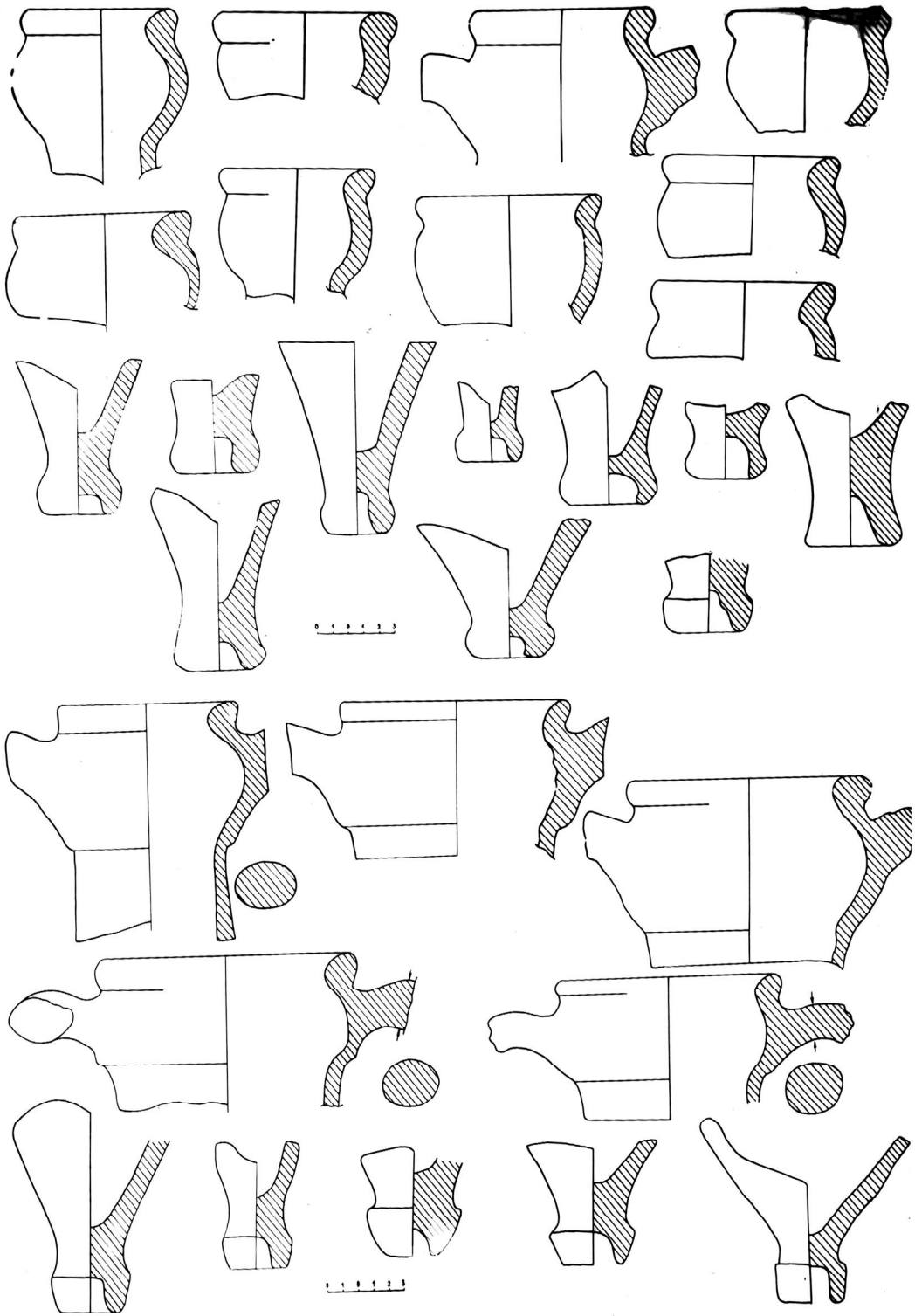

Рис. 4. Фрагменты архаических амфор.

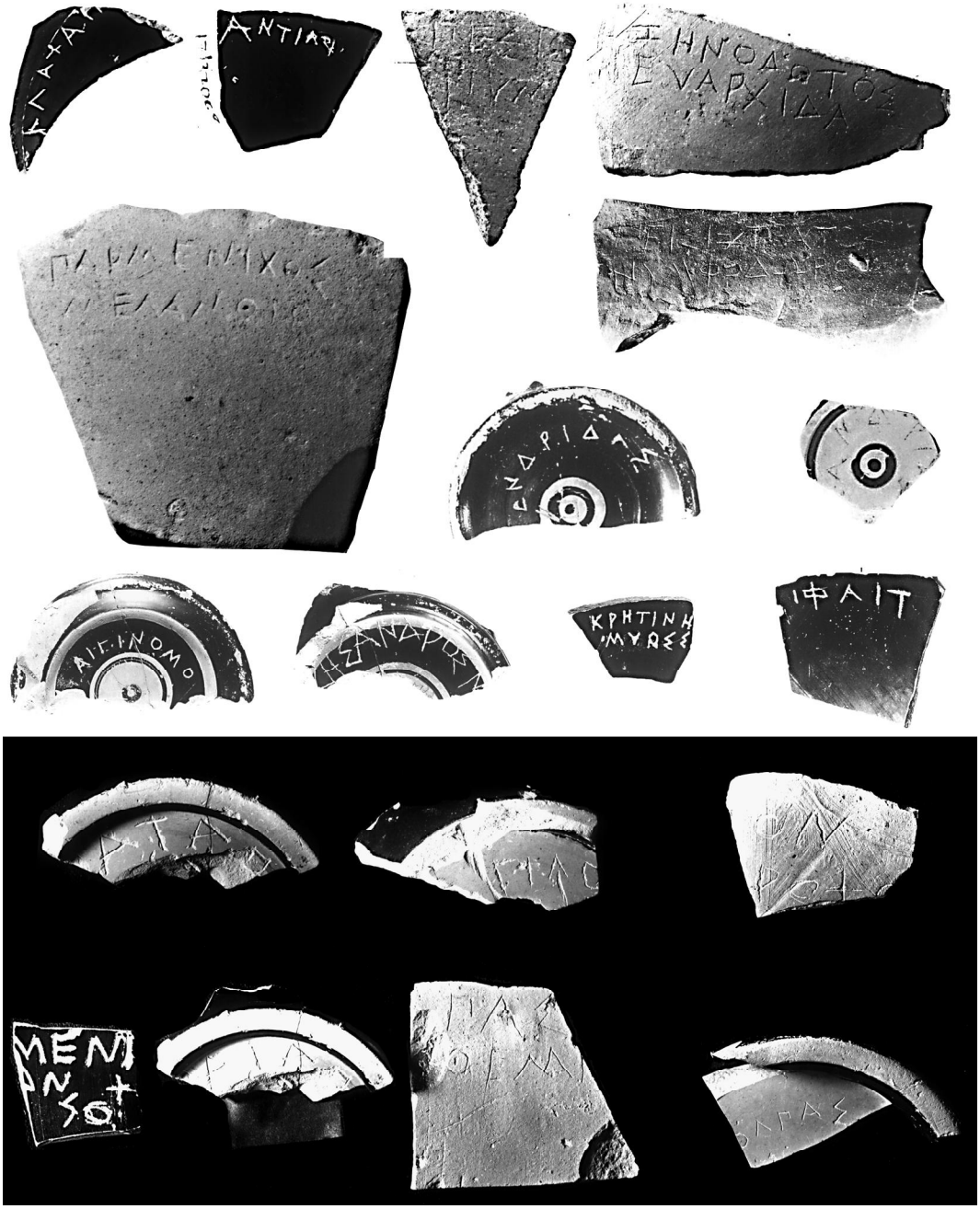

Рис. 5. Керамические остраконы из Херсонеса Таврического.

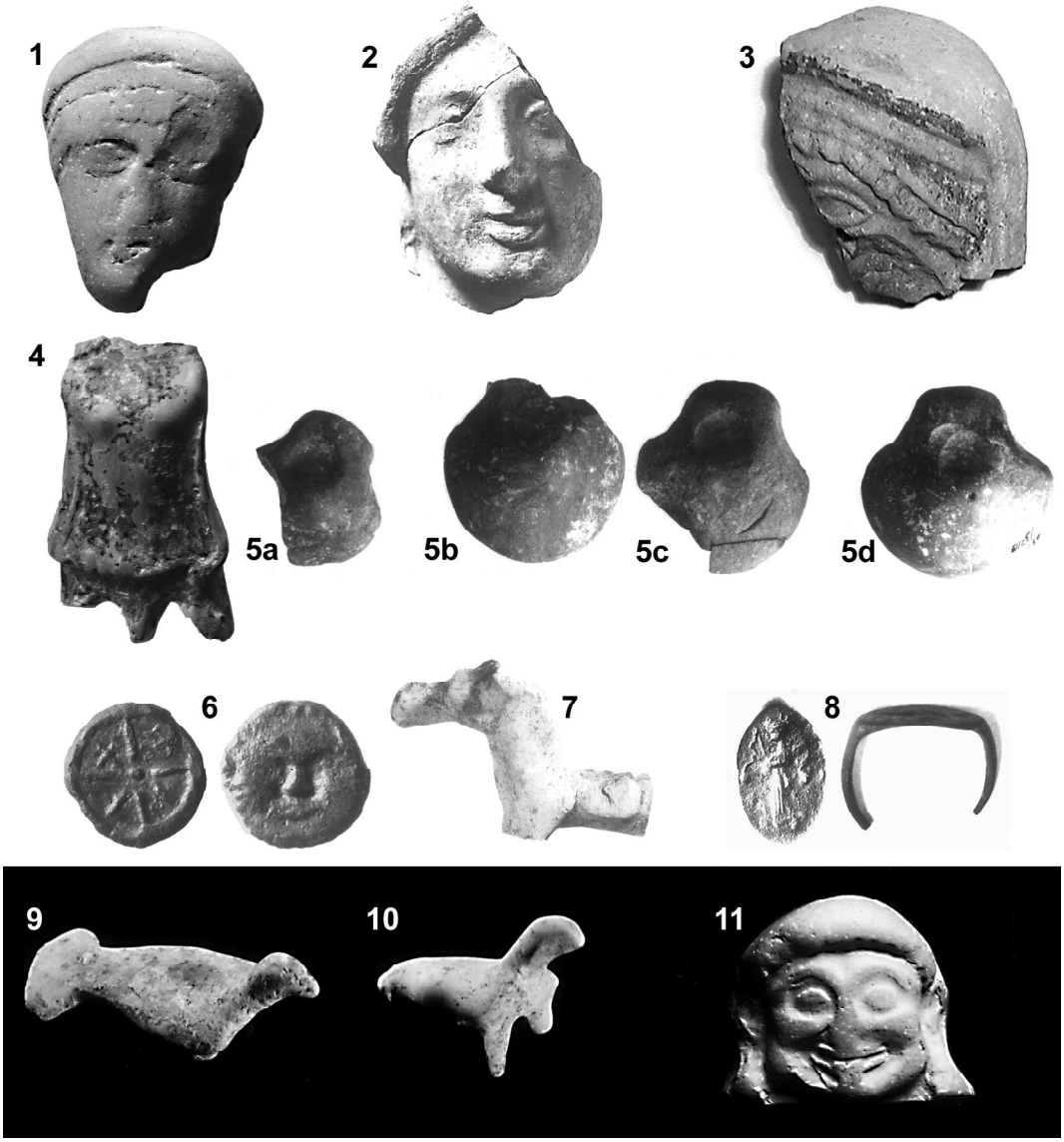

Рис. 6. Находки архаического периода из Херсонеса Таврического.
1-4, 7, 9-11. Фрагменты терракотовых статуэток.
5a-5d. Керамические ритуальные хлебцы.
6. Архаическая литая монета. 8. Бронзовый перстень.

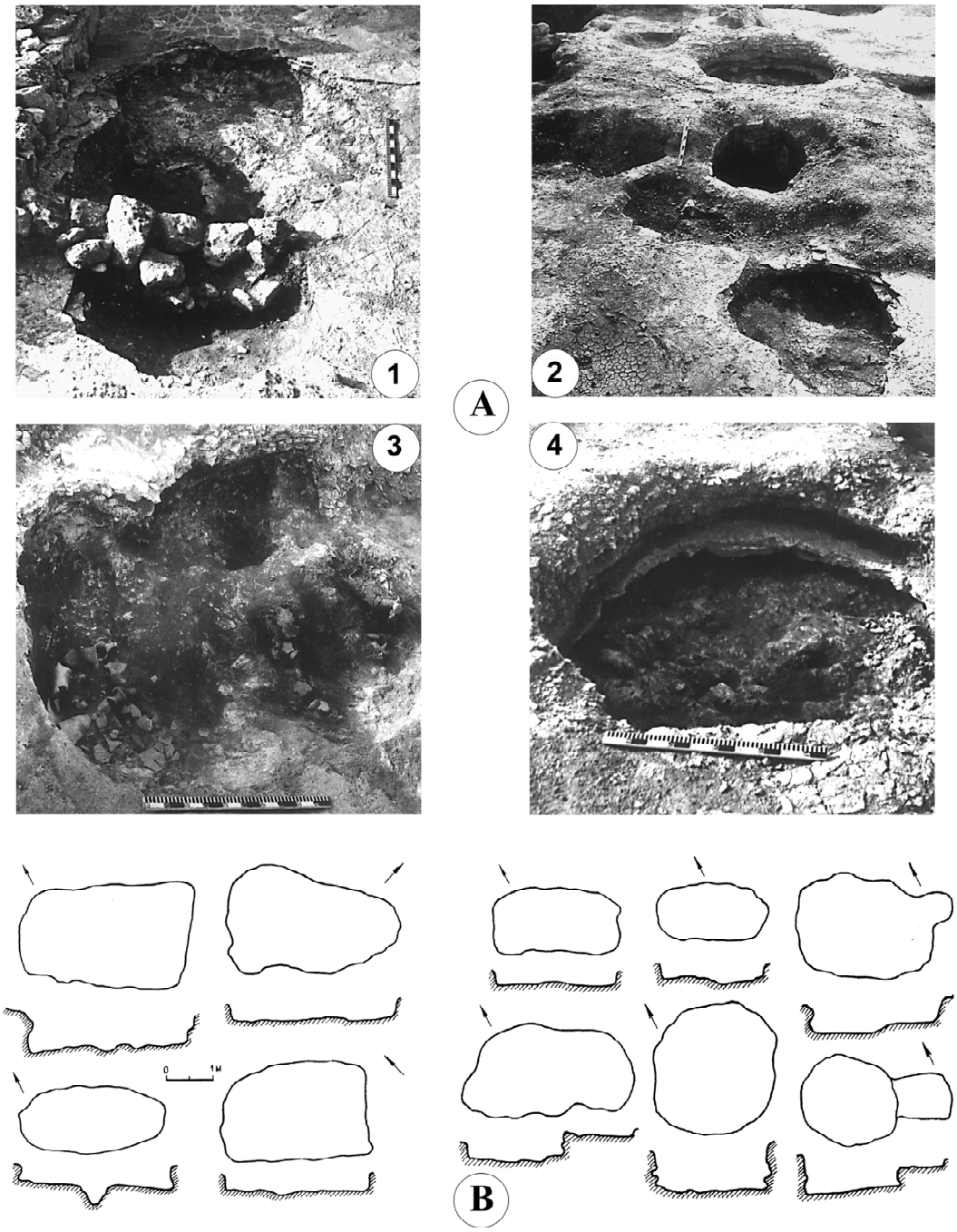

Рис. 7. Полуземляночные структуры античного Херсонеса.
А. Варианты полуземлянок. В. Планы и разрезы полуземлянок.

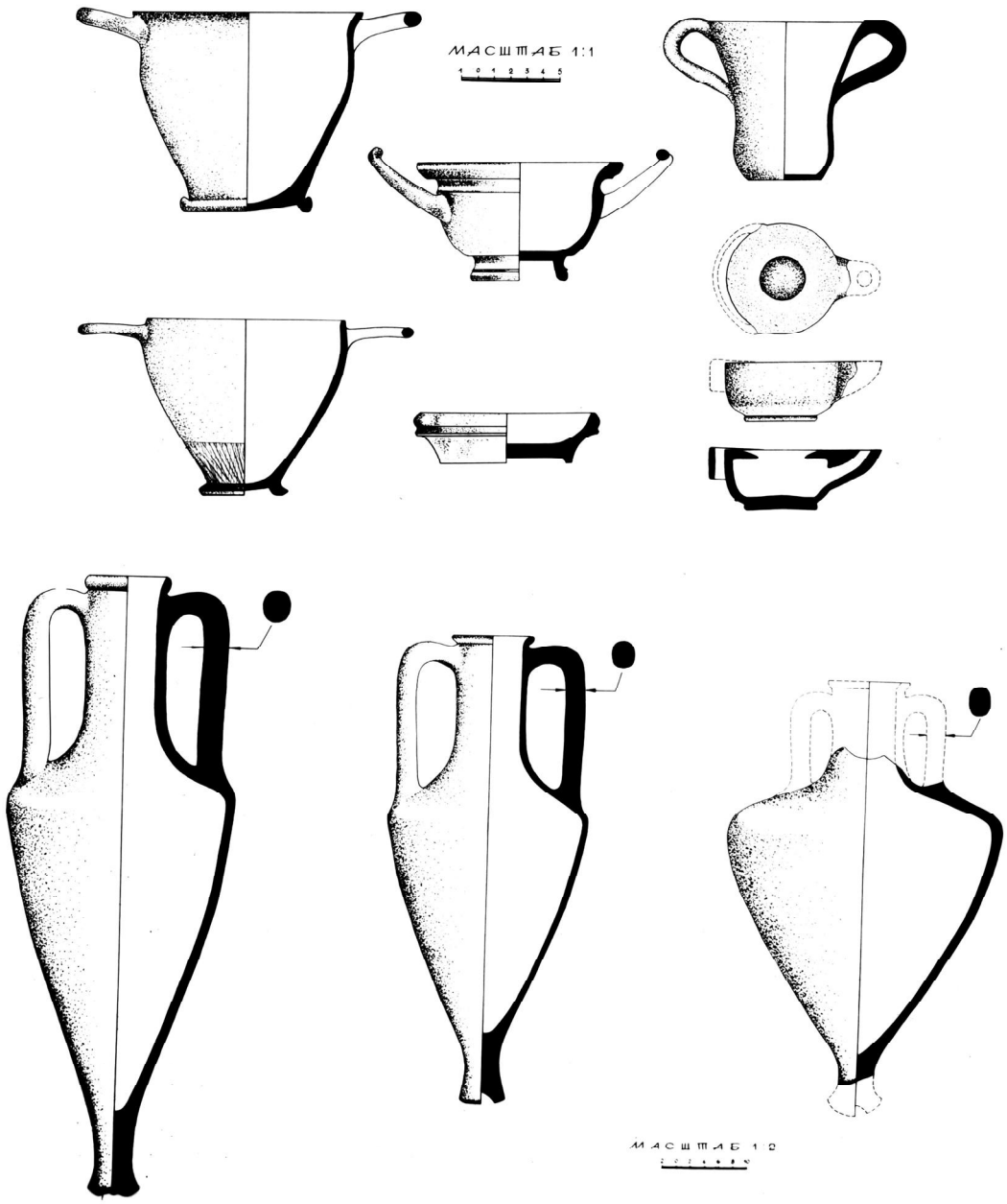

Рис. 8. Археологические находки из полуземлянок Херсонеса.

Рис. 9. Фрагменты расписной чернофигурной керамики (без масштаба).
1. Крышка беотийской леканы. 3, 4, 8. Аттические лекифы мастерской Белдама. 5a, 5b, 6, 7, 15. Аттические килики мелкофигурного стиля. 12, 16. Кратеры. 9, 11, 13, 14, 17, 18. Чернофигурные аттические лекифы.

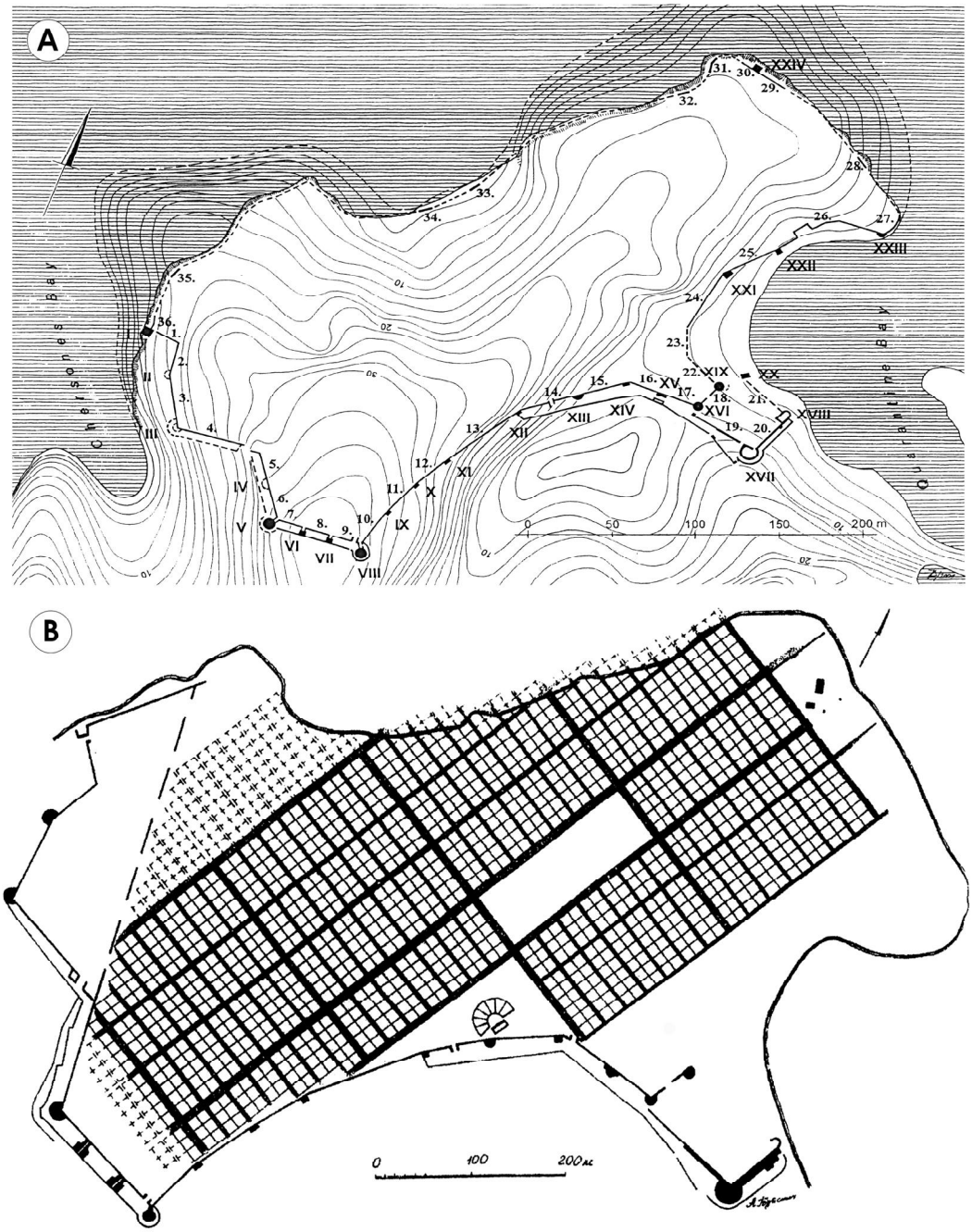

Рис. 10. А. Топография Херсонеса Таврического (по М. Золотареву и А. Буйских).
В. Идеальный план Херсонеса Таврического.

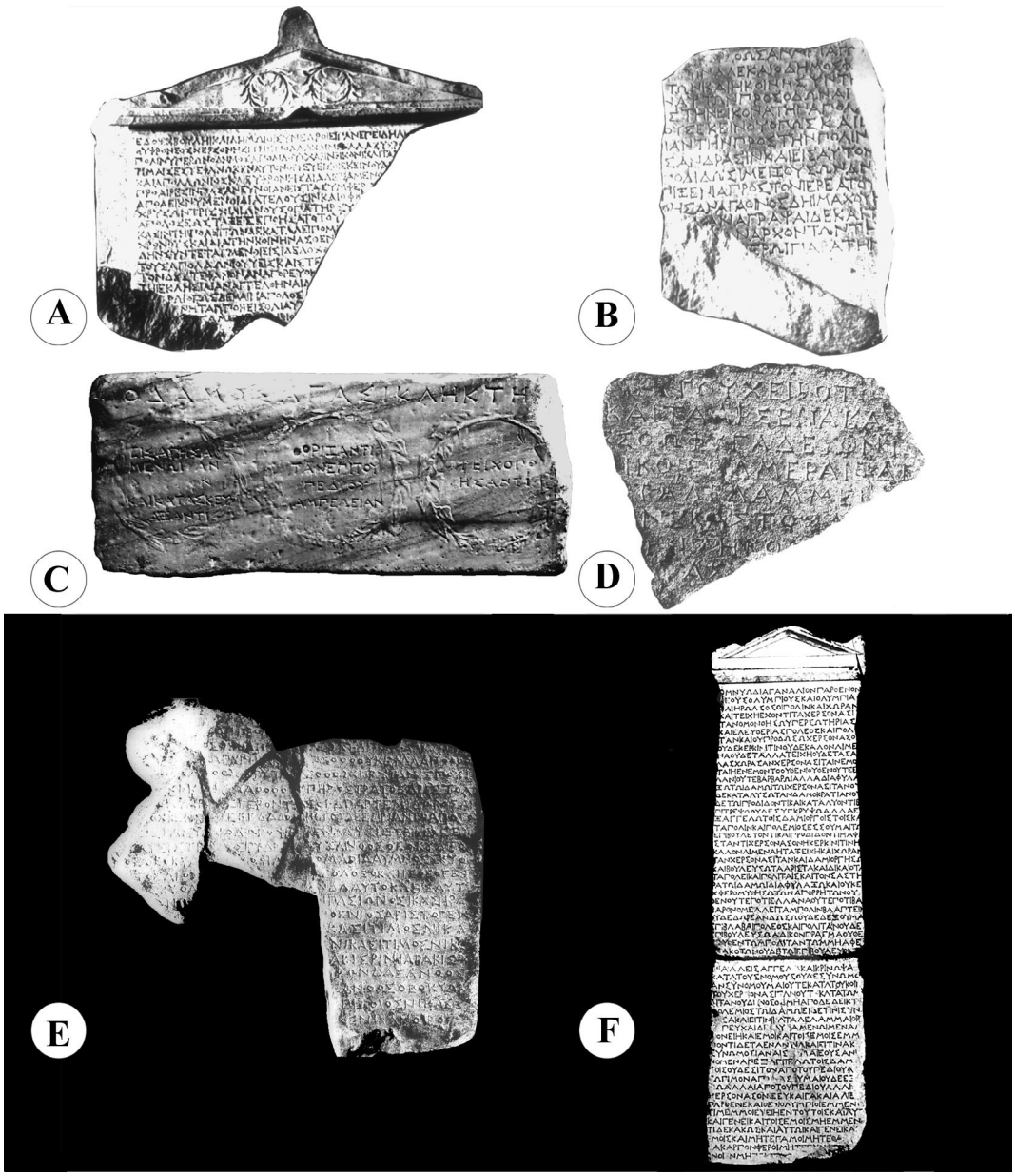

Рис. 11. Эпиграфические памятники. A, B. Декрет из Ольвии в честь сыновей Аполлония, гражданина Херсонеса (первая половина III в. до н.э.). C. Постамент статуи Агасикла (конец IV в. до н.э.). D. Херсонесский декрет об изгнанниках (IV в. до н.э.). E. Надпись о продаже земли (конец IV в. до н.э.). F. Присяга граждан Херсонеса (конец IV в. до н.э.).

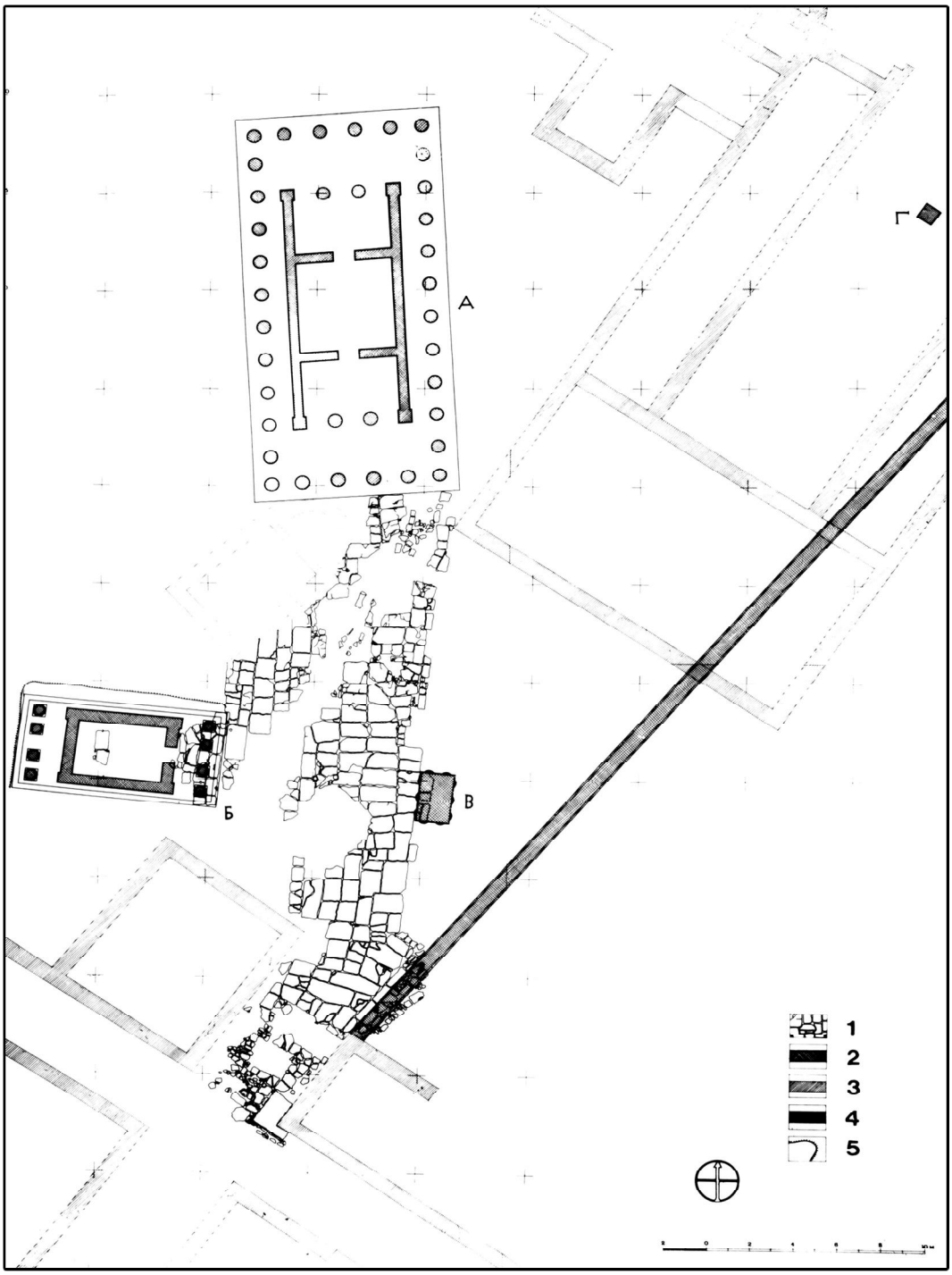

Рис. 12. План восточного теменоса античного Херсонеса (по М. Золотареву и А. Буйских).

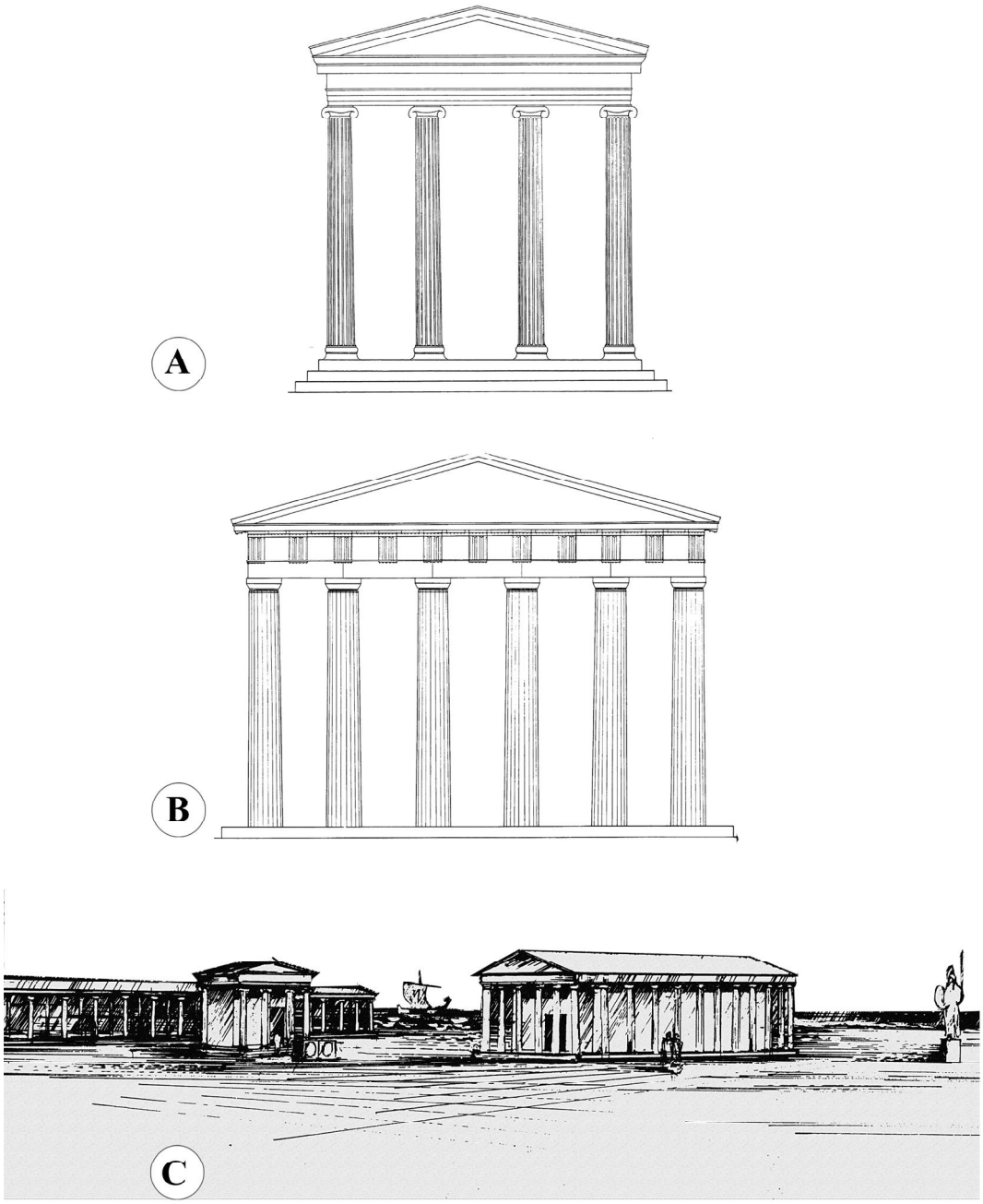

Рис. 13. Восточный теменос античного Херсонеса (по М. Золотареву и А. Буйских).
A. Реконструкция храма ионического ордера. B. Реконструкция храма дорического ордера.
C. Графическая реконструкция теменоса.

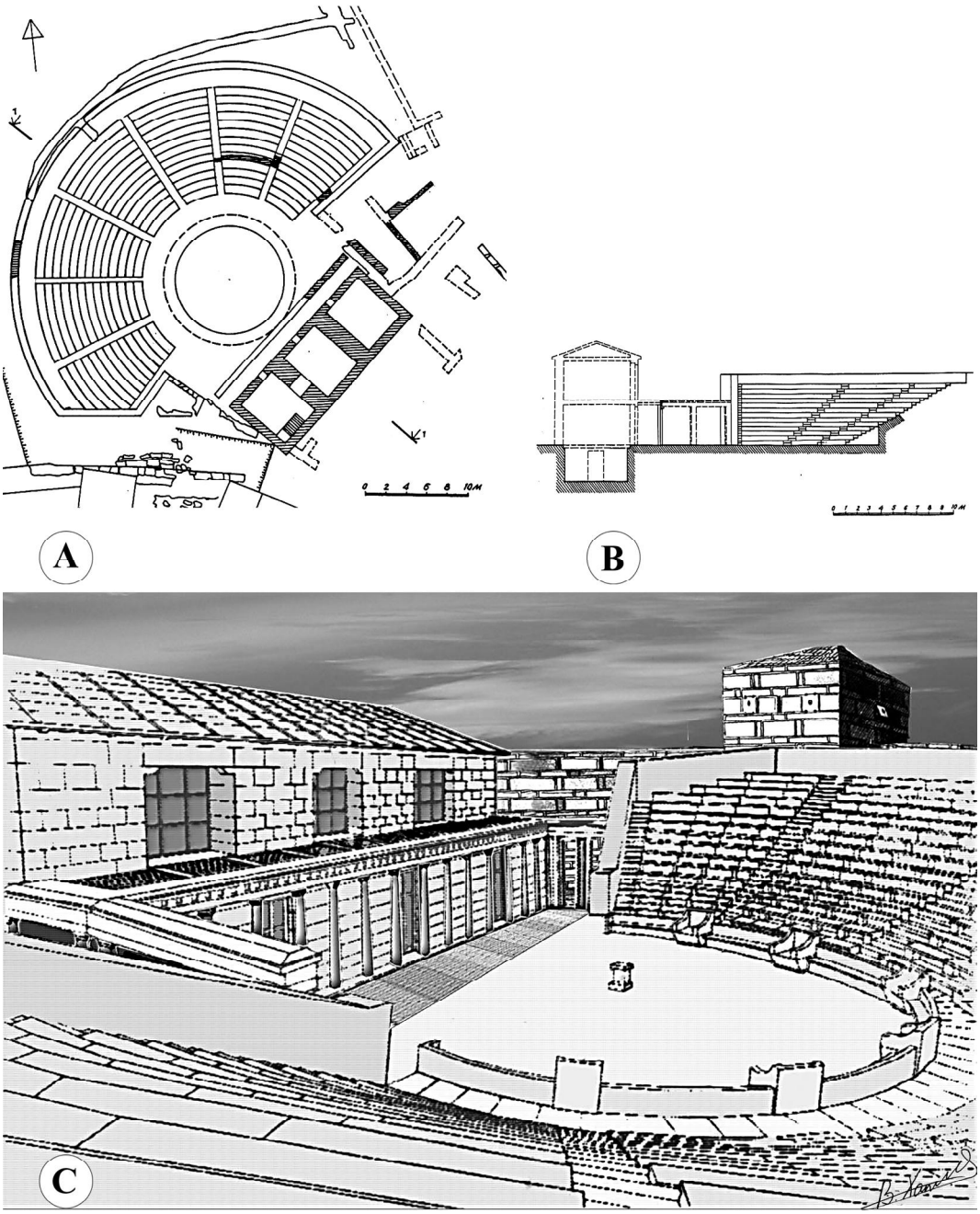

Рис. 14. Античный театр Херсонеса (IV-II вв. до н.э.).
А. План. В. Разрез. С. Графическая реконструкция.

Н.П. АНДРУЩЕНКО

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКИИ АНТИЧНЫХ ВИНОДЕЛЕН: ХЕРСОНЕССКИЙ «ДОМ ВИНОДЕЛА»

В 1990-е гг. во время раскопок на участке так называемой «казармы» Херсонесского городища экспедицией М.И. Золотарева был найден каменный блок. Мирон Ильич высказал предположение, что блок являлся элементом рычажного пресса, применявшегося греками для выдавливания виноградного сока.

Однако блок порождал больше вопросов, чем ответов. Как этот тяжеленный камень оказался на данном месте? Почему вблизи нет ничего, что связывало его с винным производством?* Находка была случайной, не вписывалась в задачи поиска и особого интереса не вызвала. По воспоминаниям С.В. Ушакова, одного из участников археологической экспедиции, каменный блок во время раскопок перекатывали с места на место, пока вообще не выкатили за пределы участка, чтобы не мешал. Его основные параметры по форме представляют собой близкий к кубу параллелепипед с размерами в плане 0,75х0,85 м, высотой 0,7 м и весом около одной тонны (рис.1). По двум противоположным сторонам выдолблены пазы в виде «ласточкина хвоста». На верхней горизонтальной плоскости - круглое углубление диаметром 26 см и глубиной 18 см. В свое время В.Ф. Гайдукевич привел рисунки нескольких каменных грузов, найденных в Малой Азии[1], один из которых по размерам точно совпадает с херсонесской находкой (рис. 2).

Откуда мог взяться случайно найденный каменный элемент пресса? Заметим, что во время раскопок 1947-1948 гг. в XVIII квартале Херсонеса была открыта винодельня, так называемый «дом винодела», где, по свидетельству Г.Д. Белова, наряду с другими находками было «найдено несколько крупных блоков с вырезами на сторонах, которые могли служить грузом для рычага»[2]. Ознакомившись с результатами тех раскопок, С.Ф. Стржелецкий упрекнул Г.Д. Белова в том, что тот «... не указал размера и деталей крепления этих грузов. К отчету не приложены чертежи или хотя бы фотографии их»[3]. Где эти грузы теперь неизвестно. Но мы можем предположить, что один из каменных блоков, извлеченных из земли в 1947 г., каким-то образом оказался в другом месте и был вторично обнаружен экспедицией М.И. Золотарева спустя 50 лет.

Рассмотрим вариант возможного использования каменного груза в винодельческом производстве. Как крепился винт к каменному грузу? Рычаг мог притягиваться как с помощью ворота, так и винта. Круглое углубление в верхней горизонтальной плоскости найденного блока, вне всякого сомнения, сделанное под деревянный стержень, однозначно свидетельствует о том, что пресс был рычажно-винтовым.

Остановимся подробнее на самой конструкции крепления вертикального стержня к каменному грузу. Она, скорее всего, была подобна той, которую наблюдал Пэтон[4] на острове Калимне в Эгейском море[5] (рис. 3). Опираясь на аналогию, можно предположить, каким было соединение деревянного винта с каменным грузом в прессе херсонесского «дома винодела» (рис. 4). Нижний (без резьбы) конец деревянного винта продевался через круглое отверстие в горизонтальной доске-держателе. Под доску (для ее фиксации на стержне винта) вставлялся в винт поперечный штырь-фиксатор. Вполне вероятно, что отверстие в доске было обрамлено металлическим кольцом, чтобы выступающие части штыря не разрушали доску во время работы пресса. После этого нижний конец винта вместе с надетой на него доской, закрепленной штырем, вставлялся вертикально в круглое отверстие. Доска-держатель ложилась плашмя на верхнюю поверхность камня таким образом, чтобы через специальные прорези в ней прошли торчащие над камнем верхние концы вертикальных боковых деревянных стоек. Эти расширяющиеся к низу стойки были заблаговременно вставлены в пазы, выдолбленные в форме «ласточкина хвоста». Усилие, направленное, вверх плотно заклинивало стойки в пазах. Доску-держатель прижимали к камню клиновидными шпонками, продетыми

сквозь отверстия в выступающих над доской верхних концах стоек. Чтобы не ослаблять прочность винта, штырь должен был быть небольшого сечения и, скорее всего, изготовлен из металла, поскольку через штырь передавалось громадное усилие, притягивающее рычаг к каменному грузу. Так как винт помещался в углублении вместе с поперечным штырем, длина штыря не могла быть больше диаметра этого углубления. В данном случае - не более 26 см. Если учесть, что штырь выступал по обеим сторонам винта приблизительно на 4 см, то можно предположить, что диаметр деревянного винта был не более 18 см.

Крепление каменного груза к винту могло быть как жестким, так и подвижным. При жестком креплении груз вращался вместе с винтом. В этом случае форма поперечного сечения штыря-фиксатора не имела принципиального значения. Жесткое крепление применялось при небольшом весе каменного груза, так как в момент старта приходилось преодолевать силу трения, возникающую между поверхностью груза и поверхностью пола. Сдвинуть с места тяжелый груз было бы непросто. Штырь в такой конструкции мог находиться между верхней плоскостью камня и доской. В этом случае диаметр отверстия в камне мог быть значительно меньше. Подвижное крепление позволяло свободно вращаться винту при неподвижном каменном грузе. Для этого штырю-фиксатору придавалась цилиндрическая форма, уменьшающая силу трения. Как правило, подвижное крепление применялось при большом весе каменного груза. Нет сомнения, что в херсонесском «доме винодела», где вес груза достигал 1 т, должно было применяться именно такое крепление с использованием цилиндрического штыря-фиксатора.

Каменный груз винтового пресса в процессе работы мог быть подтянут к рычагу и, зависая в воздухе, оставался неподвижным, заставляя рычаг силой земного тяготения медленно опускаться по мере выдавливания сока из виноградной мезги. Все зависело от конструктивного решения, т.е. от применения относительно легкого или тяжелого груза. На это обратил внимание Н.И. Винокуров[6]. Тем не менее, до сих пор бытует мнение, что каменный груз при вращении винта, подтягиваясь к рычагу, обязательно отрывался от пола. Возникновение этого устойчивого стереотипа объясняется аналогией с конструкцией, в которой использовались подвесные каменные гири. Во время работы пресса они всегда находятся в подвешенном состоянии. На самом деле гораздо более эффективным было конструктивное решение, когда каменный груз оставался неподвижным, и рычаг к нему притягивался винтом. В этом случае намного упрощалась работа с прессом. В итоге несравненно более эффективной и получившей массовое распространение оказалась конструкция рычажно-винтового пресса с неподвижным, очень тяжелым каменным грузом. Поэтому, вопреки расхожему мнению, этот элемент пресса правильнее будет называть не каменной гирей, а каменным якорем. Этот новый термин точнее определяет назначение каменного груза в конструкции рычажно-винтового пресса.

В херсонесском «доме винодела» виноград давили на трех винодавильных площадках. Они примыкали друг к другу, образуя общую площадь 20 м^2 с размерами сторон 4х5 м (рис. 5). Одна из площадок, примыкающая к северо-западной стене винодавильни, была шириной 2 м, две другие - по 1,5 м. Все площадки - длиной по 5 м. По периметру они были окаймлены бортиками. Благодаря этому виноградный сок не растекался и не смешивался. Пол площадки устраивался с уклоном в сторону резервуара, куда стекал виноградный сок. Между бортиками смежных площадок имелись пазы, в которые вставлялись доски на ребро, увеличивая тем самым высоту преграды между отдельными площадками. Основание площадки было многослойным. Г.Д. Белов описал его конструкцию: «... на глинистом слое со щебенкой, очень плотном и способном выдержать сильное давление, сделана вымостка из небольших бутовых камней, залитая раствором извести с песком. Верхняя часть рабочей площадки выполнена из прочного раствора, состоящего из извести, песка и мелко толченой керамики, окрашивающей весь раствор в характерный красный цвет»[7].

Отметим, что в этом описании пропущена одна существенная, на наш взгляд, деталь. На более узких площадках, где отжим виноградной мезги производился с помощью пресса, в месте установки давильной тары устраивался настил из каменных плит с целью предотвращения продавливания пола. Плиты вмуровывались в

тело площадки заподлицо. О возможном наличии таких плит свидетельствует замечание того же Г.Д. Белова: «…возле винодельни найдены были хорошо обработанные крупные плиты»[8]. Эти плиты были обнаружены во вторичном использовании, после того как винодельня прекратила свое существование.

Как известно, первый отжим винограда производился ногами. Последний загружался в давильную тару, представляющую собой обычные плетеные корзины. В них и давили виноград. Сок через щели в корзине вытекал на площадку, имеющую наклон в сторону слива. Из сока первого отжима получалось вино самого высокого качества. Второй отжим из виноградных выжимок (мезга) производился с помощью пресса. Выжимки собирались в давильную тару оригинальной конструкции. Она была изобретена специально для механического прессования в виде разборного деревянного ящика без дна (галеагра). На изобретение галеагры обратил внимание Герон Александрийский* (III, 16). В.Ф. Гайдукевич[9] привел реконструкцию галеагры, выполненную А. Драхманом на основании свидетельств Герона[10] (рис. 6).

Во время вращения винта рычаг притягивался к каменному грузу, медленно опускаясь вниз. Когда рычаг упирался в стенку ящика, верхний ряд досок снимали и рычаг можно было опустить еще. Не разбирался только последний нижний ряд досок, удерживая уменьшившуюся в объеме массу виноградной мезги. Для того, чтобы давильная тара всегда занимала определенное место под прессом и не возникало необходимости пододвигать ее в нужное место, строго под осью рычага, на каменном настиле винодавильной площадки устраивались углубления, фиксирующие сборно-разборный ящик на поверхности каменного ложа. В этом отношении замечание Г.Д. Белова о том, что среди найденных плит одна была «с выемками»[11], является веским основанием для такого предположения.

Вино, полученное после второго отжима, было второсортным. Тем не менее, греки применяли еще и третий отжим. В результате получался сок, из которого готовилось вино самого низкого сорта.

Третий отжим или вторичное прессование виноградной мезги могло производиться без давильной тары, так как после второго отжима виноградная мезга превращалась в плотно спрессованные брикеты. Поэтому давильная плита укладывалась непосредственно на спрессованную массу. И в этом случае каменное ложе винодавильной площадки можно было применять без фиксационных углублений. Такое предположение подтверждается наблюдением Г.Д. Белова[11], который засвидетельствовал, что одна из найденных плит, представляющая собой, по-видимому, каменный настил, была «совершенно гладкая»[12]. Выдавливаемая из-под давильной плиты мезга обрезалась и ее отправляли в отжим со следующей партией.

Как уже отмечалось, второй и третий отжим винограда осуществляли с помощью рычажного пресса. Рычаг - это основной элемент прессового устройства. Его изготавливали из самых прочных пород древесины. Катон** советовал использовать для этой цели черный граб (Cato. 31, 2).

Выигрыш в силе обеспечивался большой разницей в длине плеч рычага. Поэтому ложе пресса, на которое передается давление и на котором располагается давильная тара или спрессованная мезга, должно было быть максимально приближено к точке опоры рычага. Катон рекомендовал применять рычаги длиной 25 футов, т.е. 7,4 м (Cato. 18, 1). В.Ф. Гайдукевич, обобщив различные источники, пришел к выводу, что «длина рычага колебалась от 6 до 9 м[13]. Небезынтересно, что в «доме винодела» длина рычага для средней (из трех) винодавильной площадки, на которой производился второй отжим, соответствовала рекомендации Катона и равнялась 25 футам. Длина рычага для третьей винодавильной площадки, где производился последний отжим и требовалось наибольшее давление, была увеличена, по подсчетам С.Ф. Стржелецкого, на 2,5 м [14]. Поскольку на коротком плече рычага создавалось громадное направленное вверх усилие, то опорный конец рычага необходимо было упереть во что-то прочное и неподвижное. На первых порах для опорного гнезда использовали трещины в скалах, дупла деревьев. Впоследствии опорные гнезда стали устраивать в каменных стенах винодавилен.

С винодавильных площадок по каменным сливам виноградный сок стекал в резервуары, находившиеся на нижнем ярусе перед давильными площадками. Резервуары были устроены в прямоугольном вырубе в скале, который раньше служил подвалом. Г.Д. Белов[15] так охарактеризовал конструктивные

особенности емкостей для сбора виноградного сока. Это были три резервуара, объединенные между собой общими длинными стенами и короткими поперечными, образуя единую структуру, т.е. единая емкость, разделенная стенками на три части. Общая длина трех резервуаров составляла 5 м. Под каждой давильной площадкой находился свой резервуар. Стенки резервуаров были сложены из красной черепицы на толстом слое известкового раствора с необычным заполнителем из мелко толченых ракушек. Толщина стенок равнялась 20 см. Резервуары были тщательно оштукатурены влагостойким раствором. Его состав - известь, песок, мелко толченая керамика, которая придавала штукатурке характерный розовый цвет.

Учитывая применение различных давильных прессов в древнегреческом виноделии, попытаемся ответить на вопрос, почему предпочтение все-таки было отдано рычажно-винтовому прессу? Безусловно, такой пресс был качественно новым шагом в развитии прессового оборудования. Об этом изобретении впервые сообщил Плиний Старший***, который приписывал его именно грекам (Plin, 317). Вслед за Плинием рычажно-винтовой пресс часто называют греческим. По мнению В.Ф. Гайдукевича, «винтовые прессы были освоены в поздне-эллинистическое время (примерно II в. до н.э.)»[16]. Рычажно-винтовой пресс обладал бесспорными преимуществами по сравнению с другими типами прессового оборудования. Во-первых, отпала необходимость в специальных приспособлениях для поднятия рычага во время перезагрузки виноградной мезги. Так, для рычага с воротом требовалась дополнительная система блоков, с помощью которой его поднимали над давильной тарой. При работе с гирями приходилось периодически гири снимать, а рычаг, для освобождения давильной тары, - вынимать из опорного гнезда и откладывать в сторону. В случае с винтом управление рычагом предельно упрощалось. Достаточно было вращать винт в противоположную сторону, и рычаг поднимался вверх, освобождая доступ к давильной таре. Вращение винта производилось с помощью рукоятки, т.е. деревянного стержня, продетого в отверстие, просверленное в теле винта над доской-держателем. Во-вторых, благодаря трению винт не раскручивался в обратную сторону, и поэтому не требовалось, как в случае с воротом, затрачивать постоянное тяговое усилие для удержания рычага в рабочем положении. И в-третьих, винтовой пресс существенно увеличивал производительность труда. Управляться с винтом, опускавшим или поднимавшим рычаг, мог один человек. Для работы с подвесными гирями или воротом, как правило, требовалось не менее двух человек. Единственное, в чем уступал «греческий» рычажно-винтовой пресс «катоновскому» рычажному прессу с воротом - это в мощности. Поэтому в маслодельнях, где требовалось очень большое давление, продолжал использоваться рычажный пресс с воротом. Что касается винодельческого производства, то рычажно-винтовой пресс к I в. н.э. постепенно вытеснил все остальные типы. Поэтому нет сомнения, что в херсонесском «доме винодела», а это по Г.Д. Белову - I-IV вв.[17], использовался пресс именно этой конструкции. С.Ф. Стржелецкий также не сомневался, что в «доме винодела» пресс был рычажно-винтовым[18].

Не вызывает сомнения, что рассматриваемый объект является одним из ярких памятников херсонесского городища и имеет высокую экспозиционную ценность. В первую очередь в связи с тем, что на его основе возможно продемонстрировать одно из древних производств, которым занимались херсониты. В настоящее время в «доме винодела» проведена лишь частичная музеефикация винодавильных площадок и резервуаров-приемников (рис. 7). В первоначальном виде отреставрирована только первая, самая широкая площадка, на которой виноград в корзинах давили ногами. На двух других, где отжим виноградной мезги производился с помощью пресса, не достает каменных настилов под давильную тару, отсутствуют сливы, по которым виноградный сок стекал в резервуары-приемники, нет каменных якорей, на которых крепилось оборудование рычажно-винтовых прессов. Без этих элементов невозможно представить себе технологию виноделия того периода.

Для создания полноценного экспозиционного объекта, отражающего винодельческое производство античного Херсонеса, прежде всего, необходимо дополнить недостающими элементами винодавильные площадки (настилы под давильную тару и сливы), изготовление которых следует произвести с учетом современных реставрационных требований. Это

позволит четко отделить современные копии от древних подлинников. Аналогом для изготовления сливов может служить тот, что сейчас установлен на первой площадке, где виноград давили без пресса. Особого внимания заслуживает восполнение утрат двух каменных якорей - важнейших элементов прессового оборудования. В данном случае целесообразно обнаруженный каменный якорь поместить в одно из углублений в полу винодавильни. Лучше всего подходит для этой цели углубление перед средней площадкой. Целесообразно нарастить северо-восточную стену винодельни на небольшую высоту порядка 1,5 м с тем, чтобы показать опорные гнезда, куда вставлялись задние концы рычагов. И, наконец, экспозицию следует снабдить информационным стендом с изображением рычажно-винтовых прессов, которые могли быть использованы в херсонесском «доме винодела» (рис. 8), а в будущем, возможно, и сами полноразмерные копии прессов.

*Heron – Carra Vaux. Les mecaniques ou l'elevateur de Heron d'Alexanderie // Journal asiatique. - 1893.

**M.P. Catonis. De Agri Culturs Liber.

***Plin – Plin N.h. (Naturalis historia). XVIII.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре // МИА 85. – 1958, с. 406.
2. Белов Г.Д. Херсонесские винодельни // ВДИ 2 (40). - 1952, с. 233.
3. Стржелецкий С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХСб. V. - Севастополь, 1959, с. 159.
4. Patonet J.L., Myres W.K. On some Karian and Hellenic Oil-Presses // JHS XVIII. - 1898.
5. Гайдукевич, Виноделие на Боспоре…, с. 402.
6. Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. - М., 1999, с. 55.
7. Белов, Херсонесские винодельни…, с. 230.
8. Там же, с. 233.
9. Гайдукевич, Виноделие на Боспоре…, с. 388.
10. Drachman A.G. Ancient Oil Mills and Presses. - Kopenhagen, 1932.
11. Белов, Херсонесские винодельни…, с. 233.
12. Там же.
13. Гайдукевич, Виноделие на Боспоре…, с. 391.
14. Стржелецкий, Виноделие в Херсонесе…, с. 158.
15. Белов, Херсонесские винодельни…, с. 231.
16. Гайдукевич, Виноделие на Боспоре…, с. 406.
17. Белов, Херсонесские винодельни…, с. 231.
18. Стржелецкий, Виноделие в Херсонесе…, с. 151.

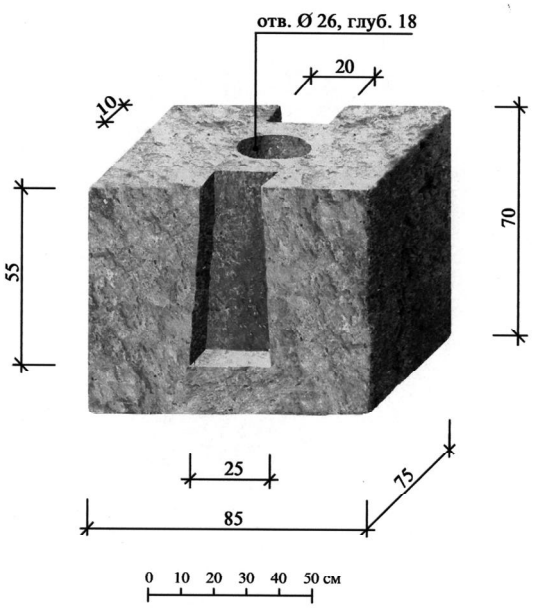

Рис. 1. Каменная гиря античного пресса из Херсонеса.

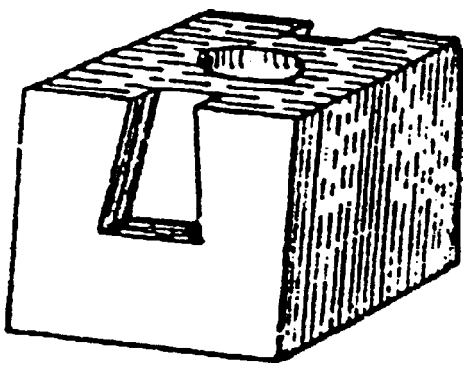

Рис. 2. Каменная гиря античного пресса, найденного в малой Азии (воспроизводится по публикации В.Ф. Гайдукевича, 1958, с. 406).

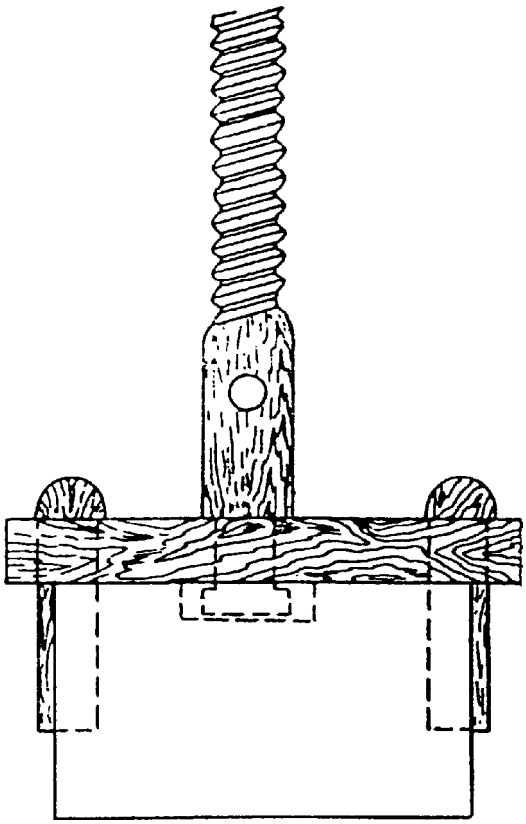

Рис. 3. Крепление винта по этнографическим данным В. Пэтона
(воспроизводится по публикации В.Ф. Гайдукевича, 1958, с. 402).

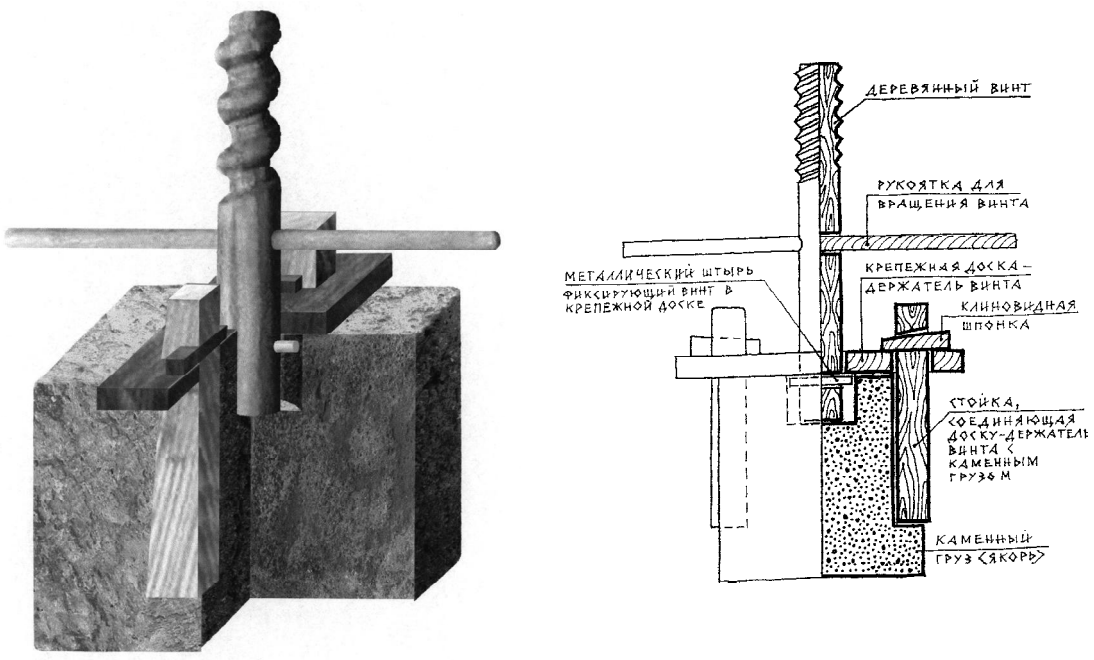

Рис. 4. Объемная реконструкция крепления винта к каменному грузу.
А) Крепление винта к каменному грузу (якорю), найденному в Херсонесе
(реконструкция Н.П. Андрущенко)

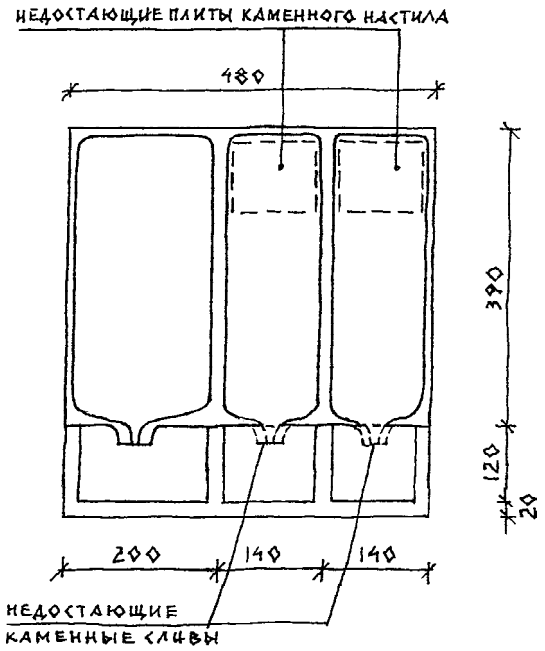

Рис. 5 Музеефикация херсонесского «дома винодела» (обмеры Н.П. Андрущенко , 2004 г.)

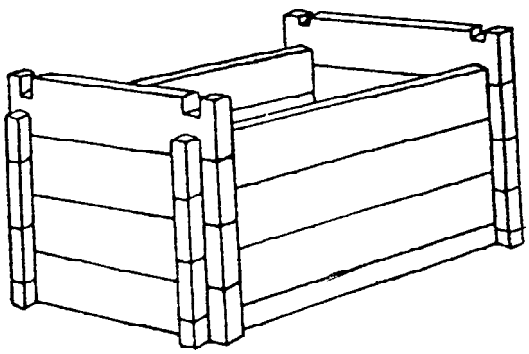

Рис. 6 Разборный деревянный ящик без дна (галеагра) для прессования мезги. Реконструкция А. Драхмана по данным Герона александрийского (воспроизводится по публикации В.Ф. Гайдукевича, 1958, с. 388).

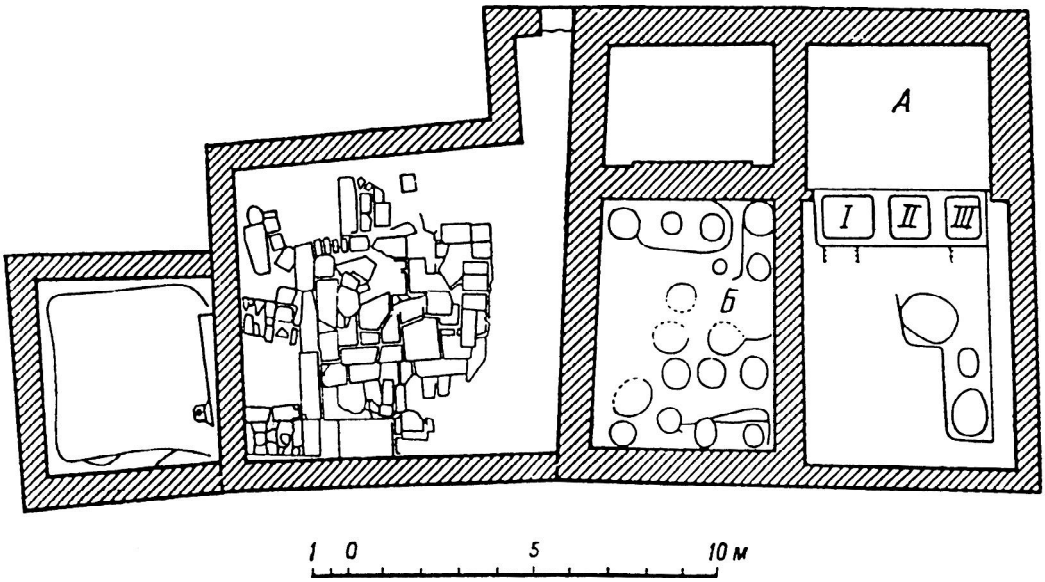

Рис. 7 Схематический план херсонесского «дома винодела»
(воспроизводится по публикации Г.Д. Белова, 1952, с. 230).

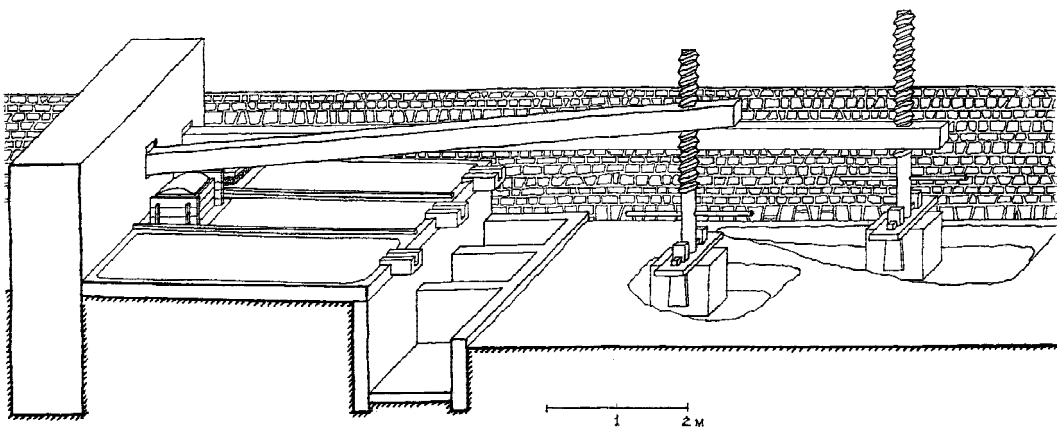

Рис. 8 Прессовое оборудование винодавильни «дома винодела» в Хероснесе
(реконструкция Н.П. Андрущенко)

D. BRAUND

NOTES ON THE HISTORY OF CHERSONESUS BEFORE 422 B.C. AND AFTER*

Of course, before work M. Zolotaryov it had become usual to locate the foundation of the city of Chersonesus around 422 BC. And that notion will take some time yet to vanish from our scholarly literature[1]. The main reason[2] for that date was a passage in Pseudo-Scymnus, who wrote a geographical poem for a Bithynian King Nicomedes, perhaps around 100 B.C. A king of Bithynia could not fail to be concerned with Chersonesus and the Taurians, close to the north across the sea from his realm and with a potential for help and harm. Pseudo-Scymnus' passage is so well-known that another discussion of it may seem superfluous. However, one important detail demands comment. The text does not give any reason to connect the foundation of Chersonesus with the Athenian expulsion of Delians from Delos in the late 420s.

There is no mention of Athens or of any expulsion. On the contrary, the text suggests a very different scenario. It reads as follows:

The so-called Tauric peninsula (Kherronesos) connects with these (the Taurians), having a Greek city, which the Heracleotes and Delians founded when the Heracleotes had received an oracle – those dwelling in Asia inside the Blue Rocks – to settle Peninsula (Kherronesos)with the Delians.

(Ps.-Scymnus, fr.12, Marcotte)

This key text strongly suggests that the inspiration for the foundation was not the expulsion of Delians, which is not mentioned, but an oracle received in Heraclea Pontica. Of course, it remains possible that all this was thought to have happened at the time of the expulsion, but there is no evidence of that at all. In consequence, even without the vital discovery of a late archaic level at Chersonesus, there was never any evidence that the city was founded around 422 and some indication (the oracle as the cause) that it was not. Meanwhile, we may note also how careful our author has been with his use of names. He is very careful to be clear that this Heraclea is Heraclea Pontica, which he poetically describes as «in Asia inside the Blue Rocks», i.e. in the Black Sea. And he needed to be careful for, as we shall see, there were other cities called Heraclea. Moreover, there is a play-on-words in the oracle, because the oracle exploits the double meaning of *kherronesos* here: it means both peninsula and the city. Oracles often contain a riddle. This one is quite simple: they are to settle a peninsula by settling the city (which is also located on a peninsula of course).

Meanwhile, the role of Delos requires some consideration, though this is not the place for a full discussion of so large an issue. It is enough to make the obvious point that Delos is the island of Apollo and Artemis, with their mother Leto, while Apollo (whether at Delphi, Didyma or elsewhere) is a major source of oracles. The similarity between Artemis and Parthenos is obvious enough. Nor should we overlook the oracle controlled by Heraclea itself. It is no surprise in principle to find a connection between Heraclea, Delos, an oracle and the foundation of Chersonesus, particularly as oracles are regularly included in the stories of civic foundation (as elsewhere in Pseudo-Scymnus). There is much to be said about all this, but it will suffice here to draw attention to a single issue which

*When I last heard Misha Zolotaryov address an audience in a formal context, he was my guest at the University of Exeter in England, some months before his sad loss. His subject in that lecture was the theme of a great deal of his work, the city of Chersonesus. He captivated the Exeter audience with his enthusiasm and commitment to a topic about which his profound knowledge and understanding were completely obvious even in that rather unfamiliar context, far from the Crimea. We met first in Georgia in 1987, where he had shown great kindness to this young scholar, listening patiently to my questions and offering constructive answers. In the two decades or so which followed we continued to discuss his beloved Chersonesus, whether driving up the western Crimea or sitting over a long lunch in Exeter or Bordeaux. To be sure, there was much about which I was stubborn, for example about the Taurians' role in the foundation of Chersonesus (См.: Зубарь В.М. Херсонес и тавры: противостояние или взаимодействие // Археологія. – 2005, № 1, с. 16-28). However, such disagreements only served to invigorate our exchanges. Here I wish to consider further one of his major contributions to the study of Chersonesus. Specifically, I shall suggest some consequences of the discovery he made (and published with the much-lamented Yuri G.Vinogradov) of the late archaic level in the heart of the settlement, delving beneath the Byzantine surface which covers much of the site today.

does not seem to have attracted much notice in this context. By the Hellenistic period and possibly earlier, the island of Delos had a festival known as the *Khersonesia*, apparently connected with a territory called *Khersonesos* which brought in a revenue known as the *khersonesion*: we may be sure enough that the territory was in some sense a peninsula[3]. It is interesting to find that the Delians had their own Khersonesos: we may wonder whether that played some part in the evolution of the story of their involvement, by oracular command to the Heracleotes, in the foundation of Crimean Chersonesus.

If, as we must now suppose, the city of Chersonesus was founded before 500 BC, we are left to wonder about its history in the century or so that followed. Clearly, the evidence is slight, but there is perhaps more than might be obvious at first glance. The expedition of Pericles into the Black Sea in about 437 cannot seriously be doubted, though we remain unclear about much of its detail. Plutarch offers our only narrative (*Per*. 20). He stresses in particular that the expedition sailed *extensively* around the Black Sea. The tyranny at Sinope resisted him, no doubt hoping for active Persian support, since Pericles' invasion had broken the terms of the Peace of Callias of 450, under which Athenian warships were not to enter the Black Sea. However, there is no information about any resistance elsewhere to Pericles' expedition. Plutarch stresses that the expedition strengthened the general position of Greek cities in the region against local barbarians. There may be some truth in that. As is well-known, archaeology indicates that the north coast in particular experienced severe difficulties through the earlier part of the fifth century, when the region had been under Persian control. More important for the present discussion is the relevance of the expedition to Chersonesus[4].

Of course, we cannot trace in detail the route (or routes) which Pericles and his fleet took around the region. But we can be sure about a few places visited, quite apart from Sinope. Heraclea is recorded in the so-called Athenian «tribute-lists» as required to pay tribute to the Athenians in 425. And, thanks to Thucydides, in particular, we happen to know that Lamachus (who had finally dealt with Sinope in the 430s) tried to enforce payment in 424, when a sudden surge in the River Cales destroyed his small fleet. We know also that the aftermath of this minor disaster was quite positive for Athens and for Heraclea: the cities seem to have worked out their differences. We happen to have the honours inscribed by the Athenians for their *proxenos* at Heraclea, a man called Sotimus. No doubt he had played a part in negotiating the return of Lamachus' roces and the establishment of better relations between the two cities. Meanwhile, a fragment of the comic poet Eupolis mentions an Athenian (as it seems) called Simon, who seems to have taken much of the blame for the temporary break in these relations.

If Heraclea had already, perhaps about a century earlier, established its colony at Chersonesus, it seems hard to believe that Chersonesus would not have been involved in all this. For, while it is true that relations between colonies and mother-cities could be rather distant, in this case the two communities seem to have maintained an unusually strong bond[5]. Certainly, that bond is very obvious in their fulsome civic relations in the Roman period. In fact, there may be even more at stake. For Pericles' expedition came close upon the Athenians' suppression of the revolt of Byzantium around 440: Byzantium, Heraclea and Chersonesus, as well as cities of the west coast (Callatis and Apollonia?) were all Megarian colonies. In the aftermath of the suppression of Byzantium, Pericles is likely to have paid particular attention to the Megarian settlements of the region.

Moreover, since Pericles' expedition (at least on Plutarch's account) was designed as a show of force against the troublesome barbarians of the region, it would have been strange if he had not shown something of his strength to the Taurians. All the more so, if, as seems most likely, he was aware of the religious and historical Athenian tradition which connected the Taurians with the cult of Artemis Tauropolos at Halae Araphenides in Loutsa on the Aegean coast of Attica. Although there has been an influential argument that Pericles' expedition never visited the north coast, there is nothing to support that view and much against it, as P.O. Karyshkovskiy and Yu.G. Vinogradov have demonstrated[6]. The most striking piece of evidence is the fragment of the so-called Coinage Decree (now usually called the «Standards Decree») from Olbia. Since this imperial Athenian decree was erected at Olbia it seems strange to insist that the city was not brought within the Athenian empire: the obvious moment was the expedition of Pericles. It is a pity that the «tribute-list» for the Black Sea in 425 has not survived well: it remains true that we cannot identify for sure any north Black Sea city among the more than 40 cities listed there. But it is surely clear enough that cities whose names begin

Kimm- and Pat(rasys?) are from the north. By the end of the fifth century, and perhaps already in 425, Nymphaeum was paying 1 talent per year, as Craterus informs us. It is only by the most strained of argumentation that the northern coast of the Black Sea (including Chersonesus) can be supposed to have been outside Pericles' travels. Especially so, since, as we have seen, Plutarch stresses that the expedition ranged widely. In fact it would be an enormous puzzle if Pericles had indeed not visited the north coast. For what possible reason would we imagine that he had failed to do so?

For all those reasons, therefore, we may suppose that Pericles or one of his key associates (Lamachus perhaps) visited Chersonesus. He may have been on his way between Olbia and Heraclea, for example, presumably stopping at Kerkinitis too. Subsequently, it remains entirely possible that some of the Delians who were expelled by the Athenians in the late 420s, went to join the city of Chersonesus, though there is no evidence at all to suggest that they did.

Less clear are the decades before Pericles' expedition. The fact that the Peace of Callias specifically excluded Athenian warships from the Black Sea could mean that they had already been active there. That logic certainly works for the eastern Mediterranean: Athens' exclusion from there followed her adventurous expeditions to Egypt and Cyprus in particular. Since Byzantium had been a key point in the Greek pursuit of the Persians from as early as 479/8 and since the Hellespont had been a focus of Athenian operations by the 470s, there seems every reason to suppose that Athens had at least done something to explore the Black Sea, if only in its south-western corner. The case of Miltiades is very suggestive. For his occupation of Lemnos late in the sixth century was staged from his base in the Thracian Chersonese, showing how conquest and military activity could spread around an area. Moreover, not only had Miltiades taken part in Darius' Scythian campaign, but he had been driven from his tyranny by the Scythians themselves. His experience in and around the Black Sea region, together with that of his associates, may well have contributed to Athenian and other Greek thinking about the further exploration and conquest of the Pontus[7]. It is a pity that we do not know more about the circumstances of the death of Aristides, who took a leading role for Athens in these early years: according to at least one tradition, he died in the Black Sea (*Arist.*). If there is any substance to the tradition, it is reasonable to ask what he was doing there. Conceivably, he too went to Chersonesus!

But what of those who came from Chersonesus? Here we return to the problem that Pseudo-Scymnus was eager to avoid, that is the imprecision of the city's name, as indeed of the neighbouring Taurians, in Greek «the bulls». These problems are unfortunately beyond solution, but it is important to be clear about them, because they raise several possibilities. First, Taurians. There is only one Taurian whose ethnic identity can be thought to be recorded explicitly in a Greek inscription. He is Tykhon, who was buried at Panticapaeum in the fifth century B.C. However, as I have argued in detail elsewhere, his case is in fact rather less than certain, since there has been no entirely convincing reading of the stone[8]. Otherwise, we know no Taurian, whether free or slave. But it remains possible that at least some slaves whose names begin *Taur-* came from among the Taurians, while it is likely enough that Taurian slaves (like those from all other regions) had names which were not connected at all with their ethnic or geographical origins. Secondly, the city's usual name, *Khersonesos* (literally, in Greek, «Peninsula»), is also problematic because there are simply too many possible peninsulas to consider. The Crimean city's name does not stand out, unless particular care is taken, as with Pseudo-Scymnus and the occasional inscription: exceptionally, we happen to find the Crimean city referring to itself as «The Chersonitans in the Pontos» in a dedication which its citizens made – appropriately enough – on Hellenistic Delos[9].

Otherwise, the name could be attached to the Crimea as a whole, for that too was a peninsula (cf. Hdt. 4. 99-102). Especially confusing for modern scholars is the so-called Thracian Chersonese, which was not a city but the region to the north of the opening of the Aegean towards the Black Sea. The region, a substantial peninsula, was of some importance to Athens from the sixth century when Miltiades left Athens to establish a regime there[10].

What, then, are we to make of Khersonesitans in Athenian inscriptions? An interesting example illustrates the problem well enough: *IG* i^3 1301. This is a simple tombstone recorded at Athens (now lost), which has only three words. The first two are personal names: *Herakleitos* and *Naukles*, his father. The third word identifies Herakleitos as *Kherronesites* (clearly a variant spelling for *Khersonites*), a Chersonite. Usually, the inscription is dated around the middle of the fifth century, linked with developing Athenian relations in the Thracian Chersonese. In particular, we know that Pericles

was given the credit for the establishment of a substantial Athenian settlement there.

That interpretation makes good sense[11]. However, it becomes less compelling on closer examination: the fact is that there is no particular link between the Athenian interest in the Thracian Chersonese and the erection of this epitaph in Athens[12]. Nor is this the only interpretation available. The Herakleitos and Naukles of the inscription could have been citizens of Crimean Chersonesus. Indeed, while the Thracian Chersonesus could be used as a geographical identification for those who inhabited the various cities of the region (Elaeous, Madytos, Sestos and so on), it is better suited to the outlook of an outsider to the Thracian Chersonese than to the perspective of an inhabitant of a particular city there. Since we know nothing of the circumstances of our epitaph, beyond its discovery at Athens, we have no way of solving the matter. However, the point here is not to re-assign the stone to the Crimean city, but to highlight the recurrent difficulty in finding clear cases of citizens from Crimean Chersonesus. Meanwhile, there is even a certain irony in the fact that the same problem besets the citizens of Heraclea Pontica: for that city too the term «Heracleote» could apply as far afield as Sicily. For that reason, some have insisted that the artist Zeuxis, who probably came from Pontic Heraclea, was in fact from its Sicilian counterpart[13].

The purpose of these remarks is not to confuse a picture that is clear, but to draw attention to the fact that the picture is not as clear as it may seem to be. The standard prosopography of non-Athenians in Athens, which appeared in 1996, has left the question properly open for Chersonitans. Its authors simply list those recorded as Chersonitans, without attempting to draw distinctions between which type of Chersonitan is meant[14]. The wisdom of that approach (even if it may seem to avoid the issue, or is simply an accident) soon becomes apparent when we consider the other Chersonitans listed.

From the end of the fourth century B.C. we have another three-word epitaph, housed in Piraeus Museum: *Apollonides, (son of) Dionysodorus, (a) Chersonitan*[15]. This too could be a man from the Thracian Chersonese[16], but (especially in the absence of the Periclean initative which dominates consideration of the previous and very similar epitaph) there is at least as good a case for the Crimean Chersonesus.

From 183/2 B.C. we have two Chersonitans, possibly related and certainly listed in sequence, in a long list of donors, which was inscribed on Pentelic marble at Athens. Their names are Samos and Attinas: each is identified simply as *Khersonites* (*IG* ii^2, 2332, lines 162-163). In principle, it might perhaps be argued that each may come from the Thracian Chersonese, but we should really expect a city, as with other foreigners extant in the list. If there is any significant doubt, the presence of an Attinas seems to settle the matter: here at least we have the Crimean Chersonesus, where the name Attinas is well attested. While it is to be allowed that the inscriptions from the Thracian Chersonese are not numerous and also that the name Attinas is not strikingly rare, its prominence in the inscribed record of Crimean Chersonesus precludes further discussion.

If he is from the Crimea, then so too, we may presume, is Samos, listed immediately before him, also as a Chersonitan. The name Samos is a curiosity. In view of its obvious geographical meaning, it may hint at some family connection with the Samians. If not, then we can only wonder why his parents gave him this name.

There is also a helmsman recorded in the lists of those who formed the crew of eight ships which fought for Athens at sea, probably[17] at the very end of the Peloponnesian War? We do not know for sure that he is a helmsman, but we have the last three letters of what seems to be *kubernetes*. The man's name too is lost, except for the last two letters – *es*. These are accidents of the history of the stone, found in pieces on the Athenian acropolis. However, even when the inscription was first made, perhaps in 405 B.C., the man's homeland was given simply as XEPP. Evidently, the identification was considered sufficient, though it remains insufficient for us. Clearly, he was from a Chersonesus. The abbreviation may well call to mind the coinage of the city of Crimean Chersonesus. As usual, however, we cannot be certain of his origins: we must bear in mind that much of the naval conflict at the end of the war was located near the Thracian Chersonese (cf. Xen. *Hell*. 1. 3. 10; 3. 2. 8). And yet it remains possible that we have here a Chersonitan fighting for Athens as a helmsman towards the end of the fifth century B.C.

In sum, we can say a little about the history of Chersonesus before 422, the period which M. Zolotaryov has done so much to revive for us by his archaeological discoveries. However, the recovery of this history requires care and caution, because we do not have much evidence and because the evidence which we do have is so difficult to handle, especially in view of the problem of names.

COMMENTS

1. So, for example, Marcotte D. Les Géographes grecques I: Pseudo-Scymnos. – Paris, 2002, p. 247, following Burstein (Burstein S. Outpost of hellenism: the emergence of Heraclea on the Black Sea. - Berkeley, 1976), still places the foundation of the city in c. 422.
2. Herodotus' apparent silence may seem peculiar at 4. 100-2, but he is not much concerned with the Greek cities of the region: it is the local peoples and their customs that form his subject, perhaps especially in this section where he sketches the peoples who met to consider a response to Darius' invasion.
3. For the evidence, see *Inscr. Dŭlos,* 346A, line 13 with commentary.
4. I have discussed the evidence on Pericles' expedition (more than sometimes claimed) at length in: Braund D. Pericles, Cleon and the Pontus: the Black Sea in Athens c. 440-421. in: Scythians and Greeks /ed. D. Braund. - Exeter, 2005, p. 80-99.
5. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская - Херсонес Таврический. - М., 1986.
6. Карышковский П.О. Ольвия и Афинский союз. Материалы по археологии Северного Причерноморья 3. – 1960, с. 57-100; Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. - М., 1989, с. 129.
7. Pemberton E.G. An early red figure Calyx krater from ancient Corinth // Hesperia 57. - 1988, p. 231-235 offers a rich discussion.
8. Braund. D. Tykhon the Taurian: a cautionary note on CIRB 114 // Древности Боспора 7. – 2004, с. 11-14.
9. This was a dedication of three silver *phialae*, deposited in the temple of Apollo: Bruneau P. Recherches sur les cultes de Délos ŕ l'époque hellénistique. - Paris, 1970, p. 113.
10. Krauss (Krauss J. Die Inschriften von Sestos und der thrakischen Chersones // IK 19. - Bonn, 1980) offers a recent general study, including a collection of the inscribed texts.
11. See further Kahrstedt U. von Beiträge zur Geschichte der thrakischen Chersonesus. - Baden Baden, 1954, s. 14-16.
12. For we cannot go so far as to assume that Herakleitos had come to Athens (and died and been buried there) specifically in connection with Athens' political concerns there (though that remains of course possible).
13. Ameling W. Prosopographia Heracleotica. in: L. Jonnes, The inscriptions of Herraclea Pontica. - Bonn, 1994, s. 115-68, offers a good discussion.
14. Osborne M.J., Byrne S.G. The foreign residents of Athens. - Leuven, 1996, p. 316.
15. *IG* ii2 10505. On its date, which has been the subject of some discussion, see *IG* i3 p.973.
16. Cf. Kahrstedt, Beiträge zur Geschichte..., s. 39.
17. The lines in question are *IG* i3 1032,col. viii, lines 292-293, which the editors provide with a valuable commentary. Although many opinions have been expressed, much about the list remains uncertain.

Д. Браунд

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА ДО И ПОСЛЕ 422 Г. ДО Н.Э.

Резюме

Автор статьи обращается к известному свидетельству Псевдо-Скимна, которое непосредственно относится к основанию Херсонеса Таврического. Он особо подчеркивает, что основание гераклеотами и делосцами колонии на Таврическом полуострове в этом сообщении никоим образом не связывается с изгнанием делосцев со своего острова афинянками. Таким образом, следует, что утвердившаяся в историографии дата основания колонии – около 422 г. до н. э., связанная с изгнанием делосцев, не имела под собою основания еще до открытия М.И. Золотаревым позднеархаического слоя в Херсонесе. На самом деле поводом для выведения колонии был оракул, полученный в Гераклее Понтийской. Автор статьи подчеркивает, что для изучения ранней истории Херсонеса необходим вдумчивый анализ не только археологических, но и письменных источников. Он рассматривает афинские морские экспедиции в Понт Эвксинский под началом Перикла и Ламаха, высказывая предположение, что Перикл или один из его основных сподвижников (вероятно, Ламах) посетил Херсонес. Он мог оказаться там на пути между Ольвией и Гераклеей. Кроме того, Д. Браунд рассматривает случаи упоминания херсонеситов в различных афинских надписях, постоянно подчеркивая сложность однозначной связи упомянутых людей с крымской колонией. Заключают статью соображения, что в целом, пока еще возможно лишь очень немного говорить об истории Херсонеса до 422 г. до н.э. – периоде, возродить который во многом помогли археологические открытия М.И. Золотарева. Но восстановление истории требует бережности и внимания, поскольку у нас ничтожно мало материала, а тот, что есть, очень трудно использовать.

А.В. БУЙСКИХ

О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НЕКРОПОЛЯ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ХЕРСОНЕСА

Общие вопросы топографии херсонесского городского некрополя неоднократно освещались в значительном количестве специальных работ, причем каждый раз с существенным уточнением данных предыдущих исследований. Как правило, это происходило за счет введения в научный оборот результатов раскопок новых участков некрополя и обобщения накопленных материалов. Поэтому в настоящее время местоположение отдельных участков некрополя, стационарные раскопки которого начались с 1891 г.[1], установлено достаточно надежно[2]. Хорошо известно, что в соответствии с общегреческой погребальной практикой, участки для городского могильника выделялись в непосредственной близости от оборонительных стен, за которыми и начинался «город мертвых». В Херсонесе придерживались этой же традиции: - участки некрополя были обнаружены в различных местах, зачастую перекрытые более поздними городскими напластованиями.

При рассмотрении хронологии строительной деятельности на примере юго-восточного района нами было высказано предположение о наличии в Херсонесе только двух строительных периодов в рамках всего IV в. до н.э. Их рубежом следует считать небольшой хронологический отрезок, близкий середине IV в. до н.э. и охвативший, вполне вероятно, конец второй - начало третьей четверти этого столетия[3]. Поэтому в полном соответствии с такой строительной периодизацией участки городского могильника были расположены вдоль периметра оборонительных стен - как раннего, так и позднего этапа существования города.

Для раннего времени - это участки на северном берегу: кварталы XIII-XVIII, XIX, XXV[4], а также возле монастырской оранжереи, ориентировочно в квартале XXX[5], новый участок под 12-й поперечной улицей, между кварталами XXXVI и XXIV[6]; в районе театральной балки[7] и в юго-восточном районе города, преимущественно на берегу Карантинной бухты[8]. Было также установлено[9], что увеличение городской территории произошло в рамках реализации единой градостроительной программы, которая включала размежевку городской территории на кварталы и строительство оборонительной системы. Процесс строительства оборонительных рубежей начался, скорее всего, не позднее середины IV в. до н.э. и был растянут вплоть до его последней трети, как считалось ранее[10]. После этого новые участки городского некрополя окружили линию новых оборонительных сооружений[11]. Кроме того, часть некрополя раннеэллинистического времени была не позднее середины III в. до н.э. уничтожена, когда произошло расширение юго-восточного района и строительство так называемой цитадели с новыми башнями XVII и XVII (I), а также соответствующими им 19-й и 20-й куртинами, в кладках которых были использованы разобранные памятники некрополя[12]. Следующий этап разрушения юго-восточной части некрополя и массового использования разобранных надмогильных памятников в качестве строительного материала связан с возведением протейхизмы в I в. н. э.[13]

Среди перечисленных участков городского некрополя участок, исследованный на северном берегу, представляет значительный интерес. Многие проблемы, заявленные на примере именно этой части раннего могильника, зачастую становились предметом многолетних дискуссий[14]. Тем не менее, вплоть до настоящего времени решены далеко не все вопросы. На этом участке, несмотря на то, что многие могилы и погребальные конструкции были не просто перекрыты городскими напластованиями, но еще и преднамеренно разобраны, в ряде случаев сохранились фундаментные ряды отдельных сооружений. Их можно соотнести с остатками надмогильных конструкций. Именно они и дают новую информацию относительно пространственной организации раннего могильника Херсонеса.

Необходимо подчеркнуть, что такая проблема до сих пор не ставилась. Ни один из

участков херсонесского городского некрополя не рассматривался с точки зрения планировочной структуры, пространственной организации погребальных сооружений и их надмогильных памятников. Между тем, современная фактическая база и уровень изученности данной проблемы на основании многочисленных некрополей Восточного Средиземноморья позволяют с высокой степенью достоверности осуществлять необходимые реконструкции и в применении к аналогичным памятникам северо-причерноморского региона. Участок городского некрополя Херсонеса на северном берегу содержит целый ряд сооружений, дающих возможность впервые предпринять такую попытку.

Погребения раннего городского некрополя были открыты на сравнительно небольшой территории вблизи морского побережья - природной впадине, заполненной слоем надскальной глины и представлявшей собой удобное место для устройства простейших по конструкции погребальных сооружений - грунтовых ям[15]. Впадина, в которой располагались погребения, служила естественной границей города классического времени с запада. Наибольшее количество погребений - более полутора сотен - было открыто на территории будущих городских кварталов XIII, XV-XVIII, между 9-й и 10-й поперечными улицами (рис. 1)[16] (Благодарю Э.А. Кравченко за помощь в сведении планов Г.Д. Белова).

Только в северо-восточной части квартала XIII было исследовано около сотни погребений[17]. Они были тщательно проанализированы с точки зрения стратиграфии и определения их относительной хронологии[18]. Г.Д. Белову удалось зафиксировать, что часть погребений была совершена на уровне материковой скалы или тонкого слоя материковой глины, а часть - впущена в культурный слой, который перекрыл самые ранние погребения[19]. Е.Я. Рогов, наблюдая над стратиграфической колонкой, доказал, что погребения, устроенные непосредственно на уровне скалы или тонком слое глины, принадлежали ранней части могильника, которая начала формироваться от последней четверти V в. до н.э. Погребения второго стратиграфического горизонта появились не ранее второй четверти или середины IV в. до н.э. Они отражают наиболее поздний этап существования могильника[20]. Эти стратиграфические и хронологические наблюдения ценны и для нашего исследования.

Кроме того, необходимо отметить, что строительная деятельность на территории некрополя традиционно рассматривалась только с точки зрения устройства типологически разнородных погребальных сооружений. Однако существует еще один аспект проблемы, которому, как правило, не уделяли должного внимания. В данном случае, сами по себе погребения, независимо от типа каждого погребального сооружения конкретно, не являлись единственным результатом строительной деятельности, связанной с функционированием некрополя, на указанном участке. Кроме них, Г.Д. Белов зафиксировал еще несколько каменных конструкций, которые, между тем, не получили необходимой интерпретации - ни в его отчетах и публикациях, ни в аналитических разработках других исследователей.

Несмотря на то, что все они дошли в крайне руинированном состоянии, как правило, только в виде фундаментных рядов, они были сооружены также на уровне материковой скалы или впущены в культурный слой. Следует подчеркнуть, что автор раскопок с самого начала синхронизировал их не с могильником, а со строительными остатками более позднего времени - эллинистического. Это касается всех сооружений, кроме, пожалуй, тех, которые были открыты в квартале XVIII. Отсюда следует, что эти конструкции, с точки зрения Г.Д. Белова, были соотнесены с определенными строительными комплексами, планировку которых он, тем не менее, не смог реконструировать[21].

Это особенно хорошо видно на примере кварталов XIII и XIV. Сравнивая планы северо-восточного квартала XIII и юго-западного квартала XIV, нельзя не обратить внимание на то, что в квартале XIV под средневековыми напластованиями сохранились два дома эллинистического времени, причем их планировка была правильно прочтена Г.Д.Беловым[22]. Ничего подобного не наблюдается в квартале XIII. На двух уровнях - скалы и соответствующего IV в. до н.э. культурном слое - были зафиксированы только погребения и одинокие, не связанные между собой кладки, расположенные двумя группами. И если группа кладок с ямой «К» в юго-восточной части квартала XIII была однозначно

интерпретирована как остатки комплекса эллинистического времени[23], то две кладки, открытые на границе указанных кварталов, в результате дальнейшего изучения получили интерпретацию как остатки монументального жертвенника. Жертвенник, реконструированными размерами 5х3,2 м, с тремя колонными портиками и фронтонным перекрытием по главному фасаду располагался на площади, свободной от жилой застройки[24].

Вопрос о наличии жертвенника на площади, предложенной в квартале XIII, будет подробнее рассмотрен нами в отдельной работе, равно как и доказательство абсолютной невозможности такой реконструкции. Однако нельзя не отметить одно ценное для нашей нынешней работы наблюдение, следующее из авторской реконструкции. Авторы, реконструировав площадь, отказались от размещения в этом месте плотной городской застройки эллинистического времени. Это действительно так, несмотря на то, что авторы не поняли реальные причины ее отсутствия. Дело здесь совсем не в площади. Представляется, что идея о наличии площади на этом участке могла быть подсказана одним из ранних выводов К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Еще в 1891 г., во время первых раскопок на северном берегу, он обратил внимание, что под византийскими напластованиями «до самой скалы не обнаружено нижнего яруса построек, встречаемого в Херсонесе при раскопках, так что есть полное основание считать это место площадью древнего города[25]. Однако, как известно, устройство площади в античном городе обязательно сопровождается наличием вымосток, плитовых, галечных или черепяных, тем более при наличии на ней такого сооружения, как алтарь. Ничего подобного, однако, здесь обнаружено не было.

Наличие незастроенного пространства, скорее всего, следует объяснять непосредственной близостью морского абразионного берега. Кроме того, необходимо учитывать, что внутриквартальная застройка соседнего квартала XIV велась с применением жесткой планировочной схемы, в основе которой находилась типовая модель жилого дома малой площади[26]. В связи с этим, необходимость соблюдения единой планировочной структуры для жилых домов и в квартале XIII (если бы они там действительно были построены) не подлежит сомнению. Тем не менее, их очевидное отсутствие, с нашей точки зрения, может объясняться элементарной нехваткой места для размещения стандартных в планировочном отношении домов.

Однако, реконструируя площадь, Г.Д. Белов и С.Ф. Стржелецкий не обратили внимания на строительный комплекс с ямой «К». А это, в свою очередь, значит, что он остался лишенным вообще какой-либо функциональной интерпретации. Между тем, этот комплекс представляет значительный интерес, поскольку, как нам представляется, давняя авторская атрибуция настоятельно требует полного пересмотра с точки зрения его датировки и использования. Яма «К» - прямоугольной в плане формы, вырублена в скале, имела размеры: длину 4,2 м, ширину 2,4-2,8 м, глубину 1,35 м (рис. 1). Из плана и продольного разреза следует, что в юго-западном и северо-западном углах ямы имеются два углубления, первое из них - до 25-30 см, а над западным бортом котлована сохранились остатки каменной кладки. Как правильно догадался Г.Д. Белов, эта яма была связана в единый строительный комплекс с расположенными рядом тремя кладками «Я-Я». От одной из них, южной, сохранился скальный выруб, который и дал возможность предположить, что это были не отдельные кладки, а остатки большой прямоугольной в плане вымостки, которая с юго-востока почти вплотную подходила к яме «К». Характер обработки этих плит, их залегание на уровне материковой скалы не противоречит такому предположению.

Это значит, что открытые строительные конструкции вполне вероятно можно отнести к категории погребальных сооружений - могильной ямы и фундаментного ряда какого-нибудь надмогильного памятника. Поскольку его реконструированные размеры составляют около 8х2 м, то это мог быть большой погребальный перибол, служивший той базой, на которой и устанавливались разнообразные надмогильные памятники. Нельзя также полностью исключать, что памятники ставились не на искусственно сооруженную террасу-перибол, а непосредственно на плитовую вымостку. Близкое по конструкции фундаментного ряда сооружение в виде вымостки, перекрытой оборонительной стеной, с сохранившимися размерами 2,85х2,5 м, было исследовано в юго-восточном районе[27]. Авторы совершенно справедливо интерпретировали открытую

конструкцию как фундаменты сооружения типа наиска, стоявшего на некрополе.

Скорее всего, что два подобных сооружения были обнаружены на территории юго-восточного некрополя также и К.К. Косцюшко-Валюжиничем. В 1897 г. им была исследована «ровная площадка прямоугольной формы, около 5 м длины и 1,60 м ширины». Автор не понял назначения площадки и решил, что она не является надмогильным сооружением, однако предложил ее использование в качестве портика, «мраморные части которого расхищены в византийскую эпоху»[28]. Связь этого сооружения с надмогильным памятником несомненна, что позволило и Р.В. Стоянову согласиться с таким предположением[29]. Еще одну каменную площадку, размерами около 4,5х2 м, К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил на территории того же юго-восточного некрополя в 1902 г.[30] Нельзя также не отметить, что подобный конструктивный прием - устройство на выровненной материковой скале, вымощенной плитами в 1-2 ряда площадки, - использовался и при строительстве других категорий погребальных сооружений[31].

Возвращаясь к северному берегу, вполне вероятным кажется и предположение о том, что к категории погребальных периболов можно отнести и кладку «Ю-Ю», расположенную к северо-востоку от упомянутой конструкции с ямой «К» (рис. 1). Стена была тщательно сложена из больших камней на глинистом растворе прямо на материковой скале, ее размеры составляли: длина 8,6 м, сохранившаяся высота 1,7 м, ширина - до 1,2 м[32]. Необходимо обратить внимание на то, что эта стена служила своеобразным барьером, к северо-западу от которого и располагалась основная масса открытых на участке погребений. И, наконец, несколько более поздней, так как была сооружена на насыпном грунте, является стена «Э-Э», открытая к югу от ямы «К» (рис. 1). Ее длина составляет более 3,5 м, ширина - около 0,8-0,9 м. Эта кладка перекрывала и ограждала компактную группу из 9 погребений.

Все три описанные конструкции имеют одинаковую и четко выдержанную ориентацию. Могилы, которые были открыты на этом участке, имели определенные особенности в своем расположении - ни одна из них не «выходила» за линии выше упомянутых кладок. Именно такая система взаиморасположения могил и кладок и дает возможность утверждать, что все кладки относятся к категории надмогильных сооружений и могут быть классифицированы как фундаментные остатки периболов или вымосток, непосредственно на которые и устанавливались надмогильные памятники.

Подобную ориентацию имело и сооружение, вырезанное в скале и определенное как «сооружение неизвестного хозяйственного назначення», расположенное почти на уровне материковой скалы и ниже уровня внутреннего двора дома I в квартале XV[33]. Это сооружение имело правильную четырехугольную форму, размерами 3,55х2,40 м, было заглублено в материковую скалу только на несколько сантиметров и окружено каменными кладками, толщиной 0,45 м. Кроме того, исходя из плана (рис. 1), очевидно, что сооружение имело плитовое покрытие пола. Именно это обстоятельство и явилось, с нашей точки зрения, причиной того, что сооружение было инкорпорировано во внутренний двор дома. Иначе объяснить функциональную необходимость такой «ямы» во внутреннем дворе дома, планировка которого полностью согласована с типовой схемой, предусматривавшей во дворе только цистерну или колодец, невозможно.

В результате подробного ознакомления с планом раскопок, и принимая во внимание стратиграфические особенности залегания этого сооружения, а также тот факт, что в непосредственной близости от него, к северо-западу, также под уровнем внутреннего двора дома, была выявлена группа из 7 погребений, имеются все основания считать описанную конструкцию частью погребального сооружения. Скорее всего, остатками наземного погребального памятника - ограды - может быть и небольшая П-образная однослойная кладка, открытая ниже уровня пола в помещении 1 в северо-восточной части дома, за которой также находилось погребение (рис. 1).

Интересным представляется также и анализ строительных остатков в расположенном к юго-востоку квартале XVII. Следует подчеркнуть, что на участке под этим кварталом погребения не были зафиксированы in situ, хотя находки скоплений перемещенных (специально перезахороненных?) человеческих костей уверенно указывали на их наличие[34]. Поэтому, прежде всего, необходимо обратить

внимание на вырубленный в материковой скале «подвал А», который, как следует из плана (рис. 1), не имел отношения к конструкции внутреннего двора дома и был перекрыт одной из кладок его стилобата. Размеры «подвала» согласно чертежу: длина 2,9-3 м, ширина 1,9-2 м. Авторы публикации верно отметили, что этот "подвал" очень похож на аналогичные структуры, открытые в кварталах XIII и XV[35]. Поэтому с большой долей вероятности представляется возможным предположить, что и «подвал», открытый под кварталом XVII, имел отношение к раннему кладбищу. Наверняка, это была еще одна вырубленная в скале могила, не исключено, что и семейного назначения.

Необходимо обратить также внимание и на цепь прямоугольных углублений в скале (около десятка), расположенных на расстоянии 4 м к юго-западу от упомянутой конструкции (рис. 1) по странам света. Авторы отнесли их к средневековому времени (что следует из условных обозначений на плане), однако, соответственно этому же плану, они перекрыты не только кладкой стилобата двора дома раннеэллинистического времени, но и частично сооружениями первых веков н.э. (рис. 1). Поэтому вывод относительно хронологической и функциональной принадлежности может быть продиктован самими стратиграфическими условиями залегания этих вырезанных в скале конструкций. Ничто не противоречит трактовке этих углублений в качестве вырубных могил раннего некрополя. Кроме того, имеются все основания считать эти конструкции принадлежащими семейному участку некрополя.

Выделение семейных участков на территории городского кладбища является серьезной проблемой и в данном случае ее можно попытаться решить именно путем наблюдения над топографией погребальных сооружений. Такие участки уже выделены на Западном некрополе эллинистического времени, где удалось проследить определенную систему в расположении могильных ям и их ориентации. Могилы вырубались в скале рядами приблизительно на одинаковых расстояниях одна от одной, количество их обычно составляло от 4 до 7-8[36].

И, наконец, необходимо рассмотреть погребения, открытые в смежном квартале XVIII. По поводу их этнической атрибуции в свое время велась длительная дискуссия. В настоящее время к этим погребениям можно снова вернуться и существенно дополнить эту проблему новыми наблюдениями. На уровне скалы было зафиксировано десять погребений. Интересно то, что эти могилы, как и в упомянутом выше случае, были пустыми, однако уверенно определены авторами именно как могилы. Неправильная форма могильных ям, которая, с точки зрения авторов, предназначалась только для скорченных погребений, привела их к выводу о принадлежности могил таврам, согласно доминировавшей в то время концепции о варварской принадлежности скорченных погребений[37]. Кроме попытки решения проблемы этнической атрибуции, которая стала популярной темой дискуссий в течение следующих десятилетий, авторам раскопок принадлежит также и очень ценное стратиграфическое наблюдение, которое, однако, не получило надлежащей оценки. Впервые за все время раскопок некрополя на северном берегу в один строительный комплекс с могилами были соединены также и остатки наземных каменных конструкций.

Во время раскопок было прослежено, что могильные ямы располагались на определенных (добавлю, и это очень важно - кратных) расстояниях одна от другой, соответственно двух направлений, ориентированных по странам света (рис. 1). Восточная стена "д" образовывала прямой угол с северной стеной «е». Эти две стены, возведенные на уровне скалы, четко очерчивали направления, согласно которым могилы и были расположены на местности. Авторы реконструировали квадратный план постройки на основании того, что одну из могил на западном фланге они приняли за начало поворота третьего, западного ряда могил. Толщина стен в 0,75 м позволила предположить монументальный характер всего сооружения и в результате предложить его атрибуцию как погребального, которое «принадлежало какой-то богатой таврской семье Херсонеса». Реконструированное сооружение имело квадратный план со стороной в 12,2 м (рис. 1), а находки «обломков капителей и многочисленных обломков керамид и калиптеров», согласно авторам, свидетельствовали о том, что сооружение имело перекрытие[38]. Характер перекрытия (плоское, фронтонное) и ордер фасада, наличие которого логично следовало из упоминания о капителях,

остались, однако, недетализированными.

Необходимо отметить, что дискуссия относительно этнической атрибуции скорченных погребений[39] была недавно подытожена Е.Я. Роговым. С его точки зрения, эта дискуссия «свидетельствует о том, что в такой постановке вопроса и в рамках тех знаний, которыми мы располагаем, проблема решения не имеет»[40]. Единственное, в чем, как представляется, был найден консенсус - это по поводу трактовки «скорченников» как погребений членов гражданской общины Херсонеса, что уже не вызывает особенных возражений[41]. Однако, как кажется, ситуация не является такой безвыходной и окончательно точку в этой дискуссии ставить еще рано.

В частности, никто из исследователей так и не пересмотрел давнюю реконструкцию монументального сооружения, в котором, очевидно, по образцу мавзолея и были, с точки зрения авторов публикации, совершены означенные погребения. Только В.И.Кадеев вспомнил об античных ордерных формах “усыпальницы” как одном из аргументов в пользу ее греческого, а не варварского происхождения[42]. Между тем, необходимость пересмотра и этого вопроса также очевидна - он самым непосредственным образом связан с правильной атрибуцией типа погребального сооружения.

Правильно критикуя авторов публикации «таврского» погребального сооружения за концептуальные просчеты, которые, как известно, являлись данью советской исторической науки 1950-х гг., никто не обратил внимание, что во время раскопок этой «семейной гробницы» были сделаны и некоторые ценные полевые наблюдения. Между тем, именно они, как представляется, могут дать важную и, главное, новую информацию для решения указанной проблемы. Прежде всего, это то, что две достаточно мощные стены четко ограждали могилы с двух, а не с трех сторон, как их реконструировали авторы, что было зафиксировано in situ и хорошо видно на полевом чертеже (рис. 1). Также правильно был установлен факт компактного размещения могил на кратных расстояниях в границах огражденного участка. Необходимо добавить, что северный ряд могил, как следует из чертежа, состоит не только из четырех могил, но также и из углубления в скале, длиной не менее 4 м. Это, в свою очередь, означает, что северная стена - ограда - могла иметь большую, чем реконструированную авторами, длину и составлять не менее 15 м.

В некрополе Херсонеса уже известен случай, когда для устройства семейного участка в скале была вырублена траншея, в которую устанавливались погребальные урны. Она была открыта на южном участке некрополя в 1903 г., имела в длину 5 м, ширину 0,45 м и глубину 0,55 м, в ней находилось 6 погребальных урн[43]. Интересно, что сосуды из этой траншеи, использованные как погребальные урны, имеют датировку, ограниченную концом V - началом IV в. до н.э.[44] Поэтому нельзя исключать, что такой способ устройства семейных захоронений - в виде траншей, в которые ставились урны - мог быть присущ уже раннему участку городского некрополя.

Все эти признаки дают возможность уверенно реконструировать под кварталом XVIII типично античный семейный участок городского некрополя, и вот почему. Сооружение, остатки которого были раскопаны, вполне очевидно не имело ни квадратного плана, ни перекрытия и было построено как отдельно установленная стена - ограда. Такие монументально оформленные ограды семейных участков характерны именно для пространственной организации могильников античного мира - материковой Греции и островов Эгеиды. Две стены, которые ограждали могилы, сходясь под прямым углом, являются остатками монументального погребального перибола, типичного в своем планировочном и конструктивном решении. Именно поэтому двух других стен, которые вероятно реконструировали авторы раскопок для того, чтобы замкнуть квадратную «усыпальницу», в реальности не было - перибол имел разомкнутый план. Согласно античной погребальной традиции, периболы в виде монументальных оград и строились, чтобы отгородить участок семейного погребения[45]. Кстати, могилы, огражденные периболом, могли располагаться не только в один ряд. Две западные могилы, которые авторы раскопок приняли за поворот западного (третьего) ряда погребений, на самом деле могли означать и начало формирования второй линии погребений вдоль северного фронта перибола.

Мощная стена фундаментного ряда уверенно показывает, что это сооружение использовалось как своеобразный цоколь для

установки погребальных памятников. Предложенная нами реконструкция[46], конечно, не претендует на полную идентичность, однако, как представляется, дает возможность представить, как сооружения такого типа вообще использовались и какой общий вид они могли иметь.

О существовании специально построенных монументальных оград, которые окружали погребения, свидетельствует также недавно открытый во время охранных раскопок под 12-й поперечной улицей, между XXXVI и XXIV кварталами, фундаментный ряд аналогичного по своим функциям перибола или памятника-ограды, частично разрушенный более поздней квартальной застройкой[47]. Именно это современное и хорошо документированное открытие подтвердило и наше убеждение в том, что во время расширения территории города и его застройки соответственно регулярной сетки гипподамовой градостроительной системы, все наземные погребальные памятники были преднамеренно разобраны почти до самых фундаментов.

Новая функциональная интерпретация строительных комплексов, открытых на территории раннего некрополя на северном берегу Херсонеса как погребальных, дает возможность с высокой долей вероятности предположить, что в своей планировочной и пространственной организации этот участок городского кладбища следовал основным принципам, перенесенным сюда из материковой Греции. Выполнив впервые и общий план строительных остатков, которые связаны со значительной частью некрополя на северном берегу (рис. 1), кажется, что нельзя также оставить без внимания и вопросы общей ориентации надмогильных сооружений. Эта проблема, в свою очередь, связана с общими вопросами пространственной организации погребальных сооружений городского некрополя.

Еще Г.Д. Белов полагал, что абсолютное большинство погребений было совершено с восточной ориентацией[48]. В настоящее время этот факт является общепринятым, более того, статистически доказано, что для раннего периода существования городского кладбища такие погребения составляли 81%[49]. Представляется, что именно с этим обстоятельством связано и то, что строительство синхронных по времени наземных надмогильных сооружений также происходило соответственно стран света, но с меридиональной ориентацией. Такая ориентация особенно четко выдержана в кварталах XVII и XVIII. Это, во-первых, является дополнительным свидетельством в пользу интерпретации вырезанных в скале сооружений в квартале XVII как погребальных, а во-вторых, может указывать и на главное направление, по меньшей мере, одной из дорог, которая вела к городским воротам в западной линии ранних оборонительных сооружений. Для античных некрополей такая топографическая особенность, когда надмогильные памятники маркировали дороги к городским воротам, является общеизвестным фактом. Хрестоматийными примерами являются дороги, которые вели через некрополь в районе Керамика к Дипилонским воротам в Афинах[50], и две улицы, которыми сквозь территорию некрополя можно было попасть к городским воротам Рамнунта[51].

Как следует из плана (рис. 1), расположение надмогильных сооружений на северном берегу Херсонеса указывает направление возможной трассы дороги, которая вела к городским воротам. На ограниченной фактической базе утверждать это категорически очень сложно, поскольку археологически трасса ранней стены до сих пор не определена. Однако особенности микрорельефа местности, согласно которым к северо-востоку от кварталов XIII и XV наблюдается его подъем, показывает, что городская стена могла проходить именно здесь, не очень отклоняясь от линии будущей 9-й поперечной улицы[52]. Поэтому нельзя исключать, что где-то приблизительно на границе будущих XII и XXIII кварталов (или в районе последнего) и мог быть устроен въезд в город. На такое его вероятное местонахождение, которое должно было соединять город с участком расположенного к западу некрополя, косвенно может указывать и то, что в более поздней линии обороны с запада в город вели также несколько ворот.

И.А. Антонова располагала ворота в ранней стене несколько более на юго-запад, ориентируясь на пересечение будущей главной продольной улицей границы водораздела на центральном плато, северо-западнее театральной балки[53]. Однако представляется, что ранняя линия обороны могла проходить намного восточнее[54]. Именно к ней, а также к расположенным в ней воротам и были

направлены главные подъезды к городу с запада. Такая особенность была зафиксирована и для пространственной организации некрополя более позднего времени. Расположение семейных участков кладбища вдоль дороги, которая, безусловно, вела к воротам возле башни VIII основной оборонительной линии, было прослежено на участке некрополя эллинистического времени возле Песочной бухты[55].

Наблюдения над пространственной организацией некрополя на северном берегу дают возможность с новых позиций подойти и к решению проблемы своеобразия херсонесского городского могильника. Проблема эта в той или иной степени возникает практически перед каждым исследователем, который касается хотя бы одного из многочисленных вопросов, связанных с некрополем Херсонеса. Г.Д. Белову принадлежит и утверждение о небогатом и невыразительном составе погребального инвентаря, сделанное именно на основании изучения могил северного берега[56]. Согласно его мнению, такой состав инвентаря следует объяснять не средним доходом жителей, а общим для граждан обычаем, согласно которому в могилы ставили только мелкие сосуды[57]. По количественному и качественному составу инвентаря этому участку некрополя близок участок, исследованный в районе театра[58]. Е.Я. Рогов добавил к этому общие наблюдения относительно состава погребального инвентаря из некрополя в юго-восточном районе и пришел к важному выводу об отсутствии существенной разницы между отдельными участками городского некрополя, за исключением богатых погребений с золотыми украшениями, возможно, жреческих, из подстенного склепа № 1012[59].

Кроме погребального инвентаря, были детально изучены и типы погребальных сооружений, которые также не выделялись разнообразием в течение всего классико-эллинистического времени[60]. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие также и в рассуждениях о семейных гробницах. Еще Г.Д. Белов обращал внимание на их полное отсутствие по материалам некрополя на северном берегу, поскольку, с его точки зрения, сам тип могил не был приспособлен для семейных погребений[61]. Их отсутствие, согласно Е.Я. Рогову, также является характерной чертой херсонесского некрополя[62]. Из этого правила, согласно его мнению, существуют только два исключения - подстенный склеп № 1012 и упоминавшаяся выше погребальная конструкция 1903 г. на южном участке некрополя. Несмотря на это, Е.Я.Рогов все-таки допустил возможность существования семейных участков некрополя, однако указал, что они, если и были, состояли все же из индивидуальных могил, поскольку зафиксированных фактов подзахоронений не более десяти на весь некрополь[63].

Представляется, однако, что количество семейных погребений не ограничивалось только двумя указанными конструкциями. К их числу следует добавить и упомянутую выше конструкцию в виде такой же траншеи в составе большого семейного участка под кварталом XVIII и семейное захоронение под кварталом XXV на северном берегу[64]. Наиболее вероятно, что для семейных погребений предназначались и те конструкции, которые в виде «ям» больших размеров были вырублены в скале на территории некрополя на северном берегу и в юго-восточном районе. Безусловно также, и в этом следует согласиться с Е.Я. Роговым, что большая часть известных семейных участков состояла из индивидуальных погребений. Однако, думается, что в отличие от Е.Я. Рогова, о наличии семейных участков в некрополе Херсонеса следует в настоящее время говорить не под вопросительным знаком, а как об установленном факте. На их существование прямо указывают прослеженные нами топографические особенности некрополя, а также надписи на архитектурных памятниках - оградах - с именами супружеских пар[65]. Семейные участки захоронений, над которыми устанавливались соответствующие надмогильные памятники, являются характерной чертой городского некрополя Херсонеса.

Размышления над причинами отсутствия в херсонесском городском могильнике подкурганных погребений в каменных склепах, за исключением известного Шверинского кургана, привели Е.Я. Рогова к мысли о том, что «невосприимчивость жителей города к влиянию не только варварского окружения, но и погребальной практики соседних эллинских городов, где традиция захоронения в курганах получила устойчивое и повсеместное распространение, коренится в строгости погребальных норм, их консервативности,

опиравшихся, скорее всего, на какие-то внутриполисные представления, может быть, даже оформленные законодательно»[66]. Эта идея получила дальнейшее развитие у Р.В. Стоянова, который, в свою очередь, полагал, что особенности херсонесского некрополя свидетельствуют «о невосприимчивости жителей Херсонеса Таврического к влияниям, как со стороны других эллинских центров, так и со стороны варварского окружения. Для городского некрополя V-I вв. до н.э. были характерны устойчивость форм и конструктивных особенностей погребальних сооружений, стабильность соотношений способов захоронения, единообразие типового состава погребального инвентаря. Причины этого кроются в свообразии погребальных форм, носивших регламентованный, консервативный характер»[67].

Из приведенных цитат понятно, что выводы первого исследователя, которые явились попыткой объяснения отсутствия курганов в херсонесском могильнике, были поддержаны и практически полностью экстраполированы вторым на весь некрополь в целом. Проведенное же нами исследование, как представляется, может существенно откорректировать эти выводы[68]. Действительно ли городской некрополь Херсонеса был таким бедным и маловыразительным и принадлежал социально однородному и малообеспеченному населению, как это традиционно утверждается на основании анализа не очень многочисленного и не очень разнообразного погребального инвентаря[69]? Что же конкретно определяет специфику строго регламентированных и консервативных погребальных норм херсонеситов, о которой так много говорится[70], и, главное, где следует искать истоки этой специфики? Именно эта проблема так и не получила необходимого решения, поскольку дальше констатации этого факта дело, как правило, не идет.

В настоящее время можно уверенно говорить о влиянии нескольких факторов, которые действительно обусловили своеобразие херсонесского городского некрополя и его непохожесть на остальные некрополи Северного Причерноморья. Однако дело здесь, очевидно, не только, вернее, не столько в однотипности погребального инвентаря или стандартных конструкциях могил. Имеются все основания утверждать, что пространственная организация раннего херсонесского городского некрополя в тех его частях, которые находились на наиболее близком расстоянии от городских ворот, следовала традициям, перенесенным сюда из материковой Греции. Скорее всего, эта традиция сохраняется и позднее, в эллинистическое время, когда было налажено широкое местное производство многих типов надгробных памятников. В основе планировочной организации находился принцип расположения семейных участков некрополя с типологически разнообразными надмогильными памятниками на искусственных подиумах - периболах, которые в виде террас фланкировали основные коммуникации в направлении к городским воротам. Поэтому, как представляется, следует переставить акценты и в вопросе об уровне зажиточности погребенных на этих участках граждан. Очевидно, что он определялся не однородным погребальным инвентарем или конструкцией могил, а надмогильными памятниками, привезенными из Греции или изготовленными в Херсонесе[71].

Из сказанного следует, что и вывод о «невосприимчивости жителей Херсонеса Таврического к влияниям... со стороны других эллинских центров»[72] необходимо скорректировать. Некрополь Херсонеса Таврического в своей пространственной организации, наоборот, достаточно точно следует традициям, которые были перенесены в этот регион из, возможно, нескольких центров материковой Греции. Именно этот фактор, с нашей точки зрения, и явился основным, который определил яркую самобытность городского некрополя Херсонеса и его отличие от всех остальных аналогичных памятников региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Косцюшко-Валюжинич К.К. Гробницы, урны и катакомбы, открытые в 1891 году в Херсонесе, на косогоре у южной городской стены // ОАК за 1891 г. - СПб., 1893, с. 137-150.
2. Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ19. - 1978, с. 45 сл.; Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА 3. - 1981, с. 163 сл.; Зубар В.М. Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонесу // Археологія 25. - 1978, с. 50-59; Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. - К., 1982, с. 9, рис. 1; Стоянов Р.В. Некоторые аспекты хронологии и районирования Херсонесского некрополя

классического и эллинистического периодов // ХСб. XII. - Севастополь, 2003, с. 165-176.

3. Вопросам пересмотра основных этапов крепостного строительства в Херсонесе в целом и в юго-восточном районе в частности посвящена отдельная работа, см. подробнее: Буйских А.В. К хронологии и атрибуции сооружений у юго-восточных ворот Херсонеса Таврического // БИ IX. – Керчь-Симферополь, 2005, с. 138-158.
4. Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935-36 гг. - Севастополь, 1938, с. 163-195; Стржелецкий С.Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году // ХСб. IV. - 1948, с. 51-63; Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА 34. - 1953, с. 32-108; Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА 34. - 1953, с. 13-14; Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII // МИА 34. - 1953, с. 161-163; Кадеев В.И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ 1. – 1973, с. 113-114; Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи…, с. 163 сл.; Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и азвития Херсонесского государства // Stratum plus 3. – Санкт-Петербург-Одесса, 1999, с. 124-127.
5. Лепер Р.Х. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913-1915 гг. - СПб., 1918, с. 53, 60.
6. Ryzhow S. Excavations of Insula XXXVI at Chersonesos // The Study of Ancient Territories. Chersonesos & Metaponto. 2003 Field Report. - Austin, 2003, p. 47.
7. Зедгенидзе А.А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА 145. – 1976, с. 28 сл.; Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Некрополь Херсонеса V-IV вв. до н.э. // КСИА 168. – 1981, с. 3 сл.
8. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1897 г. - СПб., 1900, с. 94-96; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1898 г. - СПб., 1901,с. 111 -113; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1899 г. - СПб., 1902, с. 14, рис. 22; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1900 г. - СПб., 1902а, с. 22.
9. Буйских А.В. К хронологии и атрибуции сооружений…, с. 150.
10. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ 25. - Свердловск, 1990, с. 17.
11. Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА 143. – 1975, с. 109-116; Зубарь В.М., Ланцов С.Б. Новый участок эллинистического некрополя Херсонеса // КСИА 191. - 1987, с. 34; Стоянов Р.В. Некоторые аспекты хронологии и районирования Херсонесского некрополя классического и эллинистического времени // ХСб. XII. – Севастополь, 2003, с. 175-176.
12. Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ IV. – Севастополь, 1969, с. 9 сл.; Антонова И.А., Бабинов Ю.А. Исследование 20-й куртины херсонесских оборонительных стен // АО 1969 г. - М., 1970, с. 248.
13. Антонова И.А., Аркадова Л.А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // АО 1970 года. - М., 1971, с. 271; Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. VII – Севастополь, 1996, с. 123; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2000, с. 502-504.
14. Подробно, с литературой см.: Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus 3. – Санки-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999, с. 116-144.
15. Белов, Отчет о раскопках..., с. 193.
16. Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи..., с. 164 сл.; Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 125-128.
17. Белов, Отчет о раскопках... С. 163 сл.
18. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 126.
19. Белов, Отчет о раскопках..., с. 164.
20. Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития..., с. 126.
21. Белов, Отчет о раскопках..., с. 223.
22. Там же, план. Ср.: Буйских А.В. Жилые дома на северном берегу Херсонеса // ХСб. X – Севастополь, 1999, с. 23-30.
23. Белов, Отчет о раскопках..., с. 222-223.
24. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА 34. – 1953, с. 41 сл., рис. 6. 14.
25. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1891 год. - СПб., 1893, с. 7.
26. Буйских, Жилые дома..., с. 26-27.
27. Антонова, Бабинов, Исследование 20-й куртины..., с. 248-249.
28. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведывающего раскопками в Херсонесе // ОАК за 1897 г. – СПб., 1900, с. 129, план на с. 125.
29. Стоянов Р.В. Две плитовые погребальные конструкции в Херсонесе Таврическом // Северное Причерноморье в античное время. - К., 2002, с. 159-160.
30. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1902 г. - СПб., 1904, с. 41, рис. 69.
31. Речь идет о так называемом «нимфее», который, вслед за Е.Н. Жеребцовым (Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА 159. – 1979, с. 34-37), представляется возможным трактовать как погребальное сооружение, скорее всего, семейного назначения. См. подробнее: Буйских, К хронологии и атрибуции..., с. 146.
32. Белов, Отчет о раскопках..., с. 222.
33. Белов, Стржелецкий, Кварталы XV и XVI..., с. 50-51.
34. Белов, Якобсон, Квартал XVII..., с. 109-110.
35. Там же, с. 111.
36. Щеглов, Некрополь у Песочной бухты..., с. 109, 116; Зубарь, Ланцов, Новый участок эллинистического некрополя..., с. 37.
37. Белов, Стржелецкий, Якобсон, Квартал XVIII..., с. 163.
38. Там же, с. 161-163.

39. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. - К., 1966, с. 214 сл.; Кадеев, Об этнической принадлежности..., с. 108-116; Козуб Ю.И. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. - К., 1974, с. 21; Зубар В.М. Скорчені поховання з некрополю Херсонеса IV ст. до н.е. // Археологія 3 - 1995, с. 137-146.
40. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 124.
41. Там же. С. 126.
42. Кадеев, Об этнической принадлежности..., с 114.
43. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК 16. – 1905, с. 106.
44. Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // Stratum plus 3. – Санкт-Петербург-Одесса, 2000, с. 134.
45. Mersch A. Studien zur Siedlungsgeschichte Attikas von 950 bis 400 v. Chr. (Europäische Hochschulschriften. Serie XXXVIII. Bd. 58). Frankfurt am Main, 1998, s. 36-37.
46. Буйських А.В. Про один маловідомий тип надмогильних пам'ятників некрополя Херсонеса IV-III ст. до н.е. // Археологія 1. - 2005, с. 56-56.
47. Ryzhov, Excavations of Insula XXXVI…, p. 43 ff.
48. Белов, Отчет о раскопках..., с. 193.
49. Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса Таврического V-I вв. до н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - СПб., 2004, с. 11.
50. Kovacsovics W.K. Die Eckterrasse an der Gräberstrasse des Kerameikos (Kerameikos. Bd. XIV). - Berlin - New York, 1990, abb. 1.
51. ΠΕΤΡΑΚΟΣ Β.Χ. Ο ΔΗΜΟΣ ΤΟΨ ΡΑΜΝΟΥΝΤΟΣ Ι ΑΘΗΝΑΙ. - 1999, s. 335-341.
52. Г. Д. Белов предполагал, что стена могла проходить по трассе 8-й поперечной улицы - Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА 13. – 1950, с. 283.
53. Антонова, Рост территории Херсонеса ..., с. 13.
54. Буйских, К хронологии и атрибуции сооружений..., с. 150.
55. Щеглов, Некрополь у Песочной бухты..., с. 109.
56. Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи..., с. 177.
57. Белов Г.Д. Керамика конца V-IV века до н.э. из некрополя Херсонеса // ТГЭ XVII. – 1976, с. 120-121.
58. Зедгенидзе, Савеля, Некрополь Херсонеса…, с. 7.
59. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 127-128; Он же. Столетие открытия подстенного склепа 1012 в Херсонесе // Stratum plus 3. – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 2000, с. 96-97.
60. Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА 13. - 1950, с. 166.
61. Там же, с. 276.
62. Рогов, Столетие открытия..., с. 96-97.
63. Там же, с. 97.
64. Кадеев, Об этнической принадлежности..., с. 113.
65. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. - К., 1973, № 174, 175; Буйских А.В. К типологии надгробных памятников некрополя Херсонеса Таврического IV-I вв. до н.э. // Древности степного Причерноморья и Крыма XII. – Запорожье, 2005, с. 198.
66. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 128-129.
67. Стоянов, Некрополь Херсонеса Таврического..., с. 16.
68. Проблеме курганных захоронений с каменными склепами в некрополе Херсонеса нами посвящена отдельная работа. Здесь следует только отметить, что наличие подкурганных склепов, построенных под явным македонским влиянием, исходя из находок отдельных архитектурных деталей (в частности, каменной двери склепа), является неоспоримым фактом. Уже поэтому Шверинский курган не был уникальным явлением для херсонесского некрополя. Подробнее см.: Буйських А.В. До проблеми підземних склепів в некрополі Херсонеса Таврійського IV-III ст. до н.е. // Археологія 3.– 2005, с. 18-23.
69. Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи…(1950), с. 284; Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи…, с. 171.
70. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 128-129; Стоянов, Некрополь Херсонеса Таврического..., с. 15-16.
71. Буйських, Про один маловідомий тип..., с. 55-56.
72. Стоянов, Некрополь Херсонеса Таврического..., с. 16.

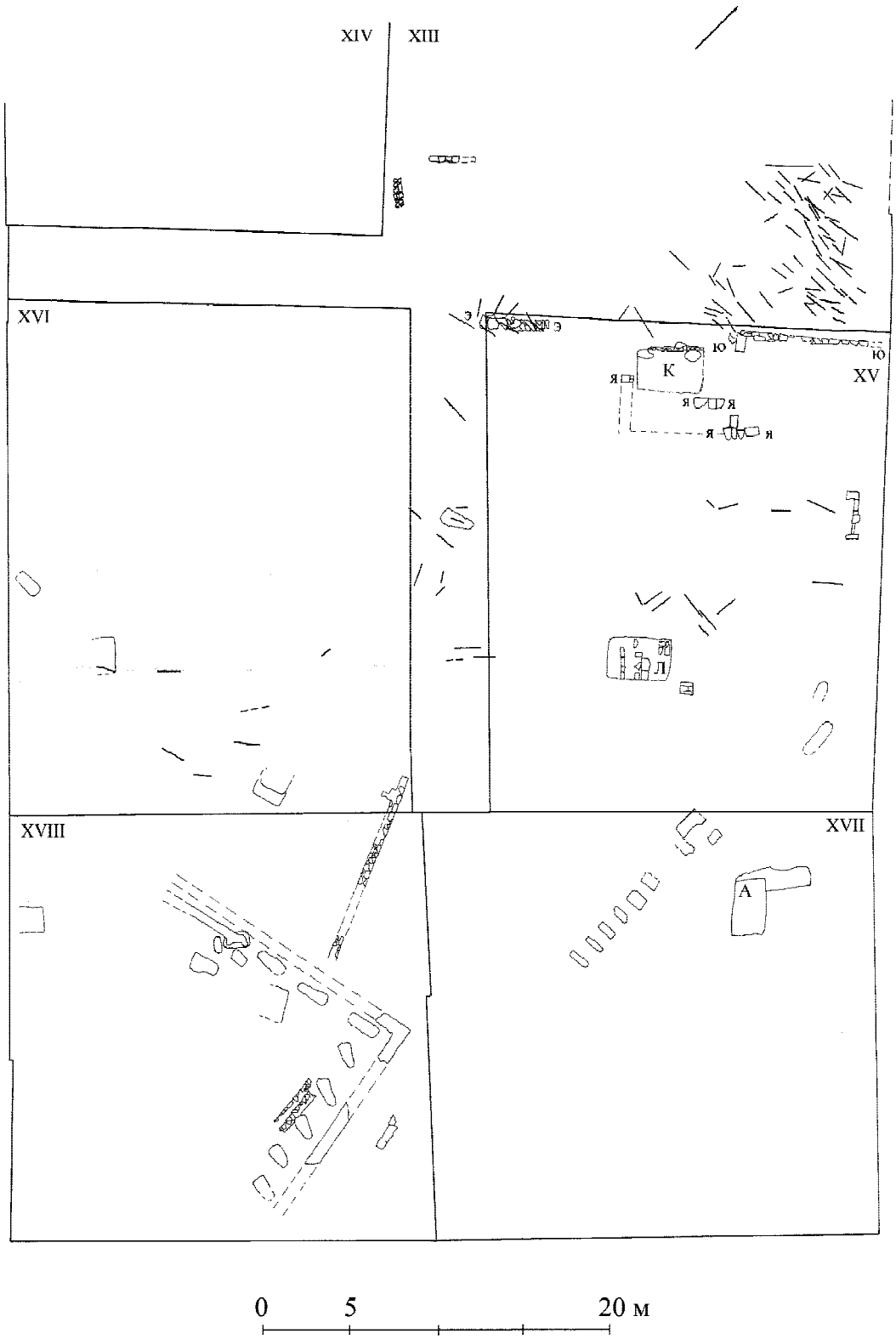

Рис. 1. Сводный план строительных остатков некрополя Херсонеса на северном берегу (по Белову Г.Д., 1938; Белову Г.Д., Стржелецкому С.Ф., 1953; Белову Г.Д., Якобсону А.Л., 1953; Белову Г.Д., Стржелецкому С.Ф., Якобсону А.Л., 1953).

С.Б. БУЙСКИХ

АРХАИЧЕСКИЙ АХИЛЛЕЙОН БЛИЗ ОЛЬВИИ В ЗЕРКАЛЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Среди ряда замечательных памятников эпохи греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья, составляющих сердцевину источниковедческого фонда наших представлений о ней, по праву находится и Бейкушский мыс[1]. Как показывают новейшие археологические исследования, подкрепленные материалами, полученными ранее, это место во второй четверти VI - первой трети V в. до н. э. являлось одним из наиболее ранних и важных очагов отправления культа Ахилла в регионе[2]. Оно служило в качестве признанного святилища ионийских колонистов и входило в специальную систему охранительных сакральных зон, размещавшихся по границам Ольвийского полиса в Нижнем Побужье[3].

По всем основным показателям: месторасположению, характеру и функциональному назначению открытых строительных комплексов, культовой обрядности, сакральному ассортименту и соответствующему ему контексту находок, многочисленности и адресности греческих граффити, в подавляющем большинстве связанных со знаменитым героем Троянской войны, впоследствии причисленным к сонму божеств, Ахиллом, Бейкуш полностью соответствует кругу античных колониальных святилищ extra-urban[4]. Несмотря на всю специфику и разнообразие бейкушских сакральных комплексов, свидетельствующих об умелой адаптации традиционной греческой религиозной практики к колонизационным условиям, святилище на Бейкушском мысу, как и подобные, посвященные герою-богу культовые памятники в метрополии[5], можно с достаточным основанием именовать ольвийским Ахиллейоном архаической эпохи.

Как известно, это местонахождение с материалами архаического времени, впервые зафиксированное Э.Р. фон Штерном еще в начале XX столетия[6], лишь в 1965 г. было подвергнуто тщательному научному обследованию, предпринятому А.С. Русяевой[7]. Последовавший затем цикл планомерных разведочных работ исследовательницы на Бейкуше в 1967-1969 гг.[8] и оперативное введение в научный оборот полученных здесь весьма важных материалов[9] пробудили к памятнику обоснованный интерес научной общественности. Этому в немалой степени способствовало весьма оригинальное устройство ряда открытых здесь углубленных в землю сооружений, отличавшаяся своеобразием группа вещественных находок (в первую очередь, вотивных керамических кружков с посвящениями Ахиллу и магическими знаками) и сама интерпретация памятника автором раскопок, выделявшая Бейкуш из числа рядовых античных сельских поселений Нижнего Побужья колонизационной эпохи.

Весь объем полученной в ходе раскопок Бейкуша научной информации позволил А.С. Русяевой прийти к заключению о нахождении здесь поселения, основанного ионийскими колонистами, среди которых был очень популярен культ Ахилла, возможно, даже прибывших из той местности в метрополии, где он почитался[10]. Она также считала, что здесь могло располагаться и специальное святилище, о чем говорят многочисленные бейкушские вотивы, связанные с культом героя-бога[11]. Сам же Бейкушский мыс, по ее мнению, был посвящен Ахиллу, также как Левка, Тендра и другие места его почитания в Северо-Западном Причерноморье[12]. Не все моменты в интерпретации А.С. Русяевой открытых на Бейкуше комплексов и оценке всего памятника в целом[13], в силу объективных причин, выдержали испытание временем. Однако ее главные идеи, касающиеся возможности нахождения на Бейкушском мысу святилища Ахилла, были полностью подтверждены в ходе последующих раскопок памятника[14]. Эти идеи в целом получили положительную оценку в отечественном антиковедении, были поддержаны, использованы и развиты в своих работах многими исследователями, большинство из которых полностью согласились с А.С. Русяевой в обоснованности атрибуции исследовавшегося памятника как святилища[15].

Не столь однозначно складывалась ситуация с интерпретацией материалов раскопок Бейкушского мыса и разработкой связанных с нею вопросов происхождения и развития культа Ахилла в Северном Причерноморье в зарубежной историографии. Однако данный аспект изучения памятника в нашей литературе

освещения практически не получил. Поэтому в год 40-летия вторичного открытия Бейкуша (1965) и начала его планомерного археологического исследования мы и решили предложить вниманию читателя нижеследующий очерк, в котором в общих чертах попытались передать то представление о Бейкуше, которое сложилось о нем в современной европейской и американской научной литературе.

Первой зарубежной работой, где можно было бы ожидать использование новых данных о культе Ахилла в ольвийском регионе, могла стать книга Э. Белена де Баллю[16], учитывая знание автором русского языка и хорошее знакомство с русской и советской археологической литературой. Однако, как справедливо подчеркивалось рецензентами[17], эта работа не отвечала достигнутому к тому времени состоянию источников, новейшая литература в ней была просто проигнорирована, разделы же об ольвийской религии и культах страдали необычайной краткостью и носили, как и вся книга в целом, компилятивный характер. Поэтому неудивительно, что никакой информации о Бейкуше в данной книге не содержалось. В разделе о религии архаического времени (с. 42-46) о культе Ахилла речь вообще не идет. В последующих же по времени тематических разделах автор, как правило, не выходит за рамки того, что было известно о культе Ахилла к началу XX в. (с. 77-82, 139, 164-165)[18].

В 1974 г. была опубликована статья Б. Браво, посвященная интерпретации известного березанского письма Ахиллодора[19]. Значительная ее часть посвящена критическому обзору различных источников о распространении культа Ахилла в Северном Причерноморье и, казалось бы, бейкушские материалы и тематически, и хронологически должны были бы привлечь в этом плане внимание исследователя. Однако ни в основном тексте (с. 134-149), ни в примечаниях, где дана библиография по указанной теме (с. 182-183, прим. 47), о работах А.С. Русяевой не сказано ни слова. Вместе с тем, известная статья исследовательницы о бейкушских вотивах, связанных с Ахиллом, была опубликована тремя годами раньше. Возможно, и она, и более ранние публикации А.С. Русяевой остались для Б. Браво неизвестными.

Такую же ситуацию, очевидно, следует предполагать и с диссертацией Д. Кемп-Линдеманн (1975), посвященной иконографии Ахилла в античном искусстве. Как показывает раздел, отведенный в рамках ее работы развитию культа Ахилла, ни эта статья А.С. Русяевой, ни вообще какие-либо работы (!) по данной проблеме из богатого фонда русской, украинской и советской историографии ею использованы не были[20]. Опирается она лишь на сведения античных авторов, в целом скудную и не очень новую зарубежную историографию, а из новой - на Е. Белена де Баллю.

В этом же 1975 г. увидела свет известная монография А. Вонсович, посвященная Ольвии[21]. На страницах книги автор упоминает бейкушские граффити в контексте общей характеристики культа Ахилла в регионе, ссылаясь на статью А.С. Русяевой (с. 58). В каталоге античных поселений и некрополей Ольвийского региона, приложенном к основному тексту, дана также общая характеристика памятника, правда, с неполной библиографией (с. 149, № 58). А. Вонсович переопубликовала в этой книге и ряд бейкушских граффити (рис. 26-27) из упомянутой статьи А.С. Русяевой, однако сделала это весьма небрежно: I и II группы вотивных кружков вообще не даны, остальные даны не по порядку, а IV-я - вообще без подписи (рис. 27), так же как и граффити на фрагментах сосудов из Бейкуша (рис. 26). Сугубо компилятивным характером (как в текстовой, так и в иллюстративной части) в отношении культа Ахилла в Ольвийском полисе, в т.ч. и на Бейкуше, отличалась и более поздняя (1984) работа А. Вонсович[22]. Все это, конечно, не способствовало верному восприятию памятника зарубежным читателем.

К сожалению, весьма произвольно были выбраны из статьи А.С. Русяевой граффити в качестве иллюстраций и для, в целом добротной и основательной, работы Х. Хоммеля[23]. Здесь (рис. 1), без соответствующих пояснений были объединены бейкушские вотивные кружки III и IV групп, а также граффити на фрагментах сосудов. Что же касается самого содержания и значения работы Х. Хоммеля, то их трудно переоценить. На базе комплексного использования источников он убедительно показал Ахилла не в традиционной ипостаси прославленного героя, а в роли бога, подчеркнув при этом, что с самого начала Ахилл почитался как бог не только в Северном Причерноморье, но и в Милете, т.е. там, откуда прибыли в данный регион первые колонисты[24]. В этой работе Х. Хоммель также обосновал точку зрения о том, что Ахилл первоначально был богом загробного мира[25]. Во всех этих позициях он активно опирался и на бейкушские материалы, обнаруживая хорошее знакомство с вышедшей к тому времени литературой на русском и украинском языках[26]. На наш взгляд, работа Х. Хоммеля, несмотря на то, что она опубликована четверть века тому назад,

остается одним из лучших в зарубежной историографии исследований по культу Ахилла в Северном Причерноморье.

В этом смысле в один ряд с нею можно поставить лишь монографию Н. Эрхардта (1983). Автор прекрасно ориентируется в русской и советской литературе по теме и активно использует ее для характеристики культа Ахилла, привлекая и бейкушские граффити[27]. Этого нельзя сказать о вышедшей в 1988 году книге А. Цункер. Исследовательнице абсолютно не знакомы работы по этой теме, опубликованные в русской и советской историографии[28], и в вопросах освещения культа Ахилла и греческой колонизации Северного Причерноморья в целом она использует лишь опыт евро-американской науки. Показательно, что через восемь лет другая исследовательница - Л. Балензифен, говоря о культе Ахилла в черноморском регионе и считая, что «в почитании Ахилла как бога или героя в Скифии видится дальнейшее локальное развитие мифа, который предположительно возник в связи с колонизцией района Черного моря»[29], сослалась для подкрепления своих выводов лишь на эту работу А. Цункер. В вопросах происхождения и развития культа Ахилла опирается в основном на труды западных ученых в этой области и Ф. Граф[30]. После пассажа о том, что в северной части Черного моря культ Ахилла был известен не только на Левке, но и в Ольвии, он лишь скупо констатирует в примечании наличие граффити VI в. до н.э. из березанской округи, называя статью А.С. Русяевой (1971) с отсылкой на Х. Хоммеля[31].

Весьма ограниченное место занимают новые археологические материалы и в статье Г.Ф. Пинни «Ахилл - владыка Скифии»[32]. Она лишь указывает, что важность почитания Ахилла на территории Ольвийского государства подтверждается подписанными приношениями («inscribed dedications»), найденными на Фидониси (Левке), Березани и окружавшей их территории, начиная с конца VI в. до н.э.[33] О наличии бейкушских граффити она знает исключительно по работе Х. Хоммеля[34].

Совсем не учитывает их и И. Малкин, хотя работа Х. Хоммеля ему также знакома. В том месте своей, в целом, важной и интересной монографии, где говорится о культе Ахилла в Северном Причерноморье, он пишет, что «…it was not expressed in the sacred precincts belonging to the initial period of foundation»[35]. Однако это может быть признано справедливым только в отношении собственно Ольвии-города, тогда как пример Бейкуша показывает, что такие священные места могли размещаться на хоре, за пределами города. К вышеприведенному же заключению И. Малкина привело незнание специальной отечественной литературы по этому вопросу: в его ссылочном аппарате полностью отсутствуют работы непосредственных исследователей памятников культа Ахилла в Северном Причерноморье.

Это характерно и для работы Дж.Т. Хукера[36], который выступил с возражениями против концепции Х. Хоммеля. Отстаивая первоначальное почитание Ахилла на Левке и Северном Понте в целом только как героя, он, вероятно, совсем не обратил внимание на важность бейкушских находок, использованных в работе Х. Хоммеля. Иначе, думается, он не стал бы столь категорично утверждать, что факты, подтверждающие бессмертие Ахилла, являются изобретением пост-гомеровского времени, и они не имеют никакой связи с каким-либо конкретным местом и не отражены в культе[37].

В этой связи следует со всей серьезностью подчеркнуть, что для большинства зарубежных исследователей, берущихся без личного знакомства с памятниками и конкретным археологическим материалом за изучение культа Ахилла в Северном Причерноморье в целом, вообще характерно или полное незнание русской и украинской библиографии по теме, или весьма недостаточное и неглубокое с ней знакомство. Ярким примером этому служит статья Г. Хедрена[38]. Строя свою аргументацию на компилятивных данных о Бейкуше, почерпнутых из работ А. Вонсович (1975) и А. Коцибалы[39], не владея информацией в необходимом объеме (несмотря на то, что ему как будто бы знакомы отдельные статьи А.С. Русяевой), он описывает и сам памятник, и находки, сделанные здесь, в весьма искаженном виде. По Г. Хедрену, Бейкуш - это маленькое рядовое поселение, состоявшее всего из 15 жилищ, которые датируются второй половиной VI в. до н.э.[40] Контекст находок керамических кружков, согласно его мнению, не религиозный, а «domestic»[41], они не являются пожертвованиями Ахиллу, а «might have been intended as gaming pieces for Achilles»[42]. Все эти положения далеки от реальности. Автор построил свои выводы на предварительных публикациях результатов раскопок памятника. Для него, к сожалению, остались неизвестными ни монография А.С. Русяевой, ни статья В.М. Отрешко, в которых бейкушским комплексам и находкам была дана соответствующая аналитическая оценка[43].

Разница подходов Х. Хоммеля и Г. Хедрена к решению одной и той же научной проблемы очевидна. Если первый признает, что данными

о культе Ахилла на Северном Понте «verdankt die westliche Wissenschaft fast ausschließlich der Forschung der diesem Gebiet anliegenden Nationen, insbesondere den Russen»[44], и подчеркивает, что для исследований этого культа «zunächst ist wichtig die Bibliographie von in Sowjetrußland publizierten Arbeiten»[45], то второй сетует на то, что «The evidence for the cult of Achilles in the Euxine is not very well known, partly because some of it has been published only in Russian»[46]. И если для Е. Диля, писавшего в начале 1950-х гг.: «Die Ergebnisse der neusten sowjetrussischen Forschungen sind leider noch nicht zugänglich»[47], еще можно понять, то позицию Г. Хедрена для начала 1990-х гг. объяснить трудно.

Работа Г. Хедрена, содержавшая далеко неполную и неверную информацию о Бейкуше, к сожалению, получила широкую известность в западной литературе в качестве основополагающей работы как об этом памятнике, так и о культе Ахилла в Северном Причерноморье в целом. В этой связи следует сказать, что А.С. Русяевой в конце 1980-х - начале 1990-х гг. был опубликован ряд важных исследований по эпиграфике и религиозным представлениям населения Нижнего Побужья в архаическую эпоху[48], где важное место занимали и бейкушские материалы. Их объективная научная интерпретация получила развитие и в работах ее коллег[49]. Несмотря на это, западные исследователи продолжают ссылаться лишь на статью Г. Хедрена, не замечая этих работ.

Вряд ли дело заключается только в языковом барьере, так как, например, статья А.С. Русяевой (1983) на французском языке, в которой охарактеризованы бейкушские вотивы с посвящениями Ахиллу[50], вышла намного раньше статьи Г. Хедрена, однако на нее западные исследователи также предпочитают не ссылаться. В 1986 г. была опубликована на немецком языке статья Ю.Н. Трещевой[51]. Ее работа, хотя и была посвящена культу Ахилла Понтарха в послегетской Ольвии, но в ней были кратко охарактеризованы свидетельства почитания героя-бога и в более раннее время, в т.ч. керамические и костяные кружки из Бейкуша с вотивными рисунками и магическими символами. Кроме того, в статье имелись ссылки на работы А.С. Русяевой, которые пытливому западному исследователю подсказали бы, к какой новой литературе по культу Ахилла в дальнейшем ему нужно обратиться. Но эту подсказку не заметили.

И спустя восемь лет после этого, Т. Мавроянниc отмечает, что новые материалы (имея в виду Бейкуш) для культа Ахилла в Ольвии Понтийской получены ... благодаря Г. Хедрену[52]. Хотя он и указывает, что раскопки на Бейкуше проводила А.С. Русяева, но не называет ни одной ее работы, отсылая к библиографической сводке в статье Г. Хедрена[53]. К чести этого исследователя, посвятившего в своей фундаментальной работе об Ахиллейоне на о-ве Тенос целый раздел истории развития культа Ахилла в Ольвии[54], следует отнести то, что, в отличие от Г. Хедрена, он сомневается в «domestic» контексте находок бейкушских граффити и считает их вотивными приношениями Ахиллу[55].

Привлекая для рассмотрения в своей книге по ольвийской эпиграфике некоторые бейкушские граффити, на вышеупомянутую точку зрения Г. Хедрена о керамических кружках сослался и Л. Дюбуа[56]. В то же время, мнение А.С. Русяевой как автора раскопок о предназначении бейкушских вотивов он почему-то не привел. Говоря об «ольвийском Бейкуше» как об одном из мест распространения культа Ахилла в Понтийском регионе с VI в. до н.э., ссылается исключительно на все ту же статью Г. Хедрена и К.М. Антонацци в своей монографии о погребальном и героическом культе в ранней Греции[57].

В 1995 г. в западной литературе появилась, наконец, полновесная монография об Ольвии не ретрансляторов, а непосредственных исследователей Ольвии - Ю.Г. Виноградова и С.Д. Крыжицкого, посвященная ее истории, культуре и основным результатам многолетнего планомерного исследования города и его сельской округи. В главе «Религия и культы», говоря о хтоническом характере культа Ахилла в Нижнем Побужье, авторы (дав необходимые ссылки на А.С. Русяеву и исчерпывающую библиографию ее работ в конце книги), основывались, прежде всего, на бейкушских вотивно-магических остраконах с изображениями змей, итифаллических человеческих фигурок, дерева, волны и т.п.[58] Часть этих граффити была подана и в иллюстративной части издания[59].

Однако эту книгу и эти рисунки, очевидно, не увидела Г. Салапата. В 1997 г., приводя в качестве примера сочетания изображений оружия и змеи, символизирующих культ греческих героев, бейкушские «terracotta disks»[60], она ссылается не на нее, не на работы А.С. Русяевой, а, как нетрудно догадаться, на статью Г. Хедрена. Ссылка эта, правда, не совсем объяснима. Дело в том, что Г. Хедрен не дал в своей работе ни одной (!) иллюстрации. Поэтому, как Г. Салапата, не видя рисунков самих бейкушских и ольвийских граффити, выбрала их в качестве одной из опорных аналогий, остается только догадываться.

Перевернем страницы еще некоторых изданий. Дж. Бургесс в большой статье, посвященной развитию темы о гибели Ахилла в античной мифологии, осторожно отнесся к идее Ф. Тордарсона о том, что черта неполной неуязвимости Ахилла была перенесена к нему от скифского прототипа Сослана в конце VI в. до н.э.[61] В то же время он счел возможным признать скифское влияние на становление греческой концепции Ахилла в мифе и культе. Опирался он в вопросах развития культа Ахилла в Северном Причерноморье[62] на вышеупомянутые работы Д. Кемп-Линдеманн, Х. Хоммеля, Г. Пинни и Г. Хедрена, не использовав ни одной работы конкретных исследователей памятников культа Ахилла в Северном Причерноморье. Ф. Тордарсон же, говоря об этом[63], вообще ссылался лишь на известный рошеровский лексикон, том которого со статьей Ц.Флейшера[64] об Ахилле (включавшей специальный раздел о культе и местах почитания героя, построенный почти исключительно на письменных источниках) вышел ... в 1884-1886 гг. О каком современном понимании сути проблемы может идти здесь речь?

Тема о так называемых местных (варварских) влияниях на культ Ахилла была в дальнейшем развита Дж.Бургессом на II Понтийском конгрессе в Анкаре в 2001 г. Материалы конгресса еще не опубликованы, однако, как показывает резюме доклада в пре-актах[65] и список литературы, приложенный к ним, работы непосредственных исследователей мест почитания Ахилла в Северном Причерноморье, в том числе Левки (С.Б. Охотникова и А.С. Островерхова[66])и Бейкуша (А.С. Русяевой и С.Б. Буйских), ему остались неизвестны. Вместе с тем, в иллюстративном приложении к докладу использованы некоторые бейкушские вотивные кружки с граффити - без ссылок на автора раскопок и публикаций.

Судя по краткому изложению доклада, автор демонстрирует полное незнание современного состояния проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья, характера взаимоотношений греков с варварским населением и достигнутых на сегодня конкретных результатов в деле изучения культа Ахилла. Очевидно также, что этот автор, как и большинство западных исследователей, уже много лет ошибочно, но настойчиво смешивает культ Ахилла этапа греческой колонизации Северного Понта и культ Ахилла Понтарха II-III вв. н.э.[67] Это методически не оправдано, т.к. необходимо различать две стадии развития культа Ахилла[68] и, как справедливо отметил П.Д. Диатроптов, «не приписывать свойства Ахилла на Левке - Ахиллу Понтарху и не переносить качества Понтарха ретроспективно в прошлое»[69].

В связи с этим хотелось бы сказать еще об одной весьма популярной тенденции в зарубежной историографии, непосредственно связанной с развитием мифологических представлений об Ахилле в понтийском регионе. Целый ряд исследователей, занимаясь лингвистическим либо этнологическим конструированием образа героя-бога, собирают его черты у всех индоевропейских народов, населявших в древности северо-причерноморское побережье, кроме греков. В итоге появляются схоластические исследования, проведенные в полном отрыве от имеющейся базы конкретно-исторических и археологических данных. Примером может служить работа К. Тюте об Ахилле и его кузенах на востоке Понта[70], в которой достигнутое в нашей науке по культу Ахилла для западной и северной частей Понта в расчет не берется.

Попутно заметим, что в этом плане по непонятным причинам в западных тематических исследованиях зачастую игнорируются и различные группы конкретного археологического материала, в том числе и эпиграфического, опубликованного в нашей литературе. Так, более 2500 рисуночных граффити из разных частей античного мира собрал в своем интересном исследовании М. Лангнер[71]. Однако Северное Причерноморье оказалось представленным в нем только Нимфеем. Бейкушские рисуночные граффити, ко времени подготовки работы М. Лангнера уже хорошо известные в европейской науке, сюда не вошли, как и многие другие подобные памятники Ольвии, Херсонеса, Неаполя Скифского, Пантикапея и др. Остается только сожалеть, что одна из главных целей книги, которую ставил перед собой автор - «собрать все рассеянные по публикациям рисуночные граффити»[72], оказалась, таким образом, до конца не выполненной.

Как видим, основной недостаток большинства охарактеризованных выше работ заключается в незнании специальной археологической литературы по теме, изданной в СССР, а затем в Украине и России. Весьма показательно, например, что в подробном библиографическом обзоре Е. Остби[73], посвященном мировой научной литературе по исследованию греческих святилищ за период 1965-1990 гг., не упомянута не только ни одна (!) работа по Северному Причерноморью, но и вообще отсутствует раздел по всем понтийским колониям, хотя соответствующий раздел по западным колониям в его статье имеется. Даже

в таком солидном издании, как LIMC, в разделе XXVIII-ом статьи «Achilleus», где речь идет о посмертном почитани Ахилла и местах распространения его культа, ссылки на работы русских и советских исследователей полностью отсутствуют[74].

Здесь следует сказать, что для западных исследователей базовыми в вопросах освещения культа Ахилла в Северном Причерноморье во многом остаются статьи, опубликованные в свое время в различного рода серийных энциклопедических изданиях. К ним, в первую очередь, относится уже упоминавшаяся выше статья К. Флейшера, а также статьи Я. Ешера[75] и Е. Диля[76]. В плане полноты охвата письменных источников по теме они, безусловно, сохраняют свое значение и по сей день, но в частях, где освещается происхождение и развитие культа Ахилла, его формы и места почитания, они носят исключительно антикварный характер, так как давно и безнадежно устарели. Аналогичные издания нашего времени знакомства с новой литературой, однако, не обнаруживают[77], а если и обнаруживают - то только с западной. Так, для написания раздела «Культ Ахилла» в большой статье «Achilleus» для «Der neue Pauly Enzyklopädie» Д. Зигель использовала исключительно работы западных ученых: Д. Кемп-Линдеманн (1975), Х. Хоммеля (1980), Дж.Т. Хукера (1988) и др.[78] Завершая эту часть обзора, подчеркнем, что даже работы современных западных исследователей культа Ахилла в частности, Х. Хоммеля (1980) и Г.Ф. Пинни (1983), не говоря уже о работах отечественных ученых, к сожалению, не были учтены при подготовке фундаментального исследования К. Кинг (1987), посвященного Ахиллу[79].

Далее необходимо отметить, что в западной историографии в отношении рассматриваемого предмета исследования наблюдается ёще одна тенденция. Внешне она качественным образом отличается от предыдущих, так как работы ее представителей пестрят многочисленными ссылками на отечественную литературу, однако они по сути сводятся лишь к переводу, пересказу, реферированию и дайджесту опубликованных в украинских и российских научных центрах исследований. К их числу можно отнести, например, работы Б. Браво и А. Вонсович.

Так, в статье Б. Браво[80], посвященной местам культовой деятельности на хоре Ольвии, добросовестно пересказаны на итальянском языке результаты исследования в этой области украинских и российских ученых-антиковедов, в том числе подробно характеризуются и раскопки на Бейкуше А.С. Русяевой и автора данной статьи[81]. Аналогичным образом построены и некоторые работы А. Вонсович, в которых говорится о культе Ахилла в Северном Причерноморье и на Бейкуше в частности[82]. Работы этих авторов убедительно показывают, что только одного знания литературы по данной проблеме и умелого владения базой письменных источников недостаточно для поисков ее успешного решения. Данное замечание касается не только этих, но и практически всех рассмотренных выше работ.

При интерпретации памятников, подобных рассматриваемому, очень серьезную роль играет общее понимание особенностей протекания колонизационного процесса в регионе, владение всем массивом информации, непосредственное знакомство с археологическим контекстом открываемых культовых объектов архаического времени, деталями их устройства, их ландшафтными и стратиграфическими особенностями и комплексом вещественных находок отсюда. Только тогда можно правильно определить характер и особенности конкретного памятника, однако всем этим многие из вышеуказанных авторов не владеют. Та же информация, которую они берут из работ непосредственных исследователей этих памятников, зачастую трактуется ими неадекватно.

Так, несмотря на знакомство Б. Браво с нашей специальной литературой, в упомянутой статье для него остается неясна связь между культом Ахилла, засвидетельствованным на Бейкуше, и религией Ольвии архаического времени в целом. В интерпретации же памятника он исходит не из последних данных[83], а оперирует краткой предварительной информацией из «Археологических открытий». В итоге, в одной книге - томе материалов 40 Конгресса в Таранто - опубликованы две работы, выводы которых противоречат друг другу. В одной работе[84] на основании новейших раскопок памятника говорится о том, что Бейкуш служил признанным святилищем для греческих колонистов этой части северо-причерноморского побережья, как и другие места его почитания (Левка, Тендра). В работе же Б. Браво утверждается, что это было небольшое культовое место лишь для населения, которое жило на Бейкушском лимане[85]. Как представляется, такие факты ведут к нарушению приоритета в публикации материалов, связанных с культом Ахилла в Северном Причерноморье, в том числе и бейкушских, и последующем использовании важных археологических источников, что называется, из вторых рук, т.е. в искаженном виде.

Справедливости ради следует сказать, что

это явление присуще отчасти и некоторым работам русскоязычных авторов, публикующихся за рубежом. Так, в статье об архаическом поселении на о. Березань, значительно гиперболизируя роль варварского населения в этнокультурных процессах, связанных с греческой колонизацией Нижнего Побужья, С.Л. Соловьев неправомерно утверждает, что такие поселения, как Бейкуш, Широкая Балка и Ольвия, были основаны для торговли с варварами[86]. На Бейкуше же, как известно, располагалась не торговая станция, а греческое святилище, которое ни с какими варварами не торговать не могло. Это утверждение С.Л.Соловьева никоим образом не согласуется с исторической обстановкой VI в. до н.э. в регионе, что уже отмечалось[87].

В монографии, посвященной Березани, С.Л. Соловьев несколько видоизменил этот вывод, однако он опять абсолютно не соответствует реальным фактам истории и археологии Нижнего Побужья. Согласно этому автору, в течение первых трех четвертей VI в. до н.э. греческие переселенцы, в разное время прибывшие на территорию Нижнего Побужья, были инкорпорированы в структуру больших местных (варварских) поселений, одним из которых он называет Бейкуш[88]. Это ничуть не мешает ему несколькими страницами ниже писать, что на Бейкушском поселении в хтонической ипостаси почитался Ахилл[89]. Противоречия во многих частях его книги совсем не способствуют реконструкции достоверной картины греческой колонизации региона, характера и масштабов взаимоотношений колонистов с местным населением, верной оценке ряда ключевых памятников, в том числе и Бейкуша.

Завершая рассмотрение вопроса о том, какое освещение раскопки Бейкушского святилища, публикация и интерпретация их материалов, а также и неразрывно связанные с этим вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье получили в зарубежной историографии, хотелось бы подчеркнуть, что оно, естественно, не может носить абсолютно исчерпывающий характер. В нашу задачу не входило обозреть всю имеющуюся литературу по теме и дать оценку работ всех исследователей, так или иначе касающихся в них затронутого здесь круга проблем. Вместе с тем, представляется, что основные тенденции нами переданы правильно.

За редким исключением, которое являют собой работы Х. Хоммеля, Н. Эрхардта и ряда других ученых, в целом для зарубежной историографии по рассматриваемому вопросу характерно: 1) принципиальное игнорирование нашей литературы, незнание ее по языковым причинам либо неглубокое с ней знакомство по другим; 2) игнорирование нового, конкретного археологического материала, использование значительно устаревшей источниковедческой базы при непререкаемом авторитете англоязычных работ, даже имеющих откровенно компилятивный характер; 3) произвольное обращение с разработками отечественных исследователей, голая их ретрансляция, искажающая адекватность их основных выводов.

Помимо безусловной необходимости публикации на Западе работ непосредственных исследователей мест почитания Ахилла в Северном Причерноморье[90], выход, как мне кажется, лежит еще и в изменении отношения к антиковедению СНГ у зарубежных ученых и к более объективной оценке ими роли Понтийского бассейна в истории античного мира. Только с осознанием этого в евро-американской историографии при рассмотрении проблемы происхождения и развития культа Ахилла в Северном Причерноморье, впрочем, как и других проблем, появится необходимость в глубоком изучении всего наработанного по этой теме нашей наукой. Первые такие исследования, удачно сочетающие в себе как все лучшее из того, что есть в западном «ахилловедении», так и полностью учитывающие достижения советской, российской и украинской историографии по проблеме культа Ахилла (включая и материалы Бейкуша), уже появились. Я имею в виду работы В. Кожокару по культу Ахилла в Тире[91] и И. Хупе о ряде эпиграфических памятников, связанных с почитанием Ахилла в Ольвии и Неаполе Скифском[92]. Эти позитивные примеры дают мне основание надеяться, что наметившаяся с ними новая тенденция в зарубежной историографии в деле изучения северо-причерноморского культа Ахилла получит свое дальнейшее плодотворное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). - К., 1990, с. 16-18; с. 11, рис. 4. 17.

Знаменательно, что именно на этом, имевшем для греков сакральное значение мысу началась наша крепкая и верная мужская дружба с незабвенным Мишей Золотаревым, которая для меня всегда была, есть и будет воистину святой. До этого знакомые совсем неблизко, в августе 1985 г., когда ко мне в экспедицию прибыла в гости веселая и шумная

компания березанских коллег (в которой был и Миша), мы, что называется, «навели резкость» и поняли, что очень-очень нужны друг другу. С тех пор в духовном, душевном, дружеском, коллегиальном и прочих смыслах мы не расставались и всегда светло вспоминали то место - Бейкуш, где нам суждено было побрататься. Миша был настоящим Другом - надежным, всепонимающим, всепрощающим, обо всем помнящим - таким, какого у меня уже никогда не будет.

Прими же, мой дорогой, эти заметки о нашем Бейкуше как малую толику моей любви и памяти, как горстку теплого ольвийского гумуса на твою могилу - истинного херсонесита, талантливого ученого и неповторимого Друга.

2. Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // Хсб. XI. - Севастополь, 2001, с. 40-41.
3. Буйских С.Б. К началам сакральной истории Ольвийского полиса // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. - СПб., 2004, с. 86-87.
4. Буйських С.Б. Святилища *extra-urban* епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // Археологія 3. - 2004, с. 8.
5. Mavrojannis Th. L'Achilleion nel santuario di Poseidon e Antifrite a Tenos // Ostraka III. 2. - 1994, p. 291-347; Stibbe C.M. The 'Achilleion' near Sparta: some unknown Finds // R. Hägg (Ed.). Peloponesian Sanctuaries and Cults. - Stockholm, 2002, đ. 207-219.
6. Штерн Э.Р. Вновь найденные посвящения Ахиллу Понтарху // ЗООИД XXVII. - 1907 (Протокол 365 заседания), с. 10; Буйских С.Б. К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. - К., 2002, с. 21-32.
7. Русяева А.С. Разведка в районе Березанского лимана // АИУ 1965-1966 гг. I. - К., 1967, с. 141-145.
8. Русяева А.С. Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии // АИУ 1967 г. II. - К., 1968, с. 146-150; Русяева А.С. Разведки и раскопки поселений близ Ольвии // АИУ 1968 г. III. - К., 1971, с. 180-184; Русяєва А.С. Розкопки Бейкушського поселення // АДУ 1969 р. IV. - К., 1972, с. 174-177; Славин Л.М. Работы Ольвийской экспедиции // АО 1969 г. - М., 1970.
9. Русяєва А.С. Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу острова Березань // Археологія. - 1971, с. 22-29; Русяєва А.С. Бейкушське поселення VI-V ст. до н.е. // Матеріали XIII конференції ІА АН УРСР. - К., 1968, с. 220-222; Русяєва А.С. До питання про походження культу Ахілла в Північному Причорномор'ї // XV наукова конференція ІА АН УРСР. Тези доповідей. - Одеса, 1972, с. 218-221; Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского периода. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - К., 1975, с. 16-18; Русяева А.С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. - К., 1975, с. 174-185; Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. - К., 1979, с. 127-137.
10. Русяева, Вопросы развития культа Ахилла…, с. 181; Русяева, Земледельческие культы…, с. 136; Русяєва А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII-V ст. до н.е. // Археологія. - 1979, с. 11.
11. Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. - К., 1990, с. 57.
12. Русяєва, Культові предмети..., с. 28; Русяева, Земледельческие культы…, 137.
13. С одной стороны, в силу относительно незначительной вскрытой тогда площади памятника А.С.Русяева считала, что само место расположения святилища на Бейкушском мысу не найдено (Русяева, Земледельческие культы..., с. 137), оно могло быть тут устроено, но, «как и в других местах в результате размыва водами лимана прибрежной суши, не сохранилось» (Русяева, Идеологические представления..., с. 57). С другой стороны, признавая сакральный характер памятника, она в то же время писала: «Для поселения, как и для других древнегреческих поселений этого периода, характерны земляночные и полуземляночные жилища с ярко выраженным земледелием и рыболовным хозяйством» (Русяева, Земледельческие культы…, с. 137).
14. Буйских, Исследование святилища…, с. 34; Буйских, К истории открытия…, с. 28.
15. См., например: Лапін В.В. Хора Ольвії // Археологія УРСР, т. 2. - К., 1971, с. 306; Козуб Ю.И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. - К., 1975, с. 160; Славин Л.М. Некоторые итоги изучения ольвийской хоры // ХКААМ. - М., 1976, с. 181; Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ 3. - 1976, с. 131-132, 135; Яйленко В.П. Вопросы интерпретации Березанского письма Ахиллодора // ВДИ 3.- 1975, с. 135; Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. I // ВДИ 2. - 1980, с. 79-81; Он же. Граффити Левки, Березани и Ольвии. II // ВДИ 3. - 1980, с. 84-86; Он же. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э.- М., 1982, с. 294; Доманский Я.В., Копейкина Л.В., Марченко К.К. Из истории Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э. // Проблемы археологии. Вып. 11. - Л., 1978, с. 77; Отрешко В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА 1. - 1981, с. 39; Курбатов А.А. Ольвийские формы культа Ахилла (к истории полисной идеологии) // Проблемы истории античной гражданской общины. - М., 1982, с. 88-89; Курбатов А.А. Культ Ахилла в Северном Причерноморье. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - М., 1983, с. 4, 11; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. - К., 1989, с. 86-89; Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). - К., 1993, с. 72, 80; Охотников С.Б. Ахилл - покровитель Понта // Боговете на Понта. - Варна, 1998, с. 42-43; Дудко Д.М. Белый остров Ахилла и индоиранская мифология // Восток 1. - 1993, с. 18-19; Емец И.А. Граффити и дипинти как источник по сакральным представлениям населения Боспора // Эпиграфический вестник 3. - 1995, с. 34; Захарова Е.А., Молева Н.В. Ахилл в Греции и Северном Причерноморье: особенности героической сущности // Из истории античного общества 6. - Нижний Новгород, 1999, с. 50; Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. - М., 2001, с. 18; Назаров В.В. Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ 1, - 2001, с. 160; Шфуб Ю.И. Ахилл - бог древнего Причерноморья // Новый часовой 13-14. - 2002, с. 356. См. также работы С.Б. Буйских в сносках 2, 3, 4, 84, 90.
16. Belin de Ballu E. Olbia. Cité antique du littoral nord de la Mer Noire. - Leiden, 1972.

17. См. рецензию И.Б. Брашинского, П.О. Карышковского в ВДИ 4. - 1974, с. 134-142.
18. Не упоминается Бейкуш и в тексте Приложения II к работе, где дается характеристика античных поселений Нижнего Побужья. Зато на карте, переопубликованной Е. Беленом де Баллю (без ссылок) из статьи Ф.М. Штительман (МИА 50. - 1955, с. 250, рис. 1), он значится, но с той же ошибкой, что и в оригинале, так как памятник расположен не в истоках Бейкушского лимана, а в его устье.
19. Bravo B. Une lettre sur plomb de Berezan': colonisation et modes de contact dans le Pont // DHA I. - 1974. p. 111-187.
20. Kemp-Lindemann D. Darstellungen des Achilleus in griechischer und römischer Kunst // Archäologische Studien 3. - Bern-Frankfurt/M., 1975, s. 242-246.
21. Wąsowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'amenagement de l'espace. - Paris, 1975.
22. Wąsowicz A. Les lieux de culte des cites Pontiques // Atti CRDAC, XI (N.S. I). - 1980-1981, 1984, p. 201-205, tav. XX-XXIII.
23. Hommel H. Der Gott Achilleus. - Heidelberg, 1980. Эквивалент работы на русском языке см.: Хоммель Х. Ахилл - бог // ВДИ 1. - 1981, с. 53-76.
24. Ibid., s. 9-10; 22-24.
25. Ibid., s. 24-44.
26. Ibid., s. 8-9, anm. 7; s. 39, anm. 117; s. 45 (Nachtrage zu s. 16, 17, 25).
27. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. - Frankfurt/M., 1983, s. 179, f., 484-486 (Anm. 985-1004).
28. Zunker A. Untersuchungen zur Aiakidensage auf Aigina (Diss. Philosophische Reihe. Bd. 4). - St. Ottilien, 1988, s. 187-191, 313-316 (Anm. 1214-1251).
29. Balensiefen L. Achills verwundbare Ferse. Zum Wandel der Gestalt des Achill in nacharchaischer Zeit // JdI 111. - 1996, s. 98-99, anm. 78.
30. Graf F. Nordionische Kulte//BHR XXI. - Rom, 1985, s. 351-353.
31. Ibid., s. 351, anm. 6.
32. Pinney G.F. Achilles Lord of Scythia // Ancient Greek Art and Iconography. - Madison, 1983, p. 127-146.
33. Ibid., p. 133.
34. Ibid., p. 143, footnote 57.
35. Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. - Leiden, 1987, p. 163.
36. Hooker J.T. The Cults of Achilles // Rheinisches Museum fьr Philologie. NF 131. - Frankfurt/M., 1988, p. 1-7.
37. Ibid., p. 5-6.
38. Hedreen G. The Cult of Achilles in the Euxine // Hesperia 60. - 1991, p. 313-330.
39. Kocybala A.X. Greek Colonization on the Northern Shore of the Black Sea in the Archaic Period. Diss. - Univ. of Pennsylvania, 1978 (U.M.I. no. AAD 79-08760). С монографией В.В. Лапина (Греческая колонизация Северного Причерноморья. - К., 1966), а также с разработками других наших исследователей по этой теме Г. Хедрен не знаком.
40. Hedreen, The Cult of Achilles..., p. 315, footnote 13.
41. Ibid., p. 316.
42. Ibid., p. 318.
43. Русяева, Земледельческие культы…, с. 127-137; Отрешко, Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья…, с. 39.
44. Hommel, Der Gott Achilleus..., s. 7. Значение русской и советской литературы для изучения античных древностей Северного Причерноморья высоко оценивает и Н. Эрхардт (Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien..., s. 9 f.).
45. Hommel, Der Gott Achilleus..., s. 7, anm. 4.
46. Hedreen, The Cult of Achilles..., p. 314. Показательно, что в списке использованной литературы к статье Г. Хедрена есть рецензия Е. Диля (Gnomon 3. - 1927, s. 633-643) на книгу И.И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте» (Пг., 1918), однако сама эта книга отсутствует.
47. Diehl E. Pontarches // RE XXII, 1(43 Hlbd) - 1953, col. 14.
48. Русяева А.С. Религия античных государств Северного Причерноморья // Археология УССР, 2. - К., 1986, с. 544-560. В этой работе она, в частности, пишет: «На Бейкушском мысу, судя по археологическим данным и вотивам, в VI в. до н.э. находилась священная роща Ахилла, очевидно, с его святилищем» (с. 552). См. также: Русяева А.С. Эпиграфические памятники // КНООАВ. - К., 1987, с. 134-154; Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. - К., 1990, с. 40-61; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. - К., 1992 (о культе Ахилла - с. 70-83).
49. См., например: Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. - К., 1989, с. 86-89.
50. Roussiaéva A.S. Les cultes agraires a Olbia Pontique // DHA 9. - 1983, p. 192-193.
51. Treščeva Ju.N. Über den Kult des Achilleus Pontarchos im nachgetischen Olbia // Das Altertum, 32(3). - 1986, s. 186-189.
52. Mavrojannis, L'Achilleion nel santuario..., p. 316.
53. Ibid., p. 316, footnote 115.
54. Ibid., p. 313-322.
55. Ibid., p. 316, footnote 117.
56. Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. - Geneve, 1996, № 51, p. 101-103.
57. Antonaccio C.M. An Archaeology of Ancestors: Tomb Cult and Hero Cult in Early Greece. - Lanham, 1995, p. 145.
58. Vinogradov Ju.G., Kryzickij S.D. Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum. - Leiden, 1995, s. 117-118.
59. Ibid., abb. 112, 1. 2.

60. Salapata G. Hero Warriors from Corinth and Lakonia // Hesperia 66 (2). - 1997, p. 255, footnote 75.
61. Burgess J. Achilles' Heel: The Death of Achilles in Ancient Myth // ClAnt. 14 (2). - 1995, p. 219, footnote 7.
62. Ibid.
63. Thordarson F. Die Ferse des Achilleus - ein skythisches Motiv? // SymbOslo 47. - 1972, s. 120-121.
64. Fleischer C. Achilleus // Roscher W.H. ML. - Leipzig, 1884-1886, s. 11-66.
65. Burgess J.S. Native Influence on the Cult of Achilles // II International Congress on Black Sea Antiquities. - Ankara. 2-9 September 2001, abstracts, p. 4.
66. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). - К., 1993; Okhotnikov S.B., Ostroverkhov A.S. L'ile de Leuke et le culte d'Achille // Pontica, XXIV. - 1991, 1993, p. 53-74; Okhotnikov S.B., Ostroverkhov A.S. Les cources historiques et archèologiques de l'ole Leuké // Sur les traces des argonautes. Actes du 6e symposium de Vani.- Paris, 1996, p. 271-275. См. также: Kacarava D.D. L'ile Leuke // Religions du Pont - Euxin. Actes du 8 e Symposium de Vani. - Paris, 1999, p. 61-63. Удивительно, что эти работы (включая и первую - на русском языке) остались неизвестны для ряда исследователей и в ближнем зарубежье (см., например: Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // ДБ 2. - 1999, с. 151).
67. Из последних работ см.: Oppermann M. Die westpontischen Poleis. - Langenweißbach, 2004, s. 10.
68. Лейпунська Н.О. Про культ Ахілла в Північному Причорномор'ї // Археологія 23. - 1970, с. 73; Русяева, Вопросы развития культа Ахилла…, с. 177 (ср.: Курбатов, Ольвийские формы культа Ахилла…, с. 94 сл.).
69. Диатроптов, Культ героев..., с. 18.
70. Tuite K. Achilles and the Caucasus // JIES, 26 (3-4). - 1998, p. 289-343.
71. Langner M. Antike Graffitizeichnungen. Motive, Gestaltung und Bedeutung. - Wiesbaden, 2001. На отдельные граффити V в. до н.э. из Ольвии и Херсонеса автор сослался только во вводной главе (s. 12).
72. Ibid., s. 11.
73. Østby E. Twenty-five Years of Research on Greek Sanctuaries: a Bibliography // Greek Sanctuaries: New Approaches. - London-New York, 1993, p. 192-227.
74. Kossatz-Deismann A. Achilleus // LIMC I (1). - Zurich-München, 1981, s. 193-194.
75. Escher J. Achilleus // RE I. - 1894, col. 221-245.
76. Diehl E. Pontarches // RE.\ XXII, 1 (43 Hlbd.). - 1953, col. 1-18.
77. Moormann E.M., Uitterhoeve W. Lexikon den antiken Gestalten. - Stuttgart, 1995, s. 1-10.
78. Sigel D. Achilleus // DNP I. – Stuttgart-Weimar, 1996, s. 76-80. Отметим как отрадный факт, что для написания статей в подобные издания стали привлекаться и специалисты из СНГ. Так, в данном томе статьи о боспорском селении Ахиллий с одноименным святилищем (Strab. XI. 2, 6) и Ахилловом Дромосе подготовлены С.Р. Тохтасьевым (s. 76).
79. King K.C. Achilles. Paradigms of the War Hero from Homer to the Middle Ages. - Berkeley, L. Angeles, London, 1987 (О посмертном культе Ахилла по данным письменных источников см. p. 53 сл.).
80. Bravo B. Luoghi di culto nella *chora* di Olbia Pontica // Problemi della *chora* coloniale dall'Occidente al Mar Nero. Atti del 40 convegno di studi sulla Magna Grecia. - Taranto, 2001, p. 221-266. См. также его работу: Bravo B. Un frammento della *Piccola Iliade* (P. Oxy. 2510), lo stile narrativo - arcaico, i racconti su Achille immortale // QuadUccl. 67 (1). - N.S., 2001, p. 49-114.
81. Bravo, Lioghi di culto..., p. 225 ff.
82. Wąsowicz A. Les lieux de culte des cites Pontiques... , p. 201 ff.; Wąsowicz A. Lieux de culte extra-urbains dans le monde coloniale grec de la Mer Noire // KHKM, 1-2. – 1998, p. 197-201.
83. Я имел возможность лично беседовать с Б. Браво в сентября 2000 г. на конгрессе в Таранто после моего доклада о раскопках Бейкушского святилища, подсказав ряд неизвестных ему раньше публикаций, освещающих мои новейшие исследования памятника.
84. Buiskikh S. Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbia Pontica aus archaischer Zeit // Problemi della *chora* coloniale dall'Occidente al Mar Nero. Atti del 40 convegno di studi sulla Magna Grecia. - Taranto, 2001, s. 317-332.
85. Bravo, Luoghi di culto… , p. 228.
86. Solovev S. Archaic Berezan: Historical-Archaeological Essay // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology (Historia. Einzeischriften, 121). - Stuttgart, 1998, p. 218.
87. См. рецензию А.В. Буйских на указанное в предыдущей сноске издание в Eurasia Antiqua 7, - 2001, s. 627 (ВДИ 1. - 2002, с. 206).
88. Solovyov S.L. Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea (Colloquia Pontica 4). - Leiden, 1999, p. 58.
89. Ibid., p. 87.
90. См. работы, указанные в прим. 50, 66, 84, а также: Bujskich S. B. Der Achilleus - Kult und die griechische Kolonisation des unteren Bug - Gebietes // Cites grecques, sociétés indigčnes et empires mondiaux dans la région Nord - Pontique. Preactes et resumes. - Bordeaux, 2002, s. 86-89; Rusyaeva A.S. The Temple of Achilles on the Island of Leuke in the Black Sea // ACSS 9 (1-2). - 2003, p. 1-16.
91. Cojocaru V. Achilleus in Tyras // Tyche 15. - 2000, s. 55-62; Cojocaru V. Din non despre «Axile la Tyras» // Thraco-Dacica XXII (1-2). - 2001, p. 211-212; Cojocaru V. Neues über den Achilleuskult im nordwestlichen Schwarzmeerraum // Tyras, Cetatea Alba/Belgorod-Dnistros'kij I. - Bucureşti, 2002, s. 199-205.
92. Hupe J. Aspekte des Achilleus Pontarches - Kultes in Olbia // Cites grecques… - Bordeaux, 2002, s. 90-92; Hupe J. Überlegungen zu den Statuenweihungen des Posideos an Achilleus und rhodische Gottheiten aus Neapolis Scythica (Krim) // Eurasia Antiqua 9. - 2003, s. 281-301.

И.И. ВДОВИЧЕНКО

ЧЕРНОФИГУРНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

Коллекция чернофигурной керамики Херсонесского Национального музея-заповедника невелика, но исключительно интересна. Она включает сосуды, поступившие в Херсонесский музей в 1925 г. из коллекции Арона Гидалевича[1] и фрагменты, найденные во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, Р.Х. Лепера, К.Э. Гриневича, Г.Д. Белова, М.И. Золотарева. Коллекция привлекала внимание исследователей уже с начала XX в.[2] Одним из первых атрибутировал некоторые вазы и фрагменты В.Д. Блаватский в рецензии на книгу Г.Д. Белова «Херсонес Таврический»[3]. Появление фрагментов керамики и целых сосудов, датирующихся третьей четвертью VI в. до н.э. - первой половиной V в. до н.э. он связывал с существованием здесь стоянки кораблей и эмпория греческих купцов. Дополнила перечень В.Д. Блаватского А.А. Зедгенидзе[4], которая опубликовала группу наиболее ярких фрагментов из старых раскопок.

М.И. Золотарев положил начало тщательному и детальному изучению ранних групп привозной керамики Херсонесского городища и в особенности ионийской. Его исследования позволили во многом по-иному представить раннюю историю полиса, и многие ученые сейчас пересматривают традиционные взгляды на этапы развития греческой колонизации северопричерноморского региона[5]. Исследователь опубликовал также десятки фрагментов чернофигурной коринфской и аттической керамики, происходящей из собственных раскопок и коллекций предшественников[6]. За исключением уникальной беотийской леканы с изображением фриза идущих птиц и животных, датируемой третьей четвертью VI в. до н.э., остальные сосуды относятся к широко распространенным группам чернофигурной керамики времени упадка стиля, то есть к концу VI - первой и второй четверти V в. до н.э. Это лекифы группы Белдем, килики группы Хаймон. Это дало возможность исследователю говорить о том, что основание Херсонеса и появление там греческого поселения можно отнести к последней четверти VI в. до н.э. Лекана же, по его мнению, является реликвией, привезенной одним из первых ойкистов - выходцем из беотийского Делиона. Этот город совместно с Гераклеей Понтийской принял участие в основании апойкии[7].

К сожалению, начатая так блестяще работа по изучению архаической керамики Херсонеса не была завершена. Наша задача - продолжить это интереснейшее направление и привлечь к изучению материалы из старых раскопок - ведь часть расписной керамики Херсонеса и сейчас не опубликована и не введена в научный оборот. Благодаря поддержке и деятельному участию сотрудников архива и фондов НЗХТ[8] удалось создать свод чернофигурных ваз Херсонеса Таврического. В него включены сосуды из коллекции А. Гидалевича, фрагменты и целые вазы, упомянутые В.Д. Блаватским и А.А. Зедгенидзе, и ранее неизвестные фрагменты, обнаруженные во время работы в фондах и в архиве музея, происходящие из раскопок Р.Х. Лепера и К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Общее количество их невелико - 7 целых ваз и 15 фрагментов (сюда не включены 24 фрагмента, опубликованные М.И. Золотаревым). Два сосуда - коринфский арибалл (рис. 1) и чернофигурный аттический лекиф (рис. 2) – происходят из частной коллекции Арона Яковлевича Гидалевича. Она была передана в Херсонесский музей в августе 1925 г. Всего тогда поступило около 100 предметов (среди них чернофигурная и краснофигурная керамика). Арибалл (инв. 9088) с орнаментом в виде вертикальных полос («футбольный арибалл») относится к группе ваз для косметических масел, которые в большом количестве выпускались гончарами Коринфа. Его поверхность поделена на сектора двойными, неровно прочерченными вертикальными линиями. В каждом четвертом секторе кистью поверх лака нанесена широкая пурпурная полоса. Это арибалл опубликовали впервые М.И. Золотарев и Ю.Г. Виноградов[9] как один

из образцов архаической керамики Херсонеса. Трудно, однако, сказать что-либо определенное о происхождении этой вазы. Коллекция А. Гидалевича формировалась, скорее всего, за счет покупок у местных торговцев древностями. А это, в первую очередь, материалы из некрополей Боспора, Ольвии, возможно, Керкинитиды. Судя по аналогиям[10], арибалл датируется первой четвертью VI в. до н.э. Такие ранние находки не характерны для Херсонеса. В Ольвию изделия коринфских гончаров начали проникать во второй половине VI в. до н.э.[11], следовательно, одно из наиболее вероятных мест происхождения сосуда - Пантикапей, где известна коринфская керамика конца VII в. до н.э.[12], не исключено и Березанское поселение.

Из этой же коллекции происходит чернофигурный лекиф (инв.№ 9051) с изображенной на нем трехфигурной композицией: две мужские фигуры, фланкирующие с обеих сторон изображение женщины в профильном повороте вправо (рис. 2). Хотя многие детали рисунка не ясны (сосуд реставрирован из нескольких фрагментов, имеются многочисленные лакуны), можно предположить, что это обычная для лекифов конца VI - начала V в. до н.э. дионисийская сцена, скорее всего, комос - шумное шествие гуляк, возвращающихся домой с пирушки. В пользу этого свидетельствуют свободные позы мужчин. Персонаж, который стоит слева, опирается на посох, перенеся весь центр тяжести на центральную часть туловища (ступни ног показаны в неустойчивой позиции, на цыпочках): он наблюдает за сценой. Другой изображен в движении - легкий, танцевальный шаг навстречу женщине. Мужчины одеты только в короткие плащи, свободно драпирующие тело, ноги и плечи остаются обнаженными - эта одежда характерна для участников пира. Женщина в длинном хитоне и гиматии стоит в центре, протянув вперед руку (с нее свисают красиво задрапированные складки), в которой держит небольшой предмет, поставленный вертикально, скорее всего, кроталы. Участники пирушки в сопровождении наемной танцовщицы остановились ненадолго, чтобы исполнить напоследок, перед возвращением домой веселый танец. Так, очевидно, можно восстановить сюжет этой сценки. Связь с дионисийским культом подчеркивается лозами, оплетающими пространство на заднем плане. Аналогиии этому сюжету многочисленны как в чернофигурной, так и в краснофигурной вазописи. Назовем среди самых ярких лекиф из Праги[13],близкий по времени и с тем же типом орнаментального декора на плечиках. Стилистически роспись лекифа из херсонесской коллекции близка классу Афины 581, который датируется концом VI - началом V в. до н.э. На многочисленных лекифах этого класса, хранящихся в разных музеях мира, мы видим те же прочерченные резцом контуры лица и уха, зигзагообразные линии, обозначающие край гиматия, пятна белой и пурпурной краски на одежде[14].

Чернофигурная чашечка на высокой ножке с клювовидным массивным венчиком инв.№100/14 (рис. 3) числится в списке вещей, происходящих из раскопок Р.Х. Лепера в 1914 г., однако тут же, в инвентарной книге музея имеется примечание: «вещи из Евпатории». Не исключено, что она происходит из раскопок Керкинитиды Н.Ф. Романченко. Чашечки такой формы широко распространены повсеместно. Однако вариант с чернофигурной росписью в медальоне достаточно редок. Бегущая фигура, вписанная в круг, - мотив обычный для ваз позднего VI в. до н.э. Стилистические особенности рисунка позволяют отнести его к так называемой Безлиственной группе, датирующейся концом VI - началом V в. до н.э.[15]

Особый интерес представляют чернофигурные фрагментированные и целые сосуды, происходящие из раскопок городища и некрополя древнего Херсонеса. Часть их найдена во время раскопок городища и некрополя Херсонеса К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1888-1907 гг. Некоторое количество фрагментов чернофигурных ваз происходит из раскопок Р.Х. Лепера в разные годы с 1908 по 1912 в северо-восточной части городища, у монастырских купален. Наличие в слое сильно фрагментированной керамики архаического времени отмечал Г.Д. Белов во время раскопок некрополя в северном районе Херсонеса[16]. В северо-восточном районе городища традиционно работы продолжаются и поныне. Здесь работал М.И. Золотарев. Его раскопки дали новый пласт находок - несколько десятков фрагментов чернофигурной аттической посуды, датирующейся концом VI - первыми двумя четвертями V в. до н.э., и уникальную беотийскую лекану третьей четверти VI в. до н.э. В архиве музея удалось обнаружить очень похожий фрагмент, происходящий из

раскопок Р.Х. Лепера в 1908 г. (нег. № 1468) (рис. 4). К сожалению, сам фрагмент был потерян во время эвакуации коллекции музея в годы войны. Роспись этого сосуда несет в себе архаические традиции коврового стиля: это часть фризового изображения птиц и животных (на фрагменте сохранилось изображение ног пантеры), разбитое на условные группы розетками, выполненными контуром и гравировкой. Ближайшая аналогия - фрагмент из Пантикапея, который Н.А. Сидорова относила к кругу Лидоса и датировала серединой VI в. до н.э.[17] Дж. Бордман говорит о подражаниях этим леканам, появившимся в Беотии в третьей четверти VI в. до н.э.[18] К числу их можно отнести и беотийскую лекану из раскопок М.И. Золотарева. В коллекции имеется также 6 фрагментов более просто декорированных лекан, крышки которых украшают лучи, полоски пурпура (рис. 5). Их датируют ранним V в. до н.э.[19]

В.Д. Блаватский упоминает 5 чернофигурных лекифов из Херсонеса[20] - судя по музейным номерам они происходят из раскопок некрополя К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Сейчас эти сосуды хранятся в разных коллекциях: в Киеве (Исторический музей, № 7090) и в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический». Два сосуда (инв. №№ 3207 и 3208/1), украшающих экспозицию античного отдела, опубликованы А.А. Зедгенидзе[21]. Лекиф из Киевского Государственного музея с изображением гоплита, стоящего между двумя фигурами в гиматиях, В.Д. Блаватский датировал последней третью VI в. до н.э. Остальные сосуды – это маленькие цилиндрические лекифы, декорированные гирляндами плюща, которые относятся к группе Белдем и датируются второй четвертью V в. до н.э. К этой же группе принадлежит фрагмент стенки лекифа (инв. № 740/12, 31.748) из раскопок Лепера в 1912 г. у монастырских купален (рис. 6). На нем сохранилось изображение плетенки: нижняя часть орнамента в виде соединенных пальметок. Такие же лекифы из Государственного музея изобразительных искусств Н.А. Сидорова датирует[22] первой половиной V в. до н.э.

Значительную часть сосудов, как обычно, составляют сосуды для питья: скифосы, глубокие килики и мелкофигурные килики на высокой ножке. Опубликованный В.Д. Блаватским, а затем А.А. Зедгенидзе фрагмент килика (инв. № КВ-208) из раскопок К.К Косцюшко-Валюжинича с изображением пантеры относится к числу работ мастера Тлесона и датируется третьей четвертью VI в. до н.э.[23] Бегущие сатир и менада с кроталами в руках изображены на фрагменте глубокого килика (инв. № 1729/08) из раскопок Лепера в 1908 г. К сожалению, фрагмент утерян во время оккупации, в архиве сохранился лишь негатив № 1468 (рис. 7). Фрагмент близок стилистически группе Ланкут и датируется концом первой четверти V в. до н.э. К этой же группе относится фрагмент другого килика, хранящегося сейчас в музее (инв. № 777/14), с изображением бегущего сатира (рис. 8). Имеются также маловыразительные фрагменты чернофигурных скифосов.

Интересен фрагмент ойнохои инв. № КВ-180 (рис. 9), на который уже обратила внимание А.А. Зедгенидзе. На лицевой стороне сосуда с выделенными плечиками было, очевидно, изображение воина со щитом в руках, стоящего в храме (часть распространенной композиции: один персонаж, сидит или возлежит на клине, с двух сторон его фланкируют двое воинов). Перед щитом слева - капитель колонны (?) и помещенная на стенке храма гирлянда. К сожалению, фрагментарность изображения не дает возможности подыскать точную аналогию изображению на вазе. Однако декор на горлышке, обрамление рисунка шашечным орнаментом из точек и параллельных линий очень близки орнаментации ойнохои из Национального музея Неаполя № 86357. Роспись сосуда относится к кругу мастера Афины и датируется второй четвертью V в. до н.э.[24]

Особняком стоят найденные К.К. Косцюшко-Валюжиничем фрагменты чернофигурной панафинейской амфоры эллинистического времени (рис. 10). К сожалению, они также утеряны, в архиве музея сохранился лишь негатив (№ 609). До сих пор в Северном Причерноморье была известна лишь одна панафинейская амфора эллинистического времени с изображением соревнования колесниц из Ольвии[25]. Теперь мы имеем изображение состязаний в беге. Аналогичный сосуд, приведенный Д. Бордманом, датируется широко - III-II вв. до н.э.[26] Это позволяет говорить о том, что жители Херсонеса, чья любовь к физическим состязаниям доказана многочисленными находками археологов,

принимали участие и в знаменитых Панафинейских празднествах и соревнованиях в Афинах.

В целом можно говорить о том, что коллекция чернофигурных расписных ваз Национального заповедника «Херсонес Таврический» достаточно разнообразна и оригинальна, а наличие в ней значительного количества собственно херсонесских находок подтверждает обоснованность мнения Мирона Ильича Золотарева о существовании здесь греческого поселения уже с последней трети VI в. до н.э.

КАТАЛОГ

Керамика Коринфа

1. Арибалл коринфский на низком кольцевом поддоне (рис. 1). НЗХТ. Инв. № 9088. Из коллекции Арона Гидалевича. Высота сосуда (после реставрации) – 11,0 см, диаметр поддона – 7,0 см, диаметр венчика – 4,9 см. Глина светло-желтая, хорошо отмученная, без видимых включений. Заглаженная поверхность сосуда имеет несколько более яркий оттенок, чем глина. Лак коричневый, блестящий. Венчик сосуда полностью реставрирован. На ручке — вертикально расположенная полоса меандра. На плечиках – палочный орнамент. Под ним, в верхней части тулова – три горизонтальных пояска лака. Тулово покрыто лаком, его поверхность поделена на сектора двойными, неровно прочерченными вертикальными линиями. В каждом четвертом секторе кистью поверх лака нанесена широкая пурпурная полоса. В нижней части тулова, также как и в верхней, три широких горизонтальных пояска. Внутренняя часть дна оставлена в резерве. Сферические арибаллы с аналогичным декором Дж. Бордман относит к раннему коринфскому периоду (конец VII - первая четверть VI в. до н.э.) – см. например «Футбольный» арибалл из Лейпцига T318[27]. Однако сосуды на плоском низком кольцевом поддоне появляются позже - в первой четверти VI в. до н.э., в среднекоринфский период. Декор в виде простых язычков, простых поясков лака в верхней и нижней части тулова бытует и в позднекоринфское время - во второй четверти VI в. до н.э. Таким образом, арибалл из коллекции Гидалевича можно отнести к концу первой четверти VI в. до н.э. Опубликован М.И. Золотаревым и Ю.Г. Виноградовым[28].

Аттическая чернофигурная керамика

2. Лекиф чернофигурный цилиндрический (рис. 2) с туловом, сужающимся ко дну, выделенными плечиками, на круглой массивной подставке. НЗХТ. Инв. № 9051. Из коллекции Гидалевича. Высота – 21,8 см, диаметр венчика – 4,2 см, диаметр поддона – 5,9 см. Глина розовато-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными частичками включений. Лак черный, тусклый, местами отшелушен. Сосуд склеен из 3-х фрагментов, имеются лакуны, дополненные гипсом. Трехфигурная композиция включает две мужские фигуры, фланкирующие с обеих сторон изображение женщины, стоящей в центре в профильном повороте вправо. Стоящий справа персонаж - в коротком плаще, наброшенном на обнаженное тело. На голове его повязка, обозначенная пурпуром. Глаз, овал лица и ухо показаны гравировкой. Другой мужчина опирается на посох. Одежда и верхняя часть фигуры его не сохранились , только босые ноги до колен и подол плаща. Женщина одета в хитон и гиматий, который закрывает ее руки, пышными красивыми складками лежит на плече и ниспадает до полу, очерченный по краю зигзагообразной линией (как и у стоящего напротив мужчины). В левой, вытянутой вперед руке она держит какой-то предмет (кроталы?), изображение которого сохранилось лишь частично. Ноги женщины и отдельные светлые круглые пятна на ее одежде обозначены белой накладной краской. Орнамент на плечиках сосуда – гирлянда из пальметок, – заканчивается бутоном лотоса. Между пальметками – точки. На горлышке – палочный орнамент. На границе плечика и тулова – полоска лака. Нижняя часть сосуда под рисунком и венчик покрыты лаком. В резерве оставлен поддон (ободок и внутренняя часть). Класс Афины 581, конец VI - начало V в. до н.э. Сосуд ранее не публиковался.

3. Чашечка чернофигурная на высокой ножке с клювовидным массивным венчиком (рис. 3). НЗХТ, инв. КП-1100/14. Высота – 7,3 см, диаметр венчика – 15,8 см, диаметр поддона – 8,0 см. Глина розовато-коричневая,

хорошо отмученная, с мелкими слюдяными частичками включений. Лак черный, блестящий, с коралловыми пятнами и полосками. На дне чашечки помещен контурный рисунок бегущей вправо женской фигуры. Его оживляют лишь симметричные полудужия гравировки, обозначающие складки одежды – несколько укороченного хитона. На складки и на прическу посажены также пятна пурпура. Фигура вписана в круг, подчеркнутый тремя поясками лака. Безлиственная группа, первая четверть V в. до н.э. Сосуд ранее не публиковался.

4. Лекиф цилиндрический чернофигурный с изображением на тулове гоплита между двумя фигурами в гиматиях. Киевский исторический музей. Инв. № 7090. Последняя треть VI в. до н.э. Опубликован В.Д. Блаватским [29].

5. Лекиф цилиндрический чернофигурный с белой облицовкой и орнаментом в виде трех горизонтально расположенных пальметт, обрамленных сверху и снизу шашечным орнаментом. Инв. № 3209. Утерян. Вторая четверть V в. до н.э. Опубликован В.Д. Блаватским[30].

6. Лекиф цилиндрический чернофигурный с орнаментом в виде поясков и точек. НЗХТ. Инв. № 3210. Аналогичный сосуд (№ 85893) хранится в Неаполе в Национальном музее. Круг мастера Афины. 475 г. до н.э[31] Опубликован В.Д. Блаватским и в рекламных изданиях музея[32].

7. Лекиф цилиндрический чернофигурный с белой облицовкой. НЗХТ. Инв. № 3207. Орнамент в виде ветки плюща, обрамленной прямой сеткой. На плечиках – лучи. Мастерская Белдема. Вторая четверть V в. до н.э. Опубликован В.Д. Блаватским и А.А. Зедгенидзе[33].

8. Лекиф цилиндрический чернофигурный с белой облицовкой. НЗХТ. Инв. № 3208. Орнамент в виде ветки плюща, обрамленной сверху прямой сеткой. На плечиках – лучи. Мастерская Белдема. Вторая четверть V в. до н.э. Опубликован В.Д. Блаватским и А.А. Зедгенидзе[34].

9. Лекиф чернофигурный, фрагмент стенки (рис. 6). НЗХТ. Инв. № 740/12. Раскопки Лепера в 1912 г. Берег моря у монастырских купален. Размеры: 3,5х3,5 см. Глина желтовато-красная с мелкими редкими слюдянистыми блестками. Лак черный, жидкий. Плетенка. Мастер Белдем. 480 г. до н.э. Аналогия: сосуд из Национального музея Неаполя[35]. Фрагмент ранее не публиковался.

10. Килик, фрагмент с изображением пантеры. НЗХТ. Инв. № КВ-208. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1888 г. Мастер Тлесон. Третья четверть VI в. до н.э. Сосуд опубликован В.Д. Блаватским и А.А. Зедгенидзе[36].

11. Килик глубокий, фрагмент с изображением бегущего сатира (рис. 8). НЗХТ. Инв. № 777/14. Раскопки Р.Х. Лепера в 1914 г. Размеры: 3,5х2,8 см. Глина розовато-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными частичками включений. Лак черный, тусклый. Мастерская Хаймона. 490-480 гг. до н.э. Аналогия – лекиф № II 1б 1426 из ГМИИ[37]. Фрагмент ранее не публиковался.

12. Килик глубокий, фрагмент стенки (рис. 7). Фрагмент утерян. Инв. № 1729/08. Сатир и менада, бегущие вправо с кроталами в руках. Аналогия – глубокий килик (№ 2220) из Эрмитажа[38]. Группа Ланкут, 480 г. до н.э. Фрагмент ранее не публиковался.

13. Килик чернофигурный, фрагмент стенки. НЗХТ. Инв. № 702/14. Размеры: 3,5х4,0 см. Глина розовато-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными частичками включений. Лак черный, тусклый. Сохранилась часть изображения щита и ноги человека. Мастерская Хаймона. 490-480 гг. до н.э. Фрагмент ранее не публиковался.

14. Килик мелкофигурный, фрагмент стенки с орнаментальным декором - изображение листьев пальметт и бутонов лотоса. НЗХТ. Инв. № 35272. Первая половина V в. до н.э. Аналогия – килик из ГМИИ (№ М-86 С 83-101/13 №257)[39]. Опубликован А.А. Зедгенидзе[40].

15. Килик мелкофигурный, фрагмент стенки. НЗХТ. № ?. Фрагмент, декорированный геометризованным орнаментом в виде ветки плюща с точками. Принадлежит к группе Друп (The Droop Group), 540-520 гг. до н.э. Аналогичный сосуд (инв. № М-89 С 138/13 №120) хранится в ГМИИ[41]. Опубликован А.А. Зедгенидзе[42].

16. Лекана, фрагмент крышки (рис. 5). НЗХТ. Инв. № 1205/12. Раскопки Р.Х. Лепера в 1912 г. у монастырских купален. Помещение 7. Размеры: 10,0х4,2 см. Глина розовато-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными частичками включений. Лак черный, густой, блестящий. У основания ручки – зубчатый орнамент, который опоясывают круги, нанесенные пурпуром. Аналогичные фрагменты из Фанагории К. Морган датирует

480 г. до н.э.[43] Фрагмент ранее не публиковался.

17. Лекана, фрагмент крышки. НЗХТ. Инв. № 737/12. Раскопки Р.Х. Лепера в 1912 г. у монастырских купален. Размеры: 5,5х2,5 см. Глина розовато-желтая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, блестящий, местами с оливковым оттенком. У основания ручки – зубчатый орнамент, который опоясывают круги, нанесенные пурпуром. Ранний V в. до н.э. Фрагмент ранее не публиковался.

18. Лекана, фрагмент крышки. НЗХТ. Инв. № 3199. Размеры: 13,2х10,5 см. Глина розовато-желтая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, блестящий. У основания ручки – зубчатый орнамент, который опоясывают круги, нанесенные пурпуром. Ранний V в. до н.э. Опубликован А.А.Зедгенидзе[44].

19. Лекана, фрагмент края крышки (рис. 4). Утерян. Инв. № 2459/08. Раскопки Р.Х. Лепера в 1908 г. Сохранилась часть изображения идущего влево кошачьего хищника и розетки. Рисунок контурный, лишь мускулатура туловища хищника и лепестки розетки выгравированы. Аналогичный фрагмент найден во время раскопок Пантикапея и хранится сейчас в ГМИИ[45]. Круг Лидоса. Сер. VI. в. до н.э. Фрагмент ранее не публиковался.

20. Ойнохоя чернофигурная с выделенными плечиками, фрагмент стенки (рис. 9). НЗХТ. Инв. № КВ-180. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича. Размеры: 12,0х7,1 см. Глина розовато-желтая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, блестящий. Сохранились часть изображения щита, капитель колонны (?), еще какого-то горизонтально установленного массивного предмета и гирлянды на стене помещения. Рисунок обрамлен по бокам параллельными полосками лака и точками, расположенными в шашечном порядке. Круг мастера Афины. Вторая четверть V в. до н.э.[46] Опубликована А.А. Зедгенидзе[47].

21. Ойнохоя или ольпа, фрагмент. НЗХТ. Инв. № 21928. Раскопки Р.Х. Лепера. Сохранилась часть изображения - нога мужской фигуры и вертикальная полоска, ограничивающая изобразительное поле рисунка. Ближе всего - рисунок на ольпе из ГМИИ № II 1б хр. 48 (Дионис на биге и сатир, бегущий впереди). 500 г. до н.э. Мастер Роос 13472[48]. Опубликован А.А. Зедгенидзе[49].

22. Амфора панафинейская, фрагменты с изображением соревнований в беге (рис. 10). Инв. № КВ-609. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича. Фрагменты сейчас утеряны. Судя по сохранившемуся негативу (№ 609), было найдено 4 фрагмента оборотной стороны амфоры с изображением состязающихся в беге 3-х атлетов. Один из них бежит навстречу другим. Может быть, изображена лампадодромия – бег с факелами (вроде современной эстафеты). Стилистически рисунок близок изображению на амфоре из Берлина (Государственный музей) № 4950 с изображением соревнования колесниц[50]. Тот же суховатый рисунок, линии гравировки, обозначающие мускулатуру, закругляются. Черты лица, волосы переданы короткими штришками резца. III-II вв. до н.э. Фрагменты ранее не публиковались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Костромичева Т.И, Шевченко А.В. Коллекция античной краснофигурной керамики из раскопок Херсонеса. К истории комплектования // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. - М., 1994, с. 35.
2. Историю вопроса см.: Золотарев М.И. Херсонесская архаика. - Севастополь,1993, с. 4-6; Vinogradov Ju. et Zolotarev M. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme. Le Pont-Euxin va par les Grecs. - Paris, 1990, p. 85-86.
3. Гайдукевич В.Ф., Блаватский В.Д. Рец.: Г.Д. Белов. Херсонес Таврический // ВДИ 3(29). - 1949, с. 145-148.
4. Зедгенидзе А.А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА 159. - 1979, с. 26-34.
5. Avram A., Hind J., Tsetskhladze G. The Black Sea Area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An investigation Conducted by the Copengagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. M.H.Hansen and Th.H.Nielsen (eds.). - Oxford, 2000; Petropulos E.K. Problems in the History and Archaeology of the Greek Colonization of the Black Sea // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. - Thessaloniki, 2003, p. 17-94.
6. Золотарев, Херсонесская архаика…; Vinogradov, Zolotarev, La Chersonèse de la fin de l'archaïsme..., p. 85-119; Zolotarev M.I. Sur la Chronologie de Chersonèse a l'époque archaïque // Sur les Traces des Argonautes, p. 313-317.
7. Zolotarev, Sur la Chronologie de Chersonèse…, p. 314-315, 317.
8. Особую благодарность автор выражает Г.И. Жестковой.
9. Vinogradov, Zolotarev, La Chersonèse de la fin de l'archaïsme…., pl. 6.
10. Boardman J. Early Greek Vase Painting. - New York, 1998, p. 179, ill. 366-367.
11. Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. - Л., 1988. с. 11.

12. Сидорова Н.А. Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея. 1965-1985 // // Сообщения ГМИИ им. Пушкина 10. Археология и искусство Боспора. - М., 1992, с. 164-166.
13. Bažant J., Bouzek J., Dufkova M., Ondřeiova I. Corpus Vasorum Antiquorum Tchécoslovaquie. Prague, Universite Charles.Fascicule I. - Praque, 1978, p. 38, 39, tab. 29. 4-5,.
14. Борисковская С.П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // Труды Государственного Эрмитажа. - СПб., 1997, с. 28-29, рис.10; Valenza Mele V. di N. Corpus Vasorum Antiquorum Italia. Museo Nazionale di Napoli. Fasc. LXIX. - Roma, 1995, tav. 56. 1-7 ; 57. 4-6; Sidorova N., Tugusheva O. Corpus Vasorum Antiquorum Russia, Pushkin State Museum of Fine Arts. Fasc.1. - Roma, 1996, pl. 33. 5, 6 (№ I 1a 2972).
15. Sidorova,Tugusheva, Corpus Vasorum Antiquorum Russia…, pl. 60. 1, 2, 3, p. 55, 56, 63. 3,4.
16. Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // История и архитектура античного мира. - М., 1977, с. 162, 163.
17. Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945-1958 гг. // Сообщения ГМИИ им. Пушкина 10. Археология и искусство Боспора. - М., 1992, с. 188, рис. 8б.
18. Boardan J. Early Greek Vase Painting. - London, 1998, p. 215, fig. 451-452.
19. Morgan C. Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria // Phanagoria Studies 1. Colloquia Pontica № 10. - Leiden-Boston, 2004, pl. 29, nr. 382, p. 137.
20. Гайдукевич, Блаватский, Белов, Херсонес Таврический…, с. 146.
21. Зедгенидзе, О времени основания Херсонеса Таврического…, с. 27.
22. Sidorova,Tugusheva, Corpus Vasorum Antiquorum Russia…, pl. 44. 1, 3.
23. Гайдукевич, Блаватский, Белов, Херсонес Таврический…, с. 146; Зедгенидзе, О времени основания Херсонеса Таврического…, с. 27, рис. 1. 2.
24. Ойнохоя опубликована: Зедгенидзе, О времени основания Херсонеса Таврического…, рис. 1.6, с. 27; аналогичный декор имеет ойнохоя из Неаполя см.: Valenza Mele, Corpus Vasorum Antiquorum Italia.., tav. 49. 3, 4, p. 36.
25. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. - М., 1953, с. 276; Edwards G.R. Panathenaics of Hellenistic and Roman Times // Hesperia. V. 26. - 1957, p. 320-349, pl. 76-78.
26. Boardman J. Athenian Black Figure Vases. – London, 1985, p. 169, pl. 308.
27. Boardan, Early Greek Vase Painting…, p. 179-180, fig. 367. 366, 365.
28. Vinogradov, Zolotarev, La Chersonèse de la fin de l'archaïsme…, pl. 6.
29. Гайдукевич, Блаватский, Белов Херсонес Таврический…, с. 146.
30. Там же.
31. Valenza Mele, Corpus Vasorum Antiquorum Italia..., tav. 69. 6.
32. Гайдукевич, Блаватский, Белов, Херсонес Таврический…, с. 146; Херсонес Таврический. - К., 1989, с. 19.
33. Гайдукевич, Блаватский, Белов, Херсонес Таврический…, с. 146; Зедгенидзе, О времени основания Херсонеса Таврического…, с. 27, рис. 2. 6.
34. Гайдукевич, Блаватский, Белов, Херсонес Таврический…, с. 146; Зедгенидзе, О времени основания Херсонеса Таврического…, с. 27, рис. 2. 4.
35. Valenza Mele, Corpus Vasorum Antiquorum Italia…, taf. 63. 3, 4, 5-8.
36. Гайдукевич, Блаватский, Белов, Херсонес Таврический…, с. 146; Зедгенидзе, О времени основания Херсонеса Таврического…, с. 27, рис. 1. 2.
37. Sidorova, Tugusheva, Corpus Vasorum Antiquorum Russia …, tab. 53. 1, 2.
38. Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. - Л., 1983, с. 182, № 154.
39. Sidorova, Tugusheva, Corpus Vasorum Antiquorum Russia …, p. 60, taf. 66. 1.
40. Зедгенидзе, О времени основания Херсонеса Таврического…, с. 27, рис. 1. 1.
41. Sidorova, Tugusheva, Corpus Vasorum Antiquorum Russia…, pl. 58. 7.
42. Зедгенидзе, О времени основания..., рис. 1. 5.
43. Morgan, Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria..., p. 137.
44. Зедгенидзе, О времени основания …, с. 27, рис. 1. 3.
45. Sidorova, Tugusheva, Corpus Vasorum Antiquorum Russia…, pl. 46. 2; 43.
46. Valenza Mele, Corpus Vasorum Antiquorum Italia..., p. 36, tav. 49. 3-4.
47. Зедгенидзе, О времени основания…, с. 27, рис. 1. 6.

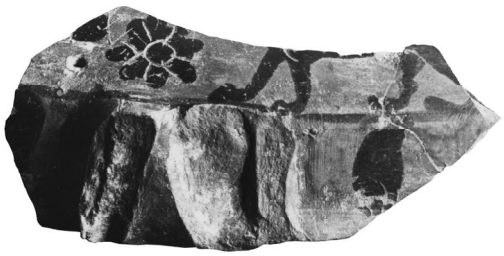
1. Коринфский арибалл. Инв. № 9088.

2. Чернофигурный аттический лекиф. Инв. № 9051.

3. Чернофигурная чашечка. Инв. № КП-1100/14.

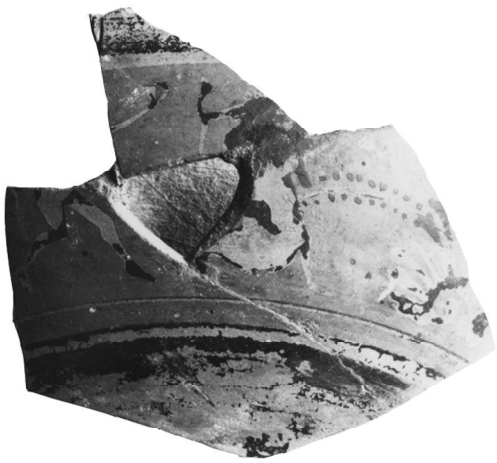
4. Фрагмент края крышки леканы с изображением кошачьего хищника и розетки. Инв. № 2459/08.

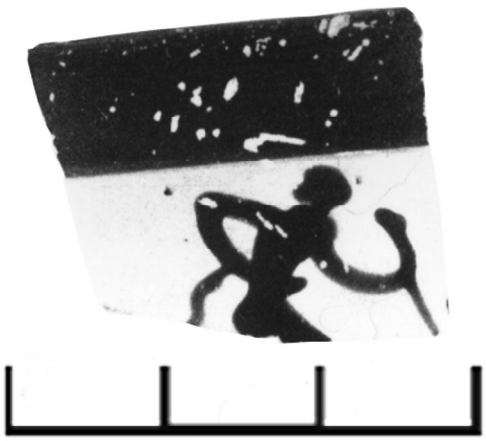
5. Леканы фрагмент крышки. Инв. № 1205/12.

6. Фрагмент стенки лекифа.
Инв. № 740/12, 31.748.

7. Фрагмент глубокого килика.
Инв. № 1729/08.

8. Фрагмент килика с изображением бегущего сатира. Инв. № 777/14.

9. Фрагмент ойнохои. Инв. № КВ-180.

10. Фрагменты чернофигурной панафинейской амфоры эллинистического времени.

А.Ю. ВИНОГРАДОВ

ХЕРСОНЕССКИЙ ХРАМ СВ. ПЕТРА И ЕГО ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ*

В 1899 г. выдающийся русский эпиграфист В.В. Латышев опубликовал фрагмент мраморной плиты с изображением спасения апостола Петра из вод Галилейского моря, найденную за три года до этого К.К. Косцюшко-Валюжиничем в одном из погребений некрополя. Сцену сопровождала надпись, которую исследователь восстановил так: «Господь Иисус, Подающий помощь святому Петру». Плита была верно интерпретирована им как экран алтарной преграды и отнесена по своему художественному облику к V в. (согласно Н.В. Покровскому).

В следующем 1900 г. французский археолог Э. Мишон прочел доклад о похожей плите из Лувра со сценой чудесной ловли рыбы. Камень поступил в Лувр из собрания генерал-интенданта Робера, участника Крымской кампании 1853-1855 гг., который привез его с Востока. Я.И. Смирнов указал французскому коллеге на изданный В.В. Латышевым памятник, хранившийся в Эрмитаже. Э. Мишон, а вслед за ним и В.В. Латышев сопоставили плиты и пришли к идее об их происхождении из одной алтарной преграды. Кроме того, русский ученый исправил свое прежнее чтение на новое: «Господь Иисус, Подающий руку Петру утопающему», а также реконструировал текст парижской плиты: «Господь Иисус, Говорящий Петру и спутникам: Бросьте справа от корабля сеть и поймаете». Отметив особо подчеркнутую роль Петра во второй сцене, равно как и посвящение первой сцены именно этому апостолу, В.В. Латышев предположил происхождение плит из херсонесского храма ап. Петра, зафиксированного в «Житиях епископов Херсонских». Однако, как констатировал с сожалением Василий Васильевич, из-за случайного характера находки обоих фрагментов «мы лишены возможности определить, в каком из многочисленных христианских храмов византийского Корсуня находилась первоначальная преграда».

Прежде чем перейти к решению этого сложного вопроса, приведем описание петербургского и парижского фрагмента, а также третьей плиты из этой же преграды, находящейся в Херсонесском лапидарии[1].

Плита № 1 (Санкт-Петербург)

Носитель: плита, обработанная со всех сторон, на лицевой стороне которой внутри рамки изображен Христос в виде безбородого юноши с нимбом, подающего руку тонущему Петру, справа корабль, от которого сохранился только парус; на тыльной стороне рельефная рамка и остатки рельефного креста. Мат.: мрамор. Сост. пам.: обломан справа и снизу.

Место находки: Херсонес, некрополь, катакомба № 784. Обстоятельства находки: 1896 г., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича. Место хран.: Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж. Инв. номер: Х. 237. Высота: max. 34,5. Ширина: max. 31,5. Толщина: 3,5.

Эпиграфическое поле: на верхней рамке и под рамкой.

Датировка текста: V в. Источник датировки: тип изображения. Шрифт: эпсилон и сигма лунарные, каппа с удлиненной вертикалью.

Публикация: Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике I // ВВ 6. - 1899, с. 337-339; Он же. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России // МАР 23. - СПб., 1899, с. 26-27, 40; Он же. К церковной археологии Херсонеса / Commentationes Nicitinianae // ЖМНП. - 1901, октябрь, отд. 5. с. 16-22.

Высота букв: 1,5.

+ `Ο κ(νριο)ς 'Ι(ησου)ς +διδους χε[ιρα Πετρω καταποντιζομενω

Крит. апп.: χ[οργιαν τω αγιω Πετροω Lat 1.

Перевод: «Господь Иисус, подающий руку Петру».

Комментарий: Последняя буква на обломе – это, несомненно, лунарный эпсилон, у которого хорошо видна средняя гаста. В первоиздании В.В. Латышев этого не заметил и исправил свою ошибку при републикации. Восстановление «святому Петру» кажется издателю менее предпочтительным, т.к. Петр, в отличие от Христа, изображен без нимба. Это подтверждает и надпись на парижском

фрагменте.

Сюжет изображения восходит к Мф 14:31 и известен в христианском искусстве (#). Сюжетная аналогия тексту - латинская мозаичная надпись в Равенне[2].

Плита оказалась в катакомбе, по-видимому, уже в разбитом состоянии. Рядом с ней был найден большой надгробный крест грубой работы. Не исключено, что фрагмент плиты с изображением Христа и Петра мог попасть в могилу в качестве своего рода иконы.

Плита № 2 (Париж)

Носитель: плита, обработанная со всех сторон, на лицевой стороне которой внутри рамки изображен Христос в виде безбородого юноши с нимбом, протягивающего правую руку в жесте благословения; на тыльной стороне рельефная рамка. Мат.: мрамор. Сост. пам.: обломан справа и снизу

Место находки: неизвестно. Обстоятельства находки: до 1855 г.

Место хранения: Лувр. Инв. №: # Высота: max. 22. Ширина: max. 22. Толщина: 3,5.

Эпиграфическое поле: на верхней рамке и под рамкой на поле.

Датировка текста: V в. Источник датировки: тип изображения и шрифт. Шрифт: альфа с ломаной горизонталью, бета с несомкнутыми полукружиями, эпсилон и сигма лунарные, пи с выступающей горизонталью, W-образная омега с вертикальными боковыми гастами и пересекающимися под прямым углом центральными.

Публикация: Латышев В.В. К церковной археологии Херсонеса / Commentationes Nicitinianae // ЖМНП. - 1901, октябрь, отд. 5, с. 16-22.

Высота букв: 1-1,5.

`Ο κ(νριο)ς 'Ι(σου)ς λεγων Πετρου [και τῶνϵ συν αυτου (?) Βαλετε εις τα δ[ξια μερη του πλοιου

τον δικτι[ο κοι ευρησετε.

Перевод: «Господь Иисус, Говорящий Петру и спутникам: Бросьте справа от корабля сеть и поймаете».

Комментарий: Парижская плита происходит из коллекции генерал-интенданта Робера, который приобрел ее, по всей вероятности, во время Крымской войны 1853-1855 гг. Ее тождество петербургской плите доказывает сходство техники надписи, изображения и обработки тыльной стороны. В отличие от предыдущей плиты здесь подпись к изображению начинается на верхней рамке. Это было обусловлено, в том числе, и ее сравнительно большей длиной.

Сюжет изображения восходит к Ио 21:6. Важно отметить, что надпись подчеркивает роль Петра в изображаемом событии, о которой нет речи в первоисточнике.

Плита № 3 (Херсонес)

Носитель: плита, обработанная со всех сторон, на лицевой стороне которой видна верхняя часть рамки, а под ней – следы изображения (головы), выполненного в технике сграффито; на тыльной стороне рельефная рамка. Мат.: мрамор. Сост. пам.: плита обломана со всех сторон, кроме верхней.

Место находки: Херсонес, северо-восток, у батареи, пом. 14. Обстоятельства находки: 1909 г., раскопки Р.Х. Лепера.

Место хранения: НЗХТ. Инв. №: 20307. Высота: 9. Ширина: 6,5. Толщина: 3.

Эпиграфическое поле: на верхней рамке.

Датировка текста: V в. Источник датировки: шрифт. Шрифт: эпсилон и сигма лунарные, каппа с удлиненной вертикалью.

Публикация: ineditum.

Высота букв: 0,9-1,1.

`Ο] κ(υριο)ς 'Ιε(σου)ς [...

Перевод: «Господь Иисус ...».

Комментарий: Родство херсонесского фрагмента с петербургской и парижской плитами доказывает одинаковая обработка лицевой и тыльной сторон, техника изображения сграффито и шрифт надписи. С парижской его также сближает сокращение IES.

К сожалению, неясно, что за сцена была представлена на плите. Судя по технике сграффито, в левом верхнем углу была расположена голова фигуры. Если в двух выше перечисленных фрагментах это голова Христа (у Петра на петербургском фрагменте волосы выполнены иначе), то здесь вокруг нее отсутствует нимб.

Разберем вначале сходства и различия между тремя плитами. На всех трех использована одинаковая обработка тыльной стороны, идентичная техника изображения (неглубокие линии и сграффито), тот же шрифт. Обработка тыльной стороны плит указывает на то, что они являются экранами алтарной преграды. Их сходство позволяет предполагать, что все три были тех же размеров. Остатки креста, служившего осью симметрии на тыльной стороне петербургской плиты, позволяют

восстановить ее приблизительную ширину - ок. 75 см (эта работа была проделана для В.В. Латышева Н.И. Сусловым). Схожа и композиция плит: Христос располагается слева, здесь же начинается и надпись.

Но есть и различия. Если на парижской и херсонесской плитах на верхней рамке располагалось начало подписи к изображению, то на петербургском остатки букв здесь должны принадлежать какой-то другой надписи, так как подпись начинается ниже. Возможно, это была ктиторская надпись строителя храма.

Вернемся к вопросу о местонахождении храма, откуда происходит преграда. Находка надписи на северо-востоке Херсонеса неподалеку от базилики № 36 (так называемой Восточной) позволяет предположить, что все три плиты относились к алтарной преграде именно этого храма.

Подчеркнутая роль Петра на этих плитах согласуется с гипотезами локализации на этом месте храма апостола Петра, известного по письменным источникам[3]. Отметим не только роль Петра на парижской и петербургской плитах, но и то, что они связаны с морской тематикой. Палеографическая и искусствоведческая датировка плит V в. (и меньшие, по сравнению с экранами преград VI-VII в., размеры) позволяет предположить, что они относятся к первому строительному этапу Восточной базилики, которая могла возникнуть в конце IV - начале V в. на месте античного теменоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В сентябре 2003 г., готовясь к докладу на конференции по христианской археологии, я работал в лапидарии Национального заповедника «Херсонес Таврический». Подбирая материалы к докладу, посвященному византийским строительным надписям Херсонеса, я снова наткнулся на кусочек мраморной плиты с остатками пяти греческих букв, который уже не раз брал в руки. Несмотря на дату находки – 1912 г., он так и не был никем опубликован, и в своем корпусе византийских надписей Северного Причерноморья я хотел отнести его в разряд Incerta. О небольшом озарении, которое меня тогда посетило, я сообщил вскоре на конференции. Самым внимательным слушателем и отчасти даже инициатором моего доклада был Михаил Ильич Золотарев. Именно ему я обязан своим знакомством с Херсонесом, музеем и лапидарием, равно как и своим приобщением к археологии в те незабываемые 1992-2001 годы, которые я провел в его экспедиции. Светлой памяти моего археологического наставника мне и хотелось бы посвятить эту статью.

1. Мною была взята за основу система PETRAE (Университет Бордо-III) с любезного разрешения ее создателя А. Брессона.
2. Редин Е.К. Мозаики Равеннских церквей. - СПб., 1896, с. 45.
3. Сорочан С.Б. О храме св. апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. - Киев-Судак, 2004, с. 183-192.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ЗЕРЕН КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ, НАЙДЕННЫХ В МИРМЕКИИ

Всем хорошо известно, что основой экономики Древней Греции было развитое земледелие и скотоводство, столь же очевидно, что во время Великой греческой колонизации эта экономическая система была перенесена на весьма отдаленные территории Средиземноморья и Причерноморья. Однако следует сразу оговориться, что колонисты вряд ли стремились любыми силами сохранить сложившуюся в метрополии систему растениеводства абсолютно неизменной. Напротив, логичнее ожидать, что она могла быть легко адаптирована к местным условиям, без чего выживание греческих переселенцев на новых местах обитания часто было бы практически невозможным. Большое значение для понимания процесса такой адаптации дает изучение культурных злаков и прочих культурных растений, которые греки выращивали в метрополии и, соответственно, которые они стали культивировать в своих колониях, в частности, на берегах Боспора Киммерийского. Специфичность набора культурных растений, возделывавшихся в древности в Средиземноморье, обычно сводят к так называемой «триаде» оливки, виноград, злаковые - или же «квартету», когда в список добавляются бобовые[1]. Понятно, что в различных областях региона значение перечисленных культур, а значит и их удельный вес, то есть количественные соотношения между собой, было различным.

Палеоботанических определений на архаических памятниках Древней Греции произведено чрезвычайно мало, по существу серьезная работа в этом направлении еще только начинается[2]. Наибольший научный интерес в этом отношении представляют недавно опубликованные палеоботанические определения проб семян, взятых в слоях архаического Милета[3]. Последнее тем более важно, что Милет, как хорошо известно, был метрополией большинства северочерноморских колоний, в том числе и в районе Боспора Киммерийского. Несмотря на сравнительную немногочисленность полученных образцов, следует признать, что «триада» или «квартет» здесь выступают весьма наглядно. Не вызывает никакого сомнения, что очень большое значение в Милете придавалось возделыванию оливок, винограда и инжира. Среди злаковых преобладали ячмень и просо, сравнительно многочисленны находки спельты (Triticum spelta), чего нельзя сказать о других пшеницах (Trit. monococum, Trit. aestivum). Среди бобовых представлены чечевица, вика эрвилия; из других культур - посевная чина, сельдерей, свекла (репа), портулак, а также миндаль и лещина[4]. Во всем этом многообразии обращает на себя внимание то, что злаковые в архаическом Милете характеризуются, прежде всего, находками зерен ячменя и проса. Считается, что именно ячмень являлся основой пищевого рациона массы рядового населения Древней Греции[5], пшеничный хлеб был достаточно дорог, составляя пищу состоятельных людей[6].

Вряд ли кто-нибудь станет сомневаться, что весь этот комплекс культурных растений в неизменном виде на берегах Керченского пролива и в любом другом районе Северного Причерноморья культивироваться не мог. Однако информация о том, какие злаковые, огородные или садовые культуры стали здесь выращиваться греческими переселенцами, остается весьма ограниченной. Археологи, по большей мере, уделяют небольшое внимание изучению остатков древних культурных растений, имеющаяся информация в особенности мала для времени архаики.

Боспор в этом отношении, увы, не является исключением: находок культурных растений здесь зафиксировано очень немного, перечисление их не составляет никакого труда. Безусловно, к VI в. до н.э. относится зерновая яма, открытая в Гермонассе[7]; она в основном содержала зерна ячменя, а также некоторое число зерен мягкой пшеницы, пшеницы-

двузернянки и ржи[8]. Зерна мягкой пшеницы и ячменя были найдены в слоях V в. до н.э. Мирмекия и Тиритаки; в Мирмекии к тому же была обнаружена виноградная косточка[9]. Среди сельских поселений Боспора находки зерен VI-V вв. до н.э. зафиксированы на Таманском полуострове (поселение Артющенко), наряду с прочим здесь был найден горох сеяный[10]. Этот краткий перечень, в общем, исчерпывает круг находок палеоботанических материалов интересующего нас времени на боспорских памятниках.

В последние годы, однако, чрезвычайно интересные материалы раннего времени были открыты в Мирмекии в западной части городища (участок С)[11]. Обугленные остатки культурных растений были найдены здесь в трех местах, и, что особенно важно, они относятся к различным хронологическим отрезкам: яма № 59 (третья четверть VI в. до н.э.), яма № 71 (последняя четверть VI в. до н.э.), зольная куча около печи в помещении XXV (первая треть V в. до н.э.). По причине редкости таких комплексов в районе будет оправдано охарактеризовать их более подробно.

Яма № 59, исследованная в 1990 г., является самым ранним комплексом Мирмекия, в котором были обнаружены обгоревшие зерна. Эти материалы, определенные А.Н. Щегловым, уже были опубликованы[12]. Повторное определение, проведенное Г.А. Пашкевич, практически полностью подтвердило выводы первоначального исследования[13]. Здесь почти в равных количествах были представлены зерновки голозерной пшеницы (Triticum aestivum s.l.) и пленчатого ячменя (Hordeum vulgare) - 28 и 21 экземпляр соответственно. Были найдены также 2 зерновки пленчатой пшеницы двузернянки (Triticum dicoccum) и семя винограда (Vitis vinifera).

Яма № 71, открытая в 1994 г., дала наибольшее число палеоботанических материалов – более 3-х тыс. семян; их определения осуществлены Г.А. Пашкевич. Основной объем находок здесь образован зерновками голозерной пшеницы (Triticum aestivum) - 59% – и пленчатого многорядного ячменя (Hordeum vulgare) - 39%. Лишь 2% составляют пленчатые пшеницы (Triticum dicoccum), прочие злаковые: ячмень голозерный (Hordeum vulgare var. colest), рожь (Secale cereale), просо (Panicum miliaceum), овес (Avena sp.) – представлены единичными экземплярами. Среди бобовых этого комплекса имеются семена вики эрвилии (Vicia ervilia), гороха (Pisum sativum) и чечевицы (Lens culinaris). Среди прочих находок представлены: обломок скорлупки грецкого ореха, одна костянка, вероятнее всего, вишни кустарниковой и половинка косточки сливы.

Зольная куча около основания большой печи позднеархаического дома была исследована в 1994 г., определения проведены Г.А. Пашкевич. Как говорилось выше, этот комплекс является относительно поздним, однако и здесь выявлено приблизительно то же соотношение состава зерновок, что и в более ранних. Ячмень пленчатый (Hordeum vulgare) и пшеница голозерная (Triticum aestivum) выявлены почти в равных количествах - 60 и 59 зерновок соответственно, а пленчатая пшеница (Triticum dicoccum) - всего одной зерновкой. Кроме злаковых, в наборе представлены бобовые: семена вики эрвилии (Vicia ervilia) - 17 шт. - и чечевицы (Lens culinaris) - 1 шт.

Нетрудно заметить, что все три комплекса демонстрируют, с одной стороны, заметное единство набора культурных растений, а с другой - явное отличие его от милетского. Причины обозначенной любопытной ситуации, скорее всего, были различными. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что такие привычные для милетян культуры, как оливки, и инжир на берегах Керченского пролива не могли произрастать по климатическим условиям. Положение с виноградом тоже было очень непростым, хотя способ его защиты от морозов мог быть открыт сравнительно быстро эмпирическим путем. Страбон писал по этому поводу, что «на Боспоре зимою зарывают виноградную лозу, насыпая на нее много земли» (Strab. VII. 3. 18).

Используя уже ставшую привычной терминологию для обозначения комплекса культурных растений, выращивавшихся в Древней Греции («триада» или «квартет»), мирмекийский набор, состоящий из злаковых и бобовых, следует определить как «дуэт», при этом с явным доминированием первой составляющей. В наборе злаковых при этом бросается в глаза преобладание голозерных пшениц или же, по крайней мере, их равное соотношение с пленчатым ячменем. Последний, тем не менее, на Боспоре высевался в меньших масштабах, чем в Милете, а количество спельты и проса вообще кажется мизерным. Зато

представлены, пусть и в очень небольших количествах, пленчатая пшеница, рожь и овес. Набор бобовых, напротив, демонстрирует практически полное сходство между Мирмекием и Милетом: везде выращивалась вика эрвилия, горох и чечевица.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что бытующее представление о том, что земледелие апойкий по происхождению и традициям было связано с земледелием метрополии[14], нельзя понимать прямолинейно. Скорее следует говорить о приспособлении этой системы к специфическим условиям района колонизации. Можно даже высказать предположение, что в Мирмекии, а, вероятно, будет правильнее сказать на Боспоре Киммерийском довольно быстро сложилась оригинальная, отличная от метрополии система растениеводства. Это отличие более всего заметно в наборе злаковых, при этом о каких-то его изменениях на протяжении приблизительно 75 лет истории поселения, начиная практически с момента его основания, говорить не приходится. Есть все основания считать, что здесь очень рано стали выращивать в основном голозерную пшеницу и пленчатый ячмень, то есть культуры, которые были характерны и для других греческих центров Северного Причерноморья[15].

С чем же следует связывать это любопытнейшее явление? Ответ, как будто, напрашивается сам собой – обозначенная трансформация системы растениеводства демонстрирует одно из направлений адаптации земледельческой экономики греков к местным условиям. Весьма непростым в связи с этим представляется вопрос об использовании колонистами культурных растений и вообще традиций земледелия, которые выработались у оседлых племен Северного Причерноморья. Э.В. Янушевич в связи с этим писала: «К началу греческой колонизации в Крыму уже существовали хорошо приспособленные к условиям климата сорта-популяции голозерной пшеницы, пленчатого ячменя и бобовых растений, служивших основой экономики местных племен»[16]. В Крым мягкая голозерная пшеница, как предполагается, проникла из Передней Азии через Кавказ и Северо-Восточное Предкавказье[17]. И хотя для такого заключения материалов явно недостаточно и уверенности в его точности пока нет, но в отношении Предкавказья уже давно указывалось, что именно этот злак был основным хлебным растением у местного земледельческого населения[18].

Современные палеоботанические исследования, проведенные на памятниках земледельческих меотских племен Прикубанья, как будто подтверждают последнюю гипотезу, хотя следует оговориться, что полученные определения очень и очень незначительны в количественном отношении, к тому же они абсолютно не расчленены в хронологическом отношении[19]. В общем, наши знания сейчас сводятся к тому, что в Прикубанье в VI в. до н.э. - III в. н.э. возделывались прежде всего мягкие голозерные пшеницы, а пленчатая пшеница-двузернянка представлена в небольшом количестве. Пшеницам несколько уступает по объему просо и почти в равной с ним степени ячмень; рожь занимала очень скромное место, по количеству найденных зерновок сопоставимое с пшеницей-двузернянкой. Из бобовых здесь представлена чечевица[20].

Отличие этого набора злаковых от зафиксированного в Мирмекии заключается в очень большом количестве проса, которое меоты, скорее всего, выращивали для собственных нужд, а вот голозерные пшеницы, наиболее вероятно, в значительной части поставлялись на боспорский рынок для последующей перепродажи в Грецию[21]. Этот вывод, как представляется, очень важен для понимания путей и закономерностей формирования комплекса зерновых культур, которые стали культивироваться греками-колонистами Северного Причерноморья. Надо думать, что в новом районе обитания они весьма внимательно присматривались к хорошо приспособленным к здешним климатическим условиям злакам, которые возделывались местным земледельческим населением. При этом переселенцам необходимо было решить для себя два важнейших вопроса: что выращивать и для каких целей (т.е. для собственного потребления или для продажи).

Один из путей такой адаптации, как представляется, демонстрируют материалы, полученные на памятниках ольвийской сельскохозяйственной округи. Пленчатые пшеницы встречаются здесь в достаточно больших количествах. К примеру, в одной из ям на поселении Козырка - 9 они составили 18,5% от всех зерновых находок[22]. Пленчатая пшеница-двузернянка, как известно, была основной

пищевой культурой у племен лесостепной полосы Северного Причерноморья, географически сравнительно близкой Ольвии[23]. Показательно, что определенное сходство палеоботанических материалов ольвийской хоры и лесостепи проявляется, прежде всего, на самых ранних греческих поселениях; со временем и здесь голозерные пшеницы, наряду с пленчатым ячменем, становятся основными зерновыми культурами[24]. При этом именно голозерные пшеницы, скорее всего, стали главным предметом хлебного экспорта из Северного Причерноморья в Средиземноморье[25]. Пленчатые виды, как считается, вряд ли могли вывозиться, поскольку процесс их очистки от чешуек весьма трудоемок, а транспортировка в необмолоченном виде (колосками) требовала значительных объемов тары - на 60% больших, чем для голозерных пшениц[26].

На Боспоре пленчатые пшеницы, как можно полагать, не высевались в сколь-либо значительных количествах даже на раннем этапе колонизации, и связывать это, по всей видимости, следует с тем, что местные земледельческие племена, прежде всего областей Прикубанья, их тоже не выращивали. Соответственно, именно здесь на Боспоре у греков-колонистов очень быстро мог сложиться набор злаковых культур, состоящий в основном из голозерных пшениц и пленчатого ячменя, который обеспечивал им внутреннее потребление и давал возможность вывоза определенной части урожая на внешний рынок. Как представляется, недостаток пшеницы в метрополии ощущался достаточно остро, и по этой причине на рынках Средиземноморья пшеница из Северного Причерноморья, скорее всего, стоила достаточно дорого.

В научной литературе порой считается, что забота о снабжении пищей была одной из важнейших задач, с которыми сталкивались правящие круги греческих государств, начиная со времени архаики[27]; при этом существует устойчивая тенденция рассматривать зерно как главный предмет вывоза из Северного Причерноморья в период всей классической древности, начиная со времени колонизации. А. Грэйхем даже отметил, что колонисты осваивали земли для того, чтобы выращивать те сельскохозяйственные культуры, которые были нужны в метрополии[28], а К. Ребак многозначительно назвал главу своей книги, посвященную греческой колонизации региона, «Поиск пищи»[29].

Однако имеются очень веские основания полагать, что снабжение греческих городов продуктами питания слабо регулировалось правительствами, и пример демократических Афин IV в. до н.э. в этом отношении является, скорее, исключением[30]. Главную роль здесь, конечно, играла частная инициатива и коммерческая выгода. Столь же очевидно, что, осваивая северный берег Черного моря, греки больше думали о создании жизнестойких апойкий, а не о нуждах метрополии. К тому же хлебный экспорт из Северного Причерноморья в особо крупных масштабах не мог начаться до последней трети VI в. до н.э., поскольку только тогда греки сумели освоить сельскохозяйственные территории региона; Т.С. Нунен даже считает, что это имело место лишь с конца VI – начала V в. до н.э.[31] Существует немалый смысл в заключении А.Гвинна, которое тот высказал еще в 1918 г., а именно, что данное явление было не причиной, а следствием греческой колонизации Северного Причерноморья[32]. Другое дело, что на этапе колонизации земледельческая экономика греков была уже в необходимой степени трансформирована, уже тогда были заложены важнейшие предпосылки для быстрого роста экспорта зерна в будущем. Конечно же, неверным является мнение, что Боспор включился в хлебную торговлю лишь в IV в. до н.э., позднее, чем Ольвия и даже Херсонес[33].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Sarpaki A. The Paleoethnobotanical Approach. The Mediterranean Triad or Is It a Quartet? // Agriculture in Ancient Greece. - Stockholm, 1992, p. 61 ff.; Isager S., Skydsgaard J.E. Ancient Greek Agriculture. - London-New York, 1992, p. 21 ff., 26 ff., 33 ff., 42 ff.; Garnsey P. Food and Society in Classical Antiquity. - Cambridge, 1999, p. 13.
2. Kučan D. Zur Ernährung und dem Gebrauch von Pflanzen im Heraion im Samjs // JdI. 1995. 110, s. 1 ff; Stika H-P. Pflanzenreste aus dem archaischen Milet. Vorbericht zur Kampagne 1992 // AA 2. – 1997, s. 157 ff.; Popovtschak M. Archäobotanik: Pflanzenreste aus dem Artemision von Ephesos // Der Kosmos der Artemis von Ehhesos. - Wien, 2001, s. 199 ff.
3. Stika, Pflanznreste aus dem archaischen Milet..., s. 157 ff.
4. Ibid., s. 160, tabl. I.

5. Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. - Cambridge University Press, 1988, p. 99, 105; Sarpaki, The Paleoethnobotanical Approach...., p. 61, 69.
6. Garnsey, Famine and Food Supply…, p. 69; Idem, Food and Society…, p. 19; Foxhall L. Cargoes of the heart's desire. The character of trade in the archaic Mediterranean world // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence. - Duckworth, 1998, p. 303; Rosivach V.J. Some Economic Aspects of the Fourth-Century Athenian Market in Grain // Chiron 30. - 2000, p. 59.
7. Зеест И.Б. Архаические слои Гермонассы // КСИА 83. - 1961, с. 54.
8. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. - М., 1975, с. 182.
9. Фляксбергер К. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю // КСИИМК 8. – 1940, с. 118; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. - М.-Л., 1949, с. 95-96; Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. - Berlin, 1971, s. 112.
10. Пашкевич Г.О. Про склад рослин, вирощуваних на початку грецькоп колонзації Північного Причорномор'я // Borysthenika - 2004. Материалы международной научной конференции. - Николаев, 2004, с. 135.
11. Vinogradov Yu.A. Selected Findings from the Myrmekion Acropolis // Études et travaux 18. – 1999, p. 280 ff.
12. Виноградов Ю.А. Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху // ВДИ 3. 1996, – с. 84.
13. Выражаю мою глубочайшую признательность Г.А. Пашкевич и А.Н. Щеглову за проделанную работу по определению находок зерен из Мирмекия. Без этих определений данная публикация была бы абсолютно невозможной.
14. Гаврилюк Н.А. История экономики степной Скифии VII–III вв. до н.э. - Киев, 1999, с. 164.
15. См.: Пашкевич Г.А. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии // В: Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). - Киев, 1990, с. 116; Она же. Палеоботанічні матеріали з роскопок Ольвіі // Археологія 3. - 1995, с. 98; Крыжицький С.Д., Щеглов О.Н. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія 58. – 1991б, с. 51.
16. Янушевич Э.В. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. - Кишинев, 1986, с. 69.
17. Там же, с. 48.
18. Фляксбергер, Археологические находки хлебных растений…, с. 117; Анфимов Н.В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // МИА 23. – 1951, с. 147.
19. См.: Лебедева Е.Ю. Результаты исследований палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник 5. – 1994, с. 108 сл.
20. Там же, с. 109, табл. I.
21. Там же, с. 110; Лебедева Е.Ю. Палеоботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // В: Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. - Москва, 2000, с. 99.
22. Пашкевич, Состав культурных и сорных растений…, с. 116.
23. Янушевич Э.В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. - Кишинев, 1976, с. 102; Она же, Культурные растения Северного Причерноморья…, с. 35; Шрамко Б.А., Янушевич Э.В. Культурные растения Скифии // СА 2. 1985, с. 61.
24. Пашкевич, Состав культурных и сорных растений…, с. 116; Она же, Палеоботанічні матеріали…, с. 98.
25. Янушевич, Культурные растения Северного Причерноморья…, с. 46 сл.; Щеглов А.Н. Северопричерноморская торговля хлебом во второй половине VII-V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. - Тбилиси, 1990, с. 113 сл.
26. Янушевич Э.В. Культурные растения Северного Причерноморья…, с. 50.
27. Cartledge P. «Trade and Politica» revisited: Archaic Greece // Trade in the Ancient Economy. - Berkeley and Los Angelos, 1983, p. 15.
28. Graham A.J. The colonial expansion of Greeks // CAH III, 3. – 1982, p. 158.
29. Roebuck K. Ionian Trade and Colonisation. - Chicago, 1959, p. 116.
30. Garnsey, Famine and Food Supply…, p. 43.
31. Noonen T.S. The Grain Trade of the Northern Black Sea in Antiquity // American Journal of Philology 94. – 1973, p. 241; ср.: Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // ВДИ 1. – 2000, с. 27.
32. Gwinn A. The Character of Greek Colonisation // JHS 38. – 1918, p. 95.
33. Rosivach, Some Economic Aspects…, p. 40.

Н.В. ГИНЬКУТ

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА ИЗ РАСКОПОК «КОНСУЛЬСКОЙ» ЦЕРКВИ ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

Генуэзская крепость Чембало, расположенная на горе Кастрон у входа в Балаклавскую бухту и основанная в середине XIV в.[1], вызывает интерес исследователей своей малой изученностью. В 1991 г. было начаты археологические раскопки на территории крепости и продолжившиеся в 1999 г. В результате проведенных исследований (1991, 2000-2003 гг.) был раскрыт типичный для крымской средневековой архитектуры одноапсидный прямоугольный однонефный храм, ориентированный на юго-восток, и два пристроенных к нему помещения[2]. Засыпь захоронений храма содержала синхронные археологические материалы середины XIV - первой половины XV в. Эту датировку подтверждают и найденные монеты[3].

Представление об экономической и культурной жизни генуэзской крепости Чембало наряду с письменными и эпиграфическими источниками дают и археологические материалы, включая керамические находки. Преобладающей над остальными группами керамики является поливная посуда производства местных, крымских, центров. Однако одной из актуальнейших проблем, требующей сегодня решения, является выделение импортной продукции из общего керамического комплекса находок на средневековых памятниках Северного Причерноморья[4]. Введение в научный оборот находок импорта из раскопок крепости Чембало позволит уточнить экономические и культурные контакты местного населения с различными регионами, включая и внутричерноморские связи. Черноморский регион в этот период занимал важное место в сообщениях между Востоком и Западом. Итальянцы, и в первую очередь генуэзцы, утвердили в это время свою гегемонию в бассейне Черного моря[5]. Вместе с другими товарами (тканями, предметами роскоши), завозившимися активными генуэзскими купцами, на рынок поступала и поливная керамика различных центров[6]. На сегодняшний день среди материалов, полученных в ходе исследований крепости Чембало (церковь св. Николая, башня Барбано Грилло), группа импортной поливной керамики является незначительной. Среди находок выделяется продукция нескольких регионов: Испания, Италия, золотоордынский импорт, Азак, Изник, так называемая группа византийского круга. Настоящая статья посвящена последней из вышеперечисленных групп материала, происходящей из раскопок «консульской» (св. Николая) церкви крепости[7]. Присутствие импорта из византийских центров указывает на еще одно направление торгово-экономических связей Чембало.

Поздневизантийская поливная керамика часто привлекает внимание исследователей, поскольку является хорошим хронологическим индикатором для археологического материала. Она известна в литературе как Палеологовская глазурованная посуда[8]. D. Talbot Rice, исследуя византийскую посуду, выделил эту керамику в две группы B2 (Elaborate Incised Ware) и B3 (Late Sgaffito Ware), рассмотрев при этом формы посуды и сюжеты на ней[9]. C. Morgan классифицировал материал из раскопок Коринфа, базируясь на декоративной технике[10]. Этих общих классификаций придерживаются и другие исследователи, выделяя при этом более мелкие подгруппы[11]. Находки отходов производства, заготовок позволили в последние годы выделить некоторые центры производства посуды Палеологовского времени, таких как Фессалоники, Serres, Micro Pisto (Thrace) и др.[12] Поздневизантийская керамика из раскопок некоторых памятников Северного Причерноморья также привлекала внимание исследователей. Вслед за D. Talbot Rice и C. Morgan А.А. Кравченко и Е.С. Столярик дали характеристику декоративных сюжетов различных групп на поливной посуде этого времени из раскопок Белгорода–Днестровского и Каффы[13]. Отдельные группы византийской глазурованной посуды привлекли внимание М.Г. Крамаровского и С.Г. Бочарова, которые рассмотрели кувшины на пьедестальной ножке

и небольшие чаши на кольцевом поддоне[14]. Более детально, с точки зрения технологического производства (состав формовочных масс, видовой ассортимент), керамика византийского круга рассмотрена в работах И.В. Белинского, А.Н. Масловского по импортной керамике из Азака XIV в., где ими выделены группы византийского импорта с попыткой локализации производства различных групп поливной керамики[15].

Керамика византийского круга Палеологовского времени среди остальных выделяется составом формовочной массы, поливным покрытием и техникой выполнения орнаментальных мотивов. Она изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Сосуды этой группы чаще всего тонкостенные, в отличие от керамики местного производства, которая имеет зачастую большие размеры с более массивными кольцевыми поддонами[16]. Появление триподов (сипай) при обжиге посуды с середины XIII в. позволило сделать выпуск этой продукции массовым в различных центрах, что является отличительной чертой производства керамики этого времени. Формы и размеры посуды Палеологовской эпохи значительно отличаются от керамики более раннего времени. Чаши и тарелки более глубокие, небольшие по размеру, вероятно, отражают перемены, происходившие в византийском обществе в период западного присутствия, влияние западных вкусов, а, возможно, также связанные и с изменением экономической ситуации. Декоративные мотивы представлены в основном геометрическими и стилизованными растительными орнаментальными композициями, ставшими намного разнообразнее. Декор сосудов усиливается применением подцветки зелеными и коричневыми тонами, особенно широко распространенной в византийских мастерских в XIV в. Изображение животных и человека также встречается на Палеологовской керамике, но несколько меньше, чем в предыдущий период. Появляются чаши с монограммами с именами святых. Все перечисленные нововведения являются отличительной чертой византийского поливного производства второй половины XIII - XIV вв.[17] В керамике этого периода выделяется несколько типов[18].

Практически все находки сосудов византийского круга из раскопок «консульской» церкви крепости Чембало представлены фрагментарно. Эту импортную посуду можно выделить в несколько групп.

К первой немногочисленной группе относятся кувшины на пьедестальной ножке с двуствольной ручкой. Найдены фрагменты венчика с прилепом ручки и 4-х стенок[19] (рис. 1.1-5). Сосуды имеют черепок красного цвета; они покрыты по внешней поверхности желтоватой глазурью по светлому ангобу, по внутренней – бесцветной, без ангобной подгрунтовки. Ручка декорирована стилизованными налепами в виде завитков и антропоморфным гравированным украшением в верхней части сосуда; стенки кувшинов орнаментированы заштрихованной диагональной сеткой, горизонтальными и вертикальными линиями, спиралевидными завитками, плетенкой. Подобные кувшины выделяются своим устойчивым набором орнаментов, выполненными сочетанием техник «champlevé» и «sgraffito», и хорошо известны в слоях конца XIII-XIV вв. на памятниках Причерноморского и Азовского регионов[20].

Наши фрагменты близки к находкам из Херсона[21], Каффы[22], Судака[23], Варны[24], Константинополя[25], Северного Предкавказья[26] и датируются как XIII–XIV вв., так и более узко - серединой-второй половиной XIV в.[27] Прототипом подобных сосудов, по мнению М.Г. Крамаровского, являлись металлические сосуды ближневосточного круга, но сильное влияние на развитие данной группы оказано «латинской и палеологовской традицией»[28]. По поводу центра производства данной керамики у исследователей пока не сложилось единого мнения: Константинополь, Балканский регион; а также и то, что некоторое количество могло изготавливаться на месте[29]. Находки данных сосудов в слоях этого времени, несмотря на стабильность, немногочисленны. Очевидно, что эти кувшины происходят из византийского или находящегося под византийским влиянием центра, и поступали данные сосуды на памятники Причерноморского региона в результате оживленной итальянской торговли[30].

Продукции Фессалонийских мастерских принадлежит фрагмент стенки полихромной чаши с изображением птицы (сохранилась часть крыла), выполненным в сочетании техник «sgraffito» и «champlevé»[31] (рис. 2. 23). К сожалению, основная часть сосуда утрачена. Но декор этих чаш достаточно хорошо известен. Изображение клюющей птицы дополнено

стилизованным «древом жизни» или ветвью растения, чаще всего пальмовой. Для данной группы фессалонийской керамики характерны некоторые особенности в передаче рисунка, присутствие определенных элементов. Тело птицы имеет приземистую форму, переданную в выемчатой технике, крыло расположено почти горизонтально и имеет форму капли. Иногда данные сосуды украшались хаотичными мазками зеленого цвета[32]. Подобные чаши относятся к группе B.3.a (Plane Sgraffito)[33]. Птица являлась излюбленным декоративным мотивом в средневековом искусстве. Эта тема, широко и богато представленная в ранневизантийском искусстве, не утратила своего значения и в позднесредневековое время[34]. В Византии это было связано еще с раннехристианской символикой, унаследовавшей античные представления о птице как символе души, бессмертной души[35]. В раннехристианской символике деревья являются символом рая, часто означают смерть греховную и возрождение к новой духовной жизни и вообще развивают мысль о возрождении. Пальма же, являясь в античности символом победы, перешла с тем же смыслом и в христианскую традицию, но вместо значения победы земной приобрела значение духовной победы над смертью. Изображение пальмы или пальмовой ветви было очень популярным в христианской иконографии и стало символом триумфа мученика, вечности или рая праведных[36]. Сюжет с птицей и «древом жизни», символизирующий возрождение жизни, восходит к ближневосточному искусству, позднее воспринятому византийскими мастерами[37]. Керамика этого типа была очень популярна в Палеологовское время[38]. Известно, что Фессалоники в XIV в. был крупным религиозным, а также богатым ремесленно-торговым центром, славившимся высоким уровнем развития ремесел[39]. Проведенные в последние годы исследования этой группы керамики, найденные остатки брака производства и сипай позволили выделить мастерские глазурованной посуды, работавшие в Фессалониках во второй половине XIII - XIV вв.[40] В результате транзитной торговли (особенно с северо-балканскими и западноевропейскими странами), занимавшей видное место в экономике города[41], и происходило распространение керамической продукции. Ареал, где известна керамика с изображением птиц, достаточно широк: Причерноморье[42], Балканский регион[43], район Константинополя[44], Никеи[45], Фасоса[46] и даже некоторое количество найдено в Италии[47]. Находки подобных чаш известны на многих памятниках Крымского полуострова, Азовского региона в слоях второй половины XIV в.[48], что совпадает и с условиями находок нашего материала[49].

Возможно, продукцией фессалонийских мастерских является еще и фрагмент венчика чаши, имеющей фестончатый край (рис. 2. 24). Чаша была найдена вместе с вышеописанной частью стенки сосуда с изображением крыла птицы[50]. Аналогичная форма венчика встречается на керамике с изображением птиц и растительными орнаментами продукции Фессалоник[51], из раскопок Ипподрома[52], а также на чаше из коллекции Musée Canellopoulos[53].

К следующей группе керамики относятся фрагменты сосудов открытого типа, отличающихся более тонким черепком. Глина этих сосудов красная с сероватым закалом, формовочные массы непластичны и включают мелкий песок и белые частицы. Полива, нанесенная на ангобную подгрунтовку, по внешней поверхности ярко-зеленая, по внутренней - лимонно–желтая, салатная. Орнаментация сосудов также выполнена сочетанием техник «champlevé» и «sgraffito». Для данной группы керамики общим является оформление внешней поверхности врезными вертикальными линиями. Найденные фрагменты венчиков, стенок, доньев условно можно отнести к двум формам сосудов:

а) небольшие чаши полусферической формы, со слегка загнутым вовнутрь венчиком (диаметром около 10 см), на кольцевом поддоне. Внешняя поверхность сосудов под венчиком орнаментирована врезными концентрическими линиями и вертикальным арочным орнаментом. Внутренняя поверхность венчиков и стенок украшена различными орнаментами: трилистником, заключенным в медальон; крестом; многолепестковой розеткой, сочетающейся с заштрихованной диагональной сеткой[54] (рис. 2. 10-16, 18).

б) плоскодонные кубки (бокалы), вероятно, с полусферической (или колоколовидной) верхней и стаканообразной нижней частью. Верхняя часть внутренней поверхности бокалов украшена чередующимися пальметтами (?) с расходящимися радиально лучами со штриховкой

в виде диагональной сетки; стенки центральной части декорированы врезной концентрической окружностью с овами, присущей практически для всех плоскодонных кубков данной группы. Внешняя поверхность бокалов оформлена характерными для данных сосудов врезными вертикальными линиями[55] (рис. 2. 17, 19-22).

Оба типа данной группы относятся к группам B2 (Elaborate Incised Ware) по D. Talbot Rice[56], B.3.b. (Colored Sgraffito)[57], а также к 15 группе по И.В. Белинскому, А.Н. Масловскому[58].

Керамика данной группы известна на памятниках конца XIII - XIV вв. Причерноморского и Азовского бассейнов, включая Крым[59], Азов[60], Румынию[61], Болгарию[62], Белгород-Днестровский[63], Центральные Балканы[64], Константинополь[65], Малую Азию[66], а также на Фасосе[67], в Греции[68], Пергаме[69]. Близкие по внешнему оформлению, характерному для XIII в. арочному орнаменту, сосуды происходят из комплексов конца XIV – первой половины XV в. Сугдеи[70] и XIV в. Ипподрома Фессалоник[71].

Плоскодонные кубки (бокалы) известны в Болгарии, где датируются XIV в.[72], Румынии (Аккермане)[73], Монкастро (Белгороде-Днестровском)[74], Каффе[75], Азаке (в середине-третьей четверти XIV в.)[76], Константинополе[77], Фессалониках[78], Пергаме[79], Сербии (около Кралево) в конце XIII в.[80], Херсоне[81], Сугдее в третьей четверти XIV в.[82] и др. центрах. Фрагмент стенки кубка (бокала) (рис. 2. 21) находит себе аналогию среди поливной керамики из коллекции Benaki Museum[83].

Орнаментальные мотивы в виде пальметт, трилистников, креста, выполненные резервом на выемчатом фоне, встречаются на сосудах открытого типа из собрания Victoria and Albert Museum[84], вышеописанных кувшинах[85], чашах XIV в. из раскопок Константинополя[86], Никеи[87], Белгород-Днестровского[88], Каффы[89], монастырей в окрестностях Херсона[90]. В пользу византийского происхождения вышеописанных сосудов свидетельствует и декор в виде креста, вписанного в ромб (рис. 2. 10-12), украшающий внутреннюю поверхность чаш (или кубков), который известен еще на ранней поливной византийской белоглиняной керамике с росписью[91], а также на миниатюрах XIII и фреске начала XIV в. византийского круга[92]. Однако единого центра производства подобной посуды пока не выделено, исследователи называют Константинопольский регион, Балканы или где-либо еще[93]. Вероятно, данная группа происходит из византийского или находящегося под византийским влиянием центра на Балканском полуострове[94].

Подобная керамика в небольших количествах поступала в Азовский регион в середине–третьей четверти XIV в.[95], в Каффе она известна в слоях конца XIV в.[96] Чаши и бокалы этой группы встречаются в засыпи могил «консульской» церкви вместе с фрагментами стенок амфоры с дуговидными ручками с сетчатым клеймом второй - третьей четверти XIV в.[97], тарных сосудов XIV в. производства Азака[98], сероглиняного кувшина XIV в. со штампованным орнаментом[99], а также с фрагментами кашинной керамики конца XIII - XIV вв. с рельефным рисунком[100] и испанских люстровых чаш группы «Пула» середины XIV - начала XV в.[101] Сопровождаются эти материалы монетами второй четверти–конца XIV в.[102]

Близким к вышеописанной группе чаш и плоскодонных кубков по составу формовочной массы, поливному покрытию и технике исполнения сюжетного рисунка является фрагмент стенки сосуда открытого типа с выгравированным изображением округлого лица с миндалевидными глазами, возможно, «солнца»[103] (рис. 2. 25). Глина серого оттенка с включениями песка. Сосуд покрыт по белому ангобу поливой: по внешней поверхности - зеленой, по внутренней - лимонно-желтой. Изображение так называемых «солнечных ликов» встречается нечасто на поливной керамике. На сегодняшний день нет единого мнения исследователей по поводу символики данного изображения. По мнению А.Л. Якобсона[104], В.Л. Мыца[105], тип украшения с лицом «восточного облика» восходит к иранским бронзам, где оно ассоциировалось с солнцем, а через иранскую керамику проникает в Византию, где и сохраняет солярную символику[106]. Астрологическая тема солнца в виде человеческого лица, окруженного лучами, наблюдается в сирийской керамике первой половины XIV в.[107] D. Talbot Rice полагает, что мотив «солнца» происходит с Кавказского региона[108]. М.Г. Крамаровский также связывает распространения женского лица с Закавказской традицией, однако отразившей эпосные народные представления о женской красоте, условно называя подобную керамику «Лицо Родамны»[109]. Изображение «солнц» известно в художественной керамике Ирана, Сирии, Египта,

Грузии, Азербайджана, а также на итальянской майолике XV в.[110] Изображения человека на посуде этого времени носят различный характер: светские темы (например, веселья, вина, святочные сюжеты)[111], изображения святых (например, св. Димитрия)[112].

Сосуды с подобным декорированием встречены в различных местах Средиземноморского и Причерноморского бассейнов: на Кипре[113], Греции[114], в Белгороде-Днестровском[115], Херсоне в слоях XIII–XIV вв.[116], в Каффе и Солхате в XIV в.[117], в Сугдее[118], в Алустоне в слое XV в.[119], в Калиакре в слоях XIII-XV вв.[120], в Тырново[121], Закавказье[122]. Наш фрагмент наиболее близок по своему изображению к сосудам XIV в. из Никеи[123] и конца XIV - XV вв. из Александрии[124]. Александрийские чаши V. François связывает с керамикой Кипрских мастерских[125]. Фрагмент сосуда из раскопок «консульской» церкви св. Николая найден в слое вместе с золотоордынскими монетами времен Узбека (1313-1343), а также с фрагментами испанской люстровой керамики группы «Пула» и, вероятно, относится ко второй половине XIV в.[126]

Следующие два фрагмента сосудов открытого типа относятся к группе B.3.b. (Colored Sgraffito), особенно популярной в Палеологовское время[127]. Вертикальный венчик и стенка принадлежат, вероятно, небольшим чашам (или чаше) с полусферическим туловом[128] (рис. 3. 29, 30). Глина сосудов коричневатого тона с включениями песка и шамота. Полива, покрывающая керамику по белому ангобу, на внешней поверхности имеет светло-желтый тон, а по внутренней - золотисто-желтый оттенок с бледно-зелеными пятнами подцветки. Орнамент выполнен в характерном для XIV в. сочетании техник «champlevé» и «sgraffito», как и у сосудов открытого типа предыдущих групп. Внешнюю поверхность края венчика украшает пояс из чередующихся спиралей и столбиков, внутреннюю поверхность - растительный орнамент (возможно, побег с листьями плюща). Стенка декорирована несколько богаче: на внутренней поверхности - растительный орнамент, где часть «цветка» (?) заполнена сеткой из мелкой косой штриховки, внешняя - под венчиком орнаментирована врезными концентрическими линиями и вертикальным арочным декором. Чаша с близким оформлением внешней поверхности известна в собрании Ottoman Museum Константинополя отнесена D. Talbot Rice к группе B2 (Elaborate Incised Ware) и датируется XIII в.[129] Подобная орнаментация внешней поверхности, в виде арочного орнамента, очень близка к Фессалонийской керамике[130], а также к вышеописанной группе чаш и бокалов[131], что говорит в пользу единого или близких центров производства. Ленты из завитков в виде спиралей, чередующихся с вертикальными линиями, в качестве обрамления встречаются на кувшинах с антропоморфными изображениями[132], а также в верхней части кубка из Херсонеса с изображением птицы[133] и сосуда открытого типа из Никеи[134], датируемых концом XIII - XIV вв. Фрагменты наших сосудов найдены в слое вместе с золотоордынскими монетами времен Узбека (1313-1343), а также с фрагментами испанской люстровой керамики группы «Пула» и, вероятно, относится ко второй половине XIV в.[135]

Следующий фрагмент стенки, вероятно, чаши[136] (рис. 3. 31) украшен спиралевидной линией и окончанием одного из лучей «плетенки» (?) или «звезды». Желтая полива покрывает внутреннюю поверхность чаши, зеленая – внешнюю. Орнаментальные мотивы вышеописанного фрагмента сосуда близки к чашам из раскопок византийской мастерской у Micro Pisto (Thrace), существовавшей в XIII в.[137] Контекст находки данного фрагмента укладывается в пределы второй половины XIV в. и подтверждается золотоордынскими монетами XIV в. и фрагментами испанской люстровой керамики группы «Пула»[138].

Фрагмент еще одной небольшой стенки[139] (рис. 3. 32) принадлежит чаше, отличающейся своей формой, с рельефными стенками. Сосуд имеет глину красного тона с включениями песка и шамота. Внутренняя поверхность его покрыта желтой поливой и украшена растительным побегом из соединенных завитков (спиралей), выполненным в технике «sgraffito»; внешняя – декорирована вертикальным «растительным побегом» (?) и покрыта зеленой глазурью. Точной аналогии данной чаше найти не удалось. Однако сосуды, декорированные по внешней поверхности, известны по раскопкам Фессалоник[140], Сербии (около Кралево)[141], Варны[142]. Близкая по форме чаша найдена при раскопках Ипподрома Фессалоник[143]. Возможно, что чаша, имеющая подобную рельефную форму стенок, является подражанием металлическим сосудам, что

наблюдается у кувшинов выше описанной группы[144]. Наш фрагмент найден вместе с выше описанной чашей и также датируется второй половиной XIV в.[145]

Среди находок импортной поливной керамики выделяются фрагменты монохромной, археологически целой чаши конца XIII - XIV вв. (рис. 3. 26) оранжево-красноватой глины с включением песка, шамота, слюды и покрытой внутри желтой поливой по белому ангобу[146]. На внутренней поверхности дна сосуда сохранились следы от сипаи. Подобная керамика, несомненно, относится к производству одного из византийских центров. Близкая к нашей чаше форма сосуда известна среди материалов Пергама XIII в. - Класс VI по J.-M. Spieser (6.40)[147], Фессалоник конца XIII - XIV вв.[148], Никеи[149], Херсона XIV в.[150], кораблекрушения второй половины XIII в. близ Судака[151]. Наша находка обнаружена вместе с керамикой Испании, группы «Пула» (1350-1400 гг.), кашинной керамики конца XIII – XIV вв. с рельефным рисунком и монетами середины XIV в. и, соответственно, относится ко второй половине XIV в.[152]

Стабильными находками среди импортной керамики «консульской» церкви крепости Чембало являются донья сосудов открытого типа, использовавшиеся вторично в качестве «крышек», возможно, для кувшинов со сливом (ойнохой)[153] (рис. 3. 33-34, 4. 35-43). Глина сосудов варьируется от оранжево-красной до красной с серым закалом с включениями слюды песка, извести. Желтая, иногда бесцветная с лимонным оттенком полива покрывает внутреннюю поверхность сосуда по белому ангобу. Большинство «крышек» закопчены. Все фрагменты, за исключением одного, имеют плавную сегментовидную выемку кольцевого поддона. Интересно, что для данной керамики специального назначения использовались чаши, в основном украшенные однотипным простым геометрическим орнаментом: в центральной части дна толстой линией гравировки прочерчена окружность диаметром 1-1,5 см, далее в придонной части – двойная окружность, иногда с подцветкой аморфными пятнами зеленоватого или коричневатого тонов. Традиционно эту керамику относят к Zeuxippus Ware Ib (Derivaties)[154], выделенную A.H.S. Megaw по раскопкам Зевксиповых терм Константинополя[155], или группе B.3.a. (Plain Sgraffito)[156].

К этой же группе импорта можно отнести и фрагменты венчиков чаш, украшенных по краю внутренней поверхности врезными бороздками. Сосуды покрыты поливой по ангобной подгрунтовке: желтой - по внутренней поверхности, зеленой - лишь только по краю внешней верхней части сосуда; найдены вместе с золотоордынскими монетами XIV в.[157] (рис. 3. 27-28).

Именно в развитии этого класса применяются производственные нововведения в виде триподов, что сыграло важную роль в дальнейшем развитии византийской керамики. Керамика группы Zeuxippus Ware Ib получает широкое распространение в Палеологовский период. Концентрические окружности под желтой глазурью стали популярным и распространенным мотивом для различных мастерских, работавших в XIII-XIV вв. В XIV столетии данный декор дополняется пятнами зеленой или темно–коричневой подцветки[158].

Чаши данной группы были популярны во многих центрах Средиземноморского и Причерноморского регионов, особенно в конце XIII - XIV вв. (Малая Азия, северный берег Черного моря, включая Крым, Таманский полуостров, Приазовье; Балканы, Турция, Греция, Александрия, даже Италия)[159]. Исследователи Азака, И.В. Белинский и А.Н. Масловский, относят такие чаши к 14 группе (импорт) и обращают внимание на специфическое изготовление поддона из монолитного куска, в котором выбиралась неглубокая выемка[160]. Ассортимент посуды этой группы в Азаке представлен исключительно чашами и пиалами, покрытыми прозрачной желтой глазурью на внутренней поверхности и салатной по бортику с внешней стороны. Варианты орнаментаций ограничены: в основном гравированный орнамент в виде концентрических окружностей в центре, иногда расцвеченный пятнами зеленого цвета. По их наблюдениям, данная группа материала может выступать хронологическим индикатором, так как ее поступление прекратилось не позднее середины XIV в.[161] Бытование группы продолжается и в течение XIV в., но в значительно меньшем количестве[162].

Эта группа керамики делится на несколько устойчивых подгрупп, что свидетельствует о работе серии родственных мастерских. Исследователи на сегодняшний день не могут выделить единого центра ее производства и

сходятся во мнении, что подобную посуду выпускало несколько мастерских: в центральной части Византии, Средиземноморье и даже в городах Италии[163].

Наиболее близкими к профилировке наших находок являются сосуды из Александрии, (происхождение которых V. François связывает с Никеей)[164], Никеи[165], Gùlpinar в Анатолии[166], Thebes[167], монастыря св. Марии у Кармеля[168], Херсона (второй половины XIII – XIV вв.)[169]. Наши «крышки» встречены вместе с материалами середины XIV – начала XV в.: с испанской люстровой керамикой группы «Пула» (1350-1400 гг.), кашинной керамикой конца XIII – XIV вв. с рельефным рисунком, фрагментами сфероконуса, а также монетами XIV в.[170]

Из общего набора «крышек» выделяется фрагмент дна на кольцевом, несколько расширяющемся поддоне сосуда открытого типа[171] (рис. 3. 33), который покрыт желтой поливой более светлого тона. Близкий по профилировке сосуд известен среди более ранних материалов Никеи конца XII – начала XIII в. и относится к типу Glaze White Ware IV[172], но формовочные массы близки к 3 группе импорта из Азака, датируемой XIV в.[173] Наш сосуд найден в засыпи могилы вместе с фрагментом кашинной керамики конца XIII - XIV вв. с рельефным рисунком[174].

На одном из доньев прочерчено граффити в виде креста[175] (рис. 4. 41), на другом - треугольника, заштрихованного внутри параллельными линиями[176] (рис. 4. 42). По поводу назначения прочерченных по обожженной глине букв и символов пока не существуют различные предположения: это могли быть метки владельцев керамики или мастеров, исполнявших изделия на заказ, а также и то, что граффити имели какое-то значение, связанное с процессом распределения товара при транспортировке груза[177].

Граффити в виде треугольника, заштрихованного внутри параллельными линиями, было прочерчено и у основания ручки кувшина с росписью ангобом в виде вертикальных линий[178] (рис. 1. 8). Внутренняя поверхность сосуда покрыта бесцветной поливой без ангобной подгрунтовки. Кувшин относится к группе импортной керамики, отличительной особенностью которой являются формовочные массы. Они непластичны, с примесью дресвы, песка, бурого железняка, обжиг сквозной или невыразительный двухслойный - светлый, иногда с серым оттенком. Неоднотонная полива (желтого, зеленоватого тонов) наносилась чаще всего прямо по черепку. Поверхность большей части фрагментов сосудов закопчена. Видовой состав чаще всего представлен кухонной керамикой: горшками, котлами-сковородами, кувшинами[179] (рис. 1. 8, 9). Кухонная поливная керамика нечасто встречается среди материалов памятников XIII -XV вв. Близкие по формовочной массе, а также поливному покрытию сковороды XIII в. с горизонтальными ручками известны из раскопок Caesarea[180]. Подобная нашей кухонная керамика датируется в слоях поздневизантийского Херсона и Азака XIV в.[181] По мнению И.В. Белинского и А.Н. Масловского, керамика этой группы поступала в Азак на протяжении всего XIV в., но с течением времени ее импорт сокращался[182]. Кухонная керамика из раскопок «консульской» церкви св. Николая встречается с материалами второй половины XIV - начала XV в.[183] Среди импортных керамических материалов из церкви ее доля наиболее высокая. Исследователи Азака, в комплексах которого она хорошо прослежена, локализуют ее, вероятно, в пределах Черноморского бассейна[184].

Близким к выше указанной группе по составу формовочной массы являются фрагменты кувшина на так называемой пьедестальной ножке[185] (рис. 1. 6-7). Внутренняя поверхность сосуда покрыта бесцветной поливой по черному смолению. Желтая полива по ангобной подгрунтовке покрывает внешнюю поверхность кувшина до границы орнаментальной композиции. Геометрический декор украшает верхнюю и среднюю часть тулова. Контекст находки укладывается во вторую половину XIV – начало XV в.[186] Точной аналогии кувшину из Чембало пока найти не удалось.

Подводя итог краткому обзору импортной поливной керамики Византийского круга из «консульской» церкви св. Николая крепости Чембало, можно отметить, что среди импортной поливной керамики преобладает кухонная посуда последней из описанных групп, а также столовые сосуды открытого типа небольших размеров (чашечки, кубки). Орнаментальные мотивы, выполненные чаще всего в очень модном для этого времени сочетании техник «sgraffito» и «champlevé», показывают, насколько она разнообразна в художественном и

техническом отношении. Наиболее близкий набор импортной керамики встречается среди материалов XIV в. Азова[187]. Столовая керамика по разнообразию форм и декорированию близка к материалам Белгород-Днестровского[188] и Каффы[189]. Среди керамики Византийского круга преобладают сосуды Балканской группы, а также такого центра, как Никея. Наиболее ранними византийскими импортами крепости Чембало являются сосуды группы Zeuxippus Ware Ib, именно они могли поступить сюда вместе с первым этапом строительства крепости в 1344/45 гг.[190], однако немного позже стали использоваться вторично в качестве крышек для кувшинов со сливом. Остальные же описанные группы материала, вероятно, поступали сюда несколько позднее, но в пределах середины–второй половины XIV в. и могли использоваться вплоть до начала или даже первой половины XV столетия. Среди материалов раскопок башни Барбано Грилло XV в. доля византийской импортной поливной керамики намного уменьшается и является очень незначительной[191]. По-видимому, все же пик распространения на территории крепости Чембало подобной посуды приходится на вторую половину XIV - рубеж XIV/XV вв., что совпадает и с материалами других итальянских памятников Северного Причерноморья этого времени[192].

Распространение (прежде всего, итальянскими купцами) исследуемой византийской керамики в конце XIII - XIV вв. в различных участках Средиземноморского и Причерноморского бассейнов (таких как Пергам, Александрия, Балканский регион, Малая Азия, Константинополь, Крымский полуостров, Азак, Приазовье и Закавказье) свидетельствует не только о популярности данной группы археологического материала, но и об оживленных торговых связях между Западными и Восточными странами[193], в кругу которых крепость Чембало была лишь одним из пунктов на путях этой международной торговли[194].

КАТАЛОГ

1. Кувшин. Фрагмент венчика с прилепом ручки.

№ 1/37345.

Глина – светло–красная (2.5 YR 6/8)[195] с включениями мелкого песка, шамота. Внешняя поверхность покрыта золотисто–желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу, внутренняя – бесцветной поливой по черному смолению. Орнамент выполнен в технике «sgraffito». На внешней поверхности - антропоморфное гравированное украшение в верхней части сосуда сочетается с заштрихованной диагональной сеткой, ручка декорирована стилизованными налепами в виде завитков. На внутренней поверхности – горизонтальные гравированные линии дополнены стилизованной шишкой.

Д.венчика = 10,5 см.

2. Кувшин. Фрагмент стенки.

№ 37345.

Глина – светло–красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка, шамота. Внешняя поверхность покрыта золотисто–желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу, внутренняя – бесцветной поливой по черному смолению. Орнамент выполнен в технике «sgraffito». На внешней поверхности - заштрихованная диагональная сетка с сочетанием гравированной горизонтальной линией.

3. Кувшин. Фрагмент стенки, возможно, один сосуд с № 5.

№ 30/37372.

Глина – светло–красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка, шамота. Внешняя поверхность покрыта оливково–желтой (2.5 Y 6/8) поливой по белому ангобу, внутренняя – оливковой поливой без ангобной подгрунтовки. Орнамент выполнен в технике «sgraffito». На внешней поверхности - заштрихованная диагональная сетка с сочетанием завитка в виде спирали. Фрагмент обгоревший.

4. Кувшин. Фрагмент стенки.

№ 37389

Глина – светло–красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка, шамота. Внешняя поверхность покрыта золотисто–желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу, внутренняя – бесцветной поливой по черному смолению. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внешней поверхности – горизонтальная плетенка.

5. Кувшин. Фрагмент стенки, возможно, один сосуд с № 3.

№ 3/37372.

Глина – светло–красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка, шамота. Внешняя поверхность покрыта оливково–желтой (2.5 Y 6/8) поливой по белому ангобу, внутренняя – оливковой поливой без ангобной подгрунтовки. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внешней поверхности – вертикальные линии, чередующиеся с завитками в виде спирали.

6. Кувшин. Фрагмент дна на пьедестальной ножке.

№ 36/37360

Глина серая (2,5 Y 5/1) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта золотисто–желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу до границы орнаментальной композиции, внутренняя – бесцветной поливой по черному смолению. Орнамент выполнен в технике «sgraffito». Геометрический декор украшает верхнюю и среднюю часть тулова.

7. Кувшин. Фрагмент стенки.

№ 36/37360

Глина - светло-красно-серая (2,5 Y 5/1) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта золотисто–желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу, внутренняя – бесцветной поливой по черному смолению. Орнамент выполнен в технике «sgraffito» на внешней поверхности в виде стилизованной «елочки», дополненной вертикальными линиями.

8. Кувшин. Фрагмент стенки с прилепом ручки овального сечения.

№ 26/37372.

Глина – красновато-желтая (5 YR 7/8) с включениями мелкого песка, извести. Внешняя поверхность покрыта красновато-коричневым ангобом (5 YR 7/4), внутренняя – бесцветной поливой по красновато-коричневому ангобу. Орнамент – вертикальные полосы белым ангобом по внешней поверхности. У основания ручки – граффити в виде треугольника с параллельными линиями.

9. Котел–сковорода. Фрагмент края с прилепом горизонтальной ручки овального сечения.

№ 37389

Глина – красновато-желтая (5 YR/ 7/8) с включениями мелкого песка, извести, дресвы, бурого железняка. Внутренняя поверхность покрыта неоднотонной поливой зеленоватого тона. Внешняя поверхность закопчена. Край вогнут вовнутрь и профилирован желобком под крышку. Д. края = 20 см.

10. Чаша. Фрагмент венчика.

№ 43/37360.

Глина – красновато-коричневатая (5 YR 4/2, 4/3) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности – квадраты с крестообразными фигурами и без них, разделенные врезными линиями. На внешней поверхности - врезные концентрические окружности с вертикальными арками.

Д. венчика = 10 см.

11. Чаша. Фрагмент венчика.

№ 38/37360

Глина – красновато-коричневатая (5 YR 4/2, 4/3) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя - по белому ангобу салатной поливой. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности – квадраты с крестообразными фигурами и без них, разделенные врезными линиями. На внешней поверхности - врезные концентрические окружности с вертикальными арками.

Д. венчика = 10 см.

12. Чаша. Фрагмент венчика.

№ 38/37360

Глина – красновато-коричневатая (5 YR 4/2, 4/3) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности – квадраты с крестообразными фигурами и без них, разделенные врезными линиями. На внешней поверхности - врезные концентрические окружности с вертикальными арками.

Д. венчика = 10 см.

13. Чаша. Фрагмент слегка вогнутого венчика.

№ 10/37372.

Глина – серая (5 Y 6/1) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу; внутренняя - по белому ангобу бесцветной, светло-оливкового оттенка поливой. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности – медальон, дополненный косой лентой (?) с диагональной штриховкой. На внешней поверхности - врезные концентрические окружности с вертикальными арками.

Д. венчика = 10 см.

14. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 37345

Глина – красновато-коричневатая (5 YR 4/2, 4/3) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности – квадраты с крестом в центре и без него, разделенные врезными линиями. На внешней поверхности - врезные вертикальные линии, возможно, арки.

15. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 37389

Глина – красновато-коричневатая (5 YR 4/2, 4/3) с серым закалом (5 Y 6/1) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу; внутренняя - по белому ангобу бесцветной, светло-оливкового оттенка поливой. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности – медальон, возможно, с вписанным в него трилистником. На внешней поверхности - врезные вертикальные линии, возможно, арки.

16. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 38/37360.

Глина – серая (Gley 1/5), плотная с включениями песка. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу; внутренняя – по белому ангобу бесцветной, светло-оливкового оттенка поливой. Стенка полусферической чаши. Орнамент выполнен в технике «sgraffito».На внутренней поверхности - многолепестковая розетка. На внешней поверхности - врезные вертикальные линии.

17. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 37389

Глина – желтовато–красная (5 YR 6/8) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Орнамент выполнен в технике «sgraffito». На внутренней поверхности – геометрический орнамент в виде треугольника, заполненного внутри ромбами с диагональной штриховкой, возможно, окончание одного из лучей плетенки (?) или звезды. На внешней поверхности - врезная вертикальная линия.

18. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 37360

Глина - красная (5 YR 6/8) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя – по белому ангобу бесцветной, светло-желтого оттенка поливой. Стенка полусферической чаши. Орнамент выполнен в технике «sgraffito». На внутренней поверхности, возможно, многолепестковая розетка. На внешней поверхности - врезные вертикальные линии.

19.Чаша. Фрагмент венчика.

№ 37389

Глина – красновато-коричневатая (5 YR 4/2, 4/3) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Орнамент выполнен в технике «sgraffito» На внутренней поверхности – по краю чаши врезные концентрические окружности, вертикальные линии, а также ромб в виде пересекающихся линий. На внешней поверхности - врезные концентрические окружности с вертикальными линиями, возможно, арками.

20. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 37389

Глина – красновато-коричневатая (5 YR 4/2, 4/3) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности – квадраты, разделенные врезными линиями, концентрическая окружность с овами. На внешней поверхности - врезные вертикальные линии.

21. Кубок (бокал). Фрагмент стенки.

№ 28/37389.

Глина – желтовато–красная (5 YR 6/8) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу; внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Стенка полусферической (или колоколовидной) верхней части кубка. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности - чередующиеся пальметты (?) с расходящимися радиально лучами со штриховкой в виде диагональной сетки, дополненной в месте перехода к нижней части кубка врезной двойной концентрической окружностью. На внешней поверхности - врезные вертикальные линии.

22. Кубок (бокал). Фрагмент плоского профилированного дна.

№ 43/37360.

Глина – желтовато–красная (5 YR 5/8) с серо-красным закалом (10 R 5/1) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Нижняя часть - стаканообразная. Орнамент выполнен в технике «sgraffito». Внутренняя поверхность кубка в его центральной части украшена врезной концентрической окружностью с овами. Внешняя поверхность кубка оформлена врезными вертикальными линиями.

Д. дна = 5 см; Н = 3,7 см.

23. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 37345

Глина - красная (5 YR 6/8) с включениями песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя – белым ангобом, полива не сохранилась. Стенка полусферической чаши. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внутренней поверхности выгравировано крыло птицы.

24. Чаша. Фрагмент фестончатого края.

№ 37345.

Глина - красная (5 YR 6/8) с включениями песка, извести. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты белым ангобом, полива не сохранилась. Орнамент выполнен в технике «sgraffito». На внутренней поверхности – врезные концентрические окружности по краю чаши, а также ромб в виде пересекающихся линий. На внешней поверхности – по краю врезные концентрические окружности.

25. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 34/37360

Глина – светло–желто–коричневая (10 YR 6/4) с серо-коричневым закалом (10 YR 5/2) с включениями песка. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя - по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/6). Орнамент выполнен в технике «sgraffito». На внутренней поверхности выгравировано изображение ввиде округлого лица с миндалевидными глазами, возможно, изображение «солнца» (?).

26. Чаша.

№ 15/37372.

Глина – светло–красная (2,5 YR 6/8) с включениями песка, извести, шамота. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8), внешняя поверхность по краю покрыта желтой поливой по белому ангобу, также на внешней поверхности потеки белого ангоба. На внутренней поверхности дна сосуда сохранились следы от сипаи. Чаша полусферической формы на кольцевом профилированном поддоне с сегментовидной выемкой. Венчик - резко выраженный, слегка вогнут вовнутрь.

Д. края = 14 см; Д. поддона = 6 см; Н = 8 см.

27. Чаша. Фрагмент слегка вогнутого вовнутрь венчика.

№ 37345

Глина – светло-красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка. Внешняя поверхность по краю венчика покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя – желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу. Орнамент по внутреннему краю венчика в виде врезных концентрических линий.

Д. = 13,5 см.

28. Чаша. Фрагмент слегка вогнутого вовнутрь венчика.

№ 37345

Глина – светло-красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка. Внешняя поверхность по

краю венчика покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя – желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу. Орнамент по внутреннему краю венчика в виде врезных концентрических линий.

Д. = 13,5 см.

29. Чаша. Фрагмент вертикального венчика. Возможно, один сосуд с № 30.

№ 36/37360.

Глина – светло-красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу внутренняя – золотисто-желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу, с подцветкой светло-зелеными пятнами. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внешней поверхности – концентрические врезные окружности, ниже - завитки в виде спиралей, возможно, чередующиеся с вертикальными линиями. На внутренней поверхности – растительный орнамент, возможно, стилизованный побег плюща с листьями.

30. Чаша. Фрагмент стенки. Возможно, один сосуд с № 29.

№ 4/37345.

Глина – светло-красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка, извести. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя – золотисто–желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу с подцветкой светло-зелеными пятнами. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внешней поверхности – концентрические врезные окружности, сочетающиеся с вертикальными арками. На внутренней поверхности – растительный орнамент, возможно, цветок с заштрихованной косой сеткой в центре.

31. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 36/37360.

Глина – светло-красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя – желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу с подцветкой светло-зелеными пятнами. Орнамент выполнен в технике «sgraffito». На внутренней поверхности - спиралевидная линия с окончанием одного из лучей плетенки (?) или звезды.

32. Чаша. Фрагмент стенки.

№ 36/37360

Глина – светло-красная (2.5 YR 6/8) с включениями мелкого песка и шамота. Внешняя поверхность покрыта зеленой поливой по белому ангобу, внутренняя – желтой (10 YR 6/8) поливой по белому ангобу. Орнамент выполнен в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». На внешней поверхности – вертикальный стилизованный растительный (?) побег, на внутренней поверхности – также растительный побег, но из соединенных завитков (спиралей), дополненный окружностью, заштрихованной диагональной сеткой в центре. Стенки имеют вдавления.

33. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 27/37372.

Глина – розовая (5 YR 8/3, 7/3) с включениями песка, извести. Внутренняя поверхность покрыта по светлому жидкому ангобу желтой поливой (5 Y 8/8), на внешней поверхности - подтеки белого ангоба.

Д. = 6 см; Н = 2,3 см.

34. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 3/37345

Глина - красная (2,5 YR 5/8), с включениями шамота, песка, блесток. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (2,5 Y 7/8). Орнамент по внутренней поверхности в виде врезных концентрических окружностей.

Д. = 6,4 см; Н = 2,2 см.

35. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 2/37372.

Глина – пережженная, двух тонов: красная, темно–красная (10 R 5/8; 10 R 5/2) с включениями шамота, песка, извести. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (2.5 Y 7/8) с подцветкой зелеными пятнами. Орнамент по внутренней поверхности в виде двух врезных концентрических окружностей. На внутренней поверхности сохранился след от сипаи.

Д. = 6,8 см; Н = 2 см.

36. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом, скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 3/37345.

Глина – светло-красная (2.5 YR 6/8) с включениями шамота, блесток, извести. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (2.5 Y 7/8). Орнамент по внутренней поверхности в виде двух врезных концентрических окружностей. На внутренней поверхности сохранились следы от сипаи.

Д. = 7 см; Н = 2 см.

37. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 3/37345.

Глина – светло-красная (2.5 YR 7/8) с включениями шамота, блесток, извести. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (10 YR 7/8). Орнамент по внутренней поверхности в виде двух врезных концентрических окружностей. На внутренней поверхности сохранились следы от сипаи. Внешняя поверхность обгоревшая.

Д. = 6,4 см; Н = 2,8 см.

38. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 8/37372.

Глина – желтовато-красная (5 YR 6/8) с включениями шамота, блесток, извести. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (2,5 YR 7/8) с подцветкой темно-зелеными пятнами. Орнамент по внутренней поверхности в виде врезной концентрической окружности. На внутренней поверхности сохранился след от сипаи.

Д. = 4,8 см; Н = 2,5 см.

39. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 8/37372.

Глина – красная (2,5 YR 5/8) с включениями шамота, песка. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (10 YR 7/8). Орнамент по внутренней поверхности в виде врезной концентрической окружности.

Д. = 5 см; Н = 2 см.

40. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 8/37372.

Глина – пережженная, двух тонов: красная (10 R 5/8), серая (2,5 Y 5/1) с включениями шамота, песка, извести. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (5 Y 7/8). Орнамент по внутренней поверхности в виде врезной концентрической окружности. На внутренней поверхности сохранился след от сипаи.

Д. = 6 см; Н = 2,5 см.

41. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 19/37389.

Глина – светло-красная (2,5 YR 6/8) с включениями шамота, песка, блесток. Внутренняя поверхность покрыта по белому ангобу желтой поливой (2,5 Y 7/8). Орнамент по внутренней поверхности в виде врезной концентрической окружности. На внутренней поверхности сохранился след от сипаи. На дне с внешней стороны прочерчено граффити в виде креста.

Д. = 5,5 см; Н = 2,5 см.

42. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 25/37372.

Глина – светло-красная (2,5 YR 6/8) с включениями шамота, блесток. Внутренняя поверхность покрыта белым ангобом, полива не сохранилась. Внутренняя и внешняя поверхности обгоревшие. На дне с внешней стороны прочерчено граффити в виде заштрихованного треугольника.

Д. = 6,6 см; Н = 2 см.

43. Сосуд открытого типа. Фрагмент дна на кольцевом, скошенном поддоне со сегментовидной выемкой.

№ 9/37372

Глина – светло-красная (2,5 YR 7/8) с включениями шамота, блесток. Внутренняя поверхность покрыта белым ангобом, полива не сохранилась.

Д. = 4,5 см; Н = 1,8 см.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карпов С.П. Латинская Романия. - СПб., 2000, с. 12; Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 г. - СПб., 2003, с. 52.
2. Алексеенко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В. Отчет о раскопках «консульской» церкви на территории крепости Чембало в 2000 г. // Научный архив НЗХТ. Д. 3496, л. 4-6, 28-30; Они же. Отчет о раскопках «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало в 2003 г. // Научный архив НЗХТ. Д. 3592, л. 5.
3. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2000 г…, д. 3496, л. 4-6, 28-30.
4. Бочаров С.Г. Две группы поздне-византийских поливных чаш второй половины XIV-первой четверти XV вв. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов. - Симферополь, 1998, с. 50.
5. История Византии. Т. 3. - М., 1967, с. 132-133; Еманов. А.Г. Развитие торговых связей Кафы в XIII-XV вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. - Ростов-на-Дону, 1989, с. 17-19; Карпов С.П. Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII-XV вв. - М., 1994, с. 5-7; Карпов, Латинская Романия…, с. 12, 102-103.
6. Кравченко А.А. Средневековый Белгород-на-Днестре (конец XIII-XIV вв.). - Киев, 1986, с. 89.
7. Автор выражает глубокую признательность Н.А. Алексеенко и С.В. Дьячкову за предоставленный для публикации материал, а также А.Н. Каштанову за техническую помощь при подготовке.
8. Papanikola-Bakirtzin D., Mavrikioy F.N., Bakirtzis Ch. Byzantine Glazed Pottery in the Benaki Museum. - Athens, 1999, p. 125.
9. Talbot Rice D. Byzantine Glazed Pottery. - Oxford, 1930, p. 34-45.
10. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 125.
11. Dark K. Byzantine Pottery. - Cherleston, 2001, p. 73-77.
12. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Ed. by D. Papanicola-Bakirtzi. - Athens, 1999, p. 188-189, 222-223, 243-244; Dark, Byzantine Pottery…, p. 76-77.
13. Кравченко А.А., Столярик Е.С**.** Керамика Византийского круга из Белгорода // Материалы по археологии Северного Причерноморья. - Киев, 1983, с. 179-190; Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 102-104. Она же. Импортная поливная керамика XIII-XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. - Киев, 1991, с. 112-117.
14. Бочаров, Две группы поздне-византийских поливных чаш…, с. 50-53; Крамаровский М.Г. Три группы поливной керамики XIII–XIV вв. из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. - СПб., 1996, с. 99-116.
15. Белинский И.В., Масловский А.Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов. - Симферополь, 1998, с. 33-36.
16. Кравченко, Столярик, Керамика Византийского круга…, с. 189.
17. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 125, 149.
18. Byzantine Glazed Ceramics…, p. 21-23.
19. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2000 г…, д. 3496, л. 93, 101, 108, рис. 55, 69, 71. 1; Они же. Отчет о раскопках «консульской» церкви на территории крепости Чембало в 2002 г. // Научный архив НЗХТ. д. 3588, л. 97, 99, рис. 55. 3, 57; Гинькут Н.В. Поливная керамика XIV–XV вв. из раскопок «консульской церкви» крепости Чембало // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. - Севастополь, 2001, с. 55-56, 232, рис. 4. 1-2.
20. Штерн Э.Р. Феодосия и ея керамика. - Одесса, 1906, с. 72; Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА 17. -М.-Л., 1950, с. 192, табл. XXIII. 89 (в); Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 113-114, рис. 41. 9; Крамаровский, Три группы…, с. 102-103, рис. 2. 4, 7; Романчук А.И. Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве) // МАИЭТ X. - Симферополь, 2003, с. 262, рис. 3-8.
21. Якобсон, Средневековый Херсонес…, с. 192, табл. XXIII. 89(в); Романчук, Кувшины и миски…, с. 262, рис. 3-8.
22. Штерн, Феодосия…, с. 72, № 72; Кравченко, Импортная поливная керамика…, с. 116, рис. 2, 3.
23. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV в. в Судакской крепости // Сугдейский сборник. - Киев-Судак, 2004, с. 535, 538, рис. 9. 1.
24. Крамаровский, Три группы…, с. 102-103, рис. 2. 2.
25. Там же, с. 102-103, рис. 2. 3.
26. Там же, с. 102-103, рис. 2. 1,7.
27. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2000 г., д. 3496, л. 93, 101, 108; Они же. Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 9–11, 97, 99; Они же. Отчет о раскопках…в 2003 г…, д. 3592, л. 25, 26, 45, 46.
28. Крамаровский, Три группы…, с. 102.

29. Там же, с. 106-108; Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг. Вып. 15. - Азов, 1998, с. 230; Романчук. А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. - Екатеринбург, 2003, с. 82;
30. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 88-89, 114; Крамаровский, Три группы…, с. 106-108; Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 230; Романчук, Глазурованная посуда …, с. 82.
31. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2000 г., д. 3496, л. 103; Гинькут, Поливная керамика XIV–XV вв…, с. 56-57, 231, рис. 3. 10.
32. Παπανικολα-Μπακιρτζή Δ. Εργαστήριο έφυαλωμένής κεραμεικής στή Θεσσαλονικη, Πρώτες παρατηρήσεις // Αφιέρωμ στή μνήμη Στυλιανού Πελεκανίδη. - Θεσσαλονικη, 1983, p. 384-386; Papanikola-Bakirtzis D. The Palaeologan Pottery of Thessaloniki // L'art de Thessalonique et des pays balkaniques et les courants spirituals au XIVe siècle, Recueil des rapports du IVe Colloque serbo-grec Belgrade, 1985. - Belgrade, 1987, p. 195, 202; Byzantine Glazed Ceramics…, p. 189-198.
33. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 126.
34. Якобсон, Средневековый Херсонес…, с. 208.
35. Там же, с. 208.
36. Уваров А.С. Христианская символика. Часть первая. Символика древнехристианского периода. - М. 1908, с. 107, 108, 113, 114, 124, 155, 193; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). - М., 2002, с. 436.
37. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 108.
38. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 125-126.
39. История Византии…, с. 118–119; Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. - М., 1962, с. 268–273; Удальцова З.В. Византийская культура. - М., 1988, с. 218; Райс Д.Т. Искусство Византии. - М., 2002, с. 223-228.
40. Byzantine Glazed Ceramics…, p. 188–189; François V., Spieser J.-M. Pottery and Glass in Byzantium // The Economic History of Byzantinum: From the Seventh through the Fifteenth Century. - Washington, D. C., 2002, p. 603-604.
41. История Византии…, с. 118-119; Горянов, Поздневизантийский феодализм…, с. 273-274; Удальцова, Византийская культура…, с. 218.
42. Кравченко, Столярик, Керамика Византийского круга…, с. 182, рис. 2. 10; Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 107-109, рис. 42; Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Хронология слоев генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. Вып. 2. - М., 1995, с. 120, 124; Романчук, Кувшины и миски…, с. 268, рис. 10.
43. Papanikola-Bakirtzis D., Bakirtzis Ch. De la céramique en glaçure a Thessalonique // Byzantino - Bulgarica. - Sofia, 1981, p. 434-436, fig. 19-20; Кузев А. Сграффито керамиката във Варненския музей // Музеи и памятници на културата XX (2/1). - 1980, с. 21-22, обр. 17-20.
44. Demangel R. et Mamboury E. Le quartier des Manganes la première région de Constantinople. - Paris, 1939, p. 144, fig. 188. 9.
45. François V. Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée/ Iznik et leur production (X–début XIV siècle) // Bulletin de Correspondance Hellénique. Sup. - 121 (1997), đ. 429, fig.10. 95.
46. François V. La céramique byzantine à Thasos, ses liens avec la flotte latine du XIIIe au XVe siècle // La ceramica nel mondo Bizantino tra XI e XV secolo e i suoi rapporti con l'Italia. - Firenze, 1993, p. 322-324, fig. 5; Idem. La céramique byzantine à Thasos. - Paris, 1995, p. 102-103.
47. Ibid., p. 103; Byzantine Glazed Ceramics…, p. 188.
48. Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Исследования средневековой Каффы в 1991-1992 гг. // Боспорский сборник. Вып. 4. - М., 1994, с. 180; Они же. Хронология слоев генуэзской Каффы…, с. 121; Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33; Они же. Типологическая характеристика…, с. 229-230; Тесленко И.Б. К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграффито в крепости Алустон в XIV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов. - Симферополь, 1998, с. 182-183.
49. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2000 г., д. 3496, л. 103.
50. Там же, л. 103; Гинькут, Поливная керамика XIV–XV вв…, с. 56-57, 231, рис. 3. 7.
51. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 126, 129, nr. 261.
52. Vavylopoulou-Charitonidou A. Céramique d'Offrande trouvée dans des tombes Byzantines tardives de l Hippodrome de Thessalonique // Bulletin de Correspondence Hellénique. - Sup. XVIII (1989), p. 219-220, fig. 28.
53. Brouscari E. Collection Paul Canellopoulos (XVIII) // Bulletin de Correspondence Hellénique, 112. - 1988, p. 511-512, fig. 11. 11.
54. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2000 г., д. 3496, л. 103, рис. 71; Они же. Отчет о раскопках «консульской» церкви на территории крепости Чембало в 2001 г. // Научный архив НЗХТ, д. 3539, л. 69, 133, 135, рис. 83. 1, 85. 2, 87. 9; Они же. Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 98, рис. 56; Они же. Отчет о раскопках…в 2003 г., д. 3592, л. 117, 11, рис. 72. 7; 73. 7; Гинькут, Поливная керамика XIV–XV вв…., с. 56-57, 231, рис. 3. 9.
55. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 68; Они же. Отчет о раскопках…в 2003 г., д. 3592, л. 41, 119, 122, рис. 75. 20, 77. 9.
56. Talbot Rice D. Byzantine Glazed Pottery. - Oxford, 1930, p. 34-40, 64-68.
57. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 149.
58. Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 229-230.
59. Кравченко, Импортная поливная керамика…, с. 114-116, рис. 1-2; Сазанов, Иващенко, Исследования средневековой Каффы…, с. 180.
60. Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 229; Перевозчиков В.И. Классификация археологического материала золотоордынского времени, по материалам раскопок и сборов 1960-х - 1990-х гг. - Азов, 1996, с. 78, табл. 12. 2.
61. Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 229.

62. Кузев А. Сграфито керамиката във Варненския музей // Музеи и памятници на културата XX (2). - 1980, с. 19-20, обр. 1, 10, 13; Он же. Среднеековна сграфито керамика с монограми от Варна // Известия на Народный музей Варна X. - Варна, 1974, с. 158, 163.
63. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 102-114, рис. 40-43.
64. Bikic V. Glazed Pottery in the Central Balcans (11th – 13th c.) // Starinar XLIX. - Beograd, 1998, p. 152, 153, fig. 5.
65. Demangel, Mamboury, Le quartier des Manganes…, p. 144, fig. 187.12; Talbot Rice, Byzantine Glazed Pottery…, p. 34-40, 65, fig. 5.
66. François, Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée/ Iznik…, p. 431, fig. 10j.
67. François, La céramique byzantine à Thasos (1993)…, p. 322-323, fig. 7; Idem, La céramique byzantine à Thasos (1995)…, p. 102-110.
68. Byzantine Glazed Ceramics…, p. 219.
69. Spieser J.-M. Die Byzantinische Keramik aus der Standtgrabung von Pergamon // Pergamenische Forschungen. Band 9. - Berlin-New York, 1996, p. 43, taf. 38, 39. 390, 403, 404.
70. Баранов И.А., Майко В.В. Комплекс поливной керамики XIV в. из раскопок храма Девы Марии в Сугдее // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов. - Симферополь, 1998, с. 28, рис.3. 4; Крамаровский М.Г. Византийская и сельджукская керамика сграффито с темой вина и веселья конца XII - первой половины XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии) // АДСВ 31. - Екатеринбург, 2000, с. 240.
71. Vavylopoulou-Charitonidou, Céramique d Offrande trouvée…, p. 213, fig. 3.
72. Йосифова М. Средгневековна керамика от Калиакра // Археология XXIV (3-4). - 1982, с. 61-62, рис.4.
73. Кузев, Средневековна сграффито керамика…, с. 158, 163, обр. 3-4. 21; Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 229.
74. Кравченко, Столярик, Керамика Византийского круга…, с. 185, рис. 2. 5.
75. Штерн, Феодосия…, с.68, № 57; Кравченко, Импортная поливная керамика…, с. 112-114, рис. 1. 3-4, 2. 2, 3. 7.
76. Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика Азака (XIV в.)…, с. 33, рис.2. 1; Перевозчиков, Классификация археологического материала…, с. 78, табл. 12. 3.
77. Talbot Rice D. The Byzantine Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors (Second report). - Edinburg, 1958, p. 112, fig. 27, b.; Idem, Byzantine Glazed Pottery…, p. 58.
78. Byzantine Glazed Ceramics…, p. 219, nr. 253.
79. Spieser, Die Byzantinische Keramik…,p. 43, taf. 39. 403-404.
80. Bikic, Glazed Pottery…, p. 153-154, fig. 5. 10.
81. Якобсон, Средневековый Херсонес…, с. 117–118, рис. 82. 1; Залесская В.Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав 4. - София, 1999, с. 374-375, рис. 4.
82. Баранов, Комплекс третьей четверти XIV в…, с. 535, рис. 8. 2.
83. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 156, nr. 323 (Green Colored Sgraffito).
84. Dark, Byzantine Pottery…, fig. 46-47.
85. Крамаровский, Три группы…, с. 106-108, рис. 2. 4,5.
86. Demangel, Mamboury, Le quartier des Manganes…, fig. 187.
87. François, Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée / Iznik…, p. 431, fig.10j.
88. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 104-105, рис. 40. 10.
89. Штерн, Феодосия…, с. 68, № 59, 60; Кравченко, Импортная поливная керамика…, с. 112-114, рис. 1. 1-3.
90. Яшаева Т.Ю. Поливная керамика из раскопок пещерных монастырей Херсона // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. - Симферополь, 1998, с. 199-200, рис. 1, 1.
91. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА 63. - М.-Л., 1959, с. 358, рис. 187, 2.
92. Попова О.С. Византийские и древнерусские миниатюры. - М., 2003, с. 123-125, 134, илл. 139; Райс, Искусство Византии…, с. 176, 187–190, илл. 193.
93. Josifova M. Céramique a décor «sraffito» de Kaliakra (XIIIe la moitie du XVe s.) // Byzantino Bulgarica, VII. - Sofia, 1981, p. 444; Dark, Byzantine Pottery…, p. 136-137.
94. Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 230.
95. Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33; Они же. Типологическая характеристика…, с. 229-230.
96. Сазанов, Иващенко, Хронология слоев генуэзской Каффы…, с. 118.
97. Волков И.В. Импортная амфорная тара Золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. - Ростов-на-Дону, 1989, с. 91–94; Булгаков В.В. Византийские амфорные клейма 14 в. из Солхата, Херсонеса и Судака / Византийские амфоры / Византийские амфоры: 25.01.2000 г., (http: // archaeology.kiev.ua/byzantine/amhorae/stamps/bulgakov2.htm)
98. Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 100.
99. Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. Автореф. канд. дисс. - М., 1992, с. 14.
100. Айбабина Е.А. Кашинная керамика из Каффы // МАИЭТ II. - Симферополь, 1991, с. 93-95.
101. Тесленко И.Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. - Киев–Судак, 2004, с. 473-474.
102. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 27-32; Они же. Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 358, л. 13, 14; Они же. Отчет о раскопках…в 2003 г., д. 3592, л. 14, 16, 21-22, 25-26, 34-35, 38, 43, 45-46.
103. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 67.
104. Якобсон, Средневековый Херсонес…, с. 182, табл. XIV. 55, 55(а).

105. Мыц В.Л. Генуэзская Луста и капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен и до наших дней. - Киев, 2002, с. 152-154.
106. Крамаровский, Три группы…, с. 110.
107. Якобсон, Средневековый Херсонес…, с. 182.
108. Георгиева С. Керамика из дворца на холме Царевец // Царевевград - Търнов. Дворецът на Болгариските царе през Втората Българска Държава. Т. 2. - София, 1974, с. 132-133.
109. Крамаровский, Три группы …, с. 110, рис. 5.
110. Георгиева С. Керамика от двореца на Царевец във Велико Търново // Археология VIII (4). - 1966, с. 12.
111. Крамаровский, Византийская и сельджукская керамика…, с. 239-243; Кравченко, Средневековый Белгород на Днестре…, с. 110-111, рис. 43. 14; François V. Une illustration des romans courtiois La vaisselle de table chypriote sous l'occupation franque // Cahier du Centre d'Etudes Chypriotes 29. - 1999, fig. 1-3.
112. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 110-111, рис. 43. 15; Byzantine Glazed Ceramics…, p. 191, № 104.
113. Георгиева, Керамика из дворца на холме Царевец…, с. 133; François V. Céramiques médiévales ŕ Alexandrie. - Le Caire, 1999, p. 112, fig. 28. 299,302; Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 160-161; Dark, Byzantine Pottery…, p. 137.
114. Brouscari, Collection Paul Canellopoulos…, p. 512-513, fig. 12. 12.
115. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 10-111, рис. 43. 14-15.
116. Якобсон, Средневековый Херсонес…, с. 182; Романчук, Глазурованная посуда…, с. 128–129.
117. Крамаровский, Три группы…, с. 110; Георгиева, Керамика от двореца на Царевец…, с. 11, табл. II. е.
118. Баранов, Майко, Комплекс поливной керамики XIV в…, с. 28, рис. 3, 4.
119. Мыц, Генуэзская Луста…, с. 156, рис. 15. 7.
120. Йосифова, Средгневековна керамика от Калиакра…, с. 64-66, рис. 9. 6; Josifova, Céramique a decor «sraffito»…, fig. 5.
121. Крамаровский, Три группы …, с. 110.
122. Там же.
123. François, Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée/ Iznik…, p. 411-441, № 104.
124. François, Céramiques médiévales ŕ Alexandrie…, p. 112, fig. 28. 299, 302.
125. Ibid., p. 112.
126. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 18, 67; Сазанов, Иващенко, Хронология слоев генуэзской Каффы…, с. 121; Тесленко, Испанская керамика с росписью…, с. 473-474.
127. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 149; Papanikola-Bakirtzis, The Palaeologan Pottery of Thessaloniki…, p. 195.
128. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2000 г., д. 3496, л. 104, рис. 72. 15; Они же, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 129, рис. 81. 7*;* Гинькут, Поливная керамика XIV-XV вв…, с. 56-57, 231, рис. 3. 8.
129. Talbot Rice, Byzantine Glazed Pottery…, p. 34-40, 64-68, 110, pl. I.
130. Vavylopoulou-Charitonidou, Céramique d'Offrande trouvée…, p. 213-214, fig. 3.
131. Баранов, Майко, Комплекс поливной керамики XIV в…., с. 28, рис. 3.4; Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33, рис. 2. 1; Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p.142, № 292, 293; Vavylopoulou-Charitonidou, Céramique d Offrande trouvée…, p. 213, fig. 3.
132. Крамаровский, Три группы…, с. 100, рис. 2. 2-3; Романчук, Кувшины и миски…, с. 266, рис. 7.16.
133. Романчук, Кувшины и миски…, с. 266, рис. 10. 29.
134. François, Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée/ Iznik…, p. 414, fig. 1. 20.
135. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 13, 15, 16; Сазанов, Иващенко, Хронология слоев генуэзской Каффы…, с. 121; Тесленко, Испанская керамика с росписью…, с. 473-474.
136. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 129, рис. 81. 8.
137. Byzantine Glazed Ceramics…, p. 243-244, 246, nr. 289; ζηκοσ Ν. Σωστική ανασκαφική έρευνα οτο Μικρό Πιστό Ροδόπησ / / Το αρχαιολογικο Εργο στη Μακεδοηια και Θρακη. 12, 1998. - Θεσσαλονικη, 2000, p. 49, 52.
138. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 13, 15, 16; Тесленко, Испанская керамика с росписью…, с. 473-474.
139. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, д. 129, рис. 81. 9.
140. Papanikola-Bakirtzis, Bakirtzis, De la cèramique en glaçure a Thessalonique…, p. 433, fig. 18.
141. Bikic, Glazed Pottery…, p. 152, 153, fig. 5. 5**.**
142. Кузев, Средневековна сграффито керамика…, с. 168, табл. VII. 35.
143. Vavylopoulou-Charitonidou, Céramique d'Offrande trouvée…, p. 219, 222, fig. 41-42.
144. Крамаровский, Три группы…, с. 102-103, рис. 3. 3.
145. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 13, 15, 16.
146. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 97, рис. 55. 7.
147. Spieser, Die Byzantinische Keramik…, p. 42-43, taf. 38. 392; Spieser J.-M. Informatique et céramique: l'exemple de Pergame // Bulletin de Correspondance Hellénique. - Sup. XVIII (1989), p. 292, 300, fig. 9.
148. Papanikola-Bakirtzis, The Palaeologan Pottery of Thessaloniki…, p. 194–195, fig. 1.h; Byzantine Glazed Ceramics…, p. 202, 220, nr. 230, 256.
149. François, Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée/ Iznik…, p. 431, fig. 6. 92.
150. Романчук, Глазурованная посуда…, с. 38, № 38.
151. Тесленко И.Б. Комплекс поливной керамики с места кораблекрушения второй половины XIII в. близ Судака (Крым) // Българите в Северното Причерноморие. Т. 7. - 2000, с. 153, 163, рис. 7-8.
152. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 13, 14, 97; Айбабина, Кашинная керамика…, с.

93-95. Сазанов, Иващенко, Хронология слоев генуэзской Каффы…, с. 121; Тесленко, Испанская керамика с росписью…, с. 473-474.
153. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2000 г., д. 3496, л. 95, рис. 55.3; Они же, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 97, 98, рис. 55. 2, 56; Гинькут, Поливная керамика XIV–XV вв…, с. 59.
154. Byzantine Glazed Ceramics…, p. 22-23; François, Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée/ Iznik…, p. 424, 427.
155. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware // The Annual of the British School at Athens, 63. - 1968, p. 67–88; Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 113, 114, 126.
156. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p.142.
157. Гинькут, Поливная керамика XIV-XV вв…., с. 59; Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 12.
158. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 113, 183.
159. Ibid., p. 126, № 307; Тесленко, Комплекс поливной керамики…, с. 155; Hays J.W. Excavation at Saraçhane in Istanbul. 2. The Pottery. - Princeton, 1992, p. 48; Spieser, Die Byzantinische Keramik…, p. 16; François, Céramiques médiévales à Alexandrie…, p. 111, fig. 26. 279-280; Dark, Byzantine Pottery…, p. 138-139.
160. Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 228-229.
161. Там же, рис. 18. 13,14; Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33.
162. Волков И.В. Надпись тушью на чаше из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып.19. - Азов, 2004, с. 228-229.
163. Papanikola-Bakirtzin, Mavrikioy, Bakirtzis, Byzantine Glazed Pottery…, p. 113, 183.
164. François, Céramiques médiévales à Alexandrie…, p. 111, fig. 26. 279–280.
165. François, Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée/ Iznik…, p. 424, № 40, 52, 62.
166. Yenisehirlioglu F. La céramique glàçurée de Gülpinar // Bulletin de Correspondance Hellénique.- Sup. XVIII (1989), p. 311, 313, 315, fig. 10.
167. Armsrong P. Byzantine Thebes: Excavations on the Kadmeia, 1980 // The Annual of the British School at Athens, № 88. - 1993, p. 313-321, fig. 10. 152.
168. Pringl D. Thirteenth century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel // Levant XVI. - 1984, p. 104, fig. 8. 58.
169. Романчук, Глазурованная посуда …, с. 39-42, № 39, 41, 46–50, 59.
170. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 61-63; Айбабина, Кашинная керамика…, с. 93-95; Сазанов, Иващенко, Хронология слоев генуэзской Каффы..., с.121; Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 9–11, 13-14, 25; Они же, Отчет о раскопках…в 2003 г., д. 3592, л. 14, 16; Тесленко, Испанская керамика с росписью…, с. 473-474.
171. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 51, 92, 100, рис. 50. 3.
172. Francois, Les ateliers de céramique Byzantine de Nicée/ Iznik…, p. 416, fig. 1. 13; Hays, Excavation at Saraçhane…, p. 33, Type 7, fig. 11.20.
173. Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33.
174. Айбабина, Кашинная керамика…, с. 93-95; Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 25.
175. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2003 г., д. 3592, рис. 72.1.
176. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 92, рис. 50, 58.
177. Якобсон, Средневековый Херсонес…, с. 117; Тесленко, Комплекс поливной керамики…, с. 157.
178. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 99, рис. 57. 8.
179. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2003 г., д. 3592, л. 117, 120, рис. 72.8, 74.16; Гинькут, Поливная керамика XIV–XV вв…, с. 59, 232, рис. 4. 29-39.
180. Pringl D. Medieval Pottery from Caesarea: the Crusader Period // Levant XVIII. - 1985, p. 176-178, fig. 3. 9, 10.
181. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963-1964 гг. // АДСВ 7. - Свердловск, 1971, с. 9; Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33; Они же, Типологическая характеристика…, с. 229-230.
182. Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33.
183. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2002 г., д. 3588, л. 25; Они же, Отчет о раскопках…в 2003 г., д. 3592, л. 14, 16.
184. Белинский, Масловский, Типологическая характеристика…, с. 229-230.
185. Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Отчет о раскопках…в 2001 г., д. 3539, л. 128, рис. 80. 13, 81.18.
186. Там же, л. 13, 15, 16.
187. Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33-35.
188. Кравченко, Импортная поливная керамика…, с. 112-114, рис. 1.1-3; Кравченко, Столярик, Керамика Византийского круга…, с. 179-190; Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 102-114.
189. Кравченко, Импортная поливная керамика…, с. 112-116.
190. Адаксина, Кирилко, Мыц, Отчет об археологических исследованиях…в 2002 г., с. 52.
191. Там же, с. 58–63; Они же. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. – Санкт-Петербург-Симферополь, 2004, с. 52-103.
192. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 102-114; Сазанов, Иващенко, Хронология слоев генуэзской Каффы…, с. 117-130; Белинский, Масловский, Импортная поливная керамика…, с. 33-35; Бочаров, Две группы позднe-византийских…, с. 50-53.
193. Кравченко, Средневековый Белгород-на-Днестре…, с. 114; Papanikola-Bakirtzis, The Palaeologan Pottery of Thessaloniki…, p. 193.
194. Карпов, Латинская Романия…, с. 12.
195. Цвет глины и поливы дан по Munsell Soil Color Chart. Revised Edition. - New Windsor, 2000.

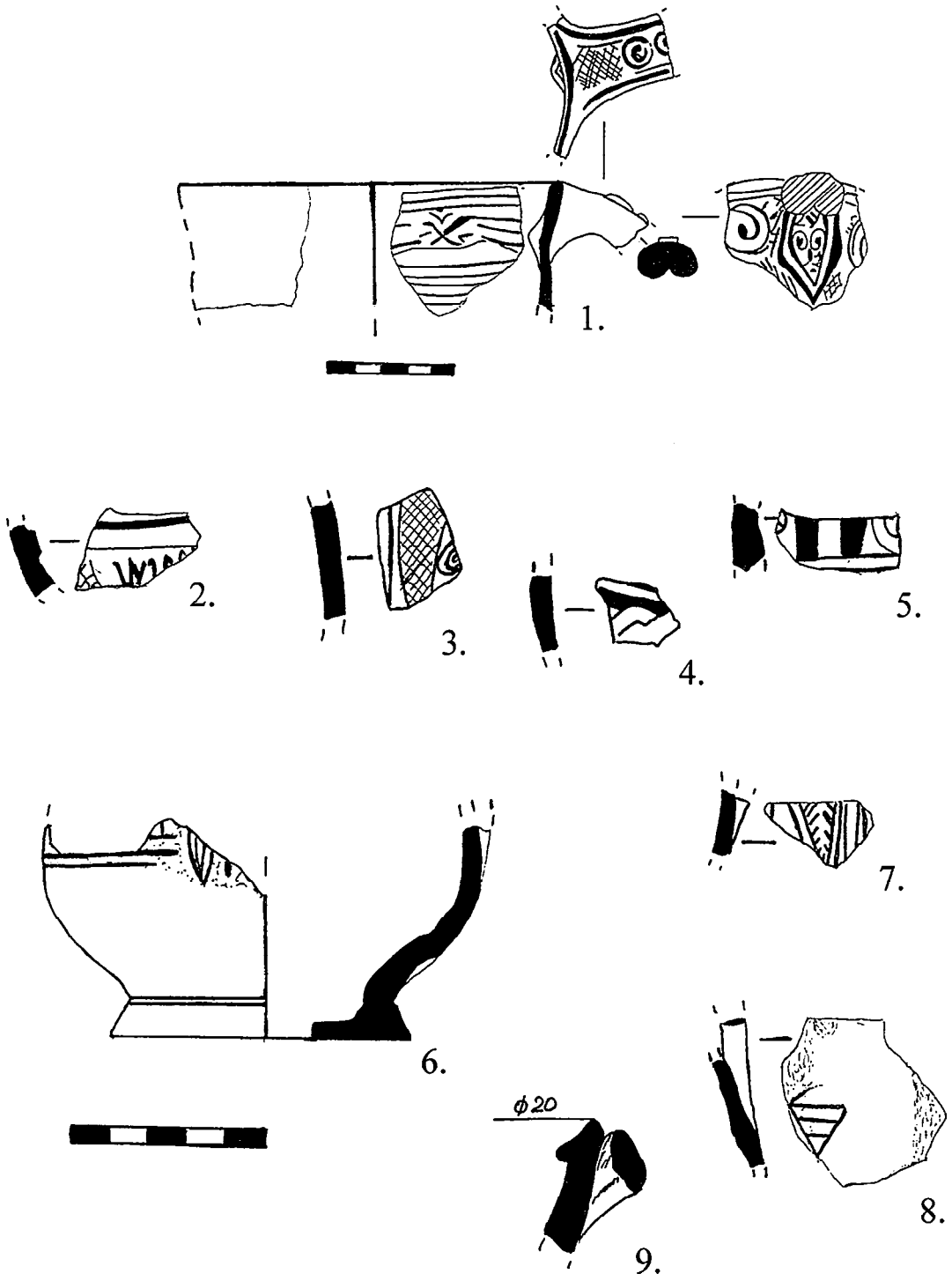

Рис. 1. Поливные кувшины (№ 1-8) и котел-сковорода (№ 9) из раскопок церкви св. Николая.

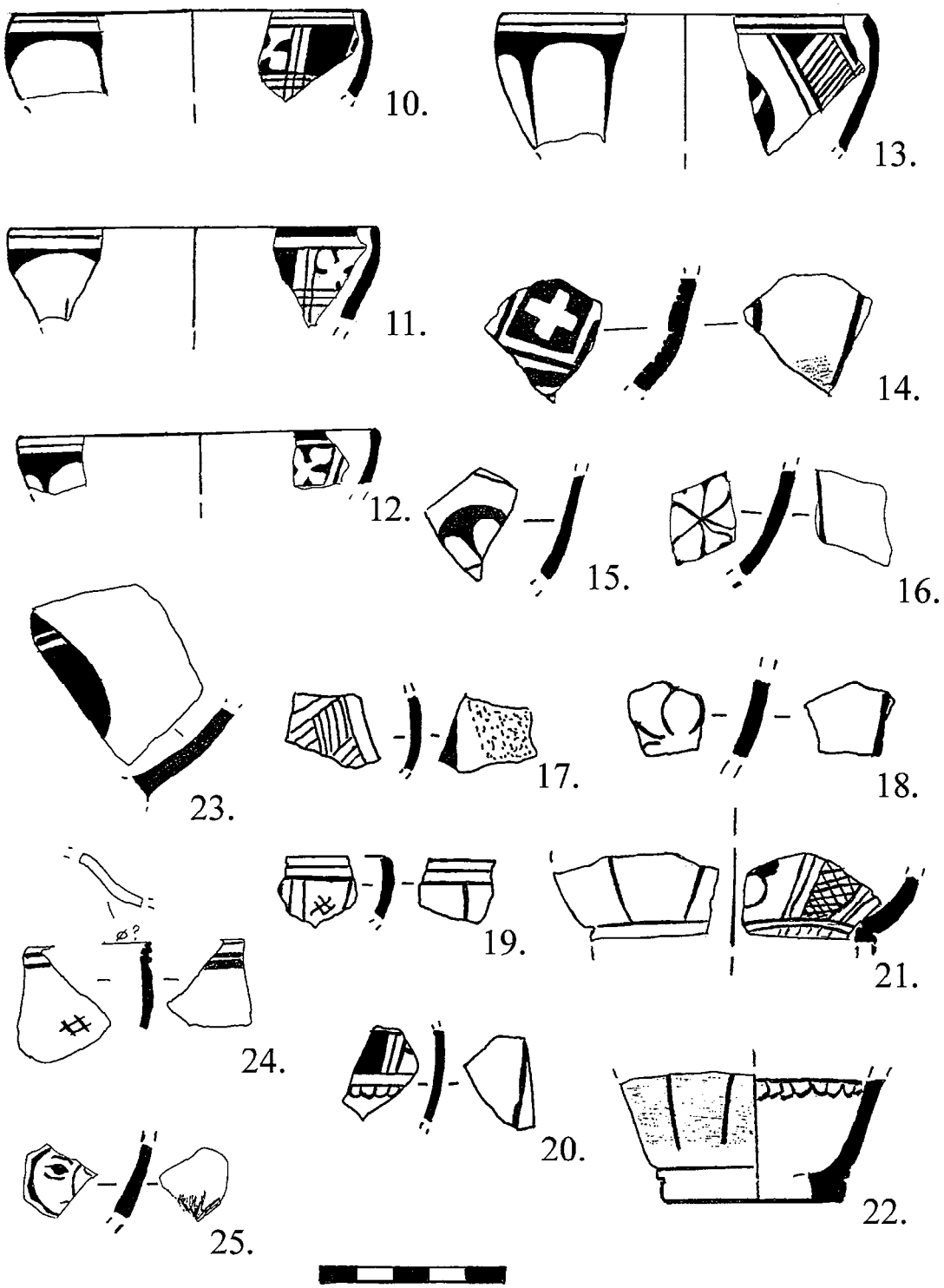

Рис. 2. Поливные чаши (№ 10-16, 18, 23-25) и кубки (бокалы) (№ 17, 19-22) из раскопок церкви св. Николая.

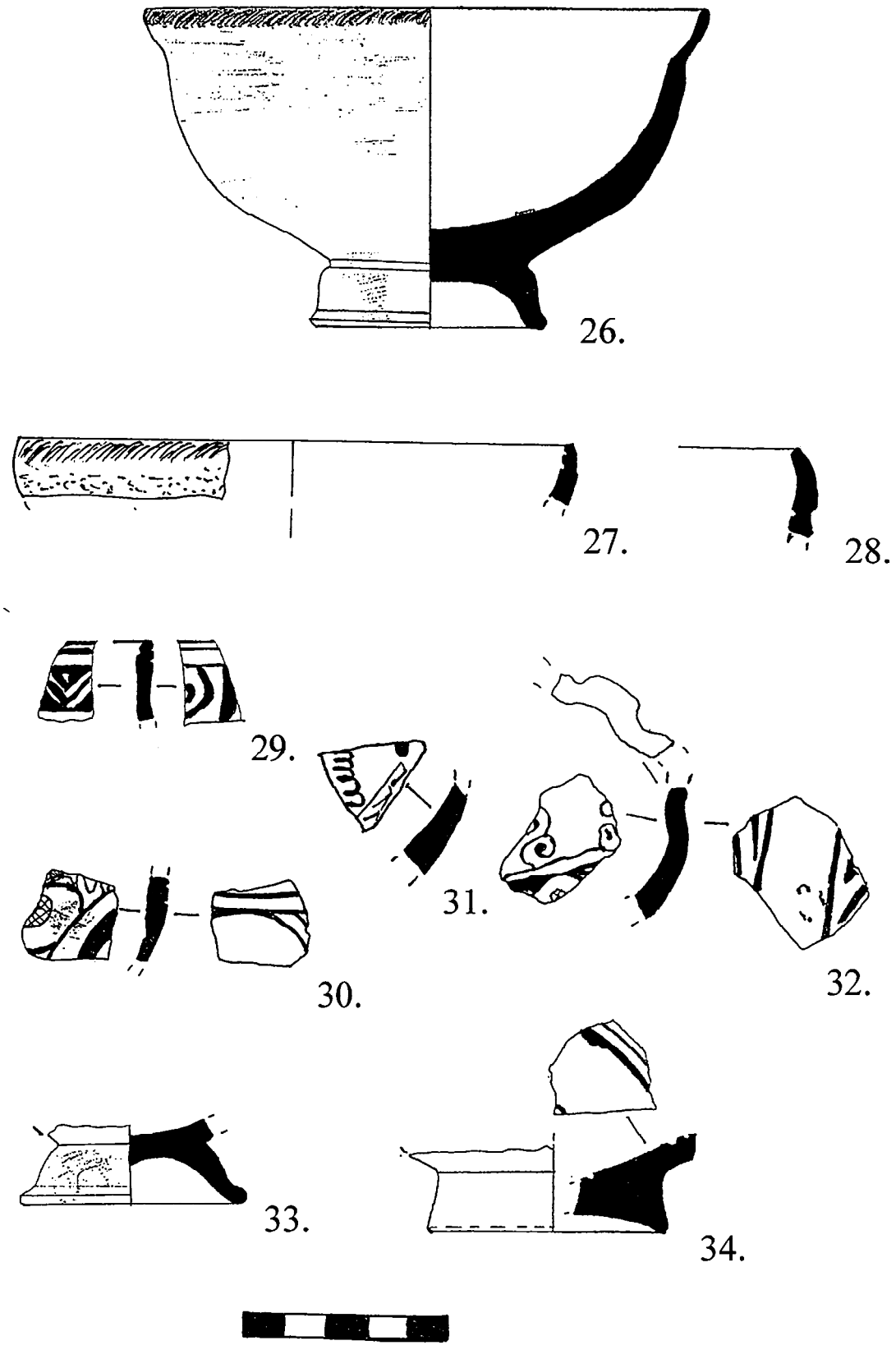

Рис. 3. Поливные чаши (№ 26-32) и «крышки» для кувшинов со сливом (№ 33-34) из раскопок церкви св. Николая.

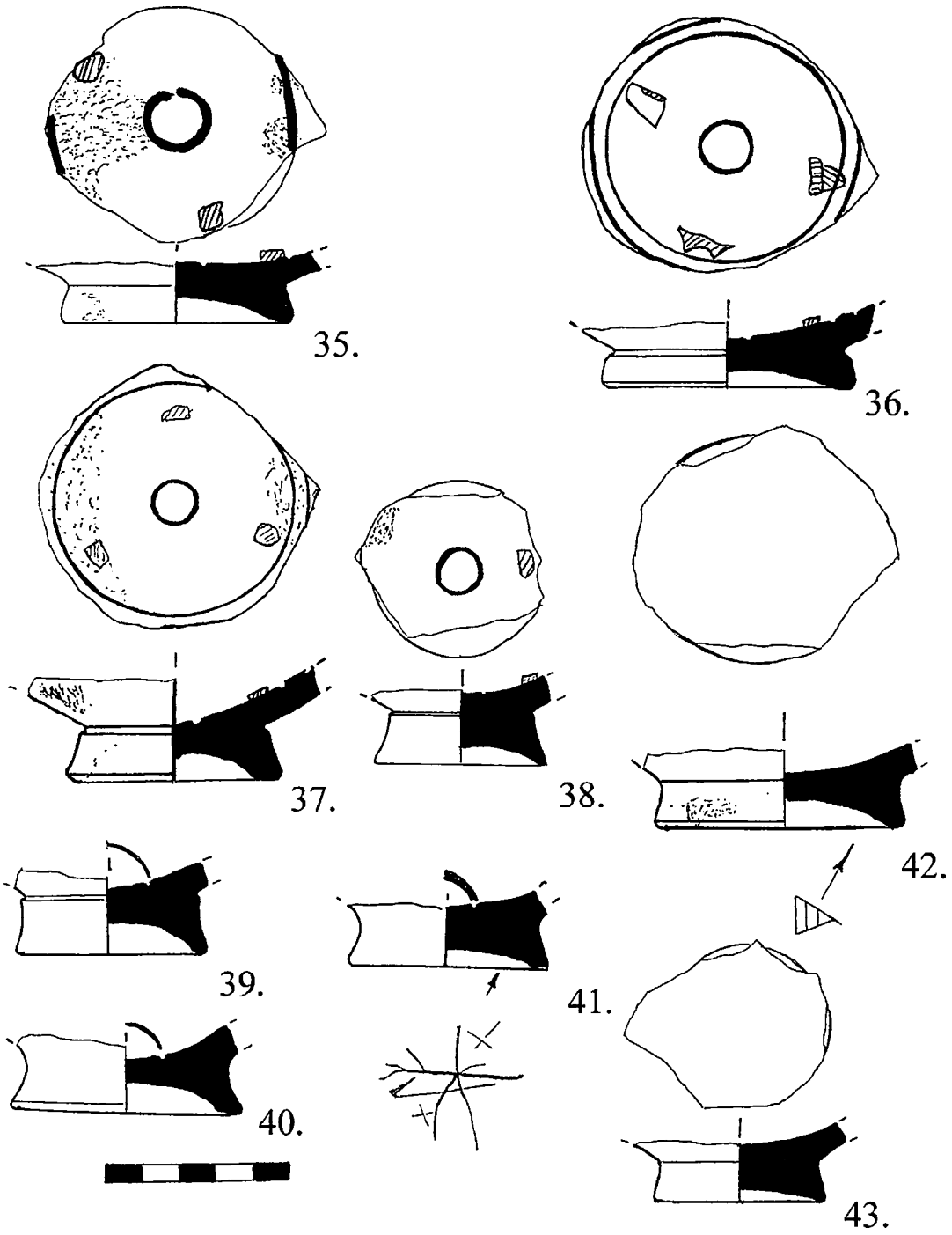

Рис. 4. «Крышки» для кувшинов со сливом (№ 35-43) из раскопок церкви св. Николая.

В.А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, Т.С. ТИХОНОВА

РИМСКИЙ ГЛАДИУС ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ГОРГИППИИ

В разработке вопросов, связанных с историей и культурой Боспорского царства первых веков н.э., изучению военного дела принадлежит особое место, поскольку с самого начала своего существования это государство оказалось втянутым в сложные, подчас враждебные отношения с соседними государствами и окружающими варварскими племенами. К сожалению, в наших знаниях по данной проблеме до сих пор наблюдаются значительные лакуны, во многом обусловленные состоянием имеющихся источников. Прежде всего, это касается римского влияния на военное дело Боспора в тот период, когда он оказался в сфере влияния империи[1]. Отчасти достижения римского военного искусства были восприняты здесь даже несколько ранее, в финале Митридатовых войн. Примечательно, что отборную часть войска Митридата VI Евпатора, собранного им на Боспоре в 63 г. до н.э. для продолжения военных действий против Рима, составляли шестьдесят отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr., 108). Возможно, именно с этого времени созданная по образцу когорты спира стала основной тактической единицей регулярных частей боспорской армии[2], которые, как можно предполагать, дублировали соответствующую римскую организационную структуру[3]. Что касается использования в них оружия римского образца, то оно не получило широкого распространения на территории Боспорского царства, хотя упоминание об оснащенных им с помощью римлян местных воинах[4] мы находим у Тацита в описании войны 45-49 гг. н.э. с мятежным царем Митридатом VIII (Tac. Ann. XII, 16). В дальнейшем оно могло поступать на Боспор с римскими солдатами, принимавшими участие в совместных военных действиях или благодаря торговле. Возможно, какую-то роль в этом отношении играли и боспорцы, отслужившие во вспомогательных войсках, размещенных в различных областях Римской империи[5], и затем вернувшиеся на родину.

Недавно число чрезвычайно редких находок предметов римского наступательного и защитного вооружения пополнил уникальный не только для Боспора, но и всего Северного Причерноморья, гладиус[6] из погребения конца I – начала II в. н.э., обнаруженного в некрополе Горгиппии (рис. 1, 1)[7]. Штырь его рукояти, постепенно расширяющийся к основанию клинка, имеет длину 13,8 см. От самой рукояти, изготовленной из дерева, остался фрагмент бронзовой оковки, зафиксировавший ее ширину - 3 см. Сам клинок практически одинаковой ширины (4-4,4 см) при сохранившейся длине 27,8 см первоначально имел явно большие размеры, не менее 40-55 см. Об этом можно судить по положению скреплявших ножны двух гладких бронзовых скоб с кольцами для подвешивания[8], расположенными на расстоянии 11,2 см друг от друга. Все кольца имеют внешний диаметр 2,1 см и внутренний - 1,6 см. Общая длина одной из скоб, сохранившейся целиком, составляет 5,4 см, а ширина - 0,8 см. Судя по ее форме и фиксирующейся ширине ножен, меч относится к так называемому «помпейскому» типу и датируется серединой - концом I в. н.э.[9] Размещение его с левой стороны от погребенного не соответствует общепринятой традиции ношения такого оружия у римлян, которая, впрочем, со второй половины I в. н.э. не всегда строго соблюдалась[10].

Отметим близость к типу римского гладиуса другого короткого меча из того же некрополя. Он был найден в погребении I-II вв. вместе с фрагментами костяных ножен[11]. На сделанной из того же материала рукояти, имеющей навершие трехчастной формы, покоилась кисть левой руки погребенного. Сохранившийся большей частью остроконечный клинок горгиппийского меча имел длину около 50 см при ширине 5 см у основания (рис. 1, 2). В этой связи определенный интерес представляет рельеф I в. н.э., изображающий триаду пальмирских богов в виде военачальников высокого ранга (рис. 2). Их одежда и вооружение римского образца переданы детально и с большой тщательностью. Каждый из

персонажей рельефа держит левую руку на рукояти меча с навершием, по форме напоминающим горгиппийское. При этом меч, размещенный слева, подобно гладиусу, имеет на ножнах крепления из двух скоб с кольцами[12].

Ранее использование на Боспоре мечей типа римских гладиусов было засвидетельствовано только фрагментом росписи начала II в. из Стасовского склепа 1872 г.[13], где представлен на марше небольшой военный отряд (рис. 3). Слева изображены трое пехотинцев с плоскими овальными щитами, каждый из которых держит в правой руке два копья одинаковых размеров. Далее тяжеловооруженный воин с аналогичным комплектом наступательного вооружения, дополненным каркасным шлемом и длинным, до колен, чешуйчатым панцирем поверх кафтана красноватого оттенка с длинными рукавами. У всех этих воинов короткие мечи находятся справа, на манер обычного размещения гладиусов, и это не единственная деталь, демонстрирующая римское влияние. Обращает на себя внимание следующий момент: во главе отряда шествует облаченный в защитный доспех знаменосец, на ногах которого зеленые штаны и мягкие белые сапожки. В руках он держит вексиллум - войсковой штандарт в виде копья с прикрепленным к перекладине прямоугольным куском материи с кистями[14]. Такие «знамена», выполнявшие две основные функции - сакральную и тактическую, использовались в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты[15]. Присутствие на фреске подобного воинского знака не должно вызывать удивления, поскольку с помощью значков было значительно легче управлять войсками в бою. В отношении распространения в Причерноморье этого времени практики использования подобных эмблем интересно сообщение Луция Флора о том, что фракийский царь Реметалк, пришедший к власти в 11 г. до н.э., «приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию» (Flor. XXVII. 17).

Возможно, в рассмотренной сцене представлены воины какого-то элитного подразделения, размещавшегося в Пантикапее, например, фракийской спиры, упомянутой в грекоязычной эпитафии Диза, сына Бифия (II в. н.э.), где сказано, что он был κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ (КБН, № 666). В свое время это считалось свидетельством временного пребывания на Боспоре римских войск, и в частности, I, V или VI Фракийской когорты[16], хотя еще М.И. Ростовцев высказался в пользу местного происхождения этого воинского формирования[17]. Сейчас многие исследователи склоняются к его точке зрения, ведь, судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, Диз не имел римского гражданства и прожил на Боспоре довольно длительное время[18]. Дополнительным указанием на принадлежность фракийской спиры к боспорской армии служит упоминание о командовании ею в одной из пока еще не изданных пантикапейских надписей в перечне этапов воинской карьеры чествуемого лица из окружения царя Савромата I[19].

Должность, указанная в эпитафии, переводилась составителями КБН как «центурион и начальник отряда фракийцев», но тогда непонятно, почему Диза не называют просто спирархом, да и скромный характер известнякового надгробия не убеждает в том, что это был военачальник достаточно высокого ранга. Не исключено, что κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ - это просто греческая «калька» с латинского centurio princeps. В римских вспомогательных войсках так именовали старшего центуриона когорты[20]. В III-IV вв., судя по ряду пантикапейских надписей, название этой должности существует в сокращенном, но, тем не менее, всем понятном варианте - πρίνκιψ = πρίνκιπος (КБН, № 35, 744, 811).

Существование на Боспоре воинских частей римского образца облегчало взаимодействие с подразделениями римской армии в случае возникновения потенциальной угрозы интересам империи в северопричерноморском регионе в тот период, когда отношения между этими двумя государствами в военно-политической сфере окончательно устоялись. На своих границах правители Боспора, как и другие вассальные по отношению к Риму цари, должны были поддерживать дружеские отношения с соседними варварскими вождями, наблюдать за передвижениями кочевых племен, охранять от набегов подвластное оседлое население и по возможности воздерживаться от прямых военных акций, направленных извне[21]. Только крупные операции наступательного характера - нанесение внезапного удара по важнейшим центрам противника и глубокое проникновение в его тыл - несомненно, должны были согласовываться с римской администрацией провинции Вифиния-Понт или непосредственно с императором и могли сопровождаться поставками оружия боспорским царям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О взаимоотношениях Боспорского царства с Римом и римском военном присутствии на берегах Боспора Киммерийского см.: Цветаева Г.А. Боспор и Рим. - М., 1979; Блаватский В.Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. // Античная археология и история. - М., 1985, с. 228-233; Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ 2. - 1993, с. 51-73; Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. - I в. н.э. в Центральной и Восточной Европе. - СПб., 1994; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. - Киев, 1998; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. - М., 2002; Sarnovski T. Wojsko rzymskie w Mezii Dolnej i na polnocnym wybrzezu Morza Czarnego. - Warszawa, 1988, s. 135-165.
2. Впервые Митридат VI пытался использовать сокрушительную тактику римлян в 69 г. до н.э., распределяя переданные ему Тиграном Великим войска на отряды и спиры (App. Mithr. 87). Наличие в армии понтийского царя достаточного числа римских перебежчиков (Ср.: App. Mithr. 110), способных заняться обучением воинов, вполне позволяло это сделать. Сам греческий термин «спира» (или синтагма) появляется применительно к армиям преемников Александра Македонского для обозначения воинского подразделения численностью 256 человек. У Полибия он нередко используется для обозначения римского манипула, самой мелкой тактической единицы легиона, насчитывавшей 140 человек (См.: Connolly P. Greece and Rome at war. - London, 1981, p. 69, 77). В дальнейшем этот термин нередко применялся для обозначения пехотного отряда, примерно равного по численности римской когорте (Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП 3. - 1900, с. 145; Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1954, с. 148). В одной из пантикапейских надписей I в. до н.э. упоминается спирарх Гаттиан (КБН, № 263). См. также: Блаватский, Очерки военного дела…, с. 145; Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. - М., 1990, с. 144; Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. - М., 1993, с. 238.
3. Зубарь, Северный Понт и Римская империя…, с. 84.
4. Ср. с ситуацией, сложившейся на территории Понтийского царства после превращения его при Нероне в римскую провинцию, когда бывший царский гарнизон города Трапезунда получил, по словам Тацита, «значки и оружие, принятые в нашей армии» (Tac. Hist. III. 47).
5. Holder P.A. Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan // BAR 70. Int. Ser. - Oxford, 1980, p. 229, 266-267; Mielczarek M. The Army of the Bosporan kingdom. - Lodz, 1999, p. 98.
6. До сих пор в этом регионе были известны только металлические детали и костяные бутероли ножен римских мечей, найденные в Тире, Ольвии, Херсонесе, в святилище у перевала Гурзуфское седло и в Прикубанье (Черненко Е.В., Зубарь В.М., Сон Н.А. Бутероль из Тиры // СА 2. - 1989, с. 250-252; Сон Н.А., Назаров В.В. Знахідкі римської зброі в Тірі та Ольвії // Археологія 1. - 1993, с. 121-124; Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Деталь римского меча из могильника у станицы Тенгинской // РА 2. - 1998, с. 173-176; Зубарь, Антонова, 2001, с. 122-124; Дорошко В.В. Новые находки римского военного снаряжения с территории Южного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Ч. I. - Киев, 2004 с. 49-53.
7. Погр. 1а в раскопе по ул. Терская, 84. Раскопки проводились Т.С. Тихоновой в 2002 г.
8. Ср.: Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло // ВДИ 2. - 1998, с. 52, рис. 1, 4; Она же. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское седло. - Ялта, 2002, с. 81, рис. 35, 4, 5; Дорошко, Новые находки римского военного снаряжения…, с. 51, рис. 2.
9. Curle J. A Roman Frontier Post and its People. The Fort of Newstead in the Parish of Melrose. - Glasgow, 1911, đ. 183; Braat W.C. Römische Schwerter und Dolche im Rijksmuseum van Oudheden. Oudheidkde. - Mededel, 1967. T. 48, s. 56-61, taf. 2,3; Ulbert J. Gladii aus Pompeji // Germania 47. - 1969, s. 196, taf. 17, 21; Connolly, Greece and Rome at war…, p. 232-233.
10. Впрочем, отступление от нее у римских солдат зафиксировано Иосифом Флавием для периода Иудейской войны 66-70 гг.: «Пешие воины оснащены панцирями и шлемами и на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный расположен слева…» (Jos. Fl. Bell. Jud., III. 5).
11. Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954-1964 гг. // Горгиппия. Т. II. - Краснодар, 1982, с. 120-121, рис. 3, 1.
12. Чубова А.П., Касперавичюс М.М., Саверкина И.И., Сидорова Н.А. Искусство Восточного Средиземноморья I-IV веков. - М., 1985, с. 95, рис. 45.
13. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. - СПб., 1913, табл. LXXXI, 2; Ср.: Блаватский, Очерки военного дела…, с. 146-147; Mielczarek, The Army of the Bosporan kingdom…, p. 218.
14. Единственный вексиллум, сохранившийся до наших дней, находится в собрании Гос. Эрмитажа (Блаватский, Очерки военного дела…, илл. к с. 126). Он датируется III в. н.э. и происходит из Египта, где уникальные климатические условия обеспечивают прекрасную сохранность многих древних изделий из органических материалов (Rostovtzeff M.I. Vexillum and Victory // Journal of Roman Studies 34. - 1942, p. 92-106). Это льняное полотнище алого цвета размерами 50 х 47 см, на котором изображена богиня победы - Виктория, стоящая на земном шаре. Правой рукой она протягивает лавровый венок, а в левой держит пальмовую ветвь. Обычно такие штандарты увенчивались металлическим навершием в виде бронзовой фигурки орла или животного - покровителя данной воинской части.
15. Колобов А.В. Штандарты римской армии эпохи принципата // ПИФК X. - 2001, с. 38-44.
16. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. - М.-Л., 1949, с. 334; Герасимова В. Дислокация на римските помощни войски в провинции Мизия от 44 до 86 г. на н.е. // Археология 4. - 1970, с. 25; Цветаева, Боспор и Рим…, с. 39; Cichorius C. Cohors // RE VII. - 1901, sp. 277.
17. Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК 40. - 1911, с. 39.
18. Крыкин, Фракийцы в античном Северном Причерноморье…, с. 239; Зубарь, Северный Понт и Римская империя…, с. 84-85; Сапрыкин С.Ю. Неопубликованная эпитафия из Горгиппии // ВДИ 1. - 2001, с. 191.
19. Vinogradov J.G. Greek Epigraphy of the Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985- 1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. I. - 1994, p. 74.
20. Ле Боэк Я. Римская армия эпохи ранней империи. - М., 2001, с. 64.
21. Ср.: Gracey M.H. The Armies of the Judaen client kings // BAR 297 (i). - 1986**,** p. 312.

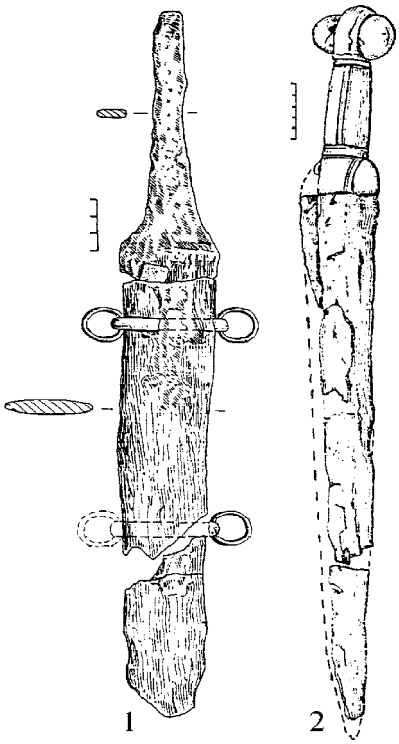

Рис. 1. Короткие мечи I-II вв. из раскопок некрополя Горгиппии:
1 - гладиус с металлическими деталями крепления ножен;
2 - меч с костяной рукоятью

Рис. 2. Известняковый рельеф из Пальмиры с изображением триады богов. I в.

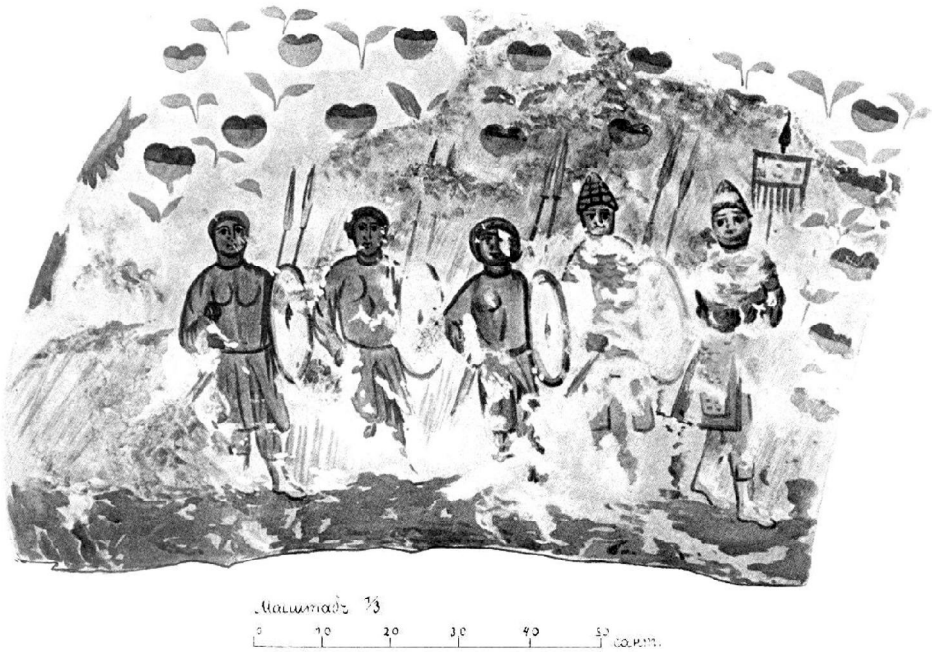

Рис. 3. Отряд боспорских пехотинцев. Фрагмент росписи Стасовского склепа 1872 г.

С.Г. ДЕМЬЯНЧУК

СВЯЩЕННАЯ КАЗНА И ИСТОЧНИКИ ЕЕ ПОПОЛНЕНИЯ

Храмы в античных государствах всегда считались неотъемлемой частью полиса. В свою очередь, полис являлся гарантом процветания и стабильности культов во всех их проявлениях. Несомненно, что храмы, оказывая активное влияние на духовную и культурную структуры общества, нуждались в мощных финансовых вливаниях. В данной работе рассмотрены возможные источники дохода храмов в Херсонесе на основании аналогий, известных для греческого мира. Представленная модель, очевидно, имеет право на существование, так как экономическое и культурное развитие Херсонеса происходило, по-видимому, по тому же пути и по тем же законам, что и на большей части греческой ойкумены.

Храмам, как известно, постоянно были необходимы средства, обеспечивающие их стабильное функционирование. Многочисленная храмовая недвижимость, нуждавшаяся в своевременном уходе и ремонте, почти ежемесячные празднества и игры, жертвоприношения и молебны, почетные чествования граждан и феоров – вот основные статьи расходов, требовавшие немалых сумм как в денежном, так и в натуральном эквиваленте. И конечно, не стоит забывать о меркантильных интересах самих служителей культов.

Наиболее стабильными и крупными были доходы, которые обеспечивал храмам полис. Основным источником благосостояния как самого полиса, так и храмов чаще всего являлись принадлежавшие им земли. Платон и Аристотель отмечали, что при основании городов часть земель обязательно передавалась храмам[1]. Также храмы получали часть военной добычи и десятую долю всех захваченных земель[2].

В этой связи, очевидно, нет оснований сомневаться в том, что и храмы античного Херсонеса обладали прилегающими к полису земельными угодьями, причем не только на территории Гераклейского полуострова, но и вполне возможно в Северо-Западном Крыму.

Как известно, древние греки приписывали Гипподаму Милетскому деление всех земель полиса на три части: храмовую, государственную и частную, при этом храмовая земля обязательно предназначалась для обеспечения жертвоприношений богам[3]. К сожалению, не существует никаких эпиграфических источников или иных данных, определенно указывающих на то место, где располагались храмовые земли Херсонеса. Вместе с тем, по мнению Г.М. Николаенко, основанному на археологических данных, большая их часть, скорее всего, находилась на территории Маячного полуострова[4].

Как правило, в большинстве случаев храмы самостоятельно не обрабатывали принадлежавшие им участки, а сдавали их в аренду. Данная операция приносила немалый доход - 8-10 % от всей стоимости земель ежегодно[5]. Известна надпись рубежа IV-III вв. до н.э. с острова Делос, формулирующая общие положения о методах и формах сдачи в аренду храмовых земель[6]. Приблизительно тот же характер носит общий закон об аренде храмовых земель в Аттике, реконструированный М. Уолбенком[7]. Очевидно, общее законодательство в полной мере распространялось и на Херсонес. Яркое свидетельство тому Отчеты делосских гееропеев, где часто встречается упоминание о некоем *темене* Херсонеса Таврического, расположенном на о. Миконе, доходы от которого поступали на удовлетворение текущих культовых расходов[8].

В общих чертах доход от арендованных священных земель образовывался следующим образом: участок сдавался арендатору с аукциона за наибольшую плату сроком на 10 лет, ежегодно взималась часть оговоренной суммы, которая поступала в священную казну[9].

Другим вероятным, на наш взгляд, весьма существенным источником пополнения храмовой казны могло быть предоставление храмам части доходов полиса. Представляется, что для Херсонеса вполне уместна такая возможность. В качестве аналогии из

общегреческой практики приведем надпись, посвященную Аполлону Актиусу в 216 г. до н.э., из которой следует, что некая междоусобица разорила город Анакторион и его храмы. Полис, не имея возможности выполнить свои обязательства по отношению к храмам, обращается за финансовой помощью к Акарнанаской лиге, дабы она восстановила разрушенные храмы и проследила, чтобы фестиваль с его соревнованиями и сопутствующие жертвоприношения могли проводиться, как и прежде. Суммы для этих мероприятий покрывались впоследствии так: храмы получили половину дохода от таможенных пошлин, собранных в гавани Анакториона во время фестиваля, а также 2% от продажи рабов[10]. Подобная практика существовала в III в. до н. э. и на Делосе, где храмы получали доход в размере 2% от импорта и экспорта, от сумм за использование порта, парома между Ренией и Миконом, а также лова рыбы в прибрежных водах[11].

Еще одним существенным источником пополнения храмовых сокровищниц, безусловно, являлись частные пожертвования, которые были почетной литургией практически для всех слоев греческого общества. Их размеры колебались в зависимости от возможностей донатора: от островов (например, остров Рения, подаренный храму Аполлона на Делосе тираном Самоса Поликратом) до нескольких оболов. Обычной практикой было освобождение рабов на условиях пожизненного служения храмам. Так, например, некто Диомед из Коса освободил одного из своих рабов на условии, что тот и его потомки сдадут в аренду землю и будут заботиться о храме, обеспечивая ежегодную арендную плату, чтобы покупать жертвенных животных и дрова[12]. Подобные подарки составляли немаловажную статью в доходах храмов. Вероятнее всего, последние получали свои комиссионные и за посредничество при оформлении сделок об освобождении рабов, о чем свидетельствуют многочисленные манумиссии, найденные при раскопках[13]. Как известно, раб не мог самостоятельно заключать какие-либо договора, и храм в подобных делах выступал представителем интересов рабов в делах между хозяином и его «имуществом».

Среди широко известных храмовых даров нельзя не упомянуть и пожертвование херсонесской общины в Делосскую сокровищницу трех серебряных фиал в 276 г. до н.э.[14], а также специального капитала в размере 4000 драхм на устройство праздника Херсонесий[15].

Особую роль в доходах храмов играло приносившее немалые проценты ростовщичество. Храмы были своеобразными «священными банками». Хотя, отдавая деньги в рост, они и шли на определенный риск. В отчетах делосских гееропеев можно без труда обнаружить списки долгов, которые не выплачивались десятилетиями, что, в конечном счете, заставило храмы ко II в. до н. э. исключить из сферы кредиторов всех неграждан Делоса[16].

Еще одной статьей дохода храмов можно считать производство собственной монеты. Прибыль от чеканки как серебряной, так и бронзовой монеты всегда исчислялась сотнями процентов. Празднества и разнообразные агоны вызывали необходимость в чеканке специальных храмовых денег. Как известно проведение подобных массовых мероприятий всегда было связано с огромным количеством работ, выполнявшихся наемными рабочими. Необходимость оплаты наемного труда и выплат налоговых пошлин привела к недостатку монеты, что и вызвало потребность в дополнительных эмиссиях, полностью обеспечивавшихся, как правило, за счет средств храмов.

При раскопках Херсонеса и его хоры встречаются маленькие свинцовые, имеющие форму монеты предметы. До сих пор ученые не могут прийти к единому мнению, какую функцию выполняли эти объекты. Были ли это монеты, тессеры или что-то еще? Наиболее аргументированных гипотез две. Сторонники первой, которая восходит к М.И. Ростовцеву, полагают, что это были своеобразные монеты, восполнявшие в полисе нехватку мелкой разменной меди[17]. Сторонники второй, высказанной в свое время П.О. Бурачковым, считают, что свинцовые знаки в Херсонесе были тессерами, использовавшимися на всенародных фестивалях при распределении между свободными гражданами полиса мяса жертвенных животных, масла, вина и т.д.[18]

На наш взгляд, возможен и третий вариант. Свинцовые знаки являлись храмовой монетой мельчайших номиналов, восполнявшей недостаток денежной массы в последней четверти III - начале II в. до н.э.

Многие ученые отмечают преобладание в храмовой чеканке мелкой разменной монеты[19],

что и неудивительно, если учесть невозможность участия в денежном обращении античных полисов любой иностранной монеты. В то же время многочисленные паломники нуждались в монете для оплаты сакральных церемоний, дорожных пошлин и т. д. Наличие какого-либо местного платежного средства, которое легко можно было получить у храмовых менял в обмен на свои деньги, должно было бы способствовать простому и быстрому решению возникавших финансовых проблем и соответственно эффективному пополнению храмовой казны.

К сожалению, в монетном деле Херсонеса прямых подтверждений всего вышесказанного практически не существует, однако стоит обратить внимание на следующие факты. Во-первых, во времена денежного кризиса, охватившего в первой половине III в. до н.э. практически все города Северного Причерноморья, производится массовое контрамаркирование монеты. Вполне возможно, что обеспечение полноценности монеты могло происходить под эгидой храмов[20]. В качестве примера можно привести чеканку одной из серий. Ко времени первой элевтерии относится выпуск оболов Херсонеса с монограммой Девы вместо имени магистрата, что, на наш взгляд, позволяет говорить не только об очевидной причастности храма Девы-Парфенос к выпуску данного номинала[21], но и является безусловным свидетельством того, что храмы принимали самое активное участие в развитии товарно-денежных отношений греческих полисов.

В заключении, суммируя все вышесказанное, представим некую типичную, на наш взгляд, для всего греческого мира схему, по которой осуществлялось финансирование храмов. Источники пополнения храмовой казны были следующие: государственные пожертвования, частные взносы и те деньги, которые храмы могли зарабатывать сами. К примеру, общий доход храмов Делоса за 279 г. до н. э. составил 54 162 драхмы, из них 11 928 драхм приходилось на арендную плату с теменов[22], а остальные средства поступали из различных источников, в том числе и от отправления религиозных культов. Так, например, в постановлении ольвийской коллегии Семи указаны твердые цены (в медных монетах) на жертвоприношения: за быка - 1200, за овцу - 300, за шкуру – 60[23].

Храмы, как известно, являлись средоточием общественного богатства. Вероятнее всего, и в Херсонесе они были крупнейшими финансовыми организациями, наиболее авторитетными гарантами экономической жизни полиса. Постоянный поток средств, поступавший в их распоряжение, позволял во многих случаях довольно оперативно решать экономические проблемы граждан. Накопления в храмовых сокровищницах вели храмы к славе, а полис к процветанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Arist., Pol. VII, 9,7, Plato, Legg. V, 738.
2. Thuc., III, 50, 2.
3. Arist.Pol, II, 5, 2.
4. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. - Севастополь, 1999, с. 72.
5. Лопухова О.Б. Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе // ВДИ 1. – 1985, с. 139-160.
6. Homolle T. Comptes des hieropes du temple d'Apollo Delien. // BCH I. - Paris, 1882, p. 63.
7. Walbanc M.B. Leases of Sacred Properties in Attica // Hesperia LII. 2. - 1983, p. 219.
8. Durrbach. Comptes des Hieropes. - Paris. 1929, p. 290, 1. 47 sq.; Тюменев А.И. Херсонесские этюды // ВДИ 2/3. – 1938, с. 270.
9. Лопухова, Некоторые вопросы аренды…, с. 139-160.
10. Linders T. Sacred Finances: Some Observations. - Uppsala, 1993, p. 46.
11. Ibid., p. 46.
12. Ibid., p. 52.
13. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ 3. – 1939, с. 296-305.
14. Durrbach, Comptes…, p. 313a, 1. 73-74.
15. Тюменев, Херсонесские этюды…, с. 272.
16. Linders, Sacred Finances…, p. 54

17. Ростовцев М.И. Римские свинцовые тессеры. - СПб., 1903, с. 300; Туровский Е.Я. О свинцовых монетах античного Херсонеса // XI Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. – СПб., 2003, с. 20-21.
18. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней России. – Одесса, 1884, с. 118; Kovalenko S.A. Struck led pieces from Tauric Chersonesos: coins or tesserae? // Numismatic Chronicle 162. – London, 2002, p. 33-58.
19. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА 16. – 1951, с. 97-98; Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII-V вв. до н.э.). – Санкт-Петербург, 2001, с. 25-26.
20. Демьянчук С.Г. Роль храмов в монетном деле городов Северного Причерноморья. // Stratum plus 6. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999, с. 90-92.
21. Туровский Е.Я., Демьянчук С.Г. Выпуск херсонесских оболов времени первой элевтерии // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. - Киев-Судак, 2002, с. 261-263.
22. Лопухова, Некоторые вопросы аренды…, с. 140.
23. IOSPE, 76.

Д.В. ЖУРАВЛЕВ, М.И. ЗОЛОТАРЕВ[U], А.А. КОБЗЕВА

СВЕТИЛЬНИКИ ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА: позднеархаическое, классическое и эллинистическое время*

В этой небольшой статье, открывающей серию публикаций херсонесских осветительных приборов, мы публикуем группу светильников позднеархаического, классического и эллинистического времени, которым пока уделялось не так много места в отечественной литературе[1]. В наши задачи не входило составление полного списка аналогий всем светильникам, обнаруженным в Херсонесе. В настоящее время мы дали ссылки лишь на важнейшие публикации, поскольку нам было важно определить хронологические рамки коллекции. За основу нами принята классификация светильников Афинской агоры[2], дополненная и уточненная Д. Бейли[3].

Тип Howland 19A. Эти светильники, возможно, аттического производства, датируются последней четвертью VI в. – 480 г. до н.э.[4] В Коринфе им соответствует тип III[5]. Необходимо оговориться, что сквозное отверстие-втулка конусовидной формы в этом и многих других типах светильников служило для крепления светильника во время горения (например, на импровизированном канделябре, изготовленном из простой палки), а также облегчало переноску изделия. Кроме того, можно говорить о формировании многоярусных светильников, так называемых **corona**, которые давали больше света и часто применялись в различных культовых церемониях[6]. Известны и близкие по форме экземпляры, лаком не покрытые[7].

Каталог № 1 (Табл. 1). Открытый светильник круглой формы. Дно с углублением в виде усеченного конуса, которому с внешней стороны соответствует конусовидная втулка, равная по высоте стенкам светильника. Плечики узкие, практически горизонтальные. С противоположных сторон два коротких круглых рожка с подквадратными отверстиями для фитилей.

Глина: light yellowish brown (2.5YR 6/4). Лак: very dark gray (10YR 3/1). Размеры: длина (l) - 13.3; ширина (b) - 10; высота (h) - 2.6. НЗХТ 246/37151. Раскопки М.И. Золотарева, 1988 г.; помещение 42, античный слой.

Тип Howland 19B. Датировка этого варианта такая же, как и у 19A, т.е. последняя четверть VI в. – 480 г. до н.э.[8]

Каталог № 2 (Табл. 1). Фрагментированный открытый светильник. Дно с углублением в виде усеченного конуса, которому изнутри светильника соответствует коническая втулка, возвышающаяся над стенками. Плечики светильника плоские, украшенные тремя бороздками, скошены вовнутрь. Рожок короткий, круглый, с квадратным отверстием для фитиля. С противоположной стороны, возможно, был еще один.

Глина: reddish yellow (5YR 6/8)[9]. Лак: black (2.5YR 2.5/1). Размеры: длина l - 11.1; b - 9.5; h - 3. НЗХТ 245/37151. Раскопки М.И. Золотарева, 1988 г.; помещение 49, античный слой.

Каталог № 3 (Табл. 1). Фрагмент открытого светильника. Дно с углублением в виде усеченного конуса, которому с внешней

*Мирон Ильич Золотарев всегда был полон идей и возможных проектов. Когда-то давно у него родилась идея издания материалов, накопленных за столетие изучения северо-восточного района Херсонесского городища, одной из составных частей которого и должен был стать каталог всех светильников, найденных здесь. Шли годы, у всех участников проекта было много дел, но шаг за шагом мы продвигались к финишной прямой: готовились рисунки, фотографии, описания, уточнялись контексты находок. К сожалению, ушел из жизни Д.Ю. Коробков, который также планировал работать с нами в этом проекте и оказал важную помощь на начальном этапе. И вот произошло непоправимое и, казалось бы, невозможное. Мы до сих пор не можем поверить в то, что Мирона Ильича больше нет с нами… К сожалению, мы не успели завершить нашу книгу при его жизни. Надеемся, что в ближайшее время нам удастся закончить работу над Корпусом, в который войдет более 300 светильников из раскопок Р.Х. Лепера и М.И. Золотарева в северо-восточном районе**. В этом наш долг перед светлой памятью друга, наставника и учителя… Для многих именно он открыл увлекательный мир археологии, пробудил подлинный интерес к древней истории. Он всегда с терпением и вниманием относился к первым шагам своих учеников на научном поприще, помогал и поддерживал. И сегодня мы гордимся, что работали с этим прекрасным человеком и талантливым ученым.

**Авторы благодарят С.В. Ушакова за неизменную помощь в работе. Все публикуемые в статье светильники хранятся в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический». Рисунки к статье выполнены художником И.Б. Гусаковой, которой авторы выражают глубокую признательность за неоценимую помощь.

стороны соответствует втулка. На дне процарапано граффито N.

Глина: very pale brown (10YR 8/2). Лак: very dark grayish brown (10YR 3/2). Размеры: l - 5.5; b - 4.5; h - 1.8. НЗХТ 59/37134. Раскопки М.И. Золотарева, 1987 г.; помещение 38, 3 слой между античной и юго-западной стенами.

Тип Howland 19 variants. Приведенные ниже светильники относятся к различным вариантам типа 19 по классификации Афинской агоры. Всех их объединяет наличие втулки в центре дна светильника. Некоторые из светильников могут быть локальными копиями, изготовленными как подражание привозным оригиналам (Каталог № 8). Общая датировка соответствует дате типа 19 – последняя четверть VI в. – 480 г. до н.э.[10]

Каталог № 4 (Табл. 1). Фрагмент открытого светильника. Дно с углублением в виде усеченного конуса, которому с внешней стороны соответствует втулка, возвышающаяся над стенками. Плечики узкие, скошены вовнутрь. Рожок короткий, круглый, с квадратным отверстием для фитиля.

Глина: light reddish brown (5YR 6/4). Размеры: l - 10.3; b - 8.8; h - 1.9. НЗХТ 65/37119. Раскопки М.И. Золотарева, 1986 г.; 3 квартал, помещение 50.

Каталог № 5 (Табл. 1). Фрагмент открытого светильника. Дно на кольцевом поддоне с углублением в виде усеченного конуса, которому с внешней стороны соответствует втулка. Рожок утрачен.

Глина: pink (7.5YR 7/4). Лак: red (2.5YR 5/8). Размеры: l - 7.4; b - 4.3; h - 2.8. НЗХТ 84/37119. Раскопки М.И. Золотарева, 1986 г.; 3 квартал, колодец.

Каталог № 6 (Табл. 1). Фрагмент открытого светильника. Тулово округлое, стенки вогнуты. Дно с углублением в виде усеченного конуса, которому с внешней стороны соответствует втулка. Рожок небольшой, слегка удлиненный, со следами копоти. Отверстие для фитиля квадратное.

Глина: reddish yellow (5YR 7/8). Размеры: l - 8.7; b - 8; h - 2.1 (высота втулки - 3). НЗХТ 616/12. Раскопки Р.Х. Лепера, 1912 г.; помещение 54.

Каталог № 7 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника круглой формы. Плечики узкие горизонтальные. Рожок маленький, с округлым отверстием для фитиля.

Глина: pink (7.5YR 7/3). Лак: reddish brown (5YR 5/4). Размеры: l - 4; b - 7.5; h - 1.5. НЗХТ 3816/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; «против юго-восточного конца длинной стены».

Каталог № 8 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника. Плечики довольно широкие, вогнуты к центру. Рожок маленький, с круглым отверстием для фитиля.

Глина: reddish yellow (5YR 6/6). Размеры: l - 3.8; b - 7.4; h - 2.2. НЗХТ 3813/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; «против юго-восточного конца длинной стены».

Тип Howland 21B. Светильники этого типа являются одним из наиболее распространенных для позднеклассического времени в Северном Причерноморье. Большая их часть была изготовлена в аттических мастерских, отдельные экземпляры были изготовлены в качестве подражания. Одним из авторов статьи уже высказывалось предположение, что именно этот тип светильников стал прототипом открытых однорожковых светильников северопричерноморского, в частности боспорского, производства. Такие светильники находили, например, в Пантикапее[11]. Все они сделаны из характерной аттической глины и сомнений в их аттическом производстве нет.

Светильники этого типа широко известны на территории Греции. Так, находки из Коринфа были отнесены О. Брониром к типу IV[12]. Кроме того, находки ламп этого типа широко представлены в других памятниках: афинский Керамик[13], Истмия[14], Пелла[15], Киренаика[16], Линдос[17] и др.

Согласно материалам Афинской агоры, этот тип светильников может быть датирован 480-415 гг. до н.э.[18] Автор публикации светильников с Афинского Керамика датирует светильники № 58-60 своего каталога в пределах 460-430 гг. до н.э., а несколько экземпляров того же типа, но худшей выделки (№ 61-62), он относит ко времени около 420 г. до н.э.[19]. Авторы каталога стамбульского музея относят подобные светильники ко второй четверти V в. до н.э. или немного позднее[20].

В нашей коллекции присутствует один, несомненно, локальный экземпляр (Каталог № 16), который, возможно, имитирует этот оригинальный тип. Некоторые фрагменты (например, Каталог № 10) могут быть отнесены к этому типу лишь предположительно.

Каталог № 9 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника. Дно снаружи слегка вогнуто к центру. Ручка горизонтальная, круглая в сечении. Рожок утрачен.

Глина: pink (7.5YR 7/3). Лак: very dark grayish brown (10YR 3/2). Размеры: l - 6.8 (с ручкой - 7.6); b - 7.4; h - 2.5. НЗХТ 3581/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; помещение А.

Каталог № 10 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника. Плечики узкие, опущены вовнутрь. Дно слегка вогнутое. Рожок вытянутый, с удлиненным отверстием для фитиля.

Глина: yellowish red (5YR 5/8). Лак: black (5YR 2.5/1). Размеры: l - 7.1; b - 5.9; h - 2. НЗХТ

2394/11. Раскопки Р.Х. Лепера, 1911 г.; помещение 40, на скале.

Каталог № 11 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника. Ручка и рожок утеряны. Дно плоское. Стенки вогнуты.

Глина: reddish yellow (7.5YR 7/6) с включением слюды. Размеры: l - 6.3; h - 2.8. НЗХТ 3434/08. Раскопки Р.Х. Лепера, 1908 г.; базилика 1877 г., помещение И.

Каталог № 12 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника круглой формы; стенки вогнуты. Горизонтальная ручка и рожок утеряны. Дно снаружи слегка вогнуто к центру.

Глина: pink (7.5YR 7/4). Лак: reddish brown (5YR 5/4). Размеры: l - 7.1; b - 4.2; h - 2.8. НЗХТ 37151. Раскопки М.И.Золотарева, 1988 г.; помещение 49, античный слой.

Каталог № 13 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника, стенки вогнуты. Горизонтальная ручка и рожок утеряны. Дно почти горизонтально, слабо вогнуто в центре.

Глина: reddish yellow (5YR 6/6). Лак: black (10YR 2/1). Размеры: l - 7; b - 3.2; h - 1.8. НЗХТ 2603/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; помещение 1.

Каталог № 14 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника. Стенки вогнуты. Горизонтальная ручка и рожок утеряны. Дно плоское, с внутренней стороны небольшой конусовидный выступ.

Глина: pink (7.5YR 7/4). Лак: reddish yellow (7.5YR 6/6). Размеры: l - 7.1; h - 1.7. НЗХТ 37151. Раскопки М.И. Золотарева, 1988 г.; помещение 49, античный слой.

Каталог № 15 (Табл. 2). Фрагмент открытого светильника. Стенки вогнуты. Горизонтальная ручка и рожок утрачены. Дно плоское, слабо вогнуто в центре.

Глина: reddish yellow (5YR 7/6). Лак: black (10YR 2/1). Размеры: l - 7.9 (с ручкой - 9.5); b - 7.4; h - 2. НЗХТ 33/37084. Раскопки М.И. Золотарева, 1984 г.; 4 квартал, помещение с колодцем, траншея на скале.

Каталог № 16 (Табл. 3). Фрагмент открытого светильника. Плечики узкие горизонтальные. Рожок короткий, с круглым отверстием для фитиля, со следами горения.

Глина: reddish yellow (7.5YR 7/6). Размеры: l - 3.9; b - 7.2; h - 1.8. НЗХТ 23/37119. Раскопки М.И. Золотарева, 1986 г.; 3 квартал, помещение 47.

Тип Howland 21D. Этот вариант связан своим происхождением со светильниками Howland 21B, датируется концом первой четверти - началом четвертой четверти V в. до н.э.[21]

Каталог № 17 (Табл. 3). Фрагмент открытого светильника. Тулово круглой формы, стенки вогнуты. В центре дна изнутри – небольшой конусовидный выступ, покрытый лаком; вокруг него по дну нанесена полоса лака в виде окружности. Рожок удлиненный, со следами копоти. Отверстие для фитиля вытянутой формы.

Глина: pink (7.5YR 7/4). Лак: yellowish red (5YR 5/6). Размеры: l - 7.9; b - 6.8; h - 2.2. НЗХТ 2900/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; «помещение 13, яма в скале».

Каталог № 18 (Табл. 3). Фрагмент открытого светильника. Узкие плечики сильно скошены к центру. Дно с небольшим углублением, по внешней стороне нанесены лаком полосы в виде окружности. Рожок удлиненный, с вытянутым отверстием для фитиля. Рожок покрыт лаком.

Глина: reddish yellow (5YR 7/8). Лак: red (2.5YR 5/8). Размеры: l - 4.8; b - 6.6; h - 1.8. НЗХТ 42/37022. Раскопки М.И. Золотарева, 1979 г.; 3 поперечная улица, западная часть.

Тип Howland 23C. Этот тип светильников также связан с аттическими светильниками 21 типа. Их датировка первая и особенно вторая четверти IV в. до н.э.[22] Они широко представлены как в Северном Причерноморье[23], так и за его пределами[24].

Каталог № 19 (Табл. 3). Фрагмент открытого светильника. Плечики узкие горизонтальные. С внешней стороны на дне лаком нанесены полосы в виде окружностей. Рожок удлиненный, покрыт лаком.

Глина: reddish yellow (7.5YR 6/6). Лак: very dark gray (10YR 3/1). Размеры: l - 6; b - 5; h - 3.2. НЗХТ 42/37022. Раскопки М.И. Золотарева, 1979 г.; 3 поперечная улица, западная часть.

Каталог № 20 (Табл. 3). Фрагмент открытого светильника. Тулово округлой формы, большое круглое отверстие для масла окружено последовательно двумя бороздками и валиком. Рожок и ручка утрачены. Дно на кольцевом поддоне, снаружи вогнуто к центру.

Глина: pink (7.5YR 7/4). Лак: black (2.5YR 2.5/1). Размеры: l - 4.4; b - 3; h - 2.5. НЗХТ 31/37119. Раскопки М.И. Золотарева, 1986 г.; 3 квартал, помещение 53.

Каталог № 21 (Табл. 3). Светильник круглой формы, с коническим вместилищем для масла, широкими слабо загнутыми внутрь плечиками. Горизонтальная ручка и узкий длинный рожок утрачены. Дно слегка вогнутое, на поддоне.

Глина: reddish yellow (7.5YR 7/6). Лак: black (10YR 2/1). Размеры: l - 8; b - 7; h - 3.5. НЗХТ 143/37070. Раскопки М.И. Золотарева, 1983 г.; помещение Н.

Каталог № 22 (Табл. 3). Фрагмент светильника с шаровидным туловом. Небольшое

круглое отверстие для масла окружено узкими плечиками, отделяемыми от стенок валиком. Дно на поддоне, слегка вогнутое снаружи. Рожок утрачен, ручка, по всей видимости, отсутствовала.

Глина: pink (5YR 7/5). Лак: very dark gray (5YR 3/2). Размеры: l - 3.9; b - 3.4; h - 2. НЗХТ 3720/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; «помещение Д, к северу от лестницы».

Тип Howland 24A. В связи с фрагментарностью этого светильника мы относим его к этому варианту лишь предположительно. Афинские светильники типа Howland 24A датируются от конца третьей четверти до конца V в. до н.э.[25]

Каталог № 23 (Табл. 3). Фрагмент открытого светильника. Плечики узкие, резко скошены вовнутрь, украшены двумя бороздками. Дно на низком поддоне. Рожок и ручка утрачены.

Глина: light reddish brown (5YR 6/4). Лак: dark red (2.5YR 4/6). Размеры: l - 8.7; b - 2; h - 3. НЗХТ 61/37029. Раскопки М.И. Золотарева. 1981 г.

Тип Howland 25A. Этот тип светильников аттического производства датируется серединой второй четверти IV в. – первой четвертью III в. до н.э.[26] Даже на Афинской агоре встречены экземпляры, которые не были покрыты лаком и сохранили только незначительные следы покрытия. Каталоги № 25-26 относятся к вариантам Howland 25 A или B. Наиболее близкой аналогией Каталогу № 24 является светильник Q73 из Британского музея. Впрочем, Д. Бейли справедливо замечает, что, он скорее, ближе к типу Howland 24C, но точных соответствий в каталоге светильников Афинской агоры не существует[27]. Достаточно близок также светильник из Пеллы[28].

Каталог № 24 (Табл. 3). Фрагмент закрытого светильника круглой формы. Массивные стенки сильно выпуклые, образуют шаровидное вместилище для масла; щиток почти плоский, с большим круглым отверстием для масла посередине, окружен валиком. Дно вогнуто в центре, с внешней стороны углублению соответствует массивный конический выступ. Рожок и горизонтальная ручка утрачены.

Глина: pink (7.5YR 7/4). Размеры: l - 6.6; d - 4; h - 3.8. НЗХТ 17/36985. Раскопки М.И. Золотарева, 1977 г.; 1 квартал, античный слой.

Каталог № 25 (Табл. 4). Фрагмент светильника с круглым по форме туловом. Дно плоское. Вся верхняя часть светильника горизонтальная. Рожок длинный, узкий, подчетырехугольной формы, с треугольным отверстием для фитиля.

Глина: pink (5YR 7/3). Лак: black (10YR 2/1). Размеры: l - 5.3; b - 4.2; h - 2.9. НЗХТ 2438/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; помещение 1, «западная часть, при скале».

Каталог № 26 (Табл. 4). Фрагмент светильника с туловом круглой формы. Вся верхняя часть горизонтальная. Рожок длинный, узкий, с круглым отверстием для фитиля.

Глина: reddish yellow (7.5YR 7/6). Лак: black (10YR 2/1). Размеры: l - 8.5; b - 2.9; h - 2.6. НЗХТ 13/37365. Раскопки М.И. Золотарева, 2001 г.; помещение 8, двор.

Тип Howland 25B. Один из наиболее распространенных типов светильников раннеэллинистического времени[29]. Их находки присутствуют во всех центрах Северного Причерноморья[30], в том числе и в Херсонесе[31]. Чернолаковые светильники производились в Аттике, а также во многих других регионах в связи с явным удобством этого типа осветительных приборов. По материалам Афинской агоры их датировка лежит в пределах второй половины IV - первой четверти III в. до н.э.[32] Несмотря на некоторые различия этих светильников, неизменным остается ручка в виде небольшого выступа-ушка слева от рожка. Назначение этой миниатюрной ручки, которую было сложнее отбить, чем, например, горизонтальную ручку светильника типа 21 - служить для продевания веревки или шнурка, с помощью которого лампа подвешивалась как в лавке при продаже, так и в обычной жизни, когда она не использовалась. Светильник Каталог № 33 можно отнести к варианту Howland 25B prime, а Каталог № 34, по всей видимости, является изделием местной мастерской, возможно, изготовленным как подражание популярному типу Howland 25B.

Каталог № 27 (Табл. 4). Светильник с туловом округлой формы, стенки сильно вогнуты. Отверстие для масла окружено валиком. Дно на кольцевом поддоне с конусовидным углублением к центру, которому с внешней стороны соответствует небольшой выступ. Рожок длинный, утрачен. С левой стороны ручка-ушко, также утрачена.

Глина: reddish yellow (5YR 7/8). Лак: dark grayish brown (5YR 4/2). Размеры: l - 7.7; b - 6.6; h - 2.9. НЗХТ 3052/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; «улица рядом с помещением 13, под водостоками».

Каталог № 28 (Табл. 4). Фрагмент светильника с круглым туловом. Отверстие для масла окружено узкими горизонтальными плечиками, отделяющимися от стенок светильника валиком. Рожок длинный, узкий, с удлиненным отверстием для фитиля. С левой стороны проколотая ручка-ушко.

Глина: pink (7.5YR 8/4). Лак: от yellowish red (5YR 5/6) до reddish brown (5YR 4/3). Размеры: l - 5; b - 6.2; h - 2.5. НЗХТ 1235/11. Раскопки Р.Х. Лепера, 1911 г.; помещение 5, колодец, «до 4 саженей глубины».

Каталог № 29 (Табл. 4). Фрагмент открытого (?) светильника. Сильно выпуклые стенки, отверстие для масла окружено валиком. Рожок длинный, узкий.

Глина: pink (5YR 7/4). Лак: black (10YR 2/1). Размеры: l - 8.2; b - 1.8; h - 2.4. НЗХТ 881/14. Раскопки Р.Х. Лепера, 1914 г.; помещение К.

Каталог № 30 (Табл. 4). Светильник круглой формы. Дно слегка вогнутое на кольцевом поддоне. Не очень большое отверстие для масла окружено невысоким «венчиком». Рожок длинный узкий, частично утрачен. Ручка-ушко с левой стороны, утрачена.

Глина: pink (5YR 7/4). Лак: от dark red (2.5YR 4/6) до dusty red (3/4 2.5YR). Размеры: l - 7.7; b - 6; h - 3.3. НЗХТ 1215/11. Раскопки Р.Х. Лепера, 1911 г.; помещение 5, колодец, «до 2 саженей глубины».

Каталог № 31 (Табл. 4). Фрагмент светильника круглой формы. Дно вогнутое, на кольцевом поддоне. Круглое отверстие для масла окружено небольшим венчиком. Широкий рожок утрачен.

Глина: reddish yellow (5YR 7/6). Лак: dark red (2.5YR 4/6). Размеры: l - 7.5; b - 4; h - 3.3. НЗХТ 2189/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; помещение 9, «внутри древнего помещения».

Каталог № 32 (Табл. 4). Фрагмент светильника круглой формы. Дно слегка вогнутое на кольцевом поддоне. Круглое отверстие для масла окружено небольшим венчиком. Широкий рожок утрачен. С левой стороны ручка-ушко.

Глина: light reddish brown (5YR 6/4). Лак: reddish brown (5YR 4/3). Размеры: l - 6.4; b - 5.7; h - 2.9. НЗХТ 2152/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; помещение 9, «западная часть, внутри древнего помещения».

Каталог № 33 (Табл. 4). Фрагмент светильника с круглым туловом. Отверстие для масла окружено узкими горизонтальными плечиками, отделяющимися от стенок светильника валиком. Рожок утрачен, ручка, по-видимому, отсутствовала. Дно плоское на кольцевом поддоне.

Глина: brown (10YR 4/3). Размеры: l - 4.5; b - 5.7; h - 2.8. НЗХТ 2328/10. Раскопки Р.Х. Лепера, 1910 г.; южный некрополь, насыпь.

Каталог № 34 (Табл. 5). Светильник с круглым туловом. Отверстие для масла окружено высоким валиком. Дно немного выпуклое. Рожок слегка удлиненный с вытянутым отверстием для фитиля, приподнят вверх. С левой стороны ручка-ушко, утрачена.

Глина: reddish yellow (7.5YR 7/6) с включением слюды. Размеры: l - 7.3; b - 6; h - 3. НЗХТ 2119/09. Раскопки Р.Х. Лепера, 1909 г.; помещение 8а, «нижний пол».

Тип Howland 27A. Этот тип чернолаковых светильников может быть датирован концом третьей четверти IV – второй четвертью III в. до н.э.[33] Они встречены во многих городах Греции и Малой Азии[34].

Каталог № 35 (Табл. 5). Светильник открытый, с шаровидным туловом. Отверстие для масла окружено валиком. Дно изнутри с углублением в виде усеченного конуса, которому с внешней стороны соответствует втулка, возвышающаяся над стенками. Рожок слегка удлиненный, с круглым отверстием для фитиля. Ручка отсутствует.

Глина: light reddish brown (5YR 6/4). Лак: red (2.5YR 5/6). Размеры: l - 6.6; b - 5.2; h - 2.8 (3.9). НЗХТ 226/37226. Раскопки М.И. Золотарева, 1991 г.; помещение 1, цистерна.

Каталог № 36 (Табл. 5). Фрагмент открытого светильника. Дно изнутри с углублением в виде усеченного конуса, которому с внешней стороны соответствует втулка.

Глина: pink (7.5YR 8/4). Размеры: l - 4.6; b - 4; h - 1.7. НЗХТ 1834/11. Раскопки Р.Х. Лепера, 1911 г.; помещение 11, колодец.

Тип Howland 34A. Этот тип светильников на Афинской агоре датируется последней четвертью III - третьей четвертью II в. до н.э.[35]

Каталог № 37 (Табл. 5). Фрагмент светильника круглой формы. Дно на кольцевом поддоне, в центре углубление в виде конуса, с внешней стороны которому соответствует выступ. Отверстие для масла окружено низким валиком. Широкий рожок утрачен. Возможно, с левой стороны была ручка-ушко, впоследствии утраченная.

Глина: gray (2.5YR 5/1). Лак: very dark gray (2.5YR 3/1). Размеры: l - 6.7; b - 6.2; h - 3.1. НЗХТ 225/37226. Раскопки М.И. Золотарева, 1991 г.; помещение 1, цистерна.

Тип Howland 33 или 34. Два фрагмента светильников в связи со своей фрагментарностью могут быть отнесены к типам 33 или 34, что не влияет на их датировку – последняя четверть III - третья четверть II вв. до н.э.[36]

Каталог № 38 (Табл. 5). Фрагмент круглого светильника. Круглое отверстие для масла окружено широким валиком. Рожок длинный, узкий, с вытянутым отверстием для масла. С левой стороны ручка-ушко.

Глина: reddish yellow (5YR 6/6). Лак: very dark gray (7.5YR 3/1). Размеры: l - 6; b - 6; h - 1.8. НЗХТ 37226. Раскопки М.И. Золотарева,

1991 г.; помещение 1, цистерна.

Каталог № 39 (Табл. 5). Фрагмент открытого светильника. Круглое отверстие для масла окружено узкими горизонтальными плечиками, отделяющимися от стенок светильника широким валиком. Рожок длинный, узкий, с вытянутым отверстием для масла. С левой стороны ручка-ушко.

Глина: reddish yellow (7.5YR 6/6). Лак: dark yellowish brown (7.5YR 4/4). Размеры: l - 5.5; b - 5.3; h - 2.5. НЗХТ 37226. Раскопки М.И. Золотарева, 1991 г.; помещение 1, цистерна.

Тип Howland 35A. Наш экземпляр относится к этому типу условно, т.к. у него совпадают не все признаки. Тем не менее, он ближе всего к № 468 Афинской агоры с той лишь разницей, что херсонесский светильник не имеет ушка. Датировка этого типа в Афинах лежит в пределах последней четверти II - первой четверти I в. до н.э., возможно, немного позднее[37].

Каталог № 40 (Табл. 5). Светильник круглой формы. Дно на высоком кольцевом поддоне, выгнутое к центру. Небольшое круглое отверстие для масла окружено широким невысоким венчиком. Вертикальная ручка-петелька отколота. Рожок длинный, узкий, частично утрачен.

Глина: pink (7.5YR 7/4). Лак: very dark gray (2.5YR 3/1). Размеры: l - 8; b - 6.2; h - 3.2. НЗХТ 35/37119. Раскопки М.И. Золотарева, 1986 г.; 3 квартал, помещение 49.

Тип Howland 35. Представленный в нашей коллекции светильник не идентичен афинским образцам: так, визуально он близок типу Howland 35D, а по профилю - более раннему типу Howland 35A prime. Датировка в Афинах для всего типа: последняя четверть II в. - первая четверть I в. до н.э.[38] В принципе, возможна и несколько более поздняя датировка нашего светильника. В то же время он близок светильнику Q450 Британского музея, который датируется II в. до н.э.[39]

Каталог № 41 (Табл. 5). Светильник круглой формы. Дно вогнуто. Круглое отверстие для масла окружено невысоким венчиком. Рожок длинный, узкий, расширяющийся на конце, с удлиненным отверстием для фитиля; слегка приподнят. Вертикальная ручка-петелька утрачена.

Глина: gray (2.5YR 5/1). Размеры: l - 8.5; b - 5.6; h - 2.3. НЗХТ 1234/11. Раскопки Р.Х.Лепера, 1911 г.; помещение 5, колодец, «до 4 саженей глубины».

Происходящий из нашей коллекции экземпляр лишь напоминает афинские изделия типа Howland 43B (?), в частности № 546, отличаясь от него рядом деталей, в частности наличием ручки. Вероятно поэтому дата светильника из Афин (3-4 четверть III в. до н.э. или немного позднее)[40] не может определять дату нашего светильника, которая лежит в пределах II-I вв. до н.э. Скорее всего, перед нами локальный светильник, имеющий более ранние прототипы.

Каталог № 42 (Табл. 5). Светильник круглой формы. Дно плоское. Не очень большое отверстие для масла окружено «утопленным» щитком, окруженным валиком. Вертикальная ручка-петелька утрачена. Рожок длинный, узкий, частично утрачен, со следами копоти.

Глина: reddish yellow (6/6 5YR). Размеры: l - 7.4; b - 5.4; h - 3.8. НЗХТ 9/37151. Раскопки М.И. Золотарева, 1988 г.; помещение 35, юго-восточный угол.

Незначительность представленной в нашей публикации выборки светильников не позволяет пока прибегнуть к историческим обобщениям. Тем не менее, хотелось бы заострить внимание на двух моментах. Во-первых, принципиально важно, что в научный оборот вводится еще одна группа материала, которая датируется позднеархаическим и раннеклассическим временем, т.е. последней четвертью VI - первой четвертью V в. до н.э. Наряду с уже опубликованными материалами это в очередной раз подтверждает правильность предложенной одним из авторов статьи ранней датировки основания Херсонеса Таврического[41]. Во-вторых, хочется обратить внимание на большой процент аттической продукции среди осветительных приборов раннеэллинистического времени и значительно меньшее, хотя бы по сравнению с Боспорским царством, количество локальной продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. например: Журавлев Д.В., Хршановски Л. Группа греческих светильников из Херсонеса // ХСб. Х. - Севастополь, 1999, с. 50-59; Они же. Светильники с острова Березань в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва) // Археологія 3. – 2003, с. 15-21.Журавлев Д.В. Светильники Пантикапея VI-V вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Боспорские чтения V. - Керчь, 2002, с. 118-124; Он же. К истории освещения на Боспоре в VI-V вв. до н.э // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. - СПб., 2004, с. 177-186.

2. Howland R.H. Greek Lamps and Their Survivals. The Athenian Agora IV. - Princeton, New Jersey, 1958.

3. Bailey D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. I. Greek, Hellenistic and Early Roman Pottery Lamps. - London, 1975.

4. Howland, Greek Lamps…, p. 39, nos. 131-135, pl. 5; 33.
5. Broneer O. Corinth. Terracotta Lamps IV. - Cambridge, Mass., 1930.
6. О развитии многорожковых светильников: Журавлев Д.В. Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // Древности Боспора 4. - М., 2001, с. 131-149; Журавлев Д.В., Завойкин А.А. Светильники из святилища элевсинских богинь «Береговой 4» // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников I. - СПб., 2004, с. 191-199; Zhuravlev D., Zhuravleva N. Bosporan late hellenistic multinozzled lamps // Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman world // BAR International Series 1019. - Oxford, 2002, p. 1-12.
7. Вальдгауер О. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. - СПб., 1914, № 24-25.
8. Howland, Greek Lamps…, p. 40-41, nos. 136-141, pl. 5; 33.
9. Цвета указаны нами по цветовым таблицам Munsell Soil Colour Charts. - New York, 1992. Все размеры указаны в сантиметрах.
10. Howland, Greek Lamps…, p. 42-43, nos. 142-148, pl. 5; 33.
11. Забелина В.С. Античные глиняные светильники из Пантикапея // Сообщения ГМИИ 10. - М., 1992, с. 303, табл. III, 9; Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., К хронологии застройки западного плато акрополя Пантикапея. Подвальное помещение второй половины V века до н.э. // Древности Боспора 5. - М., 2002, с. 267; табл. X, 38-43; Bailey, Catalogue of the Lamps..., q49, pl. 10; p. 43-44.
12. Broneer, Corinth. Terracotta Lamps..., type IV.
13. Scheibler I. Kerameikos. Griechische Lampen XI. - Berlin, 1976, nos. 58-62.
14. Broneer O. Isthmia. Terracotta Lamps III. - Princeton, New Jersey, 1977, pl. 15.
15. Δρουγου Σ. Ανασκαφη Πελλασ 1957-1964 οι πηλινοι λυχνοι. - Αθηναι, 1992, N. 31.
16. Lyon-Caen C. Lampes grecques en terre cuite // Musée du Louvre. Catalogue des lampes en terre cuite grecgues et chrétiennes. - Paris, 1986, p. 30-31, nos. 18-21.
17. Kassab Tezgör D., Sezer T. Catalogue des lampes en terre cuite du musée archéologique d'Istanbul. Tome 1. Epoques protohistorique, archaďque, classique et hellénistique. - Paris, 1995, nos. 118-119.
18. Howland, Greek Lamps…, p. 46-47, nos. 164-170, pl. 6; 34; Ср.: Bailey, Catalogue of the Lamps..., p. 42-43.
19. Scheibler, Griechische Lampen..., s. 23.
20. Kassab Tezgör, Sezer, Catalogue des lampes..., nos. 118-119, p. 64-65.
21. Howland, Greek Lamps…, p. 50-51, nos. 179-183, pl. 6; 35.
22. Ibid., p. 59-60; nos. 228-233, pl. 8; 36.
23. Вальдгауер, Античные глиняные светильники..., № 27; 30, табл. III, с. 21-22.
24. Bailey, Catalogue of the Lamps..., q65-q68, p. 49-50, pl. 14-15.
25. Howland, Greek Lamps…, p. 63-64, nos. 243-249, pl. 8; 37.
26. Ibid., p. 67-68, nos. 267-284, pl. 9; 23; 38.
27. Bailey, Catalogue of the Lamps..., q73, p. 52.
28. Δρουγου, Ανασκαφη Πελλασ..., no. 42, ικ. 3; πιν. 10.
29. Bailey, Catalogue of the Lamps..., q385-q392, p. 174-175, pl. 78; Δρουγου, Ανασκαφη Πελλασ..., no. 90-93, εικ. 6-7; πιν. 22.
30. Tolstikov V., Zhuravlev D. Hellenistic pottery from two cisterns on the acropolis of Panticapaeum // ΣΤ' Επιστημονικη Συναντησε για την Ελλενιστικη Κεραμικη. Προβληματα χρονολογησης. Κλειστα Συνολα – Εργαστηρια. Πρακτικα. - Αφηνα. Πιν. 97, 1,2,4.
31. Журавлев Д.В., Хршановски Л. Группа греческих светильников из Херсонеса // ХСб. X. – Севастополь, 1999; № 10; Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum // Studia archaeologica 96 (Moscow). - Roma. 1998, nr. 10, p. 43-44.
32. Howland, Greek Lamps…, p. 72-73, nos. 301-317, pl. 10; 23; 38.
33. Ibid., p. 85-86, nos. 376-380, pl. 13; 40.
34. См. Например: Δρουγου, Ανασκαφη Πελλασ..., no. 101-102, εικ. 8; πιν. 24-25. См. также: Bailey, Catalogue of the Lamps..., q98 (с более низкой втулкой).
35. Howland, Greek Lamps…, p. 104-106; nos. 445-456; pl. 16; 24; 42.
36. Ibid., p. 101-102; nos. 433-442; pl. 15; 42; Ср.: 104-106; nos. 445-456; pl. 16; 24; 42.
37. Ibid., p. 109-110; nos. 467-471; pl. 17; 43.
38. Ibid., p. 109-110, nos. 467-471, pl. 17; 43.
39. Bailey, Catalogue of the Lamps..., p. 193, pl. 84.
40. Howland, Greek Lamps…, p. 134-135; nr. 546, pl. 20; 46.
41. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. - Севастополь. 1993; Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. IX. - Севастополь, 1998.

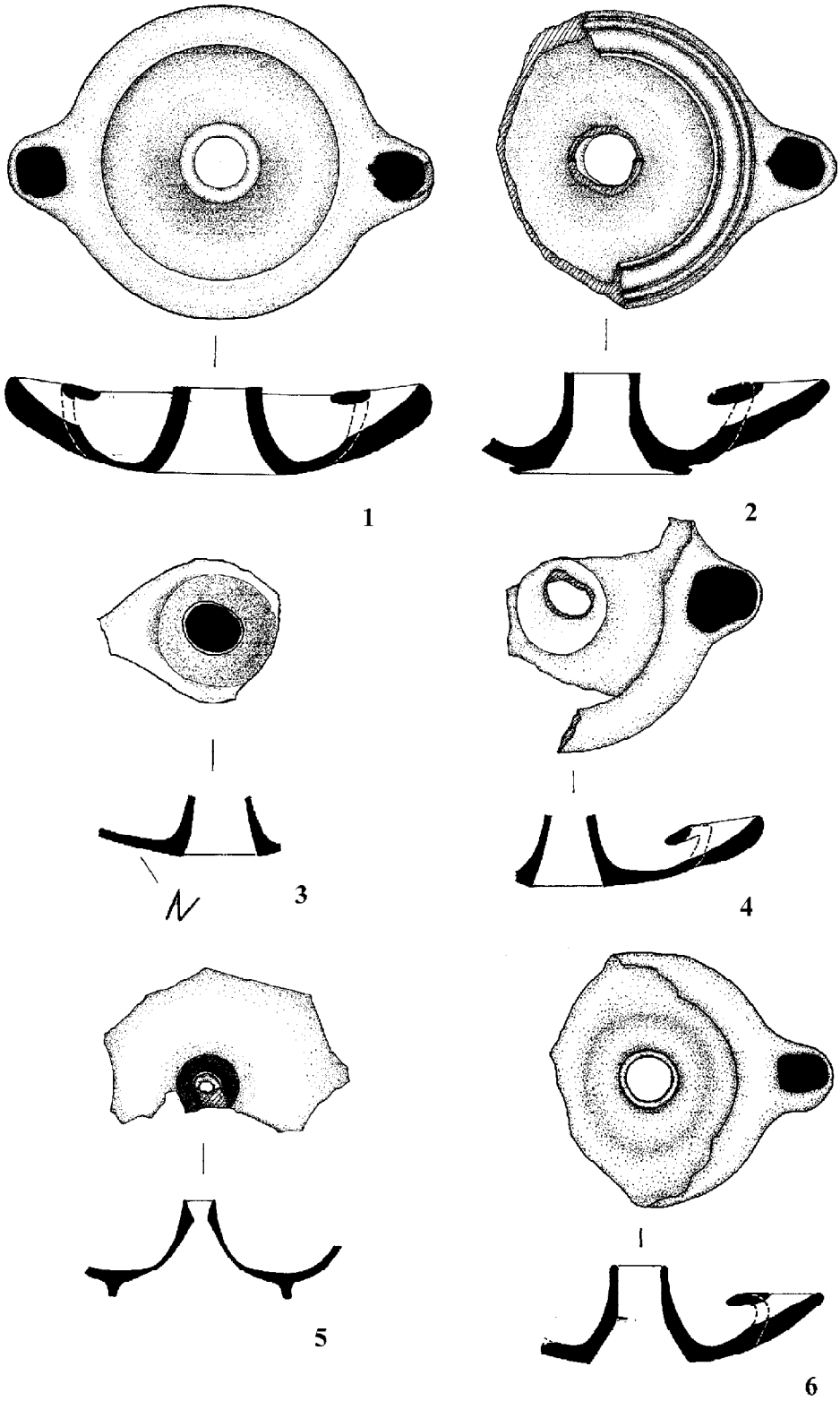

Таблица 1. Античные светильники из северо-восточного района Херсонеса (I)

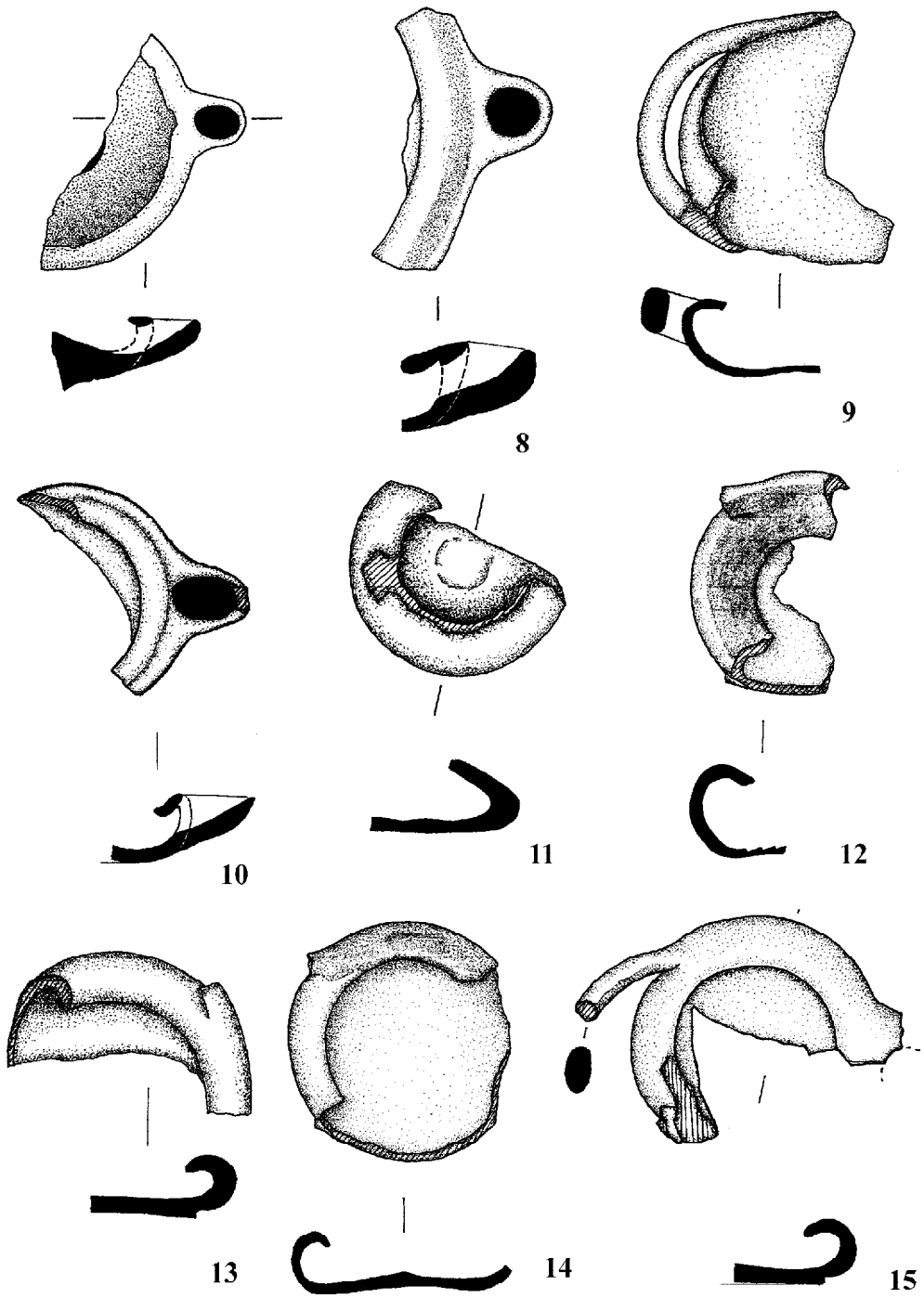

Таблица 2. Античные светильники из северо-восточного района Херсонеса (II)

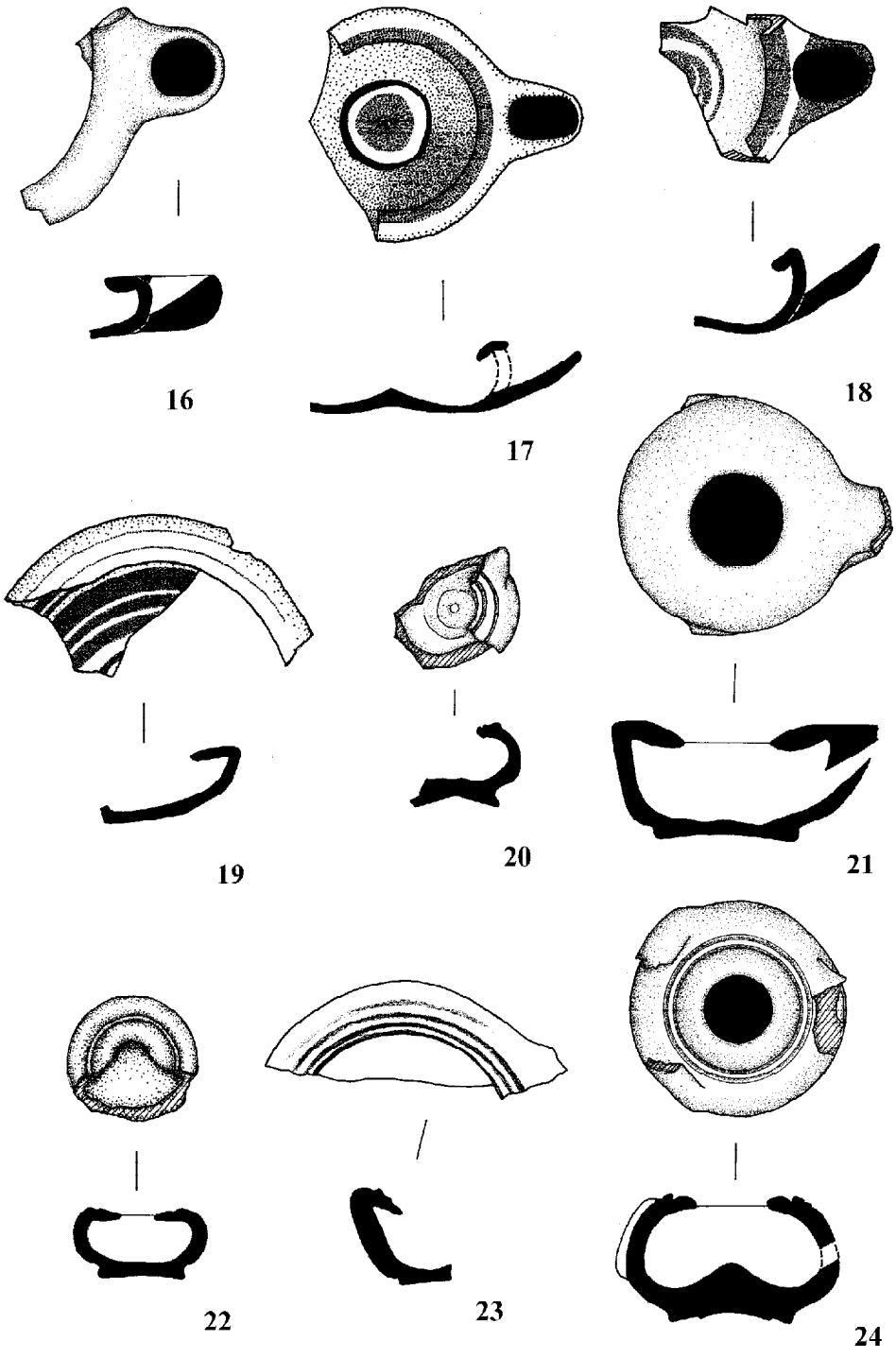

Таблица 3. Античные светильники из северо-восточного района Херсонеса (III)

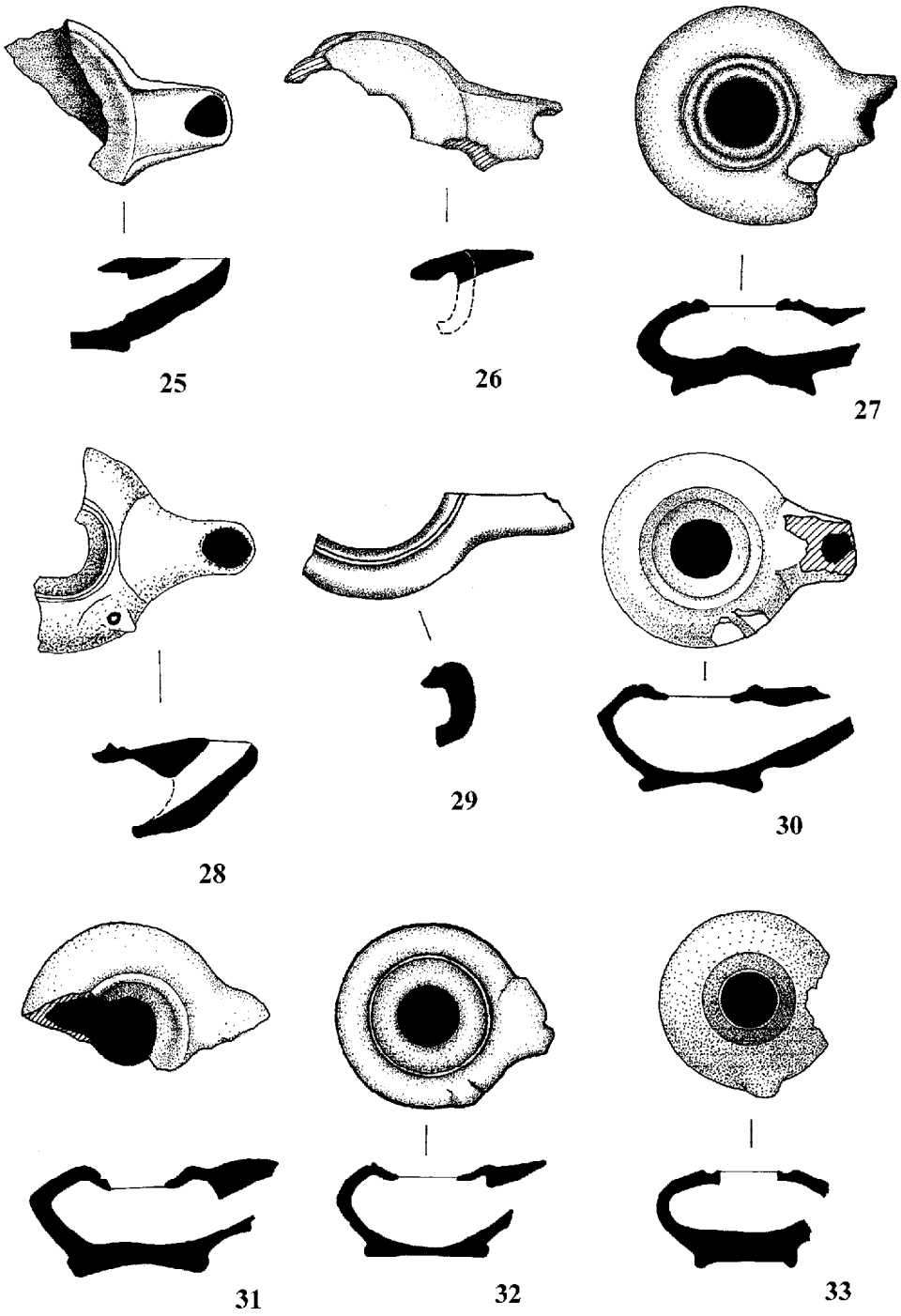

Таблица 4. Античные светильники из северо-восточного района Херсонеса (IV)

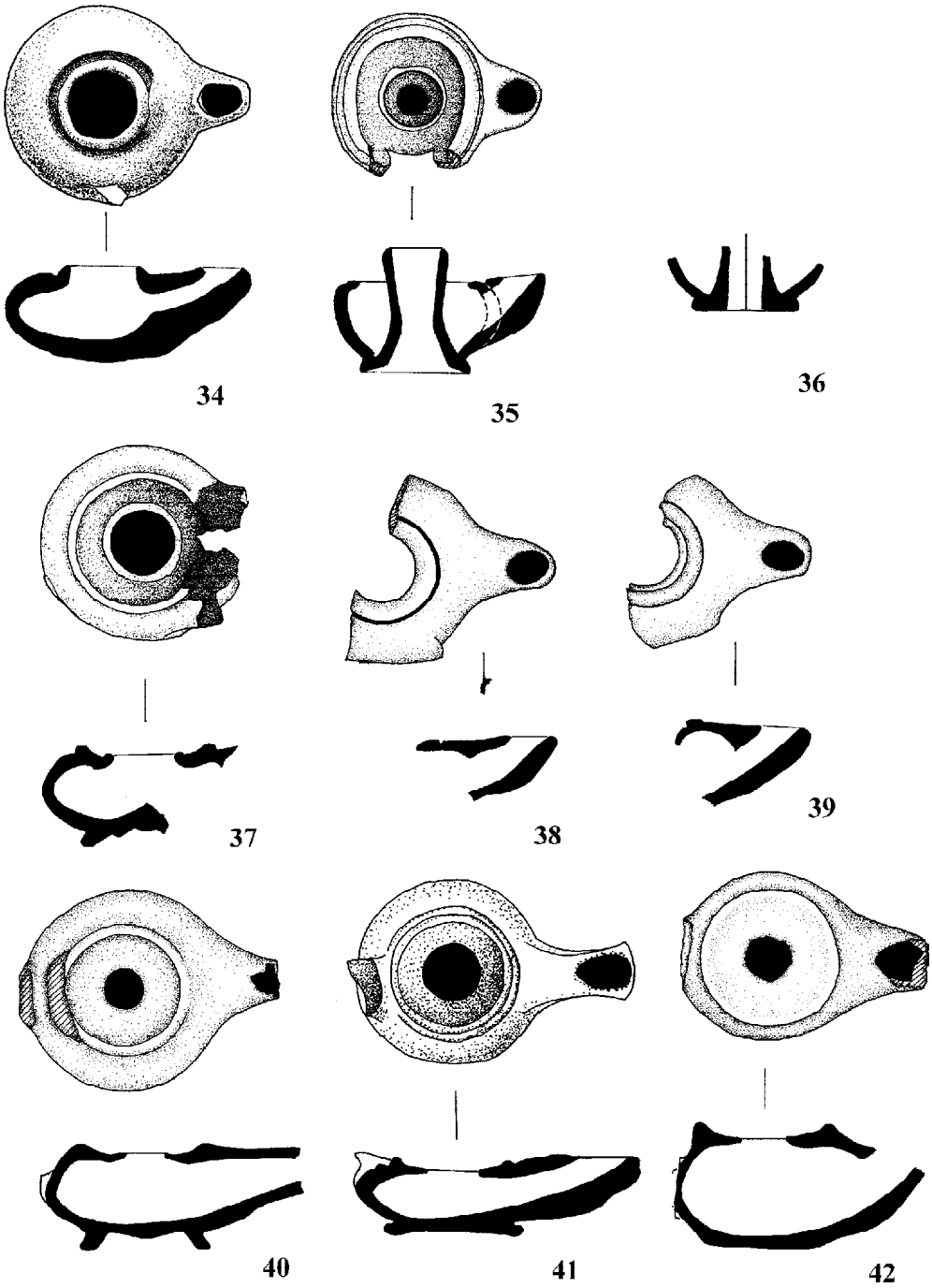

Таблица 5. Античные светильники из северо-восточного района Херсонеса (V)

Д.В. ЖУРАВЛЕВ

КРАСНОЛАКОВЫЕ ПОНТИЙСКИЕ ТАРЕЛКИ С ВЕРТИКАЛЬНЫМ БОРТИКОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА БЕЛЬБЕК IV

Понтийская сигиллата была выделена Дж. Хейсом в 1985 г. на основании русскоязычных публикаций, которые были доступны английскому ученому, а также коллекций из «Южной России», хранящихся в европейских музеях[1]. Как известно, Дж. Хейс использовал термин Ц. Гаспарри, которым последний обозначил редкие в Остии находки керамики[2]. К этой группе Дж. Хейс отнес керамику, преобладающую на территории Причерноморья и в небольшом количестве находимую в Восточном Средиземноморье. Дж. Хейс выделил основные формы керамики, дал предварительное описание и датировку, снабдив публикацию также сводом находок. Таблицы Дж. Хейса с указаниями базовых форм понтийской сигиллаты впоследствии были дважды переизданы К. Домжальски[3] и Г. Кабакчиевой[4].

До сих пор мы точно не можем указать центр (или центры) производства Понтийской сигиллаты. Это должен быть город или группа городов, обладавших мощным керамическим производством, снабжавшим краснолаковой керамикой практически все Северное Причерноморье[5].

На основании исследования краснолаковой керамики из различных регионов Северного Причерноморья мною были выделены три основные группы этой керамики, получившие литерные обозначения: A, B и C[6]. У нас нет оснований утверждать, что эти три группы соответствуют лишь трем производственным центрам. По всей видимости, их было значительно больше, но пока выделить их невозможно. Более того, у меня нет оснований говорить и о том, что все представленные ниже тарелки изготовлены в одном центре - напротив, различная глина говорит об их производстве в различных мастерских.

Представленная ниже классификация сосудов является предварительной, поскольку она охватывает материалы только одного – пусть и богатого – некрополя[7] и не может претендовать на исчерпывающую полноту. Уже сегодня мне известно немало форм понтийской сигиллаты из других памятников Северного Причерноморья, которые отсутствуют в моей работе. К сожалению, большинство из них, за редким исключением, пока остается неопубликованным. Создание единой классификационной схемы для понтийской сигиллаты, подобной Conspectus formarum для италийской сигиллаты или обобщающей работе Дж. Хейса для ESA и ESB[8], будет возможно только после того, как большая часть материалов будет опубликована хотя бы предварительно. Это – задача ближайшего будущего.

Представленные ниже сосуды могут быть отнесены с некоторыми оговорками к группе Понтийской сигиллаты A. Основные характеристики этой группы: глина — плотная, светло-коричневая или красно-коричневая (различных оттенков), хорошо отмученная, без заметных включений. Иногда в ней встречаются блестки слюды, реже – известковые включения. Лак имеет различные оттенки — от светло-красного—оранжевого до буро-красного. Характерная особенность понтийской сигиллаты: все сосуды не покрыты лаком на поддоне, нижняя часть большинства форм практически всегда имеет подтеки лака. Для тарелок и иных открытых сосудов в I - начале II в. н.э. наиболее характерным клеймом является *planta pedis* [9].

Именно керамика этой группы наиболее широко известна в Северном Причерноморье. В целом она соответствует «пергамской» и «малоазийской» группам краснолаковой керамики по Т.Н. Книпович[10]. Наибольший период распространения: третья четверть I - первая половина III в. н.э., когда этими находками были буквально наводнены все причерноморские центры. Интересно, что находки понтийской сигиллаты зафиксированы также в Италии, Малой Азии, Греции и даже Северной Африке, правда, в незначительном количестве[11].

Среди понтийской сигиллаты наиболее часто встречаемой является форма I по классификации

Дж. Хейса - тарелки на кольцевом поддоне, с «вертикальным бортиком» (по терминологии Т.Н. Книпович). Их находки зафиксированы повсеместно, где есть керамика понтийского производства. Но в работе Дж. Хейса, во-первых, не учтены морфологические особенности сосудов, отнесенных к этой форме, а во-вторых, хронологические различия, что объясняется тем, что английский исследователь работал в основном по публикациям и настоящей понтийской сигиллаты «держал в руках» очень мало. Форма I существовала в течение не менее 200 лет (с середины/третьей четверти I до конца III в. н.э., а возможно, и позднее). В связи с этим в настоящее время оказалось невозможным оперировать лишь одной формой, и возникла необходимость более дробной классификации.

Первая классификация тарелок «с вертикальным бортиком» была предпринята Т.Н. Книпович в 1952 г. Т.Н. Книпович было выделено семь типов тарелок, которые подчас различаются лишь по месту находки – Мирмекий или Тиритака, т.е. для каждого центра была представлена своя классификация. Так, тип 9(Т) соответствует 7(М), 11(Т) – типу 5(М) и др.; про типы 6(М) и 7(М) исследовательница отмечает, что «это даже не столько различные типы, сколько два варианта одного общего типа»[12]. При этом, как справедливо отмечено А.А. Труфановым, «иллюстративный материал, приведенный в работе, показывает, что выделенные Т.Н. Книпович типологические признаки не всегда принимаются во внимание самим автором»[13].

Существует еще одна классификация «тарелок с вертикальным бортиком», выполненная А.А. Труфановым[14]. На основании изучения 128 сосудов из различных позднескифских некрополей им было выделено 4 типа этих тарелок, подразделенных, в свою очередь, на ряд вариантов. К сожалению, при всех достоинствах этой работы, ее использование затруднено тем, что сосуды представлены без разделения на центры производства (так, I тип представлен сосудами ESB (возможно и тип III-А), а остальные, судя по рисункам, – понтийской сигиллатой). Тем не менее, на настоящий момент это самая подробная из существующих классификационных схем таких тарелок.

Кроме того, можно упомянуть также работы И.С. Каменецкого и В.В. Крапивиной, в которых также разбирались вопросы классификации интересующих нас типов сосудов[15]. Тем не менее, глава монографии В.В. Крапивиной не является специальным исследованием краснолаковой посуды, здесь представлена рабочая классификация, созданная для облегчения ввода материала в научный оборот. Материал же, с которым работал И.С. Каменецкий, слишком фрагментарен, чтобы стать базовым для классификации одной из основных категорий краснолаковой посуды в регионе. В связи с этим я буду использовать эти работы лишь для поиска аналогий. Сразу должен оговориться, что я не стремился использовать все существующие аналогии в связи с их многочисленностью, а ограничился лишь наиболее важными, в основном происходящими из хорошо датированных комплексов.

Для всех тарелок характерна единая схема: нижняя часть сосуда имеет полусферическую или усеченно-коническую форму, верхняя часть образована вертикальным бортиком; переход стенок тулова в бортик образован выступом в виде ребра. Все сосуды на кольцевом поддоне.

Ниже представлена предварительная классификация тарелок с вертикальным бортиком. В основу классификации положена глубина тарелок, т.е. расстояние от нижней границы бортика до дна. Соответственно, тарелки будут мелкими (они имеют высокий бортик, превышающий глубину тарелки) и глубокими (низкий бортик, высота которого меньше глубины тарелки). Стенка тарелок, оформляющая собственно вместилище сосуда и определяющая его глубину, у мелких тарелок фактически плавно переходит в дно. Бортик тарелок также является важным хронологическим критерием и определяет варианты. Кроме того, в качестве вариантообразующего признака учитывается и размер тарелки.

Форма 1. Мелкие тарелки на кольцевом поддоне; высокий бортик практически вертикальный, лишь в отдельных случаях слабо отогнут наружу. Практически у всех тарелок дно плоское, стенка плавно переходит в дно (Книпович, тип 6(М) = Труфанов, тип III - Б - 1-3).

1.1.1. (Табл. 1; Каталог № 1-2). Бортик прямой или слабо отогнут, край отогнут наружу и подрезан с внешней и внутренней стороны. С внутренней стороны стенок тулова у 1 экз. - два неглубоких желобка. Размеры: D - 20,2 - 20,3;

d - 8,4-9,3; H - 4,4-5,4 см. Клейма *planta pedis*; декор - концентрические нарезки или пояски из 2-3 рядов небольших вдавлений - ямочек овальной формы. 2 экз. из п. 26, 38.

Аналогии*:* Мирмекий[16]; Ольвия[17]. Известны похожие тарелки (без клейма) и на Западном побережье Понта[18]. Дата: Т.Н. Книпович относила эти сосуды ко второй трети I в.[19] В материалах бельбекского некрополя комплексы могил датируются последней четвертью I – началом II в. н.э. В п. 26 найдены краснолаковые чаша и кувшин, гладкое дисковидное зеркало, а в п. 38 – краснолаковые кувшин и горшочек, смычковая фибула, браслет с выступами.

1.1.2. (Табл. 1; Каталог № 3-10). То же, что форма 1.1.1, но меньшего размера. Клейма — *planta pedis* (в том числе и сдвоенная (Каталог № 10; одно клеймо (Каталог № 13) неправильной формы, образованное как бы двумя пересекающимися ветками. Декор: на одном экземпляре поясок из четырех рядов различных насечек, на остальных — одна или две кольцевые бороздки в центре дна. Каталог № 6 - дно изнутри сильно выпукло, поддон высокий. Клеймо - сдвоенная *planta pedis*, окруженная пояском из двух рядов вдавлений. Размеры: D - 12,2 - 14,6; d - 6 - 6,4; H - 2,9-3,6 см. На одном экземпляре (Каталог № 6) - граффито Х. 8 экз. из п. 13, 20, 24, 145, 156, 181, 197, 204. Тарелка из п. 145 (Каталог № 10) отнесена к этому варианту условно, т.к. ее бортик немного загнут внутрь, а дно изнутри немного поднято в центре.

Аналогии*:* Неаполь Скифский, мог. 75[20]; Херсонес[21]; Кепы, склеп 88[22].

Дата: В.И. Кадеев и С.Б. Сорочан ошибочно относят подобные сосуды из Херсонеса к первой половине I в. н.э.[23] Комплекс из Кеп датируется серединой I в. (по бальзамариям типа I, 2б и монете Митридата VIII)[24]. Если эта дата верна, то в Кепах представлен один из самых ранних экземпляров подобных тарелок. Дата сосудов из нашей коллекции - последняя четверть I - начало II в. н.э., отдельные экземпляры – немного позднее. В п. 24 тарелка этого варианта была найдена вместе со смычковой фибулой, краснолаковой чашей с клеймом *planta pedis*, кувшином и горшочком, фаянсовой пронизью с изображением льва; комплекс датирован второй половиной (скорее, последней четвертью) I в. н.э. П. 145 датируется последней четвертью I - началом II в. н.э. В п. 156, датируемом концом I - первой четвертью II в., найдены две маленькие фибулы с S-видным завитком на конце приемника, краснолаковые кувшин,горшочек, гладкое дисковидное зеркало и др. предметы. Дата п. 197 - рубеж I-II вв. н.э. Стилизованное изображение *planta pedis* (Каталог № 5) и отсутствие клейм на тарелках (Каталог № 7-8) свидетельствует о несколько более позднем времени изготовления этих сосудов. Таким образом, суммарная датировка тарелок из рассмотренных погребений - последняя четверть I - первая четверть II в. н.э.

1.2. (Табл. 2; Каталог № 11-12). Мелкие тарелки с низким вертикальным бортиком; край слабо выделен, немного отогнут. На дне оттиснуто клеймо *planta pedis*, окруженное кольцевой нарезкой. Размеры: D - 13,6; d - 7; H - 2,9 см. 2 экземпляра из п. 42 и 45.

Аналогии: Пантикапей[25]. Дата: вторая половина (скорее, последняя четверть) I в. н.э. Тарелки этого варианта наиболее точно имитируют италийские прототипы, для которых были характерны плоское дно, высокий кольцевой поддон и вертикальный бортик[26].

1.3. (Табл. 2; Каталог № 13). Большое блюдо с прямым бортиком, край отогнут; на высоком кольцевом поддоне; дно изнутри немного вогнуто в центре, что сближает эту тарелку с Каталог № 10. Клеймо *planta pedis,* вписанное в окружность, обрамленное двумя кольцевыми нарезками. Размеры: D - 27,5; d - 15,8; H - 5.8. 1 экз. из п. 6.

Дата*:* вторая половина I в. н.э. Несмотря на то, что комплекс погребения частично разрушен, из сохранившегося инвентаря упомяну обломки меча, краснолаковую ойнохою, подвязную фибулу с овально расширенной спинкой VI (лебяжьинской) серии, вариант 2[27], а также шарнирную дуговидную фибулу (возможно, локальный вариант фибул типа AVCISSA).

Форма 2. Мелкие тарелки с прямым бортиком; глубина тарелки приближается к высоте бортика. Отличаются от формы 1 большей глубиной. У большинства экземпляров дно плоское (Книпович, тип 7(М) = Труфанов, тип III - Г).

2.1. (Табл. 3; Каталог № 14-21). Бортик прямой или слабо вогнутый, край слабо отогнут, скруглен или немного подрезан. В верхней части бортика могут быть сделаны кольцевые нарезки. Клейма: *planta pedis* или четырехугольной формы со скругленными углами, внутри - две пересекающиеся крест-накрест ветки (Каталог № 15). У одной тарелки (Каталог № 17) четырехугольное клеймо со скругленными углами (вероятно, стилизация двустрочного

клейма с надписью) аналогична клейму на тарелке формы 4.1 (Каталог № 45) и клейму на миске формы 21.2 из того же некрополя. Декор - кольцевые нарезки или несколько рядов насечек. Размеры: D - 13,5-19,8; d - 6,2-8,7; H - 3,3-4,7 см. 8 экз. из п. 9, 54, 153, 156, 160, 187, 191, 313.

Аналогии*:* Мирмекий[28]; Кепы, склеп 253, костяк 1[29], Золотое, могила 51[30]; Ново-Отрадное[31]; Танаис[32]; Добруджа[33]; некрополь у с. Садово, Асеновградско[34]. Дата: По Т.Н. Книпович - вторая треть I в.[35], в Кепах аналогичная тарелка происходит из комплекса второй половины I в., так же как и могила из Ново-Отрадного[36]. Бельбекские тарелки (Каталог № 14-16) также можно отнести ко второй половине I в. н.э. Каталог № 20-21 – к концу I - началу II в. н.э., а Каталог № 17-19 - к первой половине II в. н.э. В п. 160 найден стеклянный бальзамарий типа I, 2А (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной - середина - третья четверть I в. н.э.), краснолаковые кувшин и горшочек, смычковая фибула. Таким образом, этот комплекс может быть отнесен ко второй половине (скорее, к последней четверти) I в. н.э., возможно, до начала II в. н.э. Погребение 187 было датировано И.И. Гущиной и Н.П. Сорокиной третьей четвертью I в. н.э. на основании стеклянных бальзамария и амфориска[37]. Учитывая наличие в могиле смычковой фибулы, можно смело расширить дату комплекса до второй половины I в. н.э. В п. 313 тарелка найдена в комплексе с кубком формы 31, которые относятся в основном к первой половине II в. н.э. Это, очевидно, самый поздний комплекс, содержавший тарелку этого варианта.

2.2. (Табл. 4; Каталог № 22-32). Близка форме 2.1, но бортик тарелок вогнут сильнее. У Каталог № 30 в нижней части бортика над ребром сделана глубокая нарезка. Клейма *planta pedis*, окруженные кольцевой нарезкой, с двустрочной надписью НΛІ/ОС внутри, окруженное 3 рядами насечек и овальных вдавлений. Последнее клеймо вызывает особенный интерес в связи с тем, что *planta pedis* на нем сдвоенная. Каталог № 31 - розетта. Каталог № 26 и 27, несомненно, вышли из одной мастерской, о чем свидетельствует идентичность оформления сосудов и характер лакового покрытия. Граффити: Н и крест. Размеры: D – 12-20,9; d - 5,5-10,3; H - 2,9-4,8 см. 11 экз. из п. 22, 31, 135, 199, 205, 208, 209, 301, 304, 310, а также случайная находка 1970 г. Условно сюда же отнесена одна тарелка (Каталог № 25), форма которой, скорее, биконическая, а также Каталог № 85. Также условно к этому варианту относится Каталог № 79, напоминающий также тарелки формы 1.1.2.

Аналогии*:* Усть-Альминский некрополь, склеп 533[38]; для Каталог 28 - Усть-Альминский могильник (материал не издан, сообщение А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева); частная коллекция, Москва - с клеймом НΛІ/ОС. Дата: последняя четверть I - начало II в. н.э. В п. 22 помимо тарелки найдены два краснолаковых кувшина, два кубка, бронзовая лучковая подвязная фибула 2 варианта по А.К. Амброзу (с нижней тетивой), два браслета типа VIII-Б по А.А. Труфанову[39]. В п. 31 найдена маленькая бронзовая фибула с завитком на конце приемника группы 13, вариант 3[40]. Погребение 199 можно отнести к последней четверти I - началу II в. н.э. (с ним найден обломок гладкого дисковидного зеркала и краснолаковая чаша); п. 135 датируется последней четвертью I - началом II в. н.э. Эту дату подтверждает и пружинная фибула-брошь с изображением орла из п. 208[41]. В п. 205 и 209 эти тарелки обнаружены в комплексе вместе с однотипными краснолаковыми кувшинами; в п. 209 также найдена смычковая фибула. В пп. 301, 304 и 310 из комплексов происходит краснолаковая керамика, лучковые подвязные фибулы 2 варианта по А.К. Амброзу, смычковая фибула, бронзовое гладкое дисковидное зеркало с ручкой и т.п.

Форма 3. Форма тарелок близка ф. 2, но глубина у большей части сосудов превышает высоту бортика. Соответственно, они имеют большие размеры и более толстые стенки*. Бортик отогнут сильнее, чем у тарелок предыдущих форм (Каменецкий, тип V = Труфанов, тип II - А и III - Г).

3.1.1. (Табл. 5, Каталог № 33-39). Бортик тарелок сильно отогнут, плавно завершаясь скругленным и подрезанным с внутренней стороны краем, ребро между стенками и бортиком сильно выступает. Клеймо в рамке *tabula ansata* ГА(І)ОУ, у второй тарелки - *planta pedis* большого размера (редкий экземпляр); у остальных - *planta pedis*, окруженное небрежно выполненными тремя рядами неглубоких насечек; декор - по две концентрические бороздки в центре дна. Размеры: D - 19,0-21,6;

d - 7,5-10,2; H - 4,6-5,5 см. Сохранились следы вращения на круге, поверхность сосудов небрежно заглажена, нижняя часть неровная. Характер изготовления и покрытия идентичен; несомненно, что Каталог № 33-35 - изделия одной мастерской. 6 экз. из п. 2, 25, 34, 39(2), 40 и 210.

Аналогии: Усть-Альминское городище[42] с клеймом ΓΑΙΟΥ в рамке tabula ansata. Т.Н. Высотская необоснованно считает этот сосуд «самосским» лишь на основании присутствия слюды в тесте сосуда. Усть-Альминский некрополь, могила 430[43]; Курган Мамай-Оба[44]; Илурат[45]. Л.Ф. Силантьева отмечает приблизительное сходство этого типа с экземпляром из раскопок Пергама; Ново-Отрадное, могилы 43 и 44-45[46]; Подазовское городище[47]; Нижне-Гниловское городище[48]. Дата: по Л.Ф. Силантьевой - I в. н.э.[49]. И.С. Каменецкий сужает эту дату до середины второй половины I в. н.э.[50]. Тарелки из Ново-Отрадного с клеймами *planta pedis* датируются второй половиной I в. н.э.[51]. В п. 25 такая тарелка найдена с кубком с орнаментом *en barbotine*, в п. 34 - с миской ESB форма 40 по Дж. Хейсу и лучковой подвязной фибулой 2 варианта по А.К. Амброзу. В п. 40 помимо большого набора краснолаковой посуды найдены две фибулы со спиральным завитком на конце приемника, относящиеся к группе 13, варианту 3[52]. Тарелки этого варианта могут быть датированы второй половиной I в. н.э., возможно, до начала II в. н.э.

К этому же варианту условно может быть отнесена тарелка из п. 194 (Табл. 6; Каталог № 36) с высоким прямым бортиком и сильно отогнутым краем; ребро сильно выступает. Стенки тарелки в нижней части скруглены. Клеймо *planta pedis*, обрамленное тремя кольцевыми бороздками. Размеры: D - 21,1; d - 9,2; H - 5,4 см.

Дата: для Каталог № 36 - та же, что и у остальных сосудов этого варианта. В могиле 194 открыт большой комплекс краснолаковой посуды, а также найдены два браслета с окончаниями в виде змеиных головок типов III и V[53] и гладкое дисковидное зеркало (дата комплекса – последняя четверть I в. н.э.).

3.1.2. (Табл. 6; Каталог № 40-41). Тарелки большего диаметра и глубины, чем форма 3.1.1. Край слабо отогнут; наверху подрезан, дно немного понижается к центру. Клейма *planta pedis*, окруженные 1-3 кольцевыми нарезками. Размеры: D - 26,3-27,4: d - 14,8-16,2; H - 5,6-6,3 см. 2 экз. из п. 176, 183.

Аналогии: Херсонес[54]; Томы[55]. Дата: вторая половина I - возможно, начало II в. н.э. В одном из наиболее богатых погребений некрополя № 176 обнаружены фибула с завитком на конце приемника, золотые серьги, две глиняные курильницы, костяная пиксида, шкатулка с костяными деталями и т.п. В п. 183 тарелка найдена с большим набором краснолаковой посуды, включая чашу (пиксиду) ESB формы 65 по Дж. Хейсу, а также лучковой подвязной фибулой 2 варианта, шкатулкой, колокольчиком и другим инвентарем. Дата могилы не выходит за конец I в. н.э. Таким образом, для этого варианта в целом может быть предложена дата - вторая половина I, возможно, начало II в. н.э.

3.2. (Табл. 6; Каталог № 42). Большая тарелка (фактически блюдо) со слабо отогнутым низким бортиком, массивный край сильно отогнут почти под прямым углом, край его подрезан. Клеймо *planta pedis,* окруженное двумя концентрическими бороздками. D - 28; d - 15,5; H - 5,6 см. 1 экз. из п. 203 (Knipowitsch, тип 19а =Книпович, тип 6(М)=Каменецкий, тип 5, вар. 5).

Аналогии: Ольвия[56]; Мирмекий[57]; Нижне-Гниловское городище[58].

Дата: по Т.Н. Книпович - вторая треть I в.[59]. И.С. Каменецкий датирует подобные сосуды второй половиной I - II вв.[60]. В могильнике Бельбек IV - вторая половина I, возможно, до начала II в. н.э. При этом в комплексе обнаружен ранний бальзамарий, близкий типу I, 2А боспорской классификации[61], фибула со спиральным завитком на конце приемника, краснолаковые сосуды понтийской сигиллаты: чаша формы V по Дж. Хейсу, кувшин и гуттус. Датировку подтверждает и планиграфия некрополя.

3.3. (Табл. 6; Каталог № 44). Тарелка со слабо отогнутым бортиком, край немного отогнут; в нижней части бортика над ребром - глубокий желобок. Клеймо *planta pedis*, окруженное кольцевой нарезкой. Глина - плотная, розово-красная; лак - красно-оранжевый, изнутри несколько более темный, с бурыми пятнами; нижняя часть без покрытия, подтеки. Размеры: D - 18,1; d - 7,9; H - 4,8 см. 1 экз. из п. 200. Дата: последняя четверть I в. н.э. В погребении были найдены фаянсовая подвеска в виде гениталий, два краснолаковых сосуда,

бронзовое гладкое дисковидное зеркало и другие предметы.

К этому же варианту можно отнести тарелку из п. 182 (Табл. 6; Каталог № 43) с вогнутым бортиком, край оформлен в виде утолщения бортика. На внутренней стороне дна - два ряда насечек по окружности. Размеры: D - 20; d - 8,8; H - 5,3 см. Дата*:* первая половина II в. н.э. В могиле, помимо тарелки, найден стеклянный бальзамарий типа I,2,Б по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, смычковая фибула, краснолаковые кружка и кувшин, браслет с зооморфными головками варианта VI А, по А.А. Труфанову, бусины из египетского фаянса.

Форма 4. Глубокие тарелки на кольцевом поддоне с прямым или вогнутым невысоким бортиком, стенки тарелки скруглены в нижней части, придавая ей полусферическую форму. Клейма у большинства экземпляров отсутствуют, декор минимальный (Труфанов, тип III – Д).

4.1. (Табл. 7; Каталог № 45-46). Глубокие тарелки, низкий бортик почти прямой, слабо вогнут, край косо подрезан с внешней стороны. Дно сосудов плоское или имеет небольшой выступ изнутри в центре. Клеймо ромбической формы со скругленными углами, аналогичное Каталог № 17, окруженное 3 кольцевыми нарезками. Декор - *rouletting* из двух рядов двойных вдавлений. Размеры: D - 20,9-23,1; d - 9,1-10; H - 6,9-7 см. 2 экз. из п. 137, 168.

Дата: первая половина II в. н.э. П. 168 датируется первой четвертью (первой половиной?) II в. н.э. Здесь найдены краснолаковые чаша ESB формы 70 по Дж. Хейсу и кубок понтийской сигиллаты, а также пружинная фибула (возможно, была с кнопкой на конце приемника)[62]. В п. 137 найдены краснолаковые кувшин и кружка; близость клейма на тарелке формы 2.1 (Каталог № 17) уже отмечалась выше. Комплекс п. 160, откуда она происходит, был датирован второй половиной I - началом II в. н.э.

Кроме того, к этому варианту относится тарелка из п. 47 (Табл. 7; Каталог № 48) с сильно вогнутым бортиком, край слабо выделен, в верхней части бортика - нарезка. Стенки тулова массивные, неровные, дно вогнуто. На дне - клеймо *planta pedis* в сандалии, окруженное двумя рядами овальных вдавлений, расположенных по окружности. Размеры: D - 19,7; d - 8,5; H - 5,4 см.

В п. 47 найдены зеркало-подвеска, пирамидальный колокольчик, краснолаковая кружка и стеклянный бальзамарий типа I,2, В по боспорской классификации (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной - середина I - вторая четверть II в. н.э.). Этот комплекс можно отнести к последней четверти I - началу II в. н.э.

4.2. (Табл.7-9; Каталог № 48-72). Глубокие тарелки с низким вертикальным или немного вогнутым бортиком, край отогнут и скруглен. Отличаются от варианта 4.1 меньшими размерами. В верхней и нижней части бортика может быть сделана кольцевая нарезка. Дно сосудов обычно плоское, но может быть слегка выпукло. Клейма у Каталог № 103 (овальной формы) и у Каталог № 108 (плохо отпечатано). Ряд тарелок декорирован поясками из различных насечек (*rouletting*). Размеры: D - 13,2-20,6; d - 5,2-8,3; H - 3,3-6 см. Глина: светло-серая, близкая к белой; светлая красно-коричневая, розоватого оттенка; красновато-коричневая, рыхлая, с включением блесток и мелких камешков. Лак: красно-оранжевый, матовый. У сосудов, сделанных из светло-коричневой глины, буро-красно-коричневый, иногда сургучный низ не покрыт, подтеки, двойное покрытие у 1 экземпляра. На отдельных экземплярах заметны следы ротации, отпечатки пальцев на покрытии и даже керамический брак. У тарелки из п. 200 (Каталог № 113) - граффито в виде сарматского знака. 22 экз. из п. 36, 53, 77, 80, 83, 92, 117, 130, 200, 227, 228, 235, 238, 249; 261; 264, 268; 277, 325, 329 и 2 случайные находки.

Аналогии*:* Неаполь Скифский, могилы 28, 41, 43 и др.[63]; Восточный некрополь, могилы 68[64]; Усть-Альминский могильник[65]; Илурат[66]; Мирмекий[67]; Кепы, склеп 354, костяк 2; склеп 88; склеп 61, костяк 2[68]; Усть-Альминский некрополь, склеп 703[69]; Скалистое III[70]; Танаис, подвал Р, усадьба 19[71]; Мысхако[72]; Пантикапей[73]; Истрия[74]; Афинская агора[75].

Дата: Эта форма тарелок является развитием форм 2.1 и 2.2, отличаясь значительной глубиной, и существует в течение всего II в.н.э. [6], а также заходит в первую половину III в. н.э. Возникновение этой формы можно отнести к концу I в. и к началу II в.[77], когда эти сосуды еще клеймили. Поздний вариант такой тарелки представлен в Усть-Альминском некрополе, где по монете Антонина Пия она датируется третьей четвертью II в. н.э.[78]; при этом на сосуде еще сохраняется орнаментация центральной части дна. Бельбекские сосуды относятся ко времени не

ранее первой четверти II в. н.э.

Так, датировка комплекса погребения 36 - первая половина II в. н.э. В могиле найден кувшин формы 5, который происходит из комплекса этого времени, железная фибула, близкая фибулам группы 13 по А.К. Амброзу с гладким корпусом и завитком на конце приемника, бронзовая круглорамчатая пряжка с железным язычком. Комплекс п. 53 датируется концом I - первой половиной II в. н.э. Там был найден также краснолаковый кубок формы 31, три бронзовых колокольчика и лучковая подвязная фибула 3 варианта по А.К. Амброзу. В п. 77 была найдена узкогорлая светлоглиняная амфора типа С по Д.Б. Шелову[79]. Эта амфора, а вслед за ней и весь комплекс погребения, датируется первой половиной – серединой II в. н.э.[80]. Так же датируются п. 80, 83, 130, 235 (с миской ESB форма 40 по Дж. Хейсу). В п. 92, которое датируется первой половиной (возможно, первой четвертью) II в. н.э., найдены краснолаковые кувшин и кружка, а также смычковая фибула. Могила 117 может относиться ко второй-третьей четверти II в. н.э., исходя из планиграфии некрополя, а также из датировок краснолаковых кувшина и кружки, железной лучковой подвязной фибулы 3 варианта по А.К. Амброзу. Здесь же найден бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок типа VI А по А.А. Труфанову[81]. В п. 329 найден стеклянный бальзамарий типа I, 2Г[82] и краснолаковая миска понтийской сигиллаты В, которая в могильнике в целом датируется в пределах 2-3 четвертей II в. н.э.

Дата п. 227 - вторая-третья четверть II в. н.э. В п. 228 (середина - третья четверть II в.) найден стеклянный бальзамарий, близкий типу I, 2Г, лучковая подвязная фибула 3 варианта по А.К. Амброзу и краснолаковый кувшин. Среди богатого инвентаря п. 238 (вторая-третья четверти II в. н.э.) - бальзамарий типа I, 2Г, лучковая подвязная фибула со сплошной простой обмоткой 4 варианта по А.К. Амброзу, шарнирная фибула с ромбовидным щитком, украшенным эмалью[83], бронзовые браслеты с окончаниями в виде змеиных головок типов VI А и VII А по А.А. Труфанову[84]. Погребение 264, в котором найдены зеркало-подвеска с тамгой, смычковая фибула, стеклянный бальзамарий типа I, 2Г по боспорской классификации и краснолаковая кружка, находится на участке некрополя второй половины II в. н.э.

На Афинской агоре близкие по форме экземпляры датированы первой половиной II в.[85], в Танаисе - II в. н.э.[86], в Пантикапее - около середины II в. н.э.[87]. Подобная тарелка происходит из ямы 99 в Мысхако, которая может быть отнесена к первой половине III в. н.э.[88].

Группа сосудов происходит из могил второй половины II - первой половины III в. н.э. В п. 249 (вторая половина II - начало III в. н.э.) найдены краснолаковый кувшин и кружка, фрагментированная лучковая фибула 4 варианта по А.К. Амброзу. Сосуд из п. 264 также может быть отнесен ко второй половине II в. н.э. В п. 261 (конец II - начало III вв. н.э.) обнаружена фрагментированная лучковая фибула «инкерманского типа», датируемая второй половиной II - III вв. н.э.[89], стеклянные бальзамарий типа I, 2Г и чаша[90], краснолаковый кувшин, браслет типа VI Б по А.А. Труфанову[91], три бронзовые круглорамчатые пряжки с прямоугольными нефасетированными щитками типа П1[92]. В п. 325, относящемся ко второй половине II - началу III в. н.э., найдены два браслета с зооморфными окончаниями типов VI А и VI Б[93] и нефасетированный наконечник-подвеска пряжки типа Н1[94].

К этой же форме примыкает тарелка из п. 116 (Табл. 7; Каталог № 49). Бортик тарелки прямой, край скруглен; высокий кольцевой поддон, внутренняя образующая которого скошена к центру. Декор: две кольцевых нарезки. Размеры: D - 23,3; d - 9; H - 5,4 см. Условно к той же форме относится тарелка из п. 218 (Табл. 7; Каталог № 50), орнаментированная широкой кольцевой нарезкой.

Аналогии: Танаис, подвал Р, усадьба 19[95]; Истрия[96]. Дата: в материалах Танаис такие сосуды датируются II в. н.э.[97]. Комплекс п.116 имеет широкую дату - II в. н.э. (наиболее вероятно - 2-3 четверть столетия). В могиле также найдены железная пряжка и лучковая подвязная фибула 3 варианта по А.К. Амброзу.

Условно к этому варианту относится глубокая тарелка полусферической формы (Табл. 9; Каталог № 72), бортик почти вертикален, ребро слабо выступает за линию бортика, край скруглен и чуть подрезан с внешней стороны. Высокий массивный кольцевой поддон, дно плоское. На внутренней стороне дна - 2 кольцевые бороздки, окруженные беспорядочными нарезками, сделанными, очевидно, ножом или другим острым предметом. Размеры: D - 13,6; d - 6,8; H - 4,5. Глина светлая, розовато-коричневая, с мелкими

блестками. Лак оранжевый. 1 экз. из п. 115.

Дата: комплекс погребения может быть датирован по аналогии с п. 116 II в. н.э. (скорее всего, в пределах 2-3 четвертей столетия). В могиле также найдены краснолаковые кувшин, чаша и кружка.

Возникшая где-то во второй четверти/ середине I в. н.э. понтийская сигиллата на протяжении более двух столетий доминировала на территории Причерноморья. Как уже отмечалось, неоднородность этой группы керамики позволяет утверждать, что центров производства этой посуды было, по крайней мере, несколько[98]. При этом все эти центры изготавливали однотипную посуду, лишь немного различающуюся в деталях и по, всей видимости, восходящую к одному прототипу. Прототипом формы I по Дж. Хейсу (наши формы 1-4), по всей видимости, была италийская сигиллата[99]. Форма 20 италийского производства, близкая также форме 18 и подразделенная, в свою очередь, на ряд вариантов, начала производиться еще в августовское время и просуществовала с небольшими модификациями до середины I в. н.э. или даже несколько позднее. Также отмечу близость понтийских тарелок к чандарлийской керамике типов А2-3 по З. Лешке[100]. Кроме того, тарелки близкого облика фиксируются и среди Восточной сигиллаты А, производимой в Сирии (формы 35, 36 и 37 по Дж. Хейсу)[101]. В целом эти формы могут быть датированы 60-100 гг. н.э.[102]. Можно предположить, что такое распространение близких по форме сосудов в различных регионах античного мира было вызвано, в первую очередь, удобством этой формы как в бытовом использовании, так и для упаковки и транспортировки, что, в свою очередь, несомненно способствовало ее дешевизне. Основные приемы орнаментации также пришли из Италии, правда, иногда опосредованно, через иные группы восточной сигиллаты, в первую очередь ESB. Но особенно влияние италийской сигиллаты проявилось в характере клеймения. Господствующим типом клейма в понтийской сигиллате становится *planta pedis*, впервые возникшая именно на керамике италийского производства в послеавгустовский период (15-20 гг. н.э.). Единственным отличием от италийского прототипа стало то, что на сосудах понтийского производства клейма в виде отпечатка ступни, за редким исключением, были анэпиграфны. Широко известно, что в керамическом производстве римского времени активно использовался «импорт мастеров», т.е. переезд их с места на место. Не исключено, что клеймо ΓAIOY в рамке *tabula ansata* на одной из наших тарелок (Каталог № 40) также служит подтверждением влияния италийских традиций на начальный этап производства понтийской сигиллаты. Римское имя Гай, переданное на греческий манер, могло принадлежать мастеру, специально приглашенному для работы из Италии или провинций.

Planta pedis появляется на понтийской сигиллате в середине I в. н.э. и существует, как минимум, до первой четверти II в. н.э., постепенно превращаясь в стилизованное изображение[103]. Во второй половине II в. клеймение открытых сосудов отсутствует, и единственным украшением сосуда остается лишь поясок примитивного циркульного орнамента в центральной части дна тарелок и мисок.

Рассмотренные выше тарелки являются одними из наиболее представительных форм сосудов в исследуемых могильниках: их обнаружено 72 экземпляра, что составляет 12% всего керамического комплекса. Как один из основных типов понтийской сигиллаты[104] тарелки формы I по Дж. Хейсу были мало подвержены морфологическим изменениям[105]. Можно проследить лишь тенденцию к увеличению объемов сосудов с I по III вв. н.э. Если наиболее ранние тарелки имеют сравнительно высокий кольцевой поддон, вертикальный бортик и низкие стенки, то начиная с начала II в. н.э. в их облике происходят заметные изменения. Слегка изменяется бортик тарелок, который становится более вогнутым; при этом форма края остается практически одной и той же (степень его отгиба не является хронологическим признаком и, возможно, произвольно определялась мастером). Начиная с конца I в. н.э. объем тарелок увеличивается, сосуды становятся глубже, а высота поддона, напротив, уменьшается. Как справедливо замечала еще Т.Н. Книпович, контуры сосуда становятся менее четкими, более расплывчатыми, резкие переходы от тулова к бортику сглажены. Отмечу, что на ряде тарелок второй половины II и даже первой половины III в. н.э. низкий бортик практически вертикальный (видимо, из-за незначительных размеров его просто не было смысла отгибать).

Стенки сосудов становятся заметно толще, но характер лакового покрытия практически не меняется до конца II в. н.э. Во II в. н.э. качество лака часто ухудшается, хотя известны экземпляры этого периода, покрытые ровным слоем блестящего лака. Клейма на этих тарелках появляются с середины I в. н.э. и обычно представляют собой *planta pedis*. С конца I - начала II в. н.э. они становятся все более и более стилизованными и вырождаются ко второй четверти II в. н.э. в штампы овальной формы. Интересно отметить, что одним штампом могли быть сделаны оттиски на тарелках разных форм (например, форм 2.1 и 4.1 - Каталог № 17, 45) и краснолаковой миске. До середины II в. н.э., а возможно, и несколько позднее на тарелках иногда продолжают ставить штампы - пальметты, розетты и т.п. Разумеется, подмеченное еще Т.Н. Книпович ухудшение качества выделки также имело место, при этом в тесте сосудов появляется заметно больше примесей (в частности, известковые включения). Нельзя исключить, что это может говорить и о смене центра-производителя этих тарелок, в том числе и о производстве локальных имитаций, например, в близлежащем Херсонесе[106].

Орнаментация дна тарелок и мисок пояском из насечек (*rouletting*) сохраняется как минимум до третьей четверти II в. н.э.[107], а кольцевая бороздка, опоясывающая центральную внутреннюю часть дна, встречается и позднее. Один из наиболее поздних известных мне экземпляров тарелок, орнаментированных насечками вокруг центра, происходит из нижнего яруса могилы 67 могильника Дружное, которое датировано автором публикации второй четвертью III в. н.э.[108] Впрочем, судя по тому, что в могиле найдена только часть тарелки, да и то со следами ремонта в древности, можно предположить для нее дату в пределах второй половины II в. н.э.

К середине III в. н.э. эти тарелки представляют собой высокие толстостенные сосуды с нечеткой профилировкой - практически полностью выродившийся тип сосуда. А.А. Труфанов отнес сосуды второй половины III - первой половины IV в. н.э. к типу IV своей классификации.[109] В это время на смену тарелкам формы I по Дж. Хейсу начинают приходить новые типы сосудов, возможно, относящиеся к группе понтийской позднеримской керамики (*Pontic Red Slip Ware*). Специальному исследованию этой посуды посвящены работы К. Домжальски[110].

Необходимо отметить, что тарелки Мезийской (?) сигиллаты, опубликованные Б. Султовым, морфологически необычайно близки понтийской сигиллате[111], но при этом они датируются более поздним временем (со второй половины II в. н.э.). Эта датировка подтверждается римскими монетами II-III вв. н.э. Если клейма в виде *planta pedis* исчезают на сосудах понтийской сигиллаты в начале II в. н.э., то на мезийской сигиллате они существуют и во II и даже в III в. н.э., причем клейма ставились не только по одному, но и по несколько рядом; тем же штампом украшались и стенки сосудов. Нельзя исключить, что мезийская сигиллата приходит на смену понтийской сигиллате А (хотя некоторое время они и сосуществуют). Правда, этот вопрос в силу отсутствия большого числа публикаций керамического материала представляется мне пока неразрешимым.

* На основании изучения сотен аналогичных тарелок в различных музеях, могу отметить, что фиксируется тенденция увеличения толщины стенок у более поздних экземпляров тарелок с вертикальным бортиком. Впрочем, иногда это напрямую связано с размерами сосуда, а не только с общим ухудшением качества краснолаковой керамики.

КАТАЛОГ

В связи с тем, что физико-химические исследования краснолаковой керамики из бельбекских могильников только начаты и у нас нет возможностей указать на локальные различия глин, ниже предлагается разделение глины сосудов *Понтийской сигиллаты А*, встреченных в некрополях бельбекской долины, на следующие группы:

Глина I. Светло-коричневая, плотная, с включениями мелких блесток (10YR/2.5Y 7/4-7/6).

Глина II. Красно-коричневая, плотная, с включениями блесток и известковых включений (2.5YR 5/6-5/8).

Глина III. Розово-красная, очень плотная, с известковыми включениями и отдельными блестками (2.5YR 5/6 - 4/6).

Глина IV. Возможно, вариант глины I. Белая, очень плотная (10YR 8/3-8/4).

Соответственно, для лакового покрытия также выделены группы, номера которых соответствуют номерам групп глины, с которыми они в основном встречены (хотя известны и исключения):

Лак I. Оранжево-красный (2.5 YR 5/6-5/8).

Лак II. Светло-коричневый (10R 5/3-4/3), с бурыми подтеками.

Лак III. Буро-красный (2.5YR 4/8), иногда темные пятна (2.5YR 3/6); с металлическим блеском.

Лак IV. Ярко-красный, близкий бордовому (2.5YR 4/4 - 4/6), иногда имеет оттенок Лака II (светло-коричневый).

Не исключено, что все эти локальные группы связаны с определенными центрами производства, которые предстоит еще выявить в будущем. Говорить о гомогенности понтийской сигиллаты у нас никаких оснований нет.

Каталог № 1 (Табл. 1). Тарелка на высоком кольцевом поддоне; высокий бортик практически вертикальный, переход стенок тулова в бортик образован выступом в виде ребра; край отогнут и подрезан с внутренней и внешней стороны. Центральная часть дна окружена широкой кольцевой бороздкой и орнаментом в виде пояска насечек. Размеры: D - 20, 2; d - 8,4; H - 5,4 см. Глина: IV; лак: II; низ не покрыт, подтеки. Найдена в п. 26 (1970).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 25.

Каталог № 2 (Табл. 1)[112]. То же, что Каталог № 1; глубина тарелки немного меньше, бортик слабо отогнут, край имеет меньший отгиб. Изнутри на стенках сделаны две неглубокие кольцевые бороздки. На дне - клеймо *planta pedis,* оттиснутое поверх узкой кольцевой бороздки и окруженное, в свою очередь, двумя кольцевыми бороздками. Размеры: D - 20,3; d - 9,3; H - 4,4 см. Глина: I; лак: I; нижняя часть не покрыта, подтеки. Найдена в п. 38 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 108.

Каталог № 3 (Табл. 1)[113]. Тарелка по форме близка Каталог № 1, край слабо отогнут. На дне клеймо в виде пересекающихся ветвей (?), окруженное широким кольцевым пояском из четырех рядов насечек. Размеры: D - 14,6; d - 6,3; H - 3,6 см. Глина - желто-коричневая (5YR 6/6), с включениями слюды; лак: I, с металлическим блеском; покрыта полностью, за исключением поддона. Найдена в п. 13 (1969 г.).

ГИМ. Инв. № 101388. Оп. Б. 1566/ № 67.

Каталог № 4 (Табл. 1)[114]. То же, что Каталог № 1; бортик практически вертикальный, лишь немного вогнут в центре; край слабо отогнут и подрезан изнутри. На дне клеймо *planta pedis*, окруженное двумя кольцевыми нарезками. Размеры: D - 13; d - 6,4; H - 3,1 см. Глина: I; лак: I, местами бурый; нижняя часть без покрытия, подтеки. Найдена в п. 20 (1969 г.).

ГИМ. Инв. № 101388. Оп. Б. 1566/ № 102.

Каталог № 5 (Табл. 1)[115]. То же, что Каталог № 4, но бортик вогнут значительно сильнее. На дне клеймо *planta pedis*. Размеры: D - 13,5; d - 6,4; H - 2,9 см. Глина: III, с включениями блесток; лак: III, растрескавшийся при обжиге; нижняя часть не покрыта, подтек; двойное покрытие. Найдена в п. 24 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 10989. Оп. Б. 1578/ № 13.

Каталог № 6 (Табл. 1)[116]. Тарелка близка Каталог № 4, но бортик сильнее вогнут, край скруглен. На дне клеймо *planta pedis*. Размеры: D -12,2; d - 6; H - 3,1 см. Глина - светло-коричневая; лак коричневый; нижняя часть не покрыта, подтеки. На дне граффито -X (или перекрестье). Найдена в п. 156 (1974 г.).

ГИМ. Инв. № 103552. Оп. Б. 1640/ № 200.

Каталог № 7 (Табл. 1). То же, что Каталог № 4, дно более массивное, край сильно отогнут. На дне — кольцевая бороздка в центре, клеймо отсутствует. Размеры: D - 13,5; d - 6; H - 3,4 см. Глина: II; лак: I, блестящий; нижняя часть не покрыта; затеки, в том числе и на поддоне. Найдена в п. 181 (1979 г.).

ГИМ. Инв. № 104988. Оп. Б. 1896/ № 23.

Каталог № 8 (Табл. 1)[117]. Тарелка близка № 6, отличаясь лишь большей глубиной. Дно немного выпукло изнутри; орнамент в виде трех поясков (один из них двойной), клеймо отсутствует. Размеры: D -14; d - 6,6; H - 3,4 см. Глина: II; лак: I, местами красный с металлическим блеском; нижняя часть не покрыта, на ней заметны подтеки и пятна более темного цвета, а также отпечатки пальцев гончара. Найдена в п. 197 (1981 г.).

ГИМ. Инв. № 105577. Оп. Б. 1908/ № 78.

Каталог № 9 (Табл. 1). Тарелка близка Каталог № 7, бортик слабо отогнут, край достаточно массивен. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное неглубокой кольцевой бороздкой. Размеры: D - 13,5; d - 6,7; H - 3,2 см. Глина - светло-коричневая, с включениями блесток; лак - оранжево-красный; нижняя часть не покрыта, подтеки. Найдена в п. 204 (1982 г.).

ГИМ. Инв. № 105833. Оп. Б. 1909/ № 31.

Каталог № 10 (Табл. 1)[118]. То же, что Каталог № 7, бортик слабо вогнут, край отогнут, скруглен. Массивное дно изнутри сильно поднято в центре, высокий кольцевой поддон. На дне клеймо — сдвоенная *planta pedis*, окруженная пояском из двух рядов вдавлений. Глина: II; лак - ярко-красный (10R 5/8). Размеры: D - 13,3; d - 6,4; H - 3,7 см. Найдена в п.145 (1974 г.).

ГИМ. Инв. № 103552. Оп. Б. 1640/ № 119.

Каталог № 11 (Табл. 2). Мелкая тарелка на высоком кольцевом поддоне; по форме близка Каталог № 4, бортик

вертикальный, край слабо отогнут, под ним снаружи сделана узкая кольцевая бороздка. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное неглубокой кольцевой бороздкой. Размеры: D - 13,6; d - 7; H - 2,9 см. Глина - светло-коричневая, слоистая, с включениями блесток; лак - оранжево-красный; внутренняя часть поддона лаком не покрыта, затеки лака. Найдена в п. 42 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 152.

Каталог № 12 (Табл. 2)[119]. То же, что Каталог № 11, стенки более массивны. На дне клеймо *planta pedis*, окруженное неглубокой кольцевой бороздкой. Размеры: D - 13,8; d - 7; H - 3,1 см. Глина - оранжево-красная (2.5YR 5/6-6/6), плотная, с блестками, белыми включениями и пустотами. Лак: I, плотный; нижняя часть не покрыта. Найдена в п. 45 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ №152.

Каталог № 13 (Табл. 2)[120]. Большое блюдо с прямым бортиком, край отогнут, на высоком кольцевом поддоне, дно изнутри немного выпукло в центре. Клеймо *planta pedis,* вписанное в окружность; обрамленное двумя кольцевыми бороздками. Размеры: D - 27,5; d - 15,8; H - 5.8 см. Глина: I. Лак: I, покрытие равномерное, местами в нижней части оранжевый; низ не покрыт. На дне – граффито (?) в виде беспорядочно процарапанных линий. Найдено в п.6 (1969 г.).

ГИМ. Инв. № 101388. Оп. Б. 1566/ № 20.

Каталог № 14 (Табл. 3). Тарелка несколько большей высоты, чем Каталог № 3, с вертикальным бортиком, на кольцевом поддоне. В верхней части бортика снаружи сделана кольцевая бороздка. Край скруглен. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное двумя кольцевыми бороздками. Размеры: D - 19,8; d - 8,7; H - 4,7 см. Глина: I (чуть более розовая). Лак: изнутри - I, снаружи – несколько темнее, жидкий; подтеки, нижняя часть не покрыта. Найдена в п.9 (1969 г.).

ГИМ. Инв. № 101388. Оп. Б. 1566/ № 37.

Каталог № 15 (Табл. 3)[121]. Тарелка близкая Каталог № 4, бортик слабо отогнут; край скруглен. На дне клеймо в виде двух пересекающихся крест-накрест ветвей (?), окруженное двумя поясками из косых насечек. Размеры: D - 14,8; d - 6,5; H - 4,1 см. Глина: II; лак: I, местами бурые пятна, с металлическим блеском; нижняя часть не покрыта, пятна, подтеки. В донце сосуда пробито отверстие. Найдена в п. 54 (1971 г.).

ГИМ. Инв. № 102299. Оп. Б. 1591/ № 19.

Каталог № 16 (Табл. 3)[122]. То же, что Каталог № 5, но край слабо подрезан. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное узкой кольцевой бороздкой. Размеры: D - 13,5; d - 6,2; H - 3,3 см. Глина: II. Лак: I, метами красно-коричневый. Нижняя часть не покрыта, подтеки. Найдена в п. 153 (1974 г.).

ГИМ. Инв. № 103552.Оп. Б. 1640/ № 108.

Каталог № 17 (Табл. 3)[123]. То же, что Каталог № 5, край отогнут немного сильнее. На дне клеймо ромбической формы со скругленными углами (вероятно, стилизация двустрочного клейма с надписью – ср. Каталог № 45), окруженное широкими поясками из насечек и нарезок. Размеры: D - 14,4; d - 6,6; H - 3,7 см. Глина: II; лак - красный (10R 5/6-5/8), с блеском; поддон без покрытия. Найдена в п. 160 (1975 г.).

ГИМ. Инв. № 103774. Оп. Б. 1678/ № 29.

Каталог № 18 (Табл. 3)[124]. Тарелка, близкая Каталог № 16, но большей глубины; край слабо отогнут. На дне клеймо *planta pedis*, окруженное двумя рядами насечек. Размеры: D - 15,6; d - 6,3; H - 4,2 см. Глина: II; лак: I; поддон и нижняя часть сосуда не покрыты, пятна бурого цвета. С одной стороны – двойное покрытие лаком. Найдена в п. 187 (1979 г.).

ГИМ. Инв. № 104988. Оп. Б.1896/ № 97.

Каталог № 19 (Табл. 3). То же, что Каталог № 17, край слабо отогнут, подрезан и скруглен. На дне клеймо четырехугольной формы с орнаментом в низком рельефе в виде пересекающихся веток (?). Размеры: D - 17,2; d - 6,7; H - 4,3 см. Глина: желто-коричневая (7.5YR 6/6), с известковыми включениями. Лак: красный, местами - красновато-бурый (10R 4/6 - 4/8); нижняя часть сосуда не покрыта, подтеки, отпечатки пальцев гончара. Найдена в п. 313 (1990 г.).

ГИМ. Инв. № 108009. Оп. Б. 1965/ № 53.

Каталог № 20 (Табл. 3). То же, что Каталог № 19, но мельче. На дне клеймо *planta pedis*. На внешней стороне донца - граффито X. Размеры: D - 12,8; d - 6 см. Глина: I. Лак: I. Найдена в п. 156 (1974 г.).

ГИМ. Инв. № 103552. Оп. Б. 1640/ № 200.

Каталог № 21 (Табл. 3). То же, что № 19. На дне клеймо в виде колеса, окруженное кольцевой бороздкой. Размеры: D - 16,8; d - 7,4 см. Глина: I. Лак - буро-красный (2.5YR 4/8 - 3/6); низ не покрыт, подтеки. Найдена в п. 191 (1981 г.)

ГИМ. Инв. № 105577. Оп. Б. 1908/ № 2.

Каталог № 22 (Табл. 4). Тарелка на кольцевом поддоне, с сильно вогнутым бортиком, ребро скруглено. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное кольцевой бороздкой. Размеры: D - 20,9; d - 10,3; H - 4,5 см. Глина: I; лак: I; вся поверхность покрыта, кроме поддона. На поддоне - следы потертости от использования, а на внутренней части дна - следы от ножа (?). Найдена в п. 205 (1982 г.).

ГИМ. Инв. № 105833. Оп. Б. 1909/ № 45.

Каталог № 23 (Табл. 4). То же, что Каталог № 19, но бортик тарелки вогнут сильнее, край сильно отогнут. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное кольцевой нарезкой. Граффито Х (или перекрестье) на донце. Размеры: D - 15,3; d - 6,8; H - 4 см. Глина: I; лак: I, буро-красный, местами - коричневый, пятнами даже на дне; нижняя часть не покрыта, подтеки, отпечатки пальцев гончара. На внутренней поверхности дна – следы использования – нарезки (от ножа (?)). Найдена в п. 208 (1982 г.).

ГИМ. Инв. № 105833. Оп. Б. 1909/ № 76.

Каталог № 24 (Табл. 4). Низкая тарелка на кольцевом поддоне, край сильно отогнут. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное кольцевой нарезкой. Размеры: D - 14,2; d - 6,7; H - 3,1 см. Глина: I. Лак: I, с затеками в нижней части; покрытие небрежное, сохранились отпечатки пальцев гончара. Найдена в п. 209 (1982 г.).

ГИМ. Инв. № 105833. Оп. Б. 1909/ № 89.

Каталог № 25 (Табл. 4). Мелкая тарелка со скошенным внутрь бортиком, венчик отогнут и подрезан с внутренней стороны, поддон высокий. Дно изнутри немного поднято в центре. Размеры: D - 14,2; d - 6,6; H - 3,5 см. Глина: IV. Лак: IV, плохого качества; низ и поддон не покрыты, отпечатки пальцев гончара. Случайная находка 1970 г.

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 203.

Каталог № 26 (Табл. 4)[125]. Крупная тарелка с сильно вогнутым бортиком, на дне четко оттиснутое клеймо *planta pedis,* окруженное двумя кольцевыми нарезками. Размеры: D - 18,9; d - 8,1; H - 4,8 см. Глина - светло-коричневая, местами чуть розоватая (5YR 7/6); лак - красный (2.5 YR 5/8), местами пятна более светлого тона (5 YR 6/8); нижняя часть не покрыта, подтеки. На донце – граффито Н. Найдена в п. 301 (1989 г.).

ГИМ. Инв. № 107852. Оп. Б. 1962/ № 36.

Каталог № 27 (Табл. 4)[126]. То же, что Каталог № 26. Размеры: D - 19,8; d - 8,7; H - 4,6 см. Глина и лак - как у Каталог № 79. Найдена в п. 304 (1989 г.).

ГИМ. Инв. № 107852. Оп. Б. 1962/ № 59.

Каталог № 28 (Табл. 4)[127]. Тарелка близка Каталог № 26, но стенки бортика вогнуты значительно сильнее. На дне клеймо в виде сдвоенной *planta pedis* с двустрочной надписью ΗΛΙ/ΟC внутри, окруженное 3 поясками из насечек и овальных вдавлений. Размеры: D - 16,7; d - 5,9; H - 4,5 см. Глина - розово-красная (5YR 7/8), плотная, с незначительными белыми включениями и блестками. Лак - красный (2.5 YR 6/8), с незначительным блеском; низ без покрытия, пятна лака. На тарелке отчетливо видны небольшие следы брака – она неровная, а с одной стороны ее «повело» в результате обжига. Найдена в п. 310 (1990 г.).

ГИМ. Инв. № 108009. Оп. Б. 1965/ № 15.

Каталог № 29 (Табл. 4)[128]. Мелкая тарелка с сильно вогнутым бортиком, на высоком кольцевом поддоне; край подрезан сверху. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное неровной нарезкой. Размеры: D - 12; d - 5,5; H - 3,1 см. Глина: I; лак: I, местами бурый; нижняя часть не покрыта, подтеки; двойное покрытие. Найдена в п. 22 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 5.

Каталог № 30 (Табл. 4)[129]. Тарелка с массивными стенками, бортик почти вертикальный, с двумя нарезками в нижней и верхней части; ребро сильно выступает. Край скруглен и отогнут. Тарелка фрагментирована (без центральной части дна). На дне - частично сохранившееся клеймо *planta pedis,* окруженное кольцевой нарезкой. Размеры: D - 13,6; d - 6,2; H - 3,9 см. Глина: IV; лак: IV; нижняя часть не покрыта. Найдена в п. 31 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 57.

Каталог № 31 (Табл. 4)[130]. Тарелка близка Каталог № 29, но край сильнее отогнут, а кольцевой поддон ниже. На дне клеймо в виде розетты, окруженное двумя кольцевыми бороздками. Размеры: D – 13,8; d - 6,8; H - 3,4 см. Глина: I. Лак: I, изнутри - красный, снаружи - красный и красно-оранжевый; нижняя часть не покрыта, подтеки. Найдена в п. 135 (1974 г.).

ГИМ. Инв. № 103552. Оп. Б. 1640 / № 50.

Каталог № 32 (Табл. 4). То же, что Каталог № 29, но бортик вогнут сильнее. На дне клеймо *planta pedis.* Размеры: D - 13; d - 5,6; H - 3,2 см. Глина: I. Лак: I, местами бурый; нижняя часть не покрыта, жидкие подтеки. Найдена в п. 199 (1982 г.).

ГИМ. Инв. № 105577. Оп. Б. 1906/ № 108.

Каталог № 33 *(*Табл. 5)[131]. Нижняя часть тарелки имеет усеченно-коническую форму, бортик сильно вогнут, плавно завершаясь скругленным и подрезанным с внутренней стороны краем, ребро между стенками и бортиком сильно выступает, стенки толстые и массивные. Сохранились следы вращения на круге, поверхность тарелки небрежно заглажена, нижняя часть неровная. На дне, немного приподнятом изнутри в центре, клеймо *planta pedis,* окруженное двумя кольцевыми бороздками. Размеры: D - 20,1; d - 9,3; H - 4,9 см. Глина: I. Лак: I; изнутри поддона без покрытия, подтеки, отпечатки пальцев гончара. Найдена в п. 25 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 22.

Каталог № 34 (Табл. 5)[132]. То же, что Каталог № 33, но стенки тарелки ниже. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное тремя рядами неровно прочерченных кольцевых бороздок. Размеры: D - 20; d - 10,2; H - 4 см. Глина

и лак: I. Найдена в п. 34 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 75.

Каталог № 35 (Табл. 5)[133]. То же, что Каталог № 33, но бортик тарелки немного выше, а дно выпукло в центре сильнее. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное двумя рядами кольцевых бороздок (выполнены не очень ровно). Размеры: D - 20,1; d - 9,3; H - 4,7 см. Глина и лак: I. Найдена в п. 40 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 128.

Каталог № 36 (Табл. 5). Глубокая тарелка с вертикальным бортиком, край сильно отогнут и подрезан изнутри; ребро сильно выступает. Клеймо *planta pedis*, обрамленное тремя кольцевыми бороздками (прочерчены не всегда ровно). Размеры: D - 21,1; d - 9,2; H - 5,4 см. Глина: I. Лак: I, с темными пятнами, нижняя часть не покрыта, подтеки; отпечатки пальцев. Найдена в п.194 (1981 г.).

ГИМ. Инв. № 105577. Оп. Б. 1908/ № 38.

Каталог № 37 (Табл. 5)[134]. Тарелка с низким, слабо вогнутым бортиком, в месте перехода бортика в тулово - скругленный выступ в виде ребра, край оформлен в виде утолщения бортика и подрезан сверху. На внутренней поверхности края - две узкие кольцевые бороздки. На дне крупное клеймо *planta pedis,* окруженное двумя кольцевыми бороздками. Размеры: D - 19,3; d - 9,1; H - 4,6 см. Глина: IV; лак: IV; нижняя часть не покрыта, подтеки, отпечатки пальцев гончара. Найдена в п. 2 (1969 г.).

ГИМ. Инв. № 101388. Оп. Б.1566/ № 8.

Каталог № 38 (Табл. 5)[135]. То же, что Каталог № 37. На дне клеймо в рамке *tabula ansata* ГА(I)ОУ, окруженное двумя кольцевыми бороздками. Изнутри по центру тулова прочерчены две кольцевые бороздки. Размеры: D - 21; d - 10,4; H - 5 см. Глина: I; лак: буро-красный (2.5YR 4.6 - 4.8), местами - красно-коричневый (пятнами); подтеки, нижняя часть не покрыта. В центре дна поверхность очень плохо заглажена. Найдена в п. 210 (1982 г.).

ГИМ. Инв. № 105833. Оп. Б. 1909/ № 92.

Каталог № 39 (Табл. 5)[136]. Тарелка с вогнутым бортиком, край слабо отогнут и скруглен, в нижней и верхней части бортика сделаны кольцевые нарезки. Клеймо *planta pedis,* окруженное небрежно выполненными тремя рядами неглубоких насечек. Размеры: D - 19; d - 7,5; H - 5,5 см. Глина: I; лак: красно-оранжевый (10R 5/6), матовый; низ не покрыт, подтеки. Найдена в п. 39(2) (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 11.

Каталог № 40 (Табл. 6)[137]. Нижняя часть тулова тарелки имеет полусферическую форму, бортик вогнут, край сверху подрезан, дно слабо вогнуто в центре. Клеймо *planta pedis*, окруженное кольцевой нарезкой. Размеры: D - 27,4; d - 16,2; H - 6,3 см. Глина: I. Лак: I; нижняя часть не покрыта, в центре изнутри – бурое пятно круглой формы (вероятно, от кольцевого поддона тарелки, стоящей на этом блюде при обжиге). На дне тарелки следы от ножа (?). Найдена в п. 176 (1975 г.).

ГИМ. Инв. № 103773. Оп. Б. 1676/154.

Каталог № 41 (Табл. 6). То же, что Каталог № 40. В верхней части бортика, с внутренней стороны края сделана неглубокая кольцевая бороздка. На дне клеймо *planta pedis,* оттиснутое поверх кольцевой бороздки небольшого диаметра, и окруженное тремя такими же бороздками. Размеры: D - 26,9; d - 14,8; H - 5,6 см. Глина: I; лак: I; покрытие равномерное, нижняя часть без лака, подтеки, отпечатки пальцев гончара. Найдена в п. 183 (1979 г.).

ГИМ. Инв. № 104988. Оп. Б. 1896/ № 46.

Каталог № 42 (Табл. 6). Блюдо с толстыми стенками, бортик слабо вогнут, массивный край сильно отогнут, подрезан снаружи. На дне клеймо *planta pedis,* окруженное двумя кольцевыми бороздками. D - 28; d - 15,5; H - 5,6 см. Глина: I. Лак: бурый, местами красно-бурый (2.5YR 4/6); низ не покрыт, с подтеками, заметны отпечатки пальцев. Найдена в п. 203 (1982 г.).

ГИМ. Инв. № 105833. Оп. Б. 1909/ № 21.

Каталог № 43 (Табл. 6)[138]. Тарелка на высоком кольцевом поддоне, с вогнутым бортиком, край оформлен в виде утолщения бортика; на его внутренней поверхности сделана кольцевая бороздка. На внутренней стороне дна — два концентрических ряда насечек. Размеры: D - 20; d - 8,8; H - 5,3 см. Глина: II, в тесте отчетливо видны пустоты. Лак: красный, местами — темно-красный (2.5YR 5/6-5/8), плотный, достаточно однородный. Найдена в п. 182 (1979 г.).

ГИМ. Инв. № 104988. Оп. Б. 1896/ № 35.

Каталог № 44 *(*Табл. 6). Тарелка со слабо отогнутым бортиком, край немного отогнут; в нижней части бортика, над ребром - глубокая бороздка. Под ребром также сделана кольцевая бороздка. Клеймо *planta pedis,* окруженное кольцевой бороздкой. Глина: II, в тесте сосуда большое количество пустот. Лак: I, изнутри несколько более темный, с бурыми пятнами; нижняя часть без покрытия, подтеки. Размеры: D - 18,1; d - 7,9; H - 4,8 см. Найдена в п. 200 (1981 г.).

ГИМ. Инв. № 105577. Оп. Б. 1908/ № 115.

Каталог № 45 (Табл. 7)[139]. Глубокая тарелка с почти вертикальным бортиком, край слабо подрезан с внешней стороны. Клеймо ромбической формы со скругленными углами (ср. Каталог № 17), окруженное тремя кольцевыми бороздками. Размеры: D - 23,1; d - 10; H - 6,9 см. Глина: I. Лак: I, матовый. Найдена в п. 137 (1974 г.).

ГИМ. Инв. № 103552. Оп. Б. 1640 /№ 64.

Каталог № 46 (Табл. 7)[140]. То же, что Каталог № 45, но дно сильно выпукло в центре. Центр дна утрачен, окружен широким кольцевым пояском из двух рядов вдавлений. Размеры: D - 20,9; d - 9,1; H - 7 см. Глина: I; лак: I, внутри - темные пятна; нижняя часть не покрыта, подтеки. Найдена в п. 168 (1975 г).

ГИМ. Инв. № 103774. Оп. Б. 1676/ № 84.

Каталог № 47 (Табл. 7)[141]. Тарелка с сильно вогнутым бортиком, край слабо выделен, в верхней части бортика - нарезка. Стенки тулова массивные, неровные, дно изнутри вогнуто. Кольцевой поддон высокий и узкий. На дне клеймо *planta pedis* в сандалии (?), окруженное двумя рядами овальных вдавлений, расположенных по окружности. Размеры: D - 19,7; d - 8,5; H - 5,4 см. Глина – красно-серая (5YR 5/2-5/3). Лак: внутренняя поверхность серо-черная (5YR 4/1-3/1), снаружи - I; затеки, низ не покрыт. Найдена в п. 47 (1970 г.).

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 170.

Каталог № 48 (Табл. 7)[142]. Тарелка с вертикальным бортиком, край сильно отогнут и немного подрезан сверху, ребро достаточно острое, высокий поддон. Дно тарелки плоское, немного приподнято в центре. Клеймо овальной формы, окруженное двумя кольцевыми рядами небрежно выполненных насечек. Размеры: D - 19,9; d - 7,7; H - 5,5 см. Глина: II. Найдена в п. 36 (1970 г.).Лак: I, блестящий; поддон не покрыт.

ГИМ. Инв. № 101989. Оп. Б. 1578/ № 91.

Каталог № 49 (Табл. 7)[143]. Бортик тарелки вертикальный, край скруглен, высокий кольцевой поддон, внутренняя образующая которого скошена к центру. В центре дна сделаны две кольцевые бороздки. Размеры: D - 22,3; d - 9; H - 5,4 см. Глина: желто-красная (5YR 6/8). Лак: буро-красный (2.5YR 4/4); низ не покрыт, затеки. Найдена в п. 116 (1973 г.).

ГИМ. Инв. № 102940. Оп. Б. 1623/ № 84.

Каталог № 50 (Табл. 7). Мелкая тарелка со слабо вогнутым бортиком. Вокруг центра дна прочерчена кольцевая бороздка. Размеры: D - 15; d - 6,6 см. Глина - желто-коричневая (5YR 6/6 - 5/6), с известковыми включениями и блестками. Лак: I. Найдена в п. 218 (1983 г.).

ГИМ. Инв. № 106168. Оп. Б. 1914/ № 36.

Каталог № 51 (Табл. 8)[144]. Глубокая тарелка с вертикальным бортиком, край слабо отогнут. Дно, имеющее в центре небольшую выпуклость, декорировано двумя поясками из насечек (*rouletting*). Снаружи по ребру сделана небольшая кольцевая нарезка. В нижней части дна - небольшая трещина, появившаяся при обжиге. Размеры: D - 15,9; d - 6,6; H - 4,2 см. Глина: II; лак - красный, матовый; нижняя часть и поддон не покрыты, подтеки. Найдена в п. 53 (1971 г.).

ГИМ. Инв. № 102299. Оп. Б. 1591/ № 18.

Каталог № 52 (Табл. 8)[145]. То же, что Каталог № 51, но бортик немного отогнут, а край сильнее подрезан изнутри. Дно украшено пояском из вдавлений овальной формы. Размеры: D - 15,2; d - 5,2; H - 3,9 см. Глина: II; лак: I, тусклый; низ не покрыт, подтеки. Поверхность сосуда плохо заглажена. Найдена в п. 77 (1972 г.).

ГИМ. Инв. № 102610. Оп. Б. 1599/ № 2.

Каталог № 53 (Табл. 8)[146]. То же, что Каталог № 51. Изнутри в нижней части бортика сделана кольцевая нарезка. В центре дна клеймо, которое из-за плохого оттиска разобрать невозможно. Дно украшено двумя поясками из неглубоких вдавлений. Размеры: D - 15,1; d - 6,3; H - 4,4 см. Глина: II; лак: I, блестящий; низ не покрыт, подтеки более темного тона. Найдена в п. 92 (1972 г.).

ГИМ. Инв. № 102610. Оп. Б. 1599/ № 75.

Каталог № 54 (Табл. 8)[147]. То же, что Каталог № 51, но бортик вогнут значительно сильнее; низкий кольцевой поддон. Дно орнаментировано двумя узкими кольцевыми бороздками. Размеры: D - 16,5; d - 6,5; H - 4,2 см. Глина - желто-коричневая (5YR 6/6), достаточно рыхлая, с известковыми включениями; лак: I; низ не покрыт, подтеки. Найдена в п. 83 (1972 г.).

ГИМ. Инв. № 102610. Оп. Б. 1599/ № 53.

Каталог № 55 (Табл. 8)[148]. То же, что Каталог № 51. Размеры: D - 15,2; d - 6,1; H - 4,5 см. Глина: II. Лак: I, с металлическим блеском; нижняя часть не покрыта, подтеки. Найдена в п. 80 (1972 г.).

ГИМ. Инв. № 102610. Оп. Б. 1599/ № 16.

Каталог № 56 (Табл. 8)[149]. То же, что Каталог № 51, но без орнамента. Поверхность сосуда плохо заглажена. Размеры: D - 16,4; d - 7; H - 4,7 см. Глина: II. Лак: I, бледный, изнутри - с блеском; темные пятна; нижняя часть не покрыта, подтеки. Найдена в п. 117 (1973 г.).

ГИМ. Инв. № 102940. Оп. Б. 1623/ № 88.

Каталог № 57 (Табл. 8)[150]. То же, что Каталог № 56, дно украшено двумя кольцевыми нарезками. Размеры: D - 18; d - 8; H - 4,9 см. Глина: IV; лак: IV; нижняя часть не покрыта, подтеки, отпечатки пальцев. Найдена в п. 130 (1974 г.).

ГИМ. Инв. № 103552. Оп. Б. 1640/ № 2.

Каталог № 58 (Табл. 8). То же, что Каталог № 51, дно сильно приподнято в центре. На внешней стороне донца граффито в виде сарматского знака. Размеры: D - 14,7; d - 5,6 см. Глина - желто-коричневая (5YR 6/6 - 6/8). Найдена

в п. 220 (1983 г.).

ГИМ. Инв. № 106168. Оп. Б. 1914/ № 51.

Каталог № 59 (Табл. 8). То же, что Каталог № 56. Дно тарелки украшено кольцевой бороздкой. Размеры: D - 13,2; d - 6,2; H - 4,1 см. Глина: IV, в тесте крупные известковые включения. Лак: IV; затеки, нижняя часть не покрыта, отпечатки пальцев гончара. Найдена в п. 235 (1984 г.).

ГИМ. Инв. № 106385. Оп. Б. 1922/ № 141.

Каталог № 60 (Табл. 8). То же, что Каталог № 51. Дно орнаментировано двумя поясками из косых насечек. Размеры: D - 15,3; d - 6,5; H - 4,5 см. Глина - красно-коричневая (5YR 6/8), с белыми включениями. Лак - оранжево-красный (2.5YR 6/8); поддон без покрытия, с темными пятнами (7.5YR 4/4). Найдена в п. 329 (1991 г.).

ГИМ. Инв. № 108182. Оп. Б. 1970/ № 96.

Каталог № 61 (Табл. 9). Глубокая тарелка с вертикальным бортиком, край слабо отогнут. Размеры: D - 20,6; d - 8,3; H - 6 см. Глина: I; лак: I; нижняя часть не покрыта, затеки. Найдена в п. 227 (1984 г.).

ГИМ. Инв. № 106385. Оп. Б. 1922/ № 46.

Каталог № 62 (Табл. 9). То же, что Каталог № 51, бортик вертикальный, край скруглен. Дно тарелки орнаментировано пояском из насечек. Размеры: D - 14,8; d - 5,7; H - 3,3 см. Глина - темно-коричневая (7.5YR 4/2); лак - буро-коричневый (7.5YR 4/3-4/4), практически отсутствует. На дне заметны следы ротации, в дне – сквозная трещина, вероятно, полученная еще при обжиге. Найдена в п. 228 (1984 г.).

ГИМ. Инв. № 106385. Оп. Б. 1922/ № 50.

Каталог № 63 (Табл. 9). То же, что Каталог № 62, бортик вертикальный, край не выделен. Дно тарелки украшено тремя рядами кольцевых насечек. Размеры: D - 15,2; d - 6; H - 4,2 см. Глина: II; с небольшими пустотами внутри. Лак: I, матовый. Найдена в п. 238 (1985 г.).

ГИМ. Инв. № 106856. Оп. Б. 1930/ № 54а.

Каталог № 64 (Табл. 9). То же, что Каталог № 63, но с более массивными стенками, изнутри по ребру сделана кольцевая бороздка. Орнамент отсутствует. Размеры: D - 15,4; d - 6,5; H - 4,4 см. Глина - плотная, розово-красная (2.5YR 6/6). Лак - красный (2.5YR 6/8), с металлическим блеском; нижняя часть поддона не покрыта, подтеки. Найдена в п. 264 (1987 г.).

ГИМ. Инв. № 107479. Оп. Б. 1943/ № 13.

Каталог № 65 (Табл. 9). То же, что Каталог № 63, но край слабо отогнут и подрезан снаружи, дно в центре сильно выпукло. Орнамент отсутствует. Размеры: D - 17,7; d - 7,3; H - 4,7 см. Глина: I. Лак - от светло-коричневого до темно-коричневого (5YR 5/4-4/4), есть красные пятна; нижняя часть и отдельные места изнутри не покрыты, подтеки. Случайная находка 1969 г.

ГИМ. Инв. № 101388. Оп. Б. 1566.

Каталог № 66 (Табл. 9). То же, что Каталог № 61, но на низком поддоне, дно понижается к центру. Край скруглен и подрезан снизу. Размеры: D - 19,3; d - 6,6; H - 5,4 см. Глина - красная (2.5YR 5/6), с известковыми включениями; лак - бурый или черно-бурый (2.5YR 4/4 - 3/1); покрыт практически только бортик, а нижняя часть и большая часть внутренней поверхности не покрыты. Найдена в п. 249 (1986 г.).

ГИМ. Инв. № 107119. Оп. Б. 1937/ № 6.

Каталог № 67 (Табл. 9). То же, что Каталог № 63, на низком поддоне, не выделен, край подрезан сверху. Орнамент отсутствует. В верхней части бортика снаружи сделана кольцевая бороздка. Размеры: D - 16,5; d - 6,9; H - 4,3 см. Глина: желто-коричневая (7.5YR 6/6), с известковыми включениями. Лак: красный, местами – красновато-бурый (10R 4/6 - 4/8); нижняя часть сосуда не покрыта, подтеки. Центральная часть дна и часть стенок утрачены. Найдена в п. 261 (1986 г.).

ГИМ. Инв. № 106385. Оп. Б. 1937/ № 154.

Каталог № 68 (Табл. 9). То же, что Каталог № 64, на низком поддоне, край слабо отогнут и скруглен. Размеры: D - 15,7; d - 6,5; H - 4,4 см. Найдена в п. 268 (1987 г.).

ГИМ. Инв. № 107479. Оп. Б. 1943/ № 50.

Каталог № 69 (Табл. 9). То же, что Каталог № 68, край выделен не так четко. На дне сосуда кольцевая бороздка. Размеры: D - 14,8; d - 6,3; H - 4,4 см. Глина - красно-коричневая (2.5YR 6/6), рыхлая, с мелкими блестками и белыми включениями. Лак - оранжево-красный (2.5YR 5/8), с металлическим блеском, но только изнутри, а снаружи покрытие отсутствует. Найдена в п. 277 (1987 г.).

ГИМ. Инв. № 107479. Оп. Б. 1943/ № 111.

Каталог № 70 (Табл. 9). То же, что Каталог № 66, но ребро выделено сильнее, а край более отогнут. Размеры: D - 17,7; d - 5,4; H - 5,4 см. Глина - красно-коричневая (5YR 6/8), с белыми включениями. Лак - бурый (5YR 4/3 - 3/3), практически весь стерт. Поддон тарелки неровный, различается по толщине. Найдена в п. 325 (1991 г.).

ГИМ. Инв. № 108182. Оп. Б. 1970/ № 55.

Каталог № 71 (Табл. 9). То же, что Каталог № 67, изнутри по ребру сделана широкая кольцевая нарезка. Размеры: D - 17,7; d - 6,9; H - 5 см. Глина - серо-коричневая, с включением мелких блесток; лак - пятнами: от

оранжево-красного до бурого, большая часть поверхности не покрыта. Случайная находка 1969 г.

ГИМ. Инв. № 101388. Оп. Б. 1566.

Каталог № 72 (Табл. 9). Глубокая тарелка полусферической формы, бортик почти вертикален, ребро слабо выступает за линию бортика, край скруглен и чуть подрезан с внешней стороны. Кольцевой поддон высокий и массивный, дно плоское. На внутренней стороне дна две кольцевые бороздки, окруженные беспорядочными нарезками, сделанными, очевидно, ножом или другим острым предметом. Размеры: D - 13,6; d - 6,8; H - 4,5 см. Глина: I. Лак: I. Найдена в п.115 (1973 г.).

ГИМ. Инв. № 102940. Оп. Б. 1623/ № 76.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Hayes J.W. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. - Roma, 1985, p. 92-96, tav. XXII-XXIII.
2. Gasparri C. Sigillata Orientali // Le Terme del Nuotatore. Scavo dell'ambiente I. Ostia II. Studi Miscellanei. - 1970, p. 66.
3. Домжальски К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. // Труды ГИМ 102. - М., 1998, с. 24, табл. 1-2.
4. Kabakcieva G. Römische Keramik aus den Provinzen Untermösien und terra sigillata Pontica // RCRF Acta. 31-32. - 1992, abb. 2-3. Отмечу, что публикация болгарской исследовательницы может ввести читателя, не знакомого с оригинальным изданием Дж. Хейса, в заблуждение, т.к. она механически перенесла в свою публикацию таблицу XXII из «Энциклопедии», не обратив внимания, что все кувшины в верхней части таблицы принадлежат к кипрской сигиллате (Kabakčieva, Römische Keramik…, abb. 3; ср.: Hayes, Sigillate Orientali..., tav. XXII).
5. Журавлев Д.В. *Terra sigillata* в Северном Причерноморье: регионализм и интеграция // Античность в современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный Понедельник», Казань, 14-16 ноября 2001 г., - Казань, 2001, с. 60-61. Первоначально я предполагал, что этим центром мог быть Херсонес. После длительной работы в фондах Херсонесского музея, знакомства с локальными глинами и керамическим браком, думаю, можно исключить этот важный причерноморский город из числа претендентов на производителя Понтийской сигиллаты. В той же мере это относится и к Пантикапею. При этом как в Херсонесе (Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э.- Харьков, 1970, с. 91-98; Ушаков С.В. К вопросу о херсонесской краснолаковой керамике // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Севастополь, 1997, с. 120-123; Он же. Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // ХСб. XIII. - Севастополь, 2004, с. 285-296; Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Херсонеса первых веков н.э. (предварительная информация) // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной конференции. - Харьков, 2001, с. 59-61), так и в Пантикапее (Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых вв. н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА 25. - М.-Л., 1952, с. 294; Domzalski K. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia 47. - 1996, Warsaw, p.95-109) существовало собственное локальное производство краснолаковой керамики – так называемые «боспорская» и «херсонесская» сигиллаты (Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения (краткий обзор отечественной литературы) // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I // Труды ГИМ 102. - М., 1998, с. 35; Домжальски К., Журавлев Д.В. Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. - Керчь, 2003, с. 89-92; Zhuravlev D. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skythian necropoleis of the South-Western Crimea (1st - 3rd centuries AD) // RCRF 36. - 2000, Abingdon, p. 155; Zhuravlev D. Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survay) // Ancient civilizations from Scythia to Siberia 8(3-4). - 2002, p. 248, 262). Нельзя исключить, что понтийская сигиллата производилась и где-то в Южном Причерноморье, до сих пор археологически слабо исследованном.
6. Zhuravlev, Terra sigillata and red slip pottery…, p. 248-262. В материалах могильников Бельбекской долины представлены только Понтийская сигиллата А и Понтийская сигиллата В.
7. В работу также включены несколько тарелок из могильника Бельбек III, раскопанного И.И. Гущиной, материалы которого хранятся в ГИМ.
8. Hayes, Sigillate Orientali…, p. 1-96.
9. Журавлев Д.В. К вопросу о клеймах planta pedis на римской керамике // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. ХСб. XI. - Севастополь, 2001, с. 90.
10. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…; Knipowitsch T. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit den aus den Griechenstadten an der Nordkuste des Schwarren Meeres; I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage // Materialien zur römisch-germanischen Keramik. IV. F.a. - M., 1929.
11. Gasparri, Sigillata Orientali…, p. 66; Kenrick P.M. The Fine Pottery, Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice), III, 1. - Tripoli,1985, p. 271-282; Hayes, Sigillate Orientali…, p. 92-96.
12. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, с. 298.
13. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // БИАС 1. - Симферополь, 1997, с. 181.
14. Там же.
15. Каменецкий И.С. Городища донских меотов. Вопросы датировки. - М., 1993; Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. - К., 1993.
16. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, рис. 2, 1, тип 6(М).

17. Knipowitsch, Untersuchungen zur Keramik römischer…, taf. II, 19, тип 19a, группа Д.
18. Matei Cr. Cercetari perieghetice pe malui, de sud al lagului tasaul // Pontica, XVIII. - Bucaresti, 1985, pl. IV, 1; Histria. II. - Bucaresti, 1966, pl. 99, XXX, 13.
19. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, с. 299.
20. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. - К., 1983, табл. XII, 4).
21. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э. (на материалах Херсонеса). – Харьков, 1989, рис. 3. 4, без клейма.
22. Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды ГЭ XIII. - 1973, Рис.6. 46; с клеймом planta pedis.
23. Кадеев, Сорочан, Экономические связи..., с. 16.
24. Кунина, Сорокина, Стеклянные бальзамарии Боспора…, с. 159.
25. С клеймом planta pedis – Журавлев Д.В. Керамический комплекс римского времени с акрополя Пантикапея // Боспорские исследования II. - Керчь, 2002, рис. 1, 6.
26. Conspectus formarum. Form 20.
27. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в.н.э. // САИ. Вып. Д1-30. - М., 1966, с. 55-56.
28. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, рис. 2. 3.
29. Кунина, Сорокина, Стеклянные бальзамарии Боспора…, рис. 4. 47.
30. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. - К., 1983, табл. XXIX, 6.
31. Арсеньева Т.М. Могильник у д. Ново-Отрадное / Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э./ / МИА 155. - 1970, с. 97, табл. 15, 3.
32. Arsen'eva T.M., Böttger B. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1998 // Eurasia antiqua 5. - 1999, abb. 19, 5.
33. Histria. II, Pl. 99, XXX, 13; p.531; Capitanu V., Ursachi V. Brad und Racatau, zwei getisch-dakische befestigte Siedlungen (Kreis Bacau) // Thraco-Dacica I. - Bucureşti, 1976, abb. 10.
34. Жуглев К., Калудова Й. Могилни находки от с. Садово, Асеновградско // Археология 4. – София, 1963, рис. 2.
35. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, с. 299.
36. Арсеньева, Могильник у д. Ново-Отрадное…, с. 97.
37. Гущина И.И., Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго-западном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М., 1984, с. 50, 52; рис. 2. 19-29.
38. Zaitsev Yu.P. Imported lamps and candelabra from Ust'-Alma Necropolis (Crimea, Ukraine) // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World // BAR International Series 1019. - Oxford, 2002, fig. 1, 1.
39. Труфанов А.А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ 118. - М., 2001, рис. 2, с. 77.
40. Амброз, Фибулы…, с. 45. табл. 5, 16-17.
41. Ср.: Амброз, Фибулы…, с. 31, 47.
42. Висотська Т.М. Червонолакова кераміка Усть-Альмінського городища // Археологія 4. – 1993, рис. 4, 3.
43. Zaitsev, Imported lamps and candelabra…, fig. 3, 6.
44. Зубар В.М., Савеля О.Я. Новий сарматський могильник другоі половини I - початку II ст. н.е. в Південно-Західном Криму // Археологія 2. – 1989, рис. 3. 11.
45. Силантьева Л.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА 85.- 1958, с. 283-311, рис.3. 1.
46. Арсеньева, Могильник у д. Ново-Отрадное…, табл. 15, 5-6.
47. Каменецкий, Городища донских меотов…, рис. 16, 132.
48. Там же, рис. 16, 131.
49. Силантьева, Краснолаковая керамика из раскопок Илурата…, с. 285.
50. Каменецкий, Городища донских меотов…, с. 87.
51. Арсеньева Т.М, Могильник у д. Ново-Отрадное…, с. 111.
52. Амброз, Фибулы…, с. 45.
53. Труфанов, К вопросу о хронологии браслетов…, с. 75.
54. Кадеев, Сорочан, Экономические связи античных городов…, рис. 11. 2.
55. Bucovala M. Noi morminte de epoca Romana timpurie la Tomis // Pontice. II.- Bucareşti, 1968, fig. 11 - с клеймом planta pedis, очертания бортика имеют отличия.
56. Knipowitsch, Untersuchungen zur Keramik römischer…, s. 29, taf. II (19a).
57. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, рис. 2. 2.
58. Каменецкий, Городища донских меотов…, рис. 18. 138.
59. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, с. 299.
60. Каменецкий, Городища донских меотов…, с. 86-87.
61. Кунина, Сорокина, Стеклянные бальзамарии Боспора..., рис. 1.
62. Ср.: Амброз, Фибулы..., табл. 5, 7.
63. Сымонович, Население столицы позднескифского царства…, табл. XI, 5, 13, 16 и др.
64. Пуздровский А.Е. Новый участок восточного некрополя Неаполя Скифского // РА 2. - 1992, рис.2. 16.
65. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ Д1-7. - М., 1991, табл. 57, 14; Труфанов А.А. Могила 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя // ХСб. X. - Севастополь, 1999, рис. 3. 25.
66. Силантьева, Краснолаковая керамика из раскопок Илурата…, рис. 5. 1.
67. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, рис. 2. 4.
68. Кунина, Сорокина, Стеклянные бальзамарии Боспора…, рис. 6, 47, 56; рис. 10. 23.
69. Zaitsev, Imported lamps and candelabra…, fig. 7, *5*.

70. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму // СА 4. - 1976, рис. 4. 2; рис. 6. 16, 48 и др.
71. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. - М., 1992, рис. 51, 4.
72. Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // ПИФК X. - М.-Магнитогорск, 2001, рис. 8. 3.
73. Журавлев Д.В, Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс II в.н.э. с акрополя Пантикапея // Древности Боспора 2. - М., 1999, рис. 3. 17.
74. Histria. II, pl. 99, XXXVI, 1.
75. Robinson H.S. Pottery of the Roman Period. Chronology // The Athenian Agora 5. - Princeton, 1959, h 4, pl.68.
76. Силантьева, Краснолаковая керамика из раскопок Илурата…, с. 290.
77. Кунина, Сорокина, Стеклянные бальзамарии Боспора…, с. 159, 166.
78. Труфанов, Могила 656…, с. 228-229.
79. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА 156. - 1978, с. 18-19; Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник 3. - М., 1993.
80. Ср.: Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА 25. - М.-Л., 1952, с. 169-170; Журавлев, Ломтадзе, Керамический комплекс II в.н.э…, с. 104, рис. 2. 1.
81. Труфанов, К вопросу о хронологии браслетов…, с. 76.
82. Кунина, Сорокина, Стеклянные бальзамарии Боспора…
83. См. подобные фибулы из Чернореченского могильника, Паннонии и Приуралья: Дашевская, Поздние скифы в Крыму…, табл. 65, 7; Мошкова М.Г. Фібули кочовиків Південного Приуралля // Археологія 3. - 1997, с. 72-81, рис. 3. 8; Sellye I. Les bronzes émaillés de la Pannonie romaine // Dissertationes Pannonicae, II, 8. - Budapest, 1939, pl. XII, 1.
84. Труфанов, К вопросу о хронологии браслетов…, рис. 1-2, с. 76-77.
85. Robinson, Pottery of the Roman Period..., p. 47.
86. Арсеньева, Науменко, Усадьбы Танаиса…, с. 16.
87. Журавлев, Ломтадзе, Керамический комплекс II в.н.э…, с. 104.
88. Вязкова, Дмитриев, Малышев, Поселение Мысхако…, рис. 8-9.
89. Амброз, Фибулы..., с. 52.
90. Ср.: Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. - М., 1997, табл. 241, 2.
91. Труфанов, К вопросу о хронологии браслетов…, с. 76.
92. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона I. - Ростов-на-Дону, 2000, с. 195, 198-199, рис. 2-3А.
93. Труфанов, К вопросу о хронологии браслетов…, с. 76.
94. Малашев, Периодизация ременных гарнитур…, с. 197, 198-199; рис. 2-3.
95. Арсеньева, Науменко, Усадьбы Танаиса…, рис. 53, 1.
96. Histria. II. Pl. 99, XXXVI, 7, p. 531.
97. Арсеньева, Науменко, Усадьбы Танаиса…, с. 16.
98. Zhuravlev, Terra sigillata and red slip pottery…, p. 152-154.
99. Conspectus formarum. – 1990, form 20, taf. 18, s. 86.
100. См.: Hayes, Sigillate Orientali…, tav. XVI.
101. Ibid., tav. V.
102. Ibid., p. 30-31.
103. См. подробнее: Журавлев, К вопросу о клеймах planta pedis..., с. 90-99.
104. Книпович, Краснолаковая керамика первых вв. н.э…, рис. 2, 3; Силантьева, Краснолаковая керамика из раскопок Илурата…, рис. 1. 5 и др.; Каменецкий, Городища донских меотов…, рис. 16, 18; Толстиков В.П., Журавлев Д.В. Новые данные к топографии Пантикапея первых веков н.э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. - Керчь, 2001, с. 154 и т.п.
105. Журавлев, Керамический комплекс римского времени…, с. 196.
106. Кадеев, Очерки истории экономики Херсонеса…, с. 91; Журавлев Д.В., Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О торговле Херсонеса Таврического в середине I - первой половине III в.н.э. // Боспорские исследования VII. - Симферополь-Керчь, 2004, с. 193.
107. Труфанов, Могила 656…, с. 228-229.
108. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв.н.э.) // Monumenta Studia Gothica II. - Lublin, 2002, с. 70, рис. 168, 1.
109. Труфанов, Типология тарелок…, с. 190-191.
110. Domzalski K., Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // RCRF 36. - Abingdon, 2000, p. 161-168, fig. 1-3.
111. Sultov B. Ceramic Production on the Territory of Necopolis ad Istrum (IInd- IVth century) // Terra antiqua Balkanica. - Sofia, 1985.
112. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. - М., 1974, рис. XIX, 2.
113. Там же, рис. X, 16.
114. Там же, рис. XI, 19.
115. Там же, рис. XII, 17; XIX, 3.
116. Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины в первые века н.э. //

Археологические исследования на юге Восточной Европы. II. // Труды ГИМ 54. - М., 1982, рис. 9. 40.
117. Гущина И.И., Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго-западном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М., 1984, рис. 2, 32.
118. Гущина, О локальных особенностях..., рис. 8, 44.
119. Гущина, Население сарматского времени..., рис. XIX, 6.
120. Там же, рис. IX, 10.
121. Там же, рис. XV, 14.
122. Гущина, О локальных особенностях..., рис. 9. 18.
123. Там же, рис. 10. 31.
124. Гущина, Сорокина, Новые находки стеклянных сосудов…, рис. 2. 22.
125. Гущина И.И., Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Позднескифские коллекции в собрании Государственного Исторического музея // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ 118. - М., 2001, рис. 3, 2.
126. Zhuravlev, Terra sigillata and red slip pottery…, fig. 5, 1; 2002b, fig. 12, 1.
127. Ibid., fig. 6, 3; 2002b, fig. 13, 3.
128. Гущина, Население сарматского времени..., рис. XIX, 1.
129. Там же, рис. XIX, 7.
130. Гущина, О локальных особенностях... , рис. 7, 51.
131. Гущина, Население сарматского времени... , рис. XIX, 5.
132. Там же, рис. XIX, 9; Журавлев Д.В. О датировке Eastern sigillata B из Юго-Западного Крыма // Археологія 3. - 2001, рис. 1, 2.
133. Гущина, Население сарматского времени..., рис. IX, 8.
134. Там же, рис. VIII, 6; Zhuravlev, Terra sigillata and red slip pottery…, fig. 6, 16; 2002b, fig. 13, 16.
135. Zhuravlev, Terra sigillata and red slip pottery…, fig. 6, 1; Zhuravlev, Terra sigillata and Red Slip Pottery …, fig. 13, 1.
136. Гущина, Население сарматского времени..., рис. XIX, 13.
137. Гущина, О локальных особенностях..., рис. 12. 31.
138. Гущина, Сорокина, Новые находки стеклянных сосудов…, рис. 2. 10.
139. Гущина, О локальных особенностях..., рис. 7. 64.
140. Там же, рис. 11. 4; Zhuravlev, Terra sigillata and red slip pottery…, fig. 5, 8; 2002b, fig. 12, 8.
141. Гущина, Население сарматского времени..., рис. XIX, 4.
142. Там же, рис. XIX, 11.
143. Гущина, О локальных особенностях..., рис. 5. 46.
144. Гущина, Население сарматского времени..., рис. XIX, 10.
145. Гущина, О локальных особенностях..., рис. 2. 2.
146. Там же, рис. 3. 12, 14.
147. Там же, рис. 2. 45.
148. Там же, рис. 2. 38.
149. Там же, рис. 5. 47.
150. Там же, рис. 7. 1.

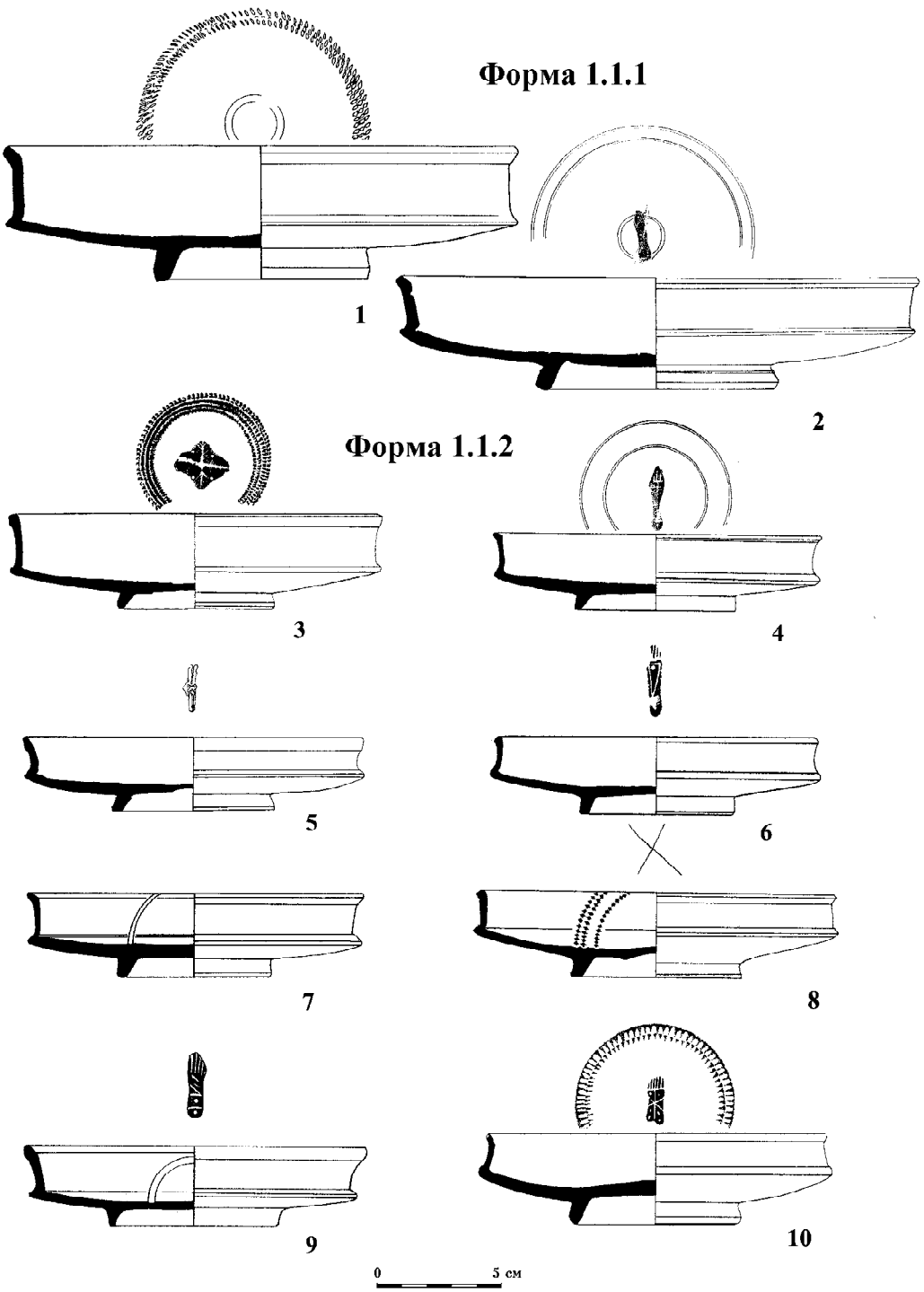

Рис. 1. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 1.

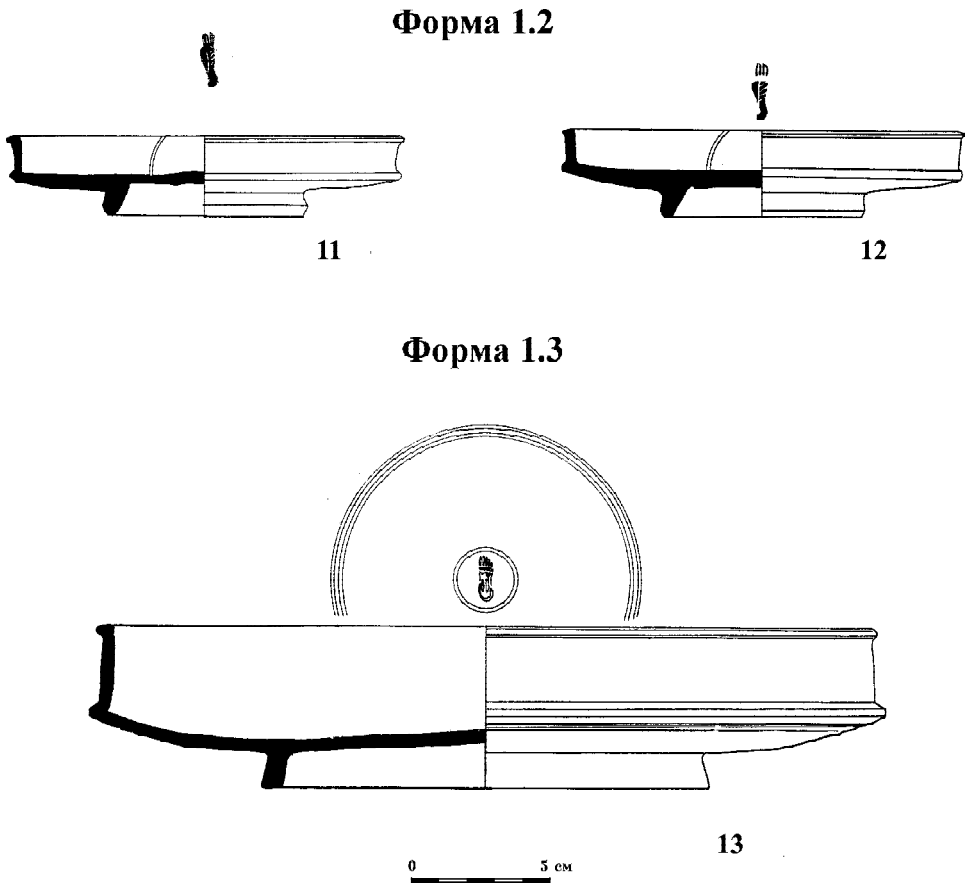

Рис. 2. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 1 (продолжение).

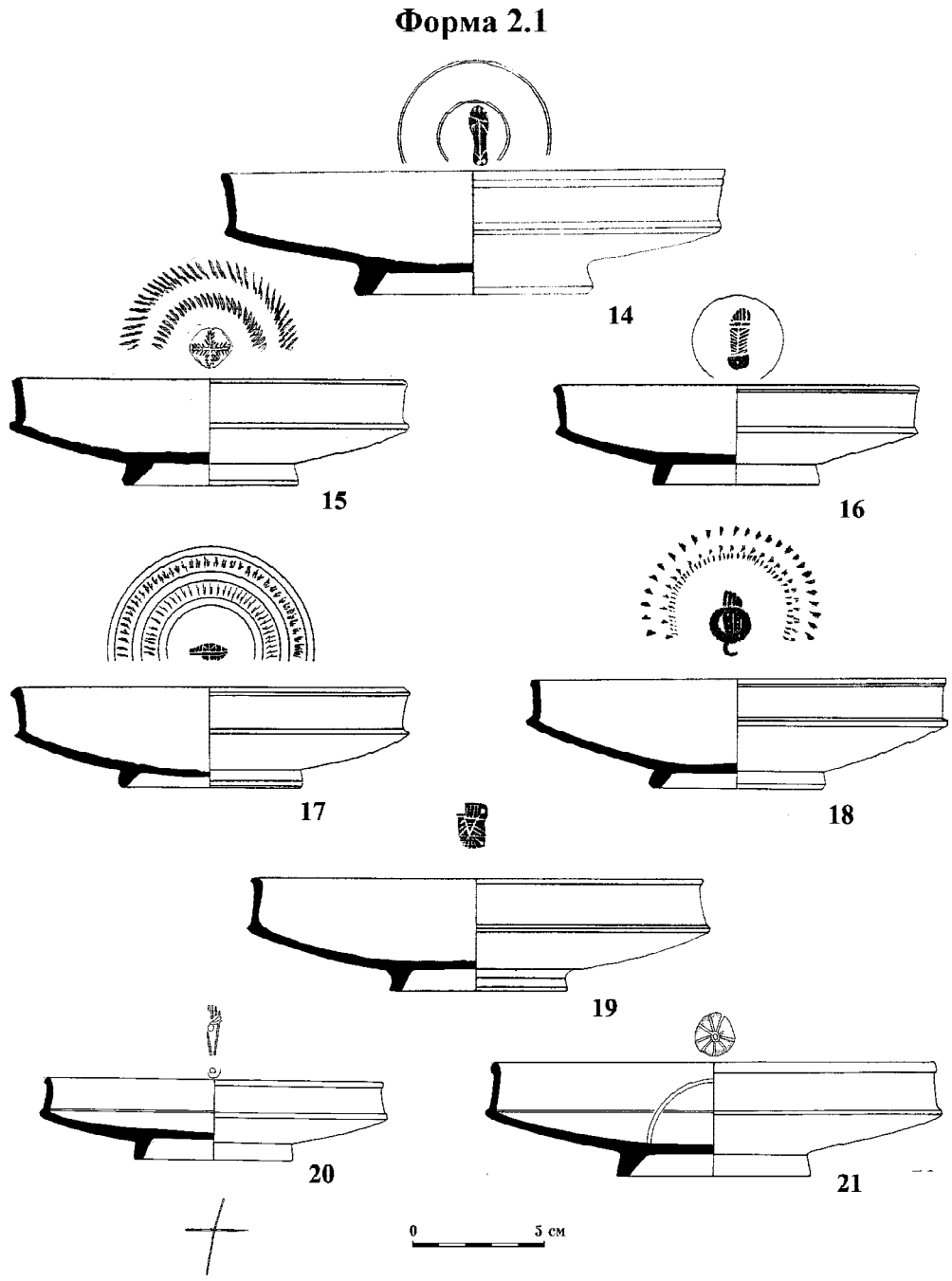

Рис. 3. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 2.

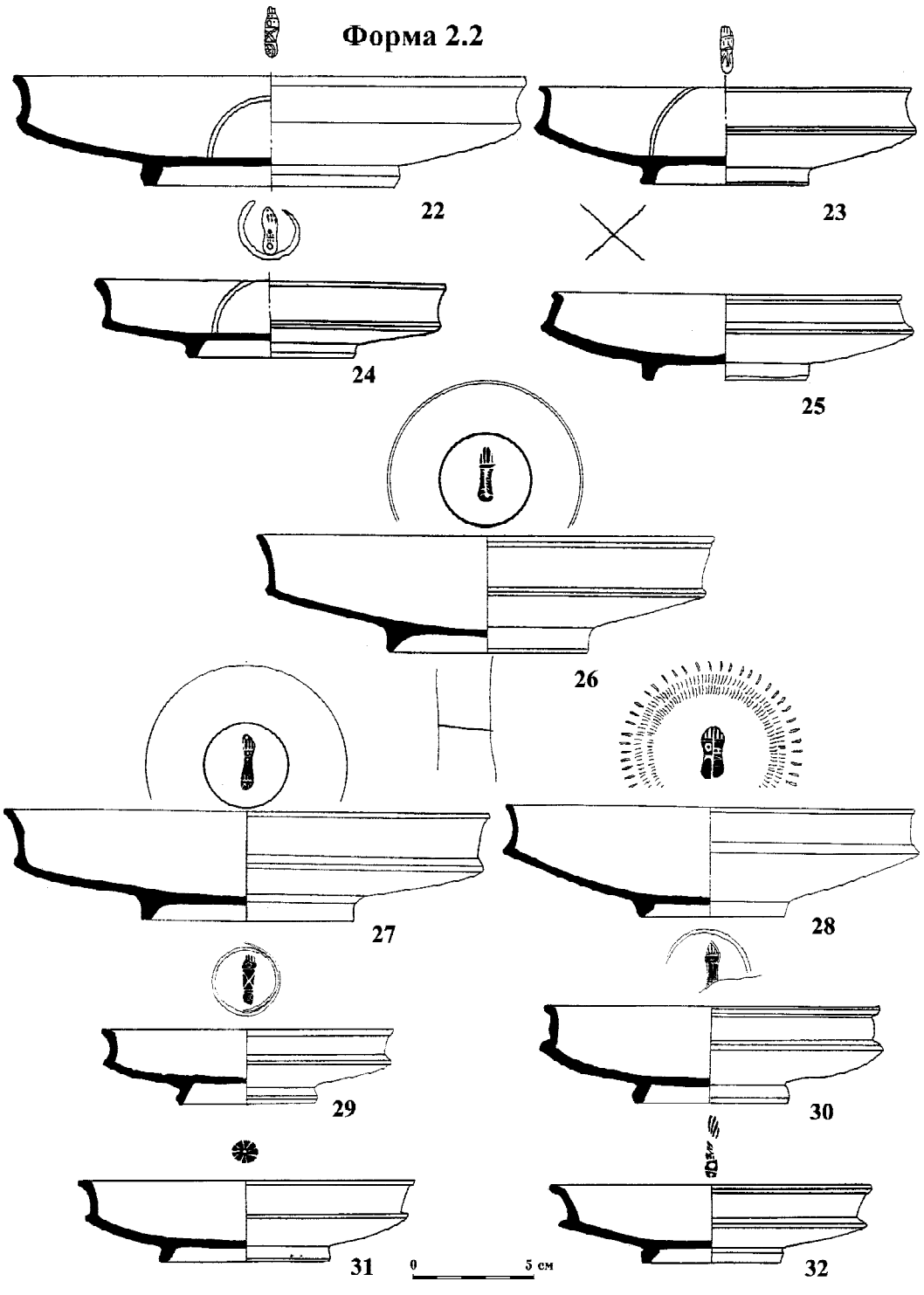

Рис. 4. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 2.

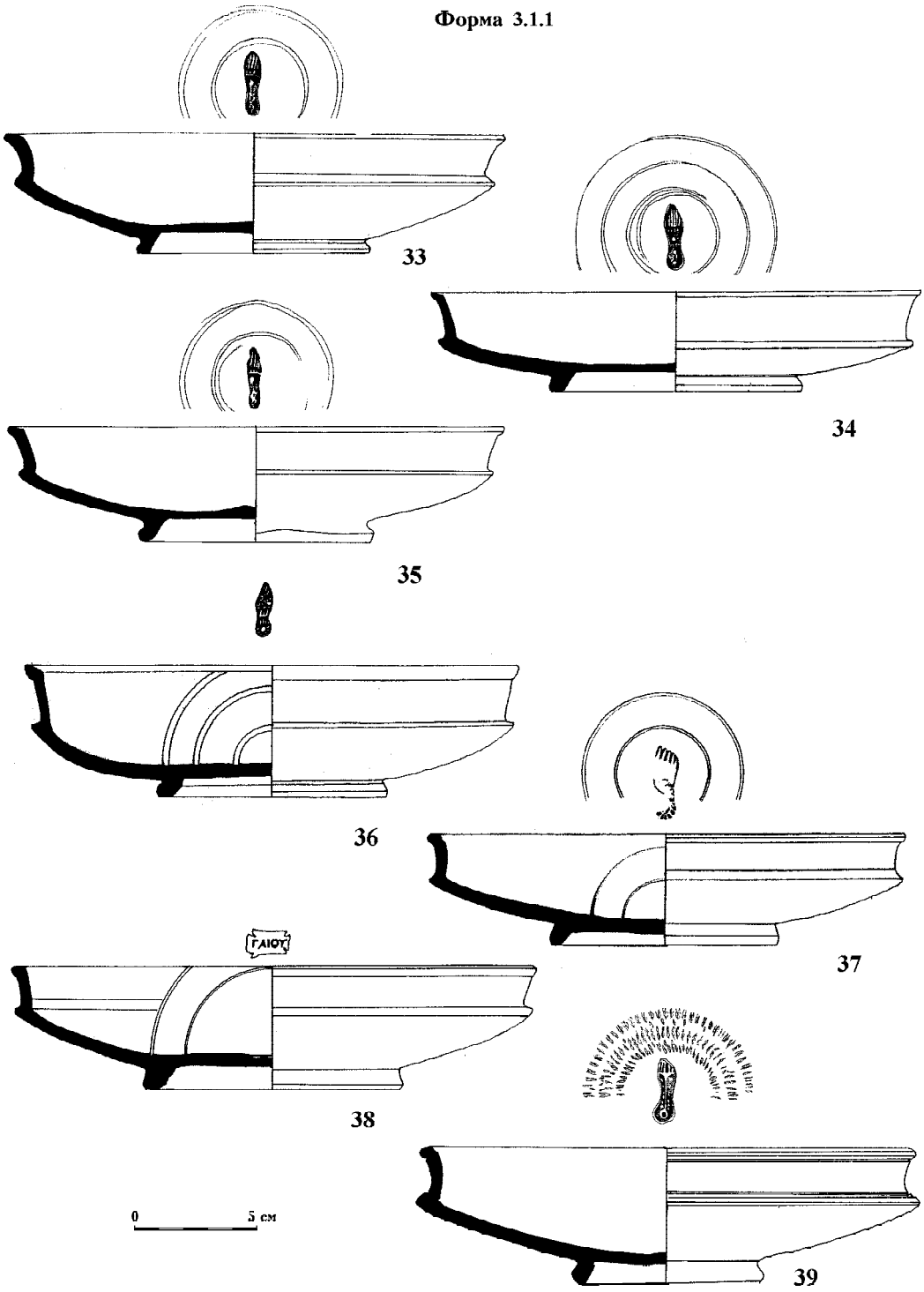

Рис. 5. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 3

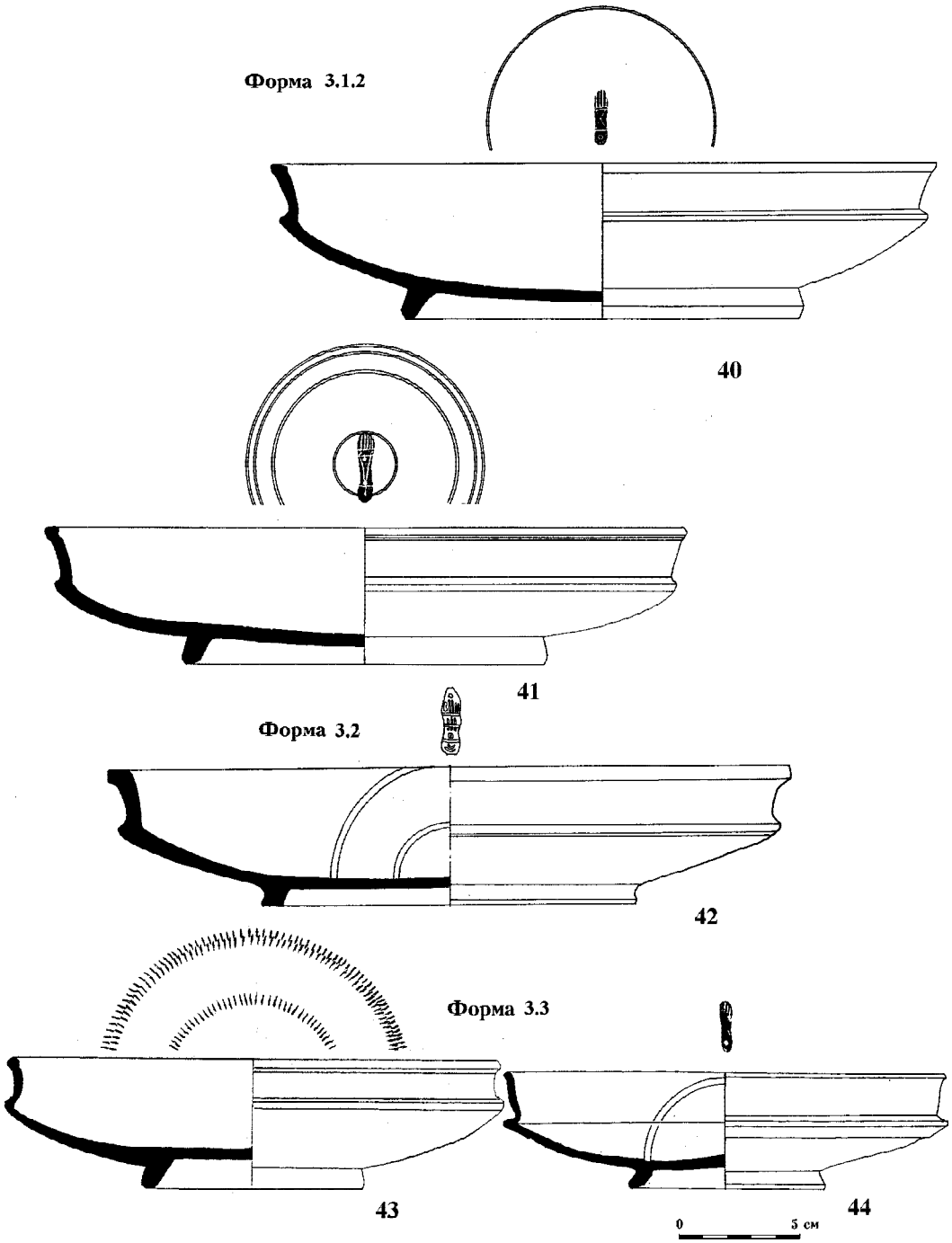

Рис. 6. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 3 (продолжение).

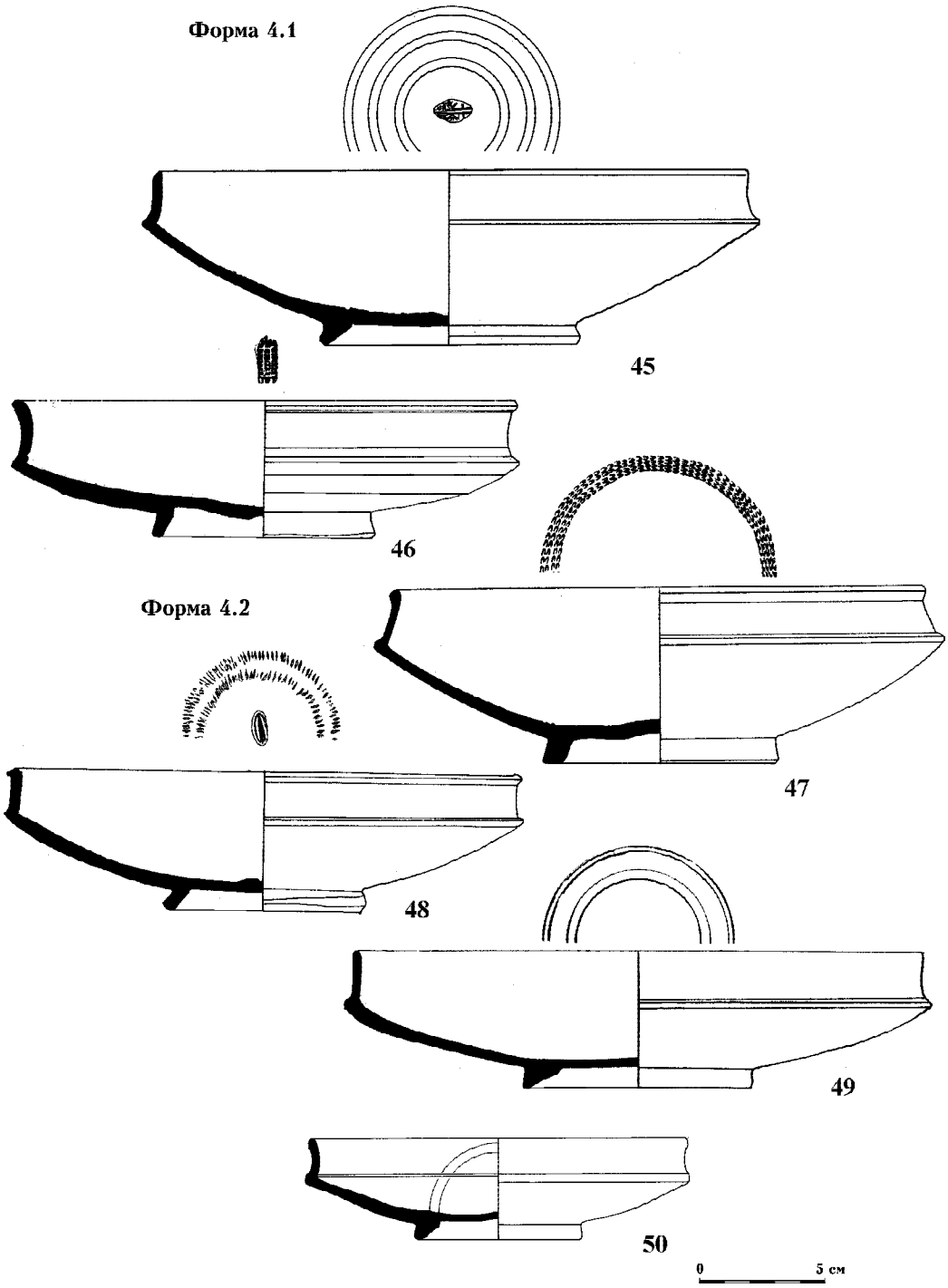

Рис. 7. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 4.

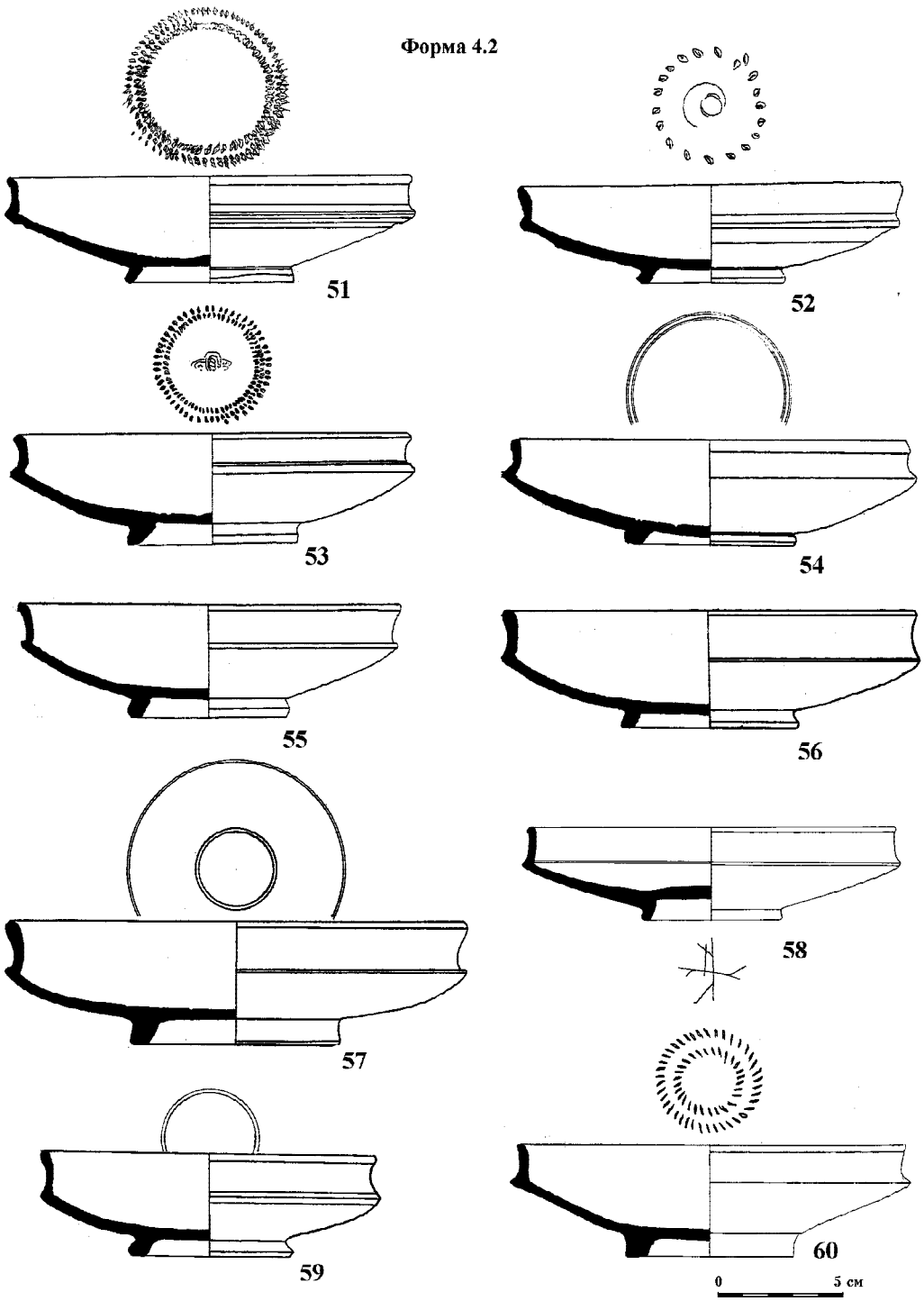

Рис. 8. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 4 (продолжение).

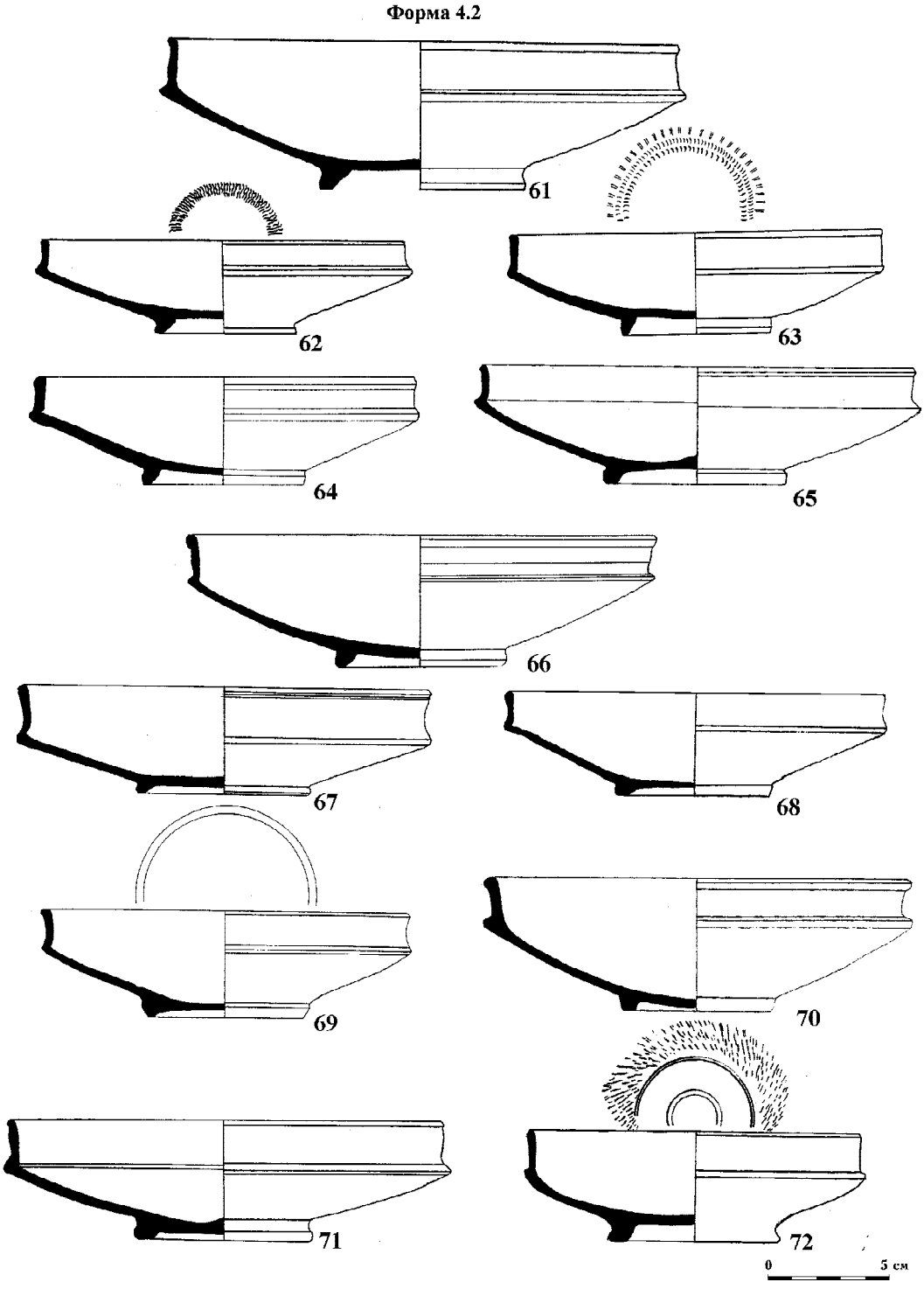

Рис. 9. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV. Форма 4 (продолжение).

Ю.П. ЗАЙЦЕВ, В.И. МОРДВИНЦЕВА, И.И. НЕНЕВОЛЯ,
К.Б. ФИРСОВ, В.Ю. РАДОЧИН

ПОЗДНЕСКИФСКИЙ МОГИЛЬНИК БАЛТА-ЧОКРАК У С. СКАЛИСТОЕ БАХЧИСАРАЙСКОГО РАЙОНА АРК[1]

В 2003 г. Крымской Предгорной экспедицией КФ ИА НАН Украины совместно с Бахчисарайским государственным историко-культурным заповедником были проведены охранные раскопки могильника Балта-Чокрак первых веков н.э. у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК.

Городище Балта-Чокрак было открыто Е.В. Веймарном в 1946 г. Кроме двух шурфов (один на городище, другой – на трассе оборонительной стены), которые были заложены Т.Н. Высотской в 1969 г.[2], никаких раскопок на городище и поселении не проводилось. На основании прежних и новых сборов подъемного материала и невыразительных керамических фрагментов из обоих шурфов городище и прилегающее к нему поселение могут быть суммарно датированы I-III вв. н.э., с заметным преобладанием материалов конца II - III вв. н.э.

Могильник стал известен в результате деятельности грабителей в 2001-2002 гг.: за это время он был практически полностью ограблен. Судя по грабительским шурфам, здесь было разрушено около 500 могильных сооружений. Древний некрополь располагался в 110 м к СЗ от оборонительной стены городища, на пологом склоне, покрытом зарослями густого кустарника и деревьев. Восточная часть выходит на распаханное поле.

Исходя из наблюдений и осмотра всех видимых грабительских шурфов, очевидно, что могилы на некрополе располагались плотными рядами, огибающими склон. Судя по информации, полученной от лесника и местных жителей, в могилах, расположенных в верхней части склона, помимо прочего были найдены краснолаковые тарелки с клеймами planta pedis. Исходя из этого, можно предполагать, что самые ранние могилы датируются второй половиной I - началом II в. н.э. По-видимому, здесь располагалась наиболее древняя часть некрополя.

В восточной части могильника был заложен раскоп, общей площадью 315 кв. м, территория которого была повреждена десятками шурфов, очень точно попадавших на подбои с древними захоронениями (Рис. 1). В ходе работ на могильнике было раскопано 39 могил, из которых 22 были полностью ограблены (№№ 9, 16-22, 24-32, 35-38)[3]. Из них – 29 могил с одним подбоем, три могилы с двумя подбоями, одна грунтовая, одна – погребение младенца в амфоре, одна – плитовая. Одно из захоронений (№ 4), по-видимому, относилось к эпохе бронзы. Остальные могилы содержали материал II-III вв. н.э.

Кроме того, в восточной части раскопа был открыт хозяйственно-жилой комплекс эпохи поздней бронзы – раннего железного века.

Описание могил

Могила № 1. Подбойная (Рис. 2, I).

Входная яма вытянутой овальной формы, ориентирована по оси ЮЮЗ-ССВ, размерами 1,58х0,52 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,0 м. Подбой находился с СЗ стороны от входной ямы и был закрыт наклонным закладом из мелких и средних известняковых плит.

В могиле находилось погребение женщины, возрастом около 35 лет[4], на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЮЗ. Сохранность костей плохая, череп раздавлен. Ноги незначительно сдвинуты в коленях, правая рука вытянута вдоль туловища, левая – незначительно согнута в локте.

Инвентарь отсутствует.

Могила № 2. Подбойная (Рис. 2, II).

Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,3х0,67 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,8 м. Подбой находился с западной стороны от входной ямы и был закрыт мощным закладом из тонких известняковых и меловых плит большого размера, пространство между которыми было плотно забито мелкими камнями.

Над подбоем был зафиксирован грабительский шурф, который был доведен до дна могилы и разрушил верхнюю часть костяка. В нижней части заполнения были встречены

разрозненные человеческие кости плохой сохранности.

Судя по сохранившимся in situ костям ног, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты в щиколотках. Пол и возраст погребенного не определены.

Слева от таза был найден серебряный, сильно потертый денарий Веспасиана (Рис. 2, III):

Л.с. Бюст императора вправо. Надпись по кругу: …]AB VESPASIANUS

О.с. Сидящая женская фигура на троне, влево. Надпись по кругу: …]ANNON[…

Могила № 3. Подбойная (Рис. 4, III).

Входная яма неправильной овальной формы, ориентирована по оси ЮЗ-СВ, размерами 1,8х0,5 м, максимальная глубина от современной поверхности 0,92 м. Подбой находился с СЗ стороны от входной ямы и был закрыт наклонным закладом из мелких и средних известняковых плит. Юго-западная стенка могилы прорезала заполнение ямы XI эпохи поздней бронзы – раннего железного века.

В могиле находилось погребение женщины, возрастом 20-25 лет, на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Сохранность костей плохая, череп раздавлен. Ноги сдвинуты ниже колен, левая рука вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте и положена кистью на таз.

Инвентарь отсутствовал.

Могила № 5. Подбойная (Рис. 3, III).

Входная яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размерами 1,9х0,5 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,5 м. Подбой находился с СЗ стороны от входной ямы.

Подбой и нижняя часть входной ямы были заполнены плотным темным гумусом с обильной примесью мергеля. Вплотную к ЮВ стенке могилы вертикально стояли две плоские известняковые плиты высотой до 0,6 м. Верхняя часть входной ямы, на глубине 0,53-1,2 м от современной поверхности, была плотно забита тремя крупными и несколькими мелкими известняковыми камнями.

В могиле находилось погребение взрослого человека, возрастом около 30 лет. Скелет находился на дне входной ямы, на животе, вытянуто, головой на ЮЗ, лицевой частью вниз, руки согнуты в локтях, кисти сведены в области живота, ноги согнуты под прямым углом, голени подняты кверху.

В верхней части засыпи входной ямы был найден венчик краснолакового кувшина (Рис. 3, II).

Могила № 6. С заплечиками и каменным перекрытием (Рис. 4, I).

Яма прямоугольной в плане формы с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,0х0,65 м, максимальная глубина от современной поверхности 0,82 м. На глубине 0,66 м по периметру могилы были зафиксированы заплечики. Стенки ямы ниже заплечиков плавно переходили в закругленное дно. Перекрытие могилы состояло из двух слоев крупных известняковых плит, уложенных горизонтально, и 2 плит, установленных вертикально у восточной стенки ямы.

В могиле находилось погребение женщины 25-30 лет. Погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Череп обращен лицевой частью на З. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты ниже колен. Левая рука вытянута и прижата к туловищу. Правая рука незначительно согнута в локте. Кисти обеих рук сближены в области живота.

На правой височной кости найдена проволочная серебряная серьга (Рис. 4, II, 2). У левого плеча лежал железный нож (Рис. 4, II, 6). Под черепом компактным скоплением были найдены: бронзовая серьга с подвеской (Рис. 4, II, 1), бронзовое кольцо в 1,5 оборота (Рис. 4, II, 3), бронзовый браслет (Рис. 4, II, 5), стеклянная полихромная бусина (Рис. 4, II, 4).

Датировка могилы: конец II – первая половина III в. н.э.

Могила № 7. Подбойная (Рис. 5, I).

Входная яма неправильной четырехугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,45х0,65 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,45 м. В могиле было устроено 2 подбоя.

Подбой № 1 находился с западной стороны от входной ямы и был закрыт мощным закладом из тонких известняковых и меловых плит большого размера, пространство между которыми было плотно забито мелкими камнями. Крайняя северная плита заклада представляла собой крупный фрагмент известнякового тарапана (Рис. 5, II). Изделие выполнено из плотного мшанкового известняка

и тщательно отесано, особенно с лицевой стороны.

Над южной частью подбоя № 1 был зафиксирован грабительский шурф. В нижней части заполнения были встречены фрагменты черепа мужчины 25-35 лет. Шурф не был доведен до дна могилы и разрушил только южную часть могилы и правое предплечье костяка.

Судя по сохранившимся in situ костям, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты ниже колен. Руки вытянуты вдоль туловища.

У южной стенки могилы in situ сохранилась нижняя часть краснолакового кувшина (Рис. 6, 14), фрагменты которого были также встречены в грабительском перекопе. В области грудной клетки была найдена бронзовая смычковая фибула (Рис. 6, 7). У правого запястья лежал браслет бронзовый (Рис. 6, 15). На месте левой кисти найдены фрагменты бронзового перстня с синей стеклянной вставкой (Рис. 6, 8-9). В области коленных суставов найдены: бронзовая бусина (Рис. 6, 6), бусина из горного хрусталя (Рис. 6, 10), стеклянная полихромная бусина (Рис. 6, 4), фиолетовая и красная стеклянные бусины (Рис. 6, 3, 12), белая и черная стеклянные бусины (Рис. 6, 5), бронзовый браслет (Рис. 6, 1). У левой щиколотки найден согнутый бронзовый браслет (Рис. 6, 2).

Фрагмент железного ножа (Рис. 6, 13) происходит из грабительского перекопа.

Датировка могилы: конец II - первая половина III в. н.э.

Подбой № 2 находился с восточной стороны от входной ямы и был закрыт закладом из тонких известняковых и меловых плит большого размера, пространство между которыми было плотно забито мелкими камнями. Крайняя северная плита заклада, как и в подбое № 1, представляла собой другой крупный фрагмент того же известнякового тарапана (Рис. 5, II). Тарапан имел трапециевидную форму со скругленными углами, размеры его сохранившейся части 1,0х1,0 м, максимальная толщина 0,14 м. С трех сторон сохранился сильно оббитый бортик.

На дне подбоя лежал костяк погребенного взрослого человека на левом боку, в вытянутом положении, ногами на С. Несмотря на непотревоженность погребения, никаких следов черепа и зубов не выявлено. Сохранность костей плохая. Ноги скрещены ниже колен. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – незначительно согнута в локте, ее кисть положена на таз.

Инвентарь: отсутствовал.

Датировка могилы: конец II - первая половина III в. н.э.

Могила № 8. Подбойная (Рис. 7, I).

Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ, размерами 1,98х0,55 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,8 м. Подбой был закрыт закладом из тонких меловых плит.

Над подбоем был зафиксирован грабительский шурф неправильных очертаний. В нижней части заполнения были встречены разрозненные человеческие кости плохой сохранности. Шурф был доведен до дна могилы и разрушил весь костяк, кроме берцовых костей.

В могиле находилось погребение взрослого человека. Судя по сохранившимся in situ костям ног, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЮЗ. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты в щиколотках. Пол и возраст погребенного не определены.

Все находки были извлечены из нижней части засыпи грабительского шурфа. Оттуда происходят: разбитый краснолаковый канфар (Рис. 7, II, 11), две бронзовые смычковые фибулы (Рис. 7, II, 1-2), бронзовая лунница (Рис. 7, II. 5), бусы из стекла (Рис. 7, II, 3, 6, 7), сердолика (Рис. 7, II, 4) и янтаря (Рис. 7, II, 8-10).

Датировка могилы: первая половина III в. н.э.

Могила № 10. Подбойная (Рис. 8, I).

Входная яма правильной прямоугольной формы, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,25х0,75 м, максимальная глубина от современной поверхности 2,24 м.

На глубине 0,8 м от современной поверхности входную яму перекрывали четыре крупные известняковые плиты, уложенные в горизонтальном положении. Центральная плита отличалась особой массивностью и достигала толщины 0,3 м. В могиле было устроено 2 подбоя.

Подбой № 1 находился с западной стороны от входной ямы и был закрыт закладом из 5 тщательно подобранных и обработанных известняковых и меловых плит большого размера.

Над центральной частью подбоя № 1 был

зафиксирован грабительский шурф. В нижней части заполнения были встречены мелкие фрагменты человеческих костей плохой сохранности. Шурф был доведен до дна могилы и разрушил костяк полностью.

Инвентарь: отсутствовал.

Подбой № 2 находился с восточной стороны от входной ямы и был закрыт закладом из двух обработанных известняковых плит правильной прямоугольной формы. Южная часть подбоя была оформлена в виде глубокой ниши, ось которой была отклонена к востоку от основной оси могилы.

На дне могилы был зачищен костяк взрослого человека очень плохой сохранности. Вся грудная клетка, череп и кости правой руки разложились до состояния тлена. Поза погребенного: в вытянутом положении, с завалом на правый бок, головой на Ю, левая рука незначительно согнута, кисть лежит на тазе, ноги сближены ниже колен и незначительно согнуты.

В южной части подбоя, в нише, были найдены: краснолаковая чашка (Рис. 9, 1), в которой находились железный нож (Рис. 9, 17) и кость животного. Рядом найдены краснолаковый кувшин (Рис. 9, 2) и бронзовые детали деревянной шкатулки (Рис. 8, II).

У черепа найдены фрагментированные бронзовые серьги с серебряными каплевидными щитками и синими стеклянными вставками (Рис. 9, 11-12).

В области шеи собраны мелкие бусы из янтаря, стекла и коралла (Рис. 9, 3-7, 9, 13).

В районе грудной клетки зафиксированы: бронзовая лучковая фибула со сплошной обмоткой спинки (Рис. 9, 16), бронзовое зеркало-подвеска с рельефным орнаментом (Рис. 9, 14), бронзовая бусина (Рис. 9, 8), крупная стеклянная бусина (Рис. 9, 10) и бронзовая закрученная проволока (Рис. 9, 19).

На правом запястье был надет бронзовый браслет с окончаниями в виде стилизованных змеиных голов (Рис. 9, 18).

На месте левой кисти лежал бронзовый перстень с полусферической стеклянной вставкой (Рис. 9, 15).

Датировка могилы: первая половина III в. н.э.

Могила № 11. Подбойная (Рис. 10, I).

Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размерами 1,55х0,65 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,5 м. В могиле было устроено 2 подбоя.

Подбой № 1 находился с западной стороны от входной ямы и был закрыт закладом из двух подработанных известняковых плит большого размера. Над подбоем № 1 был зафиксирован грабительский шурф, который разрушил костяк полностью.

Инвентарь: отсутствовал.

Подбой № 2 находился с восточной стороны от входной ямы и был закрыт двухслойным закладом из трех обработанных известняковых плит, которые были дополнительно заложены мелкими необработанными камнями. На дне могилы никаких следов костяка или его тлена выявлено не было. Это обстоятельство позволяет предположить, что здесь был устроен кенотаф.

У южной стенки подбоя стояли краснолаковый кувшин (Рис. 10, II, 13), накрытый плоским известняковым камнем, и краснолаковая чашка (Рис. 10, II, 1), в которой находился железный нож (Рис. 10, II, 8).

У восточной стенки, в южной части подбоя, компактным скоплением были зачищены бусы из одноцветного и полихромного стекла (Рис. 10, II, 2-7, 11, 12), среди которых выделяются две крупные: биконическая черного глухого стекла с желтыми и белыми глазками и кольцевидная зеленоватого прозрачного стекла. Рядом лежали два бронзовых перстня: со стеклянной вставкой (Рис. 10, II, 10) и с гравированным щитком (Рис. 10, II, 9).

Датировка могилы: первая половина III в. н.э.

Могила № 12. Подбойная (Рис. 11).

Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,0х0,6 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,85 м. Подбой находился с западной стороны от входной ямы и был закрыт двухслойным наклонным закладом из тонких известняковых и меловых плит большого размера. Второй внутренний слой заклада состоял из трех обработанных плит прямоугольной формы.

Над северной частью подбоя был зафиксирован грабительский шурф, который не дошел до погребения.

Южная стенка подбоя была оформлена в виде полукруглой ниши, глубиной 0,2 м.

В могиле находилось погребение женщины 30-40 лет. Погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Череп лицевым отделом повернут на З. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти прижаты к тазу. Ноги

незначительно сдвинуты ниже колен. Сохранность костей плохая.

В нише в изголовье костяка находились: раздавленный краснолаковый канфар (Рис. 12, 19) и краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком (Рис. 12, 17), в которой находились железный нож (Рис. 12, 1) и кость животного.

На груди погребенной зачищено скопление предметов: зеркало, состоящее из свинцовой квадратной рамки с рельефным орнаментом и фрагментов стеклянного сосуда (Рис. 12, 14), стеклянные и янтарные бусы (Рис. 12, 3-5, 9-10), бронзовая смычковая фибула (Рис. 12, 16).

Вдоль левой руки, с внутренней ее стороны, находились: бронзовая лучковая фибула с фигурной обмоткой спинки, которая полностью разложилась в грунте, бронзовый браслет (Рис. 12, 18), бусина из черного глухого стекла (Рис. 12, 2), крупная биконическая бусина с фестонообразным орнаментом (Рис. 12, 11), крупная бусина из прозрачного светло-зеленого стекла (Рис. 12, 6), бронзовая проволочная петля (Рис. 12, 15) и две стеклянные бусины (Рис. 12, 7-8).

На фалангах пальцев левой руки зафиксированы окислы трех серебряных перстней, один из них был со стеклянной выпуклой вставкой (Рис. 12, 12). На фалангах пальцев правой руки сохранились окислы еще одного серебряного перстня и бронзовый пластинчатый перстень с гравировкой на щитке (Рис. 12, 13).

Между кистей обнаружен раздавленный стеклянный стакан (Рис. 12, 20).

Датировка могилы: первая половина III в. н.э.

Могила № 13. Подбойная (Рис. 13, I).

Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,84х0,7 м, максимальная глубина от современной поверхности 2,2 м. Подбой находился с западной стороны от входной ямы и был закрыт закладом из массивных известняковых плит разного размера.

Над северной частью подбоя и заклада был зафиксирован грабительский шурф. В нижней части заполнения были встречены разрозненные человеческие кости плохой сохранности, в том числе фрагменты черепа, принадлежащего мужчине 25 лет. Шурф разрушил верхнюю часть костяка.

Судя по сохранившимся in situ костям ног и левой руки, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты ниже колен.

У южной стенки подбоя находилась узкогорлая амфора из розовой глины (Рис. 13, II, 5), пропущенная грабителями, а также крупная кость животного. У левой бедренной кости была найдена бронзовая пряжка с прямоугольным щитком (Рис. 13, 2-4). В грунте грабительского перекопа был найден разломанный бронзовый браслет (Рис. 13, II, 1).

Датировка могилы: около середины III в. н.э.

Могила № 14. Подбойная (Рис. 14, I).

Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ, размерами 1,80х0,65 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,73 м. Подбой находился с восточной стороны от входной ямы и был закрыт двухслойным закладом из тонких меловых плит. На дне, в центре входной ямы, в вертикальном положении был установлен известняковый камень, подпиравший заклад снаружи.

Над подбоем был зафиксирован грабительский шурф, который полностью разрушил костяк взрослого человека 25-30 лет, кости которого были обнаружены в нижней части его заполнения.

У северной стенки подбоя, на участке, не тронутом грабителями, было зачищено компактное скопление предметов: гагатовая антропоморфная подвеска (Рис. 14, II, 1), бронзовая пластинчатая лунница (Рис. 14, II, 2), бронзовая литая подвеска (Рис. 14, II, 3), бусы из гагата и стекла (Рис. 14, II, 6-12), миниатюрная лучковая фибула из белого металла с фигурной обмоткой спинки (Рис. 14, II, 18). Возможно, здесь находилось полностью истлевшее детское захоронение.

Из грабительского перекопа были извлечены фрагменты бронзовых предметов (Рис. 14, II, 4-5, 13, 15), два железных ножа (Рис. 14, II, 16-17) и бронзовый перстень с окончаниями в виде стилизованных змеиных голов (Рис. 14, II, 14).

Датировка могилы: конец II - первая половина III в. н.э.

Могила № 15. Подбойная (Рис. 3, IV).

Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,40х0,7 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,9 м. Подбой находился с западной стороны от входной ямы и был закрыт мощным закладом из трех очень крупных известняковых и меловых плит,

пространство между которыми было плотно забито мелкими камнями. Под крайней южной плитой заклада был горизонтально уложен известняковый камень.

Над центральной частью входной ямы был зафиксирован грабительский шурф. При углублении шурфа была разбита центральная плита, и через образовавшееся отверстие грабители проникли в камеру подбоя. Ими была перекопана до дна вся южная половина подбоя: здесь были встречены разрозненные кости и фрагменты черепа взрослого человека возрастом 30-40 лет. Шурф разрушил только верхнюю часть костяка.

Судя по сохранившимся in situ костям ног, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты ниже колен.

В южной части могилы были зафиксированы четкие грунтовые отпечатки корпуса узкогорлой амфоры и краснолаковой чашки на кольцевом поддоне и с полусферическим корпусом. Сами сосуды были похищены современными грабителями. В заполнении могилы найден фрагмент бронзового кольца (Рис. 3, V, 3).

У бедренных костей in situ были найдены бронзовая смычковая фибула (Рис. 3, V, 1) и крупная халцедоновая бусина (Рис. 3,V, 2).

Датировка могилы: конец II - первая половина III в. н.э.

Могила № 23. Подбойная (Рис. 15, I).

Входная яма правильной прямоугольной формы, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,05х0,55 м, максимальная глубина от современной поверхности 1,7 м. В могиле было устроено 2 подбоя.

Подбой № 1 находился с восточной стороны от входной ямы и был закрыт закладом из тщательно подобранных известняковых и меловых плит разного размера. У южной стенки входной ямы, на глубине 1,05 м, зафиксирован наклонно лежащий известняковый камень, который служил своеобразной распоркой между двумя закладами. Судя по его положению, заклад подбоя № 1 был сооружен позже, чем заклад подбоя № 2.

Над южной частью подбоя № 1 был зафиксирован грабительский шурф. В нижней части заполнения были встречены фрагменты черепа мужчины около 30 лет со следами черепной травмы, которая предположительно послужила причиной смерти. Шурф был доведен до дна могилы и разрушил верхнюю часть костяка.

На дне северной части подбоя были зачищены кости двух погребенных.

Погребение № 1. Длинные кости этого погребения были в древности сдвинуты в северо-восточный угол подбоя. При зачистке костей были собраны бусы из стекла нескольких типов (Рис. 15, II, 1-4).

Погребение № 2. Судя по сохранившимся in situ костям, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты ниже колен. Поверх берцовых костей ног найдена нижняя челюсть, относящаяся к черепу, происходящему из грабительского шурфа.

Справа от берцовых костей и в районе пяток найдено 5 серебряных римских денариев (Рис. 15, II, 11-15):

1) Денарий Пертинакса (Рис. 15, II, 15).

Л.с. Бюст императора вправо. Надпись по кругу: …]PERTINA[…

О.с. Женская фигура в покрывале влево, с венком в правой руке. Надпись по кругу: …]VOLGECENIMPKOSII[…

2) Денарий (Рис. 15, II, 13).

Л.с. Бюст императора вправо. Надпись по кругу в точечном ободке: ANTONINUSAVG[…

О.с. Стоящая человеческая фигура влево, в левой руке – посох, правая – отставлена. Надпись по кругу: неразборчиво.

3) Денарий Пертинакса (Рис. 15, II, 14).

Л.с. Бюст императора вправо. Надпись по кругу в точечном ободке: …]EPSEVPERTAVG[…

О.с. Трофей. Надпись по кругу в точечном ободке: неразборчиво.

4) Денарий (Рис. 15, II, 11).

Л.с. Бюст императора вправо.

О.с. Сидящая человеческая фигура на троне влево.

5) Денарий (Рис. 15, II, 12).

Л.с. Бюст императора вправо. Надпись по кругу в точечном ободке: неразборчиво.

О.с. Стоящая задрапированная человеческая фигура на троне влево. Надпись по кругу в точечном ободке: …]AVG.

Датировка могилы: первая половина III в. н.э.

Подбой № 2 находился с западной стороны от входной ямы и был закрыт закладом из трех обработанных известняковых плит.

Над южной частью подбоя № 2 был

зафиксирован грабительский шурф. В нижней части заполнения были встречены фрагменты человеческих костей плохой сохранности. Шурф разрушил верхнюю часть костяка.

Судя по сохранившимся in situ костям, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты ниже колен.

У южной стенки могилы у изголовья костяка был зафиксирован отпечаток узкогорлой амфоры, похищенной современными грабителями. Под этим отпечатком была обнаружена краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком (Рис. 15, II, 9), в которой лежал железный нож (Рис. 15, II, 10). Рядом были найдены крупные бусы из сердолика, янтаря и полихромного стекла (Рис. 15, II, 5-8).

Датировка могилы: первая половина III в. н.э.

Могила № 33. Подбойная (Рис. 17).

В центральной части могильника была обнаружена частично разграбленная подбойная могила, которая отличалась своими необычно большими размерами.

Входная яма предположительно прямоугольной формы, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2,5х0,9 м, максимальная глубина от современной поверхности 2,5 м. Подбой находился с восточной стороны от входной ямы и был закрыт закладом из массивных известняковых плит очень большого размера. Над южной частью входной ямы и над подбоем были зафиксированы грабительские шурфы.

Судя по сохранившимся in situ костям ног, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Сохранность костей плохая. Ноги незначительно сдвинуты в щиколотках.

Между коленных суставов были зачищены: 2 крупные обувные бронзовые пряжки с квадратной рамкой и прямоугольным щитком (Рис. 17, II, 2-3), рядом находились 2 бронзовых наконечника ремней в виде пятиугольной пластины (Рис. 17, II, 4-5).

У северной стенки подбоя лежал набор железных предметов конской узды с остатками кожаных ремней: звено удил с кольцом (Рис. 17, II, 6), кольцо (Рис. 17, II, 8), 2 крупные пряжки (Рис. 17, II, 7, 9), маленькое кольцо.

В слое грабительского перекопа был найден крупный железный нож (Рис. 17, II, 1).

Датировка могилы: первая половина II в. н.э.

Могила № 34. Погребение младенца в амфоре (Рис. 16, I).

Яма прямоугольной формы со скругленными углами была ориентирована по линии С-Ю. Ее размеры: 1,35 х 0,6 м. Максимальная глубина от современной поверхности 1,1 м. Дно ямы скругленное.

На дне ямы горловиной на Ю была уложена большая красноглиняная амфора с цилиндрическим горлом, сложнопрофилированными ручками, вытянутым яйцевидным рифленым корпусом и конической ножкой, т.н. мирмекийского типа, длиной 1,05 м (Рис. 16, II, 1). Ее устье было закрыто плоским известняковым камнем. Корпус амфоры растрескался от давления грунта, один из фрагментов провалился внутрь. Несмотря на это, сосуд полностью сохранил первоначальную форму, а грунт внутрь амфоры не попал.

Известковая корка полностью скрывала остатки костяка младенца очень плохой сохранности. Сохранились только фрагменты черепного свода и кости ног. Судя по их положению, умерший был положен головой на Ю, на спине, в вытянутом положении, ноги незначительно согнуты в коленях и разведены в стороны. Для помещения ребенка в сосуд в нижней части корпуса амфоры был сначала аккуратно выбит, а затем приставлен на место большой кусок стенки подтреугольной формы.

В области грудной клетки найдены бусы и подвески из янтаря, сердолика и египетского фаянса (Рис. 16, II, 3-7), бронзовый колокольчик с длинной проволочной петлей (Рис. 16, II, 2).

Датировка могилы: около середины III в. н.э.

Могила № 39. Плитовая (Рис. 18, I).

Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии С-Ю. Ее размеры: 2,1х0,6 м. Максимальная глубина от современной поверхности 1,78 м.

Вдоль западной стенки ямы были установлены пять известняковых плит. В восточной стенке ямы, на высоте 0,4 м от ее дна, был устроен горизонтальный паз. Горизонтальное трехслойное перекрытие из плоских известняковых плит и камней одним краем опиралось на этот паз, а другим – на вертикальные известняковые плиты. Часть плит просела в заполнение могилы под давлением грунта.

На дне могилы лежал костяк мужчины 25-40 лет, на спине в вытянутом положении, с завалом на правый бок, правая рука вытянута вдоль туловища, левая – положена на паховую

область, ноги сдвинуты ниже колен. Череп завален на правый бок, лицевой частью на В. Сохранность костей – средняя.

Слева от таза была найдена крупная железная кольцевидная пряжка с подвижным язычком (Рис. 18, II, 2). Под левой бедренной костью – еще одна железная пряжка (Рис. 18, II, 3) меньших размеров. С внутренней стороны левой бедренной кости лежал крупный железный нож (Рис. 18, II, 1).

Датировка могилы: около середины III в. н.э.

Раскопки могильника Балта-Чокрак в 2003 г. впервые дали представление о топографии и хронологии этого памятника. Был исследован участок некрополя, расположенный у северо-восточного склона одноименного городища. Могильник относится к позднескифской археологической культуре и может быть суммарно датирован I-III вв. н.э. Исследованный раскопками участок топографически занимает наиболее низменную часть склона и, судя по имеющейся информации, является наиболее поздним. Его предварительная датировка – конец II – середина/вторая половина III в. н.э. Могила № 33, исследованная выше по склону, датируется более ранним временем - первая половина II в. н.э. Несмотря на почти полное ограбление погребальных сооружений, удалось получить интересный и важный в культурном и хронологическом отношении материал. Особо следует выделить находки шести серебряных римских денариев и оригинальной гагатовой антропоморфной подвески. Большой редкостью для позднескифских некрополей является захоронение младенца в амфоре № 34.

Отдельный интерес представляет контекстная находка римского зеркала в свинцовой квадратной рамке (могила 12). Подобные находки неоднократно привлекали внимание исследователей[5]. В последней, наиболее полной сводке из Северного Причерноморья учтено всего 11 свинцовых рамок-зеркал, в основном происходящих из Херсонеса и Пантикапея[6]. В этой же работе опубликована ближайшая аналогия Балта-Чокракскому экземпляру, к сожалению, неизвестного происхождения[7]. Однотипные рамки, в частности, происходят из Дуросторума[8].

Происхождение зеркал в свинцовых рамках однозначно связывается с римскими провинциями[9], а В.М. Зубарь считает, что они попали в Северное Причерноморье не как предметы торговли, а вместе с солдатами XI Клавдиева легиона[10].

Антропологическое приложение

Для анализа был использован краниологический материал из 15 погребений, степень сохранности которого можно определить как плохую. В ряде случаев материал нуждался в подготовительной обработке и реставрации. Возрастные определения проводились по схемам облитерации черепных швов при соотнесении со степенью стертости зубов[11]. Пол определялся по методике отечественных авторов В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебец[12].

Погребение-1. Череп грацильный, форма сфеноидальная. Сосцевидные отростки 25 мм. Наружный рельеф затылочной кости хорошо выражен. Нижняя челюсть грацильна, треугольной формы со слабым рельефом. Состояние зубной системы и облитерация черепных швов соотносятся с 35 годами. Отмечена асимметрия теменных костей. На зубах - отложение зубного камня светло-серого цвета. Погребение, предположительно, было женским.

Погребение-2. Получено несколько грацильных фрагментов стенок черепа с сильной посмертной деформацией.

Погребение-3. Получены фрагменты грацильного черепа. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы с хорошо выраженным подбородком. Фрагменты черепа со следами сильной посмертной деформации. Возраст погребенного 20-25 лет. Погребение, предположительно, было женским.

Погребение-5. Получен массивный фрагмент теменной кости. Облитерация черепных швов соотносится с возрастом 30 лет.

Погребение-6. Череп грацильный, по форме - бирзоид. Надпереносье на 1 балл, сосцевидные отростки 25 мм. Затылочная кость со слабо развитым внешним рельефом. Нижняя челюсть грацильна, округлая, рельеф не выражен. Моляры на нижней челюсти слева утеряны при жизни, лунки заросли. Возраст погребенного 25-30 лет, пол, предположительно, женский.

Погребение-7. Фрагменты черепа грацильны. Нижняя челюсть треугольной формы, грацильна. Наружный рельеф затылочной кости хорошо выражен. Очень хорошо развит наружный затылочный бугор. Возраст погребенного 25-35 лет, пол, предположительно, мужской.

Погребение-12. Полученные фрагменты

массивны. Надпереносье на 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости хорошо выражен. Возраст погребенного 30-40 лет. На зубах отмечено отложение зубного камня серо-желтого цвета. Пол погребенного, предположительно, мужской.

Погребение-13. Получены очень массивные фрагменты черепа. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Развитие надпереносья на 2 балла, сосцевидных отростков 35 мм. Нижняя челюсть треугольной формы, массивная, с хорошим рельефом и подбородочным выступом. Стертость зубов соотносится с 25 годами. На зубах отмечена эмалевая гипоплазия. Пол погребенного, предположительно, мужской.

Погребение-14. Получены грацильные фрагменты черепа со значительной посмертной деформацией. На затылочной кости сильно выражен наружный затылочный бугор. На внутренних стенках глазниц cribra orbitale. Возраст погребенного 25-30 лет.

Погребение-15. Получены грацильные фрагменты черепа. Затылочная кость с хорошо выраженным внешним рельефом. В области теменных и затылочной костей наблюдается асимметрия. На зубах - отложение зубного камня серо-желтого цвета. Возраст погребенного 30-40 лет. Пол погребенного установить затруднительно.

Погребение-23. Получены фрагменты массивного черепа. Надпереносье на 4 балла. Нижняя челюсть округлая с хорошо выраженным рельефом и подбородочным выступом. Возраст погребенного около 30 лет. На левой теменной кости имеется разрушение треугольной формы размерами 35х30х35мм, с расходящимися от углов трещинами. Характер травмы несовместим с жизнью. Пол погребенного, предположительно, мужской.

Погребение-25. Череп грацильный, форма сфеноидальная. Развитие сосцевидных отростков 34 мм, надпереносье - 1 балл. Затылочная кость с хорошо выраженным внешним рельефом. На черепе отмечены os lambdoides. Нижняя челюсть грацильна, с дегенеративными изменениями. Облитерация черепных швов соотносится с 20 годами, стертость зубов - с 20-25 годами. На нижних молярах кариес. На зубах отмечено отложение зубного камня светло-серого цвета. На верхних резцах следы эмалевой гипоплазии. На черепе отмечена асимметрия теменных и затылочной костей. Пол погребенного, предположительно, женский.

Погребение-27. Получены фрагменты умеренно массивного черепа. Наружный рельеф затылочной кости хорошо выражен. Надпереносье на 0 баллов. Лобный шов не зарос. Возраст погребенного 30-40 лет; пол, предположительно, женский.

Погребение-32. Череп умеренно массивный, по форме сфеноидальный. Затылочная кость с хорошо выраженным внешним рельефом. Надпереносье на 3 балла. Лобный шов не зарос. Нижние премоляры утеряны при жизни, лунки заросли. Затылочная кость со следами непреднамеренной искусственной деформации по типу «бешик»[13]. На верхних премолярах отмечен кариес. На зубах наблюдается отложение зубного камня серо-желтого цвета. Возраст погребенного 35-45 лет; пол, предположительно, мужской.

Погребение-39. Череп умеренно массивный, форма сфеноидальная. Надпереносье на 4 балла, сосцевидные отростки 25 мм. Альвеолярная часть параболическая, нижняя челюсть грацильна, округлой формы с хорошо выраженным подбородочным краем. Наружный рельеф затылочной кости хорошо выражен. Облитерация черепных швов соотносится с 40 годами, тогда как стертость зубов соответствует 25-30 годам. Нижние премоляры с обеих сторон утеряны при жизни, лунки заросли. На нижних резцах отмечена эмалевая гипоплазия. На внутренних стенках глазниц - cribra orbitale. Установлена незначительная асимметрия теменных костей. Пол погребенного, предположительно, мужской.

Таким образо,м исследовано 15 черепов, пять из которых были мужскими, восемь - женскими и у двух погребенных половую принадлежность установить не удалось.

Возраст погребенных мужчин и женщин приблизительно одинаков (средний возраст погребенных мужчин составил 31,4 года, женщин - 31,2).

В пяти случаях удалось проследить форму черепной коробки (сфеноидальная-4, бирзоид-1). По черепному указателю черепа мезокранны и брахикранны.

Среди различного рода патологий преобладают зубо-челюстные (зубной камень-5, утрата зубов-3, эмалевая гипоплазия-3, кариес-2, дегенеративные изменения нижней челюсти-1). В двух случаях отмечена cribra

orbitale.

В четырех случаях установлена асимметрия теменных костей и в одном - следы непреднамеренной искусственной деформации затылочной кости. Эти изменения можно объяснить остеомаляцией костей в раннем возрасте, что подтверждается их сочетанием с гипоплазией зубной эмали, cribra orbitale. Достаточно высокая встречаемость описанных изменений (у 1/3 погребенных индивидуумов) говорит в пользу неблагоприятных условий их жизни[14].

Зафиксирована одна травма на левой теменной кости в результате удара острым предметом треугольной формы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поскольку данная публикация фактически является изданием полевого отчета в сокращенной форме, авторы не ставили перед собой задачу анализа погребального инвентаря и обоснования его хронологии, предоставляя такую возможность заинтересованным специалистам.
2. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. - К., 1972, с. 54.
3. Ограбленные могилы, в которых инвентаря не найдено, исключены из текста в целях сокращения объема публикации.
4. Определения костных остатков были проведены В.Ю. Радочиным.
5. Калашник Ю.П. Свинцовые рамки стеклянных зеркал в собрании Эрмитажа // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. - Л., 1979; Зубарь В.М. О свинцовых зеркалах из некрополя Херсонеса // Проблемы античной культуры. - М., 1986.
6. Трейстер М.Ю. Италийские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе // СА 1. - 1991, с. 96, 102.
7. Там же, рис. 1, 4; с. 102, № 11.
8. Museteanu C., Elefterescu D. Oglinzi romane din plumb de la Durostorum // Pontica, XI, 11. - Constanta, 1978, fig. 3, 13, 15; p. 108.
9. Трейстер, Италийские и провинциально-римские зеркала …, с. 95.
10. Зубарь, О свинцовых зеркалах…, с. 92.
11. Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Антропологические материалы из могильника Никулкино // КСИА 212. - 2001.
12. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. - М., 1964.
13. Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. - Л., 1989.
14. Бужилова, Гончарова, Антропологические материалы…, с. ; Батиева Е.Ф. Каталог антропологических материалов из могильников Аксайского района. Аксайские древности. - Ростов-на-Дону, 2002; Перерва Е.В. Палеопатологические особенности хазар из погребений нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник 6. - 2003.

Таблица-1. Индивидуальные размеры черепов из погребений

признаки	Номера погребений											
По Мартину				2	3	4	5	3	5	7	2	9
1 Продольный диаметр	65						67		75		69	74
8 Поперечный диаметр	28		45				33		42	25	39	34
9 наименьшая ширина лба	9	4		0	1	5		1	3	2	00	9
10 наибольшая ширина лба	06	20		20		08	27	10	16	14	20	27
11 ширина основания черепа												20
5 длина основания черепа												04
16 ширина затылочного отверстия					1							3
7 длина затылочного отверстия					7							4
12 ширина затылка												06
17 высотный диаметр					31							35
20 ушная высота												40
29 лобная хорда	9	04		16	10	17		17	12	06	10	15
30 теменная хорда	04	10										01
31 затылочная хорда	7		4									01
26 лобная дуга	10	20		35	25	35		35	30	15	25	30
27 теменная дуга	30	27		25					25			30
28 затылочная дуга	00		15									20
45 скуловой диаметр												19
51 ширина орбиты		7								5		
50 максилофронтальная ширина		6		6	4	8		8	6	7	9	2
62 длина неба												2
68 длина нижней челюсти от углов				5					5			00
70(а) высота ветви ниж. чел.	9			5	2				5	2		5
69(с) медиальная высота	0											0
65 мыщелковая ширина												23
71 ширина ветви	7			8	7				8	7		0
69-1 высота тела Р2-М1	3			7		1		1	7			7
69-2 высота тела М1-М2	1			7		8		8	7			7
79 угол ветви ниж. Чел.	15				31					31		22

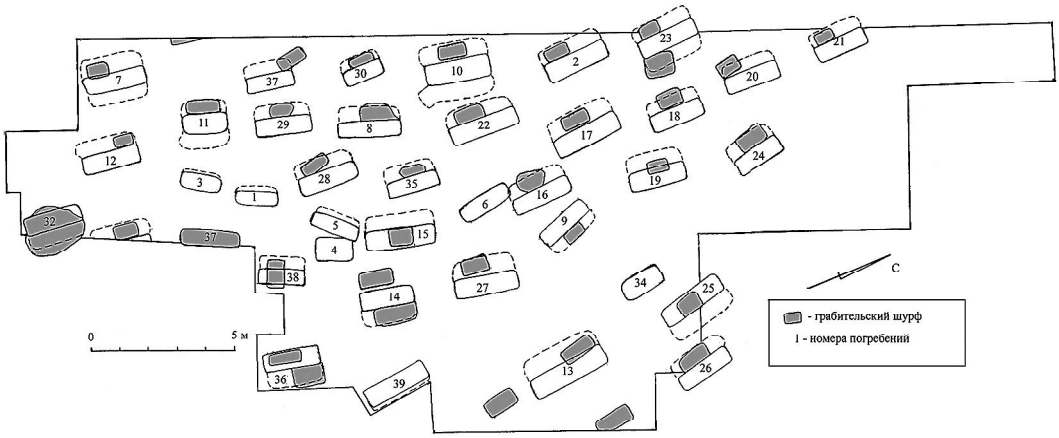

Рис. 1. Общий план могильника Балта-Чокрак с указанием грабительских шурфов.

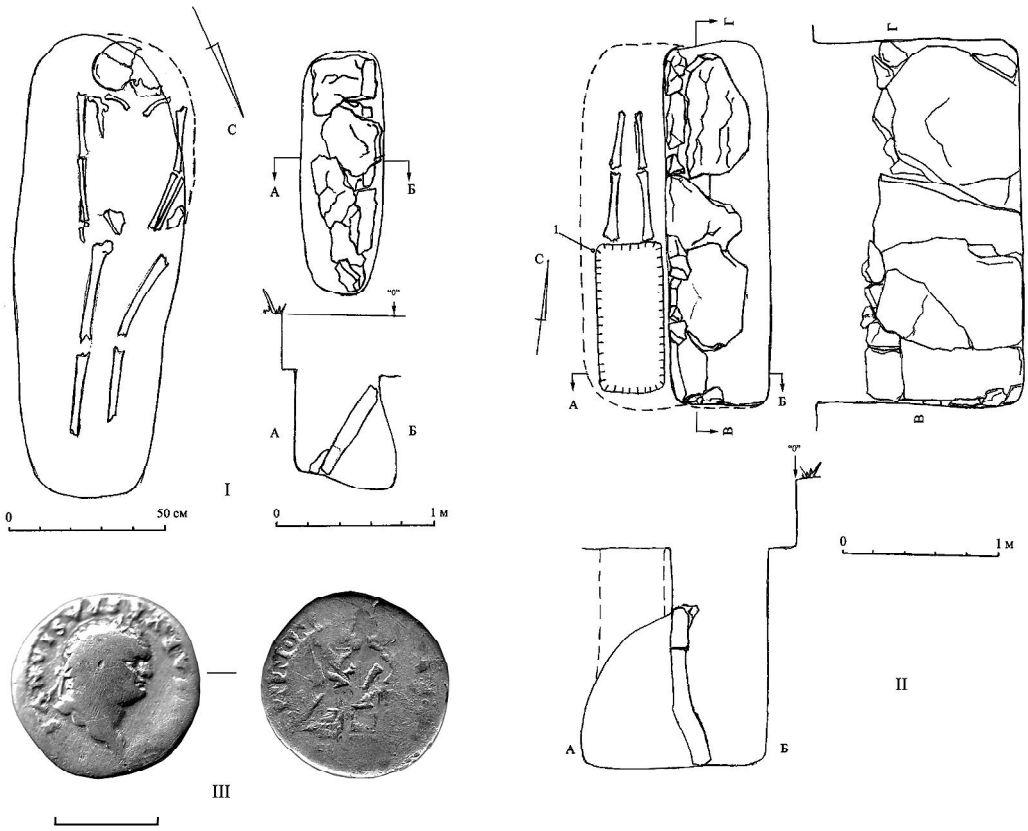

Рис. 2. I – Планы и разрез могилы № 1. 1 – монета. II – План и разрезы могилы № 2. III – монета из могилы № 2.

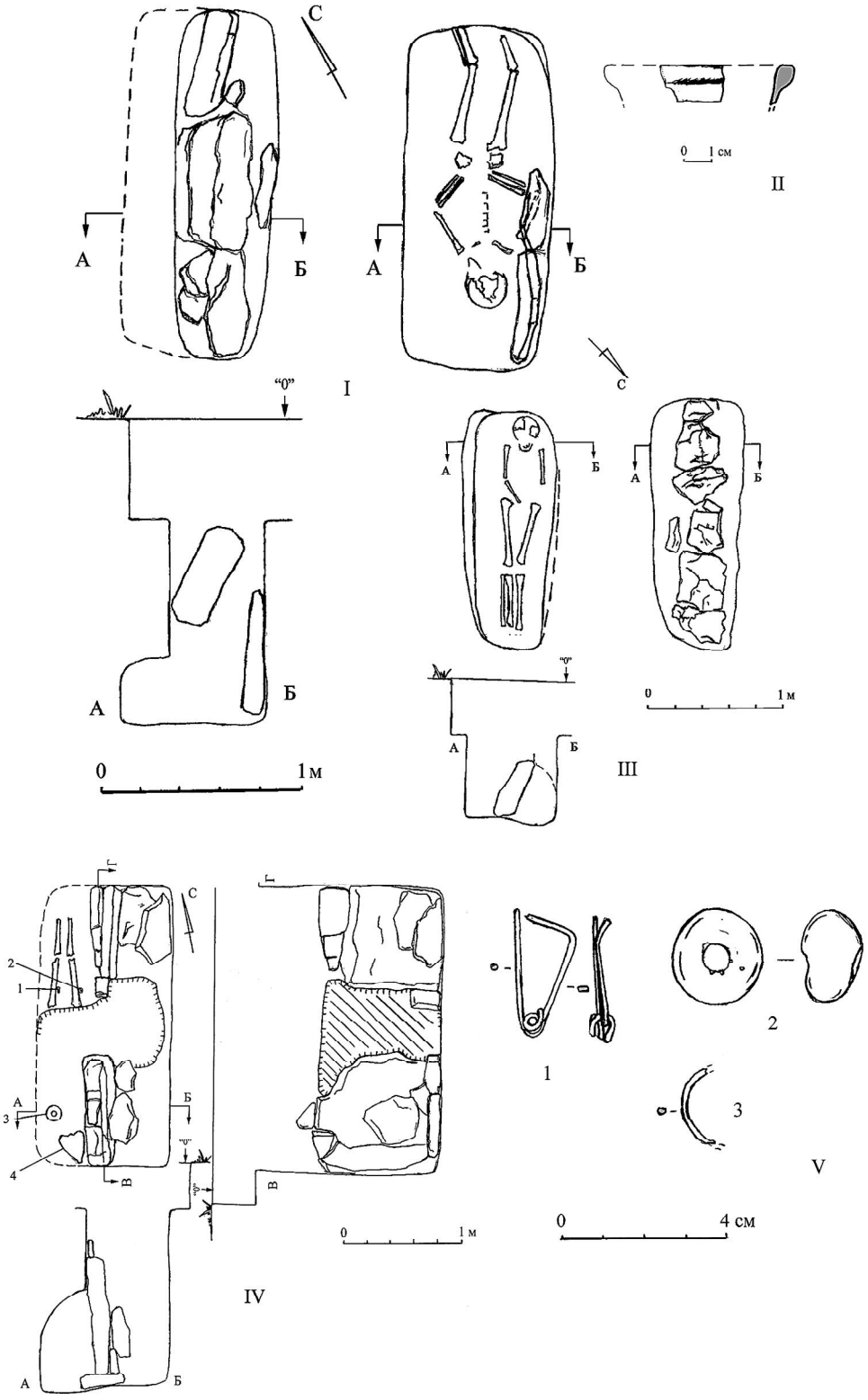

Рис. 3. I – Планы и разрез могилы № 5. II – Фрагмент венчика сосуда из могилы № 5.
III – Планы и разрез могилы № 3. IV – План и разрезы могилы № 15.
V – Находки из могилы № 15.

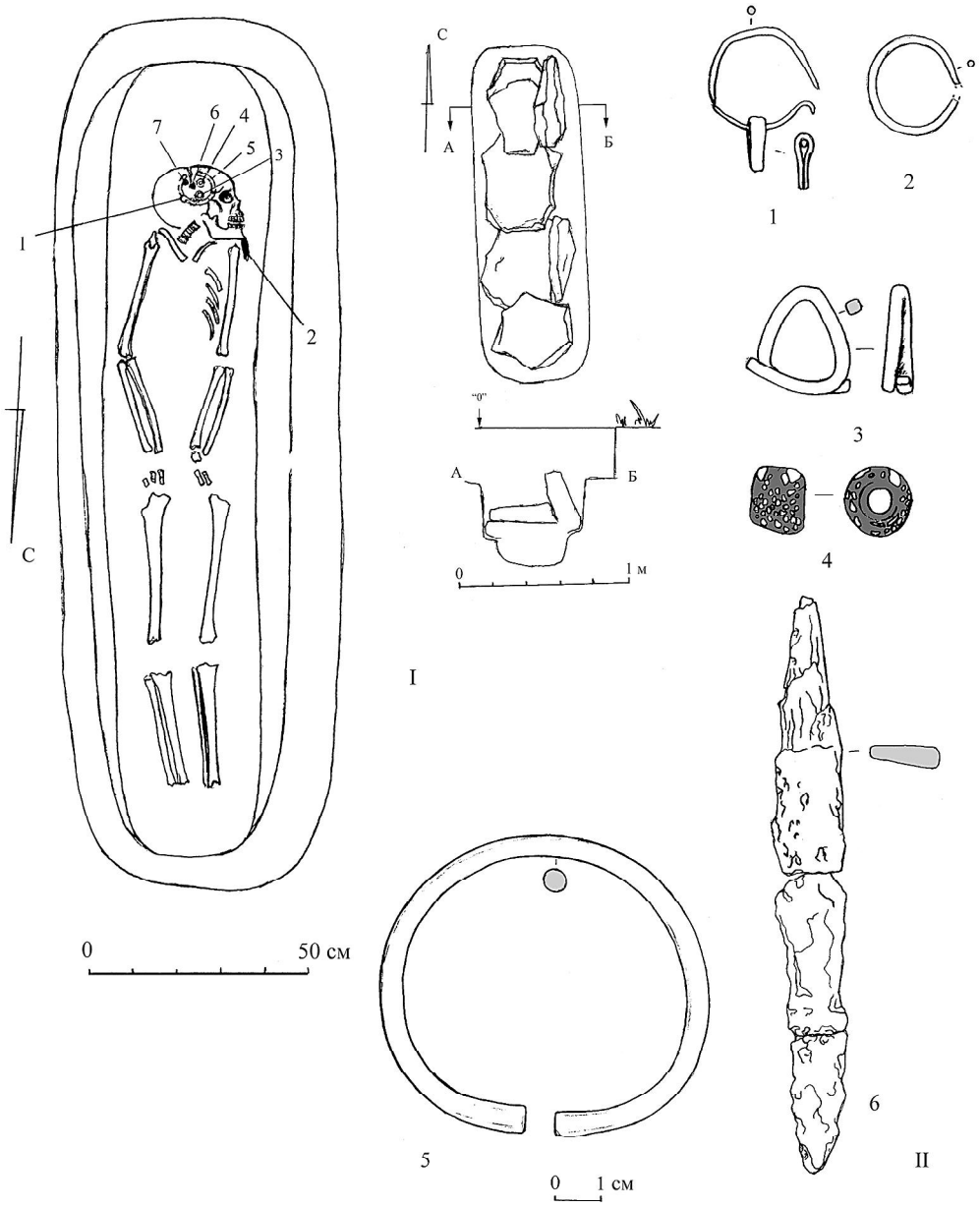

Рис. 4. I – Планы и разрез могилы № 6. 1 – серьга, 2 – нож, 3 – серьга, 4 – кольцо, 5 – кольцо, 6 – бусина, 7 – браслет. II – Находки из могилы № 6.

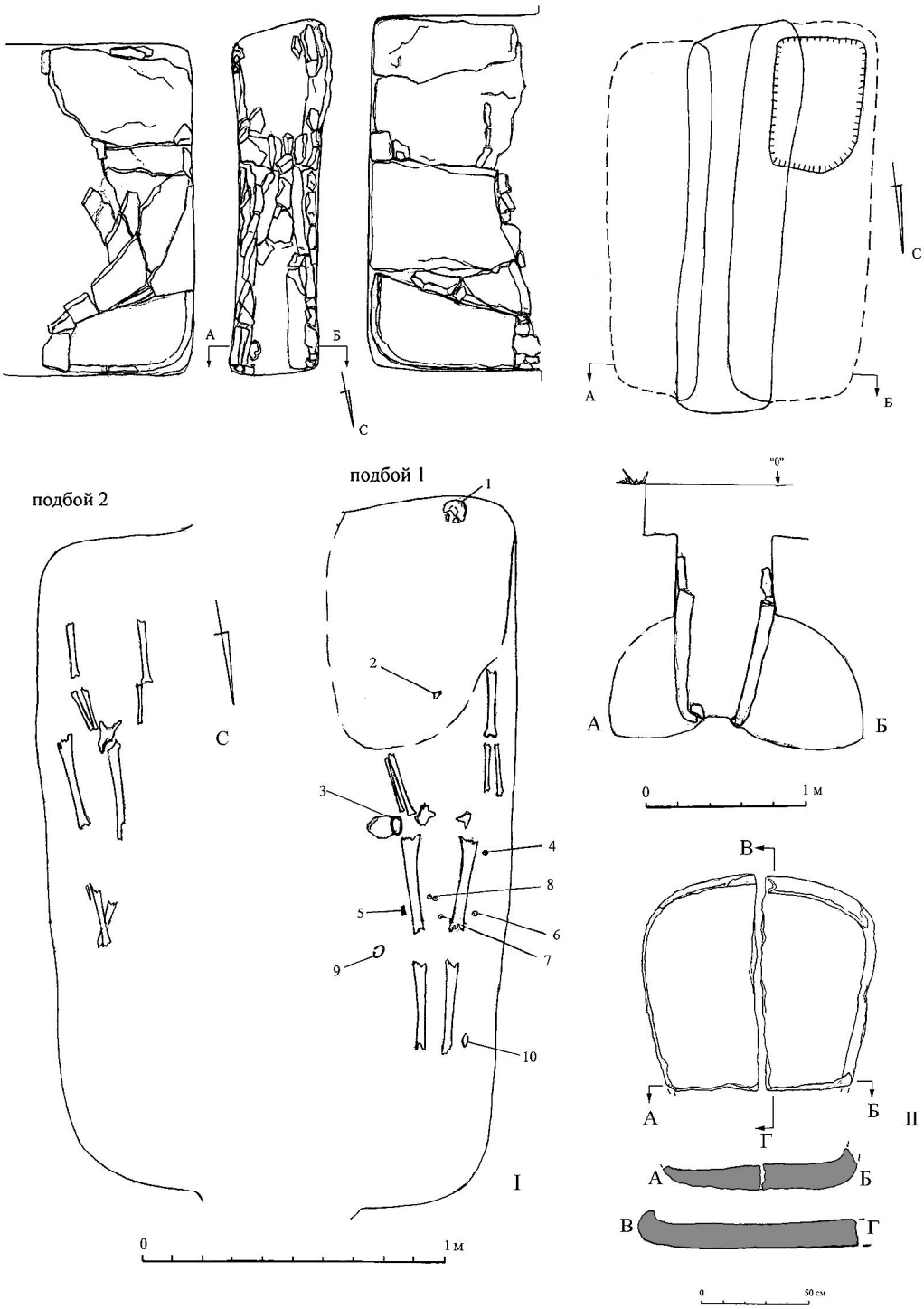

Рис. 5. I – Планы и разрезы могилы № 7. 1 – сосуд, 2 – фибула, 3 – браслет, 4 – остатки перстня, 5-8 – бусы, 9-10 – бронзовые кольца. II – Части известнякового тарапана, использованные в качестве закладных плит.

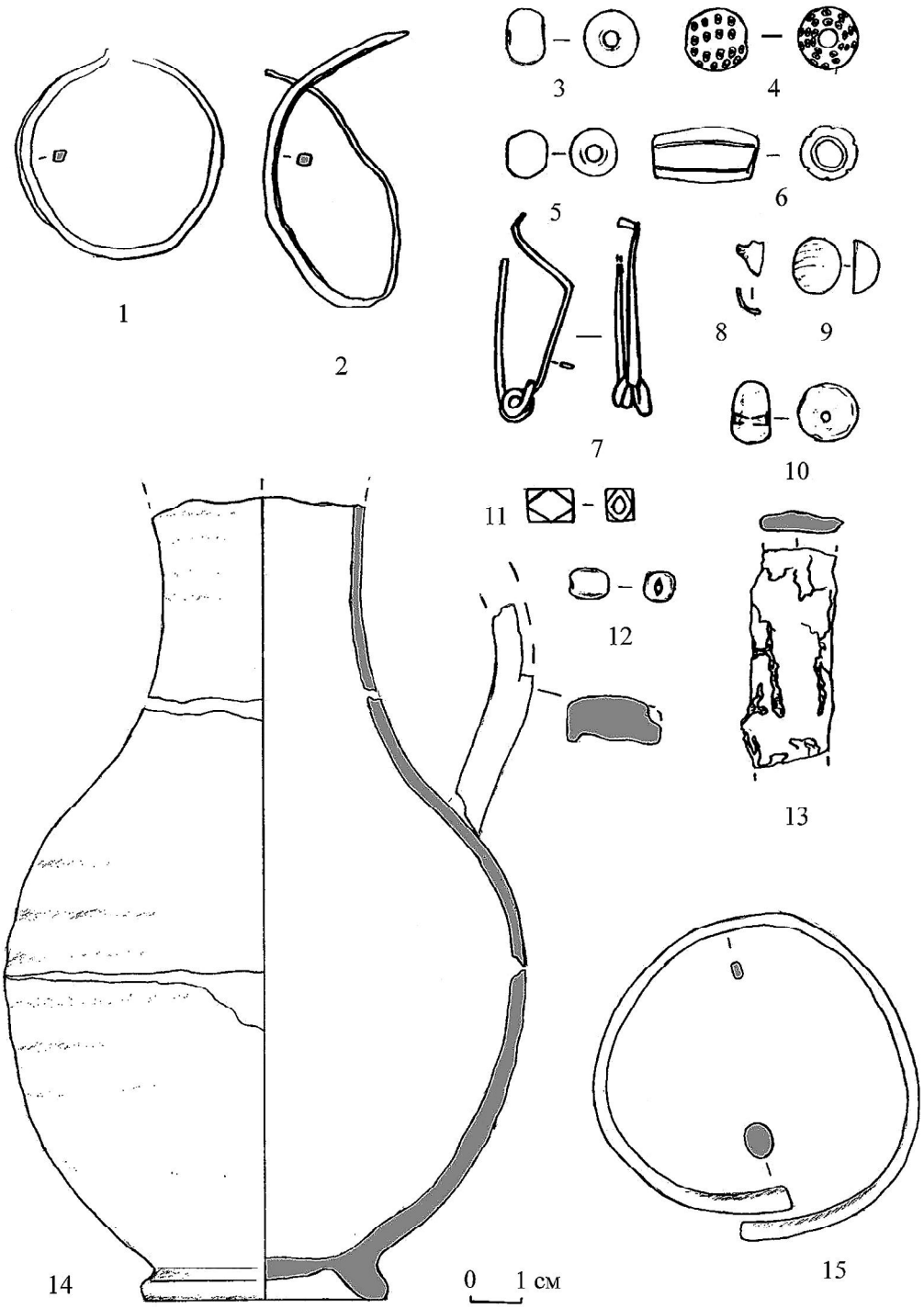

Рис. 6. Находки из могилы № 7, подбой 1.

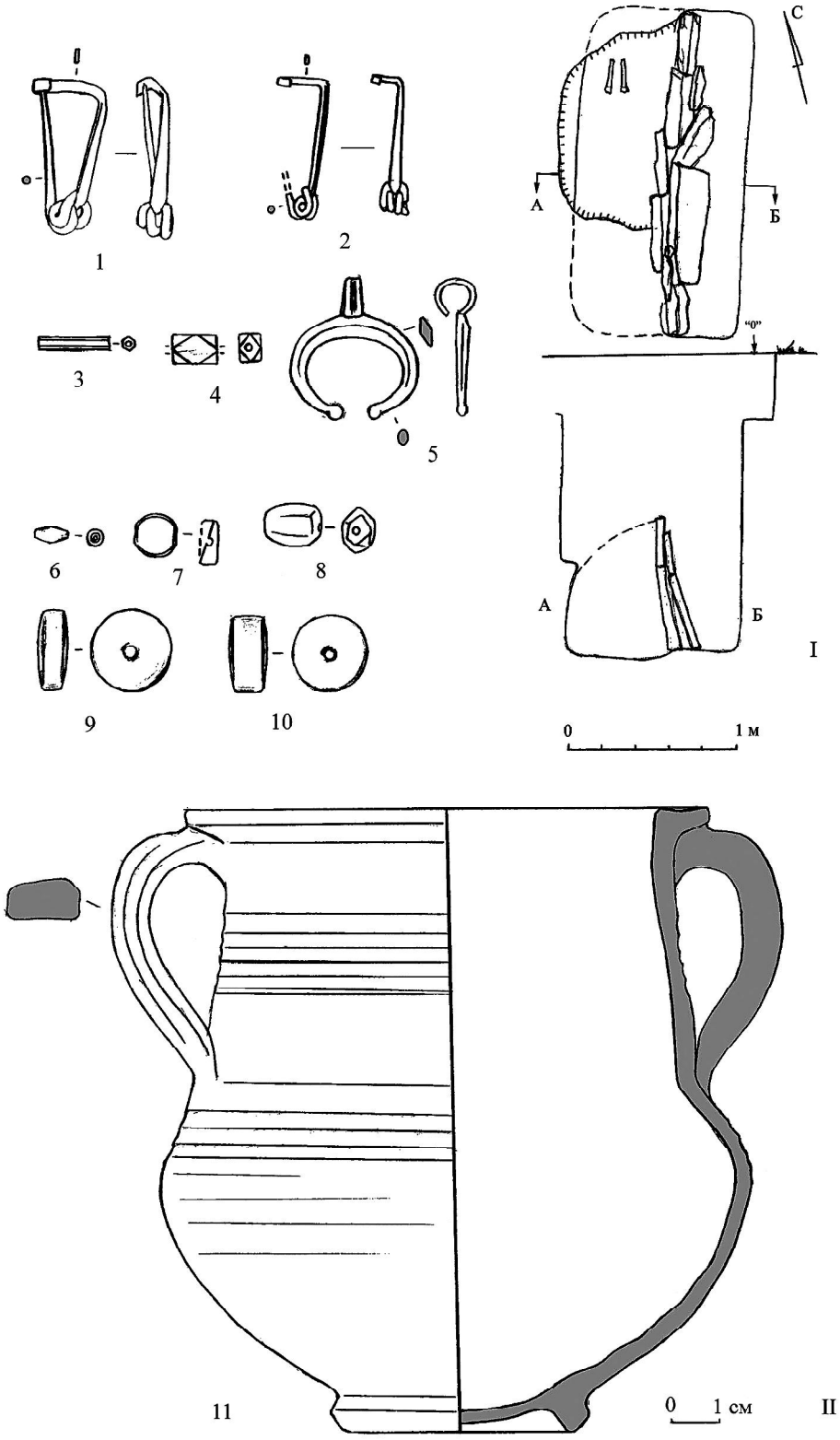

Рис. 7. I – План и разрез могилы № 8. II – Находки из могилы № 8.

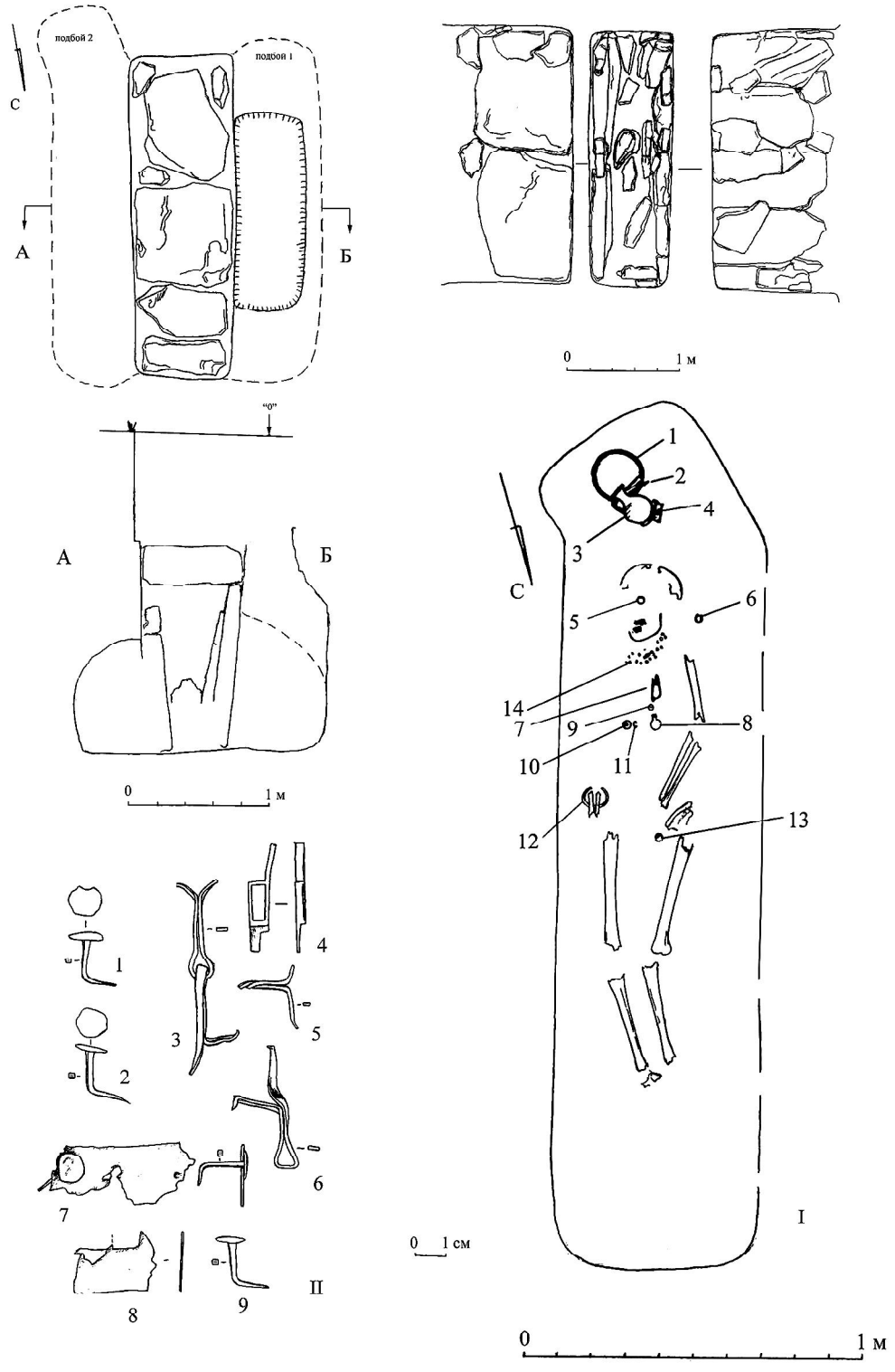

Рис. 8. I – Планы и разрезы могилы № 10. 1 – миска, 2 – нож, 3 – кувшин, 4 – остатки шкатулки, 5,6 – серьги, 7 – фибула, 8 – зеркало, 9 –бронзовая бусина, 10 – бусина, 11 – бронзовая скрепка,. 12 – браслет, 13 – перстень, 14 – бусы на шее.
II – Бронзовые детали шкатулки из могилы № 10, подбой 2.

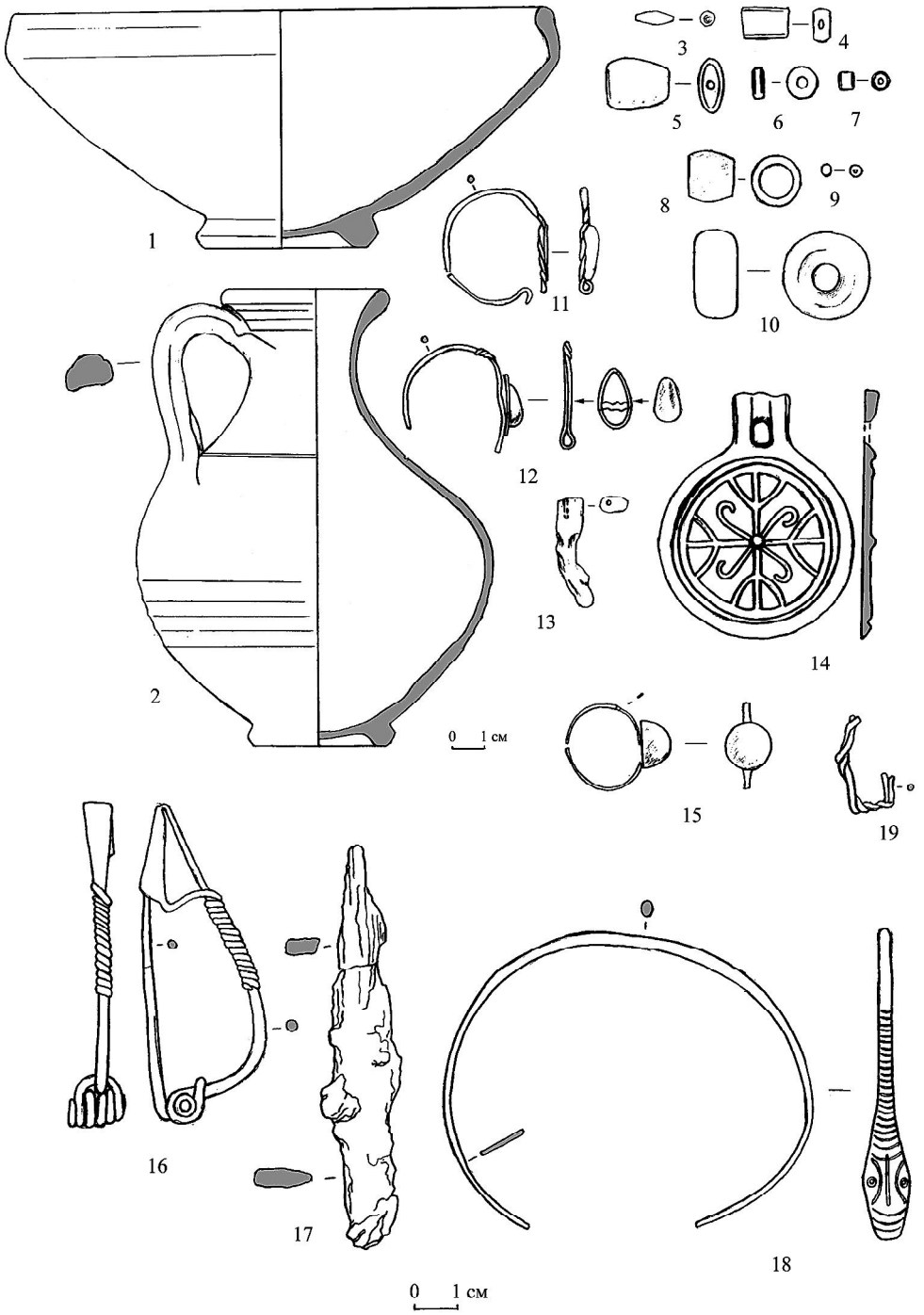

Рис. 9. Находки из могилы № 10, подбой 2.

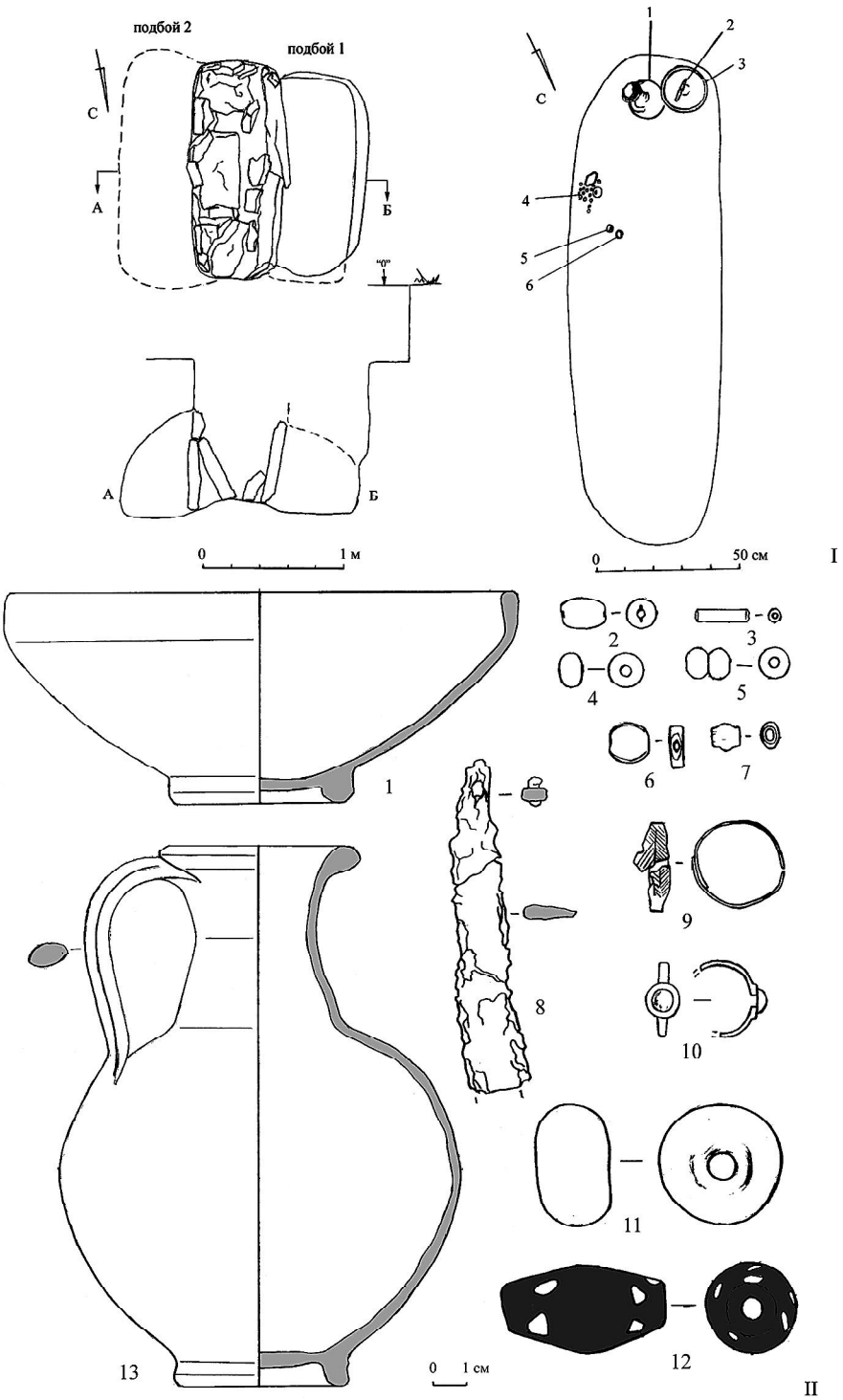

Рис. 10. I – Планы и разрез могилы № 11. 1 – кувшин, 2 – нож, 3 – миска, 4 – набор амулетов, 5,6 – перстни. II – Находки из могилы № 11, подбой 2.

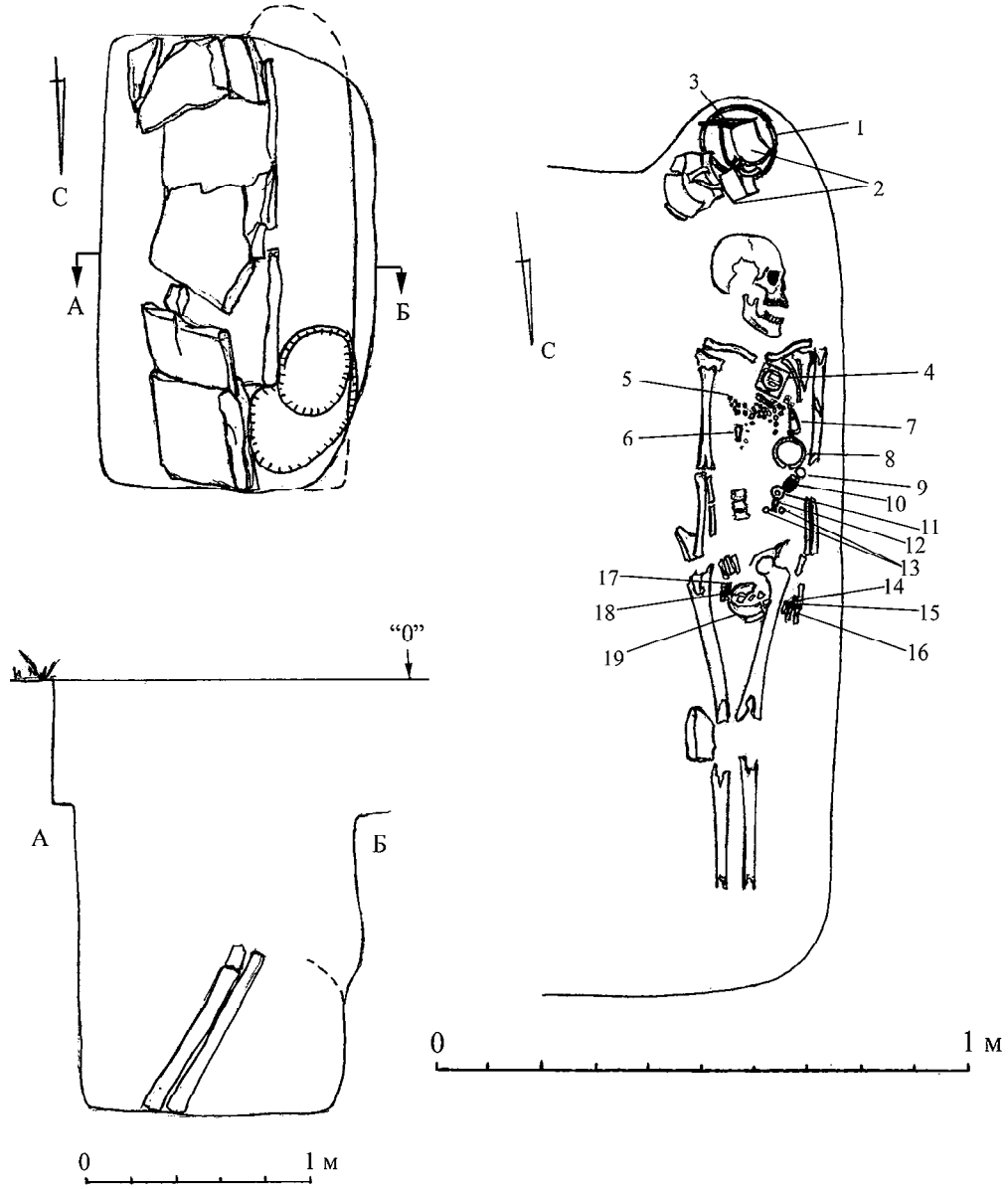

Рис. 11. Планы и разрез могилы № 12. 1 – миска, 2 – сосуд, 3 – нож, 4 – зеркало, 5 – бусы, 6 – фибула, 7 – лучковая фибула (не сохранилась), 8 – браслет, 9-13 – бусы, 14-17 – перстни.

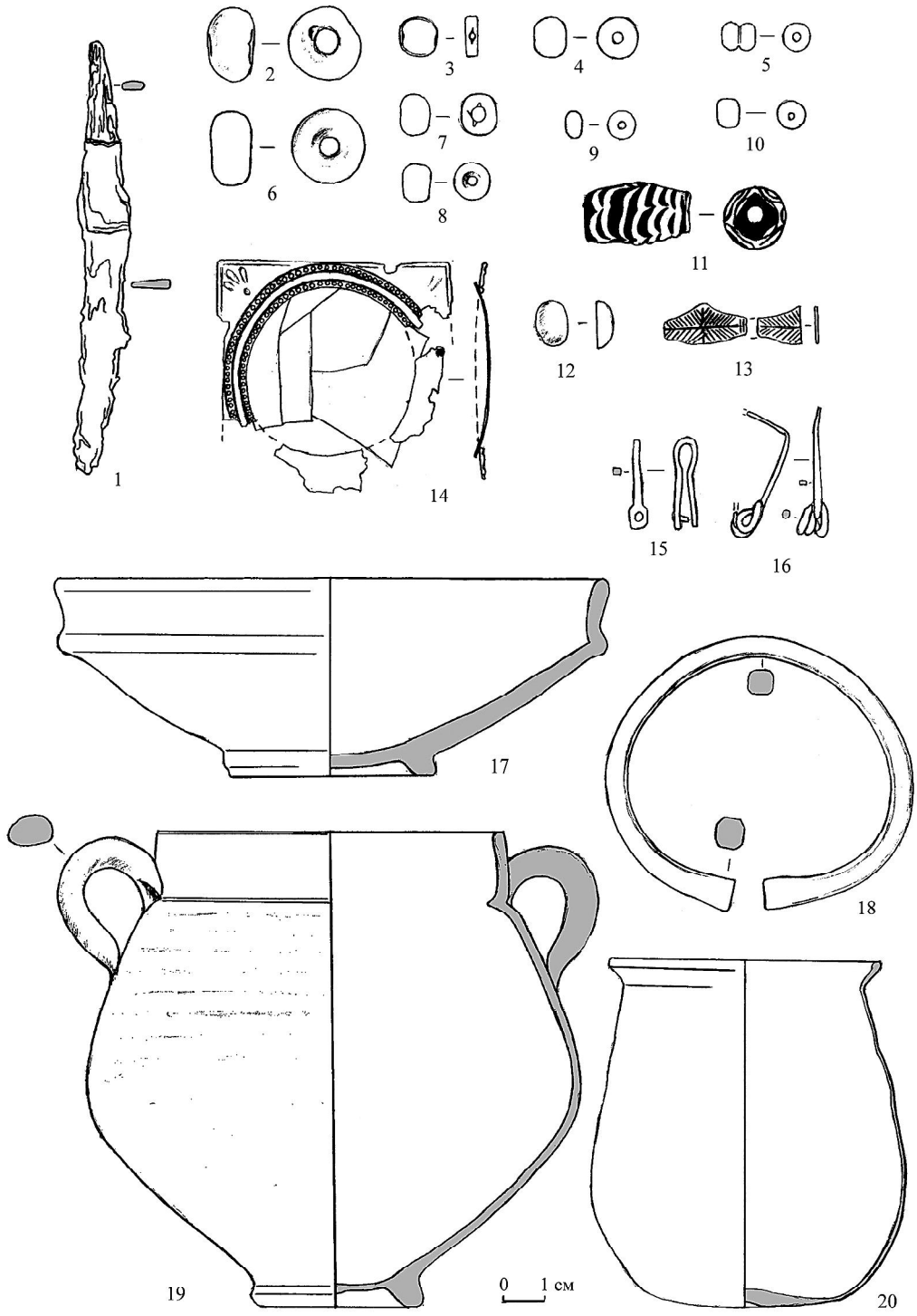

Рис. 12. Находки из могилы № 12.

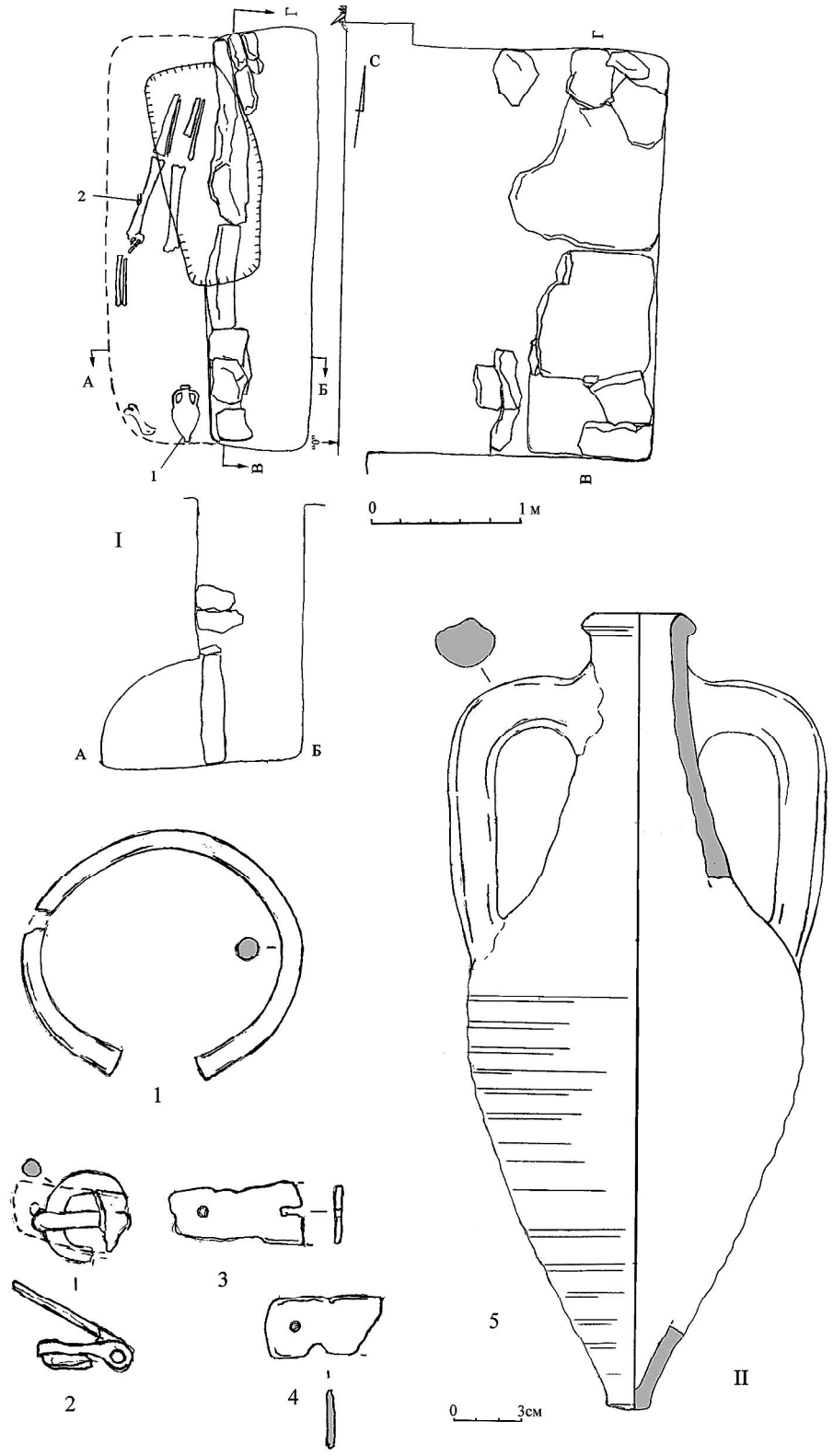

Рис. 13. I – План и разрезы могилы № 13. 1 – амфора, 2 – пряжка.
II – находки из могилы № 13.

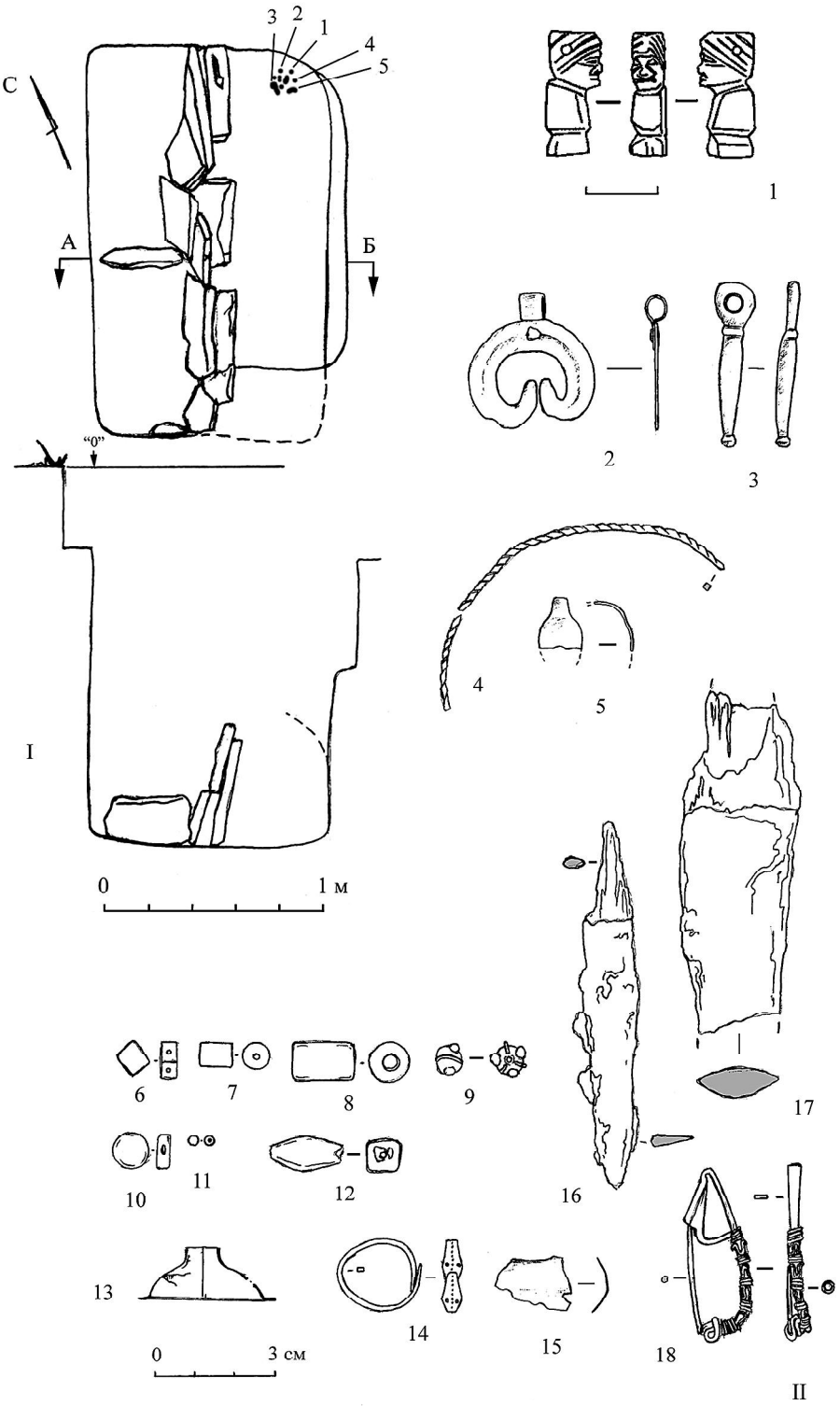

Рис. 14. I – План и разрез могилы № 14. 1-5 – амулеты. II – Находки из могилы № 14.

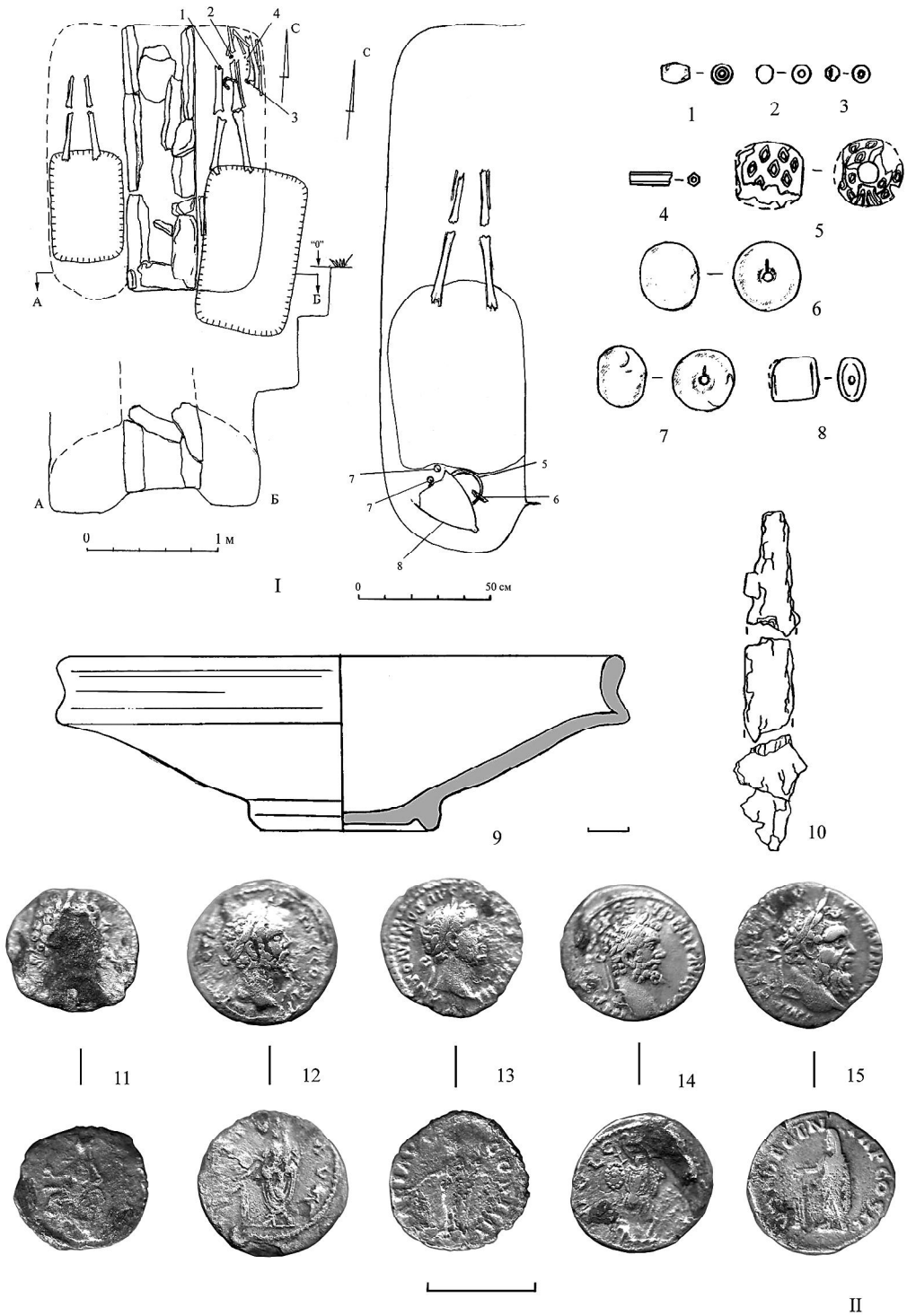

Рис. 15. I – Планы и разрез могилы № 23. 1 – бусина, 2,3 – стопки монет, 4 – бусины, 5 – миска, 6 – нож, 7 – бусы, 8 – отпечаток амфоры. II – Находки из могилы № 23.

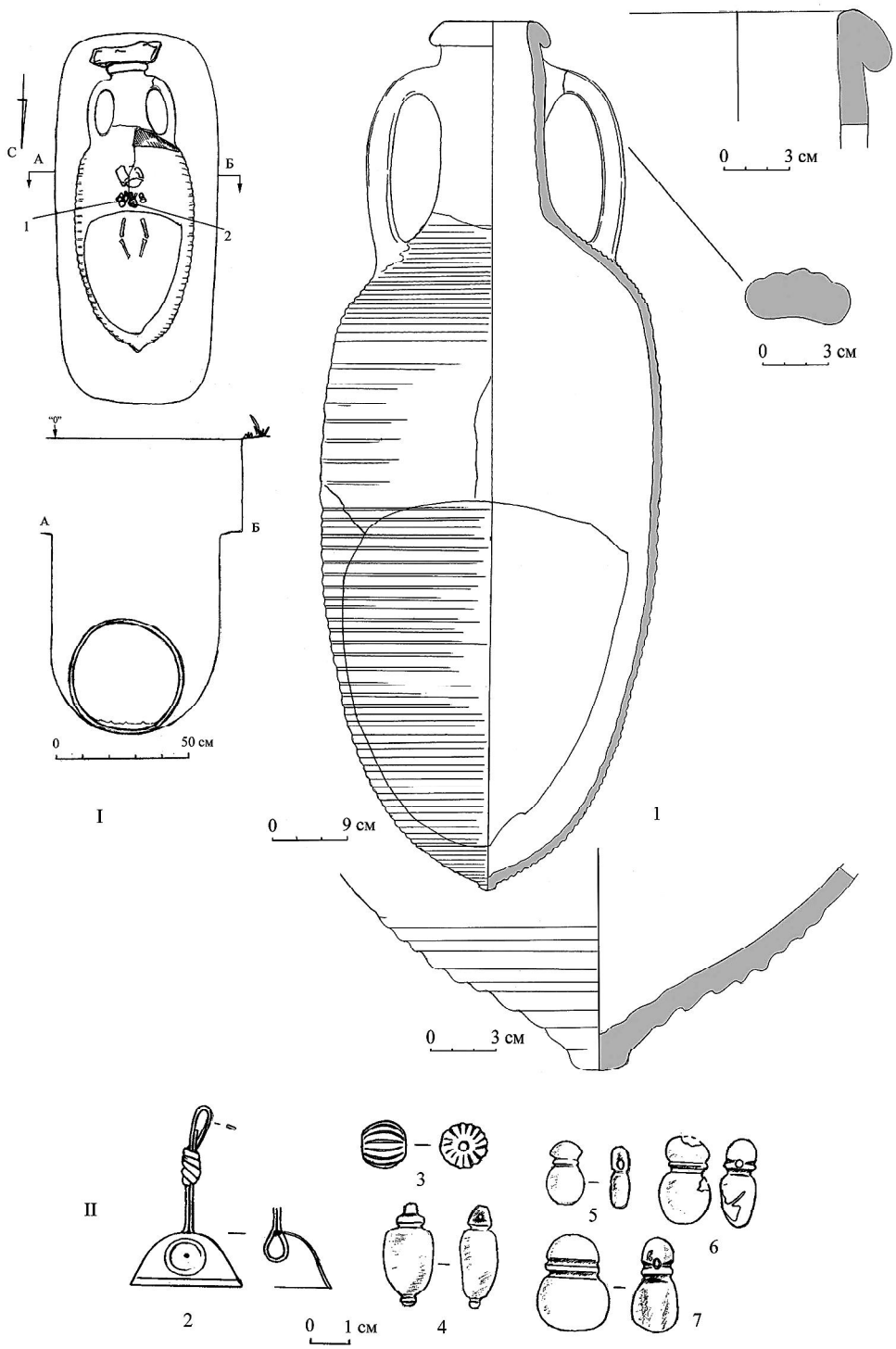

Рис. 16. I – План и разрез могилы № 34. 1 – бронзовый колокольчик, 2 – бусы.
II – Находки из могилы № 34.

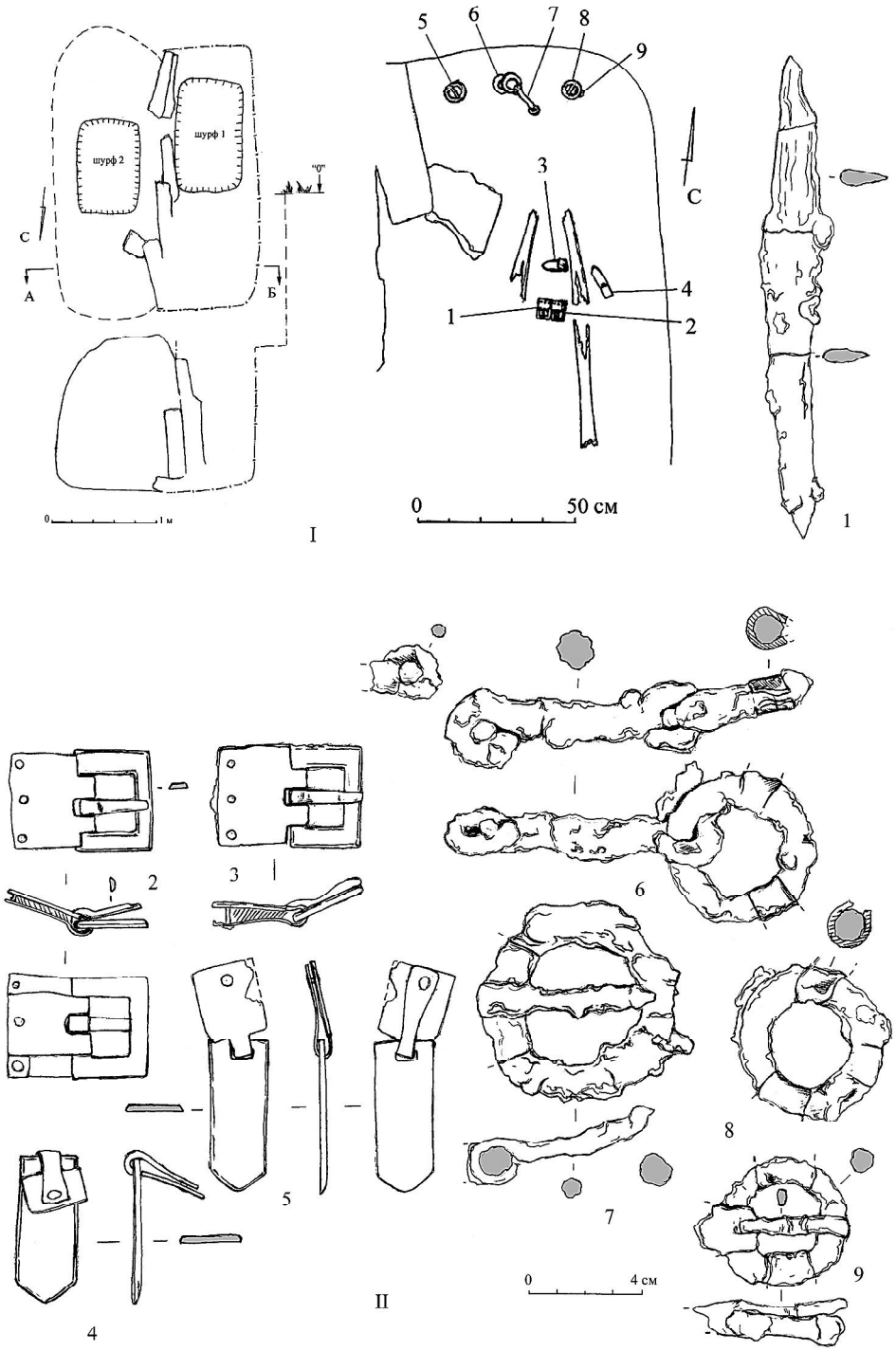

Рис. 17. I – Планы и разрез могилы № 33. 1,2 – пряжки с квадратной рамкой, 3,4 – фасетированные наконечники ремней, 5,8 – пряжки кольцевидные, 6,7 – удила, 9 – нож. II – Находки из могилы № 33.

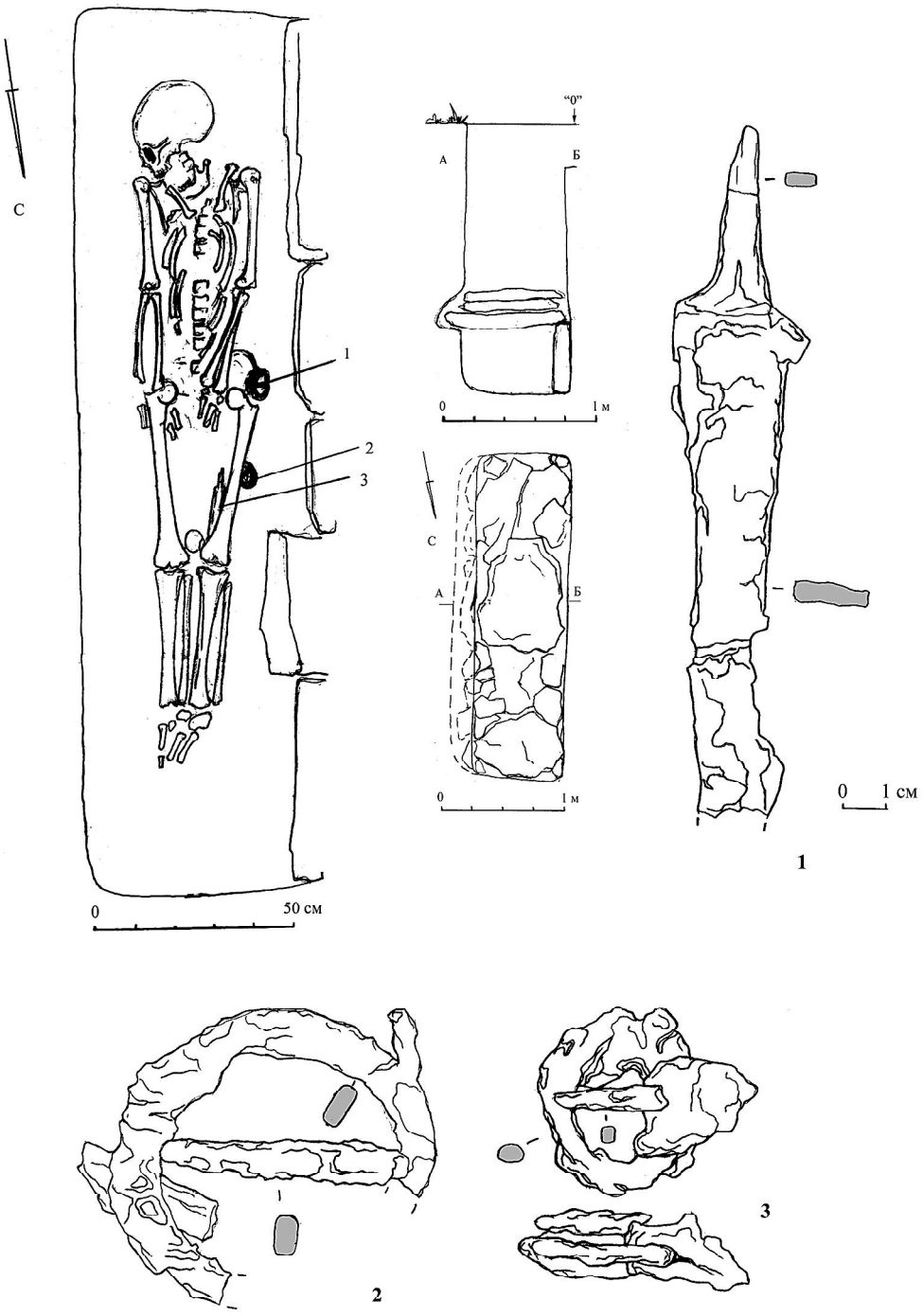

Рис. 18. I – План и разрез могилы № 39. 1, 2 – железные пряжки, 3 – железный нож.
II – находки из могилы № 39.

А.И. ИВАНЧИК, В.В. КРАПИВИНА

РИМСКИЙ ВОЕННЫЙ ДИПЛОМ ИЗ ОЛЬВИИ

В августе 2004 г. во время раскопок в южной части ольвийского городища (участок Р-25)[1], в уровне пола помещения были найдены два фрагмента бронзовой пластинки, сошедшиеся встык (инвентарный № О-2004/Р-25/3302). Помещение находилось на склоне к лиману, сохранилось частично, в древности оно примыкало к оборонительной стене ольвийской цитадели. Помещение принадлежало к северному дому на нижней террасе, сооруженному во второй половине II в. н.э., затем подвергшемуся ремонту и погибшему в огне в 230-е гг. во время так называемого первого готского разгрома Ольвии. Дом был восстановлен и затем окончательно разрушен во время второго готского разгрома в 269-270 гг. В конце III в. н.э. стены этого помещения были частично использованы в качестве фундамента для сооружения какого-то общественного здания.

Ранее поблизости от этого помещения, в развале оборонительной стены и рядом с ней, были найдены две латинские надписи: фрагмент мраморной плитки со списком имен второй половины II в. н.э. (не опубликован) и фрагмент вотивной мраморной плитки с изображением «фракийского всадника» и упоминанием Первой Киликийской Дециевой когорты (249-250 гг.)[2]. Отсюда же происходит и фрагмент вотивной плитки с изображением Митры Тавроктона[3]. Их связь с римским гарнизоном несомненна. Концентрация таких находок в этом секторе, особенно очевидная на фоне общей редкости латинских надписей на территории Ольвии (ср. ниже), подтверждает предположение о близости места дислокации размещенного в городе римского гарнизона.

Высота обоих фрагментов пластины вместе 3,9 см, ширина 6 см, толщина 0,1 см. На пластину с обеих сторон нанесена латинская надпись (Рис. 1). Размер эпиграфического поля лицевой стороны 3,9 х 5,4 см. Правое поле отделено от текста глубоко врезанной линией; ширина правого поля 0,5 см. Кроме правой стороны, пластинка обломана со всех сторон. Буквы, высотой 0,2-0,3 см, нанесены на лицевую сторону тщательно и легко читаются, строки ровные, шрифт актуарный. На оборотной стороне пластины надпись нанесена перпендикулярно направлению надписи на лицевой стороне. Соответственно, сохранился нижний край надписи; размер нижнего поля 0,6 см. Буквы, высотой 0,2-0,4 см, нанесены курсивным письмом гораздо более небрежно, чем на лицевой стороне.

Уже первое знакомство с этим предметом позволило определить, что речь идет о римском военном дипломе. Следует сразу отметить уникальность диплома для Северного Причерноморья: за все годы раскопок на его территории это лишь вторая подобная находка. Предыдущая была сделана в 1952 г. Г.Д. Беловым при раскопках Херсонеса: речь идет о небольшом фрагменте диплома, выданного преторианцу[4].

Военные дипломы на бронзовых табличках – достаточно хорошо известная разновидность римских государственных документов, причем их находки в масштабах всей Римской империи не такая уж редкость. Впервые они были собраны Т. Моммзеном, который смог включить в свою первую сводку 58 экземпляров[5]; в последующие годы он дополнил ее новыми дипломами, в результате чего в третьем томе CIL оказалось собрано 112 документов[6]. Впоследствии Х. Нессельхауф переиздал эти дипломы с добавлением новых в виде отдельного тома CIL[7], куда было включено уже 189 экземпляров (вместе с Supplementum 1955 г.). Появившиеся с тех пор дипломы собирала и издавала М. Роксан: в настоящее время вышло три выпуска ее «Roman Military Diplomas»[8], ожидается появление четвертого. Всего в этих сводных изданиях насчитывается около 500 документов, по оценке В. Эка, в целом к настоящему времени их опубликовано даже больше, свыше 700[9].

Военный диплом получал, по всей видимости, каждый солдат, служивший во вспомогательных подразделениях римской

армии и дослужившийся до почетной отставки, т.е. благополучно прослуживший не менее 25 лет в армии или 26 лет во флоте. По выходу в отставку ветеран получал два важных права: право римского гражданства (большинство служащих во вспомогательных частях его не имели) и право conubium, т.е. законного вступления в брак (в том числе с женщинами, не обладавшими римским гражданством), которого римские солдаты во время службы были лишены. Собственно, наличие этих прав у ветерана и, следовательно, его правовой статус и удостоверял военный диплом.

Увольнение в отставку осуществлялось не автоматически, а посредством специального императорского указа и по различным причинам могло задерживаться сверх обычных 25 лет; на это указывает частая в дипломах формулировка: «прослужившим 25 лет и более». Этот указ (constitutio) составлялся от имени самого императора, т.е. был исходящим лично от него документом, причем составлялся он отдельно для войска, дислоцированного в каждой римской провинции. В указе не только перечислялись подразделения, которых касался указ, и упоминался их командующий, но и перечислялись поименно все увольняемые в отставку ветераны. Императорский указ затем наносился на большие бронзовые таблицы, которые выставлялись в Риме на всеобщее обозрение. Первоначально, видимо, до 89/90 г., эти таблицы выставлялись на Капитолии, затем для их публикации было выбрано специальное место: стена позади храма Божественного Августа, место расположения которого, к сожалению, пока не установлено. Видимо, они оставались выставленными достаточно долго, а затем помещались в архив. Для каждого упомянутого в указе воина затем, также в Риме, изготавливалась специальная копия. Она наносилась на две бронзовые таблички: сюда входил стереотипный текст указа с перечислением тех подразделений, на которые он распространялся, и датировкой, за которым следовало имя того, для кого диплом предназначался; название его подразделения и имя командующего подразделением. Затем две таблички складывались текстом внутрь и запечатывались; текст, оказавшийся внутри диплома, разумеется, был более недоступен для чтения. На внешнюю сторону таблички наносилась его копия, сопровождавшаяся перечислением имен семи свидетелей запечатывания диплома. После того, как диплом был таким образом изготовлен, он отсылался из Рима в соответствующую провинцию и выдавался каждому воину, увольняемому в отставку и награждаемому привилегиями. Кроме чисто юридических и практических функций, выдача дипломов играла и важную идеологическую роль: диплом выдавался от имени императора, с имени и полной титулатуры которого начинался его текст, и был предназначен конкретному лицу, именем которого текст кончался. Таким образом, он служил как бы материальным выражением личной связи между императором и каждым солдатом его войска, создавая иллюзию того, что каждый ветеран был лично известен императору. Это, разумеется, делало военный диплом не только юридическим документом, но и предметом престижа.

Итак, готовый военный диплом состоял из двух сложенных и запечатанных бронзовых табличек, на которых дважды была нанесена одна и та же надпись. При этом юридически документом был тот текст, который находился внутри запечатанного диплома и который, по сути, никогда не мог быть прочтен: его можно было увидеть лишь сняв печати, а это, очевидно, лишало диплом юридической силы. Напротив, текст, находящийся на внешней стороне диплома и доступный для чтения, являлся не документом, а его копией. Такое двойное нанесение текста императорского указа на диплом, очевидно, было необходимо для того, чтобы исключить возможность подделки. В самом деле, изменить текст на бронзовой табличке, например, заменив имя, не так уж сложно. Однако для того чтобы изменить текст не только на наружной стороне диплома, но и на внутренней, уже необходимо снять печати, а это делает диплом недействительным. По-видимому, существовала процедура официального распечатывания диплома для сличения текстов на внутренней и внешней сторонах в тех случаях, когда возникали сомнения в его подлинности. Однако, к сожалению, нам о такой процедуре ничего не известно. Все же тот факт, что дипломы, с одной стороны, иногда официально вскрывались, а с другой – что такое распечатывание происходило крайне редко, может быть подтвержден некоторыми косвенными данными, основанными на наблюдениях за развитием состояния текста дипломов[10].

В самом деле, насколько известно,

бронзовые военные дипломы начали выдаваться с конца правления Клавдия, т.е. примерно с 50 г. н.э. Ранние дипломы, вплоть до эпохи Веспасиана (69-79 гг.), характеризуются тем, что текст на внутренней стороне заполнялся очень тщательно, с небольшим количеством сокращений и с обязательным указанием на то, что он списан с оригинала указа и сверен с ним. Однако постепенно качество текста на внутренней стороне начинает ухудшаться, притом что текст на внешней стороне продолжал наноситься с той же, а то и большей тщательностью. Причина этого очевидна: на практике доступный обозрению текст внешней стороны, хотя формально и был копией, играл несравненно большую роль, чем формальный оригинал – скрытый текст внутренней стороны, который в любом случае никто не видел. Не следует забывать, что производство воинских дипломов было весьма массовым. Занятые изготовлением дипломов ремесленники, очевидно, стали относиться к своим обязанностям все более небрежно, тем более что качество исполнения текста на внутренней стороне, видимо, контролировалось слабо или не контролировалось вовсе. В результате прогрессирующего ухудшения текста на внутренней стороне дипломов на некоторых документах 40-х - 50-х гг. II в. он столь неразборчив, что не всегда удается идентифицировать отдельные буквы, даже при том, что содержание текста известно заранее. Начиная со 120 г. на внутренней стороне исчезает и отметка о точном копировании, что отражает реальную ситуацию: текст больше не сверялся с оригиналом. Особенно плохо написан текст на внутренней стороне дипломов в десятилетие между 143 и 153 гг.

Однако деградация внутреннего текста дипломов неожиданно прекращается в 153 г. С этого времени во всех дипломах вновь появляется полный текст на внутренней стороне, причем он вновь наносится достаточно разборчиво. Правда, с течением времени он опять начинает сокращаться, однако его качество уже никогда не падает до столь низкого уровня, как между 143 и 153 гг. Одновременно восстанавливается и отметка о копировании и сверке текста с оригиналом. Все это можно объяснить лишь тем, что в ходе какой-то официальной юридической процедуры один из дипломов был вскрыт, причем проводивший вскрытие чиновник был скандализирован уровнем исполнения открывшегося его глазам текста и сообщил об этом начальству. Возможно, таких обращений было несколько, и они возымели действие. Очевидно, виновные были наказаны, а за качеством исполнения текста на внутренней стороне таблички был установлен дополнительный контроль. Все это свидетельствует о том, что вскрытие дипломов проводилось настолько редко, что у их изготовителей возникало искушение сэкономить время и силы за счет снижения качества исполнения текстов на их внутренней стороне в надежде на то, что их небрежность никогда не будет замечена. Однако все же иногда дипломы вскрывались, и именно такие случаи приводили к выявлению соответствующих злоупотреблений и попыткам их пресечения.

После этих общих замечаний обратимся к вновь найденному ольвийскому диплому. По его тексту видно, что перед нами фрагмент первой таблицы диплома, причем сторона А является внешней, а В - внутренней. Как видим, написаны они разными почерками, причем текст на стороне В нанесен более небрежно и с большим числом сокращений. Тем не менее, он достаточно хорошо читается: как мы увидим ниже, диплом относится к 157 г., и с момента упомянутого выше скандала, приведшего к улучшению качества исполнения внутренних текстов, прошло всего четыре года. Исполнение разных частей диплома разными почерками обычно для документов II в. н.э. В условиях массового изготовления дипломов[11], притом что большая часть стандартного текста повторялась, применялись различные приемы, позволявшие рационализировать этот процесс. В эпоху Антонина Пия сначала изготавливались одинаковые заготовки по числу будущих дипломов: на таблички наносился одинаковый стандартный текст конституции, предназначенный для внутренней стороны. Затем другой писец наносил на другую табличку текст, менявшийся от диплома к диплому: имя и воинское соединение получавшего диплом ветерана. Одновременно на внешнюю сторону первой таблицы наносилась копия текста. Наконец, диплом запечатывался, и на внешнюю сторону второй таблицы заносился список свидетелей[12].

Сохранившийся текст диплома выглядит следующим образом:

A [- - -]
[- - -]/N/IS PLVRI[. . . . .]
[- - -]/S DIMISSIS HON/E/S/T[.]
[- - -]/NOMIN SVBSCRIPTA
[- - -]OMANAM QVI EORVM
5 [- - -]T ET CONVB CVM VXORIB
[- - -]SS CVM EST CVITAS IS DA
[- - -]/AS POSTEA DVXISS DVMTA
[- - -] A D VI ID FEB vac.
[- - -]O M METILIO /R/E/G/V/L/O /C[.]/S
10 [- - -]/A/D/E/S /C[- - -]
[- - -]

B [- - -]
[- - -]/L /N/V/M/I/D[- - -]
[- - -]/EI I—I— CHALC[- - -]
[- - -]ERM ET I—I— BR/A[- - -]
[- - -]/S INFER SVB V[- - -]
5 [- - -]ASS XXVI PLV/R[- - -]
[- - -]/ISS QVOR N/O[- - -]
[- - -]I EOR NON [- - -]
[- - -]/S TVNC HA/B[- - -]
10 [- - -]/AS POSTE[- - -]

В 8-9 строках стороны А диплома сохранилась датировочная формула, которая легко восстанавливается следующим образом: A(nte) d(iem) VI id(us) feb(ruarias) [M(arco) Civica Barbar]o M(arco) Metilio /R/e/g/u/l/o /c[o](n)/ s(ulibus). Указание числа сохранилось полностью – шестой день до ид февраля, т.е. 8 февраля. От указания на год почти полностью сохранилось имя второго консула, что позволяет восстановить и имя первого, и точно определить год: оба упомянутых консула были ordinarii в 157 г. Первый идентифицируется как M. Vettulenus Civica Barbarus, а второй как M. Metilius Aquillius Regulus Nepos Volusius Torquatus Fronto[13].

Таким образом, диплом воспроизводит императорский указ от 8 февраля 157 г. Благодаря датировке в начале диплома легко восстанавливается стандартная титулатура Антонина Пия: Imp(erator) Caes(ar) divi Hadriani f(ilius) divi Traiani Parthic(i) nep(os) divi Nervae pronep(os) T(itus) Aelius Hadrianus Antoninus Aug(ustus) Pius pont(ifex) max(imus) tr(ibunicia) pot(estate) XX (*vel* XIX) imp(erator) II co(n)s(ul) IIII p(ater) p(atriae).

В начале четвертой строки внутренней стороны таблицы сохранился конец названия провинции, которой касался соответствующий указ: Moe]/s(ia) infer(iore), Нижняя Мезия, что вполне соответствует ожиданиям: хорошо известно, что расквартированные в городах Северного Причерноморья войска выделялись из числа подразделений, базировавшихся в ближайшей римской провинции, Нижней Мезии, и подчинялись военному командованию этой провинции.

Таким образом, данный диплом отражает конституцию от 8 февраля 157 г. для Нижней Мезии. Эта конституция фиксируется впервые, однако уже известна конституция для другой провинции, Нижней Паннонии, датированная тем же годом и тем же числом: она зафиксирована двумя дипломами, обнаруженными в 1969 г. при раскопках в Дюнакомлод (Dunaközmlőd, Lussonium) в Венгрии[14]. Итак, в нашем распоряжении оказывается новое свидетельство того, что не только в один год, но и в один и тот же день могли издаваться конституции для нескольких провинций[15]. Для близкого, 161 г., засвидетельствовано одновременное принятие конституций для Верхней Мезии и Верхней Паннонии[16], причем датированы они также 8 февраля. Это совпадение позволяет предположить, что при Антонине Пие, по крайней мере, в течение нескольких лет одновременно принимались конституции для войск нескольких дунайских провинций, причем делалось это в определенный день: публикация указа приходилась на 8 февраля.

Дипломы из Дюнакомлод указывают на необходимость восстанавливать в титулатуре Антонина Пия в нашем дипломе именно tr(ibunicia) pot(estate) XIX, а не XX, хотя этот период относится ко времени между 10 декабря 155 и 9 декабря 156 г.[17] Такое отставание даты по tribunitia potestas от даты по консулам в дипломах отмечается неоднократно[18]: очевидно, оно объясняется тем, что первая указывает на время подписания императором указа, а вторая - его публикации в Риме.

Точная датировка диплома позволяет надежно восстановить и продолжение 4 строки оборотной стороны, где сохранилась первая буква имени легата, командовавшего войсками Нижней Мезии: sub V[itrasio Pollione leg(ato)]. Тот факт, что в 157 г. легатом Нижней Мезии был именно Витрасий Поллион, надежно засвидетельствован двухъязычной надписью из Каллатиса, которая содержит точную датировку: в ней указывается, что в момент составления надписи Антонин Пий был облечен трибунской властью в 20-й раз[19]. Таким образом, надпись

относится к периоду между 10 декабря 156 и 9 декабря 157 г.[20] Витрасий Поллион (полное имя: T. Pomponius Proculus Vitrasius Pollio) достаточно хорошо известен: его деятельность как легата Нижней Мезии засвидетельствована целым рядом надписей[21], сам он дважды был консулом (suff. 150 или 151 г. и вторично в 176 г.), занимал ряд должностей и был женат на Annia Fundania Faustina, кузине императора Марка Аврелия. Поскольку Нижняя Мезия была императорской, а не так называемой сенатской провинцией, легат мог занимать здесь свою должность не в течение года, а значительно дольше. Ольвийский диплом надежно удостоверяет, что Витрасий Поллион был легатом Нижней Мезии не только в 157 г., на что указывает надпись из Каллатиса, но и годом раньше, в 156 г. В самом деле, несмотря на то, что соответствующий императорский указ был опубликован 8 февраля 157 г., подписан он был раньше - до 10 декабря 156, как показывает датировка по tribunitia potestas Антонина Пия. В момент подписания указа Витрасий Поллион уже был легатом.

В последние годы были опубликованы новые дипломы, которые, вместе с уже известными, позволяют составить достаточно полное представление о том, какие вспомогательные подразделения входили в состав нижнемезийской армии эпохи Антонина Пия. Ольвийский диплом также принадлежит этой группе и должен быть сопоставлен с ними. Начнем с достаточно давно известного диплома близкого времени, касающегося войск Нижней Мезии и обнаруженного в с. Брестовене в Болгарии[22]. К сожалению, в этом дипломе не сохранилась датировка. Лишь в его начале, где приводится титулатура Антонина Пия, сохранилось указание на то, что он был консулом четырежды, что дает terminus post quem: Антонин Пий был консулом в четвертый раз в 145 г. В этом дипломе частично сохранилось имя легата: на лицевой стороне его начало VI[- - -], а на оборотной – конец, который издатель читал как [- - -]LIONE или [- - -]LLINO. Указав на возможность восстановления Vi[trasio Pol]lione, И. Венедиков, однако, отвергает его на том основании, что имя легата никогда не употребляется в такой форме, отдельно от Proculus[23]. Это утверждение ошибочно - в действительности такие случаи неоднократно зафиксированы[24]. В результате И. Венедиков предлагал восстанавливать здесь имя неизвестного легата: sub Vi[- - -]llino leg(ato). Впоследствии к этому диплому обратилась E. Doruțiu-Boilă, которая также исключает восстановление здесь имени Витрасия Поллиона на том основании, что в дипломе упоминается когорта I Sugambrorum Veterana, а один из дипломов 157 г., когда Витрасий Поллион был легатом Мезии, упоминает эту когорту среди войск, дислоцированных в Сирии (CIL XVI 106). Поэтому она предлагает читать первые две буквы имени легата не как VI, а как UL и восстанавливать здесь имя Ul[pio Messa]llino (подразумевается консул 147 г. C. Ulpius Pacatus Prastina Messalinus)[25]. Однако М. Роксан отметила, что в Нижней Мезии в эпоху Флавиев стояло две Сугамбрских когорты: Cohors I Sugambrorum tironum и I Sugambrorum veterana - и предположила, что в Сирию была передислоцирована первая из них, а вторая осталась в Мезии, тем более что сирийская когорта не именуется veterana (CIL XVI 106; ILS 2724)[26]. Подтверждение этого предположения появилось недавно: в одном дипломе, отражающем конституцию для Сирии 153 г., стоит название когорты I Claud(ia) Sugambr(orum) tiron(um)[27]. Кроме того, в его пользу свидетельствует недавно опубликованное надгробие воина I Сугамбрской ветеранской когорты из Херсонеса[28]. По особенностям шрифта оно датируется концом II – началом III в. и, следовательно, свидетельствует о присутствии этой когорты в Нижней Мезии и после 157 г. Тем самым, восстановление Ul[pio Messa]llino в брестовенском дипломе лишается почвы[29]. Кроме того, формуляр диплома с подробным перечислением воинских частей на оборотной стороне указывает на дату после 153 г.[30] Можно добавить к этому, что обозначение легата как Ulpius Messalinus было бы необычным: в документах он именуется C. Prastina Messalinus или C. Prastina Pacatus, однажды, видимо, Ulp(ius) Pacatus Prastin(a) Messalinus[31]. Таким образом, предложенное М. Роксан восстановление в этом дипломе имени легата Vi[trasio Pol]lione представляется наиболее обоснованным[32]. Находка диплома из Ольвии, где благодаря точной датировке имя Витрасия Поллиона восстанавливается надежно, дополнительно подкрепляет это восстановление.

Восстановление имени этого легата позволяет достаточно надежно датировать диплом из Брестовене. Terminus ante quem дает надпись из Истрии (ISM I 317 = CIL III 12513), составленная, когда Антонин Пий был облечен

трибунской властью в 22-ой раз, т.е. между 10 декабря 158 и 9 декабря 159 г. В момент ее составления легатом был T. Iulius Statilius Severus. Terminus post quem дают две надписи: двухъязычная надпись из Истрии (ISM I 151), датированная между 10 декабря 154 и 9 декабря 155 г. (Антонин Пий облечен трибунской властью в 18-й раз), и надпись из Монтаны (CIL III 7449), датированная по консулам Северу и Сабиниану 155 г. Обе упоминают легата по имени T. Flavius Longinus Q. Marcius Turbo. Таким образом, Витрасий Поллион стал легатом в 156 г., для которого он засвидетельствован ольвийским дипломом и оставался им в 157 г., когда его упоминает каллатийская надпись. Был ли в следующем, 158 г., легатом по-прежнему он или его уже сменил следующий легат, T. Iulius Statilius Severus, впервые надежно засвидетельствованный в 159 г., остается неясным.

Фрагмент еще одного диплома весьма близкого времени был опубликован в 2001 г.[33] Его шрифт как на лицевой, так и на оборотной стороне чрезвычайно близок шрифту ольвийского диплома; весьма вероятно, что речь идет об одном и том же писце или писцах (если лицевую и оборотную сторону надписывали разные писцы). Благодаря сохранившемуся упоминанию легата, T. Flavius Longinus, диплом датируется ок. 155 г. (ср. выше надписи, в которых он упоминается как легат Нижней Мезии). Таким образом, данный диплом отделен от ольвийского лишь двумя годами.

Для реконструкции текста ольвийского диплома важны еще дипломы, относящиеся к предыдущему десятилетию. Это, прежде всего, недавно опубликованный диплом 146 г., содержащий, в отличие от остальных документов рассматриваемой группы, полностью сохранившийся список воинских подразделений, состоящий из 5 ал и 11 когорт[34]. Наконец, конституция предыдущего, 145 года, датированная 7 апреля, известна нам теперь по двум фрагментированным дипломам, один из которых был опубликован в начале 90-х гг.[35], а второй стал известен в 2001 г.[36] Их сопоставление между собой позволяет получить полный список подразделений, которых касалась эта конституция. Списки воинских подразделений, сохранившиеся в перечисленных дипломах, представлены в виде таблицы (сокращенные названия ал и когорт не всегда точно воспроизводят сокращения, использованные в каждом конкретном дипломе; для ольвийского диплома в таблице даются только сохранившиеся названия подразделений), (см. таблицу 1).

Сравнение этих списков между собой показывает их большую близость. Списки ал совпадают полностью; более того, те же алы фигурируют и в дипломе 127 г.[37]; по-видимому, во всех этих случаях дается полный список вспомогательных подразделений, входивших в данный момент в состав нижнемезийской армии[38]. Более того, почти полностью совпадает и порядок перечисления ал: в дипломе 127 г. тот же порядок перечисления, что и в дипломе 145 г. В 146 г. II ала испанцев арваков перемещается с пятого на третье место, но в остальном порядок остается прежним. Список 146 г. полностью воспроизводится в брестовенском дипломе, что позволяет реконструировать его и в ольвийском.

Списки когорт также близки между собой, однако обнаруживают несколько больше расхождений. В дипломах 145 и 146 гг. состав когорт одинаков, однако порядок их перечисления незначительно меняется: I когорта лузитанцев переходит с десятого на пятое место. При этом в обоих дипломах 145 г. имеется ошибка: на пятом месте вместо II Chalc. sag. написано I Calch. sag.[39] Кроме того, выясняется, что и диплом 146 г. содержит ошибку: когорта бракаравгустанов, упомянутая на десятом месте, должна иметь второй, а не первый номер. Ранее на основании этого диплома предполагалось присутствие в Нижней Мезии двух когорт под названием I Bracarorum / Bracaraugastanorum примерно с периода между 140 и 145 гг., причем до этого времени, как считалось, одна из них размещалась в Нижней Мезии, а вторая – в Нижней Дакии[40]. Восстановление полного списка когорт в конституции 145 г. опровергает это предположение, что подтверждается и одним дипломом для Нижней Дакии, датированным июлем 146 г. Этот диплом свидетельствует, что омонимичная нижнемезийской I когорта бракаравгустанов продолжала оставаться в это время в составе нижнедакийской армии [41]. Таким образом, II когорта бракаравгустанов, ранее размещавшаяся во Фракии, где она засвидетельствована дипломом 114 г.[42], была передислоцирована в Нижнюю Мезию до 145 г.

В дипломах 155 г. и в брестовенском изменения по сравнению с дипломом 146 г. более существенные. Прежде всего, из списка исчезает II когорта маттиаков, присутствие которой в

Нижней Мезии фиксируется дипломами, начиная с 99 г. (CIL XVI, 44). Дипломы 155/159, 161/162, 166/169 гг. свидетельствуют о том, что в это время когорта уже размещалась во Фракии[43]; очевидно, ее исчезновение из списка объясняется выводом когорты из Нижней Мезии во Фракию. Однако количество когорт в Нижней Мезии остается прежним: вместо II когорты маттиаков сюда вводится I Цисипаденская когорта. Эта когорта ранее размещалась во Фракии, где она засвидетельствована дипломом 138 г.[44] Оба эти перемещения датируются временем между 146 и 155 гг., однако были ли они одновременны, неясно. Что касается порядка перечисления когорт в дипломе 155 г., то он очень близок порядку перечисления в дипломе 146 г.: лишь II Флавиева когорта бриттонов с одинадцатого места перемещается на второе, заменяя выведенную когорту маттиаков, а на одиннадцатом месте появляется I Цисипаденская когорта. В брестовенском дипломе по сравнению с дипломом 155 г. изменение минимальное: меняются местом II Флавиева когорта бриттонов и I Флавиева когорта нумидийцев.

Список когорт ольвийского диплома, как и следовало ожидать, находит ближайшие аналогии в двух последних списках, причем размер лакуны показывает, что название I когорты нумидийцев должно занимать третье, а не второе место. Вероятнее всего, таким образом, что здесь полностью воспроизводится список 155 г., что и позволяет его использовать для заполнения лакун в ольвийском дипломе. Текст восстанавливается следующим образом: [equit(ibus) et pedit(ibus) qui militaver(unt) in al(is) V quae appel(lantur) I Gall(orum) et Pann(oniorum) et I Gall(orum) Atector(igiana) et II Hispan(orum) Arvac(orum) et I Vespasia(na) Dar(danorum) et I Fl(avia) Gaetul(orum) et coh(ortibus) XI I Brac(araugustanorum) et II Fl(avia) Britton(um) et I F]/l(avia) /N/u/m/i/d(arum)[et I Cl(audia) Sugambr(orum) vet(erana) et I Lusit(anorum) Cyr(enaica)] /e<t> II Chalc(idenorum) [sag(ittariorum)[45] et I Cilic(um) sag(ittariorum) et I Thrac(um) Syr(iaca) et I G]/erm(anorum) et II Br/a[c(ar)aug(ustanorum) et I Cisipadens(ium)].

При близости брестовенского и ольвийского дипломов между ними имеются различия. В первом упоминание I германской когорты сопровождается эпитетом C R (civium Romanorum), во втором это указание опущено. Идентичность двух когорт несомненна: уточняющие эпитеты в названиях когорт и ал, в том числе civium Romanorum, нередко опускались[46]. Однако эта деталь, очевидно, свидетельствует о том, что два диплома воспроизводят две разные конституции Антонина Пия, касающиеся Нижней Мезии. В пользу этого свидетельствуют и другие различия. В ольвийском дипломе упоминаются моряки, брестовенский диплом их не упоминает. Наконец, ольвийский диплом говорит об увольнении в отставку ветеранов, отслуживших 25 (26 для флота) лет и более, тогда как в брестовенском дипломе речь идет лишь о ветеранах, отслуживших 25 лет. Хорошо известно, что это различие имеет смысловое значение: очевидно, в момент принятия конституции, отражаемой брестовенским дипломом, солдат, служивших более 25 лет в нижнемезийской армии, не было, а в 157 г., когда была опубликована конституция ольвийского диплома, были[47]. Это может означать лишь одно: в 156 г. конституция относительно нижнемезийской (во всяком случае, всей) армии не публиковалась, а в год, предшествующий году конституции брестовенского диплома, публиковалась. Если восстановление имени Витрасия Поллиона в последнем правильно, это оставляет единственную возможность для датировки диплома - 158 г. (ср. выше о его датировке). Одновременно этот вывод позволяет установить и точные даты пребывания Витрасия Поллиона на посту легата Нижней Мезии - он был им с 156 по 158 г. Таким образом, брестовенский диплом - самый поздний в группе обсуждаемых дипломов, и это может подтверждать предположение о том, что появление в нем эпитета civium Romanorum при названии I когорты германцев не случайно, а отражает время его присвоения когорте. В таком случае это событие следует относить к 157 или 158 г.

В ольвийском дипломе, в последней строчке внешней стороны, где должно находиться название подразделения, к которому принадлежал ветеран, сохранились верхние части букв D, E, S и C, а перед D еще наклонная гаста A. Из известных названий вспомогательных отрядов римской армии, расквартированных в это время в Нижней Мезии, сюда подходит, пожалуй, лишь название I Цисипаденской когорты, если предположить пропуск N между E и S: [Cohort(is) I Cisip]/ ade<n>s(ium) /c[ui praeest- - -]

В результате восстановленный текст диплома выглядит следующим образом:

[Imp(erator) Caes(ar) divi Hadriani f(ilius) divi Traiani Parthici nep(os) divi Nervae pronep(os) T(itus) Aelius Hadrianus Antoninus Aug(ustus) Pius pont(ifex) max(imus) tr(ibunicia) pot(estate) XIX imp(erator) II co(n)s(ul) IIII p(ater) p(atriae)

equit(ibus) et pedit(ibus) qui militaver(unt) in al(is) V quae appel(lantur) I Gall(orum) et Pann(oniorum) et I Gall(orum) Atector(igiana) et II Hispan(orum) Arvac(orum) et I Vespasia(na) Dar(danorum) et I Fl(avia) Gaetul(orum) et coh(ortibus) XI I Brac(araugustanorum) et II Fl(avia) Britton(um) et I F]/l(avia) /N/u/m/i/d(arum)[et I Cl(audia) Sugambr(orum) vet(erana) et I Lusit(anorum) Cyr(enaica)] /e<t> II Chalc(idenorum) [sag(ittariorum) et I Cilic(um) sag(ittariorum) et I Thrac(um) Syr(iaca) et I G]erm(anorum) et II Br/a[c(ar)aug(ustanorum) et I Cisipadens(ium) et sunt in Moe]/sia infer(iore) sub V[itrasio Pollione leg(ato) quinis et vicenis item cl]ass(icis) senis et vice/n/is pluri[busve stipendis emeriti]/s dimissis hon/e/s/t[a m]/iss(ione)

quor(um) nomin(a) subscripta [sunt civitatem R]omanam qui eorum non [haberent dedi]t et conub(ium) cum uxorib(us) [qua]/s tunc ha/buiss(ent) cum est c(i)vitas is da[ta si q(ui) caelib(es) essent cum is, qu]/as postea duxiss(ent) dumta[xat singuli singulas.]

A(nte) d(iem) VI id(us) feb(ruarias) [M(arco) Civica Barbar]o M(arco) Metilio /R/e/g/u/l/o /c[o(n)]s(ulibus)

[Cohort(is) I Cisip]/ade<n>s(ium) /c[ui praeest- - -]

[Descript(um) et recognit(um) ex tabul(a) aer(ea) quae fixa est Romae in mur(o) post templ(um) divi Aug(usti) ad Minervam]

Перевод:

[Император Цезарь, сын божественного Адриана, внук божественного Траяна Парфянского, правнук божественного Нервы, Тит Элий Адриан Антонин Август Пий, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна 19 раз, император дважды, консул четырежды, отец отечества, всадникам и пехотинцам, служившим в пяти алах, которые называются I галлов и паннонцев, I галлов Атекторигианская, II испанцев арваков, I Веспасианова дарданцев, I Флавиева гетулов и в 11 когортах, (которые называются) I бракаравгустанов, II Флавиева бриттонов, I Флавиева] нумидийцев, [I Клавдиева сугамбров ветеранская, I лузитанцев Киренаикская], II халкидонцев [стрелков, I киликийцев стрелков, I фракийцев Сирийская, I] германцев, II бра[каравгустанов, I Цисипаденская, и находятся в] Нижней [Мезии] под командованием В[итрасия Поллиона, легата, отслужившим по двадцать пять лет, также морякам отслужившим] по двадцать шесть лет и более, уволенным в почетную [отставку], имена которых перечислены ниже, римское [гражданство] тем, которые его не [имели да]л, и право брака с женами [которых тогда име]ли, когда им было дано гражданство; [если которые были холосты, то с теми], на которых потом женятся, не более [чем один на одной.] За 6 дней до ид февраля, [в консульство Марка Цивика Барбара и] Марка Метилия Регула. [Для такого-то, служившего в I Цисип]аденской [когорте под командованием такого-то. Переписано и сверено с медной плиты, которая прикреплена в Риме на стену позади храма божественного Августа у Минервы].

Появление каждого нового военного диплома дает новую информацию по истории Римской империи в целом. Не составляет исключение и данный диплом. Прежде всего, он позволяет уточнить список легатов Нижней Мезии. Диплом удостоверяет, что Витрасий Поллион стал легатом уже в 156 г., а не годом позже, как часто считалось. Его сопоставление с брестовенским дипломом позволяет утверждать, что он оставался легатом и в 158 г.; таким образом, точно определяется срок его пребывания в этой должности: 156-158 гг. Кроме того, благодаря новому диплому удается уточнить и датировку диплома из Брестовене - он должен датироваться 158 г. Для эпохи Антонина Пия нам известны теперь конституции, касающиеся войск Нижней Мезии, 145 (7 апреля), 146, 155, 157 (8 февраля) и 158 гг. В 154 и 156 гг. конституция, по крайней мере, для всех подразделений провинции, видимо, не принималась, судя по наличию в дипломах 155 и 157 гг. оговорки «25 лет и более». Для всех этих лет полностью реконструируются списки вспомогательных подразделений, расквартиро-ванных в Нижней Мезии. Наконец, ольвийский диплом, вместе с уже известными, позволяет выдвинуть некоторые предположения относительно порядка и временного ритма публикации, касающихся ветеранов конституций в эпоху Антонина Пия.

Однако особое значение этот диплом имеет для истории Северного Причерноморья и особенно Ольвии. В самом деле, несмотря на

то, что присутствие римского гарнизона в Ольвии в различные периоды II и III вв. не вызывает сомнений, многие связанные с ним вопросы остаются спорными и неясными. В немалой степени это объясняется скудостью источников. Хотя находки греческих надписей второй половины II - первой половины III в. н.э. в Ольвии достаточно многочисленны, латинских до сих пор было известно лишь 18 (11 из них надгробия)[48], тогда как в Херсонесе их около сотни. В то же время именно латинские надписи являются основным источником, отражающим римское военное присутствие в Северном Причерноморье.

При общей немногочисленности ольвийских латинских надписей большая их часть приходится на III в. До сих пор самым ранним прямым свидетельством пребывания римского гарнизона в Ольвии считалась надпись (IOSPE I^2, 322), упоминающая вексиляцию, в которую входили солдаты трех расквартированных в Нижней Мезии легионов - I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева. Ее датировали второй половиной 60-х - началом 70-х гг. II в. н.э.[49] Таким образом, наш диплом является наиболее ранним текстом, документирующим присутствие римского военного гарнизона в Ольвии в эпоху после Траяна. Появление римского гарнизона здесь в эпоху Антонина Пия уже предполагалось ранее[50] на основании сообщения Scriptores historiae Augustae (Ant. Pius, 9, 9), приписываемого Юлию Капитолину. Автор сообщает, что Антонин Пий послал в Понт войска, чтобы помочь ольвиополитам в войне против тавроскифов, и вынудил последних дать ольвиополитам заложников. Однако это сообщение оставалось изолированным и подвергалось сомнению: высказывалось предположение, что в сообщение позднего источника вкралась ошибка и что в действительности здесь должна идти речь о Херсонесе, а не об Ольвии[51]. Новый диплом подтверждает достоверность этого сообщения, а также и то, что миссия войск Антонина Пия не была разовой акцией, а привела к размещению в Ольвии гарнизона. Удается примерно установить и дату этого события: присылка войск произошла до 156 г., видимо, существенно раньше этой даты. К 156 г., очевидно, римские солдаты стояли в Ольвии достаточно долго, чтобы успеть обрасти местными связями: в противном случае трудно объяснить, почему уволившийся в отставку ветеран предпочел остаться здесь, а не отправиться на родину. Теоретически возможен и другой вариант: неизвестный нам ветеран был по происхождению ольвиополитом и вернулся на родину после увольнения в отставку. В этом случае, однако, пришлось бы предполагать, что римская вспомогательная часть стояла в Ольвии уже в тот момент, когда в нее был рекрутирован этот ветеран, т.е. примерно за 25 лет до 156 г. Однако в нашем распоряжении нет надежных сведений о дислокации в Ольвии римских вспомогательных войск около 130 г. Упомянутое выше сообщение Scriptores historiae Augustae, напротив, свидетельствует о том, что в начале правления Антонина Пия римский гарнизон в Ольвии отсутствовал, и его жители были вынуждены просить о присылке римских войск для защиты от варваров. Таким образом, наиболее вероятно, что ветеран, получивший ольвийский диплом, проходил службу в подразделении, солдаты которого входили в состав гарнизона, размещенного в Ольвии Антонином Пием в середине его правления. После выхода в отставку в 157 г. он предпочел остаться в Ольвии и поселился поблизости от своего прежнего места службы.

То, что римский гарнизон был введен в Ольвию именно в эпоху Антонина Пия подтверждается и рядом косвенных данных. На время его правления приходится резкое увеличение находок римских монет в Ольвии[52]. Во второй половине II в. н.э. практически вся городская территория застраивается по новому плану и в ряде случаев нивелируется. В южной оконечности Верхнего города возводится цитадель, вероятно, служившая местом дислокации римского гарнизона. Археологические исследования свидетельствуют об интенсивном строительстве, в том числе и оборонительных сооружений, на территории Верхнего города именно в это время[53].

Новый диплом позволяет установить название еще одного воинского подразделения, представители которого входили в состав римского гарнизона Ольвии – I Цисипаденская когорта[54]. Присутствие этой когорты в Северном Причерноморье данным дипломом фиксируется впервые. Когорта была сформирована в Африке в районе Syrtis Maior и получила название по местному народу Cisipades (Plin. N.h. V, 27). Она упоминается в надгробной надписи (CIL V, 8185), согласно которой ветеран IV Скифского легиона

L. Campanius L. f. Pol(lia) Verecundus был назначен ее центурионом; это, видимо, означает, что когорта находилась в подчинении этого легиона. Вероятно, вместе с ним когорта находилась в Мезии при Тиберии; возможно, затем была переведена вместе с легионом в Германию при Клавдии и позже в Армению. В 75 г. присутствие когорты зафиксировано военными дипломами опять в Мезии, а в 94 и 100 гг. в Верхней Мезии (RMD I, 2; CIL XVI 39, 46). Как мы видели выше, в 138 г. когорта размещалась во Фракии[55] и была переведена в Нижнюю Мезию между 146 и 155 гг.[56] Ольвийский диплом является вторым свидетельством пребывания когорты в Нижней Мезии в эпоху Антонина Пия. Она оставалась в этой провинции, по меньшей мере, до середины III в., что засвидетельствовано надписями (CIL III 14429, 14430) эпохи Максимина (235-238 гг.) и Гордиана III (238-244 гг.). Судя по месту их находки, местом дислокации когорты в это время был кастель Состра у Ломеца (район Ловеча в Болгарии).

Сведения об истории когорты позволяют предположить, какого происхождения был ее ветеран, осевший в Ольвии. Судя по тому, что он вышел в отставку в начале 157 г., этот ветеран должен был быть рекрутирован на 25 лет раньше, в 131 г. В это время когорта размещалась во Фракии; по-видимому, ее уроженцем и был этот ветеран.

Наконец, публикуемый диплом позволяет уточнить и некоторые вопросы, связанные с археологическим изучением Ольвии. Выше уже указывалось, что археологический материал свидетельствует о том, что во второй половине II в. на территории Верхнего города шло интенсивное строительство, в ходе которого были, в частности, сооружены стены цитадели (упомянутая выше надпись IOSPE I^2, 322, по всей видимости, относится именно к этому строительству). Постройка дома на нижней террасе, примыкавшего к юго-восточной стене цитадели, было частью этой строительной программы. Поскольку диплом был найден в полу одного из помещений этого дома, его дата дает terminus post quem как для дома, так и для стены цитадели, к которой он примыкает, а также и для других одновременных с ними сооружений. Тот факт, что диплом найден в доме, непосредственно примыкающем к цитадели, подтверждает предположение, сделанное на основании других данных, что римский гарнизон размещался именно в ней.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Раскопки В.В. Крапивиной, А.В. Буйских, В.В. Крутилова.
2. Зубарь В.М., Крапивина В.В. О римском гарнизоне Ольвии в середине III века // Vita Antiqua. - 1999, с. 76-83; Они же. Новая латинская надпись и некоторые вопросы истории Ольвии в середине III в. н.э. // Stratum plus 6. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 2000, с. 239-247.
3. Крапивина В.В. Рельеф с Митрой Тавроктоном из Ольвии // Древнее Причерноморье. - Одесса, 1994, с. 168-171.
4. Калашник Ю.П. Обломок римского воинского диплома из Херсонеса // Труды Государственного Эрмитажа 24. - Ленинград, 1984, с. 165-168.
5. CIL III, 2 (1873). P. 843-919.
6. CIL III, Suppl. I (1893), p. 1955 sqq; Suppl. II (1902), p. 2212-2214, 2294, 2328^{64}-2328^{72}.
7. CIL XVI (1936); CIL XVI Suppl. (1955).
8. Roxan, M.M. Roman Military Diplomas 1954 to 1977 (Insitute of Archaeology, University of London, Occasional Publication 2). - London, 1978 (далее RMD I); Idem. Roman Military Diplomas 1978 to 1984 (Insitute of Archaeology, University of London, Occasional Publication 9). - London 1985 (далее RMD II); Idem. Roman Military Diplomas 1985 to 1993 (Insitute of Archaeology, University of London, Occasional Publication 18). - London, 1994 (далее RMD III).
9. Эк В. Император как глава войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ 3. - 2004, с. 29 = Eck W. Der Kaiser als Herr des Heeres; Militärdiplome und die kaiserliche Reichsregierung, in Documenting the Roman Amrvy. Essaus in Honour of Margaret Roxan / ed J.J. Wilker. - London, 2003. đ. 56.
10. См. об этом подробно: Эк, Император как глава войска..., с. 38-41; Eck, Der Kaiser…, p. 65-68.
11. По оценке В. Эка, несколько тысяч в год (Эк, Император как глава войска..., с. 37, 49; Eck, Der Kaiser…, p. 65, 77).
12. См.: Эк, Император как глава войска..., с. 37-38 = Eck, Der Kaiser…, p. 65-66.
13. Alföldy G. Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen // Antiquitas I, 27. - Bonn, 1977, s. 169; *pace* Prosopographia Imperii Romani Saec. I-III / Ed. E. Croag, A. Stein, L. Petersen. - Berlin, 1933 (далее PIR^2), s. 602; Visy Zs. Neuere Militärdiplome aus Pannonien // A Szekszárdi Béri Balogh Ádám Múzeum Évkönyve 10-11. - 1979-1980 (1982), s. 64; ср. PIR^2, M540.
14. Visy, Neuere Militärdiplome…, s. 60-65; AE 1983, nr. 784-785, p. 222-225; RMD II, p. 168-173, nr. 102-103.
15. Для большинства лет периода активной выдачи дипломов в настоящее время известно две конституции, для ряда лет - больше, до пяти, однако публикуются они в разные числа. Известен ряд случаев, пока немногочисленных, когда конституции для двух и даже трех провинций принимались в один день: Roxan M.M., Eck W. A Diploma of Moesia Inferior:

125 Iun. 1 // ZPE 116. - 1997, p. 288-289; Эк, Император как глава войска..., с. 32; Eck, Der Kaiser…, p. 60.
16. Pferdehirt B. Vier neue Militärdiplome im Besitz des Römisch-Germanischen Zentralmuseums // Archäologische Korrespondenzblatt 31. - 2001, s. 261-266; RMD I, 55. Вопреки мнению В. Эка (Эк, Император как глава войска..., с. 32; Eck, Der Kaiser…, p. 60, Anm. 28), который ошибочно указывает на Нижнюю Мезию и Верхнюю Паннонию.
17. PIR^2, A 1513.
18. Эк, Император как глава войска..., с. 45-50; Eck, Der Kaiser…, p. 73-78; Ср. Rémy B. Remarques sur la date de renouvellement de la puissance tribunicienne d'Antonin le Pieux // ZPE, 142. - 2003, p. 269-272. Вопреки ошибочному утверждению автора, оба диплома из Дюнакомлод имеют одинаковое указание на дату - оба датированы 19-м годом трибунской власти Антонина Пия;Eck W. Zum Zeitpunkt des Wechsels der *tribunicia potestas* des Philippus Arabs und anderer Kaiser // ZPE 140. - 2002, s. 257-261.
19. Doruţiu-Boilă E. Inscriptions Scythiae Minoris. I-V. - Bucureşti, 1980 (далее ISM), III, nr. 60 = AE 1937, 247.
20. PIR^2, A 1513.
21. См. о нем с источниками: Александров Г. Антични паметници от Монтана // Археология 28. - 1986, № 1, с. 36-37 (= AE 1985, 751) (Монтана); Stein A. Die Legaten von Moesien // Dissertationes Pannonicae I, 11. - Budapest, 1940, s. 72-75; Fitz J. Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia inferior. - Weimar, 1966, s. 47; Syme R. Legates of Moesia // Dacia 12. - 1968, s. 336-337; Alföldy, Konsulat und Senatorenstand…, s. 231; Doruţiu-Boilă E. Legatii Moesiei Iferioare ontre anii 137 hi 160. II. Legatii ontre anii 150 hi 160 // SCIVA 40. - 1989, p. 333-334; Kolendo J. T. Vitrasius Pollio gouverneur de la Mésie inférieure et son activité dans cette province // Studia aegaea et balcanica in honorem. Lodovicae Press. / Ed. W. Hensel. - Warszawa, 1992, p. 199-205; Avram, ISM III, p. 373-374. Кроме упомянутой выше надписи из Каллатиса, см. ISM I, nos. 74 (= AE 1961, 292 = BE, 1961, p. 202, nr. 425); 149; 150 (= AE 1919, 11 + SEG II, 454) (Истрия); ISM III, nr. 115 (= SEG XXIV, 1030 = AE 1963, 177) (Каллатис); IGBulg I, 15 (=IGRR I 663) (Дионисополь); IGBulg I, nos. 59 (= CIL III, 762 = ILS, 5751 = IGRR I, 1440); 60; 61; 86 bis (Одессос); CIL III, 7420 (6125) (Almus); CIL III, 14214, 1 (Tropaeum Traiani); Kolendo, Vitrasius Pollio…, p. 199-200 (Нове). Cf. CIL II, 5679 = ILS, 1113; CIL VI, 1540, 31675 = ILS, 1112 (cursus honorum Витрасия Поллиона).
22. Венедиков И. Римска военна диплома от с. Брестовене, Кубратско // Известия на Археологическото дружество в гр. Сталин [Варна], 1953. с. 61-68; AE 1961, с. 128; RMD I, 50.
23. Венедиков, Римска военна диплома…, 1953, с. 67.
24. Ср. Doruţiu-Boilă E. Über einige Statthalter von Moesia Inferior // Dacia, n.s. 12. - 1968, p. 398; Idem, Legatii Moesiei Iferioare..., p. 327, с примерами из источников, к которым можно теперь добавить надпись из Монтаны, где легат назван лишь двумя последними именами (Александров, Антични паметници от Монтана…, с. 36-37).
25. Doruţiu-Boilă, Über einige Statthalter..., p. 398-399. Это восстановление принимает Г. Алфельди: Alföldy, Konsulat und Senatorenstand…, s. 231, n. 135.
26. RMD I. P. 73.
27. Weiß P. Ein Diplom des Antoninus Pius für Moesia Inferior von Dez. 145/Dez. 146. Zum Truppenbestand der Provinz nach der Okkupation Dakiens // ZPE 124. - 1999, s. 282, Anm. 12.
28. Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Новое надгробие римского солдата с некрополя Херсонеса Таврического // Археологія 2 - 1996, с. 140-143.
29. Возражения против этого соображения М. Роксан (Doruţiu-Boilă, Legatii Moesiei Iferioare..., p. 329-330) не убеждают.
30. RMD I, p. 69, n° 46, note 1; Weiß P. Das Konsulnpaar vom 7. April 145 n. Chr. Noch einmal zu den Auxilien von Moesia inferior und Thracia unter Antoninus Pius // ZPE 134. - 2001, s. 264, n. 23.
31. Syme, Legates…, p. 336; Doruţiu-Boilă, Über einige Statthalter..., p. 399.
32. Ср. однако: Roxan, Eck, A Diploma…, p. 196, n. 15; p. 198, n. 43; Roxan M.M. An Auxiliary / Fleet Diploma of Moesia Inferior: 127 August 20 // ZPE 118. - 1997, p. 290, n. 18, p. 299, где принимается восстановление имени легата Ul[pio Messa]llino и брестовенский диплом датируется 152/154 гг. со знаком вопроса. Для восстановления текста ольвийского диплома датировка брестовенской находки 152/154 или ок. 157 г. не имеет существенного значения: в любом случае два диплома очень близки друг к другу хронологически.
33. Weiß, Das Konsulnpaar..., s. 263-265, taf. II.
34. Weiß, Ein Diplom..., s. 279-286.
35. Торбатов С. Римска военна диплома от 145 г. от Нигринианис, Долна Мизия // Археология 33(1). - 1991, с. 23-27 = AE 1991, 1380 = AE 1994, 1528 = RMD III, 165.
36. Weiß, Das Konsulnpaar..., s. 261-263.
37. Roxan, An Auxiliary…, p. 288.
38. Weiß, Ein Diplom..., s. 285-286.
39. Аргументы в пользу того, что речь идет об ошибке, см.: Weiß, Das Konsulnpaar..., s. 263.
40. Weiß, Ein Diplom..., s. 283-285.
41. Weiß, Das Konsulnpaar..., s. 262-263. Ср. Pferdehirt B. Römische Militärdiplome und Entlassungsurkunden in der Sammlung des Römisch-Germanischen Zentralmuseums (Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer, 37). - Mainz, 2004, s. 59.
42. RMD I, 14; Paunow E.I., Roxan M.M. The Earliest Extant Diploma of Thrace, A.D. 114 // ZPE 119. - 1997, p. 269-282.
43. Roxan M.M., Weiß P. Die Auxiliartruppen der Provinz Thracia. Neue Militärdiplome der Antoninenzeit // Chiron 28. - 1998, p. 382-417, nr. 2-7. Историю когорты см.: Wagner W. Die Dislokation der römischen Auxiliarformationen in den Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dakien von Augustus bis Gallienus. - Berlin, 1938, s. 165-166; Benes J. Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia. - Praha, 1978, p. 45-46; Roxan, Weiß, Die Auxiliartruppen der Provinz Thracia..., p. 387-389.
44. Roxan, Weiß, Die Auxiliartruppen der Provinz Thracia..., p. 373-381, nr. 1; Pferdehirt B. Fragment eines neuen Militärdiploms aus Thrakien vom Jahr 138 n. Chr. // Archäologische Korrespondenzblatt 28. - 1998, s. 445-450.

45. Дополнение sag как sag(ittariorum), а не sag(ittaria) обосновано: Le Roux P. Les diplômes militaires et l'évolution de l'armée romaine de Claude ŕ Septime Sévčre: auxilia, numeri et nations: Heer und Integrationspolitik. Dir römischen Militärdiplome als historische Quelle. Hrsg. W. Eck, H. Wolff. - Köln-Wien, 1986, p. 355.
46. Le Roux Les diplфmes militaires..., p. 350-355; Cf. Pferdehirt B. Vier neue Militärdiplome im Besitz des Römisch-Germanischen Zentralmuseums // Archäologische Korrespondenzblatt 31. - 2001, s. 266. Эпитет CR при назвнии I когорты германцев отсутствует также в дипломах 127, 145, 146 и 155 гг. (Roxan, An Auxiliary..., p. 288; Weiß, Ein Diplom..., s. 280; Weiß, Das Konsulnpaar..., s. 264-266). Таким образом, брестовенский диплом - единственный, где он используется. Возможно, что это отличие не случайно и брестовенский диплом свидетельствует о времени присвоения когорте этого эпитета, однако в этом нет полной уверенности.
47. Ср.: Visy Zs. Die Entlassung der Auxiliarsoldaten aufgrund der Militärdiplome // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungarica 36. - 1984, s. 223-238.
48. Зубар В.М., Козуб Ю.І. Нова епітафія римського легіонера з Ольвії // Археологія 2. – 2002, с. 102-109; Зубар В.М., Козуб Ю.І. Нові надгробки з латинськими епітафіями з Ольвії // Археологія 3. – 2004, с. 23-33; IOSPE, I^2, 167, 171, 234, 235, 236, 237, 238, 322, 323, 324; Зубарь, Крапивина, О римском гарнизоне Ольвии…, с. 76-83; Zubar V.M., Kozub Yu.I. A New Tombstone with Latin Epitaph from Olbia // ACSS 8. - 2002, p. 199-210. Еще одно надгробие, обнаруженное в 2004 г. (раскопки Ю.И. Козуб), готовится к публикации, один фрагмент не опубликован.
49. Зубарь В.М., Сон Н.А. К интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOSPE I^2) // ВДИ 3, 1995, с. 181-187. Представляется, однако, более верным относить ее к периоду до вывода V Македонского легиона из Нижней Мезии в Дакию, т.е. до 167 г. (Aricescu A. The Army in Roman Dobrudja // BAR 86 (International Series). - Oxford, 1980, p. 11 (перевод: Armata în Dobrogea romanâ. - Bucureşti, 1977). В.М. Зубарь и Н.А. Сон полагают, что данная надпись относится к переходному периоду, когда V Македонский легион уже был выведен в Дакию, однако его военнослужащие еще оставались в составе гарнизонов в Причерноморье, притом что командование этими гарнизонами уже было передано от центурионов V Македонского легиона к центурионам других легионов. Такая возможность не исключена, однако нет никаких прямых свидетельств о том, что вывод легиона из Нижней Мезии был постепенным, как это предполагает данная теория. Кроме того, поскольку зона ответственности V Македонского легиона перешла после 167 г. I Италийскому легиону, то при таком развитии событий было бы естественным, чтобы центурионов V Македонского легиона заменяли центурионы I Италийского. Согласно ольвийской надписи, однако, вексиляцией командовал центурион XI Клавдиева легиона. Наконец, если речь идет о процессе передачи зоны ответственности от одного легиона к другому, то непонятно и вообще появление этого третьего легиона. На наш взгляд, ольвийская надпись (IOSPE I^2, 322) может свидетельствовать лишь о том, что в состав ольвийской вексиляции в какой-то момент входили представители всех трех нижнемезийских легионов. Такова же была ситуация и в Тире (Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – Киев, 1985, с. 98-99, рис 32). Известны также смешанные вексилляции двух легионов в Tropaeum Traiani и, видимо, трех в Каллатисе (Aricescu, The Army in Roman Dobrudja…, p. 52). Таким образом, нет оснований приписывать существование смешанных вексиляций переходному периоду, связанному с передачей гарнизонов из зоны ответственности одного легиона в зону ответственности другого. Тем более трудно объяснить при такой схеме существование в вексиляции солдат третьего легиона, который никуда не перебазировался. На наш взгляд, ничто не мешает предположить, что легион, размещенный Антонином Пием в Ольвии с самого начала включал солдат из всех трех нижнемезийских легионов, а также из вспомогательных подразделений. При выводе V Македонского легиона из Нижней Мезии, очевидно, должны были быть выведены и его легионеры из причерноморских гарнизонов. В таком случае вывод V Македонского легиона из Нижней Мезии в 167 г., наоборот, давал бы terminus ante quem для надписи IOSPE I^2, 322, а сама надпись датировалась бы временем между размещением в Ольвии римского гарнизона Антонином Пием (вероятно, ок. 150 г. или несколько раньше, см. ниже) и 167 г., т.е. была бы примерно одновременна публикуемому диплому.
50. Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. - Киев, 1985, с. 177-178; Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. - Киев, 1993, с. 149. В.Ф. Гайдукевич полагал, что и до нападения тавроскифов в Ольвии стоял римский гарнизон, введенный еще Траяном (Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. - М.-Л., 1955, с. 62). М.И. Ростовцев считал, что римский гарнизон был размещен в Ольвии при Адриане (Ростовцев М.И. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК 58. - 1915, с. 12-13). В пользу обоих предположений, однако, не было приведено никаких конкретных данных.
51. Зубарь В.М. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. (SHA, Ant. Pius, 9, 9) // РА 2. - 1993, с. 185-188; Он же. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. - первая половина VI в.). - Киев, 1998, с. 89-90. Ср. Браунд Д. Діон Хрісостом, торгівля Ольвіп та ольвійсько-«тавроскіфська» війна // Археологія 3. - 1991, с. 29-30.
52. Карышковский П. О. Находки монет Римской империи в Ольвии // Нумизматика и сфрагистика 2. - Киев, 1965, с. 57.
53. Крапивина, Ольвия…, с. 10-20.
54. Об истории когорты см.: Wagner, Die Dislokation…, s. 121; Benes, Auxilia Romana…, p. 25-26; Roxan, Weiß, Die Auxiliartruppen der Provinz Thracia…, p. 379.
55. Roxan, Weiß, Die Auxiliartruppen der Provinz Thracia…, p. 373-381, nr. 1; а также: Pferdehirt B. Fragment eines neuen Militärdiploms aus Thrakien vom Jahr 138 n. Chr. // Archäologische Korrespondenzblatt. 28. - 1998, p. 445-450.
56. Weiß, Das Konsulnpaar..., s. 263-265.

7/04/145 г. RMD III, 165; Wei? 2001	146 г. Wei? 1999	155 г. Wei? 2001	152/158 г. RMD **I**, 50	8/02/157 г.
Alae: 5 1. I Gall. et Pann. 2. I Gall. Atectorig. 3. I Vespas. Dardan. 4. I Fl. Gaetul. 5. II Hisp. Arvac.	**Alae:** 5 1. I Gall. et Pann. 2. I Gall. Atectorig. 4. Vespas. Dardan. 5. Fl. Gaetul. 3. II Hisp. Arvac.	[- - -]	**Alae:** 5 1. [I Ga]ll. et Pann. 2. I Gall. Ate[ctorig.] 4. I Vespas. Dardan. 5. [I Fl. Gaetul.] 3.II Hisp.] Arvac.	[- - -]
Cohortes: 11 1. I Bracar. c.R.	**Cohortes:** 11 1. I Bracar. c. R.	**Cohortes:** [11] [1. I Bracar. c.R.]	**Cohortes:** 11 1. I Brac.	[- - -]
2. II Mattiac.	2. II Mattiacor.			
3. I Fl. Numid.	3. I Flavia Numid.	3. [I Fl. Numid.]	2. I Fl. Numid.	3. [I Fl.] Numid.
4. I Claud. Sugambr. vet.	4. I Claudia Sugambrum veter.	4. [I Claud. S]ugam. vet.	4. [I Cl.] Sugambr. vet.	
5. I Calch. sag.		6. II Chalc. sag.	6. II [Ch]alc. sag.	6. II Chalc. [sag.]
6. I Cilic. sag.	6. II Chalcidenor. sag.	7. [I Cilic. sag.]	7. I Cilic. sag.	
7. I Thr. Syr.	7. I Cilicum sag.	8. I [Thrac. Syr]iac.	8. I [Thrac.] Syr.	
8. I Germ.	8. I Thracum Syr.	9. I Germ.	9. I Germ. c.R.	9. I Germ.
9. II Bracar-august.	9. I Germanor.	10. II Br[acaug.]	10. II Bracaug.	10. II Bra[caug.]
10. I Lusit. Cyr.	10. I Bracar.	5. [I Lusit. Cyrenaic.]	5. I Lusit. Cyr.	
11. II Fl. Britton.	5. I Lusitanor.	2. [II Fl. Britto]n.	3. [II Fl. Britton.]	
	11. II Flavia Britton.	11. [I Cisi]pa-dens.	11. [I Cisipa-dens.]	11. [I Cisip]a-de<n>s.

Таблица 1. Списки воинских подразделений, известные по римским дипломам

Рис. 1. Римский диплом из Ольвии.
Лицевая и оборотная стороны.

В.П. КИРИЛКО

ПОТЕРНА КРЕПОСТИ КАЛАМИТЫ

Впервые о вылазной калитке Каламиты упоминает А.Л. Бертье-Делагард. Описывая фортификационные строения города, он отметил, что «для свободного выхода на плацдарм, в старой стене сделаны ворота, левее V башни, их прежде не было, потому что проход в стене со дна рва и значит, современен рву, а не стене»[1]. Увязывая сооружение потерны с устройством рва, ученый, тем самым, относит ее к числу объектов, появившихся, по его мнению, при османах - не ранее конца XVI в., а вероятнее всего, в XVII или даже в начале XVIII в., тогда как строительство крепости им датировано 1427 г.[2]

В 1950 г., во время археологических раскопок этого участка обороны, Е.В. Веймарн неожиданно выяснил, что стена с калиткой преграждала тщательно высеченный в скале проход шириной 4,20-4,65 м и глубиной до 3,25 м, который вел изо рва вовнутрь укрепления (рис. 1-2)[3]. Определенное сходство указанной выемки с въездными сооружениями Эски-Кермена дало основание не только первооткрывателю, но в дальнейшем и практически всем исследователям памятника интерпретировать ее не иначе как раннесредневековые крепостные ворота Каламиты[4]. Изучая остатки строения и вырубки в скале, ученый выделил пять этапов развития фортификационной структуры города, причем появление калитки он отнес лишь к третьему строительному периоду, не имеющему точной хронологической привязки. По его мнению, сооружению потерны предшествовали создание и упразднение ворот, которым соответствуют первые два этапа, и оба датируемые ранним средневековьем. Затем проезд был наглухо закрыт стеной, а все пространство выемки засыпано отесом, щебнем и речной галькой. Поэтому позднее, когда возникла необходимость разместить здесь вылазную калитку, в данном заполнении вдоль башни фортификаторы вырыли траншею. Е.В. Веймарн считает, что вскоре потерну ликвидировали, а новый проход заплыл грунтом либо опять подвергся засыпке, и только в четвертом строительном периоде, датируемом им 1427 г., калитка вновь была восстановлена. Пятый этап он связывает с османским правлением, но об использовании потерны в это время ничего не сообщает.

По утверждению ученого, лицевые участки и стены, заграждавшей проезд, и первоначальной потерны в ней были сложены из совершенно одинакового материала – больших хорошо отесанных блоков[5], что уже само по себе косвенно может свидетельствовать о них как об одном, цельном, сооружении. К тому же исследователем абсолютно нигде не отмечено даже малейших признаков перекладки или следов вторичного использования камня, неизбежных в том случае, если бы позднее в уже существующей ограде пришлось размещать какой-либо проход. Своеобразным подтверждением единовременности возведения отдельных частей строения является и то, что проем имел четверти, одна из которых выложена вместе с куртиной, будучи с ней перевязана, а вторая – вытесана в скальном основании башни.

Юго-восточный откос сооружения завершается глубокой прямоугольной нишей, которая расположена точно в створе ограды и очевидно предназначалась для крепления перекрытия первоначального проема. По крайней мере, именно в таком качестве она позднее была применена повторно в потерне феодоритского времени. По мнению Е.В. Веймарна, ниша предшествовала калитке[6]. Однако ее принадлежность крепостным воротам маловероятна, хотя бы потому, что гнездо под перемычку находится очень низко, на высоте всего 1,90 м[7]. Если же учесть предположение ученого, в соответствии с которым камень для заграждения упраздненного проезда частично выламывали в основании куртины[8], то указанный габарит был еще меньше, а, следовательно, главный вход укрепления представлял собой приземистый лаз, едва пригодный разве что для спешившихся всадников. С другой стороны, проезд с уступами высотой 0,75 и 0,45 м, существуй они изначально,

совершенно неприемлем для нормального движения ни колесного транспорта, ни конницы.

На наш взгляд, основной причиной всех противоречий, связанных с рассмотрением данного фортификационного узла, является изначально неправильная его интерпретация, во многом обусловленная желанием исследователей видеть в нем по аналогии с другими памятниками региона непременно крепостные ворота. Тогда как главный вход раннесредневекового укрепления Каламиты мог находиться совершенно в ином месте. Не исключено, что именно его остатки в 1988 г. во время археологических раскопок обнаружил В.Ф.Филиппенко у башни № 6, впрочем, трактуемые им как руины вылазной калитки[9]. По свидетельству исследователя, они имели вид «четырех Г-образных блоков, положенных на выровненную поверхность скалы», а ширина проема составляла около двух метров. Огражденной территории площадью 1,3 га вряд ли были необходимы монументальные крепостные ворота, поэтому принадлежность остатков найденного строения как раз главному входу вполне вероятна. Логичным дополнением ему могла бы стать потерна, расположенная под прикрытием башни № 5 - там, где она была при феодоритах и, судя по архитектонике, находилась с самого начала, появившись одновременно с остальными сооружениями раннесредневекового крепостного ансамбля. Высеченный же в толще скалы коридор был неотъемлемой составной частью калитки, представляя собой накопитель для готовящихся к вылазке воинов.

Первоначальная потерна Каламиты была трапециевидной в плане (за счет скругления основания башни) с четвертями. Просвет сооружения - 0,85 м. Ширина проема с внутренней стороны - 1,15-1,54 м. Толщина стены - 2,20 м. Высота калитки в свету - 1,90 м. Тот же параметр амбразуры проема - 2,05 м. За плоскости откосов четверти выступают на 0,17 м (северо-западная) и 0,15 м (юго-восточная). Их ширина - 0,5 м. Для установки перекрытия потерны в скальном основании башни специально была вырублена прямоугольная ниша. Ее размеры: ширина - 2,45 м, высота - 0,80 м, глубина - около 0,27 м. Точных данных о самой конструкции завершения проема нет. Вероятнее всего, она была полностью каменной, из массивных блоков известняка, как та, что частично сохранилась in situ над входом в раннесредневековую башню № 3. Характерной особенностью ниши, не отмеченной никем из исследователей, является наличие в ее нижней части, над четвертью, паза высотой около 0,15 м и шириной 0,54 м, в который заводился соответствующий выступ архитрава. Низ проема ровный, без порога. О подпятниках или каких-либо других приспособлениях для крепления собственно калитки ничего не известно.

В плоскости откоса, высеченного в основании башни, имеются две выемки - округлая и желобчатая[10]. Первая использовалась в качестве гнезда под засов. Она находится на высоте 1,10 м от уровня прохода и в 0,12 м от края четверти. Диаметр отверстия - 0,12-0,13 м, глубина - 0,11-0,13 м. С другой стороны проема, точно напротив гнезда, в кладке стены в свое время имелся специальный канал для самой задвижки, от которого сейчас в одном из блоков сохранилась квадратная вырубка размером 10 х 10 см. Грани последней расположены соответственно в 1,07 м от низа сооружения и на расстоянии 0,32 м от четверти.

Вторая выемка откоса находится 0,12 м выше первой и также предназначалась для замыкания калитки. Она представляет собой гнездо с абрисом в виде прямоугольной трапеции, к скошенному наружу верху которого по диагонали примыкает паз для заводки запорного бруса. Обе части устройства между собой органично соединены под углом около 45°, образуя непрерывный желоб усложненной формы. Размеры гнезда: ширина - 0,15 м, высота - 0,13-0,15 м, глубина - 0,23 м. Контуры паза слегка дуговидные, профиль прямоугольный. Его параметры: длина - 0,88 м, ширина - 0,12 м, глубина - переменная, к краю сооружения она равномерно уменьшается до 0,03 м и сходит на нет. Расстояние от четверти до выемки равно 0,08 м, а до начала паза - 0,90 м. Судя по расположению гнезд под запоры, толщина дверного полотна составляла около 0,12 м.

Раннесредневековая потерна была возведена из крупных блоков известняка, скрепленных между собой известью. Средняя длина камней нижнего яруса сооружения - 2,50 м, высота - 0,75 м[11]. Поддается определению толщина лицевого слоя конструкции - 0,50-0,51 м. От второго ряда кладки in situ сохранился только один блок, указанные параметры которого соответственно составляют 1,49 м, 0,41-0,42 м и 0,76 м.

Реконструкция потерны в феодоритский период затронула все основные элементы

фортификационного узла. Заполненный отесом, щебнем и галькой накопитель, как уже отмечалось, был расчищен лишь частично – в виде узкой траншеи шириной около 1 м вдоль основания башни. Фактически он подвергся упразднению, поскольку теперь использовался исключительно в качестве прохода, соединявшего калитку с уровнем крепостной площадки. На 0,9 м тоньше стала куртина, уменьшившись до 1,26-1,30 м, а квадровую кладку сменила бутовая - из разномерного камня (известняковых обломков и сполий), скрепленного непрочным глиняно-известковым раствором.

Объемно-плановая структура потерны также изменилась. Несмотря на то, что к началу ремонта юго-восточная четверть руинированной калитки сохранилась на всю высоту, а противоположная ей - практически наполовину, ни последняя, ни выступ перекрытия над ними в новом строении уже не восстанавливаются[12]. Проем с внешней стороны стал выше на 0,15 м и теперь повсеместно составлял 2,05 м. Увеличение габарита произошло вследствие выравнивания опорных плоскостей раннесредневековой ниши в скале и ремонтной кладки откоса, в связи с чем выемка частично, на ширину завершения, была доложена рядом тонких плиток известняка. Перекрытие калитки каменное, плоское. Оно выполнено двумя однотипными клинчатыми перемычками, составленными из тщательно отесанных блоков известняка со скошенными вовнутрь боковыми гранями. Торцы конструкции прямые. В кладку стены они заведены на 0,7-0,8 м, в нишу - до упора. Фасадная часть потерны перекрыта двумя камнями, тыльная - тремя, причем в обоих случаях над проемом находится самый крупный из них, по длине немного превышающий пролет. Угол замка - 38°. Толщина перемычек около 0,45 м. Разгрузочной арки не было.

Наиболее близкой аналогией каламитской потерне феодоритского периода является синхронная ей калитка фунского укрепления[13]. Их сходство наиболее отчетливо прослеживается в технике кладки и целенаправленном упрощении архитектурных форм. И в обоих сооружениях нет четвертей: во втором они не сделаны преднамеренно, в первом – ранее существовавшие были упразднены. Хорошо сохранившееся перекрытие каламитской калитки не имеет абсолютно никаких гнезд от осей полотна, что дает основание предполагать применение здесь двери с коробкой. Такое же заполнение проема представляется самым оптимальным и для фунского строения, поскольку низ последнего был земляным, а, значит, иное крепление воротных створок, исключая, пожалуй, не применявшуюся (по крайней мере, неизвестную) в подобных сооружениях Таврики навеску на петлях, просто невозможно. Характерной чертой практически однотипных кладок обеих калиток является их невысокая несущая способность и относительно плохая перевязка забутовки с облицовочным слоем, что, в конечном итоге, вскоре и привело к обрушению отдельных участков куртины, деформации архитектурных объемов и, как следствие, необходимости усиления стен различного рода контрфорсами. Немаловажна еще одна особенность, также объединяющая фунскую и каламитскую потерны. Их каменные конструкции свойственны исключительно начальному этапу данных укреплений, полностью выходя из употребления в монументальных зданиях позднее. Взаимосвязь последнего с заведомо низким качеством кладок очевидна, что, в свою очередь, предполагает существование в фортификационной политике феодоритов в регионах общих тенденций, равно как и определенных строительных традиций в оборонном зодчестве княжества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД 14. – 1886, с. 186, фиг. 1.
2. Там же, с. 186-189.
3. Веймарн Е.В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // ИАСК. - М., 1958, с. 57-62; Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР XIII. - Київ, 1963, с. 76-80.
4. Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. - М., 1974, с.102; Мыц В.Л. Укрепления Таврики X – XV вв. – Киев, 1991, с. 136; Филиппенко В.Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана // ХСб. VII. – Севастополь, 1996, с.145.
5. Веймарн, Археологічні роботи..., с. 78.

6. Там же, с. 78.
7. В настоящее время нижние части сооружения заплыли грунтом и недоступны для изучения, поэтому их параметры и отдельные высоты строения даны в соответствии с обмерными чертежами Н.П. Кацура. См.: План участка древних ворот средневековой крепости Каламита. Разрезы к плану. Инкерман, 1950 г. // Архив КФ ИА НАНУ. – Симферополь, 1957. Шифр А. № 7/12.
8. Веймарн, Археологічні роботи..., с. 76-77.
9. Филиппенко, Новое в истории…, с. 145.
10. Веймарн, О времени возникновения…, рис. 5; Он же, Археологічні роботи..., рис. 8.
11. Веймарн, Археологічні роботи..., с. 76.
12. Впрочем, это «упущение» вскоре после раскопок успешно, хотя и безосновательно, было устранено современными реставраторами, которые «воссоздали» недостающую на их взгляд часть четверти и тем самым исказили памятник. Теперь о первоначальном состоянии сооружения можно судить исключительно по фотографиям полевой фиксации археологической экспедиции Е.В. Веймарна (рис. 1-2). См.: Контрольный фото-альбом №2 Археологической Экспедиции Музея пещерных городов и Крымского филиала АН СССР 1950 года // Архив КФ ИА НАНУ. – Симферополь, 1957. Шифр А – 7/10. №№ 270, 281-282, 328; Альбом № 3 материалов раскопок средневекового комплекса крепости Каламита. 1950 г. // Архив КФ ИА НАНУ. – Симферополь, 1957. Шифр А – 7/18. Фото 14, 15, 17.
13. Кирилко В.П. Середньовічне укріплення Фуна XV століття: комплексне архітектурно-археологічне дослідження фортифікаційної структури пам'ятки. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Київ, 2002, с. 9.

Рис.1

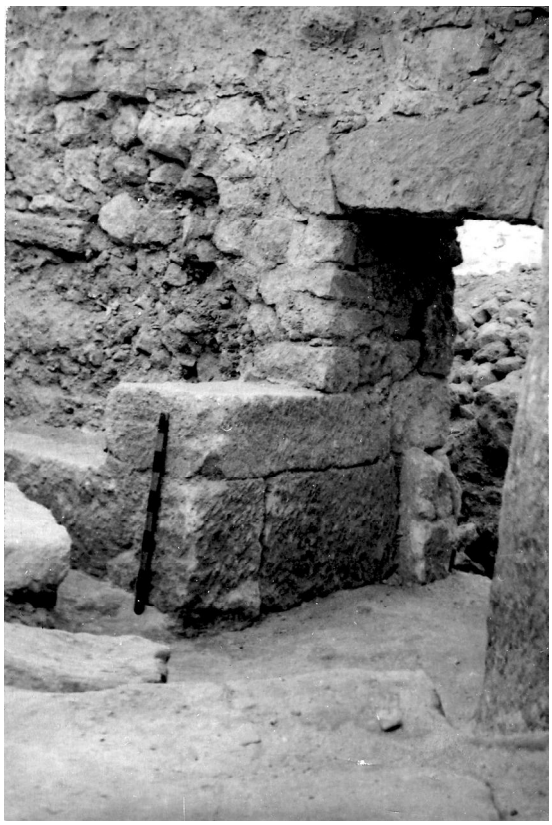

Рис.2.

Рис.1. Напольная сторона потерны, вид с северо-востока (по Е.В. Веймарну)

Рис. 2. Тыльная сторона потерны, вид с юго-запада (по Е.В. Веймарну)

Л.А. КОВАЛЕВСКАЯ, И.Ю. СУХАНОВА

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК СЕЛЬСКОЙ УСАДЬБЫ 338 В ОКРУГЕ ХЕРСОНЕСА

В 2001-2003 годах экспедицией Херсонесского заповедника были завершены раскопки сельской усадьбы 338, которые были начаты еще в 1992 году в связи с планируемым строительством индивидуальных жилых домов в районе «5-км Балаклавского шоссе»[1]. Сельская усадьба земельного надела 338 находится в юго-восточной части Гераклейского полуострова, на юго-западном склоне Сарандинакиной балки (рис. 1).

В результате исследований были определены границы постройки, представляющей собой прямоугольник в плане, размерами приблизительно 24,00 х 28,00 м (рис. 2). Исследуемый памятник археологии является многослойным. На усадьбе, основанной в период размежёвки Гераклейского полуострова как ближней сельской округи Херсонеса, жизнь продолжалась в римский период, а позже - в средневековье.

Основное пространство усадьбы занято жилыми и хозяйственными помещениями. В северной части постройки расположена квадратная башня размерами 13.50 х 13.50 м по внешнему периметру так называемого «противотаранного пояса», которым были укреплены ее стены. Башня является самым крупным по площади участком раскопа. Углы башни, как и всей постройки, ориентированы по сторонам света.

Внутреннее пространство башни стенами разделено на 3 помещения. Восточную часть занимает помещение 1, из которого можно было пройти в два других. Вся юго-западная половина - это помещение 5, где на раннем этапе существования постройки находилась винодельня. В северной части располагается помещение 2, оказавшееся самым информативным. Первоначально и долгое время помещение 2 функционировало как складское, о чем свидетельствуют обнаруженные остатки 11 пифосов, впущенных в землю. Приблизительные размеры помещения: 4,30 х 4,50 м.

В результате раскопок в помещении 2 был выявлен слой пожара с сырцовым завалом (слой 2 мощностью от 0,30 до 0,40 м). Верхний горизонт слоя состоит из рыхлого сыпучего грунта тёмного цвета со следами мощного горения. Нижний горизонт слоя 2 представляет собой завал сырца, пережившего пожар, светло-коричневого цвета с оранжевым оттенком. В заполнении глинистой крошащейся структуры имеется множество плоских плиток-камней. В центре и в восточном углу помещения 2 вышли на плотную поверхность глиняной обмазки, являющуюся, по-видимому, остатками пола верхнего этажа. В центральной же части помещения обнаружены куски малой печки из грубо замешанной глины (рис. 5).

Керамический материал, обнаруженный в слое 2, на участке башни, оказался самым значительным. В слое сырцового завала было обнаружено огромное количество фрагментов амфор, столовой и кухонной керамики. Исходя из того, что каждая группа керамики имеет свой информационный аспект, в настоящей статье подробно рассмотрим лепную посуду, которая является самой многочисленной группой керамики в данном помещении. Лепная керамика представлена, прежде всего, горшками, мисками, имеются также сковорода и курильницы. Всего насчитывается около 70 сосудов, из них удалось склеить 30 археологически целых форм. Характеристика материала проводится на основе классификации лепной керамики из раскопок позднескифского Булганакского городища[2], разработанной В.П. Власовым[3]. Наши сосуды оказались аналогичны основным формам этой керамики, прежде всего по морфологическим признакам с учетом их функционального назначения.

Представленные сосуды объединены в группы по форме тулова, типы выделены по особенностям их формы и пропорциям, а их варианты - по деталям морфологии горла. Необходимо заметить, что провести точные аналогии часто бывает трудно, так как многие морфологические детали сосудов отличались: при ручной формовке гончары не соблюдали

точного стандарта. Выделяются и комбинированные формы.

Также, используя разработки В.П. Власова, предлагаем характеристику поверхностей сосудов.

1ТГ - керамика с хорошо лощеной поверхностью (поверхностями).

2ТГ - керамика с едва лощеной или хорошо заглаженной поверхностью (поверхностями).

3ТГ - керамика с едва заглаженной поверхностью (поверхностями).

Посуда. Горшки.

Это наиболее трудная в определении формы категория посуды, которая предназначена, прежде всего, для приготовления, а также для хранения пищи. К этой категории сосудов причислены также корчаги, служащие для более продолжительного хранения продуктов и отличающиеся более крупными размерами.

Группа I. Тулово сферическое.

Самая многочисленная группа не только среди горшков, но и всего комплекса лепной керамики.

Тип 1. (Власов, тип 10). Средних пропорций, дно плоское невыделенное. Без горла, с широким устьем. Глина светло-коричневая (HUE 10YR; 6/4). 1ТГ. Диаметр венчика - 13,0 см, диаметр дна - 11,4 см, высота - 27,0 см (рис. 3. 1). Кол. № 20/37359. На Булганакском позднескифском городище аналогичные горшки встречаются с материалами I в. до н.э. - I в. н.э. из хозяйственной ямы; по мнению В.П. Власова, данная форма ближе всего к керамике Танаиса[4]. Подобной формы горшки также найдены в крепости в станице Анапской[5].

Тип 2. (Власов, тип 14). Средних пропорций, дно плоское невыделенное. Горло усеченно-коническое. Край не сохранился. Глина светло-коричневая с оранжевым оттенком (HUE 5YR; 6/8). 1ТГ. Диаметр дна - 12,6 см, высота - 26,2 см (рис. 3, 6). Кол. № 19/37359. На Булганакском позднескифском городище похожие сосуды также встречаются с материалами I в. до н.э. - I в. н.э. В.П. Власов допускает появление у поздних скифов подобных сосудов под воздействием таврских керамических традиций и проникновением сарматских[6].

Тип 3. Вытянутых пропорций, дно плоское невыделенное.

Вариант А. Широкое гиперболоидное горло. Глина грубая, светло-кирпичная (HUE 5YR; 6/8). 2ТГ. Диаметр венчика - 16,0 см, диаметр дна - 9,4 см, высота - 19,8 см (рис. 3, 20). Кол. № 33/37359.

Вариант В. Широкое усеченно-коническое горло.

1. Глина коричневая (HUE 7,5YR; 6/6). 3ТГ. Диаметр венчика - 13,0 см, диаметр дна - 9,6 см, высота - 19,0 см (рис. 3. 21). Кол. № 26/37359.

Подобной формы горшки встречаются в скифских или скифо-кизил-кобинских погребениях предгорного Крыма в VI в. до н.э.[7], в Кутлакской крепости - во второй половине I в. до н.э.[8], в Танаисе - в середине III в. н.э.[9]

2. Сосуд малых размеров. Глина коричневая (HUE 7,5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 11,4 см, диаметр дна - 7,0 см, предполагаемая высота - 12,0 см (рис. 3. 13).

Тип 4. Вытянутые пропорции, дно плоское выделенное. Широкое гиперболоидное горло. Глина светло-коричневая с желтовато-розовым оттенком (HUE 5YR; 6/6). 2ТГ. Высота - 16,8 см, диаметр венчика - 12,0 см, диаметр дна - 10,0 см (рис. 3. 9). Кол. № 25/37359.

Тип 5. Средних пропорций, плоское широкое выделенное дно. Гиперболоидное горло.

1. Глина грубая желтовато-коричневая (HUE 7,5YR; 6/6). Под венчиком имеются следы пальцевых вдавлений, образовавшихся при формовке. Диаметр венчика – 20,0 см, диаметр дна - 11,4 см, высота - 27,0 см (рис. 3. 19). Кол. № 18/37359.

2. Глина светло-коричневая (HUE 10YR; 6/4). 2ТГ. На придонной части заметны следы пальцевых вдавлений, образовавшихся при формовке. Диаметр венчика - 19,4 см, диаметр дна - 14,0 см, высота - 24,0 см (рис. 3. 15). Кол. № 17/37359. Похожей формы горшок найден на Усть-Альминском некрополе[10].

3. Глина светло-коричневая (HUE 7,5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 16,0 см, диаметр дна - 10,4 см, высота - 20,0 см (рис. 3. 8).

4. Дно не сохранилось. Глина светло-коричневая (HUE 5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 20,0 см, предполагаемая высота - 21,3 см (рис. 3. 3).

5. Горшок больших размеров. Тулово не сохранилось. Глина светло-коричневая, красноватая (HUE 2,5YR; 6/6), с тёмно-серым закалом (HUE 10YR; 5/1). 2ТГ. Диаметр венчика - 20,0 см (рис. 4. 12).

Тип 6. Приземистых пропорций, дно плоское невыделенное. Широкое гиперболоидное горло.

1. Глина светло-коричневая (HUE 2,5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 18,0 см, диаметр дна - 11,0 см, предполагаемая высота - 18,0 см (рис. 3, 2).

2. Дно не сохранилось. Глина грубая светло-коричневая (HUE 7,5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика – 19,0 см, предполагаемая высота - 16,7 см (рис. 3, 4). Похожей формы горшки встречаются в скифских или скифо-кизил-кобинских погребениях предгорного Крыма в VI в. до н.э.[11], отмечаются в керамике скифского типа в предгорном

и степном Крыму в V - начале III в. до н.э.[12]

3. Дно не сохранилось. Стенки сосуда очень толстые. Глина светло-оранжевая, коричневатая (HUE 5YR; 7/8). 2ТГ. Диаметр венчика - 16,0 см, предполагаемая высота - 16,0 см (рис. 3. 10). Кол. № 31/37359.

Тип 7. Приземистых пропорций, дно плоское невыделенное. Узкое гиперболоидное горло. Глина грубая желтовато-коричневая (HUE 5YR; 6/8). 2ТГ. Диаметр венчика - 12,0 см, диаметр дна - 8,0 см, высота - 12,2 см (рис. 3. 12). Кол. № 22/37359. Аналогичные горшки найдены в слое последней четверти II - второй четверти III в. н.э. в Неаполе Скифском[13], в первых веках н.э. встречаются в сарматских погребениях[14].

Тип 8. (Власов, 2001, тип 2). Дно плоское узкое выделенное. Широкое устье без горла, край загнут внутрь. Глина неровного обжига от светло-коричневой (HUE 10YR; 8/4) до коричневой с оранжевым оттенком (HUE 7,5YR; 7/6). 3ТГ. Высота - 28,0 см, диаметр венчика - 29,0 см, диаметр дна - 15,0 см (рис. 4. 2). По мнению В.П. Власова, этот тип в Крыму встречается редко, относится к керамике нижнедонско-прикубанского облика, характерен для VI-V вв. до н.э. - I в. н.э.[15]

Группа II. Тулово овалоидное, максимально расширенное в верхней части.

Тип 9. (Власов, тип 7, вариант В). Средних пропорций, дно плоское невыделенное. Широкое усеченно-коническое горло. Глина неровного обжига от светло-коричневой (HUE 10YR; 8/4) до коричневой с оранжевым оттенком (HUE 7,5YR; 7/6). 2ТГ. Видны следы заглаживания травой. Диаметр венчика - 17,0 см, диаметр дна - 8,0 см, высота - 17,8 см (рис. 3. 16). Кол. № 27/37359. Аналогичные горшки присутствуют в слоях I в. до н.э. - I в. н.э. на Булганакском городище, характерны для скифов, продолжают традиции раннего времени[16]. Во второй половине I в. до н.э. встречаются в Кутлакской крепости[17].

Тип 10. (Власов, тип 7, вариант А). Средних пропорций, дно плоское невыделенное. Горло гиперболоидное.

1. Глина светло-коричневая (HUE 5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 14,2 см, диаметр дна - 10,0 см, высота - 16,8 см (рис. 3. 17). Кол. № 24/37359.

2. Дно не сохранилось. Глина светло-коричневая (HUE 7,5YR; 6/4). 3ТГ. Диаметр венчика - 14,0 см (рис. 3. 22). По В.П. Власову, горшки данного типа в этническом смысле нейтральны, на Булганакском позднескифском городище встречаются в слоях I в. до н.э. - I в. н.э.[18] Аналогичный лепной чернолощеный горшок обнаружен во впускном сарматском погребении у с. Сергеевка II-I вв. до н.э.[19]

3. Крупных размеров. Глина грубая светло-кирпичная (HUE 5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 22,0 см, диаметр дна - 11,4 см, высота - 40,0 см (рис. 4. 9). Кол. № 34/37359. Подобной формы горшки встречаются в скифских и скифо-кизил-кобинских погребениях предгорного Крыма в VI в. до н.э.[20], в Кутлакской крепости присутствуют во второй половине I в. до н.э.[21]

Группа III. С овалоидно-сферическим туловом, максимально расширенным в верхней части.

Тип 11. Средних пропорций, дно плоское невыделенное. Горло усечено-коническое. Глина светло-оранжевая (HUE 5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 17,8 см, диаметр дна - 11,2 см, высота - 21,0 см (рис. 3. 5). Напоминают формой (Власов, тип 6) на Булганакском городище I в. н.э. По мнению автора, горшки такого типа продолжают развитие скифской ЛК[22]. Подобной формы горшки встречаются в Горгиппии во II-III вв. н.э.[23], в Кутлакской крепости - во второй половине I в. до н.э.[24]

Тип 12. Вытянутых пропорций, дно выделенное. Гиперболоидное горло.

1. Глина светло-коричневая (HUE 7,5YR; 7/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 15,0 см, диаметр дна - 8,8 см, высота - 25,0 см (рис. 3. 14). Кол. № 32/37359.

2. Глина светло-коричневая (HUE 7,5YR; 6/4). 2ТГ. Диаметр венчика - 15,2 см, диаметр дна - 11,0 см, предполагаемая высота - 20,0 см (рис. 3. 18). По мнению А.Б. Буракова, подобной формы горшки являются самым распространенным типом на Козырском городище II-III вв. н.э.[25]

Группа IV. Овалоидное тулово, максимально расширенное в верхней части.

Тип 13. (Власов, тип 4). Широкое устье без горла, край слегка загнут внутрь. Дно плоское узкое выделенное. Глина светло-коричневая с оранжевым оттенком (HUE 5YR; 7/6). 2ТГ. Высота - 31,0 см, диаметр венчика - 38,0 см, диаметр дна - 16,6 см (рис. 4. 1). Кол. № 35/37359. Аналогичные горшки встречаются на Булганакском городище в слоях и в хозяйственных ямах с материалом I в. до н.э. - I в. н.э.[26] В.П. Власов считает, что этот тип в Крыму встречается редко, наиболее характерен для районов Нижнего Дона и Прикубанья VI-V вв. до н.э. - I в. н.э.[27]

Группа V. Тулово овалоидно-биконическое (плечи отделены от нижней половины сглаженным ребром) с максимальным расширением в нижней части.

Тип 14. Вытянутых пропорций. Глина светло-коричневая с желтовато-розовым оттенком (HUE 5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 15,2 см, диаметр дна - 9,0 см, высота - 24,0 см (рис. 3. 7). Кол. № 21/37359. Похожей формы горшки встречаются в Танаисе в середине III в. н.э.[28]

Тип 15. Приземистых пропорций. Дно не сохранилось. Глина светло-коричневая, красноватая (HUE 5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 15,0 см, предполагаемая высота - 15,4 см (рис. 3. 11). Горшки данного типа напоминают формой (Власов, тип 16) сосуды Булганакского городища I в. н.э.[29]

Группа IV. Тулово цилиндрическое.

Тип 16. Вытянутых пропорций. Дно плоское. Горло гиперболоидное. Глина светло-коричневого цвета (HUE 7,5YR; 7/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 26,0 см, высота - 50,0 см, диаметр дна - 14,0 м (рис. 4. 3). Кол. № 10/37374.

Тип 1; тип 2; тип 5.5; тип 10.3 и тип 16, скорее всего, служили корчагами.

Миски.

Столовая посуда, предназначенная для подачи и принятия пищи.

Группа I. Тулово полусферическое.

Тип 1. (Власов, тип 4; Вариант А). Отогнутые края и плоское дно.

Представлен тремя сосудами крупных и средних размеров.

1. Глина светло-коричневая, розоватая (HUE 5YR; 7/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 28,0 см, предполагаемая высота - 13,0 см (рис. 4. 4).

2. Дно не сохранилось. Глина светло-коричневая (HUE 7,5YR; 6/6). 2ТГ. Диаметр венчика - 26,0 см, предполагаемая высота - 10,0 см (рис. 4. 5).

3. Глина неровного обжига от светло-коричневой (HUE 10YR; 8/4) до светло-коричневой с оранжевым оттенком (HUE 7,5YR; 7/6). 2ТГ. Высота - 11,4 см, диаметр венчика - 24,2 см (рис. 4. 6). Кол. № 29/37359. На Булганакском городище известны из слоев с материалом I в. до н.э. - I в. н.э. В.П. Власов связывает происхождение этих мисок с лесостепными районами Северного Причерноморья, откуда они вошли и продолжали бытовать в позднескифской лепной керамике[30].

Группа II. Тулово усеченно-коническое.

Тип 2. (Власов, тип 7; вариант В). Плечики слабовыраженные, прямые, отделённые от нижней части тулова острым ребром и резко отогнутыми краями («остроребёрные»). Дно плоское выделенное. Сосуд средних размеров. Глина светло-коричневая с оранжевым оттенком (HUE 5YR; 6/8). 3ТГ. Есть следы от формовки пальцами, особенно чётко прослеживающиеся под венчиком. Диаметр венчика - 29,0 см, высота - 15,0 см (рис. 4. 7). Кол. № 30/37359. Аналогичные миски встречаются в Неаполе Скифском в I-III вв. н.э.[31], в сарматском погребении II-I вв. до н.э.[32] у с. Каиры. По мнению Н.Н. Погребовой, на позднем этапе существования Приднепровских скифских городищ - один из наиболее распространенных типов лощеной керамики[33]. В.П. Власов считает, что данный тип можно связывать с местной интерпретацией зарубинецкой керамики[34]. Ребристые миски встречаются в Ольвии в первых веках н.э., эта форма продолжает существовать в черняховской культуре[35]. Подобной формы сосуды находят на гето-дакских памятниках I в. до н.э.[36]

Сковороды.

Сковороды предназначены для приготовления пищи. В нашем случае, ввиду отсутствия копоти на дне, представленный сосуд отнесен к данной категории условно. Не исключено, что он служил в качестве миски.

Тип 1. Стенки прямые, слегка суживаются к придонной части. Край плоский, слегка загнут вовнутрь. Дно плоское. Глина оранжевого цвета (HUE 7,5YR; 7/6). 3ТГ. Высота - 11,0 см, диаметр венчика - 33,4 см (рис. 4. 8). Кол. № 28/37359. Подобной формы сосуды можно отнести к керамике скифского типа V - начала III в. до н.э., распространенной в предгорном и степном Крыму[37].

Изделия специфического назначения.

Курильницы

Данная категория керамики служила в быту для освещения жилищ и для совершения воскурения в культовой сфере жизни.

Тип 1. (Власов, тип 1; вариант А) Усеченно-конические круглые чашечка и высокая плавно расширяющаяся книзу ножка.

1. Глина грубая, светло-коричневая с оранжевым оттенком (HUE 5YR; 7/8). 2ТГ. Высота - 6,4 см (рис. 4. 10). Кол. № 23/37359.

2. Сохранилась только ножка. Глина грубая, светло-коричневая (HUE 5YR; 7/6). 3ТГ. (рис. 4. 11).

В.П. Власов считает, что в Северном Причерноморье изделия такого рода впервые появляются в V в. до н.э. Особенно много таких курильниц на позднескифских памятниках в Крыму. На Булганакском городище они известны из хозяйственных ям с материалом I в. до н.э. - I в. н.э.[38], во III-II вв. до н.э. - бытовали в Неаполе Скифском и на Южно-Донузлавском городище[39]. Причем в Неаполе Скифском подобные лепные предметы

также найдены в мегаронах слоя пожара около середины I в. до н.э.[40] Одна такая курильница обнаружена в склепе I в. н.э. Усть-Альминского могильника[41]. Известны они также в позднескифских могильниках I в. н.э. на Кара-Тобе[42] и у возвышенности Казан-Таш[43]. Подобные изделия встречаются в керамических комплексах городищ лесостепного Среднеднепровского Правобережья и их происхождение не совсем ясно[44]. Были распространены и на нижнеднепровских городищах[45]. В.В. Крапивина похожие изделия первых веков н.э. в Ольвии называет чашками[46]. Подобного типа лепные изделия встречаются среди гето-дакской керамики[47].

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на многочисленность, лепная керамика из помещения 2 усадьбы 338 отличается небольшим разнообразием форм, простотой исполнения, отсутствием орнамента и других каких-либо характерных деталей. Посуда вылеплена небрежно, зачастую видны следы обработки, затирки травой, имеются отпечатки пальцев. Все сосуды вылеплены из грубой глины с крупными включениями шамота и сероватого цвета кварца. Исключение составляют сосуды, в глине которых помимо упомянутых примесей присутствуют карбонаты (горшки - тип 2 и тип 11. 3.), железистые включения (горшки - тип 5. и тип 16.), слюда (горшок тип 4. 1.). Глина сковороды, курильниц и горшка тип 11. 2. содержит только шамот.

Наибольшее количество сосудов представлено горшками, многие из которых нейтральны по форме и находят аналогии в разных культурах (хронологически и территориально). Поэтому при работе исходили из того, что истоки традиций, проявившихся в данной керамике, следует искать в пределах единой этнокультурной общности, для которой характерно устойчивое сочетание всех представленных форм. Прежде всего, мы попытались сопоставить публикуемый материал с местной керамикой Таврического полуострова.

В ходе работы мы столкнулись с ещё одной проблемой - недостаточной в научной литературе разработкой лепной керамики. Если о лепной керамике населения Крымской Скифии и Боспора, особенно его позднеантичного периода, в последние годы появился ряд обобщающих исследований, то, к сожалению, публикаций данной группы материала из раскопок на Гераклейском полуострове как ближней хоры Херсонеса, существует очень мало. Среди рассмотренных нами форм лепной керамики можно выделить группу нижнедонско-прикубанского облика. Некоторые сосуды находят параллели в сарматской керамике, в материале Кутлакской крепости, а также прослеживаются традиции таврской посуды. Подобный синкретизм традиций, собственно, является признаком позднескифской керамики, что нам позволяет лепной материал из помещения 2 усадьбы 338 отнести к керамике скифо-сарматского круга.

Согласно предварительным подсчётам, лепная керамика составляет почти две трети общего количества керамических изделий, обнаруженных в слое разрушения на площади помещения 2. Такой высокий процент лепной посуды может свидетельствовать о значительной варваризации обитателей усадьбы. О том же свидетельствует и строительная техника с употреблением сырцового кирпича при возведении стен и известнякового плитняка вместо черепицы, что нехарактерно для греческой строительной техники на ближней хоре античного Херсонеса. Небрежность изготовления сосудов свидетельствует об их производстве если не на самой усадьбе, то, по крайней мере, где-то неподалеку.

Что касается хронологического аспекта, то, к сожалению, проведенный нами анализ лепной керамики не позволяет установить точные ее временные рамки. Обращаясь к итогам предварительного, уже опубликованного исследования керамического комплекса помещения 248, на основании амфорного материала и столовой керамики, мы можем определить время гибели данного помещения – первой третью I в. н.э.[49] Жители усадьбы были уничтожены или, скорее всего, спаслись бегством, постройка разрушена, сожжена и на долгие годы оказалась заброшенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ковалевская Л.А. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. // Архив НЗХТ, д. 3135, 3137, 74 л.;Она же. Отчет Гераклейской охранной экспедиции об исследовании усадьбы надела 338 в 2001 г. // Архив НЗХТ, д. 3530, 3531, 76 л.; Ковалевская Л.А., Суханова И.Ю. Отчет Гераклейской охранной экспедиции об исследовании усадьбы земельного надела 338 в 2002 г. // Архив НЗХТ, д. 3573/1-2, 79 л.

2. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981-1989 гг.) // МАИЭТ II. - Симферополь, 1991, с. 3-34.
3. Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // БИАС I. - Симферополь, 1997, с. 204-303.
4. Там же, с. 224, табл. II, 1; Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора 4. - М., 2001, с. 67, рис. 15. 4.
5. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. - М., 1997, табл. 18, 13.
6. Власов, Лепная керамика..., с. 227. табл. II, 5.
7. Колтухов С.Г. Лепная керамика скифского населения степного и предгорного Крыма // ХСб. XIII. - Севастополь, 2004, с. 83-87, рис. 4. 10.
8. Ланцов С.Б., Юрочкин Б.Ю. «Варварская посуда» Кутлакской крепости // Древности Боспора 4. - М., 2001, с. 258, рис. 5. 5.
9. Арсеньева, Науменко, Раскопки Танаиса..., рис. 35. 1.
10. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. - К., 1994, с. 84, табл. 13. 1.
11. Колтухов, Лепная керамика скифского населения..., с. 83-97, рис. 4. 12.
12. Ольховский В.С. Хозяйство и материальная культура скифов Крыма (конец VII-IV вв. до н.э.) // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). - Симферополь, 2004, рис. 2. 9.
13. Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э.-III в. н.э.). - Симферополь, 2003, с. 38, рис. 128. 1.
14. Максименко В.Е. Сарматы на Дону. - Азов, 1998, с. 98-99, рис. 37. 1.
15. Власов В.П. Лепная керамика нижнедонско-прикубанского облика из крымских памятников сарматского времени // МАИЭТ VIII. - Симферополь, 2001, с. 18-28, рис. 1. 4.
16. Власов, Лепная керамика..., с. 220-221, табл. I. 16.
17. Ланцов, Юрочкин, Варварская посуда..., с. 258, сис. 5. 4.
18. Власов, Лепная керамика..., с. 220-221, табл. I. 9.
19. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. - Киев, 1993, с. 10, рис. 1. 3б.
20. Колтухов, Лепная керамика скифского населения..., с. 83-87, рис. 4. 7.
21. Ланцов, Юрочкин, Варварская посуда..., с. 257, рис. 5. 2-3.
22. Власов, Лепная керамика..., с. 219, табл. I. 6.
23. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. - М., 1997, табл. 226. 18.
24. Ланцов, Юрочкин, Варварская посуда…, с. 259, рис. 11. 3.
25. Бураков А.Б. Козырское городище рубежа первых столетий нашей эры. - К., 1976, с. 37, табл. V. 25.
26. Власов, Лепная керамика..., с. 243-244, табл. I. 15.
27. Власов, Лепная керамика ..., с. 18-28, рис. 1. 2.
28. Арсеньева, Науменко, Раскопки Танаиса..., рис. 35. 3.
29. Власов, Лепная керамика..., с. 228-229, табл. II. 11.
30. Там же, с. 243-245, табл. IV. 13-14.
31. Махнева О.А. Новые данные о лепной керамике населения Неаполя Скифского // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). - Симферополь, 2004, с. 105-106, рис. IV. 13.
32. Симоненко, Сарматы..., с. 14, рис. 3. 3.
33. Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА 64. – 1958, с. 139.
34. Власов, Лепная керамика..., с. 247-248, табл. V. 2.
35. Гудкова А.В., Крапивина В.В. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. - К., 1988, с. 84-87, рис. 2. 3-4.
36. Preda C. Geto-Dacii din bazinul Oltului inferior. - Bucureşti, 1986, p. 56, pl. XXIV. 4.
37. Ольховский, Хозяйство и материальная культура скифов…, рис. 2. 15; Колтухов, Лепная керамика скифского населения…, с. 95, рис. 8. 15.
38. Власов, Лепная керамика..., с. 239-240, табл. IV. 3.
39. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ Д 1-7. – 1991, с. 16-17, табл. 1. 2, 17. 9.
40. Зайцев, Неаполь Скифский ..., с. 31, рис. 99. 4-5.
41. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. - К., 1994, с. 135, табл. 29. 31.
42. Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // В: Поздние скифы Крыма. - М., 2001, с. 117-119, рис. 7. 36.
43. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. - Симферополь, 1997, с. 114-116, рис. 65. 1.
44. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1989, с. 71, табл. 20. 40.
45. Вязьмитина М.И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА 150. – 1969, с. 128, рис. 5. 3-4.
46. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I - IV вв. н.э. - Киев, 1993, с. 107, рис. 44. 8.
47. Bichir Gh. Geto-Dacii din Muntenia in epoca romana. - Bucureşti, 1984, p. 31, pl. XXXVI. 11.
48. Kovalevskaja L., Sarnovski T. La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chora de Chersonesos Taurique // RCRF. Acta 38. – 2003, p. 229-235.
49. Авторы приносят благодарность С.Ю. Внукову за консультацию при работе с керамическим материалом. Итоги исследования усадьбы 338 планируется опубликовать полностью.

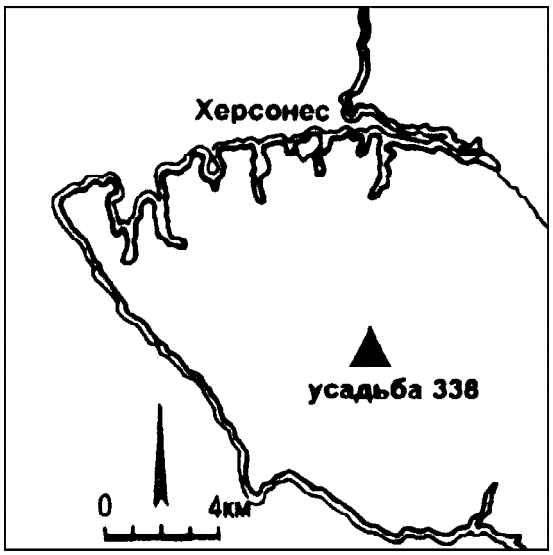

Рис. 1. План-схема расположения сельской усадьбы земельного надела 338 (Сарандинакина балка).

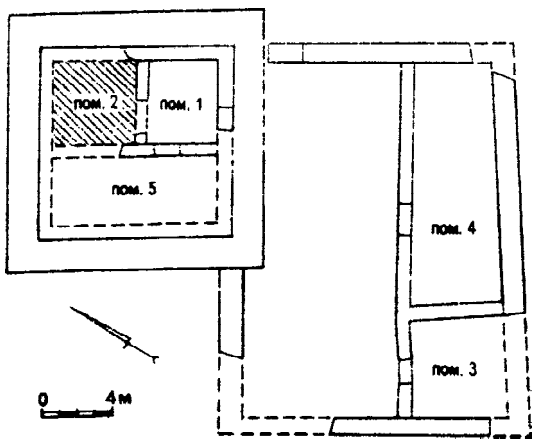

Рис. 2. План хозяйственной постройки усадьбы надела 338.

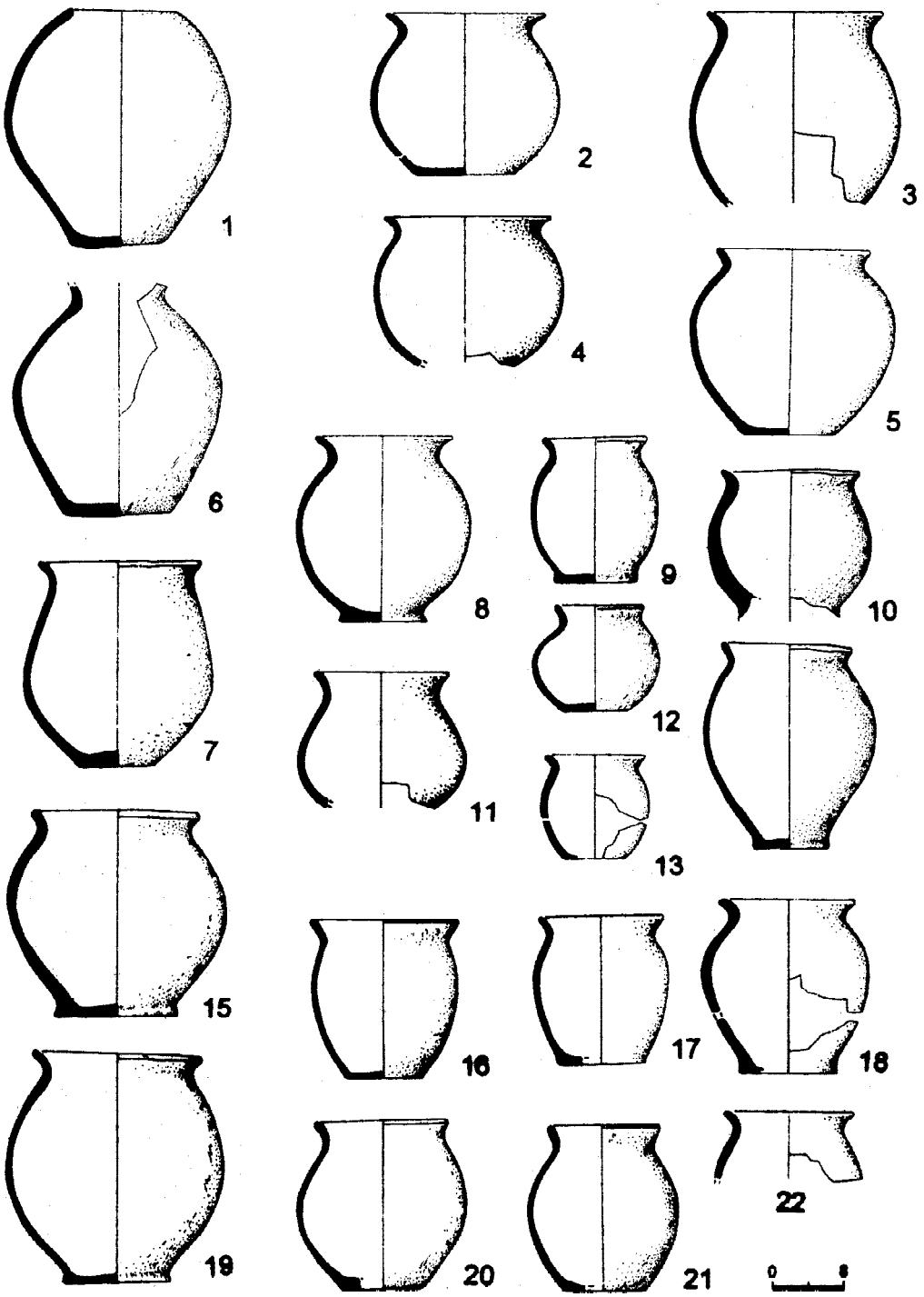

Рис. 3. Лепная керамика из комплекса усадьбы земельного надела 338 (горшки).

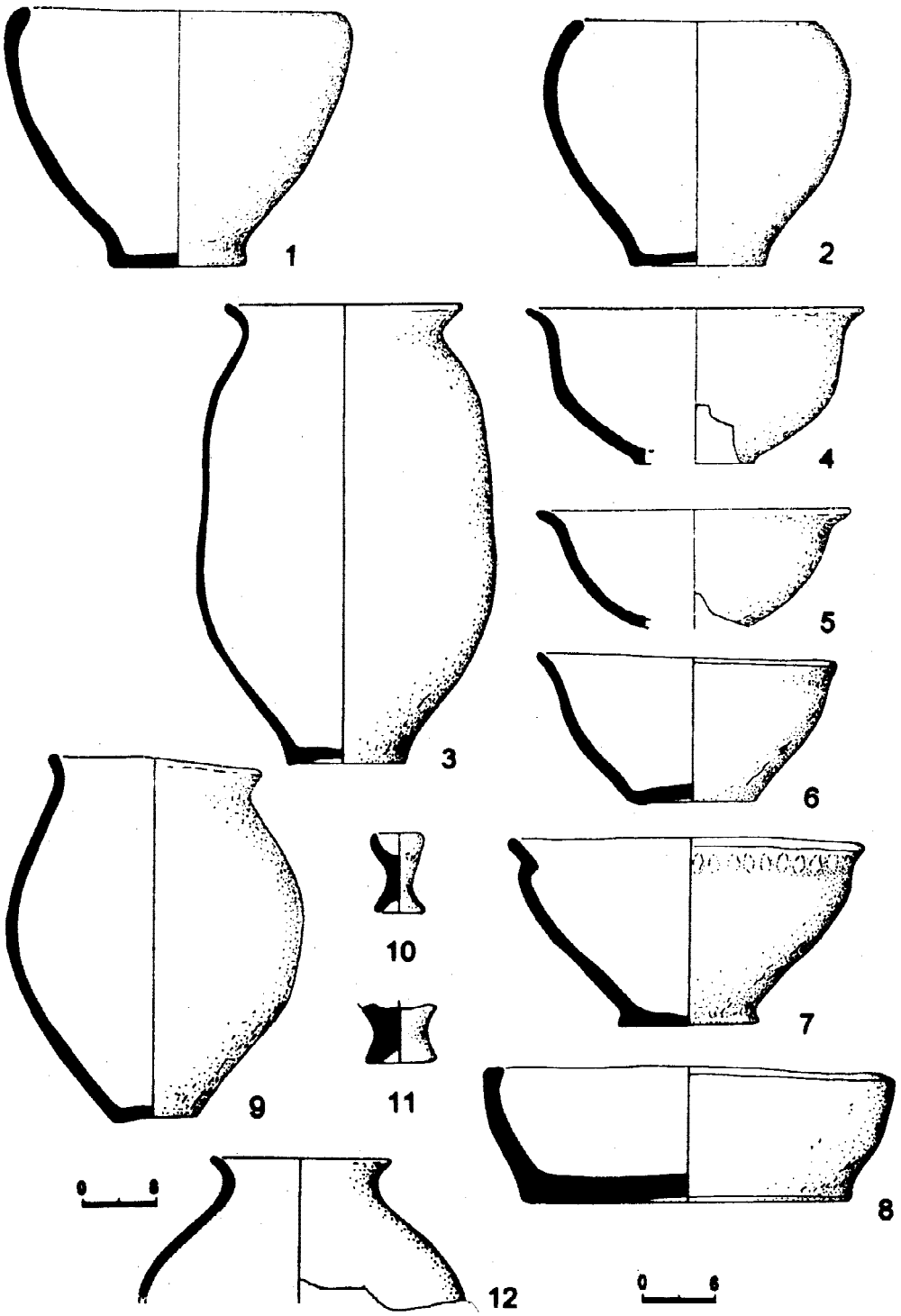

Рис. 4. Лепная керамика из комплекса усадьбы земельного надела 338 (горшки и миски, курильница).

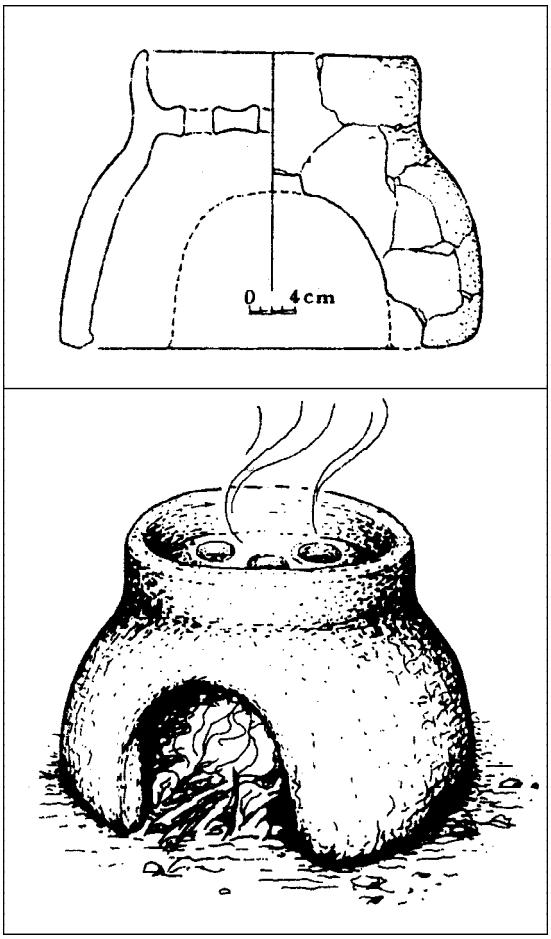

Рис. 5. Малая печь из хозяйственной постройки усадьбы надела 338.

С.Г. КОЛТУХОВ, А.А.ТРУФАНОВ, В.Б.УЖЕНЦЕВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК IV–III ВВ. ДО Н.Э. В ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Вопросы, связанные с периодизацией и характером освоения греками западного побережья Таврического полуострова, достаточно значимы для античной археологии Северного Причерноморья. Работами нескольких поколений ученых уже создана общая картина развития этого района в античный период[1]. Однако, даже на самых современных археологических картах Западного Крыма[2] между устьем реки Альма и озером Кизыл-Яр виден разрыв в цепочке реально существующих античных памятников.

Отмеченный А.Н. Щегловым между Кизил-Яром на севере и Гераклейским полуостровом на юге[3] он к нынешним дням заметно сократился. Наиболее существенные изменения произошли в его южной части. Ряд археологических объектов этого времени на Северной стороне и близ устья р. Бельбек был открыт О.Я. Савелей[4]. Здесь же обнаружены следы древнего межевания[5]. Севернее античные памятники отмечены в устье р. Альма. Например, керамика IV–III вв. до н.э. была обнаружена на Усть-Альминском городище, что позволило Т.Н. Высотской предположить существование херсонесского поселения, по времени предшествовавшего позднескифскому городищу[6]. На городище Вилино, расположенном на возвышенном левом берегу реки, зафиксированы культурные отложения и каменные или сырцово-каменные постройки херсонесского времени[7]. На поселении Алма-Тамак, находящемся в долине Альмы, обнаружен культурный слой, который, по мнению исследователей, рационально соотнести с херсонесским, а не варварским поселением[8]. Интересны и следы межевания, скорее всего, античного, отмеченного на карте конца XIX в. в прибрежной полосе альминско-качинского междуречья[9]. Сомнения по поводу времени появления этого размежевания высказаны С.Б. Ланцовым[10]. Однако, не будучи уверенным в древнем происхождении земельных наделов, что, впрочем, вполне уместно, можно обратить внимание и на то, что зафиксированы они на карте полуострова именно в западной части крымского побережья, где многократно отмечались следы древнего земельного кадастра. Но независимо от степени правомерности наших рассуждений южная граница археологической «terra incognita», по сравнению с 70-ми гг. прошлого века, несомненно сместилась на север до нижнего течения р. Альма, практически вдвое сократив протяженность разрыва, что работает в пользу предположения А.Н. Щеглова и С.Б. Ланцова о непрерывности хоры Херсонеса в Западном Крыму.

У северной границы разрыва ситуация также изменилась, но не столь существенно. На пространстве, лежащем между озерами Сакское и Кизил-Яр, благодаря первым работам А.С. Голенцова, а в последствии обстоятельным многолетним исследованиям С.Б. Ланцова в Новофедоровке[11] античные сельские поселения зафиксированы вплоть до оз. Кизил-Яр. По предположению В.А. Кутайсова, это озеро являлось границей земледельческой территории Керкинитиды, лишь впоследствии включенной в хору Херсонеса[12].

Археологическое обследование территории, расположенной к югу от Кизил-Яра, проводилось лишь в узкой прибрежной полосе, в которой поселений дохерсонесского и херсонесского времени не оказалось. Очевидно, это объясняется интенсивным размыванием побережья. В ходе абразионных процессов древняя береговая полоса, где, как правило, и располагались античные земледельческие поселения, могла местами отступить на несколько километров к востоку[13].

В такой ситуации на первый план вынужденно выступают археологические объекты и следы антропогенной деятельности иного рода. Например, в межозерье Кизил-Яра и Богайлы зафиксированы остатки межевания. Небольшие грунтовые валы высотой до 10-15 см и шириной до 5-6 м, ориентированные с запада на восток, расположенные на расстоянии около 100 м друг от друга, еще существуют в

полукилометре-километре от берега моря на полях, не подвергавшихся плантажной вспашке. В пахотном слое изредка встречаются обломки античных амфор, широко датируемых IV–III вв. до н.э. Южнее весьма интересны находки античной керамики, вероятно происходящие с разрушенного морем поселения, обнаруженные в море у с. Николаевка[14]. У нас есть сведения о находках античной керамики еще южнее, близ устья р. Западный Булганак. Безусловно, все эти наблюдения работают в пользу достаточно убедительного заключения об отсутствии разрыва в юго-западной части древней хоры[15].

Но на севере хору Херсонеса вряд ли следует доводить до Перекопа или искать на материке. Херсонесская керамика в конце IV – первых десятилетиях III в. до н.э. хорошо известна на юге Степного Причерноморья и в Приазовье, что, однако, не дает оснований включать эти регионы в хору, так как свидетельствует об интенсивном поступлении амфор Херсонеса в Нижнее Подонье и на Нижний Днепр. Если же исходить из вероятностей античной колонизации, то, интерпретируя поселения, обнаруженные на материке С.Б. Буйских, и крымские поселения, известные к северо-востоку от Бокальской косы, независимо от этнокультурной, варварской или греческой их атрибуции, рационально думать о земледельческой округе античного центра, например, Тамираки, лежавшей где-то между Ольвией и владениями Херсонеса[16].

При исчезновении поселенческих структур, вызванном естественными процессами, чрезвычайно интересны иные памятники античного времени, надо думать, сохранившиеся на участке побережья между оз. Кизил-Яр и устьем р. Альма. Осенью 2004 г. Крымской охранной археологической экспедиции удалось исследовать один такой объект между озерами Кизил-Яр и Богайлы. Здесь были раскопаны два кургана, расположенные на возвышенности Красная Горка (рис. 1. 1-2). Один из них содержал погребения эпохи бронзы и несколько более поздних захоронений, к сожалению, полностью разрушенных современными мародерами. Он находился на размежеванном участке, описанном выше. Второй курган с единственным в нем погребальным сооружением, относящимся к IV–III вв. до н.э., располагался западнее, в 0,7 км от берега моря (рис. 1. 2).

Размеры сильно распаханной овальной насыпи составляли 48 м с запада на восток и 37 м с севера на юг (рис. 2. 1). Скорее всего, овал образовался в результате многолетней распашки, происходившей по линии восток – запад. Высота кургана ко времени раскопок составляла 0,7 м. Насыпь сооружена из светлого коричневатого гумуса с примесью суглинка, взятого с поверхности степи вокруг кургана. Об этом же свидетельствует понижение уровня погребенной почвы по периметру курганной насыпи (рис. 2. 1). Верхняя часть насыпи распахана на глубину 0,3–0,4 м, грунт здесь имел темно-коричневый оттенок, возникший в результате смешения при пахоте грунта насыпи с образовавшимся на ее поверхности почвенным слоем. По периметру кургана под пахотным слоем сохранились участки кольцевой обкладки пола кургана, состоявшей из крупной гальки, доставленной с морского пляжа. Камень происходит из размытого берегового клифа, содержащего наряду с глинами песчаниковые отложения. Диаметр кольцевой обкладки 22м , ширина на наименее поврежденных участках до 2 м, высота 0,3 м (рис. 2. 1-2). В юго-западной части, на камнях и перед ними, найдены мелкие обломки амфор, очевидно остатки тризны. Судя по диаметру каменного кольца, диаметр кургана в древности не превышал 22 м, высота насыпи, исходя из общего объема грунта, была не ниже 2 м. В кургане обнаружено только одно погребальное сооружение - сырцово-каменная гробница (склеп), сильно разрушенная в результате нескольких ограблений и распашки (рис. 2. 3).

Она сооружена в центре кургана, на поверхности древней погребенной почвы, ориентирована с юго-запада-запада на северо-восток-восток. Верхняя часть постройки уничтожена распашкой. Восточная часть полностью разрушена поздними перекопами, это создает многочисленные проблемы, связанные и с планиметрической, и с объемной реконструкцией. Ширина же гробницы с внешней стороны 2,4 м, прослеженная длина 3 м (рис. 3). По периметру погребальной камеры располагалась сырцовая кладка шириной от 0,6 до 0,8 м, с юга двухслойная, а с северной и западной стороны трехслойная в вертикальном поперечном сечении, сохранившаяся на высоту трех-четырех рядов кирпичей (рис. 2; 3. 3). Ее наружная поверхность имеет незначительный наклон внутрь. Размеры кирпичей достигают

0,38–0,4х0,21–0,25х0,08–0,09 м. Скорее всего, это широко применявшийся полустандарт от квадратных кирпичей 0,4х0,4х0,09 м. Такие же стандарты кирпичей зафиксированы на многих античных поселениях[17]. Хорошо известны они в Северо-Западном Крыму, в первую очередь на поселениях Калос-Лимена и Панское 1, и в некрополях этих античных поселений, с отдельными погребальными сооружениями которых рассматриваемый склеп имеет многочисленные, хотя и не полные аналогии[18].

Цоколь погребальной камеры, имевшей в плане трапециевидную форму, был сложен из известняковых, обработанных плит высотой до 30 см и шириной до 20-30 см, установленных без заглубления, орфостатно, с небольшим наклоном внутрь. Ширина камеры в сохранившейся западной части 1,4 м, прослеженная длина с запада на восток 2,1 м. Пол вымощен окатанными плитками песчаника. У южной стенки вымостка местами заходила под основание каменного цоколя.

Остается открытым вопрос: какой вид имело погребальное сооружение? Если в плане оно было прямоугольное, приближающееся к трапеции, то надежную объемную реконструкцию по остаткам его нижней части мы предложить не можем. На основе аналогий из Северо-Западного Крыма следует предположить, что поверх каменного цоколя могла располагаться кладка из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. Подобный прием известен на некрополе поселения Панское I[19]. При таком восстановлении следует допустить существование плоского плитового или деревянного перекрытия. Не менее вероятна постелистая сырцовая кладка с уступами, образующая ложный свод. Не исключена реконструкция, при которой стены камеры были каменными на всю высоту. При этом кладка, скорее всего, осталась бы орфостатной. Предложенные варианты восстановления, несомненно, не исчерпывают всех возможностей. Впрочем, из сказанного следует лишь то, что необходимых для обоснованных выводов прямых и полных аналогий в настоящее время нет. Столь же неясным остается и внешний вид гробницы. Где мог располагаться вход в погребальную камеру, если таковой был оформлен, определить также не удалось.

Курган с основным сырцово-каменным склепом не находит аналогов среди скифских курганов в Степном Крыму. Применение сырцовых кирпичей и комбинированные сырцово-каменные кладки вообще не известны для скифских погребальных сооружений[20]. В то же время в Северо-Западном Крыму сырцовые гробницы, иногда с использованием камня, размещенные под курганными насыпями, встречены на некрополях ряда греческих поселений. В настоящее время они известны на могильнике поселения Панское I[21] и в курганном могильнике Калос-Лимена[22], где они датированы в пределах второй–третьей четвертей IV в. до н.э. Вне этого региона подобного рода конструкции применялись на Боспоре и в Прикубанье, где они также отнесены к античному времени. В Северо-Западном же Крыму во всех известных случаях некрополи с сырцовыми гробницами соотносятся с поселениями греков-ионийцев.

Однако здесь возникает странный парадокс, так как сырцовые склепы под курганными насыпями пока неизвестны ни в некрополях Ольвии и ее ближайшей хоры, ни в Керкинитиде - двух полисах, принимавших активное участие в освоении прибрежной полосы Северо-Западного Крыма в конце V - первой половине IV в. до н.э. Может быть, ответ заключается в том, что, исходя из письменных источников, в западной части Крымского полуострова и на примыкающем к Крыму материковом побережье в архаическое или классическое время могли появиться еще два греческих полиса – Дандака и Тамирака[23]. Если Тамираку не локализуют южнее Каркинитского залива[24], то Дандака, судя по данным Птолемея, могла располагаться между Херсонесом и Керкинитидой[25]. Совершенно не случайно А.Н. Щеглов разместил ее на поселении Алма-Тамак в устье р. Альмы[26]. Впрочем, как отмечает В.А. Кутайсов, ответ на вопрос о локализации памятников может быть решен только после обнаружения их культурных отложений[27]. В нашем же случае существенно то, что сырцовые или сырцово-каменные гробницы могут быть, в принципе, соотнесены не с Ольвией и Керкинитидой, а с иными, достаточно ранними греческими поселениями Западного Крыма.

Интересно, что весьма близко к исследованной гробнице стоит впускной сырцово-каменный склеп с материалом IV - начала III в. до н.э., раскопанный несколько лет назад в Юго-Восточном Крыму, в кургане у с. Кринички[28]. Памятник располагался в границах

сельской округи античной Феодосии[29]. Сооруженный в котловане склеп с прямоугольной погребальной камерой размером 2,5-2,1 м имел однослойный каменный цоколь из уложенных постелью известняковых камней, на котором была возведена сырцовая кладка стен. Вход в камеру располагался с восточной стороны. В гробнице обнаружены костные остатки не менее чем 30 человек, что сближает ее с коллективными погребениями эллинистического и римского времени в курганах центральной части крымского предгорья[30]. Не исключено, что датировка захоронений шире, чем та, которая предложена исследователями, и охватывает большую часть эллинистического периода. Погребения были совершены в два яруса и разделены прослойкой земли. По предположению А.В. Гаврилова, ориентация костяков нижнего яруса, практически полностью разрушенного, была западной, а верхнего-преимущественно восточной[31]. Авторы публикации связали погребальное сооружение со смешанным скифо-кизил-кобинским эллинизированным оседлым населением Юго-Восточного Крыма[32].

Имея лишь два архитектурно-археологических объекта неудовлетворительной сохранности, мы не можем поставить их в прямую связь друг с другом. В данном случае уместно отметить лишь то, что обе гробницы сооружены в характерной для Северного Причерноморья смешанной греко-варварской архитектурной традиции[33]. И в пределах сельской округи античной Феодосии, и в Западном Крыму с его многочисленными греческими поселениями хорошо известно сырцово-каменное строительство, а приемы, отработанные в домостроительстве, могли применяться и применялись при сооружении гробниц. Следовательно, такие явления в погребальной архитектуре Юго-Восточного и Западного Крыма, скорее всего, параллельно развивались на общей основе.

О погребальном обряде удалось получить лишь косвенные, к тому же крайне незначительные данные. Размеры сохранившейся части гробницы свидетельствуют о том, что она предназначалась для захоронений в вытянутом положении. Ориентация самой гробницы по оси ЮЗЗ - СВВ, позволяет предположить либо ориентировку погребенных в юго-западном секторе, которая наиболее характерна для варварского - скифского или «скифо-кизил-кобинского» населения Предгорного Крыма, либо северо-восточную, более характерную для эллинов и эллинизированного варварского населения в Западном Крыму. Может быть, в пользу интерпретации обряда как варварского послужит то, что обломки трех черепов обнаружены в заполнении погребальной камеры невдалеке от ее западной стенки. К сожалению, нельзя исключать и того, что попали они сюда из другой части склепа в результате ограбления. Общее количество людей, погребенных в склепе, не определено. Единственное, что можно сказать достаточно уверенно, это то, что при разборке заполнения склепа мы не обнаружили признаков кремации умерших.

К сожалению, не проясняет ситуации и погребальный инвентарь. Приходится довольствоваться тем, что сохранилось в гробнице после многочисленных перекопов и грабежей. Так, у западной стенки камеры на дне найдено два лепных пряслица (рис. 4. 9-10), а в перекопе, разрушившем восточную часть камеры, и в ее центральной сохранившейся части, к сожалению, в переотложенном состоянии зафиксированы три обломка стенки херсонесской амфоры.

Находки из тризны, представленные исключительно амфорными фрагментами, также не относятся к числу признаков, подлежащих этнокультурной атрибуции. Не исключено, что «сработает» размещение тризны в юго-западном секторе «кромлеха» кургана. Например, севернее Евпатории, в скифском кургане Суворовское 1985/3, раскопанном Северо-Крымской экспедицией, многочисленные обломки амфор фиксировались с противоположной, северо-восточной стороны насыпи, в которую был обращен вход основного в кургане каменного склепа. В Аккайском курганом некрополе в Предгорном Крыму следы тризн в виде довольно многочисленных амфорных фрагментов достаточно часто фиксируются также к северо-востоку от курганов[34]. Итак, юго-западный сектор размещения тризны, вероятно, не характерен или мало характерен для скифов. Характерен ли он для греческого или эллинизированного варварского населения Западного Крыма? Опубликованные материалы некрополя Калос-Лимена пока не дают ответа на этот вопрос, здесь просто не обнаружено значительных тризн, а те, что найдены, представляют собой обломки нескольких сосудов, расположенных в

насыпи когда восточнее, когда южнее вполне определенных захоронений[35].

Несколько проще ответить на вопрос о времени сооружения кургана. Как уже говорилось, в курганной насыпи было открыто только одно погребальное сооружение - сырцовый склеп. Находки в нем представлены двумя лепными пряслицами - усеченно-конической и биконической формы (рис. 3. 9-10). Обнаружены обломки херсонесской ангобированной амфоры, которая может быть датирована в пределах последней четверти IV - III в. до н.э. В заполнении найден также фрагмент стенки хиосской амфоры. Гораздо больше информации о дате сооружения кургана могут дать находки из тризны, выявленной у «крепиды» (рис. 2. 1 В). В ней преобладают фрагменты амфор Гераклеи Понтийской (рис. 4. 2, 5, 7). Судя по форме венцов, они, скорее всего, могут быть отнесены к типу пифоидных сосудов, вариантов 1-3 и 1–4 по С.Ю. Монахову[36]. Такие сосуды датируются им в пределах конца V – первой четверти IV вв. до н.э. Второе место по количеству занимают обломки амфор Синопы. Кроме стенок, обнаружен только один фрагмент горла с валиковидным венцом и верхним прилепом овальной в сечении ручки (рис. 4. 1). По последним разработкам С.Ю. Монахова, этот тип сосуда можно отнести к пифоидным амфорам варианта II С, бытовавшим с конца IV по конец III в. до н.э.[37]. Но, так как о форме венца нам приходится судить по той части, где находилась ручка, не исключен вариант, что при изготовлении сосуда произошла его деформация. Поэтому данный сосуд может относиться к варианту I С, датируемому в пределах третьей-четвертой четвертей IV в. до н.э.[38]. В тризне встречены также обломки амфор Пепарета, Хиоса и Фасоса. Венец фасосского тарного сосуда (рис. 4. 6) отнесен нами к варианту биконических амфор типа II–В–2, которые С.Ю. Монахов датировал второй–третьей четвертью IV в. до н.э.[39]

В целом весь комплекс находок из тризны может быть суммарно датирован в пределах второй–третьей четвертей IV в. до н.э. Наиболее поздняя находка – венчик синопской амфоры - дает верхнюю границу сооружения кургана - не позднее последней четверти IV в. до н.э. Однако так как обломок найден не в юго-западной тризне, наиболее ранней в насыпи кургана, то, возможно, он связан с иным жертвоприношением или распаханным впускным погребением.

Значительные затруднения вызывает этнокультурная атрибуция памятника. То, что курган, расположенный на вполне вероятной северной границе хоры Керкинитиды или на сельскохозяйственной территории с иным статусом, освоенной, вероятно, еще в дохерсонесское время, принадлежал одному из сельских поселений, не вызывает особых сомнений. Однако однозначно ответить на вопрос, принадлежала ли гробница собственно греческому или эллинизированному варварскому населению, затруднительно. Отметим, что и исследователи курганных некрополей Панского и Калос-Лимена также не пришли к единому выводу. На наш взгляд, исследованная курганная насыпь была оставлена неоднородным по этническому составу населением, составлявшим основу «ионийских» сельскохозяйственных поселений Западного Крыма, еще до вхождения его в состав Херсонесского территориального государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л., 1978; Он же. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии. - Л., 1986; Золотарев М.И. Херсонес и Ольвия в конце IV - II вв. до н.э. // Автореф. дисс... канд. ист. наук. - Л., 1986; Он же. Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI-V вв. до н.э. // ВДИ 2. - 1986; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. - К., 1990; Он же. Аграрная история Керкинитиды // ХСб. Х. - Севастополь, 1999; Он же. Керкинитида в античную эпоху. - К., 2004.; Ланцов С.Б. О максимальных размерах Херсонесского государства (IV-III вв. до н.э.) // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов конференции. - Омск, 1987;Он же. Западный Крым в составе Херсонесского государства // Автореф. дисс... канд. ист. наук. - К., 1991; Он же. Античное святилище на западном берегу Крыма. - К., 2003; Он же. О границах территории Херсонесского государства на рубеже IV-III вв. до н.э. // ХСб. XIII. - Севастополь, 2004; Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus 3. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999; Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV - III вв. до н.э. - Севастополь, 1999; Уженцев В.Б. Ранний Калос-Лимен (первая половина - третья четверть IV в. до н.э.) // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). - Симферополь, 2004.

2. Ланцов, Античное святилище на западном берегу Крыма…, рис. 1.
3. Щеглов, Северо-Западный Крым…, рис. 1,VI.
4. Савеля О.Я. О структуре и размерах земельных владений Херсонеса в Юго-Западном Крыму в IV-II вв. до н.э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. - Севастополь, 1988.
5. Николаенко, Хора Херсонеса Таврического…, с. 41-43.
6. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. - К., 1994, с. 10-11.
7. Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л. Новий район хори Херсонеса єллінистичного періоду // Археологія 2.- 1992.
8. Волошинов А.А., Неневоля И.И. Поселение Алма-Тамак у с. Вилино Бахчисарайского района // ХСб. XIII. – Севастополь, 2004, с. 185.
9. Колтухов, Зубар, Миц, Новий район хори Херсонеса..., с. 92.
10. Ланцов, О границах территории… , с. 137; Ланцов С.Б. П.Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV-III вв. до н.э. // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). - Симферополь, 2004, с. 61.
11. Ланцов С.Б. Античне поселення біля озера Кизил-Яр // Археологія 3. - 1989; Он же. Античное поселение Новофедоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. - К., 1994; Он же, Античное святилище…, 118 с.
12. Кутайсов, Керкинитида в античную эпоху... , с. 41.
13. Ланцов, О границах территории… , с. 130-131.
14. Ланцов, П.Н. Шульц в изучении… , с. 60.
15. Ланцов, О границах территории… , с. 144.
16. Колтухов С.Г. О возможности существования варварской периферии античной хоры в Северо-Западном Крыму // Археология Северо-Западного Крыма. По материалам Международной научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвященной 2500-летию Евпатории. - Симферополь, 2004, с. 43.
17. Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - К., 1993, с. 156, прим. 3.
18. Рогов Е.Я. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА 182. - 1985, с. 45; Уженцев В.Б. Ранний Калос-Лимен (первая половина – третья четверть IV в. до н.э.) // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). - Симферополь, 2004, с. 189.
19. Рогов, Сырцовые конструкции…, с. 46.
20. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII - III вв. до н.э.). - М., 1991, с. 49.
21. Щеглов, Северо-Западный Крым…, с. 49-50, рис. 18; Рогов, Сырцовые конструкции…, с. 46-49, рис. 1. 4-7, 2.
22. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Калос Лимен (раскопки 1988 – 1995 гг.) // Археология Крыма 1. - Симферополь, 1997, с. 46; Кутайсов В.А., Анохин В.В., Приднев С.В., Уженцев В.Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. - Симферополь, 1997, с. 180, 183, рис. 99, 100.
23. Кутайсов, Керкинитида в античную эпоху…, с. 105-106.
24. Зубарев В.Г. Физическая география Каркинитского залива по данным античной традиции // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). - Симферополь, 2004, с.165; Кутайсов, Керкинитида в античную эпоху…, с. 105; Колтухов, О возможностях существования… , с. 43.
25. Кутайсов, Керкинитида в античную эпоху…, с. 104.
26. Щеглов А.Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ 2. - 1965, с. 110-113.
27. Кутайсов, Керкинитида в античную эпоху…, с. 104.
28. Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у с. Кринички в Юго-Восточном Крыму // БИ I. - Симферополь, 2001, с. 26-29.
29. Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. - Симферополь, 2004, с. 123-125.
30. Колтухов С.Г. О крымских курганах с коллективными погребениями // Поздние скифы Крыма. - М., 2001.
31. Гаврилов, Крамаровский, Курган у с. Кринички… , с. 34.
32. Там же, с. 35 и сл.
33. Крыжицкий, Архитектура античных государств…, с. 220.
34. Колтухов С.Г., Мыц В.Л. О топографии и хронологии Ак-Кайского курганного некрополя // Культура народов Причерноморья 5.- Симферополь, 1998, с. 103.
35. Кутайсов В.А, Анохин В.В., Приднев С.В., Уженцев В.Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. - Симферополь, 1997, с. 173-184.
36. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. - Саратов, 2003, с. 143.
37. Там же, с. 158.
38. Там же.
39. Там же, с. 76., табл. 43, № 5.

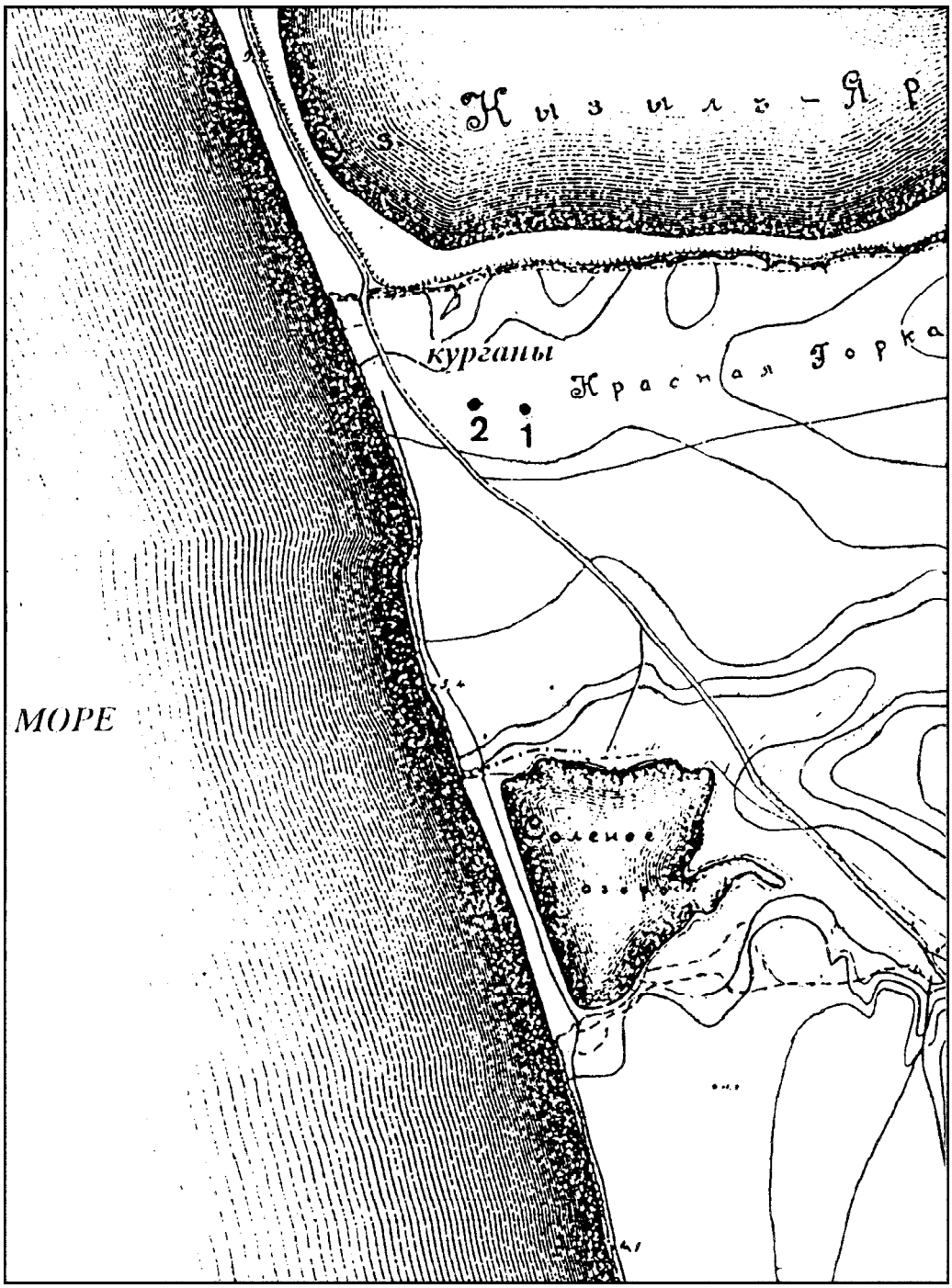

Рис. 1. Карта-схема курганов, расположенных на возвышенности Красная Горка.

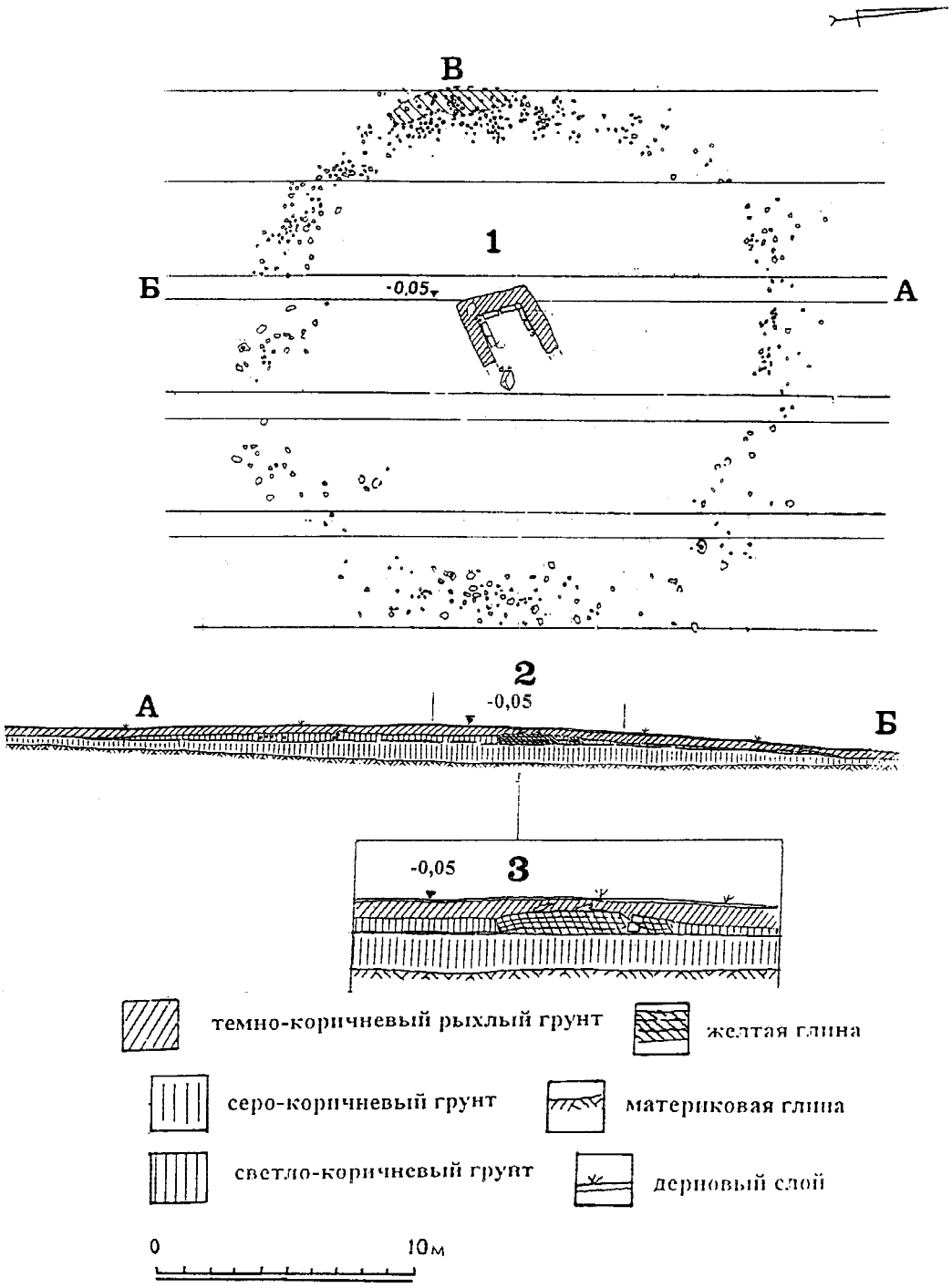

Рис. 2. План и разрез овальной насыпи кургана № 2.

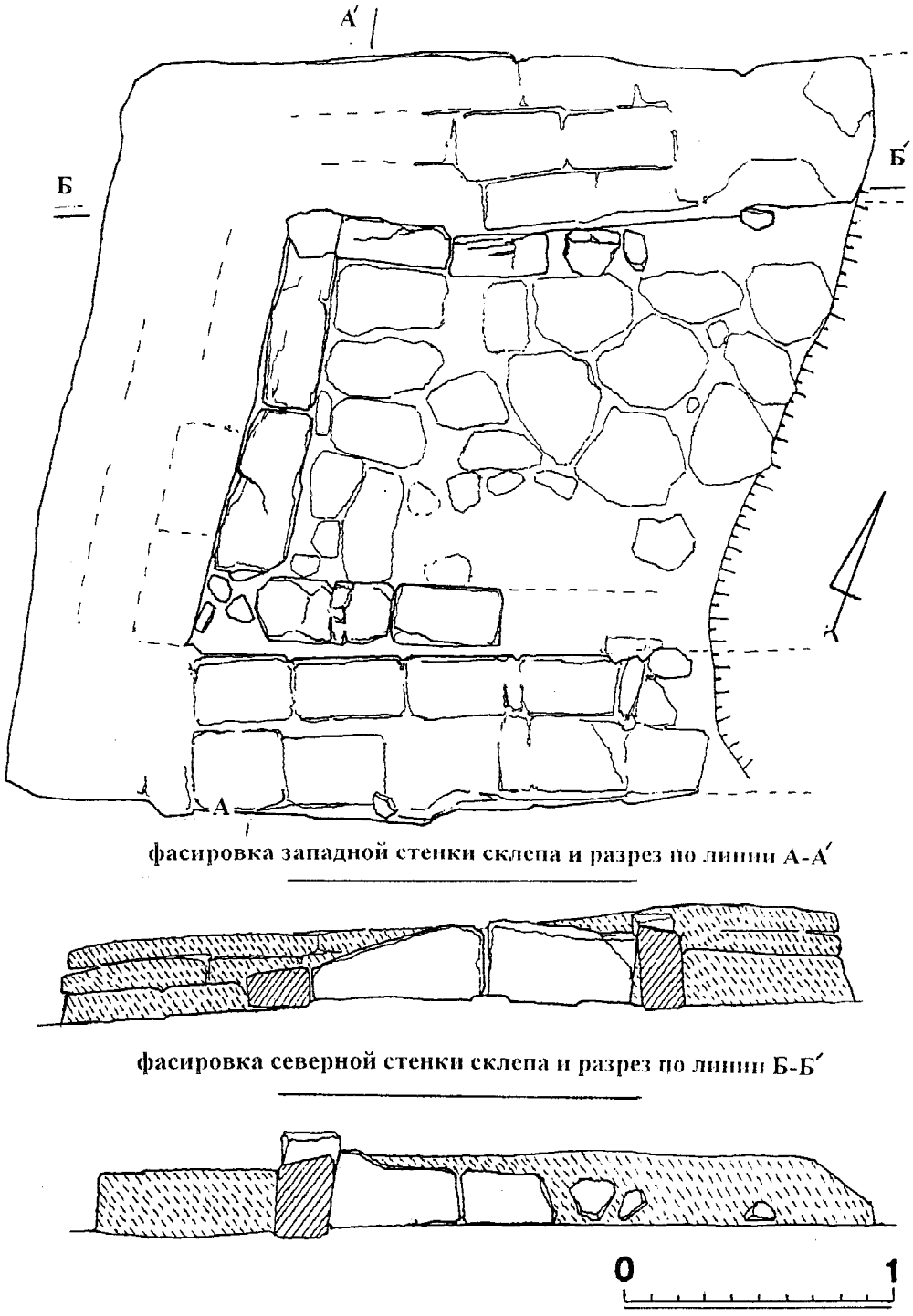

Рис. 3. Фасировки и разрезы склепа под курганом № 2.

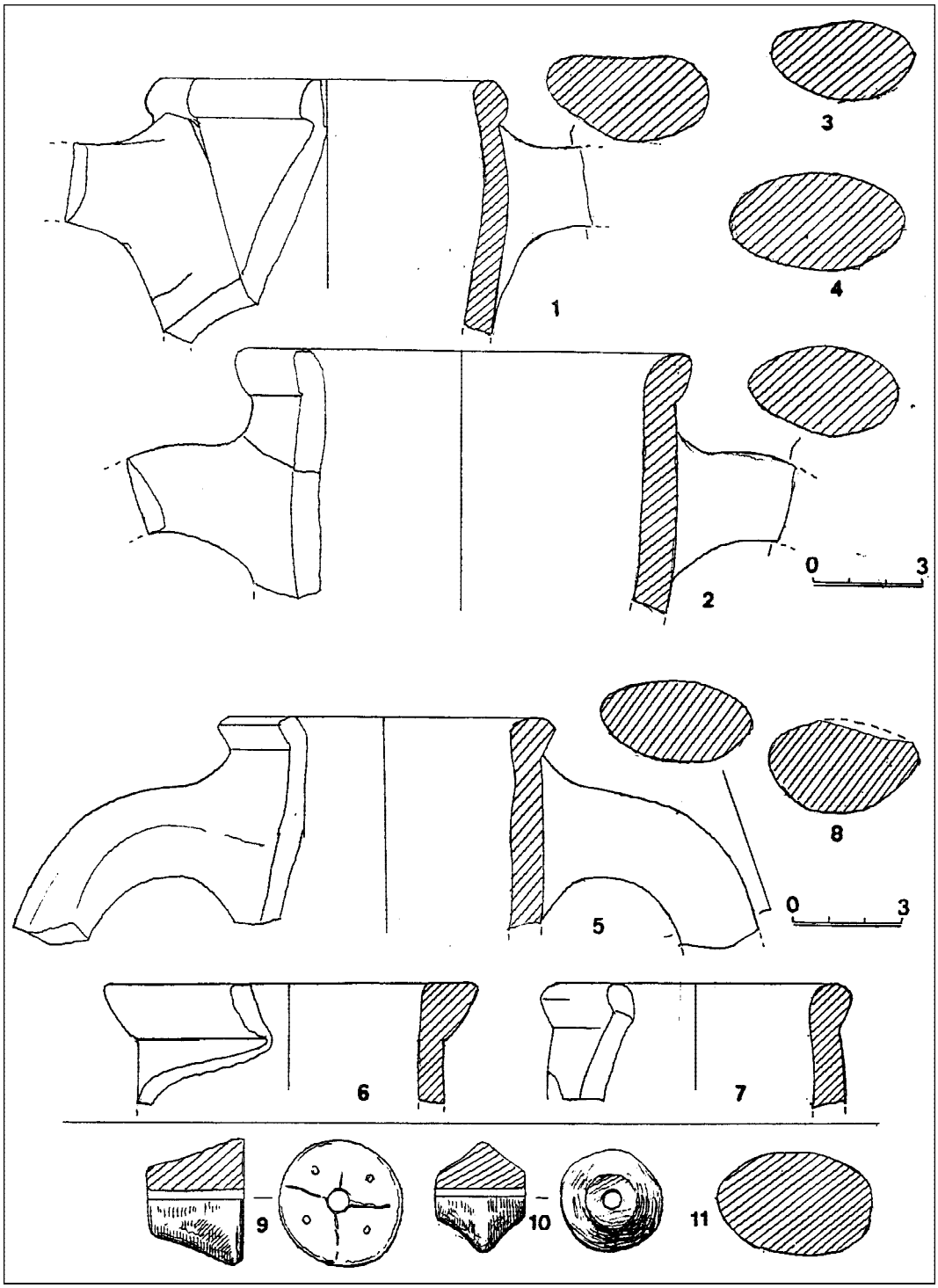

Рис. 4. Погребальный инвентарь из склепа в кургане № 2.

С.Д. КРЫЖИЦКИЙ

К ВОПРОСУ О ХРАМЕ АПОЛЛОНА ДЕЛЬФИНИЯ В ОЛЬВИИ

Архитектура античных городов Северного Причерноморья архаического этапа вплоть до настоящего времени остается наименее изученной по сравнению с более поздними периодами. Это и определило пристальное внимание исследователей к самым, казалось бы, незначительным артефактам, которые могли бы пролить свет на данную проблему. Особенно это относится к строительным остаткам, обнаруженным in situ, поскольку в силу их плохой сохранности в абсолютном большинстве случаев реконструкция, даже только планировки культовых сооружений, была невозможна. Поэтому при осуществлении реконструкций сооружений исследователи старались интерпретировать малейшие, имеющиеся в их распоряжении факты. Так появилась одна из наиболее аргументированных на то время реконструкций ольвийского храма Аполлона Дельфиния начала V в. до н.э., вызвавшая пристальный положительный интерес, но со временем и критику специалистов.

Строительные остатки, на основании которых в 1964 г. А.Н. Карасев предложил реконструкцию антового двухколонного храма ионического ордера, посвященного Аполлону Дельфинию[1], были открыты в середине прошлого века экспедицией ЛОИА АН СССР при раскопках восточного теменоса Ольвии. Основанием для реконструкции плана храма послужили остатки двух фундаментов. Один из них (три фрагмента «кф$_2$») исследователь интерпретировал как фундамент под продольную восточную стену храма, а второй («кф$_1$») – в качестве фундамента южной стены наоса (рис. 1. 2). Оба фундамента состояли из одного ряда плит. Для реконструкции ордера и фасада послужила находка в нескольких местах теменоса трех фрагментов терракотовой облицовки в виде волюты (рис. 2). По мнению А.Н.Карасева, эта облицовка принадлежала ионической капители храма[2]. Методическая четкость обоснования, а также высокий авторитет А.Н. Карасева как исследователя Ольвии обусловили долгую жизнь этой реконструкции.

Длительное время она по своим основным параметрам не подвергалась каким-либо сомнениям, уточнениям и дополнениям. Только спустя два десятка лет И.Р. Пичикяном была проведена небольшая корректировка этой реконструкции, касающаяся, главным образом, венчающих частей храма (рис. 1. 1). Вместо отсутствующего в реконструкции А.Н. Карасева фриза был введен пояс дентикул, фронтон увенчала сима милетского типа, несколько видоизменены были базы колонн, а также капители антов[3]. Однако все это было сделано, исходя лишь из общих соображений относительно стилевых особенностей архитектуры античных городов. Каких-либо дополнительных находок, имеющих непосредственное отношение к этому объекту, за это время не появилось. Таким образом, реконструкция А.Н. Карасева не претерпела принципиальных изменений.

Более существенное критическое замечание появилось только через последующий десяток лет. А.В. Буйских поставила под сомнение возможность использования упомянутой терракотовой волюты в качестве облицовки деревянной основы капители ордера, считая, что эта облицовка принадлежала либо фронтальному антефиксу, либо завершению карниза монументального алтаря[4]. Подобное уточнение стало возможным благодаря относительно большому количеству архитектурной терракоты, накопившемуся в Ольвии за годы, прошедшие после публикации работы Н.Н. Карасева. Аргументация А.В. Буйских достаточно убедительна и, тем самым, делает невозможным использование упомянутой облицовки для реконструкции ордера этого сооружения.

Таким образом, после анализа А.В. Буйских единственное, что осталось от предполагаемого храма, это остатки фрагментов фундамента от двух стен.

И, наконец, в 2002 г. В.П. Яйленко пересмотрел вообще как назначение, так и

планировку данной постройки и предложил свой вариант реконструкции[5].

Критика В.П. Яйленко в основном базируется на том утверждении, что фрагмент кладки южной стены наоса являлся не кладкой, а основанием под столб. Главным аргументом при этом служит заявление о якобы отсутствующей взаимной перпендикулярности в расположении двух упомянутых кладок. При этом критик ссылается на опубликованный А.Н. Карасевым чертеж[6] и, тем самым, совершает грубую ошибку.

Дело в том, что на чертеже, на который ссылается В.П. Яйленко, художник издания действительно показал, что стена пронаоса располагается по отношению к продольной стене не под прямым углом[7] (рис. 3. 1). Однако далее, на двух последующих чертежах, в той же публикации[8] эта ошибка не повторяется (рис. 3. 2, 3). Уже одно это должно было бы насторожить критика. Главное же заключается в том, что в научном отчете о раскопках этих строительных остатков А.Н. Карасев специально отмечает в тексте и показывает на чертеже, что кладка наоса (η) располагалась под прямым углом к наружной восточной стене (υ)[9]. Таким образом, и у самого исследователя строительных остатков теменоса не возникло каких-либо сомнений в определении данного объекта как стены и стены, расположенной перпендикулярно к восточной стене. В связи с этим нелишне напомнить В.П. Яйленко, что, проводя архитектурный анализ (особенно в сомнительных случаях), как и в эпиграфике, необходимо обращаться к первоисточнику или уж хотя бы к научному отчету о раскопках.

Возвращаясь к интерпретации строительных остатков предполагаемого храма, отмечу, что раскопанные фрагменты фундамента допускают слишком много вариантов их интерпретации и реконструкции. Они могли принадлежать не только храму, но и сокровищнице. Но в этом случае неизвестен тип такой постройки: антовый, простильный или амфипростильный. А если это и был все-таки храм или сокровищница, то не устанавливается точно и ширина его главного фасада[10], а отсюда неизвестно количество колонн. Однако более вероятным представляется, что здесь речь может идти, скорее всего, не о храмовом сооружении, для которого крайне важно не допустить неравномерных просадок стен, а о небольшой постройке типа алтаря.

В пользу этого говорит следующее обстоятельство. Под южным концом фундамента продольной стены находилась более ранняя культовая яма диаметром 2,5 м и глубиной 1,7 м, заполненная «очень рыхлым золистым грунтом»[11]. В связи с этим древними строителями непосредственно и только под концом фундамента была сделана глиняная трамбовка толщиной всего 0.45 м, которая со временем просела. Иначе говоря, весьма сомнительным представляется, чтобы строители «храма» допустили бы такую крупную техническую ошибку. Столь тонкая, не доведенная до материка трамбовка могла быть сделана, исходя из относительно небольшой предполагаемой нагрузки от алтаря или предалтарной площадки. Учитывая все сказанное, степень достоверности восстановления плана по реконструкции А.Н. Карасева составляет не более 0,5. Отсюда реконструкция даже только фасада, с учетом критики А.В. Буйских, еще меньше.

Таким образом, с сомнениями В.П. Яйленко в том, что это был именно храм, можно согласиться. Но предлагаемый им собственный вариант реконструкции вообще не выдерживает никакой критики.

В.П. Яйленко предлагает на основании тех же двух фундаментов реконструировать стою. В качестве тыльной – восточной - стены «стои» он рассматривает восточный фундамент и полагает, что эта «стоя» открывалась на запад. Возникающую же в этом случае неувязку – наличие перпендикулярной тыльной стене «стои» кладки (по реконструкции А.Н. Карасева – стены пронаоса) - решает с обезоруживающей простотой. Он эту, мешающую его реконструкции стену объявляет не стеной, а, как я отмечал выше, базой под центральный столб «стои». В интерпретации В.П. Яйленко (судя по его чертежу) данная база, якобы, представляла собой в плане квадрат со стороной, равной примерно полутора метрам (рис. 1. 4). Причем подобное восстановление автор ничем не обосновывает и без всяких объяснений просто удваивает ширину сохранившегося в натуре фрагмента фундамента стены пронаоса! В результате предлагается бессмыслица: ни по своим размерам, ни по конструкции подобное сооружение не могло быть базой. Здесь, по реконструкции В.П. Яйленко, около десятка камней сходятся своими краями как раз в центре, где должен стоять опорный столб[12], что

элементарно противоречит логике строительных конструкций. Таким образом, у нас нет совершенно никаких оснований предполагать наличие здесь столба. К этому добавим, что такой тонкий исследователь, как А.Н. Карасев, просто по определению не мог совершить столь грубую ошибку и спутать кладку с базой для столба. А это, в свою очередь, лишает каких-либо, даже хотя бы третьестепенных, доказательств предлагаемой В.П. Яйленко реконструкции местоположения боковых стен «стои» (рис. 1. 3), никаких остатков которых не обнаружено вообще. Следует также подчеркнуть, что и по своей морфологии: размерам, форме и пропорциям, а также размещению в плане теменоса - подобное сооружение не соответствует стоям. Иначе говоря, коэффициент степени достоверности реконструкции этой «стои» находится в бесконечном приближении к нулю.

Подводя общий итог, мы должны констатировать, что сооружение, которому принадлежали упомянутые остатки фундаментов двух стен, ни по определению его категории и типа (храм или не храм, тип планировки), ни по возможному посвящению тому или иному божеству достаточно надежному определению не поддаётся. Единственное, что здесь можно исключить полностью, это возможность принадлежности этих фундаментов стое, подобной реконструкции В.П. Яйленко. Вместе с тем, мы должны помнить, что именно А.Н. Карасев достаточно убедительно связал эти фрагменты кладок в единое сооружение, а обоснование его реконструкции и сегодня остается образцом методического подхода к решению подобных задач. Имеет право на существование и его гипотеза о том, что это мог быть храм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карасев А.Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. - М.-Л., 1964, с. 49-73.
2. Там же, с. 58 и сл.
3. Пичикян И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. - М., 1984, с. 178-182, рис. 68.
4. Буйских А.В. К вопросу о реконструкции храма Аполлона Дельфиния в Ольвии // Тези першої краєзнавчої конференції «Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження». - Миколаїв, 1995, с. 41-42.
5. Яйленко В.П. Идентификация и реконструкция зданий Ольвийского теменоса // РА 3. - 2002. с. 46-58.
6. Там же, с. 49.
7. Карасев, Монументальные памятники…, рис. 6.
8. Там же, рис. 16, 18.
9. Карасев А.Н. Отчет о раскопках Ольвийской агоры в 1954 г. // Научный архив ИА НАНУ. Ф.э. 1954/9д., с. 6, табл. II.
10. А.Н. Карасев определил этот размер, исходя из предположения об абсолютной синхронности существования храма и так называемой «ограды священной рощи», располагавшейся к западу от «храма» (Карасев, Монументальные памятники…, с. 56).
11. Карасев, Монументальные памятники..., с. 54.
12. Яйленко, Идентификация и реконструкция зданий…, рис. 4.

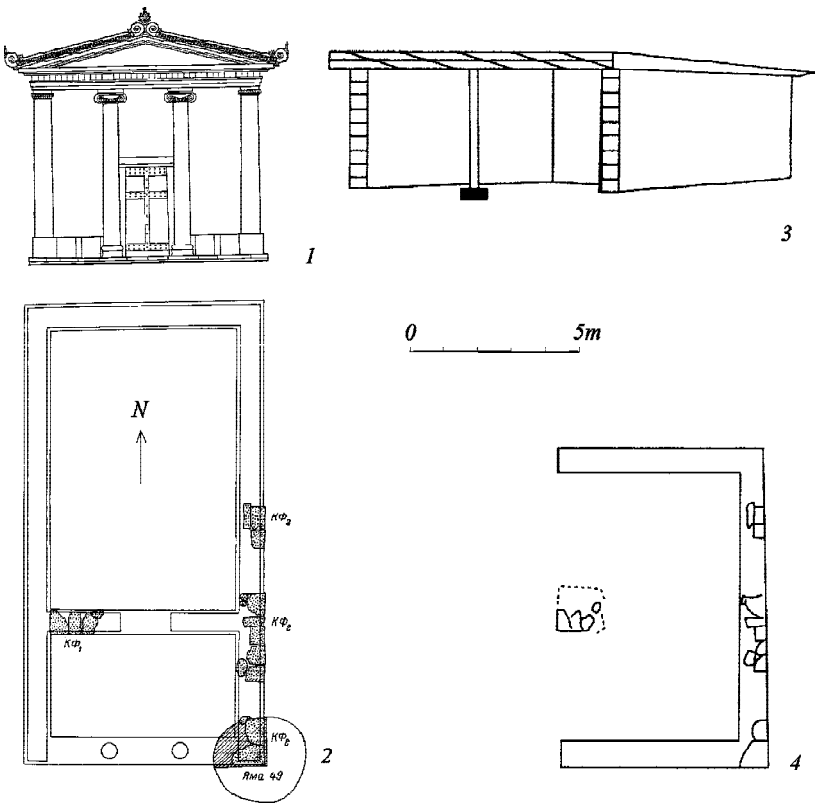

Рис. 1. Храм (?) Аполлона Дельфиния на восточном теменосе Ольвии.
1 – реконструкция главного фасада А.Н.Карасева – И.Р.Пичикяна;
2 - реконструкция плана А.Н.Карасева;
3 – реконструкция общего вида «стои» В.П.Яйленко;
4 – реконструкция плана «стои» В.П.Яйленко.

Рис. 2. Терракотовая волюта (Карасев, 1964. Рис. 25,1).

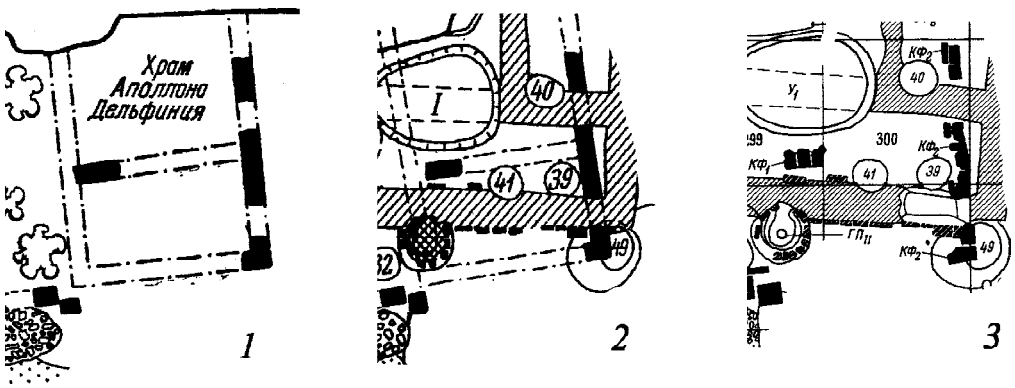

Рис. 3. Схематические планы архаического теменоса в районе храма Аполлона: 1 – рис. 6; 2,3 – рис. 16 и 18 (Карасев, 1964. Рис. 6,16,18).

И.А. МАКАРОВ

ЭПИТАФИЯ КОМАНДИРА АРМЯНСКИХ ЛУЧНИКОВ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО*

Предметом настоящей статьи является публикация надписи, обнаруженной в 1971 г. в портовой части Херсонеса. Несмотря на неоднократные упоминания в научных работах, начиная с 1979 г., данный документ по сей день остается неизданным[1].

Речь идет о мраморной плите, обломанной снизу, которая была найдена во время раскопок В.И. Кадеева недалеко от центральных ворот Херсонеса, вблизи т.н. «казармы». Высота [11,5] см; ширина 19 см; толщина 5,5 см. Высота букв 1,2 см. В настоящее время камень не удалось найти ни в Херсонесском музее-заповеднике, ни в музее Харьковского университета. Ниже фрагмент публикуется по фотографии (рис. 1) и карандашной копии (рис. 2), хранящимся в архиве Ю.Г. Виноградова[2].

Ю.Г. Виноградов впервые отметил, что данный камень объединяется с другим давно известным фрагментом (рис. 3), который был найден в Херсонесе в 1899 г. в периболе XVI куртины во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (НЗХТ, инв. № 35091). Его высота [9] см; ширина 14,5 см; толщина 5 см. Высота букв 1,2 см. Поверхность камня сильно повреждена огнем. После публикации В.В. Латышевым в разделе *Varia* в IOSPE IV, 166 (воспроизведена с небольшим изменением в IOSPE I^2 597) этот камень был переиздан Э.И. Соломоник[3], которая распознала в плохо сохранившемся тексте метрическую эпитафию митридатовского времени. Объединение этих двух фрагментов, предложенное Ю.Г. Виноградовым, не вызывает у меня сомнений. В пользу этого свидетельствует характер камня, палеография обеих надписей, высота букв, а также наличие следов более древней надписи на обратной стороне двух фрагментов.

Комментированное издание этого текста, над которым работал Виноградов, так и не появилось. Аргументация ученого остается нам неизвестной, но общая характеристика документа увидела свет в цитированных выше работах и встретила, насколько можно судить, одобрение других исследователей. Она состоит в следующем: в данной эпитафии упомянут командир отряда лучников из Малой Армении, состоявший на службе у Митридата Евпатора. Этот токсарх погиб во время кампании Диофанта (ср. Syll^3 709; IOSPE I^2 352) против скифского царя Палака[4]. Работа над этой надписью позволяет мне присоединиться к этому заключению. В то же время этот важный документ заслуживает, на мой взгляд, детального комментария, не говоря уже об очевидной необходимости критического издания всякого эпиграфического памятника.

Текст, получаемый в результате объединения двух фрагментов, выглядит следующим образом:

’Αρμενί[ω]ν τοξοτῶν θυρε-
αφόρον ἀγεμονεῖα Αἴχμω-
να Ζα[..]ιου παῖδα κέκευθε
4 ταφή· [---ca. 5----]άρδης Μάει-
[ο]ς ΑΠ[---ca. 6----κτ]ερέιξεν οὐ
νόσῳ φ[θίμεν]ο[ν---ca. 6----τε]-
θναότα ν Παλακικὸν π[....]
8 [....]ΘΟ[..]Λ+ΩΝΕΤ[----------]
[---]

App. crit.

Стк. 1-4 (начало) прочитаны Виноградовым (1989).

Стк. 2: ἀγεμονεῖα (= ἀγεμονῆα) scripsi; ἀγεμονείᾳ (Виноградов, 1989).

Стк. 3: Ζαρειου (Виноградов, 1989); на карандашной копии Виноградова после *альфы* видна верхняя часть петли (?) и затем горизонтальная гаста вверху строки.

Стк. 4: ΑΡΔΗΣ копия Виноградова; на фотографии видна косая гаста *альфы*, верхняя часть *эты* и конечная *сигма*.

Стк. 5: в начале после *сигмы* на копии

*Публикация подготовлена во время моей работы в Центре Gustave Glotz (Париж) в рамках программы «Diderot». Командировка в Национальный заповедник «Херсонес Таврический» стала возможной благодаря проекту Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Виноградова видны следы двух букв: верхняя часть *лямбды* или *альфы* и две вертикальные гасты с горизонтальной чертой; [κτ]ερέιξεν scripsi (в соответствии с фото); ἠέρειξεν (Виноградов, архив); ΗΕΡΕΙΞΕΝ копия Виноградова, но чтение *эты* ненадежно.

Стк. 6: φ[θίμεν]ο[ν] Виноградов (архив); ΝΟΣΩΦ[.....]Ο[---] копия Латышева с эстампажа Косцюшко-Валюжинича (IOSPE I^2), но *фи* и *омикрон* не читаются на камне в настоящее время.

Стк. 6-7· [τε]θναότα Παλακικὸν π[έρι] (Соломоник, НЭПХ); π[όλεμον?] (Виноградов, архив).

Стк. 8: [....]ΘΟ[..]Λ=ΩΝΕΤ= читается на камне в настоящее время, перед *омегой* следы *гаммы* или *эпсилона*, ΞΟΘΟΤΛΕΩΝΕ¯ копия Латышева с эстампажа Косцюшко-Валюжинича (IOSPE); τόξοθ', ὁμιλέων ἐτ[---] Виноградов (архив) в соответствии с копией Латышева и эстампажем Косцюшко-Валюжинича.

Язык, метрика, орфография, ономастика

Три первые строки надписи и начало четвертой строки содержат элегический дистих:

᾽Αρμενί[ω]ν τοξοτῶν θυρεαφόρον ἀγεμονεῖα
Αἴχμωνα Ζαρειου (?) παῖδα κέκευθε ταφη

«Эта могила скрывает Айхмона сына Зарея (?), вооруженного длинным щитом командира армянских лучников».

Цитируя эту часть эпитафии, Ю.Г. Виноградов[5] в конце первого стиха читал ἀγεμονείᾳ. Однако форма *dat. sg.* существительного женского рода ἀγεμονεία («командование», «предводительство») не имеет удовлетворительного объяснения в этой фразе и должна быть отвергнута. Здесь, несомненно, следует читать *acc. sg.* существительного ἀγεμονεύ[6] с графичекими особенностями, характерными для надписей Херсонеса эллинистической эпохи, которые объясняются, по всей вероятности, влиянием беотийской графики[7].

Αἴχμων - известное греческое личное имя, хотя оно и не очень часто встречается в источниках[8]. Напротив, патронимик умершего Ζαρειος, прочитанный Виноградовым, представляется засвидетельствованным впервые. Патронимик Ζαρειος, как и имя Αἴχμων, по мнению авторов предварительной публикации, носит военный характер[9]. Хотя объяснения патронимика авторами предложено не было, на основании их вывода можно предполагать, что они усматривали в нем производное от имени божества Ἄρης (ср. личное имя Ἄρειος и формант ζα- с интенсивным значением). Такого рода толкование мне кажется вероятным, но в то же время отсутствие параллелей, а также ненадежность чтения двух букв в середине слова не позволяют принять данное толкование безоговорочно[10]. Нужно отметить следующие просодические аномалии: τοξοτῶν (~ ¯~) с сокращением первого слога *metri causa*; Ζαρειου (~ ¯~) с *correptio epica* дифтонга ει в хиате.

В стк. 4-5 распознается гексаметр:

˜[]αρδης Μάει[ο]ς ΑΠ[~ ~¯κτ]ερέιξεν

«(Такой-то), сын Маеса (---) похоронил (его)»

Имя этого персонажа, скорее всего, иранского происхождения. Ср. другие имена на -αρδης, -αρζης· Κοτάρδης Γωτάρζης (парфянское царское имя[11], ср. Fl. Jos. Ant. 20.73 sq.; OGIS I 431; Tac. Ann. 11.8,9,10; 12.10,13,14), Οὐάρδης (армянское имя иранского происхождения[12], cf. Phot. Bibl. 64). Патронимик представляет собой пафлагонское имя Μάης, зафиксированное и в Северном Причерноморье[13]. Формы род. п., засвидетельствованные для Μάης, - это Μάου (согласно парадигме склонения корней на -ᾱ¯-η-) и Μαέου" (согласно парадигме склонения корней на -σ-)[14]. Род. п. Μάει[ο]ς, который читается в данной строке, на мой взгляд, также объясняется влиянием беотийского элемента в языке херсонесских надписей, отмеченным выше в связи с объяснением графики ἀγεμονεῖα[15]. Данный стих можно дополнить exempli gratia следующим образом:

[ὃν Οὐ?]άρδης Μάει[ο]ς ἀπ[οπρὸ πάτρας κτ]ερέιξεν ᾽ελ

[ὃν Οὐ?]άρδης Μάει[ο]ς ἀπ᾽ Ἀρμενίας κτ]ερέιξεν.

«(Его Вардес?), сын Маэса похоронил (вдали от родины) (vel вдали от Армении)»

Следующий стих содержат стк. 5-7 (следует отметить *vacat* после [τε]θναότα, обозначающий начало нового стиха). Учитывая метрическую схему эпитафии, мы ожидаем пентаметр элегического дистиха: οὐ νόσῳ φ[θίμεν]ο[ῦ ~ ~ τε]θναότα

Возможное добавление: οὐ νόσῳ φ[θίμεν]ο[ν, ἔγχεσι τε]θναότα

«его, который умер не от болезни, но был убит (оружием)»[16]. Следует отметить достаточно часто встречающуюся спондеическую трактовку слова νόσῳ (- -).

В следующих строках (стк. 7-8) сохранилось

начало гекзаметра нового дистиха, который не поддается удовлетворительному восстановлению из-за ненадежности чтения. Возможно, следует восстанавливать:

Παλακικὸν π[έρι?, τοξό]θ', ὁ[μι]λέων ετ=[- - - -]

«лучник, (сражаясь около ?) Палакова …»

В данном стихе уверенно читается лишь прилагательное чтение Παλακικόν. О нем речь пойдет ниже.

'Αρμένιοι эпитафии из Херсонеса и декрета из Ольвии (IOSPE I² 35).

По палеографии данная эпитафия датируется второй половиной II в. до н.э. Стиль письма, наиболее близкий данному памятнику, обнаруживается в декрете в честь Диофанта, полководца Митридата Евпатора (Syll³ 709; IOSPE I² 352), и декрете, упоминающем сражение при Калос-Лимене (IOSPE I² 353), которые оба относятся к последнему десятилетию II в. до н.э. Упоминание армян позволяет сблизить публикуемый документ с другим текстом митридатовского времени, также происходящим из Северного Причерноморья[17].

Речь идет об ольвийском декрете в честь амисского кибернета, взявшего на борт своего судна ольвийское посольство (IOSPE I² 35). В документе говорится, что чествуемый персонаж доставил «царскую помощь» ([χο]ρήγια βασιλικά) армянам, размещенным Митридатом Евпатором на территории, чье название в этом фрагментированном декрете не сохранилось (стк. 6 сл.: τοῖς μεθηδρασ[μένοις ὑπὸ βασιλέως Μ]ιθραδάτου Εὐπάτορος 'Αρμε[νίοις], ср. стк. 15 сл.: τῶν δὲ πρότε[ρον ---]ων τοῖς ἡμετέροις τόποις [---]ς μεθεδραζομένους)[18]. Напомним предлагавшиеся интерпретации данного свидетельства. В армянах ольвийского декрета видели: 1) киликийские отряды, предоставленные Митридату его зятем, царем Великой Армении, Тиграном в период римской осады Синопы в 70 г. до н.э. (ср. Plut. Luc. 23: βασιλικους Κίλικας), часть которых была впоследствии (ок. 64 г. до н.э.) перемещена Евпатором в Ольвию, когда городу угрожала гетская опасность[19]; 2) жителей местечка Армена близ Синопы (Strab. 12.3.10: κῶμη τῶν Σινωπέων; ср. Xen. Anab. 6. 1. 15)[20]; 3) армянских поселенцев, направленных Митридатом в Ольвию для помощи при защите от варваров[21]. Приняв эту последнюю гипотезу, предложенную Вильхельмом, Ростовцев предположил, что эти поселенцы практически «формировали понтийский гарнизон»[22]. Сравнение объясненного таким образом ольвийского декрета с упоминанием армянских всадников в близкой по времени херсонесской эпитафии позволяет предположить, что в обоих случаях имеются в виду армянские контингенты армии Митридата. Это решение представляется еще более вероятным в свете других свидетельств относительно военных отрядов, посланных Митридатом VI в понтийские греческие города. Долгое время единственным эпиграфическим упоминанием этого военного присутствия был декрет Аполлонии в честь Эпитинханона, сына Менекрата, из Тарса, командира понтийского гарнизона в этом городе, ὁ ἡγούμενος τῶν στρατιωτῶν (ок. 90 г. или ок. 80-75 г. до н.э., IGBulg I², 392). В настоящее время можно дополнить досье декретом из Истрии в честь Диогена, сына Диогена, стратега полиса (ок. 90 г. или ок. 80-75 г. до н.э., Insc. Scythiae Min. I 45, переизд. SEG 47, 1125; ср. Bull. йр.1999, 388) и новым посвящением из Ольвии, сделанным в 78/7 г. до н.э. Диогеном, сыном Физя, «стратегом и наместником полиса» (στρατηγὸς καὶ ἐπὶ τῆς πόλεως)[23].

Обозначение «армяне» может указывать либо на обитателей Великой Армении, либо на жителей Малой Армении. Как известно, Великая Армения стала союзником Митридата после прихода к власти царя Тиграна и после его брака с дочерью понтийского царя Клеопатрой (Just. Epit. 38. 3. 5), т.е. после 95 г. до н.э.[24] Что касается Малой Армении, мы знаем из рассказа Страбона, что царь Антипатр, сын Сисида, уступил свое государство Митридату, и что оно вошло в состав Понтийского царства (Strab. 12. 3. 28 : αὐξηθεὶς δὲ Μιθριδάτης ὁ Εὐπάτωρ καὶ τῆς Κολχίδος κατέστη κύριος καὶ τούτων ἁπάντων, 'Αντιπάτρου τοῦ Σίσιδος παραχωρήσαντος αὐτῷ)[25]. Эта страна была, судя по всему, организована, как и Колхида (Strab. 11. 2. 18), в сатрапию во главе с одним из сыновей Митридата (App. Mithr. 17, 62). Мы не знаем точную дату подчинения Малой Армении, но ряд указаний источников позволяют датировать это событие первыми годами правления Митридата, т.е. приблизительно тем же временем, что и подчинение Колхиды и Таврики. Это следует, прежде всего, из сопоставления свидетельства Страбона об одновременности присоединения Малой Армении и Колхиды (12. 3. 28, цитировано

выше) с сообщением Мемнона из Гераклеи, в котором подчинение «царей страны вокруг Фасиса» помещено в самом начале царствования Митридата Евпатора (FGrH 434 F22: κατεστρέψατο δὲ πολέμῳ καὶ τους περὶ τὸν Φᾶσιν βασιλεῖς ἕως τῶν κλιμάτων τῶν ὑπὲρ τὸν Καύκασον καὶ τὴν ἀρχὴν ἠὔξησε). С этим согласуется и упоминание Аппианом Малой Армении как части Понтийского царства накануне Первой Митридатовой войны[26].

Конные лучники и их командир

У меня нет сомнений, что в публикуемой эпитафии речь идет не о лучниках-пехотинцах, а о лучниках-всадниках (*hippotoxotai*). Традиционно этот тип кавалерии, предназначенный для ведения дальнего боя, ассоциировался с восточными народами, в частности с жителями Армении[27]. Армяне, равно как и парфяне или скифы, были знаменитыми конными лучниками[28]. По мнению Ю.Г. Виноградова, эпитет командира θυρεαφόρος («несущий длинный щит») показывает, что определенная часть упомянутых армянских лучников были пехотинцами[29]. На наш взгляд, это замечание ошибочно. Как известно, θυρεος – это большой продолговатый щит эллинистического времени, который пришел на смену круглому (греческому или македонскому) щиту предшествующей эпохи (ἀσπις). Чаще всего он имел овальную форму (иногда шестиугольную, а в римское время четырехугольную) и характерный продольный выступ[30]. *Thyreos* был относительно легок[31], в длину равнялся ок. 80 см, его ширина варьировалась между 40 и 60 см[32]. В эллинистической Греции он действительно являлся, в первую очередь, оружием пехотинцев-гоплитов[33]. Однако уже для III-II вв. до н.э. можно предположить регулярное использование этого щита греческой кавалерией. Так, в рассказе Полибия (6. 25), где перечисляются элементы вооружения греческих всадников, заимствованные ко II в. до н.э. римлянами, упоминается большой щит (θυρεόν), способный выдержать удары, наносимые как в ближнем, так и в дальнем бою (προς τας ἐπιβολας καὶ προς τας ἐπιθέσεις)[34]. Следовательно, нет оснований считать на основании эпитета θυρεαφόρος, что командир отряда конных лучников был пехотинцем.

В таком случае возникает вопрос, был ли этот тип защитного вооружения обычным у армянских гиппотоксотов[35] или же эпитет Айхмона θυρεαφόρος призван подчеркнуть его более высокий ранг по отношению к его подчиненным. Нам ничего не сообщается о других элементах вооружения Айхмона. Однако следует отметить в связи с этим, что все источники, где упомянуты всадники, именумые θυρεαφόροι, проводят различие межу этими последними, с одной стороны, и конными лучниками, ведущими дальний бой, с другой стороны, а также отмечают в качестве особенности всадников θυρεαφόροι их способность сражаться в ближнем бою.

Согласно тактику I в. до н.э. Асклепиодоту, (Tact. 1. 3) кавалерия, «вооруженная щитом» (θυρεοφόρον), предназначена, наподобие тяжелой пехоты, для ближнего боя (ἐγγύθεν μαχόμενον); она имеет самое тяжелое воружение среди всех всадников (βαρυτάτῃ κέχρηται σκευῇ). Этот тип кавалерии носит длинные щиты для защиты как всадника, так и его коня (ἀσπίδας ἔνιοι φορῶσι παραμήκεις διὰ τὸ συνεπισκέπεσθαι καὶ τὸν ἵππον). Кони и всадники со всех сторон защищены доспехами (θώραξι), оружие всадников – длинные копья (μακροῖς τοῖς δόρασιν), откуда их наименования: «вооруженные пикой» (δορατοφόρον) или «вооруженные копьем» (ξυστοφόρον). Асклепиодот отличает их от всадников, ведущих ближний бой, так называемых «лучников» или «скифов» (τὸ δὲ πόρρωθεν μαχόμενον τοξοτῶν τε καὶ Σκυθῶν λέγεται). Похожее различие проводят и более поздние тактики[36]. С другой стороны, в римское время учебник тактики, написанный Аррианом, прилагает термин θυρεοφόροι к катафрактериям[37]. Однако будет ошибкой отождествлять всадников, вооруженных длинным щитом (θυρεοφόροι), засвидетельствованных для эллинистического времени, с катафрактериями, новым типом тяжелой кавалерии, появившимся в I в. н.э.[38]. Примечательно, что другой тактик римского периода (I-II в. н.э.) Элиан (Tact. 2. 12) помещает всадников θυρεοφόροι вне класса катафрактериев (μὴ καταφράκτων), хотя он, как и другие, отмечает, что основной функцией θυρεοφόροι является ближний бой (οἱ ἀπὸ τῶν ἵππων τοῖς πολεμίοις συμπλεκόμενοι καὶ πλησίον δόρασι μαχόμενοι· τούτων δὲ οἱ μὲν καὶ θυρεους ἔχουσι καὶ καλοῦνται θυρεοφόροι). Эти свидетельства позволяют предполагать, что армянская конница I в. до н.э. состояла, с одной стороны, из легковооруженных лучников (τοξόται), составлявших большинство

войска, и, с другой стороны, из тяжеловооруженных всадников (не являвшихся, однако, катафрактериями), вооруженных длинными щитами (θυρεοφόροι), подготовленными для ближнего боя. Возможно, во время сражения qureofovroi образовывали первый ряд, позади которого выступала легковооруженная кавалерия[39]. Иными словами, в эпитафии Айхмона эпитет θυρεαφόρος является, на мой взгляд, показателем его более высокого воинского статуса. Греческое происхождение имени (и, возможно, патронимика) командира лучников позволяет видеть в этом персонаже скорее греческого офицера (наемника ?) на службе у Митридата, чем представителя армянской «высокопоставленной касты воинов»[40].

Датировка надписи и присоединения Малой Армении к Понтийскому царству

Как уже было сказано выше, Малая Армения стала частью Понтийского царства в течение первых лет правления Митридата Евпатора, в то время как Великая Армения заключила с ним военный союз не ранее 95 до н.э. Следовательно, если мы можем доказать, что публикуемая надпись датируется временем кампании Диофанта[41], то можно полагать вместе с Ю.Г. Виноградовым[42], что в ней идет речь о всадниках из Малой Армении. В пользу датировки надписи временем Диофантовых войн помимо палеографии, которая близка палеографии декрета в честь Диофанта, свидетельствует, на мой взгляд, упоминание царя Палака в прилагательном Παλακικόν. Э.И. Соломоник, переиздавая вслед за Латышевым нижний фрагмент этой надписи[43], предположила, что Παλακικόν является эквивалентом топонима Παλάκιον, засвидетельствованного Страбоном (7. 4. 7). Согласно Страбону, это одно из укреплений (τὰ φρούρια), построенных скифским царем Скилуром и его сыновьями и служивших опорными пунктами для военных действий против полководцев Митридата Евпатора. Ввиду отсутствия других упоминаний формы топонима Παλακικόν более разумно будет ограничиться указанием на то, что речь идет о прилагательном, образованном с помощью притяжательного суффикса от имени скифского царя Πάλακος и означающем, следовательно, «принадлежащий (относящийся к) Палаку», «Палаков». Существительное, к которому относилось данное определение, не сохранилось. Можно предположить, например, Παλακικὸν ἄστυ («Палаков город»), Παλακικὸν πόλεμον, («война против Палака»), Παλακικὸν στρατόν («войско Палака»), vel sim.

Иными словами, здесь, скорее всего, присутствует указание на деятельность этого скифского царя, являвшегося, согласно нашим источникам, прежде всего херсонесскому декрету IOSPE I^2 352 (ср. Strab. 7. 4. 3 и 7. 3. 17), главным противником Диофанта в Таврике. Военные действия Палака против понтийских войск вряд ли могут датироваться после окончательного подчинения скифов Диофантом (IOSPE I^2 352, l. 22 sq.)[44]. Таким образом, гибель командира конных лучников, скорее всего, могла произойти во время одного из столкновений армии Диофанта со скифами Палака, которые перечислены в декрете IOSPE I^2 352[45]. Следовательно, мала вероятность того, чтобы армянские конные лучники, засвидетельствованные в Херсонесе, были жителями Великой Армении, военный союз Митридата с которой должен датироваться позднее Диофантовых войн. Очевидно, речь идет о всадниках из Малой Армении. С таким заключением согласуются и другие данные. Аппиан (Mithr. XVII 63) говорит о присутствии накануне сражения при Амнии в 88 г. до н.э. во вспомогательных войсках Митридата десяти тысяч всадников из Малой Армении, которые были приведены Евпатору его сыном Аркатием (являвшимся, вероятно, царским наместником в этой стране)[46]. Скорее всего, контингент из Малой Армении имеет в виду Плутарх (Sulla 5. 3), сообщая об армянах, пришедших на выручку каппадокийской (понтийской ?) армии (πλείονας ... Ἀρμενίων προσβοηθοῦντας) во время каппадокийского похода Суллы в 96 г. до н.э. с целью восстановить на царском престоле Ариобарзана[47]. В свою очередь, этот вывод относительно малоармянского происхождения лучников Айхмона может служить новым элементом в дискуссии по поводу относительной хронологии первых завоеваний Митридата Евпатора.

Со ссылкой на ряд указаний античной традиции часто утверждают, что присоединение к Понтийскому царству Малой Армении и Колхиды имело место после завоевания Крымского полуострова[48]. Действительно, Страбон сообщает, что Митридат одновременно стал хозяином Малой Армении и Колхиды и что оба территориальные приобретения относятся ко времени, когда понтийский царь уже

существенно укрепил свое могущество (Strab. 12. 3. 28: αὐξηθεις δὲ Μιθριδάτης ὁ Εὐπάτωρ; Strab. 11. 2. 18: αὐξηθέντος δὲ ἐπὶ πολύ Μιθριδάτου τοῦ Εὐπάτορος, εις ἐκεῖνον ἡ χώρα περιέστη). Это сообщение было сопоставлено со свидетельством Юстина (37.3.), где в перечне завоеваний Митридата первым упомянуто завоевание Скифии (*itaque Scythas invictos antea… ingenti felicitate perdomuit*). На мой взгляд, эти два текста не могут служить строгим доказательством указанной гипотезы. Укрепление могущества (αὐξηθεις), о котором говорится у Страбона, не является непременным обозначением роста территории царства Митридата, но может относиться к упрочению положения молодого царя на понтийском троне. Что касается сообщения Юстина, оно, безусловно, не призвано воспроизвести точную хронологическую последовательность митридатовских завоеваний. Присоединение всего понтийского региона описано суммарно в подтверждение фразы «с самого начала он стал думать не о царствовании, а об увеличении царства» (*statim non de regendo, sed de augendo regno cogitavit*), и упоминание о скифах - лишь пример (ср. *itaque*) наиболее впечатляющего среди завоеваний времени начала царствования Евпатора. Однако этот пример также не является доказательством того, что завоевание Крыма было первым в ряду приобретений Митридата[49].

Гипотеза, согласно которой подчинение Малой Армении и Колхиды предшествовало покорению Крыма, также не была подкреплена неопровержимыми доказательствами[50]. Литературные и нумизматические данные побуждали бы ограничиться констатацией, что присоединение Малой Армении должно датироваться примерно тем же временем (немного раньше или немного позднее), что и Диофантовы войны в Крыму[51]. Однако благодаря публикуемой эпитафии мы получаем серьезный (пусть даже и нерешающий[52]) аргумент в пользу гипотезы о Малой Армении (и Колхиде) как самых ранних территориальных приобретениях Митридата Евпатора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Впервые упомянута в работе Vinogradov Ju.G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes // Actes du VIIe Congrčs International d'épigraphie grecque et latine. - Bucarest-Paris, 1979, p. 293-316 (=Vinogradov J.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. - Mainz, 1997, p. 93, n.128; cf. Bull. ép. 1980, p. 339). Предварительную публикацию (без греческого текста) см.: Виноградов Ю.Г., Кадеев В.И. Армянские лучники на службе Митридата Евпатора // II Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. - Ереван, 1984, с. 12-13 (резюме: Saprykin S.Y Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I centuries B.C.). - Amsterdam, 1997, p. 268-269). Греческий текст частично процитирован в: Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII - I вв. до н.э. - М., 1989, с. 254-255. Ср. также упоминания в работах: McGing B.C. Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. - Leyde, 1986, p. 55; Vinogradov Ju.G. Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und Epigraphik // Acta Centri Historiae Terra antiqua Balcanica II. - Trinovi, 1987, p. 9-77 (= Vinogradov, Pontische Studien…, s. 62); Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. - М., 1996, с. 138.
2. Благодарю А.Ю. Виноградова, предоставившего в мое распоряжение эти материалы. Выражаю также благодарность В.И. Кадееву, сообщившему мне условия находки фрагмента и его размеры.
3. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса I. - Киев, 1964, № 44.
4. Виноградов, Кадеев, Армянские лучники…, с. 13.
5. Виноградов, Политическая история…, с. 255.
6. Слово ἡγεμονευς хорошо засвидетельствовано в позднеантичной поэзии (cf. Oppian. Cyn. 1. 224; Nonus Dion. 13.181; Anth. Gr. 14,72, 16.47). Alpha doricum встречается в херсонесских надписях разного времени.
7. Ср. IOSPE I^{2} 495, 510, 512, 521; Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса II. - Киев, 1973, №№ 145, 160, 178. Относительно беотийского написания ει для обозначения е долгого открытого см.: Bechtel F. Die griechischen Dialekte I. - Berlin, 1921, 271, § 70. Беотийские формы в херсонесских надписях могут быть объяснены участием беотийцев в основании метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской (Paus. 5. 26. 7; ср. Hanell K. Megarische Studien. - Lund, 1934, s. 129); Blümel, W. Die aiolischen Dialekte. - Göttingen, 1982, s. 255-256, § 263.
8. В работе Bechtel F. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. - Halle, 1917, s. 31 указана лишь беотийская форма Ἤχμων. Ср., однако, Pape-Benseler s.v.
9. Виноградов, Кадеев, Армянские лучники…, с. 13 («отчество Айхмона Ζαρειου в совокупности с его «говорящим» именем (от αἰχμή – «копье») говорит о том, что он происходил из высокопоставленной касты воинов Малой Армении»).
10. Принимая во внимание указанные трудности, нельзя полностью исключать иранское или малоазийское происхождение патронимика. Ближайшая параллель - личное имя Ζαρρέας, засвидетельствованное в Диррахии (LGPN IIIA s.v.) и не

получившее пока объяснения.

11. Ср. Justi, 1895, 118.
12. Cđ. Hübschmann H. Armenische Grammatik I. - Leipzig, 1897, s. 35.
13. Об этом имени см.: Robert L. Noms indigènes dans l'Asie-Mineure Gréco-Romaine. - Paris, 1963, p. 532 sq.
14. Примеры: Ibid.
15. О формах gen. sg. корней на -σ- в беотийском диалекте и графике -ειος вместо -εος большинства диалектов см.: Buck C.D. The Greek Dialects. - Chicago, 1955, § 108. 1 и 9. 4; Blümel, Die aiolischen Dialekte…, s. 41-42, § 41 и 43.
16. Примеры использования *asyndeton* в поэзии: Kühner-Gerth II, 2, § 546, s. 342.
17. Впервые на необходимость сопоставления двух текстов указал Ю.Г. Виноградов (Vinogradov, Griechische Epigraphik…, p. 293-316; Vinogradov, Pontische Studien…, p. 93; ср. Виноградов, Кадеев, Армянские лучники…, с. 12-13).
18. Ср. исправления текста IOSPE, предложенные А. Вильхельмом (Wilhelm A. König Mithradates Eupator und Olbia // Klio, n.s. 11. - 1936, p. 59; ср. Bull. ép. 1938, p. 243) и Л. Робером (Robert // Hellenica II, p. 58).
19. Мнение высказано в статье М.И. Ростовцева (Ростовцев М.И. Мифрадат Понтийский и Ольвия // ИАК 23. - 1907, с. 21-27), гипотеза резюмирована в работе Е. Миннса (Minns E.I. Scythians and Greeks. - Cambridge, 1913, p. 464). Эта интерпретация подверглась критике Вильхельма (Wilhelm, König Mithradates…, p. 50-59), который отметил, что сопоставление данного декрета и текста Плутарха нельзя признать удачным (его аргументы: невозможность обозначения армян как Κίλικες; глагол μεθεδράζω, употребленный в декрете, неуместен для обозначения размещения гарнизона, но обозначает, скорее, перемещение гражданского населения; выражение декрета κατὰ Σινώπης указывает лишь на курс, которым следовало амисское судно и не содержит указания на то, что армяне были размещены именно в Синопе).
20. Жебелев С.А. Ольвия и Мифрадат Евпатор // Северное Причерноморье. - М.-Л., 1953, с. 288 (ср. Bull. ép. 1944, p. 134). Впрочем, в пользу этой гипотезы не было приведено ни одного аргумента, кроме упоминания Синопы в тексте ольвийского декрета.
21. Wilhelm, König Mithradates…, p. 57-58 («Hatte Olbias Gebiet durch Verwüstung im Kriege und Abwanderung der eigenen Siedler gelitten, war verstärkter Schutz der Grenzen notwendig, so mochte Einwanderung neuer Siedler erwünscht sein; für sie hat ... König Mithradates Sorge getrugen und ... in einer Zeit erhöhter Gefahr, χορήγια βασιλικά für die schon angesiedelten Armenier und eine βοήθεια für den Demos von Olbia abgesendet»).
22. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. III. - Oxford, 1941б, p.1559, nr. 13.
23. См.: Крапивина, В.В., Диатроптов П.Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ 1. - 2005, с. 67-73. Недавно А. Аврам (Avram A. Ein neuer Stratege des Königs Mithridates VI Eupator im Taurischen Chersonesos // Izvest. na narodn. muzeď Burgas 4. - Burgas, 2002, p. 69-73) выдвинул предположение, что персонаж, чествуемый в херсонесском декрете митридатовского времени (IOSPE I^2 349, ср. Соломоник, Новые эпиграфические памятники… II, № 110) является не послом, но стратегом Митридата. Хотя состояние текста надписи не позволяет исключать такую интерпретацию, основной аргумент А. Аврама (стр. 71) «eine Wendung wie παρεπιδαμίαν εὐσχήμονα setzt einen längeren Aufenthalt in einer fremden Stadt voraus, paßt also kaum für einen Boten, der normalerweise seinen Auftrag in wenigen Tagen erfüllen kann» не выдерживает критики. Ему противоречат эпиграфические свидетельства, упоминающие факты пребывания (ἐνδημία) послов в полисах (напрмер, SEG 4, 601, l. 11-12; FDIII, 3, nr. 242, l. 28; IOlymp. 52, col. I, l. 24; ср. IOSPE I^2 354, l. 6).
24. См. Badian E. Studies in Greek and Roman History. - Oxford, 1964, p.176; ср. McGing, Foreign Policy…, p. 56, 78. Аппиан (Mithr. 119, 584) свидетельствует о военном союзе между Митридатом Евпатором и царем Великой Армении (συνεμάχουν δὲ βασιλεῖς καὶ δυνάσται ὅ τε Αρμένιος κτλ).
25. «Увеличив свое могущество, Митридат Евпатор одновременно стал господином Колхиды и всех этих мест, которые ему уступил Антипатр, сын Сисида». Ср. Strab. 12.3.1, где говорится, что Митридат добавил к своим владениям морское побережье до Колхиды и Малой Армении (προσεκτήσατο ... μέχρι Κόλχιδος καὶ τῆς μικρᾶς Αρμενίας); Орозий (Hist. adv. paganos 6. 2. 1) называет Митридата «rex Ponti atque Armeniae»; ср. Eutrop. 5. 5. 1: «Mithridates ... Armeniam Minorem et totum Ponticum mare in circuitu cum Bosporo tenebat».
26. App. Mithr. 17, 62 (говоря о численности понтийской армии накануне Первой Митридатовой войны, автор отмечает: συμμαχικὰ δὲ ἦγον αὐτῷ Αρκαθίας μὲν, αὐτοῦ Μιθριδάτου παῖς, ἐκ τῆς Βραχυτέρας Αρμενίας μυρίους ἱππέας). Ср. Just. 38. 7.
27. Общий очерк см.: Sulimirski T. Les archers à cheval, cavalerie légère des anciens // Revue intern. d'histoire militaire 3. - 1952, p. 447-461. О всадниках-лучниках из Азии в армии Александра Македонского см.: Arr. 4. 24. 1; 5. 12. 2. В селевкидской армии имелись подразделения из восточных народов, среди которых конные лучники (Polyb. 31. 3; 20. 113). О парфянских гиппотоксотах см.: Tarn W.W. Hellenistic Military and Naval Developments. - Cambridge, 1930, p. 83. Ср. данные трактатов по тактике эллинистического и римского времени: Asclepiod., Tact. I 3 (τὸ δὲ πόρρωθεν μαχόμενον (σχιλ. εἶδος) τοξοτῶν τε καὶ Σκυθῶν λέγεται); Aelian., Tact. 2. 13 (ἱπποτοξόται.., ὑπ' ἐνίων δὲ Σκῦθαι, ср. Arrian., Tact. 4). О кавалерии, вооруженной луком, в полисах Северного Причерноморья см.: Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1954, с. 80-81. Особая роль лучников в греческих городах, соседствовавших с номадами, подчеркнута Л. Робером (Robert, Hellénica, XI-XI, 267 sq).
28. См. Geogr. Graeci minores II, 522 (= Totius orbis descriptio, c.43): Armenia Minor... quae equites et sagittarios utiles mittit; cf. Stat. Silv. 1.4.78: arcuque horrenda fugaci/ Armenia; Arrian., Tact. 4: ἀκροβολισταὶ... καθάπερ Αρμένιοι. Для более поздней эпохи (при императоре Максимине) см.: Herodian. 7. 2. 1.
29. Виноградов, Политическая история…, с. 255.
30. О форме этого щита см.: Perdrizet P. Syriaca // RArch 3. - 1904, p. 241-244 (ср. его изображения на балюстраде пропилона Афины Никефоры в Пергаме).
31. Ср. доводы, приведенные в работе Дж. Андерсона (Anderson J.K. Philopoemen's Reform of the Achaen Army // Cl. Phil. 62. - 1967,

p. 104-106).

32. См.: Coussin P. Les armes gauloises // RArch 25. - 1927, p. 316.
33. Относительно *thyreos* у греческих гоплитов ср.: Anderson, Philopoemen's Reform…, p. 104. Этот тип щита использовался также кельтами и римлянами (*scutum*), см.: Coussin, Les armes gauloises…, p. 307 sq. Относительно распространения данного щита у греков в эллинистический период ср. характерное название отрядов эфебов в Акрайфии в III в. до н.э. (IG VII 2716) θυρεαφόροι наряду с более древним πελτοφόροι (IG VII 2715), а также упоминание состязаний в θυρεομαχία на Самосе во II в. до н.э. (IG XII 6,1, 179, 181-183). *Thyreos* у греческих пельтастов см.: Snodgrass A. Arms and Armour of the Greeks. - Baltimore-London, 1999, p. 123.
34. Наряду с щитом среди оружия, использовавшегося греческой кавалерией II в. до н.э., Полибий (6.25) называет панцирь (θώρακας) и копье (δόρατα).
35. Принимая во внимание данные о легкой кавалерии других народов, можно предположить, что армянские гиппотоксоты пользовались некими щитами. Ср.: тростниковые щиты у сарматов времени Митридата Евпатора (Strab. 7. 13. 17, γερροφόροι); скифские щиты местного и греческого изготовления (Блаватский 1954, 15, со ссылкой на изображения на знаменитом гребне из кургана Солоха).
36. Арриан (Tact. 4): ἀκροβολισταὶ δὲ λεχθεῖεν ἂν οἱ μὴ ες χεῖρας ἰόντες ἀλλὰ πόρρωθεν ἐξακοντίζοντες. καὶ τούτων οἱ μὲν δορατίοις διαχρῶνται ες τὸν ἀκροβολισμόν, οἱ δὲ τόξοις. Ср. Элиан (Tact. 2. 12): τῶν δὲ μὴ καταφράκτων οἱ μέν εἰσι δορατοφόροι, οἱ δὲ ἀκροβολισταί. Ср. упоминание персидских всадников Менандром Протектором (ap. Const. Porph. De legat. p. 210 de Boor): речь идет о θυρεοφόροι и ἱπποτοξόται как двух различных типах конницы.
37. Ср. Arrian. Tact. 4, среди катафрактериев, определяемых как δορατοφόροι, κοντοφόροι или λογχοφόροι, некоторые καὶ θυρεοὺς φέρουσι καὶ καλοῦνται θυρεαφόροι. В то же время использование щита катафрактериями было, как представляется, редкостью. Ср. свидетельство Тацита (Hist. 1. 79) о сарматах: они не пользуются щитами (*neque enim scuto defendi mos est*), имея защитные доспехи из кожи и железных пластинок.
38. См.: Rattenbury R.M. An ancient armored force // Cl. Rev. 56. - 1942, p. 113-116. Согласно Арриану (Tact. 4), катафрактерии пользуются в качестве наступательного вооружения различными типами копий, и их основная функция – это ближний бой, признанными мастерами которого считаются аланы и сарматы (οἱ πελάζοντες ταῖς τάξεσι τῶν πολεμίων καὶ δόρασιν ἀπομαχόμενοι ἢ κοντοῖς ἐν τῇ ἐπελάσει ἐξωθοῦντες ως 'Αλανοὶ καὶ Σαυρομάται). Следует отметить, что в I в. до н.э. Асклепиодот, говоря о всадниках, вооруженных длинным щитом, не пользуется термином κατάφρακτος.
39. Ср. Arrian. Alan. 17 (θυρεῷ καὶ καταφράκτῳ θώρακι) и 31 (Σκύθαι γυμνοί τε ὄντες καὶ τους ἵππους γυμνους ἔχοντες).
40. *Pace* Виноградов, Кадеев, Армянские лучники…, с. 13. Если верно объяснение патронимика как греческого, оно служит указанием на наследственный характер военной профессии в семье Айхмона (другие примеры см.: Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques 1-2. - Paris, 1987, p. 797 sq. Ср. просопографию младших командиров на службе Митридата VI в: Olshausen E. Zum Hellenisierungsprozess am Pontischen Königshof // AncSoc 5. - 1974, s. 168-170).
41. В любом случае эта кампания датируется не позднее 106 г. до н. э. (такова самая поздняя из предлагавшихся датировок, см.: Reinach, Mithridate Eupator…, 1890, p. 70).
42. Ср. Vinogradov, Pontische Studien…, s. 62
43. Соломоник, Новые эпиграфические памятники… I, № 44.
44. Свидетельства о скифах как союзниках Митридата перечислены в работе Ф. Галатай (de Callataÿ F. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. - Louvain-la-Neuve, 1997, p. 257).
45. Ср. данные, содержащиеся в IOSPE I² 352: в период первой кампании Диофанта нападение скифов Палака на понтийские войска сразу после их прибытия в Херсонес (стк. 7-9), а также экспедиция Диофанта вглубь Скифии, в ходе которой понтийские войска захватили скифские крепости (стк. 12); во время второй кампании состоялось сражение со скифами Палака и роксоланами, выигранное Диофантом, за которым последовало подчинение скифов (стк. 22 сл.). Говоря об армии Диофанта, Страбон (7. 3. 17) упоминает лишь фалангу гоплитов (συντεταγμένην φάλαγγα καὶ ὡπλισμένην καλῶς) без упоминания всадников.
46. Ср. также упоминание некоего Νεμάνης ὁ 'Αρμένιος среди митридатовских военачальников в этом сражении (App. Mithr. 19.72).
47. Предположение выдвинуто в работе П. Гуковски (Goukowsky P. Notice, Appien, Histoire romaine. Tome VII. Livre XII. La guerre de Mithridate. VII-CLXXXIV. - Paris (CUF), 2001, LXX: «rien n'oblige à reconnaître en ceux-ci des sujets de Tigrane, monté sur le trône en 95 av. J.-C.») со ссылкой на IOSPE I², 35 и упоминание С.Ю. Сапрыкиным публикуемого здесь документа (Saprykin, Heracleia Pontica…, p. 268-269). Относительно даты похода, организованного Суллой в его бытность наместником Киликии, см.: Corey Brennan T. Sulla's Career in the Nineties: Some Reconsiderations // Chiron 22. - 1992, p. 150. Хотя Плутарх говорит не о понтийской армии, но о «каппадокийцах», это может быть интерпретировано как «понтийские каппадокийцы», подданные Митридата (Goukowsky, Notice…, LXX). О том же событии, возможно, повествует Фронтин (Strat. 1. 5. 18), сообщающий о военном столкновении в Каппадокии между Суллой и митридатовским полководцем Архелаем (*praefectum Mithridatis in Cappadocia*); ср.: Corey Brennan, Sulla's Career…, p. 148, n. 128.
48. Например, Vinogradov, Pontische Studien…, s. 61.
49. После упоминания победы над скифами Юстин резюмирует: *auctus igitur viribus Pontum quoque ac deinceps Cappadociam occupavit*. В пользу гипотезы хронологического первенства присоединения Крыма приводилась конъектура фон Гутшмида, предлагавшего читать *Colchida(m)* вместо *Cappadociam* (ср. de Callataÿ, L'histoire des guerres mithridatiques…, p. 264). Но данное исправление не представляется необходимым ввиду суммирующего характера этой фразы Юстина.
50. Молев Е.А. Малая Армения и Митридат Евпатор // Проблемы античной истории и культуры I. - Ереван, 1979, с. 185 сл.; Shelov D.B. Le royaume Pontique de Mithridate Eupator // JSav 3-4. - 1982, p. 247; Hind J.G.F. Mithridates // CAH

IX2. - 1994, p. 138 sq. Справедливую критику нумизматических аргументов в пользу этой гипотезы (раннее появление монет «митридатовского типа» в Диоскуриаде) см. De Callataÿ, L'histoire des guerres mithridatiques…, p. 264.

51. Ср. различные мнения относительно этой хронологической проблемы: Reinach, Mithridate Eupator..., p. 71: «Le détail et l'ordre exact de ces campagnes nous échappent… la conquęte de la Méotide, de la Colchide, de la Petite Arménie, se place entre la guerre de Crimée et le commencement des guerres d'Asie Mineure, c.-a-d. entre 106 et 103 a. C.» (ср. o.c., p. 78 sq.). Е. Уилл (Will E. Histoire politique du monde hellénistique // Nancy 2. - 1979-1982, p. 471) помещает присоединение Малой Армении «около времени войны в Крыму (110-108)». F. Lasserre (Strabon, éd. Belles Lettres, comm. ad 12. 3. 28): «l'événement date de 107 (*sic*) et achève la mainmise de Mithridate sur les territoires bordant le Pont-Euxin ŕ l'est». Vinogradov, Pontische Studien..., s. 62: «Eroberung des östlichen Schwarzmeergebiets erst nach Niederwerfung des Saumakos erfolgte». Hind, Mithridates…, p. 138: «Mithridate's first move, probably, was to accept hegemony over Armenia Minor.., perhaps, c. 115-114 B.C. (though same scholars think as late as 106): and the next gain will have been Colchis». De Callataÿ L'histoire des guerres mithridatiques…, p. 264: «Il paraît donc indiqué ... d'en revenir ŕ la vue traditionnelle et de placer la conquęte du Bosphore cimmérien avant celle de la Petite Arménie et de la Colchide, tout en observant que rien n'empęche certains événements d'avoir été contemporains».

52. По мнению Ю.Г. Виноградова (Vinogradov, Pontische Studien..., s. 62), эпитафия Айхмона не может служить достаточным доводом для установления относительной хронологии, так как «wir können auch nicht die Möglichkeit ausser Betracht lassen, daß Mithridates ein Kontingent Armenier als Söldner anwarb oder dieses wie schon sein Großvater Pharnakes laut Bündnisvertrag erhielt (Polyb. 35. 2. 11)».

Рис.1. Фрагмент, обнаруженный в 1971 г. (архив Ю.Г. Виноградова).

Рис. 2. Копия фрагмента, обнаруженного в 1971 г. (архив Ю.Г. Виноградова).

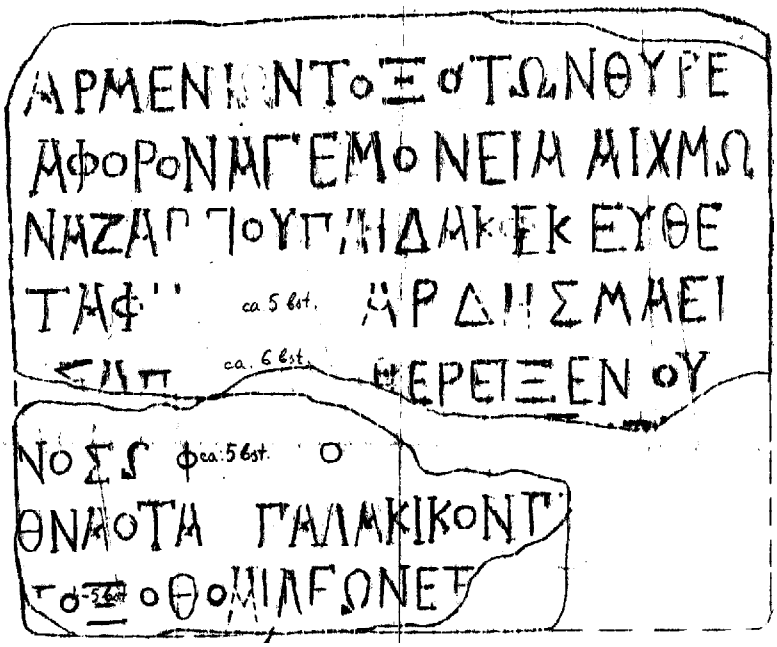

Рис. 3. Фрагмент, обнаруженный в 1899 г. (Херсонесский музей-заповедник).

Ю.М. МОГАРИЧЕВ

КРЫМСКАЯ АЛАНИЯ И ЧУФУТ-КАЛЕ

Проблемы этнической истории средневекового Крыма во многом еще остаются неразрешенными. Это в полной мере относится и к вопросу о формировании так называемой горно-крымской народности.

Еще А.Л. Якобсон предполагал, что в VIII–IX вв. в Таврике начинает формироваться единая средневековая народность, «в которой растворялись различные этнические элементы, в той или иной степени грецизированные»[1].

По мнению А.И. Айбабина, к концу X в. на основе аланского, готского, греческого и других этносов, проживавших в Крыму, завершился процесс формирования горно-крымской народности, объединенной христианско-византийской культурой и известной с периода позднего средневековья как крымские (мариупольские) греки[2].

Нам представляется, что такой вывод справедлив, если анализировать только памятники материальной культуры. Письменные же источники позволяют расставить акценты несколько по-иному. Согласно содержащейся в них информации, в горном Юго-Западном Крыму в XIII-XV вв. проживали по соседству два этноса - готы и аланы[3]. Причем, если готы или Готия отмечены здесь уже в раннем средневековье (начиная с известного пассажа Прокопия Кесарийского о стране Дори и населявших ее готов и заканчивая рассказом австрийского посла Бусбека о встреченных им в Константинополе в 1560 г. двух жителях Крыма, один из которых говорил на готском языке[4]), то сведения об Алании и аланах появляются только в XIII в.

Первым в этом ряду является «Аланское послание» епископа Феодора, составленное около 1225 г. и повествующее о событиях 1223 г.[5] Феодор был направлен для проповеди христианства в кавказскую Аланию и добирался к своей пастве через Херсон. Преследуемые какими-то недругами епископ и его спутники находят убежище в неком аланском селении близ Херсона: «Но так как мы были беглецами в аланском селении неподалеку от Херсона (племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Иверийан, древнейший предел их родины; они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматию), - то и оттуда он гнал нас своей злобой и своими коварствами, ища уже нашей смерти: ничего другого больше и не оставалось. Этот богоненавистный сделал набег и, очутившись в Херсоне, грозил войною малым Аланам, если они нас не выдадут»[6]. «Близ Херсона живут Аланы, столь же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана [города]. Их я увидал, и они сами радостно сбегались вокруг родного пастыря и окружали его. Желая, чтобы мы гостили у них, они оказывали нам всякие услуги»[7]. Несмотря на угрозу нападения со стороны недругов Феодора, аланы не выдали епископа, и он смог благополучно продолжить свой путь на Кавказ[8].

Через три десятилетия после этого события, в 1253 г., Вильгельм де Рубрук, посланник французского короля Людовика XI к монгольскому хану, встретил в крымских степях между Судаком и Перекопом «неких Алан, которые именуются там Аас, христиан по греческому обряду имеющих греческие письмена и греческих священников». Однако эти аланы оказались не «схизматиками подобно грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц». Далее выясняется, что они «не знали ничего, имеющего отношение к христианскому обряду, за исключением только имени Христова»[9].

Георгий Пахимер, византийский историк конца XIII - начала XIV в., в своей истории, охватившей период с 1260 по 1308 гг.[10], сообщает: «этот Ногай … нападает на северные от Черного моря племена, которые давно римлянам были покорными, но после захвата Города (т. е. Константинополя) и сокращения влияния римлян будучи лишены господ, стали автономными. Итак, этих без боя, придя, брал и обращал в рабство. Увидев цветущие страны и племена по себе самостоятельные, он

отказывается от пославших его и приобретает племена для себя. В течение времени жители внутренней земли, вступая в сношение с ними (татарами – *Ю.М.*) - называю алан, зихов, готов и русских и близко к ним живущие различные роды - учатся их обычаям, с обычаем меняют язык и одежду и становятся их союзниками»[11]. Конечно, возможно, в данном случае Пахимер упоминает кавказских алан, но, вероятнее всего, здесь подразумеваются также и крымские.

В 1344 г. Марино Санудо в письме к французскому королю Филиппу IV сообщает: «Существуют в Галгарии (Хазарии) и в других местах, покоренным татарам севера, некие народы, то есть готы, некие аланы и некие другие прочие нации, которые следуют по стопам греков»[12]. Под Хазарией итальянцы обычно понимали Крым.

Иоганн Шильтбергер (1394-1427 гг.), кроме часто цитируемого различными авторами пассажа о городе Каркери, расположенном в стране Сутти (вероятнее Готии), населенной христианами греческой веры и производящей хорошее вино, перечисляет языки православных народов: греческий, русский, болгарский, виндский (по Х.-Ф. Байеру сербский – *Ю.М.*), валахский, ясский (язык аас), язык Готии, черкесский[13]. Можно в данном случае согласиться с Байером, следуя географической последовательности перечисления народов, что «язык аас» - это язык крымских алан[14].

Еще более конкретные сведения в 1436-1437 гг. сообщает венецианский купец и дипломат Иософат Барбаро: «Вокруг, за островом Кафы, которая расположена на большем море, находится Готия, а затем Алания, которая простирается через остров в направлении Монкастро … Готы говорят на немецком языке... Из-за этого соседства готов и алан, я считаю, должно происходить имя готаланы; ибо аланы были первыми на этом месте; однако затем пришли готы и завоевали эти страны, смешивая свое имя с аланами»[15].

Таким образом, факт существования Крымской Алании подтверждается несколькими независимыми источниками и вряд ли может оспариваться.

Центр Готии традиционно связывается с Доросом - Мангупом[16]. Центр Алании - с Чуфут-кале - Кырк-ором[17].

По Абульфиде «Керкер или Керкри … находится на краю седьмого климата в стране Асов, его имя значит по-турецки сорок человек; это укрепленный замок, трудно доступный; он опирается на гору, на которую нельзя взойти. На верху горы есть площадь, где жители страны (в минуту опасности) находят убежище. Этот замок на некотором расстоянии от моря; жители принадлежат к племени Асов… Керкер находится на север от Сары-кермена; между этими двумя местами один день пути»[18]. Арабский географ Ал-Калкашанди (начало XV в.) пишет, что центром зависимой от Золотой Орды страны асов есть крепость Киркир[19]. Это подтверждает и турецкий историк XVIII в. Аали-Эфенди, который на основе древних источников указывал, что «Кырк-эр есть крепость из городов асских на севере от Сары-Кермена»[20].

В чем причина, что сведения письменных источников об аланах в Крыму появляются только в XIII в.? Ведь археологически готоаланское население прослеживается здесь, начиная с раннего средневековья[21].

Проанализируем основные источники об исторической географии средневекового Юго-Западного Крыма[22]. Первым в этом ряду стоит трактат Прокопия Кесарийского «О постройках»: «… здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори, где с давних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз когда императору было это угодно. … Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше любили жить всегда в полях. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно было врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов»[23]. Где находилась эта загадочная страна - вопрос дискуссионный. Учеными высказывались различные версии как локализации Дори, так и «длинных стен». Страну помещали на Южном берегу Крыма[24], в Юго-Западном Крыму[25], одновременно Юго-Западном и Южном Крыму[26], на плато горы Мангуп[27], в долине реки

Черной, в районе современного Инкермана[28], на высокогорных равнинах Главной гряды Крымских гор[29]. С «длинными стенами» соответственно ассоциировали остатки каменных стен на перевалах Главной гряды[30], или «пещерные города»[31].

В настоящий момент большинство исследователей склоняются к мысли, что страна Дори - это территория, которая впоследствии стала называться Готией или Климатами, то есть горный Юго-Западный Крым, а возможно, и часть Южного, а «длинные стены» - реально существовавшие оборонительные сооружения, перекрывавшие наиболее легкодоступные ущелья Юго-Западной Таврики и препятствовавшие проникновению крупных военных отрядов кочевников из степей вглубь Дори и к Херсону. Один из таких фортификационных узлов был выявлен в первой половине 80-х гг. в ходе археологических работ, проводившихся в балке Каралез под Мангупом[32]. Некоторые исследователи отмечают следы подобных укреплений и в других местах[33]. Судя по размещению такой стены рядом с Мангупом, вряд ли первоначальные границы страны Дори выходили далеко за его пределы, и вполне возможно, что район Чуфут-кале, где традиционно помещается центр Алании, туда не входил. И только в конце правления Юстиниана и при его ближайших преемниках византийцы расширили свои владения практически до границы внутренней гряды.

Из схолии о Житии Еврепия и Феодора мы узнаем, что они, сосланные в Херсон при императоре Ираклии, «были часто разлучаемы насильно и отправлены в укрепления соседних племен»[34].

Феофан Исповедник в «Хронографии» эту область и ее жителей называет (в истории с Юстинианом II) «херсониты, босфориане и остальные климаты», «жители в тех крепостях» «жители крепостей», «херсониты и жители других крепостей» (в сюжете с заговором брата Льва IV, Никифора) - «Херсон и Климаты»[35].

По «Бревиарию» патриарха Никифора это - «Дорос, лежащий в готской земле», «Херсон, Босфор и другие архонства», «другие города»[36].

В Житии Иоанна Готского сообщается: «А преподобный епископ Иоанн … вошел в соглашение (заговор) с господином Готии и его властями (архонтами в переводе К. Цукермана[37] – *Ю.М.*) и всем его народом»[38].

В Житии Феодора Студита упоминается «топарх Готии», в его письме, датированном 808 г. «Готия и ее климаты», в Житии патриарха Никифора (845 г.) фигурирует правитель «Таврических климатов»[39].

Интересные аспекты по рассматриваемой проблеме сообщает круг источников, связанных с деятельностью в Крыму Константина Философа: 1) Житие, которое было составлено между 869 и 880 гг.[40], а информация о «хазарской миссии», во время которой Константин посетил Крым, вероятно, заимствована из собственноручного доклада Константина[41]; 2) Итальянская легенда или «Слово о перенесении мощей св. Климента» - латинская версия рассказа о Константине, поиске им мощей папы Климента и о перенесении впоследствии их из Херсонеса в Рим. Источником для Итальянской легенды, составленной епископом г. Веллетри Гаудерихом (ок. 882 г.) и переработанной в начале XII в. Львом Остийским, было Житие Константина Философа, однако более ранняя его редакция, чем дошедшая до нас[42]; 3) Письмо Анастасия Библиотекаря, главы папской канцелярии, вышеупомянутому епископу Гаудериху (875-879 гг.). В письме Анастасий излагает сжатый латинский перевод сочинений Константина о находке мощей Климента, похвальное слово Клименту, а также передает рассказ Митрофана, митрополита Смирнского, который был очевидцем пребывания Константина в Крыму (Митрофан находился здесь в ссылке)[43].

В письме Анастасия жители округи Херсона «не туземцы, а пришельцы из разных варварских народов»[44]. Подобная информация содержится и в Итальянской легенде: «не туземцы, а пришельцы из разных народов»[45], (исключение - загадочный народ Фул Жития[46], однако это тема отдельного исследования). Отметим, абсолютно другие подробности. Житие сообщает о напавших на императорского посланника врагах, не подданных Византии. Здесь четко называется их этническая принадлежность - хазары и венгры[47].

Эта же традиция наблюдается и в Житии Иоанна Психаита, которое датируется временем после 843 г.[48] В нем упоминаются «приближенные к Боспору племена»[49].

В 841 г. византийское правительство создает в Крыму новую территориально-административную единицу - фему Климатов (таким было ее первоначальное название).

Вероятно, это был ответ на появление в припонтийских степях венгров[50], которые в середине 830-х гг. полностью перекрыли хазарам доступ к Крыму с севера[51]. Входил ли в фему Восточный Крым и Боспор неизвестно, однако Юго-Западный Крым и, скорее всего, Южный- несомненно.

По мнению К. Цукермана, в 50-х гг. IX в. территория, принадлежащая империи, ограничилась только Херсоном и его ближайшей округой. В результате фема Климатов была переименована в фему Херсон[52]. Правда, переименование фемы может означать не столько потерю имперского контроля над Климатами или ослабление там власти, сколько коррекцию византийской политики на полуострове. Вероятно, поняв нерациональность выбора в качестве политического центра создаваемой фемы горного Юго-Западного Крыма, вернулись к привычному и более удачному херсонскому варианту. Соответственно по имени нового центра меняется и название фемы.

Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» (948-952 гг.) называет Таврику «Херсон, и так называемые Климаты», «область Херсона», «Херсон и Климаты», «крепости Климатов», расположенные между Боспором и Херсоном, «Херсон, Боспор и Климаты»[53].

Данные сфрагистики фиксируют во второй половине X в. «турмарха Готии Льва». Очевидно, Готия, входившая в фему Херсона, управлялась этим должностным лицом[54].

В грузинской редакции Жития апостола Андрея (XI в.) сказано, что апостол «удалился в город Готов, Херсонес»[55].

В новелле Мануила I Комнина от 1166 г. император среди прочих титулов назван и «Готским». Несомненно, здесь речь идет о крымской Готии[56].

В XIV в. Иосиф Лазаропулос, митрополит Трапезунда, использует термин «Климаты Готии»[57].

Чем же можно объяснить отсутствие упоминания об аланах в Крыму до XIII в. В этой связи, вероятно, можно указать на два аспекта. Первый - это время и характер источников. Второй - понимание их авторами политической принадлежности Юго-Западного Крыма. Сообщения о крымских аланах, как правило, имеются в произведениях иностранных путешественников XIII-XV вв.[58], лично посетивших Крым и общавшихся с местным населением. Для более раннего времени таких источников просто нет. В дошедших до нас сочинениях византийских авторов юго-западная Таврика воспринималась как территория, в той или иной степени принадлежавшая империи. В подавляющем большинстве это или официальные византийские хроники, или церковные сочинения, составленные людьми часто не бывавшими в Крыму или не ставившими своей задачей подробное изучение местных народов. Поэтому в этих трудах название данной местности и ее жителей воспроизводится в трех вариантах:

1). Следуя официальной административной терминологии - архонства или Климаты. Тем самым, подчеркивая вхождение территории в границы империи. Например, «Хронография» Феофана или «Об управлении империей» Константина Багрянородного. Для последнего Горный Крым - это имперские Климаты без всяких национальных различий. А вот этнические и племенные нюансы соседних государств, как и Константин Философ (см. выше), он часто подробно описывает; 2) церковной - Готия, от одноименной епархии[59], названной так, очевидно, по имени самого многочисленного местного народа, следуя еще традиции Прокопия, заложенной в трактате «О постройках». При этом, как верно отметил Ж. Де Бай, а за ним и В.А. Сидоренко, Прокопий причислял аланов именно к «готскому народу»[60]. Отсюда *готская земля* «Бревиария» Никифора и *король готский* Жития Феодора Студита; 3) местностью, прилегающую к Херсону, - «крепости соседних племен».

С XIII в., когда Юго-Западный Крым окончательно вышел из юрисдикции Византии и уже не представлялся единым имперским массивом, на фоне образования сначала фактически самостоятельных[61], а затем и вассальных Золотой Орде территорий, авторы начинают этнически разделять живущие здесь народы.

В связи с вышеизложенным, вряд ли выдерживает критику гипотеза А.И. Айбабина, что в связи с тем, что в источниках Кырк-ор упоминается как находящийся в стране ассов а не алан, его жители - это не местные аланы, а потомки асов, пришедших в Крым вместе с татаро-монголами[62]. По энциклопедии Ал-Калкашанди, на полуострове выделяются три округа-тюмена - Крым (юго-восток и степная

часть полуострова), страна Ас (юго-западная, горная часть) и Азовский тюмен, куда входили Керчь и округа[63]. Однако вопрос времени формирования такого административно-территориального устройства Золотой Орды остается открытым. Если М.Г. Крамаровский относил данное событие к 50-60-м гг. XIII в., то Г.А. Федоров-Давыдов склонен был датировать его рубежом XIV-XV вв. По крайней мере, в указанном произведении Ал-Какашанди отражены сведения второй половины XIV в.[64] В любом случае нет оснований связывать «страну Ас» с пришлыми аланами. Вероятно, аланы были первым народом, с кем столкнулись золотоордынцы в горном Крыму (готы проживали южнее). Соответственно и тюмен получил название по имени местного населения. Известно, что очень часто мусульманские авторы либо ставили знак равенства между аланами и асами, либо называли их как два племенных подразделения одного народа[65]. Особо отметим, что Рубрук прямо указывает, что аланы именуются в Крыму «Аас», при этом они, согласно епископу Феодору, проживали в округе Херсона до появления татар.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Якобсон А.Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ 10. - Свердловск, 1973, с. 138.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1999, с. 229.
3. Это признает и сам А.И. Айбабин. См.: Айбабин, Этническая история…, с. 229.
4. Сведения о Готах и Готии в Крыму были собраны и подробно проанализированы А.А. Васильевым: Готы в Крыму. Часть 1 // ИГАИМК 1. - Петроград, 1921; Готы в Крыму. Часть 2 // ИГАИМК 5. - М.: Л., 1927; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. - Cambridge, Massachusettes, 1936; Ср.: Х.-Ф. Байер История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. - Екатеринбург, 2001. См. также: Пиоро И.С. Крымская Готия. - Киев, 1990, с. 57-112; Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. - Симферополь, 2004, с. 100-202. и др.
5. О датировке источника подробнее см.: Ченцова В.Г. Материалы к истории Херсона в средние века // МАИЭТ V. - 1996, с. 172.
6. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // Избранные труды по истории аланов и сарматии. - СПб., 2000, с. 201.
7. Там же, с. 203.
8. Там же, с. 203-205.
9. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. - Алматы, 1993, с. 92.
10. Бибиков М. В., Красавина С.К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии // Культура Византии. XIII - первая половина XV в. - М., 1991, с. 280-281.
11. Цит. по: Байер, История крымских готов … , с. 167.
12. Там же, с. 176.
13. Там же, с. 232 – 234.
14. Об аланах в Юго-Западном Крыму см. также: Кузнецов В.А. Очерки истории алан. - Орджоникидзе, 1983, с. 68-85; Сидоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ IV. - Симферополь, 1995; Айбабин, Этническая история..., с. 146-147; Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Избранные труды по истории аланов и сарматии. - СПб., 2000, с. 140–146; Герцен, Могаричев, Крепость драгоценностей..., с. 39-42; Байер, История крымских готов… , с. 172-177, 229-238.
15. Сидоренко, К вопросу о Фуллах..., 1995, с. 237.
16. Крепость на плато горы Мангуп или Баба-кая (так гору называло местное население в XVIII-XIX вв.), известна в период раннего средневековья как Дорос, а в XIV-XV вв. - Феодоро. Ближайший к Мангупу населенный пункт - деревня Хаджи-сала Бахчисарайского района, которая находится у его северо-западного подножия. Плато возвышается над окрестными долинами на высоту до 300 м, высота же над уровнем моря составляет порядка 584 м. Гора представляет собой скальный останец, с тех сторон (западной, южной и восточной) окруженный высокими, до 70 м обрывами. А северную и северо-восточную ее часть прорезают три ущелья, с востока на запад - Капу-дере (Воротный овраг), Гамам-дере (Банный овраг), Табана-дере (Кожевенный овраг), которые разделяют между собой четыре мыса. Восточный мыс называется Тешкли-бурун (Дырявый мыс), далее к западу - Елли-бурун (Мыс ветров), Чуфут-чеарган-бурун (Мыс вызова иудеев), Чамну-бурун (Сосновый мыс). Общая площадь поселения составляет порядка 90 га. Таким образом, Мангуп - самое большое средневековое укрепленное поселение на территории Юго-Западного горного Крыма. Первые археологические исследования городища были проведены А.С. Уваровым в 1853 гг. В 1890 г. здесь вел раскопки Ф.А. Браун, а в 1912-1914 гг. - Р.Х. Лепер. В 1938 г. работы на Мангупе продолжила экспедиция под руководством Е.В. Веймарна, М.А. Тихановой и А.Л. Якобсона. В 1949 г. разведки оборонительных сооружений городища предпринял Е.В. Веймарн. С 1967 г. археологическая экспедиция, сначала руководимая Е.В. Веймарном, а с 1975 г. - А.Г. Герценым (параллельно исследованием базилики занималась экспедиция Уральского университета под руководством Н.И. Барминой), здесь работает практически ежегодно. Древнейшие находки на Мангупе относятся к эпохе энеолита, однако они единичны. Со второй половины III в. начинается активное заселение плато, здесь формируется неукрепленное поселение. Очевидно, первые жители, скорее всего, гото-аланы, в первую очередь осваивают верховья балок, имевших выходы источников воды. С конца

IV в. некрополи округи городища фиксируют увеличение здесь населения. Во второй половине VI в., очевидно, в конце правления Юстиниана I, по инициативе византийской администрации на плато возводится мощная крепость. Кроме стен, для утверждения христианства и для закрепления византийского господства в Таврике в центре городища строится большая базилика. Вероятно, именно здесь находился известный по письменным источникам Дорос, центр византийских владений в горной Таврике, и здесь размещалась резиденция «Господина Готии».
В 80-х гг. VIII в. Мангуп был захвачен хазарами (см. подробнее в очерке истории), которые за период своего недолгого владычества успели перестроить некоторые участки фортификационной системы. К середине IX в. крепость вновь переходит в подчинение византийской администрации и включается в фему Климатов, возможно даже, на первых порах являясь административным центром фемы. Археологические материалы фиксируют в этот период (середина IX - X вв.) значительное увеличение доли виноделия в экономике. Вероятно, тогда Мангуп становится крупным винодельческим центром (известно не менее 9 больших тарапанов), где изготавливалось вино из винограда, выращенного в окрестных долинах. В конце X - начале XI в. поселение приходит в упадок, который продолжался до середины XIV в.
К середине XIV в. поселение, которое стало называться Феодоро, становится столицей одноименного княжества. Здесь возникает плотная городская застройка, формируется цитадель на мысе Тешкли-бурун. Однако уже в конце этого столетия город подвергся разорению со стороны войск печально известного самаркандского правителя Тимура или Тамерлана, и на некоторое время вновь приходит в упадок.
Начиная с первой четверти XV в. Мангуп входит в период наивысшего расцвета. В 20-30 гг. здесь проводятся крупные строительные работы, в том числе возводится еще одна линия защитных стен, так называемая Вторая линия обороны, реконструируется цитадель, значительно обновляются базилика и дворец правителей, сооружается княжеская капелла в цитадели (октагон), обновляются и расширяются пещерные монастыри и церкви.
В 1475 г. город был захвачен турками-османами, которые владели им до 70-х гг. XVIII в. Хотя турки и поддерживали здесь крепостные сооружения и даже построили новые, начиная с конца XV в., поселение постепенно приходит в упадок. Вероятно, к концу XVI в. Мангуп покидает христианская община, остается только турецкий гарнизон, немного татар и караимская община. В 70-х гг. XVIII в. турки покинули крепость, а в 1792 г. отсюда ушли и караимы (о Мангупе подробнее см.: Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ I. - Симферополь, 1990; Он же. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ VI. - Симферополь, 1998; Он же. Мангуп. Город в крымском поднебесье. - Симферополь, 2001; Он же. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ 34. - Екатеринбург, 2003; Он же. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ X. - Симферополь, 2003).

17. Этой точки зрения придерживаются большинство современных исследователей. Городище Чуфут-кале (иудейская крепость) находится на юго-восточной окраине г. Бахчисарая, на плато столовой горы, на высоте более 500 м над уровнем моря. С трех сторон - северной, западной и южной - оно окружено высокими, до 30 м, обрывами, и только с четвертой – восточной - сюда имеется относительно хороший доступ. Общая площадь поселения - 46 га. Территория городища разделяется на три части. С запада на восток: мыс Бурунчак (мысок) (36 га) - незастроенная часть, где в случае военной опасности могли укрывать скот и имущество жители окрестных долин, а в более позднее время размещался ханский зверинец, “Старый город” (7 га), по традиции считающийся древнейшей частью поселения; «Новый город» (3 га), возникший как посад не ранее XIV-XV вв. Впервые археологические исследования Чуфут-кале были предприняты в 1853 г. графом А.С. Уваровым. В 20-х гг. XX в. здесь работала экспедиция, изучавшая мусульманские памятники. В 50-х – начале 60-х гг. масштабные работы на Чуфут-кале были предприняты под руководством Е.В. Веймарна. С 1950 по 1961 гг. В.В. Кропоткиным исследовался могильник под юго-западным склоном. В 70-х гг. небольшие раскопки проводил М.Я. Чореф. В 1983, 1987-1988 гг. городище исследовал автор настоящей работы совместно с А.Г. Герценым. В последние годы на поселении проводился ряд небольших работ охранного характера. Люди облюбовали это место еще в неолите (не менее 7 тыс. лет назад). В первом тысячелетии до нашей эры здесь, видимо, жили носители кизил-кобинской археологической культуры, которых многие авторы отождествляют с таврами. Посещали Чуфут-кале и в позднеантичное время (III в. до н.э. - III в. н.э.). Крепость здесь была основана в конце VI - VII в. и принадлежала гото-аланам - федератам Византийской империи. В то время в ней находился небольшой гарнизон. Но в случае военной опасности здесь могли укрыться вместе со своим имуществом жители густозаселенных окрестных долин. Нам практически ничего не известно о начальном этапе истории поселения, особенно с IX по конец XIII в. Не сохранили источники и первоначальное его название. Письменные источники XIII-XVII вв. называют это место Кырк-ор или Кырк-ер, что в переводе с крымско-татарского означает «сорок укреплений». Надо думать, этот топоним имеет греческий или иранский корень, впоследствии, по приходу в данную местность татар, приобретший тюркское значение. Впервые в письменных источниках городище упоминается под 1299 г. Арабский летописец Рукнедин Бейбарс сообщает, что золотоордынский темник Ногай, в ответ на убийство в Крыму своего внука, направился на полуостров с карательной экспедицией. В числе разоренных им мест значится и Кырк-ор. Но после похода Ногая крепость не была подчинена золотоордынцами. Вероятнее всего, до середины XIV в. городище являлось центром крымской Алании. М.Г. Крамаровский, попытавшись опровергнуть данный тезис, замечает, что Таврика была подчинена золотоордынцами еще в 40-60 г. XIII в. и о независимости Кырк-ера говорить нет оснований (Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII-XV вв. // МАИЭТ X. - Симферополь, 2003, с. 513). Если иметь ввиду вассальную зависимость и выплату дани, то с этим нельзя не согласиться. Мы же говорим о прямом захвате и заселении крепости татарами (см. также: Григорьев А.П. Прежнее название Чуфут-кале // Вестник СПбГУ 2-3 (№16). - СПб., 1995, с. 28). В 40-х гг. XIV в., в период правления хана Джанибека, Кырк-ор был захвачен татарами. С этого времени начался новый этап в его истории. Городище становится центром относительно самостоятельного золотоордынского бейлика (области), возглавляемого беками Яшлау. Известно, что кыркорский хан вместе с мангупским и солхатским участвовал в сражении с литовским князем Ольгердом в 1363 г. В XV в., в

период образования Крымского ханства, Чуфут-кале становится первой столицей этого государства. Здесь устроили свою резиденцию первые Крымские ханы - Хаджи Гирей и Менгли Гирей. В это время в Кырк-оре расширяется мечеть, воздвигнутая при Джанибеке, основывается мусульманская духовная школа - медресе, находится ханский дворец, чеканится монета, принимаются послы иностранных государств, заключаются дипломатические договоры. Из ханских ярлыков (жалованных грамот) мы узнаем, что в городе живут мусульманская, христианская (вероятно, греческая и армянская) и иудейская (которая включала как раввинистов, так и караимов) общины. Две последние к востоку от крепостной стены основывают посад (предместье), который впоследствии стал именоваться «Новым городом». Но Чуфут-кале не суждено долго оставаться столицей. В начале XVI в. строится Бахчисарай. Туда переезжает хан со свитой, а за ним и почти все мусульмане. Уже в начале XVII в. татарами в крепости были лишь начальник и кади (судья). Появляется и новое название: Чуфут-кале - иудейская крепость, по имени большинства населения. Но она еще долго продолжает использоваться ханами как склад оружия и убежища на случай междоусобиц. После ухода татар здесь в основном жили караимская и немногочисленная армянская общины, а после вывода христиан из Крыма в 1778 г. - одни караимы. После присоединения Крыма к России в 1783 г. жители начинают постепенно покидать Чуфут-кале, и к началу XX в. городище было практически необитаемым (подробнее об истории городища см.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. - Симферополь, 1993; Они же. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь, 1992; Они же. Чуфут-кале - Иудейская крепость // Евреи Крыма. - Симферополь-Иерусалим, 1997; Они же. Восточная оборонительная стена Чуфут-Кале // БИАС 2. - Симферополь, 2001).

18. Цит. по: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА 17. - 1950, с. 30-31.
19. Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. - М., 1964, с. 157.
20. Смирнов В.Д. Крымское Ханство под верховенством Оттоманской порты до XVIII века. - СПб., 1887, с. 83.
21. Население раннесредневекового горного Крыма определяли как гото-аланское многие авторы. Историографию см.: Колтухов, Юрочкин, От Скифии к Готии…, с. 100-202.
22. Эти источники уже неоднократно рассматривались (Васильев, Готы в Крыму…; Vasiliev, The Goths in the Crimea…; Байер, История крымских готов…; Пиоро, Крымская Готия…, с. 57-112; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ VI. - Симферополь, 1998, с. 689-698; Колтухов, Юрочкин, От Скифии к Готии…, с. 100-202), поэтому мы кратко напомним информацию, в них содержащуюся.
23. Цит. по: Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ 4. - 1939, с. 349-350.
24. Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. - Киев, 1968.
25. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА 34. - 1953, с. 319- 333; Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ 40. - 1979; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. - М.:Л., 1964, с. 11.
35. Айбабин, Этническая история…, с. 107-122.
27. Пиоро, Крымская Готия…, с. 57-89.
28. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ 2. - Симферополь, 1991, с. 114-115.
29. Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. Об исторической топографии «готской земли» в раннесредневековом Крыму // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. - Севастополь, 2003.
30. Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов «длинные стены» // АДСВ - Свердловск, 1980, с. 19-34; Соломоник, Домбровский, О локализации страны Дори…, с. 33-34.
31. Тиханова, Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма…, с. 319- 333; Якобсон, Средневековый Крым…, с.11
32. Сидоренко, «Готы» области Дори…, с. 114-115.
33. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. - Киев, 1991, с. 69-70; Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ V. - Симферополь-Керчь, 2004, с. 331-332.
34. Васильев, Готы в Крыму 2..., с. 188.
35. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. - М., 1980, с. 62-65, 69.
36. Там же, с. 163-165.
37. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 г. // МАИЭТ VI. - Симферополь, 1998, с. 318.
38. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды 2 (2). - СПб., 1912, с. 387-390.
39. См.: Васильев, Готы в Крыму 2…, с. 217-218; Байер, История крымских готов…, с. 70-72.
40. Сказания о начале славянской письменности. - М., 1981, с. 10. Некоторые исследователи определяют более узкие хронологические границы составления Жития. См. например: Цукерман К. Венгры в стране Леведии..., с. 677; Он же. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЭТ IX. - Симферополь, с. 525-526; Байер, История крымских готов…, с. 75.
41. Zuckerman C. On the date of the khazars conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // REB 53. - Paris, 1995, p. 243.
42. Сказания о начале славянской письменности..., с. 10-11.
43. Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок императорской академии наук 6. - 1893, с. 1-2; Петров А. Письмо Анастасия Библиотекаря // ЖНМП. - 1893, январь; Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товаривства імені Шевченко, L1X (111). - Львів, 1904, с. 204-208.
44. Ягич, Вновь найденное свидетельство..., с. 9-10.
45. Франко, Святий Климент у Корсуні..., с. 212 – 213.

46. Сказания о начале славянской письменности..., с. 12.
47. Там же, с. 8.
48. Sevcenko I. Hagiography of the iconoclast period // Iconoclasm. - Birmingham, 1975, p. 117; Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ VII. - Симферополь, 2000, p. 325-326.
49. Байер, История крымских готов..., с. 352.
50. Цукерман, К вопросу о ранней истории фемы Херсона..., с. 320; Айбабин, Этническая история..., с. 215-216; Дагрон Ж. Двуликий Крым // МАИЭТ VII. - Симферополь, 2000, с. 297-298.
51. Справедливости ради отметим, что не все исследователи считают “венгерскую угрозу” причиной создания фемы.
52. Цукерман, К вопросу о ранней истории фемы Херсона..., с. 320; Он же, Венгры в стране Леведии..., с. 678.
53. Константин Багрянородный. Об управлении империей. - М., 1989, с. 37, 41, 52, 175.
54. Алексеенко Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // Херсонесский сборник IX. - Севастополь, 1998.
55. Васильевский В.Г. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды 2(1). - СПб., 1909, с. 382.
56. Васильев, Готы в Крыму... 2, с. 260-265.
57. Правда, в другом месте этот термин заменяется на «Климаты Херсона» см.: Байер, История крымских готов…, с. 160-161.
58. Имеется в виду представителей тех стран, которые не воспринимали Таврику как свою территорию.
59. Готия - название более распространенное в церковной литературной традиции. Климаты же - термин, используемый в официальных источниках VIII-IX вв. (Впервые эту мысль высказал Юргевич В. Две печати, найденные в византийском Херсонесе в 1884 г. // ЗООИД XIV. - 1886, с. 5-10; см. также Якобсон, Средневековый Херсонес..., с. 18 и позднее развил В.Е. Науменко. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ VI. - Симферополь, 1998, с. 693-696).
60. Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-западном Крыму (последняя четверть III – начала VIII вв.) Автореф. дис. … канд. ист. наук. - СПб., 1994, с. 19.
61. По мнению А.А. Васильева, выход Готии из состава Византии произошел в период между 1192 и 1198 гг. (Готы в Крыму 2, с. 275), поэтому она не попала (равно как и другие крымские земли) и в договор 1204 г. о разделе империи. Но уже в 1205/6 гг. власть над крепостями Горного Крыма перешла к Трапезундской империи (Там же, с. 272-278). Подчиненность Херсона и Климатов Трапезунду выражалось в уплате ежегодных государственных податей, которые еще в 20-х гг. XIII в. доставлялись туда одним из должностных лиц (Якобсон, Средневековый Херсонес…, с. 28-29; Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. // Причерноморье в Средние века. - М., 1991, с. 95; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2000, с. 199).
Правители Трапезунда, Великие Комнины, даже в середине XIV в. именовали себя в числе прочего и властителями «Заморья», то есть Крыма (Байер, История Крымских готов…, с. 160-152; Богданова, Херсон…, с. 95). Однако, скорее всего, подчиненность Готии Трапезунду была номинальной и, в большей степени, определялась не реальной ситуацией, а политическими претензиями Великих Комнинов (Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК 71. - 1933, с. 8. Правда, Н.М. Богданова считает, что Херсон тогда «продолжал входить в сферу политических интересов Трапезунда» см.: Богданова, Херсон…, с. 95); Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2000, с. 199.
62. Айбабин, Этническая история…, с. 147; Он же. Города и степи Крыма в XIII-XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ X. - Симферополь, 2003, с. 380.
63. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XII-XV вв. // МАИЭТ X. - Симферополь, 2003, с. 507.
64. Подробнее см. Крамаровский, Джучиды и Крым…, с. 506-507.
65. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. - Орджоникидзе, 1983, с. 81.

В.Л. МЫЦ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПРАВЛЕНИЯ ГОСПОДИНА ГОТИИ АЛЕКСЕЯ И ПЕРВЫЙ ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ КАФФОЙ И ФЕОДОРО В 1422-1423 ГГ.

История ранних лет правления владетеля Феодоро Алексея (1411-1421), его начальных внешнеполитических приоритетов и первый вооруженный конфликт между Каффой и Мангупом в 1422-1423 гг. явились предметом специальных исследований Н. Йорги, В. Василиу, Н. Бэнеску и А.А. Васильева[1]. В дальнейшем эта тема оставалась практически вне внимания специалистов, занимавшихся изучением средневекового Крыма[2]. Хотя совершенно очевидно, что без детального рассмотрения истории этого периода невозможно прийти к правильному пониманию и оценке политических событий, происходивших на полуострове в последующие годы (1424-1441), их причинно-следственных связей, о чем свидетельствуют публикации ряда авторов, совершенно не учитывавших в своих построениях его особенности[3] либо касающихся их весьма поверхностно[4].

В свое время А.А. Васильев отмечал, что первые документированные свидетельства генуэзских источников о правителе Феодоро Алексее относятся к июлю 1411 г.[5] Позднее Дж. Пистарино обратил внимание на документы Каффы, написанные нотарием городской коммуны 1410-1412 гг. Джованни Лабаино (Giovanni Labaino), которые, хотя и были частично опубликованы А. Винья ещё в XIX в., тем не менее оставались вне поля зрения исследователей[6]. В одном из них, датированном 27 июня 1411 г., говорится о том, что «господин Кириалеси из Теодоро (dominus Chirialesi de lo Tedoro) направил в качестве прокуратора[7] священника Алцеси из Теодоро (papa Alcesi de lo Tedoro)» для заключения договора с коммуной Каффы[8]. Но уже 8 июля 1411 г. (согласно записи в массарии Каффы) говорится о том, что оффициалами фактории был приготовлен подарок господину Феодоро Алексею (pro exenio facto Alecxi, domino de lo Tedoro) стоимостью в 1121 аспр[9].

Для нас более раннее указание является чрезвычайно важным, потому что может свидетельствовать о неизвестном имени предшественника Алексея. Хотя, на первый взгляд, при сравнении этих двух упоминаний генуэзских документов создается впечатление ошибочности в более ранней записи имени правителя Феодоро - «Кириалеси», вместо «кир Алексей». Но это вполне допустимое заключение требует основательно аргументированных доказательств.

Согласно высказанной логической посылке, следует считать, что нотарий (скриба) курии Каффы Джованни Лабаино, состоявший при консуле и ведший дипломатическую переписку со всеми, в том числе и правителями грекоязычных Причерноморских государств, а к ним относилась и Готия, всегда лично присутствовавший на переговорах, не знал (или записал на слух) имя владетеля Феодоро, создав нелепую по смыслу тавтологическую конструкцию: «господин (dominus), господин (кир = κύριος) Алеси» (Alesi вместо Alecxi). При этом он также должен был не знать, что греческое κύριος является латинским эквивалентом dominus и, по принятой в генуэзской латыни норме, кир (господин) писалось *ihir*, а не *chiri* и наряду с такими популярными греческими терминами, как карат (*iharat*) и коммеркий (*commerihium*), широко использовалось при составлении деловых документов на протяжении всего времени пребывания латинян на берегах Понта[10].

Если следовать в русле подобного логического заключения, то знающий латинский нотарий написал бы «dominus Alecxi» (как это сделал, например, скриба массарии уже через 11 дней (8 июля), фиксируя затраты на покупку подарка для Алексея) или «ihir Alecxi», но не «dominus chiri Alesi». Не кажется ли все это странным и некорректным (особенно, если считать Джованни Лабаино «малограмотным» нотарием, служившим в магистратуре, при которой состоял ещё скриба, умеющий хорошо писать и говорить по гречески)?

Как в таком случае быть с именами, начинающимися с литер «ih/k» - Iherihi, Ihirchin - отмеченными в массарии Каффы, даже

принимая во внимание некоторые исключения (например, Kirchin, Kirmanolli, Chirchor-Circhos, Chirasent, Chiriaxi и др.), где *ih* содержится не в самом имени, а префиксе κυρ[11]? Подобного казуса не отмечено за оставшиеся 64 года истории Феодоро. Генуэзцы ни разу за 35 лет не обратились и не назвали Алексея Chirialesi или ihir Alecxi: он для них всегда (как и его преемники) - domino (dominus) Alecxi[12].

В.П. Кирилко высказал предположение, что за именем Кириалеси может скрываться прозвище «Чёрный Алексей». Но ономастика средневекового Крыма, учитывая пребывание здесь и западно-кавказских (адыгских) элементов[13] (об этом говорит и популярность имени Iharchassius (Черкес)[14], отражённая и в топонимике как горной, так и равнинной части полуострова[15], пока изучена крайне слабо. Многое строится попросту на уровне догадок и предположений. Можно сказать только, что в перечне имен «ih/k» нет ни западноевропейских, ни греческих (Caihibec, Caihic, Calaihi, Canaihi = Canachi). Хотя, по-видимому, следует привести пример из римско-греческой ономастики первых веков н.э. Так, легат и пропретор Мезии носил имя Секста Веттуления Кериалиса. Он известен как один из четырех офицеров, участвовавших в осаде и захвате Иерусалима в 69/70 г. н.э. под командованием Тита, который затем стал первым римским губернатором Иудеи и в 74/75-78/79 гг.н.э. был отмечен жителями Херсонеса бронзовой статуей[16]. В этой связи, пока не будут найдены дополнительные источники, корректнее данное имя читать так, как оно написано Джованни Лабаино - Chirialesi (Кириалеси), оставляя его под знаком вопроса. Здесь, как и в случае ещё с одним господином Готии - Кейхиби или Чейхиби (Cheihibi)[17], какие-либо определения этно-лингвистического характера могут быть ошибочными.

Ранее, в мае 1411 г., магистраты Каффы посылают в Команию с дипломатической миссией Джорджо Торселло[18]. К кому конкретно из правителей Орды (к Едигею - Идигу?) и с какой целью он был направлен - неизвестно. Вероятно, власти Каффы проводят переговоры с ханом Тимуром (Темюром), занявшим престол в Золотой Орде в 813 г.х. (6. V. 1410 – 24. IV. 1411) после Пуллада[19], разгромившего в 1410 г. Тану. Сопоставление данных итальянского источника с известиями мусульманских авторов позволяет отнести время начала правления Тимура (сына Тимур-Кутлука и зятя Едыгея) к началу 1411 г. (до 24 апреля).

В том же году Джорджо Торселло со специальной миссией отправился в Готию, где встречался с владетелем Феодоро[20], за что ему массарией было выплачено 100 аспров[21]. В данном случае, когда неизвестна точная дата визита Дж. Торселло на Мангуп, трудно установить, с кем он из упоминаемых под 1411 г. правителей Феодоро вёл переговоры - Кириалеси или Алексеем?

А.А. Васильев, рассматривая события этого года, сопровождавшиеся довольно частым обменом послов между Феодоро и Каффой, а также принятым в таких случаях подношением даров, высказал предположение, что внимание генуэзцев в этот период было обращено к Готии в связи с началом правления Алексея: «Понимая, насколько важно поддерживать дружеские отношения с новым князем, Каффа отнеслась к нему с большим почтением»[22]. В таком случае поездка Дж. Торселло к Алексею могла состояться в июле (?) 1411 г., т.е. уже после возвращения генуэзского посла из Орды.

В одном из документов (датирован 26 августа 1411 г.) сообщается о выплате некоторой суммы посланцу «к Алексею» (при этом его имя не указано)[23]. Осенью того же года (24 октября) в Каффе находился Кеассий, прибывший от господина Феодоро: массарией фактории ему было ассигновано 50 аспров и еще 260 аспров выплачено за одеяние, которое получил посол[24].

В последующие девять лет генуэзские источники не отмечают каких-либо активных политических контактов между Каффой и Феодоро. Вполне вероятно, что этот пробел обусловлен отсутствием опубликованных документов или их утратой. Например, в составе так называемого Секретного архива Генуи - Diversorum Filze - в двух «связках» содержатся соответственно документы за 1375-1398 и 1420-1477 гг., а период 1399-1419 гг. совершенно не отражен в собрании[25]. Видимо, только поэтому в 1420 г. (запись сделана 24 сентября) массарии Каффы фиксируют затраты средств на пир в честь приёма посла от господина Феодоро[26].

По всей видимости, начало активных контактов между феодоритами и генуэзцами во второй половине 1420 г. не было случайным. В консулат Манфредо Саули (1420-1421) Каффа из-за неурожая в Северном Причерноморье остро нуждалась в поставках продовольствия на рынки города. Поэтому Саули стремился

поддерживать мирные отношения как с ханом[27], так и с правителем Феодоро Алексеем. Петиция Джорджо Конте (датирована 3 и 28 сентября 1442 г.) достаточно ярко обрисовывает реальное положение, сложившееся в то время в столице генуэзской Газарии: «В консульство Манфредо Саули в Каффе была не просто нехватка зерна, но настоящий голод, так что значительная часть населения питалась скорее травой, чем хлебом»[28].

Свидетельство итальянского источника подтверждается и данными русских летописей, которые отмечают под 1420 г. первоначально засуху («Меженина»), а затем и рано наступившую зиму (в середине сентября пошел снег и в течение трех дней покрыл землю слоем в «4 пяди» из-за чего урожай остался неубранным: «<…> а всякое жито под снег полегло»); наступившая оттепель («<…> вся же зима тепла бысть вельми»), вызвала вспышку эпидемии («<…> мор бысть силен по всей земле Русской», «И тако вымроша, яко жита без жати некому <…>»), а затем продолжительный голод[29].

Неблагоприятные погодные условия на протяжении нескольких лет (1420-1423) в Восточной Европе вызвали голод, массовые заболевания и гибель населения. По-видимому, в этом контексте следует рассматривать торжественный приём посла Алексея в Каффе 24 сентября 1420 г. и пребывание в начале следующего года в Готии (согласно документам массарии Каффы, 7 января 1421 г. для этой цели выделено 200 аспров) в сопросождении 5 оргузиев представителя генуэзской фактории - Джорджо Вакка[30].

Рассматриваемый период (1420-23 гг.) был достаточно сложным для генуэзской Газарии и ознаменовался изменением военно-политической обстановки в Причерноморском регионе. После похода каффинского флота на Трапезунд в 1417 г.[31] на протяжении нескольких лет не отмечается военной активности со стороны лигурийской фактории. Наоборот, всякие спорные вопросы оффициалы Каффы стремятся урегулировать путём переговоров[32].

Важные перемены произошли в это время в Орде[33]. Гибель Идике (Едыгея) в 1419 г.[34] и смерть Кадыр-Берди (1420) дала возможность после некоторого перерыва, осенью 1421 г.[35] занять ордынский престол ставленнику Витовта (1392-1430) Улу-Мухаммеду, с именем которого в Каффе производится чеканка новых и надчеканка старых монет[36].

На фоне общей политической нестабильности, отмечаемой источниками для начала 20-х гг. XV в. в Северном Причерноморье, между Каффой и Феодоро возникает та напряженность отношений, которая предваряет начало противостояния, в конечном итоге завершившегося вооруженным конфликтом.

Из контекста последовавших за этим событий становится ясно, что яблоком раздора между ними выступала прибрежная часть Готии (так называемая «riparia marina Gotia») и Чембало. А.А. Васильев считал, что война между правителем Феодоро Алексеем и Каффой началась в 1422 г.[37] Данный вопрос требует дополнительной хронологической корректировки, потому что имеющиеся источники, скорее, демонстрируют активную подготовку обеих сторон к войне, апогеем которой явился 1423 г., когда феодоритам на очень короткий срок удалось захватить Чембало. При этом совершенно необоснованным было предположение исследователя о вовлечении Хаджи-Гирея в данный кофликт на стороне владетеля Мангупа: «…поэтому втянутый в войну с Генуей Алексей был уверен если не в действенной поддержке хана, то хотя бы в его дружеском нейтралитете, что было чувствительной помощью для него»[38]. А его заключение, что «в отношении Чембало Алексей был слепым орудием в руках Хаджи-Гирея»[39], до настоящего времени не подтверждено какими-либо источниками. Первое активное участие Хаджи-Гирея в политических событиях Газарии относится только к 1433/34 гг., т.е. времени второй военной кампании.

Наиболее реальной причиной конфликта между Алексеем и Каффой, по-видимому, можно считать стремление набирающего силу молодого государства получить выход к морю для участия в международной торговле. Этому явно препятствовало закрепление генуэзцев в ряде стратегически и экономически важных пунктов, расположенных на побережье Готии (Луста, Партенит, Гурзуф, Ялита) и в Чембало.

Открытые военные действия, по-видимому, были начаты осенью (в сентябре или в самом начале октября?) 1422 г., потому что 9 октября массариями Каффы выделяется 16460 аспров для «заготовки продовольствия и защиты нашего города Чембало и всей Готии по случаю войны с господином Феодоро Алексеем»[40]. 31 октября

и 9 ноября коммуной расходуются средства на доставку продовольствия в город Лусту (in Lusce loco) и за организацию этих поставок выплачивается вознаграждение в 45 аспров[41].

Однако, судя по всему, отношения между феодоритами и генуэзцами к этому времени ещё не достигли пика конфронтации. Об этом позволяет говорить письмо от Алексея, полученное в конце ноября 1422 г. магистрататами Каффы (29 ноября массариями выплачено 12 аспров «для грека, принесшего письмо от Алексея»)[42].

Таким образом, насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении письменные свидетельства, до октября (?) 1422 г. военные действия между Феодоро и Каффой ещё не велись. В этой связи интересно сопоставить известия нарративных источников с материалами археологических исследований, проводившихся в 80-90-х гг. XX в. на территории генуэзской Лусты и у селения Фуна (расположено в 8 км к северу от Алушты на западном склоне г. Демерджи)[43]. Вероятно, в это время (1422 г.) феодориты в спешном порядке возводят укрепление Фуна. Есть также основания предполагать, что примерно в то же время (во второй половине 1422 - первой половине 1423 г.) Алексей начинает строительство порта и крепости в Каламите, которая могла быть использована как плацдарм для нападения на Чембало. Кроме того, в ходе археологических разведок последних лет материалы XV в. выявлены ещё на трёх укреплениях Южнобережья, расположенных в нескольких километрах от моря, у горных дорог, ведущих к перевалам: в селении Запрудное (б. Дегерменкой = Милляри), на скале Гелин-Кая (б. Кизил-Таш, ныне с. Краснокаменка) и в Ялтинской котловине в верховьях р. Учан-Су.

Обращает на себя внимание топография данных памятников. Все они располагаются выше приморских пунктов, принадлежавших на побережье генуэзцам: над Партенитом – Дегерменкой, над Гурзуфом – Гелин-Кая, над Ялитой – Учансу-Исар. Это позволяет высказать предположение, что Алексеем перед началом военных действий на территории приморской Готии возводится четыре укрепления (Фуна, Дегерменкой, Гелин-Кая, Учансу-Исар), которые по его стратегическому замыслу служили плацдармами для нападений на подчиненные генуэзцам города и селения Готии (Лусту, Партенит, Гурзуф, Ялиту). Более уверенно об этом можно будет говорить только после проведения дополнительных раскопок на данных объектах[44].

В ответ на эти действия генуэзцы восстанавливают частично разрушенные ещё в 1278 г.[45] при штурме Алушты (Лусты) монголами оборонительные стены византийского периода. По-видимому, в начале 20-х гг. XV в. эти работы не были ограничены реставрацией обветшавших стен цитадели VI в. В момент возникновения реальной военной опасности создаётся внешний пояс крепостных стен, что позволило увеличить защищённую часть города на 0,70 га. Открытые в ходе раскопок прясла южной (7,3 м) и восточной (37,5 м) куртин (их ширина соответственно составляла 2 и 1,60 м) сооружались без какой-либо инженерной подготовки рельефа склона и не имеют фундаментов. К тому же южная стена оказалась сложенной на грязевом растворе[46]. Слабость данной фортификационной конструкции очевидна. Поэтому в 60-е гг. XV в., когда полностью перестраивается внешний периметр обороны генуэзской Лусты, она была частично разобрана.

Насколько позволяют судить письменные свидетельства, кульминация противостояния между Феодоро и Каффой приходится на 1423 г., хотя и в это время генуэзцы предпринимают попытку избежать прямого столкновения с Алексеем и не допустить вовлечение в конфликт Улу-Мухаммеда. Именно в такой плоскости можно рассматривать миссию посла наместника Солхата. Из финансовых документов Каффы известно, что в течение двух дней (26 и 27 марта) по приглашению (?) консула Джероламо Джустиниани Монелья в городе находился некий «сарацин» по имени Бексада[47]. В ходе переговоров с магистратами города, очевидно, возникла конфликтная ситуация, свидетельством чему служит содержание записи в книге массарии: «27 марта за одну пощёчину, данную сарацину Бексаде, послу господина Сурхата, направлявшегося к Алексею, господину Феодоро, [и] за два дня [пребывания выдано] 100 аспров»[48].

После завершения переговоров в Каффе 28 марта Бексада направился к Алексею. Но дальнейшие события не дают основания говорить, что «посредничество» (судя по всему, симпатии татар находились на стороне феодоритов, о чём свидетельствуют генуэзские источники 1424 г.) наместника Солхата (главы

рода Ширин - Тягини?) привело к примирению противоборствующих сторон, как это предполагал А.А. Васильев[49].

Весной 1423 г. генуэзцами снаряжаются три корабля против Алексея[50]. Так, в начале марта была оснащена галеотта в связи с состоянием войны с господином Теодоро[51], а 11 числа того же месяца на новое вооружение бригантины отпущен из казны 881 аспр[52]. 8 мая были оплачены расходы (9313 аспров) на «<…> вооружение галеотты, патроном которой являлся граждинан Генуи Марко Спинола [де Лукуло] [и предназначавшейся] для безопасности [побережья между] Чембало и Солдайей ввиду [состояния] войны с господином Феодоро <…>»[53]. Несколько позднее (точная дата в источнике не указана) по постановлению (jussu) консула и военной коллегии Каффы (Officium Guerre Caffensis) к Каламите (locum Calamithe) для патрулирования вдоль побережья направляется корабль (navi) Негрони ди Негро (Negroni de Nigro)[54]. Вероятно, в это же время в Каламите пытаются закрепиться феодориты, начавшие возведение крепости (?).

Выделяются и дополнительные средства на усиление гарнизона Чембало. В октябре массариями Каффы отпущено 16460 аспров для обеспечения необходимым «<…> продовольствием и охраной нашего города Чембало и всей Готии, ввиду войны с Алексеем, господином Феодоро<…>»[55]. 9 октября выплачено еще 27850 аспров на ведение войны с владетелем Мангупа[56]. В тот же день Фредерико Спинола, вступивший в исполнение обязанностей консула Каффы (до этого он был массарием), отправил в Геную донесение, в котором Алексей назван «ribelis Communis Caffe»[57] (т.е. «поднявший (организовавший) бунт (мятеж) против Коммуны Кафы»[58].

Однако, как оказалось, предпринятых оффициалами Каффы мер оказалось недостаточно и феодоритам удаётся на некоторое время захватить Чембало. Точная дата этого события нам неизвестна. Вероятнее всего это произошло в конце осени 1423 г. (т.е. во время, когда наиболее затруднительна из-за сильных штормов навигация у берегов Крыма). По крайней мере, генуэзские источники фиксируют наибольшее напряжение отношений осенью 1423 г., в момент ведения боевых действий между враждующими сторонами.

Благодаря энергичным действиям Пьетро Джовани Майнерио генуэзцам удалось вскоре вернуть Чембало под свою власть. Успешная дипломатическая деятельность «благородного и мужественного человека», столь отличившегося «в войне против Алексея и Феодоро, упорно защищавшего и освобождавшего Чембало», была высоко оценена в метрополии. За заслуги перед коммуной города ему специальным распоряжением (датировано 1 марта 1424 г.) губернатора Генуи Франческо Кармагнолья (Franciscus dictus Carmagnola), Советом Старейшин и Оффицией Романи пожалована почётная должность депутата Каффы с ежемесячной выплатой жалованья в размере одного соммо[59].

Как показывают приведённые выше свидетельства письменных источников, первый вооруженный конфликт между Каффой и Феодоро приходится на осень 1422 - осень 1423 г. Начальная фаза военных действий зафиксирована появлением в генуэзских документах, указывающих на причины понесенных финансовых расходов, фразы «occaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro», которая впервые встречается в записи массарии 9 октября 1422 г.[60], а финальная - относится к осени 1423 г.[61]

Таким образом, открытое военное противостояние сторон хронологически ограничено пределами одного года, так как в более поздних документах о войне с Алексеем говорится, как о недавнем прошлом[62]. В. Василиу считала, что первая война между Каффой и Феодоро закончилась в 1426 г.[63], но этому противоречат предоставленные выше свидетельства генуэзских документов.

Обращает на себя внимание то, что основные даты событий (1422-1424 гг.) совпадают с началом или завершением правления того или иного консула Каффы. Так, после Манфредо Саули (его консулат приходился на 8. 07. 1420 – 7. 07. 1421 гг.) должность консула исполнял Антонио Маруффо (с 7. 07. по 9. 10. 1422 г.). Это время нарастания напряженности в отношениях между противоборствующими сторонами, завершившееся началом открытых военных действий за обладание Готией и Чембало. 9 октября 1422 г. к исполнению обязанностей консула приступил Джероламо Джустиниани Монелья, которого в октябре 1423 г. сменил Фредерико Спинола ди Луколи. То есть на правление Джероламо Джустиниани приходится период открытых военных действий

между Каффой и Феодоро, а их финал и урегулирование конфликта - на консулат Фредерико Спинола (октябрь 1423 - октябрь 1424 г.) и его преемника Пьетро Фьески.

В свое время М. де Канале, а вслед за ним В.Н. Юргевич считали, что консулами Чембало в 1423-1424 гг. являлись Пеллегро ди Молассана и Бонамико ди Монлеоне[64]. Однако, согласно документу от 29 марта 1424 г., обязанности консула и кастеллана Чембало исполнял Даньяно Грилло[65], время консулата которого и Канале, и Юргевич относили к 1420 г., что, по-видимому, не соответствует действительности (если не предполагать его повторное назначение на эту должность). В таком случае эпизод захвата феодоритами Чембало приходятся на консулат Даньяно Грилло (9 октября 1423 - 9 октября 1424 г. ?).

В целом же следует отметить, что генуэзские источники, несмотря на кажущуюся многочисленность, весьма скупо освещают (без какой-либо детализации) события конфликта 1422-1423 гг. Они только в общем дают его географию (от Каламиты до Солдайи), хотя средства выделяются только на усиление обороны Лусты, Чембало и «всей Готии», за которые в основном и велась борьба. Остаются неясными повод, причины и ход военных действий.

Как уже отмечалось выше, неблагоприятные погодные условия на протяжении нескольких лет (1420-23 гг.) в Восточной Европе вызвали голод, массовые заболевания и гибель населения от эпидемии. Вероятно, в этом контексте следует рассматривать приём посла Алексея в Каффе 25 февраля 1420 г. и пребывание в начале следующего года (7 января 1421 г.) на Мангупе представителя коммуны Каффы - Джорджо Вакка. По-видимому, к этому времени относится изменение прежней прогенуэзской ориентации Алексея (1411-1420 гг.) на сближение своих внешнеполитических интересов с Венецией и Трапезундом[66]. В дальнейшем, на протяжении последующих 25 лет (1421-1446 гг.), владетель Мангупа занимает крайне жёсткую антигенуэзскую позицию, приводившую к вооружённым столкновениям между Феодоро и Каффой.

Весной 1423 г. (конец марта – начало апреля) правитель Солхата, вероятно, предпринимает попытку остановить дальнейшее развитие конфликта и направляет сначала в Каффу, а затем в Феодоро своего представителя Бексаду, миссия которого не привела к примирению сторон. Не позднее второй половины декабря 1423 г. военные действия, по-видимому, были прекращены, потому что уже в одном из документов от 1 февраля 1424 г.[67] (об этом более подробно будет сказано ниже) говорится о достигнутом примирении с Алексеем[68].

В ходе подготовки к войне за обладание Готией Алексей возводит укрепления в селениях Фуна, Милляри (Дерерменкой), Гелин-Кая, Учансу-Исар и Каламите. Это вынуждает оффициалов Каффы усилить оборону Лусты, побережья Готии и Чембало.

Таким образом, война 1422-1423 гг. не была для правителя Мангупа столь бесплодной, как это считал А.А. Васильев[69]. Результатом её было: не достигнув закрепления своей власти над Чембало, Алексей воздвиг порт и крепость в Каламите. Феодориты добились выхода к морю в одном пункте, хотя ими, по всей видимости, намечался захват Лусты и Чембало – именно на усиление обороны этих двух крепостей генуэзцы выделяли основные средства. В качестве плацдарма для захвата Лусты могла быть использована Фуна, а для завоевания Чембало – Каламита.

С этого времени Каламита становится единственным портом, через который Алексей поддерживал связи и торговал с Трапезундом, Синопом, Венецией, Молдавией и другими причерноморскими и средиземноморскими государствами. Строительство порта и крепости в устье р. Чёрной генуэзцы рассматривали как грубое нарушение их монопольного права на владение побережьем Готии и торговли на Чёрном море, что в дальнейшем неоднократно становилось поводом не только для осложнения дипломатических отношений, но и вооруженных конфликтов.

Возвращаясь к событиям первой военной кампании 1422-1423 гг., следует признать, что если имеющиеся в нашем распоряжении источники дают возможность, хотя бы в общих чертах, воссоздать политическую обстановку в Газарии, предшествующую началу вооруженного конфликта между Каффой и Феодоро, и в некоторой степени отвечают на вопрос о мотивах его возникновения, то причины внезапного прекращения войны в ноябре - первой половине декабря 1423г. (?) остаются не до конца выясненными.

В действительности трудно объяснить, почему Алексей, явный инициатор эскалации

вооружённого столкновения с генуэзцами, добившись очевидного успеха (феодоритами на непродолжительное время был занят Чембало, им на территории прибрежной Готии создаётся сеть опорных пунктов, попытка латинян заставить греков покинуть (?) Каламиту закончилась провалом), в конце концов (к началу – середине декабря 1423 г. ?) вынужден был вернуться на исходные позиции[70]. Причём владетель Феодоро обращает свою неуёмную энергию не на войну, а на строительство в столице дворца, оборонительных стен, цитадели и фамильной церкви (1425-1427 гг.). Для осуществления столь значительной строительной программы требовались немалые средства, которыми Алексей явно обладал, т.е. война 1422-23 гг. не истощила его финансовых возможностей. В это же время генуэзские источники отмечают хроническую задолженность коммуны Каффы перед Банком Сан-Джорджо и другими кредиторами. В последующие годы (во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XV в.) и генуэзцы ведут строительство в Солдайе и Чембало, но это представляется только как крайне необходимая мера безопасности (в особенности для Чембало).

Занимаясь детальным изучением фортификационных сооружений Фуны, В.П. Кирилко обратил внимание на то, что оборонительные стены первого периода существования крепости несут на себе следы деформаций, которые могли быть вызваны не военными действиями, а исключительно сейсмическими подвижками[71]. Стратиграфические и архитектурные наблюдения указывают на то, что наиболее пострадали сооружения, располагавшиеся на северо-восточном участке обороны замка. На значительном отрезке восточной куртины произошло продольное расслоение кладки с потерей до основания внешнего панциря конструкции (стена на протяжении 13,5 м опрокинулась наружу). О её моментальном падении на всю высоту свидетельствует слой деструктированного известкового раствора, образовавшийся после выборки строительного камня из завала. Протяжённость этого слоя (его толщина по всей площади залегания достигала 0,25-0,30 м) от основания стены составляет 7,5-8 м, что, по-видимому, соответствует её полной высоте[72].

Деструктивные процессы в кладке, формирующей северную линию обороны, достигли такого уровня, что здесь первоначально с наружной стороны были возведены поддерживавшие её контрфорсы, но, вероятно, это не дало ожидаемого результата стабилизации всей конструкции, и она была разобрана почти до основания. По всей видимости, частичному разрушению подверглась квадратная башня, что потребовало впоследствии произвести утолщение её стен почти вдвое (первоначально она достигала 0,90 м).

На сохранившемся участке восточной куртины произошло отклонение от вертикального положения в наружную сторону (отрицательный уклон составил более 30°). Данная деформация особенно чётко видна в местах примыкания к стене более поздних сооружений различного назначения: аркосолия храма, кордегардии и трапециевидной башни, замкнувшей северную и восточную линию обороны. Поверхности откосов потерны получили винтовое искривление[73].

Весьма существенным хронологическим показателем, отмеченным исследователем в ходе архитектурно-археологического обследования памятника, является то, что разрушения и повреждения, ввиду отсутствия разрывов лицевых поверхностей кладок в местах наибольших деформаций, наступил в тот момент, когда кладочный раствор оборонительных стен ещё не успел набрать достаточной прочности и утратить присущую ему пластичность[74]. Характерные диагностические признаки[75] позволили прийти к заключению, что основной причиной выявленных в ходе раскопок деформаций и разрушений, обусловленных утратой крепостными сооружениями замка статического равновесия, стало сейсмическое событие, которое по интенсивности воздействия сопоставимо с ялтинским землетрясением 1927 г.[76], когда (12 сентября) обрушился свод и две стены фунского надвратного храма[77], возведенного в 1459 г.[78]

В свое время А.А. Никонов, занимаясь изучением палеосейсмических явлений Причерноморского региона (при этом им были использованы отрывочные сведения записок путешественников XIX в., материалы местного фольклора – легенда об Аю-Даге[79], а также данные архитектурно-археологических исследований), пришёл к выводу, что в XV в. в Крыму произошло катастрофическое по своим

последствиям землетрясение силой около 9 баллов, отнесённое им к Ялтинской очаговой зоне[80]. Если первоначально А.А. Никоновым была предложена дата - 1471 г.[81], то позднее без какой-либо дополнительной аргументации он относил это событие к 1427 г. (или 1427 ± 10 лет)[82]. Следует отметить, что исследователем при изучении фортификационных сооружений Каламиты были сделаны интересные наблюдения, выявившие деформации, произошедшие в результате землетрясения интенсивностью не менее 9 баллов[83]. Однако, достаточно точно определив причину деформаций оборонительной системы Каламиты 20-х гг. XV в., исследователь, желая найти следы севастопольского землетрясения середины XVII в., связывал выявленные деструктивные изменения стен с этим событием, основываясь на авторитетном заключении А.Л. Бертье-Делагарда о существенной реконструкции фортификационных сооружений Инкермана (Каламиты) при османах в конце XVI или в самом начале XVII в.[84]. Предложенная А.А. Никоновым датировка вызывает большие сомнения по той причине, что генуэзцы, захватив Каламиту 10 июня 1434 г., сожгли крепость до тла (следы этого пожара ещё и сейчас видны на внутренней стороне башни № 2), а вскоре вынуждены были приступить к её восстановлению[85]. Причём предпринятой лигурийцами реконструкции северо-западной линии обороны явно предшествовали строительные мероприятия, обусловленные необходимостью устранения негативных последствий землетрясения[86]. Именно до 10 июня 1434 г. с внешней стороны к поврежденной куртине для придания ей большей устойчивости была пристроена башня № 2, а с внутренней - подпирающая её стена.

Ещё одним объектом, на котором проводились значительные по площади раскопки, является средневековая Луста. Явных следов каких-либо деформаций, вызванных сейсмическим воздействием, здесь вроде бы не выявлено. Правда до настоящего времени остался невыясненным вопрос, что явилось причиной полной перестройки генуэзцами во второй четверти - середине XV в. северо-западного участка оборонительной стены цитадели (его протяженность более 30 м), возведённой ещё при Юстиниане I (527-565). Новая куртина была установлена на довольно крутом склоне, что потребовало при строительстве произвести специальные работы по его нивелировке, уничтожив все более ранние культурные напластования. В связи с этим можно высказать предположение о значительных разрушениях ранневизантийской стены, произошедших также в момент землетрясения конца 1423 г. (?).

Возможные масштабы разрушений от землетрясения, состоявшегося предположительно после 9 октября, но не позже середины декабря 1423 г.[87], в некоторой степени реконструируют статистические данные, собранные после 26 июня и 12 сентября 1927 г. [88]

В целом, в 1927 г. на всём протяжении побережья (от Фороса на западе до Туака на востоке) разрушения и повреждения зданий были значительны. В это же время в Феодосии и Судаке общая ситуация оказалась намного благополучней, а в Балаклаве повреждения строений в основном состояли из трещин в кладках стен вторых этажей и в перемычках. «На Генуэзской крепости не упал ни один камень и даже неустойчивые по виду руины прекрасно выдержали испытание. С береговых скал у входа в бухту упала небольшая глыба»[89].

Отдавая отчёт в большой доле условности подобных интерполяций, всё-таки позволю себе предположить, что последствия землетрясения 1423 г. могли быть более значительными по своим негативным последствиям, чем сейсмические катаклизмы 1927 г. При этом необходимо учитывать и специфику религиозной ментальности средневекового населения горного Крыма (Готии), пережившего, по-видимому, серьезное психическое потрясение от впервые увиденного им и необычайного по своим масштабам природного явления[90], когда (согласно данным легенды об Аю-Даге), поднявшимися волнами было смыто несколько деревень, образовались глубокие овраги и ущелья, «рушились с грохотом скалы и целые горы, рассыпая далеко вокруг груды осколков»[91].

В действительности столь знаменательное событие должно было найти отражение не только в преданиях и легендах, но, прежде всего, в генуэзских письменных источниках (донесениях консула и массарии), которые до настоящего времени не выявлены. По-видимому, это дело будущего. В случае открытия документов, содержащих сведения о землетрясении (perturbationes terrenae) времени первого вооруженного конфликта между Каффой

и Феодоро (1422-1423 гг.), удастся определить точное время катастрофы и размеры её реальных последствий[92]. Как бы то ни было, но данная гипотеза остаётся пока единственной, способной объяснить внезапное прекращение войны и последовавшее затем беспрецедентное (для первой половины XV столетия) по своим масштабам строительство, которое велось на территории Готии, явно незатронутой конфликтом 20-х гг. XV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Jorga N. Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades au XV siĉcle // ROL VII. - Paris, 1899, p. 21-39; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea // Monographs of the Mediaeval Academy of America. N 11. - Cembridge, Massachusetts, p. 200-205; Vasiliu V. Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimée au XVe siècle a l'occasion d'un nouveau document // Mélanges de l'Ecole Roumaine en France. Première partie. - Paris, 1929, p. 229–336; Banescu N. Contribution a l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangoup en Crimée // BZ 35. – 1935, s. 20-37.
2. Карпов С.П. Причерноморье в XV веке по материалам собрания Diversorum, Filze Секретного Архива Генуи // Причерноморье в средние века II. - М., 1995, с. 17, прим. 34.
3. Чиперис А.М. К истории Чембальского восстания // УЗ Туркменского гос. университета XIX. - 1961, с. 291-307; Филиппенко В.Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана // ХСб. VII. - Севастополь, 1996, с. 146-149.
4. Иванов А.В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // ХСб. VIII. - Севастополь, 1997, с. 46-48.
5. Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 201.
6. Pistarino G. Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero // Byzantino-Bulgarica. VII. Bulgaria Pontica Medii Aevi. Premier symposium international. Nessèbre, 23 - 26 mai 1979. - Sofia, 1981, p. 62.
7. Надо полагать, что здесь под «прокуратором» (лат. – procurator) подразумевается «представитель», «поверенный», «уполномоченный».
8. Pistarino, Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero…, p. 62.
9. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 21; Vasiliu, Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimée…, p. 303-306; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 201.
10. Пономарёв А.Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги-массарии казначейства за 138-1382 гг. // Причерноморье в средние века IV. - М., 2000, с. 346-347.
11. Там же, с. 347, прим. 46.
12. Следует также отметить некоторое сходство в звучании имени Кирилеси с рядом топонимов окрестностей Мангупа: долина, простирающаяся к северу от средневекового города – Каралезская; сёла, расположенные здесь, Юхары-Каралёз и Ашага-Каралёз (Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793-1794 годах // Научное наследство 27. - М., 1999, с. 64-66). Происхождение топонима Каралёз (Каралес) П.С. Паллас связывал с именем Кара-Иляз (т. е. Черный Илья) (Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthaltferschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. - Leipzig, 1801, s. 104-109). При этом он отмечал наличие имени Καρα' Ιυοσοφ у поздневизантийских писателей (Cara Jusuf, id est niger Jsephus) (Кеппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. - СПб., 1837, с. 249; Pallas, Bemerkungen auf einer Reise…, s. 109). Однако столь «прямолинейная» интерпретация в формообразовании Chirialesi = Кириалеси = Кара = Ильяс не выглядит убедительной, потому что нотарий-латинянин (с ономастикой народов Причерноморья лигурийцы были хорошо знакомы с 70-х гг. XIII в.) написал бы Chara (Chera, Kera) – Ellias (как, например, Cara, Caram, Keracia, Keribegi, Kerihi, Kera Erigni, Caraiha и т.д.) (Пономарёв, Территория и население генуэзской..., с. 347, 374).
13. Мыц В.Л. О пребывании «черкесов» в Крыму // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов конференции. - Симферополь, 1991, с. 81-82; Кирилко В.П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum-plus 6. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999, с. 139-140; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. - Екатеринбург, 2001, с. 74.
14. Пономарёв, Территория и население генуэзской Каффы..., с. 347.
15. Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. - К., 2003, с. 163; Бубенок О.Б. К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Боспорские чтения. V. - Керчь, 2004, с. 30-31.
16. Трейстер М.Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй // ХСб. X. - Севастополь, 1999, с. 122-123, кат. 5(26).
17. Assini A. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero // Romania Orientale 12. – 1999, p. 15.
18. «pro Georgio Torsello, transmisso in Comania <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 25; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 202, n. 3). Х.-Ф.Байер, на мой взгляд, неверно интерпретирует топонимический анахронизм, отраженный в латинском источнике и представленный в форме «Комания» (т.е. Дешт-и-Кипчак = «Половецкая степь»), произвольно заменяя его на Готию: «… Название «Комания» любопытно в то время. Мы помним, что аль-Идриси в XII в. локализовал район куман между Ялтой и Херсоном (см. гл. 11), так что, возможно, топонимом «Comania» обозначено нечто иное, как Готия» (Байер, История крымских готов…, с. 206).
19. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада

империй X-XVI вв.). - М., 1996, с. 525.

20. «<...> pro Georgio Torsello, misso ad dominum Teodori <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 22).
21. Ibid., p. 22.
22. Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 202.
23. «<...> pro quondam nuncio Alichssi <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 22; Байер, История крымских готов…, с. 206; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 201, n. 6).
24. «<…> pro Cheaassi, nuncio domino de lo Tedoro <…> asp. L., <…> pro una gauba data nuncio misso domino de lo Tedoro in Caffam, asp. CCLX» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 22; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 202, n. 2). По мнению Х.-Ф. Байера, «Необычное имя намекает на то, что он, пожалуй, был аланом (асс)» (Байер, История крымских готов…, с. 206).
25. Карпов, Причерноморье в XV веке..., с. 9-11.
26. «<…> pro convivio facto ambassiatori domino de lo Tedoro <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 25; Байер, История крымских готов…, с. 206; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 202, n. 42).
27. Карпов, Причерноморье в XV веке…, с. 14.
28. Он же. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века III. - СПб., 1998, с. 35.
29. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. - М., 1988, с. 289-290.
30. «<…> pro Georgio Vacha, misso in Gotia cum orguxiis <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 26). Л. Баллетто сравнительно недавно опубликовал документ (датирован 18 февраля 1426 г.), содержащий прошение горожанина Каффы Джорджо Вакки (Georgio Vaca, burgense Caffe) о назначении на должность оргузиев двух жителей города («<…> pro duobus horgusiis civitatis <…>» (Balletto L. Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424 – 1428) // Universita degli studi di Genova sede di acqui terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino 6. - Ginova, 2000, p. 129-130. Doc. 113)).
31. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. - М., 1981, с. 106-107; Он же. Причерноморье в XV веке…, с. 12; Karpov S.P. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204-1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. - Roma, 1986, p. 158-159.32.
33. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII-XV вв. // МАИЭТ X. – Симферополь, 2003, с. 522.
34. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. - СПб., 1884, с. 532-533.
35. Он же. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. Т. II. - М.-Л., 1941, с. 196.
36. Северова М.Б. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старо-Крымской археологической экспедиции) // СГЭ LIV. - Ленинград, 1990, с. 44-45.
37. Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 202.
38. Ibid., p. 202.
39. Ibid., p. 206.
40. «<…> expense facte et fiende in provisione et custodia loci nostri Cimbali et totius Gottie, occaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 28; Banescu N. Peut-on identifier ei Zamblacus des documents ragussins? // Mélanges Charles Diehl. I. - Paris, 1930, p. 35; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 202).
41. «<…>expense facte et fiende in [cum] domino de lo Tedoro, occaxione loci Lusce, gui portavit certos homines promissos in Lusce loco <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 28).
42. «<…>pro quodam Grecho, qui portavit litteras ab Alexio. asp. XII» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 28; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 203; Байер, История крымских готов…, с. 206).
43. Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. - Киев, 1988, с. 97-113; Он же. Укрепления Таврики X-XV вв. - Киев, 1991, с. 150-152; Кирилко В.П., Мыц В.Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика. - Киев 1991, с. 147-170.
44. Подробнее о так называемых «системах» укреплений см.: Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. - Киев, 1974, с. 44-46; Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. – Новосибирск, с. 61-204; Мыц, Укрепления Таврики…, с. 19-20.
45. Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. – Тезисы Международной конференции. - Симферополь, 1997, с. 66.
46. Мыц В.Л. Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України (до 600-річча битви на Ворсклі 1399 року). № 1. - Полтава, 2002, с. 107-112.
47. «die XXVII Marcii, pro una alafa data Bexada Saraceno, ambassiatori dominorum Surchatensium, qui ivit ad Alexium, dominum Teodori, pro duabus diebus. asp. C» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 30).
48. Байер, История крымских готов…, с. 207, прим. 601.
49. Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 204.
50. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 27, 29; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 203, n. 7; Байер, История крымских готов…, с. 207.
51. «<…> Galeota que nuper reparatur <…>, ocaxione guerre domini de lo Teodoro <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 29).
52. «<…> Brigantinum nuper armatum, ocaxione domini de lo Todoro <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 27).

53. «Galeota patronizata per Marchum Spinulam, cives Jnuensem, armata <…> occaxione guerre domini de lo Tedoro et securitate Cimbali et Soldaie <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 29; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 203, n. 7; Байер, История крымских готов…, с. 207).
54. Постановлением от 23 января 1426 г. правительством Генуи консулу, массариям и Оффиции Продовольствия Каффы предписывалось принять меры по компенсации затрат, понесённых нобилем Негрони ди Негро «во время войны, которая велась между коммуной Каффы и господином Феодоро» («<…> tempore vigentis guerre inter comune Caffe et dominum de lo Thedoro <…>» (Jorga, Acte si fragmente cu privire la istoria Romanilor…, p. 314; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 203; Banescu N. Archives d'Etat de Genes. Officium Provisionis Romanie // Revue des études sud-est-européennes V. – 1967, p. 260, n. LXXXVII; Balletto, Liber Officii Provisionis Romanie..., p. 113-114. Doc. 96; Байер, История крымских готов…, p. 207)).
55. «<…> expense facte et fiende in provisione et custodia loci nostri Cimbali et totius Gotie, occaxione guerre Alexii, domini de lo Teodoro <…>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 31). Следует обратить внимание на то, что примерно такая же сумма (16800 аспров) расходовалась ежегодно на выплату жалованья 7 социям (socios septem), охранявшим замок св. Николая в Чембало (Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер. и коммент. В.Н. Юргевича // ЗООИД V. - 1863, с. 786).
56. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 29; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 203.
57. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 31.
58. См.: Байер, История крымских готов…, с. 207. Васильев переводил данный фрагмент: «соперник коммуны Кафы» (Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 203), что, на мой взгляд, значительно «смягчает» характеристику действий владетеля Феодоро и происходивших тогда реальных событий.
59. «Cum attentis virtute et meritis viri probi Petri Johannis Maynerii condam Andree, precarissimi civis nostri, necnon laboribus magnis per eum passis in guerra contra Alexium de Theodoro pro defensione et liberatione loci Cimbali, eum elegerimus et deputaverimus in unum ex sociis summum percipientibus in Caffa pro eo tempore quo residenciam faciet illis in partibus, et pluri et minori tempore ad nostrum beneplacitum et mandatum, cum salario et stipendio unius sommi sibi mense singulo integre persolvendi <...>» (Balletto, Liber Officii Provisionis Romanie…, p. 18-19, doc. 12; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 207).
60. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 28; Banescu, Peut-on identifier ei Zamblacus…, p. 35, n. 1; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 202.
61. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades…, p. 29; Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 203.
62. Jorga, Acte si fragmente…, p. 361.
63. Vasiliu, Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimee…, p. 305–306.
64. Юргевич В.Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД V. - 1863, прим. 131; Canale M.C. Commentari storici della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri I. - Genova, 1855, p. 297.
65. Данный документ представляет собой распоряжение губернатора Генуи (Франческо Кармагнолия), Совета Старейшин и Officium Provisionis Romanie, из которого мы узнаем об обращении Даньяно Грилло (Dagnanus Grilus) с жалобой (conquestus) по поводу того, что он одновременно вынужден был исполнять должности консула и кастеллана Чембало (cum alique fuerit cosul et castellanus Cimbali), а это было весьма обременительно для него. И к тому же массарии Каффы не оплачивали ему за оффицию кастеллана 12 соммо (sommos argenti duodecim). Внимательно рассмотрев жалобу Даньяно, правительство метрополии приказывает консулу и массариям Каффы компенсировать ранее не выплаченную ему зарплату кастеллана и на будущее продолжать платить за занимаемую им должность исправно даже «в мирное время» (in pace) (Banescu N. Archives d'Etat de Genes. Officium Provisionis Romanie // Revue des études sud-est-européennes IV. - P., 1966, p. 586, n. XXIV; Balletto, Liber Officii Provisionis Romanie…, p. 30-31, doc. 24).
66. Карпов, Причерноморье в XV веке…, с. 16-17; Banescu, Contribution a l'histoire…, s. 20-37.
67. Balletto, Liber Officii Provisionis Romanie…, p. 3–8.
68. Если учесть, что дорога от Каффы до Генуи занимала не менее 2–2,5 месяцев, то сведения, отправленные из Газарии в метрополию и отражённые в постановлении от 1 февраля 1424 г., относились ко времени, не позднее середины декабря 1423 г.
69. Vasiliev, The Goths in the Crimea…, p. 205.
70. Кирилко В.П. О дате строительства Фунского укрепления // ХСб. XII. - Севастополь, 2003, с. 263.
71. Там же, с. 203; 256-260.
72. Там же, с. 256-258. Сходная картина отмечена «После обрушения северо-западного фланга куртины А и башни А. 4» на участке укрепления А. XIV при раскопках Мангупа, где «за короткое время положение было восстановлено возведением нового отрезка оборонительной линии». При этом А.Г. Герцен указывает, что «Основанием для неё послужил слой извести, песка и мелкого щебня, образовавшегося при разрушении и разборке куртины А» (Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ I. - Симферополь, 1990, с. 153). Исследователь, к сожалению, в подтверждение своих важных наблюдений приводит весьма условно зафиксированную стратиграфию раскопа, полагая, что и разрушение, и строительство новой куртины произошло во время осады турками Феодоро в 1475 г. (Герцен, Крепостной ансамбль Мангупа…, с. 153, рис. 39).
73. Кирилко, О дате строительства Фунского укрепления..., с. 258, рис. 2.
74. Там же, с. 258.
75. Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. II - Греция // УЗМГПИ XIII (I). - М., 1949, с. 9-35.
76. Двойченко П.А. Черноморские землетрясения в Крыму // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. - Симферополь 1928, с. 77-98; Полумб А. Очерк крымских землетрясений. - Симферополь, 1933, с. 3-70; Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-Черноморского региона

(Инструментальный период наблюдений 1927-1986 гг.). - Киев, 1989, с. 42-55; Князева В.С. Архивные материалы по макросейсмическому обследованию крымского землетрясения 11 сентября 1927 г. // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. - Симферополь, 1999, с. 88-100.

77. Двойченко, Черноморские землетрясения в Крыму…, с. 123.
78. Кирилко В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. - Ростов-на-Дону, 1989, с. 62-73.
79. Легенда об Аю-Даге // Сказки и легенды крымских татар. - Симферополь, 1991, с. 96-102.
80. Никонов А.А. Землетрясения в сказаниях и легендах // Природа. - 1983, № 11, с. 72-75; Никонов А.А. Цунами на берегах Черного и Азовского морей // Физика Земли. № 1. - 1997, с. 90, табл. п. 6; Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение существующих карт и параметров реальных событий // IV Науковотехнична конференція «Будівництво в сейсмічних районах України»: Доповіді. Ялта, 18-21 травня 1999 р. - Ялта, 1999, с. 183.
81. Никонов, Землетрясения в сказаниях и легендах…, с. 74.
82. Никонов, Цунами на берегах Черного и Азовского морей…, табл. п. 6; Он же, Сейсмический потенциал…, с. 183.
83. Например, А.А. Никонов отмечает, что у ворот башни «первоначальная стена по горизонтальной плоскости между камнями кладки сдвинута косо к югу, юго-востоку так, что с лицевой стороны образовалась сужающаяся к востоку полочка шириной 12, 10 и 5 см, а внутренний фас подобным же образом навис над основанием. По внутреннему фасу стена наклонилась на 1-2 градуса в ту же сторону, что и сдвинулась. Более южный участок стены (где сдвигание было больше и устойчивость потеряна) отсутствует. В месте видимого сдвигания с внутренней стороны, т.е. куда верх стены подвинут, поставлена дополнительная укрепительная стена с сужением кверху. Здесь камни скреплены раствором другого состава. Прилежащая башня снаружи обложена вторым панцирем также явно при ремонте, вероятно, для укрепления после предшествующих повреждений. Подобные деформации не возникают в столь капитальных сооружениях на таком прочном основании при землетрясениях интенсивностью менее 8 баллов» (Никонов А.А. Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли 11. - 1994, с. 26).
84. Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя // ЗООИД XIV. – 1886, с. 186-189; Никонов А.А. Сильные землетрясения…, с. 26-27.
85. Мыц, Укрепления Таврики…, с. 56-59, 136-137.
86. Кирилко, О дате строительства Фунского укрепления..., с. 266.
87. Уточнение даты этого сейсмического явления позволяет сделать содержащееся в легенде об Аю-Даге указание на то, что землетрясение случилось в начале зимы: ноябрь ± 1 месяц (Кирилко, Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV–XV вв.)…, с. 7).
88. Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, Землетрясения Крымско-Черноморского региона…, с. 42-55; Князева В.С. Архивные материалы по макросейсмическому обследованию крымского землетрясения 11 сентября 1927 г. // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. - Симферополь, 1999, с. 89-99. Приведём только те из них, которые непосредственно касаются рассматриваемых памятников или прилегающих к ним территорий. Алушта: На момент землетрясения в городе находилось 650 домов, пострадало 532 здания. Совершенно разрушено 119 домов. Сильно повреждённых, требующих для восстановления капитального ремонта 179. Незначительно повреждено 234 (Князева, Архивные материалы…, с. 93). «Треснула и грозит обвалом массивная генуэзская башня» (Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, Землетрясения Крымско-Черноморского региона…, с. 52). Демерджи (с. Лучистое): Из 365 домов постарадало 155, из них полностью разрушено 9, сильно повреждены 41, не сильно повреждено 105. Произошёл обвал на г. Демерджи. Рухнул свод и две стены средневековой церкви (Двойченко,Черноморские землетрясения в Крыму…, с. 123). Дегерменкой (н.с. Запрудное): Из 385 домов 198 разрушено совсем. Партенит: Домов до землетрясения 64, разрушено 64. Кизил-Таш (н.с. Краснокаменка): Всего домов 275: пострадало 159, из них разрушено 34, сильно повреждено 30, не сильно повреждено 95. Гурзуф: Из 343 домов пострадало 253, разрушено 50, сильно повреждено 99, не сильно повреждено 104. Ай-Василь (н.с. Васильевка, г. Ялта): Всего 370 домов: постарало 145, совершенно разрушено 25, сильно повреждено 32.
89. Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, Землетрясения Крымско-Черноморского региона…, с. 52.
90. Кирилко, О дате строительства Фунского укрепления..., с. 264.
91. Сказки и легенды Крыма…, с. 98-99. Подобные природные явления, надолго оставляя память в народном сознании, объяснялись как кара Божия, а дни прекращения праздновались оставшимися в живых, воспринимавших спасение как ниспосланную свыше благодать. Например, с 740 г. было установлено празднование «воспоминания великого труса» (землетрясения), произошедшего в Константинополе 26 октября при императоре-иконоборце Льве III Исавре (717-741). В этот день в столице ромеев оказались разрушенными многие высокие здания, в том числе немало и церквей. «…От сотрясения земли море всколыхалось и затопило прибрежные селения. Панический ужас объял всех жителей города, и многие лишились жизни от страха. Тогда все обратились с молитвою к Господу и Пресвятой Богородице, и землетрясение прекратилось» (Бухарев Иоанн. Жития всех святых, празднуемых православною греко-российскою церковью. - СПб., 1996, с. 606).
92. Единственным из известных мне до настоящего времени источником, в котором ретроспективно отражены события 20-х гг. XV в. (?) (голод и последовавшее за ним землетрясение) является «Летопись Кипчакской Степи» ‘Абдуллаха ибн Резвана, написанная автором в Кефе в 1610/11 – 1635 гг. Так, во II разделе своего сочинения ибн Резван, описывая Дешт-и-Кипчак, говорит о том, что и бедствия не миновали этот богатый край. Автор летописи сообщает (л. 4 recto) о голоде и землетрясении (зелзеле), постигнувших некогда Крым (Зайончковский А. «Летопись Кипчакской Степи» (и Дешти-и-Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы Т. II. - М., 1969, с. 16).

М.Ю. НИКОЛАЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Компьютерные технологии как инструмент, применяемый практически в любой сфере исследований, проводимых сегодня учеными, развиваются стремительными темпами, в том числе и в историко-археологических дисциплинах. Основная перспектива использования компьютеров в археологии на сегодняшний день заключается в создании *информационных систем* (ИС), призванных соединить, в конечном итоге, на практике повседневного обращения возможности архива, библиотеки, фондов, полевых и коллекционных описей, электронной картографии и т.д., то есть автоматизации сбора и обработки данных и манипуляций с ними. С начала повсеместного внедрения компьютерной техники и технологий, связанного, в первую очередь, с резким увеличением рынка оборудования и программного обеспечения с середины 1990-х гг., а также всеобщей информатизацией исследовательских институтов, попытки создания *археологических информационных систем* (АИС) предпринимались неоднократно, но ни одна из них не закончилась стопроцентным успехом. Настоящая публикация является попыткой анализа причин этого явления.

Прежде всего, необходимо отметить, что любая ИС нуждается в создании модели данных, с которыми оперирует система управления базами данных (СУБД), на этапе проектирования, напрямую зависящей от предметной области проектируемой ИС. Сразу оговорим термины, следующие далее по всей публикации: описываемую единицу археологической информации, представляемую в виде: 1) археологических образцов, например, изделий из металла, керамики, природных материалов (известняк, мрамор, дерево и пр.); 2) графических материалов: чертежей, фотографий, карт, планов, рисунков и т.п.; 3) печатных или рукописных материалов – публикаций, отчетов и т.д. - будем называть *классом*, а отдельный экземпляр - представитель класса - будем называть *объектом*. Археологическая информация обладает следующими свойствами:

1) сильная *разреженность* данных. Например, отсутствие каких-либо значений параметров в описываемом конкретном экземпляре класса снижает эффективность поиска и хранения информации;

2) *большое разнообразие* классов описываемых объектов;

3) *нечеткая предметная область*, затрудняющая создание адекватной модели данных, например, отсутствие возможности формализовать простыми способами такое важнейшее свойство описываемого объекта, как датировка в археологическом контексте («историческая дата» по определению Ю. Б. Кабакова[1]);

4) большое разнообразие и количество *связей* между классами объектов и отдельными объектами.

Перечисленные свойства отличают археологическую информацию, впрочем, как и любую другую, имеющую разнородный характер. В связи с этим интересно рассмотреть модели представления данных в информационных системах.

По способу представления данных различают следующие основные модели:

1) иерархическую;
2) сетевую;
3) реляционную;
4) объектно-ориентированную.

В первом случае данные представляются в виде *иерархической (древовидной)* структуры. Подобная организация не совсем удобна для работы с археологической информацией, тем более что при оперировании данными со сложными связями структура дерева конкретной модели может оказаться слишком громоздкой. Примером может служить программный продукт «Мысленное древо», разработанный в Институте памятникоохранных исследований (г. Киев), позиционируемый как ИС и предназначенный для описания памятников истории и культуры. В этом конкретном случае возможности программы, видимо, с целью избежать усложнения структуры модели данных, вообще ограничены тремя классами (текст, растровое изображение, векторное изображение), не допускающими введения новых типов, поэтому считать ее информационной системой можно лишь с большой долей оптимизма.

В *сетевой* модели данные организуются в виде произвольного графа (сети), каждый узел которого представляет собой описываемый объект и связан с другими узлами, ребрами (гранями). В этом случае также очевидна

высокая сложность организации такой модели и жесткость ее структуры.

В *реляционных* моделях, единственных, реально используемых сегодня, для каждого класса создается плоская таблица, а набор таких таблиц – определений классов – связывается отношениями через дополнительные поля в таблицах или дополнительные таблицы. Примеров использования реляционных баз данных (далее РБД) более чем достаточно; нет, пожалуй, исследователя, который хотя бы раз не пользовался такими продуктами как MS Access, FoxPro, Paradox и т.п. РБД отличаются относительной простотой и гибкостью как в разработке, так и в пользовании, поэтому заслуженно присутствуют в качестве ИС на протяжении 30-ти лет.

Перечисленные три основные модели данных обладают общим главным недостатком: структура классов задается на этапе проектирования ИС и не может быть изменена в процессе доступа к данным**.**

Отдельно стоит упомянуть XML-технологии, активно продвигаемые сегодня во многих областях, где требуется применение ИС, в том числе и в археологии. Вряд ли возможности XML[2], а точнее, главная возможность - «естественность» представления данных в виде электронного документа, который можно распечатать - является панацеей. XML - текстовый формат, предназначенный для стандартизованного обмена и хранения неиндексированной информации. Поскольку в любой базе данных, независимо от используемой модели, данные должны быть индексированы для реализации приемлемого времени доступа и манипуляций с ними, то в случае использования XML как модели данных придется создавать параллельную базу данных, отражающую структуру XML-документов и индексирующую сами документы. Кроме того, средствами XML, с точки зрения баз данных, как и первых трех типов моделей данных, невозможно полностью корректно, как бы «естественным способом»[3], выразить такой тип данных, как датировка («историческая дата»), хотя бы в силу неоднозначности самого типа. Таким образом, XML-технология, по крайней мере, пока может лишь служить интерфейсом между собственно базой данных и конечным представлением для пользователя.

Объектно-ориентированная модель - модель данных, в которой каждый объект существует отдельно и рассматривается как точка в многомерном пространстве параметров, его набор параметров не зависит от остальных объектов, поэтому эта модель данных является наиболее устойчивой[4]. Связи между объектами существенно проще, чем во всех остальных моделях, поэтому структура запросов к такой системе также упрощается. Упомянутый выше объект типа «историческая дата» при таком подходе вполне можно реализовать «естественным способом», в том числе и предложенным Ю.Б. Кабаковым[5].

Теперь определимся с требованиями к АИС. С одной стороны, это должно быть удобство пользования для рядовых пользователей, подобное работе с оригинальным, т. е. бумажным документом или грамотно описанным в коллекционной описи артефактом, картой археологических объектов или чертежом раскопа. С другой стороны, присутствуют разреженность, нечеткость, огромное разнообразие объектов и связей между ними. Невозможность объединить эти качества средствами даже самых совершенных РБД, а тем более, иерархических и сетевых, и послужили причиной отсутствия в практике АИС реально отвечающей потребностям археологической науки.

Вывод из вышеизложенного следует один: полноценная АИС, отвечающая запросам пользователей - археологов и историков - может быть создана только на основе объектно-ориентированной модели данных, что безусловно зависит от финансирования и наличия квалифицированного персонала, но этот шаг вперед уже стал очевидной необходимостью, так как такая модель является максимально соответствующей требованиям к АИС, при этом накопленную в РБД информацию несложно преобразовать к объектно-ориентированной парадигме без каких-либо потерь[6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кабаков Ю.Б. Объект типа «историческая дата» // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. Вип. 1. - Київ, 1997, с. 50.
2. XML – eXpanded Markup Language - компьютерный метаязык, являющийся наследником языка гипертекстовой разметки, разработанный для расширения возможностей Web-технологий.
3. Попробуйте выразить что-нибудь вроде: «возможно, вторая половина 30-х годов или вторая половина 20-х годов II в. до н.э.» - конкретной величиной.
4. Автор выражает благодарность А.В. Куленцову (МВТУ им. Н.Э. Баумана) за идею, ставшую причиной написания настоящей статьи.
5. Кабаков, Объект типа «историческая дата»…, с. 50-58.
6. Пример - объектная СУБД Cache производства компании Intersystems (www.intersystems.ru), использующая объектную модель для хранения данных и XML в качестве одного из возможных вариантов интерфейсных средств.

А.Е. ПУЗДРОВСКИЙ, Г.В. МЕДВЕДЕВ

ПОГРЕБЕНИЯ I-II ВВ. Н.Э. ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Проблема взаимоотношений сарматов и поздних скифов Крыма в I-II вв. н.э. активно обсуждается в работах последних лет[1]. Ее решение во многом зависит от определения относительной и абсолютной хронологии археологических комплексов. Предлагаемая публикация материалов нескольких погребений из раскопок Усть-Альминского некрополя позволяет расширить такой круг источников.

В 2003 г. во время охранных исследований в северо-восточной части памятника (раскоп № 8) на площади 5 м^2 обнаружено несколько погребальных сооружений, стратиграфия и хронология которых представляет определенный интерес. Следует отметить общую высокую плотность могил в этой части некрополя, прилегающей к устью балки, и особые геологические условия – наличие мощного (до 3 м) слоя делювиального суглинка, что способствовало сооружению грунтовых склепов и могил с каменным перекрытием и закладами.

Первоначально здесь была сооружена подбойная могила 826, в которой прослежены многократные захоронения (погребения 3-4 и 5-6) в два яруса (разграбленные в древности). Затем, к югу от нее, устроили подбойную могилу № 826а, основное захоронение которой (погребение 1) было совершено над камерой могилы 826 (в то время еще с целым сводом). Впускное погребение 2 (во входной яме могилы 826а) прослежено на уровне верхней части заклада погребальной камеры (рис. 1).

Могила 826а. Подбойная. Входная яма трапециевидной формы, с закругленными углами, размером 1,6х0,4-0,6 м. прослежена на глубину 0,9-1,1 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ, дно ее имеет наклон в сторону подбоя, плавно переходя в камеру, отделенную закладом из стоящих вертикально (с небольшим наклоном к востоку) известняковых плит высотой 0,6 м. Подбой (1,5х0,35-0,4 м) вырублен в северной и северо-западной стенке входной ямы и смещен на 0,4 м к северу от ее длинной оси, дно имеет наклон к северу и востоку (рис. 1, 2).

Погребение 1 (рис. 2). В камере было совершено захоронение девочки-подростка в деревянном гробу размером 1,3х0,3 м. Обнаружены фрагменты железных гвоздей (рис. 2.15; 3.6). Умершая лежала в вытянутом положении, головой на ЮЮВ, кисть правой руки прижата к тазу, кисть левой – на тазовых костях, ноги сближены. Почти по всей площади гроба, под костяком, зафиксирована подстилка из камки (рис. 2. 14).

У южной стенки гроба зачищен раздавленный стеклянный кувшин (рис. 2.13; 3.7), а по обеим сторонам черепа – бронзовые серьги (рис. 2.1; 3.3). На груди и шее погребенной лежала бронзовая гривна из ложновитой проволоки с крючками на концах (рис. 2.2; 3.1), здесь же обнаружены бусы из гагата, янтаря, стекла и фаянса (рис. 2.3; 3.10-16). На запястьях найдены бронзовые браслеты с окончаниями в виде змеиных головок (рис. 2.6,8; 3.2), рядом с ними - бусы из янтаря, гагата и стекла (рис. 2.4,9). На фалангах кисти левой руки лежал бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 2.7; 3.4), у правого бедра - бронзовый гвоздь (рис. 2.10; 3.8). За пределами гроба, в северной части могилы найдены: свинцовое кольцо (рис. 2.12; 3.5) и плошка из ножки красноглиняной амфоры (рис. 2.11; 3.9).

Погребение 2. Совершено в заполнении входной ямы, на уровне 0,4 м от ее дна, спустя определенный промежуток времени после погребения 1 (рис. 1). Не исключено, что при этом контуры первоначальной входной ямы были нарушены. Умерший (юноша?) лежал в вытянутом положении, кисти рук прижаты к туловищу, ноги сближены, головой на СЗ (рис. 4). Среди костей грудной клетки обнаружен крупный железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 4. I, 1; II, 1). К СЗ от черепа лежал оселок, осколок кремня и обломки железного предмета (рис. 4. I, 2-4; II, 2-4).

Могила 826. Входная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Она прямоугольной формы, со

скругленными углами, размеры: 2,2х1,0 м, прослежена на глубину 0,9 м. В подбой, расположенный с юго-западной стороны, вела ступенька высотой 0,9 м. Камера размером 2,5х0,95х0,6 м многократно использовалась для захоронений, в результате чего несколько раз разбирали каменный заклад, а затем восстанавливали. В центральной и СЗ частях он сохранился на всю высоту (0,6-0,7 м), а в ЮВ камни отсутствовали (рис.1), что свидетельствует о древнем ограблении. В подбое было совершено два яруса захоронений, от которых сохранились лишь отдельные кости, позволяющие предполагать направление, в котором лежали умершие, а также часть погребального инвентаря.

Верхний ярус. Погребения 3-4. (рис. 5. I). Совершены на уровне 0,18-0,25 м от дна подбоя. Количество погребенных в этом ярусе определено по костным останкам. Сохранились фрагменты двух черепов, по которым можно сказать, что умершие лежали головами на ЮВ, прослежен слой тлена от подстилки (кошмы). У южного угла могилы стояли краснолаковая тарелка с костью животного и железным ножом (рис. 5. I, 1-3; 6. 1, 3), рядом с ней – краснолаковый канфар (рис. 5. I, 4; 6. 2). В центре камеры обнаружен обломок железного меча (рис. 5. I, 7; 6. 7). Из этого же горизонта происходят обломки бронзовой фибулы с расширенной спинкой и кнопкой на конце приемника (рис. 6, 10). По всей площади подбоя собрано большое количество бус из стекла и фаянса, часть которых была разбита или раздавлена в древности (рис. 5. III, 1-9; 6. 11-14).

Нижний ярус. Погребения 5-6. (рис. 5. II). Костные остатки и погребальный инвентарь залегали на дне камеры. Сохранились фрагменты двух черепов и отдельные кости конечностей, судя по которым умершие лежали головой на СЗ. Среди находок: бронзовая ромбовидная фибула-брошь (рис. 5. II, 1; 6. 9), один целый и обломки бронзовых проволочных браслетов с завязанными концами (рис. 5. II, 2, 3; 6. 4, 5), обойма (рис. 5. II, 3; 6. 6), бронзовый колокольчик (рис. 5. II, 4), фаянсовая подвеска в виде скарабея (рис. 5. II, 5; 6. 15). Из нижнего яруса происходят также: миниатюрная фаянсовая подвеска в виде скарабея (рис. 6. 16), мелкие фрагменты бронзовых и серебряных перстней, стеклянные и фаянсовые бусы, целые и в обломках (рис. 5. III, 10-19).

Рассмотрим наиболее важные для хронологии предметы погребального инвентаря.

Могила 826 а. Погребение 1.

Бронзовая гривна диаметром 17 см из ложновитой проволоки толщиной около 0,5 см с застежкой в виде крючка и петли с фигурной обмоткой (рис. 3, 1). Вопреки мнению о почти полном отсутствии у поздних скифов гривен[2] в последние 10-15 лет такие украшения в большом количестве найдены в Неаполе, Битаке, Усть-Альме, Перевальном преимущественно в детских и женских захоронениях. Часть альминских экземпляров опубликована[3]. Большинство гривен сделаны из круглого в сечении бронзового прута диаметром 2,5-3 мм с крючками на концах или завязками, часто на них были нанизаны бусы, пронизи, различные амулеты. Встречены экземпляры из ложновитой серебряной проволоки. Наиболее близки публикуемой гривне украшения из склепа 88 I-II вв. н. э. Усть-Альмы[4], погребения 63 I в. н. э. из Фанагории (раскопки 1937 г.)[5], могилы 62 рубежа I-II вв. н.э. из Тирамбы[6] и других некрополей Боспора[7].

Богато украшенные пекторали и гривны из золота, а также более простые в оформлении характерны для захоронений сарматской аристократии II в. до н.э. - I в. н.э.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что у поздних скифов и сарматов ношение гривны (бронза, серебро) было социально престижным, а погребения с ней (женские и детские) отличаются разнообразным инвентарем.

Бронзовые серьги из ложновитой проволоки диаметром 2,2 см с застежкой в виде приостренного крючка и петли (рис. 3. 3). Такие украшения из золота широко известны как в позднескифских могильниках, так и в некрополях античных городов и поселений в комплексах I-II вв. н.э.[8]

Бронзовый перстень с круглой дужкой и плоским овальным щитком, с гнездом и стеклянной вставкой. Это один из наиболее распространенных украшений этого типа в I-II вв. н.э.[9]

Бронзовые браслеты диаметром 6,8 и 7,1 см из овальной в сечении проволоки с расплющенными окончаниями ромбовидной формы орнаментированы гравировкой в виде стилизованных голов змей (рис. 3. 6). По классификации А.А. Труханова, они относятся к типу VI-А (II в. н.э.)[10].

Стеклянный кувшинчик с шаровидной формой тулова, коротким, сужающимся книзу горлом, на низком поддоне (рис. 3. 7). Центральная часть дна слегка вогнута. Край венчика оформлен в виде валика, есть фрагменты слива. На горле - три ряда горизонтально-спиральных накладных нитей. Диагонально-спиральные нити опоясывают тулово. Ручка небольшая, овальная в сечении, в нижней части имеется уплощенный выступ. Такие же выступы (есть фрагменты), находились и в районе верхнего прилепа. Стекло прозрачное, бесцветное. Высота сосуда - 11,0 см, диаметр венчика - 6,7 см, наибольшая ширина - 9, 5 см, диаметр дна - 4,5 см. Очень близкий по внешним характеристикам, технике исполнения и орнаменту сосуд происходит из пристенного склепа 1013 Херсонеса[11]. Н.З. Кунина датирует его II в. н.э. и относит к продукции восточно-средиземноморских мастерских[12].

Среди бус, ожерелья и тех, которые были найдены на запястьях рук, преобладают (124 шт.) экземпляры из янтаря (рис. 3. 10) с широкой хронологической датой[13]. Широко распространены (рис. 3. 11-13) также бусы из гагата (50 шт.) и бисер из египетского фаянса (13 шт). Среди стеклянных бус и пронизей (рис. 3. 14-16) интересны три экземпляра из прозрачного темно-зеленого стекла в виде четырнадцатигранников, датируемые также достаточно широко: II-IV вв. н. э.[14]

Погребение 2.

Железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы со сводчатой головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (рис. 4. II, 3). Длина головки - 4,8 см, ширина - 2,0 см, сохранившаяся длина черешка - 3,2 см (до 5 см). Такие достаточно крупные наконечники не часто встречаются в позднескифских комплексах и больше характерны для сарматской культуры[15]. Хотя сводчатая форма головки и нехарактерна для позднесарматских комплексов[16], тем не менее, общая массивность наконечника и аналогии с набором из склепа 715 Усть-Альмы (первая треть II в. н.э.) позволяют высказать предположение, что такое вооружение появилось в Крыму вместе с новым массивом кочевых племен, связанных по происхождению с Центральной и Средней Азией[17]. Характер находки (среди костей грудной клетки) свидетельствует о насильственном характере смерти умершего.

Могила 826. Погребения 3-4.

Краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком, на кольцевом поддоне, со слегка отогнутым венчиком. Размеры: диаметр венчика - 15,8 см, дна - 7,2 см, высота - 3,8 см (рис. 6. 1). Лак оранжево-красный, сохранился во фрагментах, на внутренней стороне дна прослежена кольцевая бороздка, в центре, возможно, был штамп. Вероятно, принадлежит к продукции мастерских понтийской сигиллаты[18]. Такие тарелки относятся к типу III-Б-1 (по А.А. Труфанову) и датируются в пределах второй половины I - первой половины II в. н.э.[19] Учитывая стратиграфическую ситуацию и внешние характеристики сосуда, считаем возможным датировать публикуемую тарелку в пределах последней четверти I в. н.э.

Краснолаковый канфар с приостренным венчиком, округло-конической формой тулова и двумя петельчатыми ручками с налепами над ними, на кольцевом поддоне (рис. 6. 2). Размеры: диаметр венчика - 8,4 см, диаметр дна - 4,0 см, высота - 7,5 см. Лак покрывает сосуд не полностью, принадлежит к группе керамики понтийской сигиллаты[20]. Очень близкие аналогии известны в некрополе Усть-Альмы в комплексах второй половины I в. н.э.[21]

Фибула бронзовая с расширенной гладкой спинкой и кнопкой на конце приемника (рис. 6. 10). Размеры: 3,8x1,0x1,2 см. По внешним характеристикам напоминает экземпляр из склепа 77 Восточного некрополя Неаполя Скифского[22], близкие аналогии, видимо, не выходят за пределы I в. н.э.[23]

Среди стеклянных бус, относящихся к ярусу 3-4, можно отметить экземпляр округло-сжатой формы черного цвета с белой полосой по спирали (рис. 6. 14). Хотя близких аналогий подобрать не удалось, по фактуре и орнаменту пронизь близка бусам II-III вв. н.э.[24] и, вероятно, относится к одним из самых поздних находок, либо она попала сюда после обвала свода из более позднего погребения 1 (рис. 1).

Бусина из синего стекла с глазками из сине-белого прутика принадлежит к типу, наиболее встречающемуся в комплексах I в. н.э.[25] Обломки фаянсовых ребристых пронизей (рис. 6. 12-13) позволяют отнести их к типам, распространенным преимущественно в I в. н. э.[26]

Обломок железного клинка (нижняя часть) длиной 12 и шириной 4 см, линзовидный в сечении, относится, вероятнее всего, судя по пропорциям и общей фактуре, к типу мечей с

прямым перекрестием и кольцевым навершием, известному в сарматских воинских погребениях I в. н.э. Усть-Альмы[27].

Погребения 5-6.

Бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки в 1,5 оборота с завязанными концами (рис. 6. 4-5) диаметром 5,0 и 6,0 см. Такие украшения особенно характерны для погребений I в. до н.э. - I в. н.э. Во II в. н.э. известны также экземпляры с фигурным оформлением завязки (спираль, волюты)[28].

Фибула-брошь бронзовая ромбовидной формы, с завитками на углах, с частично утраченным шарниром и иглой (рис. 6. 9). В центре - рельефный круг со стержнем. Такие фибулы хорошо известны в комплексах второй половины I в. н.э. и позже, как правило, не встречаются[29].

Фаянсовая пронизь в форме скарабея бирюзового цвета (рис. 6. 15), на оборотной стороне - углубленное изображение змеи, обведенной овальной бороздкой. Размеры: 2,0х1,2 см. Пронизи этого типа по комплексам датируются I в. н.э.[30] Миниатюрная фаянсовая пронизь светло-зеленого цвета в форме скарабея (1,0х0,7 см) с поперечным каналом отверстия также находит аналогии в комплексах I в. н.э.[31]

Среди стеклянных (30 шт.) и фаянсовых бус (14 шт.), собранных в нижней части заполнения могилы 826, представляют интерес обломки двух пронизей из глухого черного стекла с разводами нитей желтого стекла и слоистыми рельефными бело-синими глазками (рис. 5. III, 1 а-б). Такие экземпляры датируются I в. н.э.[32] Небольшая стеклянная бусина округлой формы с сине-белыми глазками также относится к типу, экземпляры которого наиболее характерны для I в. до н.э. - I в. н.э.[33] Бусина округлой формы из глухого голубого стекла украшена орнаментом из белых ромбов (рис. 5. III, 2). Такие бусы датируются I в. н.э.[34] Полихромная бусина из синего стекла, разделенная поперечными белыми полосами (рис. 5. III, 7), также находит аналогии в комплексах I в. н.э.[35] Многосоставные стеклянные пронизи с металлической прокладкой (рис. 5. III, 13) наиболее характерны для комплексов второй половины I в. н.э.[36] Пронизь цилиндрической формы из глухого черного стекла с фестонообразным орнаментом, выполненным белыми нитями, относится к типу, экземпляры которого датируются I - первой половиной II в. н.э.[37]

Исходя из стратиграфической ситуации и датировок основных групп инвентаря, можно предположить, что погребения 5-6 могилы 826 были совершены не позже 70-80 гг. н.э., а погребения 3-4 в последней четверти I в. н.э. Сложнее определить хронологический разрыв между погребениями 3-4 и сооружением могилы 826а с погребением 1. Надо полагать, что последняя относится к середине II в. н.э. Близким временем, судя по находке массивного железного наконечника стрелы, можно датировать захоронение 2.

Для публикуемых захоронений использовалась такая конструкция, как подбойная могила. В позднескифских могильниках, за исключением Беляуса[38], этот тип погребальных сооружений до рубежа н.э. почти не встречается. В последние годы подбойные могилы первой половины I в. н.э. обнаружены в Кольчугинском могильнике и Усть-Альминском некрополе и связываются с притоком сарматского населения[39]. Широкое распространение этот тип могил получил со второй половины I в. н.э.

Конструкция подбойных могил Крымской Скифии отличается от сарматских широким применением камня. Для Центрального Крыма характерно использование подбойных могил с двумя камерами, тогда как в Юго-Западном Крыму таких сооружений меньше, лишь в Бельбеке IV они представлены большим количеством.

Исследователи отмечают, что распространение подбойных могил в Северном Причерноморье можно связать с продвижением сарматов с востока на запад[40]. Т.Н. Высотская считает, что в первые века н.э. скифы восприняли у сарматов подбойные могилы, но хоронили в них по своему обряду, поэтому входные ямы засыпаны не землей, а камнями. Подбойные могилы с очень узкой входной ямой могильника Скалистое II она связывает преимущественно с сарматами[41]. Отличие позднесарматских подбойных могил заключается также в их чрезвычайно экономной конструкции с очень небольшой нишей, куда покойники буквально втиснуты[42], что мы и наблюдаем на примере погребения 1 (могила 826а).

Рассмотрим положение костяков, их ориентировку и способ помещения в могилу. В

могиле 826 погребения верхнего яруса были ориентированы на ЮВ, тогда как нижнего - в противоположную сторону - на СЗ. Валетообразное положение костяков, столь характерное для склепов и подбойных могил позднескифских могильников Крыма, встречается в захоронениях прохоровской культуры, кавказских катакомбных погребениях, некрополе Золотое, Акташском могильнике[43]. В значительной степени с сарматским влиянием связывается обряд помещения покойников в могилу, завернутых в кошму, в деревянном гробу (колоде), а также на подстилке из камки[44]. Северная (с отклонениями) ориентация покойников характерна для захоронений позднесарматской культуры[45], что подтверждают погребения 1 и 2 (могила 826а).

Этнокультурный синкретизм, проявившийся в погребальном обряде жителей Крымской Скифии, не всегда однозначно позволяет отнести захоронения в подбойных могилах к сарматским. Однако совокупность данных об обряде и инвентаре свидетельствует о доминировании среди погребений в подбойных могилах сарматских традиций.

Одной из особенностей публикуемых могил является их многократное использование для захоронений. Так, в подбойной могиле 826 было совершено не менее 4-х погребений в два яруса. Впервые на такие комплексы обратил внимание Д.С. Раевский[46]. В последние годы количество находок таких могил (различной конструкции) на Неаполе, Битакском, Кольчугинском могильнике, Усть-Альминском некрополе и др. значительно возросло[47]. Этот обряд, во-первых, мог быть связан с соображениями более эффективного использования площади могильников, во-вторых, отражал стремление сохранить традицию погребения родственников в одной могиле. Фактически происходило слияние погребального ритуала аборигенного населения (поздних скифов) и переселенцев (сарматов), принесших обычай индивидуальных захоронений, что явилось следствием смешанных браков, а также привело к выделению малых семей и выработке новых форм социальной организации. Вряд ли будет правильным определять подбойные могилы с 2-3 костяками как принадлежащие исключительно оседающим на землю сарматам[48].

К сказанному необходимо добавить, что до середины II в. н.э. продолжают функционировать некоторые склепы, сооруженные в первой половине-середине I в. н.э. (Неаполь, Усть-Альма), причем количество погребенных в них достигает нескольких десятков человек. Во многих захоронениях прослеживаются яркие черты сарматского погребального обряда.

Заслуживает внимания факт, что захоронения в могиле 826а были совершены, когда место могилы 826 уже было забыто. Это, на наш взгляд, отражает процессы появления в составе жителей Усть-Альминского городища нового населения.

Публикуемые комплексы свидетельствуют о сложных этносоциальных процессах, связанных с проникновением в I-II вв. н.э. в состав жителей Усть-Альминского городища носителей среднесарматской и позднесарматской культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Журавлев Д.В. О датировке Eastern sigillata из Юго-Западного Крыма // Археологія 1. 2001, с. 99-118; Кропотов В.В. Імпортна червонолакова кераміка південномалоазійської групи в Криму // Археология 1. - 2001, с. 90-95; Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. - III в. н.э. // ВДИ 4. - 2001, с. 100-110; Зубар В.М. Сармати, населення Таврики і Херсонес у I ст. н.е. // Археология 2. - 2003, с. 25-40.
2. Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н.э. - VII в. н.э.). - Киев, 1987, с. 86, 87.
3. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. - Киев, 1994, с. 108.
4. Там же, с. 108, табл. 28. 45.
5. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1-12. - М., 1975, с. 78, табл. 17. 11.
6. Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы // СГМИИ 8. - М., 1987, с. 59, рис. 38.
7. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА 69. - М., 1959, с. 224, рис. 95. 1.
8. Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 106, 107.
9. Там же, с. 114, 115.
10. Труфанов А.А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ 118. - М., 2001, с. 76, рис. 1. 31, 38.
11. Белов Г.Д. Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 // ХСб. II. - Севастополь, 1927, с. 123, рис. 16.

12. Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. - СПб., 1997, с. 310, кат. 277.
13. Алексеева, Античные бусы…, с. 23, табл. 23: 11-14, 16-21.
14. Там же, с. 70, табл. 33. 41.
15. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. - Саратов, 1990, с. 72, рис. 23. 71-74.
16. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. - М., 1971, с. 40.
17. Пуздровский А.Е. Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ 118. - М., 2001, с. 133, рис. 7. 5.
18. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ 102. - М., 1998, с. 35.
19. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком // БИАС I. - Симферополь, 1997, с. 185-187.
20. Журавлев, Краснолаковая керамика..., с. 35-36, табл. 3. 3.
21. Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 76, табл. 33. 17; Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде Усть-Альминского некрополя в 1993-1995 гг. // БИАС I. - Симферополь, 1997, с. 175, 177, рис. 4. 2.
22. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. - Киев, 1983, с. 52, табл. XXVI, 8.
23. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ Д 1-30. - М., 1966, с. 44, табл. 5. 4.
24. Алексеева, Античные бусы…, с. 50-51, табл. 31. 38; 32. 41.
25. Там же, с. 65, табл. 15. 45.
26. Там же, с. 33, табл. 5. 28.
27. Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 88, табл. 31. 33; 39. 13; 43. 34; Loboda I. I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'- Al'ma auf der Krim // Eurasia antique 8. - Berlin, 2002, abb. 8, 4; 11, 21; 20, 22.
28. Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 110, рис. 33.
29. Амброз, Фибулы юга европейской части СССР…, с. 33, табл. 15. 5; Скрипкин, Азиатская Сарматия, рис. 38, 7-8; Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 100, табл. 30 *ж*.
30. Алексеева, Античные бусы…, с. 41, табл. 10.18-20.
31. Там же, с. 43, табл. 9. 26-32.
32. Там же, с. 56, табл. 32. 28- 29.
33. Там же, с. 67, табл. 16. 5.
34. Там же, с. 38, табл. 48. 3-4.
35. Там же, с. 43, табл. 27. 90, 91.
36. Там же, с. 33, табл. 29: 51.
35. Там же, с. 49, табл. 30, 26-30.
36. Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М., 1984, с. 53-60.
37. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Охранные раскопки Усть-Альминского могильника // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. - Симферополь, 1997, с. 228; Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // БИАС I. - Симферополь, 1997, с. 124-125.
38. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // АИЮВЕ. - М., 1974, с. 64.
39. Высотская Т.Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э.- VII в. н.э. - Киев, 1987, с. 58.
40. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология. СССР. - М., 1989, с. 192.
41. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ Д 1-10. - М., 1963, с. 22; Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. - Киев, 1983, с. 24, 92; Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник. - Киев, 1988, с. 27-29; Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. - М., 1989, с. 273;
42. Пуздровський О.Є. Сармати в Неаполі Скіфському // Археология 3. - 1989, с. 36.
43. Мошкова, Позднесарматская культура..., с. 192.
44. Раевский Д.С. Позднескифская семья по археологическим данным // СЭ 2. - 1971, с. 66, прим. 31.
45. Пуздровский А.Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского // РА 2. - 1992, с. 181-199; Храпунов, Масякин, Мульд, Позднескифский могильник ... , с. 125, рис. 4-6, 9-11.
46. Зубар, Сармати..., с. 39, прим. 78.

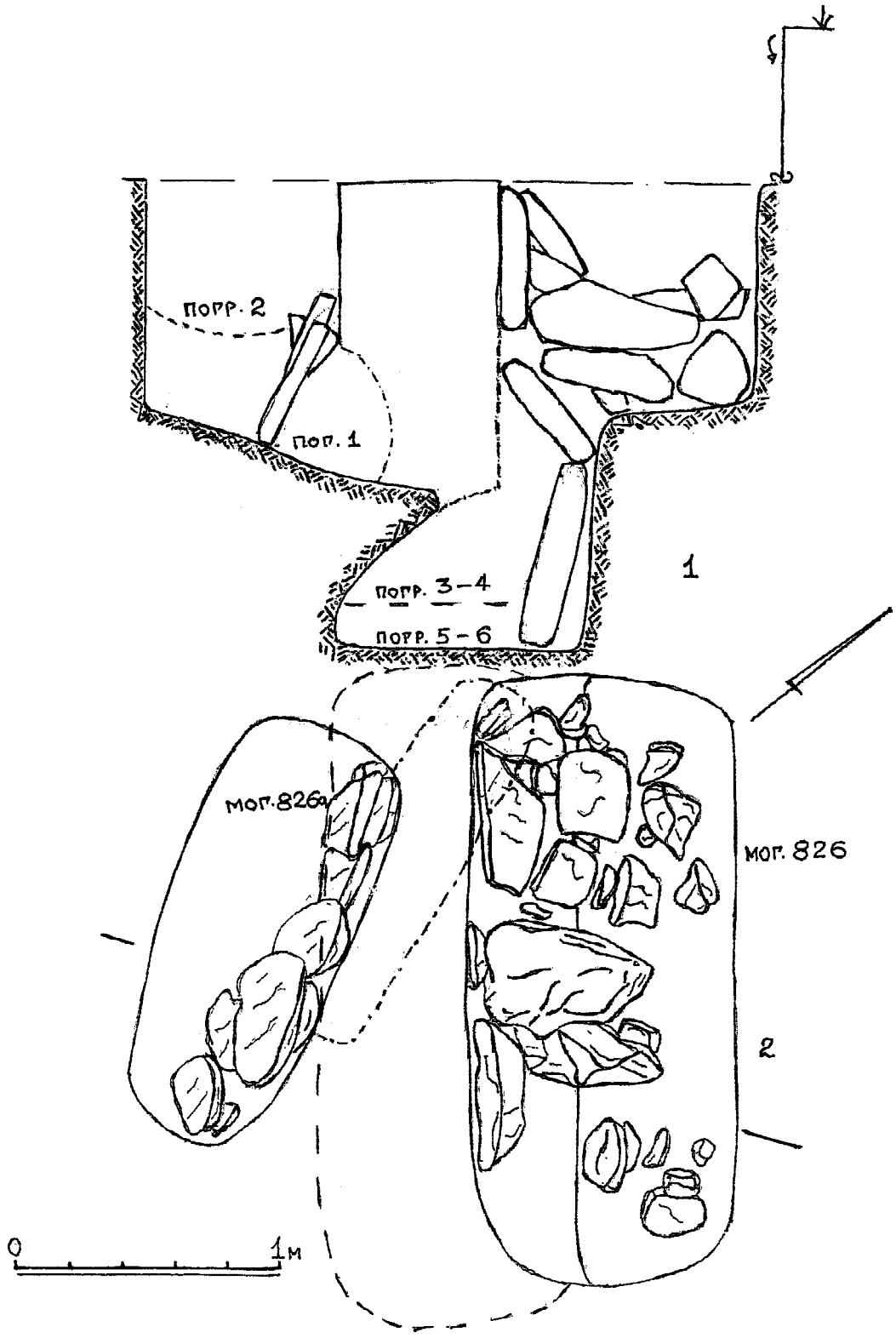

Рис. 1. План могил 826, 826а Усть-Альминского некрополя

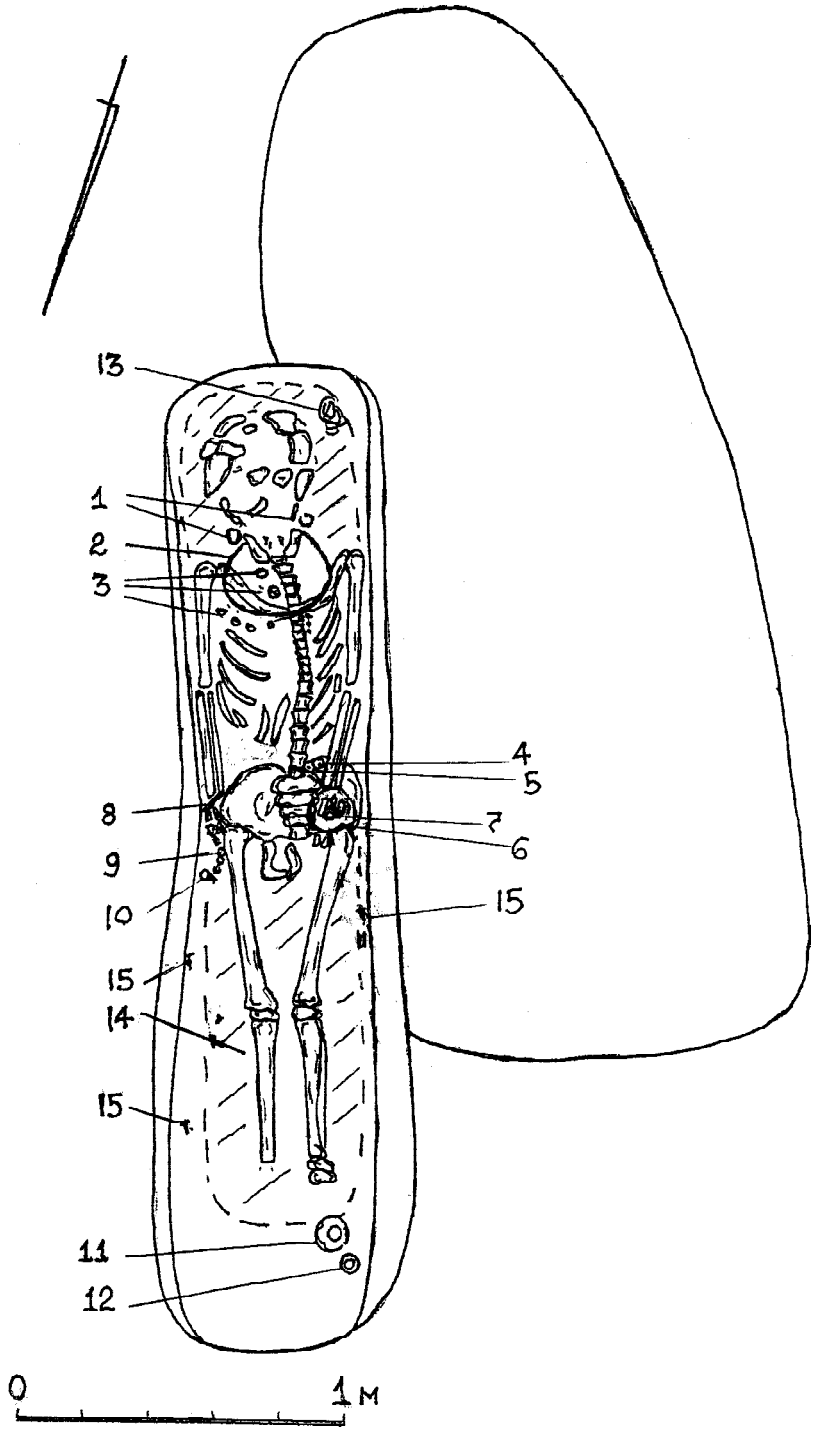

Рис. 2. План погребения № 1 в могиле 826а.

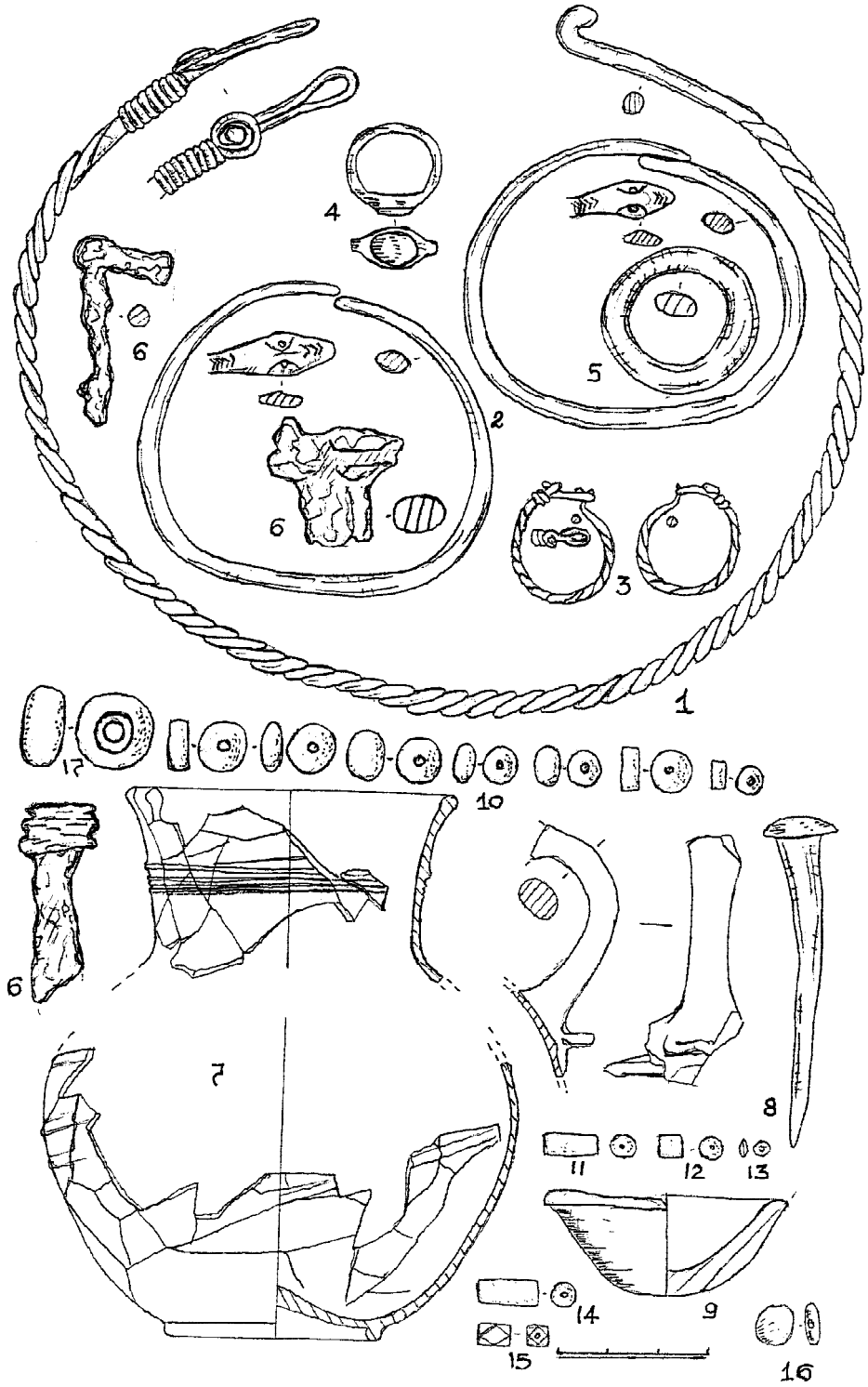

Рис. 3. Погребальный инвентарь из захоронения № 1 в могиле 826а.

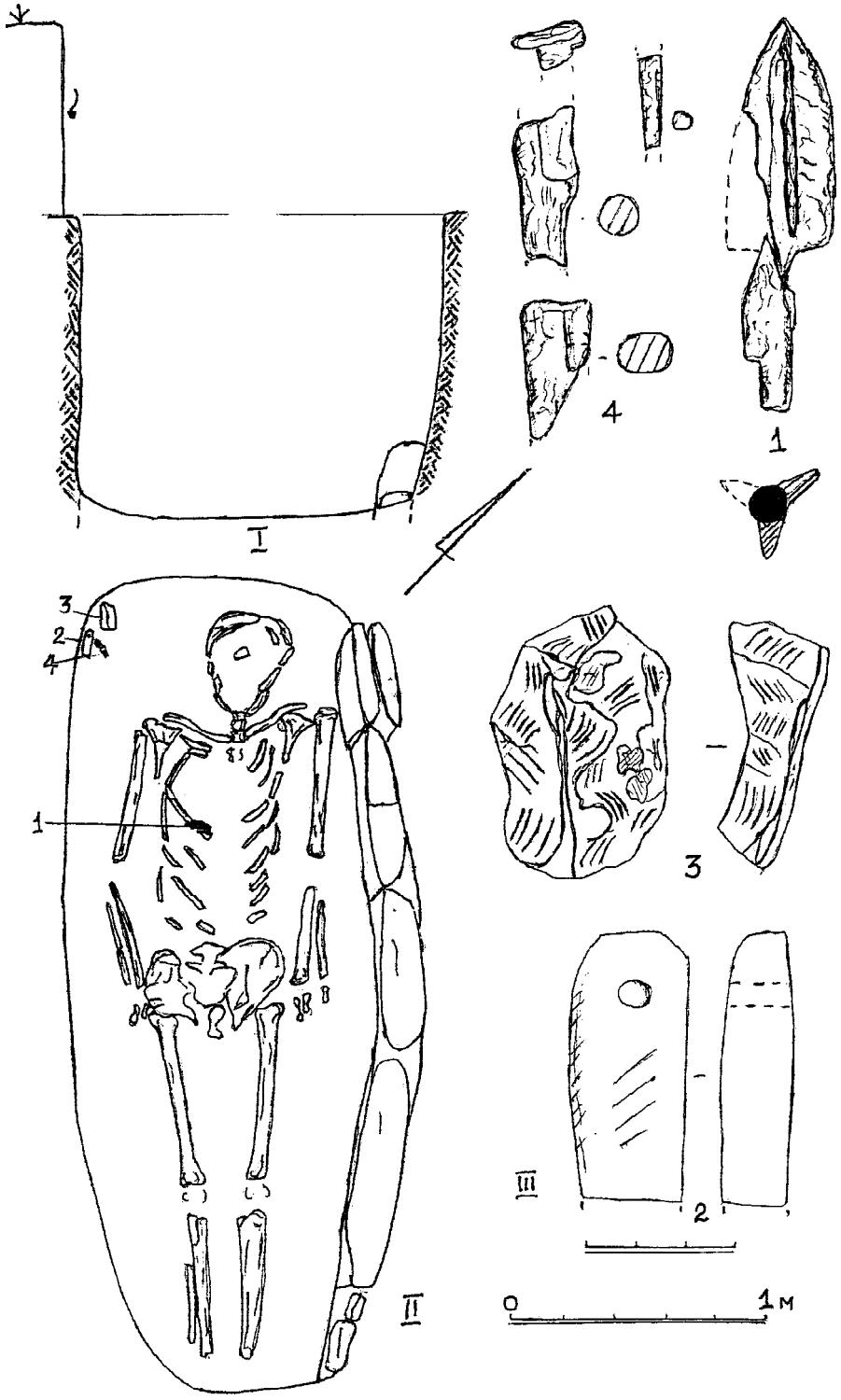

Рис. 4. План погребения № 2 в могиле 826а.

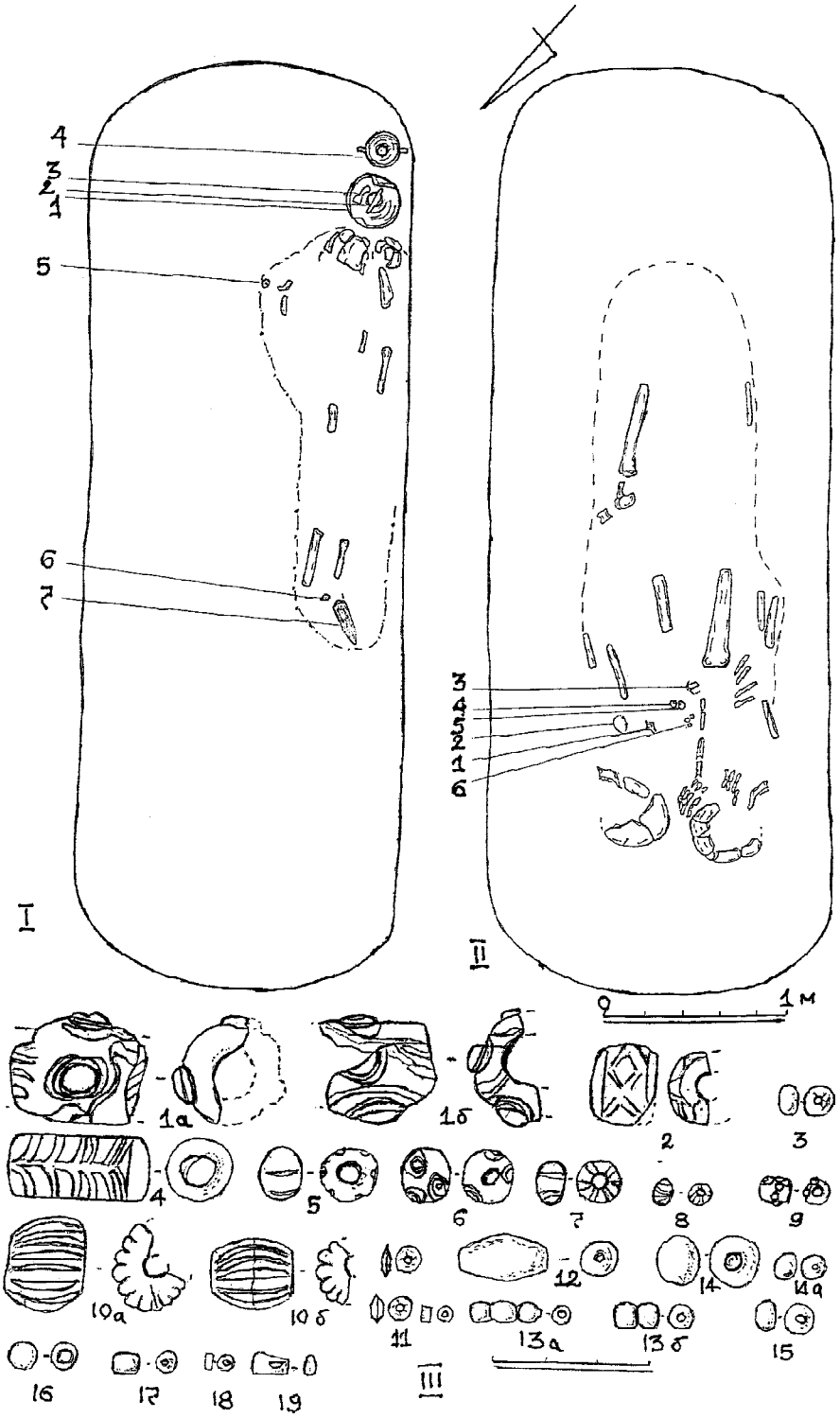

Рис. 5. Погребения 3-6 в могиле 826.

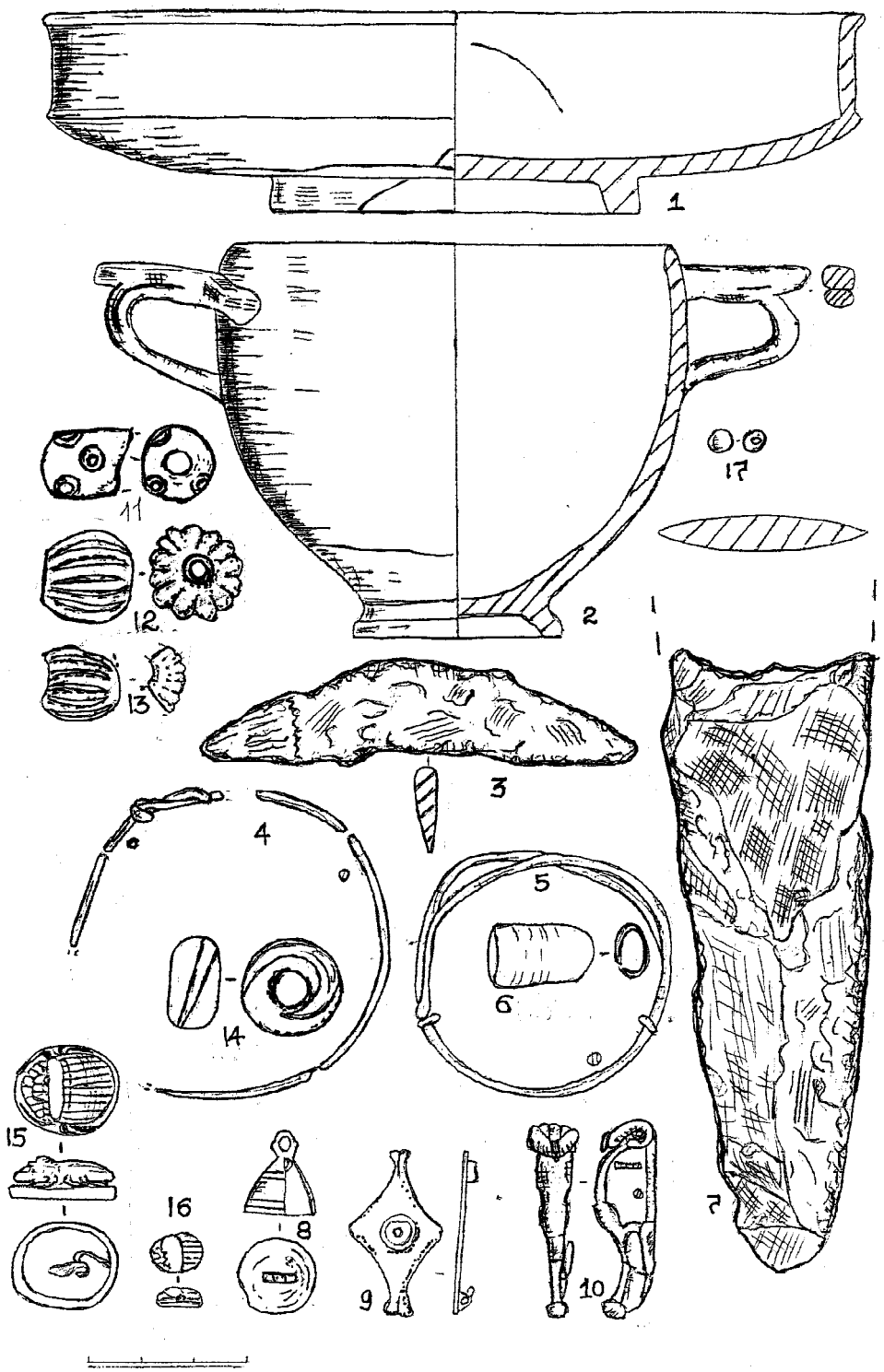

Рис. 6. Погребальный инвентарь захоронений в могиле 826.

Л.А.РЫЖОВА

БРОНЗОВЫЕ АЖУРНЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ РАСКОПОК В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

В могильниках и на поселениях Юго-Западного Крыма часто встречаются бронзовые ажурные подвески, которые различаются размерами, стилем, качеством исполнения. Степень изученности этих предметов до сих пор ограничивалась преимущественно попытками определить их семантику, но археологической классификацией крымских подвесок никто не занимался. Поскольку за последние десятилетия количество бронзовых ажурных подвесок, найденных при раскопках могильников и поселений Юго-Западного Крыма, значительно возросло (нами учтено 35 экземпляров из одиннадцати памятников), появилась возможность несколько заполнить этот пробел (Табл. 1).

Все известные нам ажурные подвески можно разделить на четыре типа по следующим признакам:

1) общие признаки для всех подвесок: материал, из которого они изготовлены – бронза, техника изготовления – литье по восковой модели с последующей доработкой;

2) форма - шаровидная, яйцевидная, с прямыми гранями и немного скругленными углами, биконическая, с ушком для подвешивания;

3) наличие или отсутствие выступов-шишечек на гранях;

4) наличие дополнительных украшений или символов сверху или снизу сферы.

Размеры подвесок колеблются от 3,7 до 8 см. Внутри каждого типа возможно деление на варианты.

Тип 1. Ажурные подвески шарообразной формы со сложной орнаментикой.

Вар. «а» - сферы правильной формы, состоящие из двух вертикально и одного горизонтально перекрещивающегося кольца, с кругами, вписанными в образовавшиеся между кольцами треугольники. На всей внешней поверхности подвески равномерно расположены выступы-шишечки. Эти подвески резко отличаются от всех остальных по качеству исполнения, более интересны по стилю и декору. Их находки концентрируются в могильниках, находящихся примерно в одном ареале: в районе реки Альмы (Усть-Альма – 2 экз., Заветное – 1 экз., в некрополе Неаполя Скифского – 1 экз.), в районе рек Кача (могильник Мамай-Оба – 1 экз.) и Бельбек (Бельбек IV – 1 экз.)[1] (Рис. 1. 1–6). В могильниках Инкерманской долины и в Херсонесе подобные подвески нам неизвестны.

Это наиболее ранний вариант, который хорошо датируется по комплексам находок концом I – началом II в.н.э. Позже этого времени подобные подвески уже не встречаются. Аналогия им известна в кельтских памятниках Чехии. Автор раскопок определяет ее как украшение и относит к латенскому времени[2].

Вар. «b» – две подвески небольшого размера (из раскопок Херсонеса и Усть-Альминского могильника) имеют более вытянутую форму, каплевидный отросток в нижней части и меньшее количество выступов-шишечек на кольцах (Рис. 1. 7,8).

Подвеска из Усть-Альминского могильника происходит из склепа 88, который датируется I – началом II в. н.э.[3]. По аналогии можно датировать и херсонесскую подвеску, к сожалению, беспаспортную[4].

Последующие типы подвесок являются все более и более упрощенной разновидностью первого типа.

Тип 2 - наиболее распространенный вид ажурных сферических подвесок.

Вар. «а». Этот вариант представляет собой два перекрещивающихся толстых кольца с одним рядом прямоугольных выступов по их внешней стороне и каплевидным отростком в нижней части сферы. В подбойной могиле № 52 могильника Скалистое III подвеска имеет не два перекрещивающихся кольца, а три. Находки подвесок этого варианта не ограничиваются одним районом, а встречаются по всему Юго-Западному Крыму (Скалистое III - 2 экз., некрополь Неаполя Скифского – 3 экз., Бельбек II – 1 экз., Бельбек IV – 1 экз., Усть-Альминский могильник – 1 экз., Херсонес Таврический – 1 экз., Совхоз-10 – 3 экз.)[5] (Рис. 2. 1-12). Все они

датируются в пределах первой половины II – середины III в. н.э.

Вар. «b» - три подвески того же времени из могильника Бельбек IV имеют более вытянутую по вертикали форму и большее количество выступов-шишечек на внешней поверхности колец[6]. Одна – из могильника Дружное, из склепа № 18, который датируется в пределах конца III – первой половины IV в.н.э.[7], отличается от остальных подвесок этого варианта не только хронологическими, но и морфологическими признаками: она состоит из трех полуколец (Рис. 3. 1-4). Аналогии подвескам варианта «b» известны на севере Балканского полуострова с VI в. до н.э.[8]

Вар. «c» - подвеска из могильника Скалистое III той же формы, что и предыдущие, но вместо петли для подвешивания имеет украшение в виде полумесяца, расположенного в верхней части сферы[9] (Рис. 3. 5). Это единственный экземпляр подвески с подобным символом, известный в Крыму. Погребение (грунтовая яма с заплечиками) датируется II - началом III в. н.э.[10]

Вар. «d» - в более позднем могильнике Чатырдаг (III–V вв. н.э.) найдена подвеска, которую можно также отнести ко II типу, хотя она и не имеет выступов-шишечек на прутьях, а сами прутья не округлой формы, а изогнуты под углом (Рис. 3. 6). Погребение, в котором она найдена, датируется рубежом III-IV - первой половиной IV в.н.э.[11]

Тип 3.

Этот тип подвесок по морфологическим признакам близок как I, так и II типу, совмещая в себе конструктивные особенности как одного, так и другого. Кроме вертикально расположенных колец с выступами-шишечками, у них есть еще одно горизонтальное кольцо, опоясывающее сферу посередине. Однако, в отличие от первого типа подвесок, эти экземпляры более просты в исполнении.

Вар. «a» - три подвески (из могильников «Совхоз-10», Заветное и Скалистое III) имеют форму правильной сферы, состоящей из двух перекрещивающихся, вертикально стоящих и одного горизонтального кольца с равномерно расположенными выступами на внешней поверхности[12]. Все они найдены в синхронных комплексах II-III вв. н.э. (Рис. 4. 1, 2, 3).

Вар. «b» – две подвески из могильников у с. Заветное и Бельбек IV имеют прямые стороны с чуть скругленными углами в центре, в месте сгиба, и с выступами на вертикальных и горизонтальной гранях. Они более ранние: датируются концом I – первой половиной II в. н.э. (Рис. 4. 4, 5)[13].

Вар. «c» – три литые подвески (одна - из раскопок некрополя Херсонеса - беспаспортная[14], вторая – из Чернореченского могильника – из подбойной могилы № 18 (48) II-III вв. н.э.[15], третья – из могильника у с. Дружное – из погребения IV в. н.э.)[16] с крупными выступами-шариками на поверхности. В отличие от остальных экземпляров, эти подвески выполнены довольно грубо (Рис. 4. 7, 8, 9). В районе Нижнего Дуная найдена литая бронзовая подвеска, близкая по форме этому варианту. Она происходит из сарматского могильника II-III вв. н.э.[17]

Тип 4.

В отдельный тип можно выделить биконическую подвеску из склепа № 88 I–II вв. н.э. Усть-Альминского могильника с более простым дизайном, имеющую прямые и гладкие, без выступов-шишечек, в отличие от всех других случаев, прутья, изогнутые под тупым углом в центре[18] (Рис. 4. 6). Этот тип подвесок имеет прямые аналогии среди находок македонской бронзы, где он был особенно популярен в первой половине VII в. до н.э.[19]

Вопрос о происхождении ажурных подвесок до сих пор оставался открытым. Уже с конца VIII в. до н.э. их находили в могильниках и на поселениях Балканского полуострова (так называемая «македонская бронза»). В западной археологии они известны как «подвески–птичьи клетки» («bird–cage» pedants) и были распространены на широкой территории от Луристана до северо-восточного побережья Испании. В могильниках Юго-Западного Крыма они встречаются постоянно, однако в Восточном и в Северо-Западном Крыму неизвестны. Я. Боузек связывает появление подвесок «птичьи клетки» в VIII в. до н.э. на Балканах с восточным влиянием[20]. Но для Крыма эта параллель является уже вторичной. Спустя почти восемь веков, между различными районами Римской империи, в сфере влияния которой было и Северное Причерноморье, образовались экономические, политические, культурные связи с иными приоритетами, и в Крым такие подвески попали, скорее всего, уже с Запада.

Самые ранние подвески I типа бытуют в Юго-Западном Крыму очень недолго: с конца I

до середины II в. н.э. Как раз в это время активизируются экономические связи Херсонеса с населением этого района. Однако подвески типа I «а» в Херсонесе неизвестны. Вместе с тем, по мнению Т.Н. Высотской, в среде населения, жившего в этот период времени в районе Усть-Альмы, «не наблюдается массового распространения признаков сарматской культуры»[21], поэтому, пожалуй, нет оснований говорить и о сарматском происхождении ранних сферических подвесок. Скорее всего, эти подвески – продукция западных мастерских.

Подвески II–III типов, основная масса которых приходится на II – середину III в. н.э., близки по стилю декора браслетам и кольцам, бытовавшим на территории всего Северного Причерноморья на протяжении длительного времени – с V в. до н.э. и вплоть до III в. н.э. Такие кольца и браслеты известны практически во всех позднескифских могильниках Крыма. Многие исследователи относят их к кругу латенских вещей. Э.А. Сымонович указывает на прямую связь сферических подвесок с кельтскими древностями[22]. Их также можно считать западно-римским провинциальным импортом, тем более что почти все они сопровождаются находками вещей западного производства: фибул, фибул-брошей, браслетов.

Поздние же экземпляры ажурных подвесок (конец III – первая половина IV в. н.э.) могли быть изготовлены местными ремесленниками, подражающими более качественно выполненным западным образцам. Хотелось бы отметить и то, что поздние подвески найдены в могильниках, расположенных в предгорном и горном Крыму, северо-восточнее основной массы памятников Юго-Западного Крыма с подобными находками.

Рассматривая семантику ажурных бронзовых подвесок, большинство исследователей не без оснований склоняются к тому, что они имеют ритуальное значение[23].

Формой всех подвесок является сфера, которая содержит весьма многогранную символику. Сфера как идеальная геометрическая фигура может быть связана с космическим началом, а металлические кольца, из которых выполнены основные круги небес, могут иллюстрировать гелиоцентрическую систему Птолемея[24], которая была разработана им во II в. н.э. По толкованию Владимира Даля, сфера «в приложении к небесным телам: шар, обращаемый на оси своей, представляющий землю нашу, или небесную твердь, с означеньем всех воображаемых кругов»[25].

Почти все рассматриваемые нами подвески (особенно тип I и III) очень напоминают армилярную сферу. Не случайно поэтому Н.А.Богданова сочла возможным рассматривать их как амулеты, связанные с представлениями древних о вселенной, где выступы-шишечки – звезды, каплевидный отросток внизу - солнце, а полумесяц или круглая петля – луна. В.Н. Залесская также видит в серьгах в форме лунницы отражение космогонических представлений древних[26].

Идея космоса с древнейших времен занимала умы древних философов, а с конца II– I в. до. н.э. приобрела широкое распространение среди римского населения. Именно в это время значительно возрос интерес, а следовательно, и знания в области астрономии и астрологии, особенно это касалось практического их применения, тем более что мир в целом, по представлениям человека античной поры, подчинялся космическим законам, общим для неба и земли, природы и общества[27].

Возможен и еще один вариант толкования семантики этих амулетов. Сфера, как и круг, у древних народов считалась еще и символом плодородия, тесно связанным с культом Луны и Солнца[28]. При этом у земледельческого в своей основе населения Римской империи Луна играла более значительную роль: по фазам Луны определялись сроки проведения сельскохозяйственных работ. Поэтому, может быть, не случайно эти подвески-амулеты находят в могильниках, относящихся к поселениям, основным занятием жителей которых было сельское хозяйство (в городах их находки единичны). Кроме того, часто в комплексах, где найдены сферические амулеты, встречаются зеркала-подвески с орнаментом в виде солярных знаков, амулеты-топорики, связанные с культом плодородия, бронзовые колокольчики, которым приписывают астральные функции[29]. В одном из погребений Заветнинского могильника (№ 294) ажурная подвеска лежала в мешочке вместе с зеркалом-подвеской, пирамидальным колокольчиком, бронзовым браслетом с тройными шишечками и кольцом из бронзовой, круглой в сечении проволоки, которые, по мнению Н.А. Богдановой, олицетворяют связь с астральными культами[30].

Расположение подвесок в погребениях не

имеет определенного места. Чаще всего они встречаются в детских и женских погребениях, реже - в мужских захоронениях. При этом они могут находиться на груди, на поясе, у колен, рядом с бедром погребенного, что говорит о том, что подвески не были обычными украшениями, а несли магическую смысловую нагрузку. Количество выступов-шишечек на них бывает различным. Имеет ли это какой-либо смысл - трудно сказать, хотя, возможно, что с течением времени подлинное значение этого признака было забыто или уже неизвестно местному населению, поэтому количество выступов стало произвольным, но при этом сакральное назначение подвесок сохранилось.

В заключение можно сказать, что ажурные бронзовые сферические подвески появились в Юго-Западном Крыму не ранее конца I в.н.э., скорее всего, из западных провинций Римской империи в результате расширившихся политических, экономических связей между этими регионами[31]. Религиозные воззрения римских солдат, передислоцированных в Юго-Западный Крым из районов Подунавья, и которые в большинстве своем в мирной жизни были сельскими жителями, оказались близки населению Юго-Западного Крыма. При этом подвески-амулеты, получившие распространение в местной среде, возможно, утратили свое первоначальное значение, связанное с довольно сложными представлениями древних о Космосе и Вселенной, и стали символами, более близкими образу жизни местного скифо-сарматского населения, символами, связанными с астральным культом и с культом плодородия. При этом нельзя не признать, что население Юго-Западного Крыма, безусловно, было знакомо с основами астрономических знаний, которые базировались, конечно, не на научных познаниях, а на жизненном опыте и практических наблюдениях.

Ажурные бронзовые подвески-амулеты имеют довольно ранние аналогии в памятниках Западной Европы (VIII в. до н.э.) и генетически восходят к бронзовым изделиям латенского круга, что еще раз говорит о том, что корни их появления в Крыму нужно искать на Западе. Наибольшее распространение их в Юго-Западном Крыму приходится на II – середину III в. н.э. (Табл. 2, 3). Это время наиболее активных экономических отношений Херсонеса и связанных с ним поселений округи с Западными провинциями Римской империи [32].

Середина III - начало IV в. н.э. – время, когда большинство сельских поселений Юго-Западного Крыма погибает в результате продвижения с Запада на Восток варварских племен. Поэтому не случайно находки самых поздних экземпляров подвесок найдены в более отдаленных, предгорных и горных, районах Крыма, куда переселилось население долин рек Альмы и Бельбека[33]. Позже середины IV в. н.э. бронзовые ажурные подвески в Юго-Западном Крыму уже не встречаются.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Богданова Н.А. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников юго-западного Крыма // Труды ГИМ. Вып. 51. - М., 1980, с. 181, рис. 1. 12; Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). - К., 1983, с. 163, табл. XLIV. 4; Савеля О.Я. Охранные доследования могильника первых веков н.э. Мамай-Оба в междуречье Бельбека и Качи в Юго-Западном Крыму в 1982 г. // Научный архив НЗХТ, д. 2324, л. 33, 40; Зубар В.М., Савеля О.Я. Новий сарматський могильник другої половини I – початку II ст. н.е. в. Південно–Західному Криму // Археологія 2, 1989, с. 78, рис. 4, 4; Фонды НЗХТ, инв. № 25/37052; Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В. Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып.118, с. 178, рис. 3, 7; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. - К., 1994, с. 170, табл. 25, 21, 31.
2. Filip J. Praveké československo. - Praha, 1948, tab. 25, 50, s. 360.
3. Высотская, Усть-Альминское городище… , с.128.
4. Инв. № 6418, Э-1937.
5. Богданова Н.А., Гущина И.И. Новые могильники II–III вв. н.э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА 112. - 1967, с. 137, рис. 49. 4,5; Она же. О погребальном обряде населения Бельбекской долины (по материалам могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып. 93. - М., 1997, с. 36, рис. 13. 7; Сымонович, Население столицы позднескифского царства…, с. 163, табл. XLIV. 1-3; Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. - М., 1974, с. 129, рис. III. 13; Высотская, Усть-Альминское городище и некрополь…, с. 186, табл. 41. 23; Раскопки Белова Г.Д. в северном районе Херсонеса в 1949 г. Фонды НЗХТ. Инв. № 5/35951; Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника в Совхозе-10 в 1956 г. // Научный архив НЗХТ, д. 747, л. 84; Фонды НЗХТ, инв. № 221/36443; Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III–IV вв.

н.э. в Совхозе-10 в 1962 г. // Научный архив НЗХТ, д. 857 «а», л. 106; Фонды НЗХТ, инв. № 440/36572; Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III–IV вв. н.э. в Совхозе–10 в 1962 г. // Научный архив НЗХТ, д. 857 «б», л. 104; Фонды НЗХТ, инв. № 203/36576.

6. Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 54.Ч.II. - М., 1982, с. 86, рис. 4. 51,68,75.
7. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.). - Люблин, 2002, с. 68, 192, рис. 92. 5.
8. Bouzek J. Graeco-Macedonian bronzes (analysis and chronology). - Praha, 1973, s. 70, fig. 21.
9. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.). // СА 4. - 1976, с. 129, рис. 5. 3.
10. Там же, с.147.
11. Мыц В.Л. Могильник III-IV вв. н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. - К., 1987, с. 156-157, рис. 7. 10.
12. Могильник «Совхоз-10» - подбойная могила 99; Научный архив НЗХТ, д. 857 «а», л. 71; подвеска передана в музей Екатеринбургского (Уральского) университета; Богданова, Гущина, Лобода, Могильник Скалистое III…, с. 130, рис. 6. 95; Богданова, Семантика и назначение некоторых амулетов…, с. 181, рис.1. 11; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Д 1–7. - М., 1991, с. 126, табл. 70. 22.
13. Богданова Н.А. Могильник первых веков н.э. у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы // Труды ГИМ. Вып. 70. - М., 1989, с. 51, табл. XVI. 1-5; Ахмедов, Гущина, Журавлев, Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV…, с. 178, рис.3. 6.
14. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета К.К.Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // ИАК. 2. - СПб., 1902, с. 28, рис. 29; подвеска найдена с наружной стороны южного участка городской стены Херсонеса, в районе скотного двора, скорее всего, на территории некрополя римского времени. Точнее определить не удалось. К.К.Косцюшко-Валюжинич называет ее подвеской к уздечке.
15. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. - К., 1963, с. 101, табл. XIV. 10, с. 104.
16. Храпунов, Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.)..., с. 67, 173, рис. 73. 1.
17. Bichir Gh. Sarmaţii la Dunarea de los in lumina ultimelor cercetari // Pontica. V. – 1972, s. 155, pl. XIII. 5, s. 175.
18. Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 128, 170, табл. 25. 2.
19. Bouzek, Graeco-Macedonian bronzes…, s. 60-61, fig. 18. 5.
20. Ibid., s. 60.
21. Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 143, 144.
22. Кухаренко Ю.В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА 1. - 1959, с. 36; Нефедова Е.С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и Римского времени. - СПб,. 1992, с. 33; Сымонович, Население столицы позднескифского…, с. 98; Filip J. Keltská civilisace a jaj dêdistvi. - Praha, 1959, s. 144-145, tab. XXXVIII.
23. Богданова, Семантика и назначение некоторых амулетов…, с. 84; Она же. Могильник первых веков н.э. у с. Заветное…, с. 52; Высотская Т.Н. Культы и обряды поздних скифов // ВДИ 3. - 1976, с. 70; Мыц, Могильник III-IV вв. н.э. на склоне Чатырдага..., с. 157; Гущина, О погребальном обряде населения Бельбекской долины…, с. 36; Сымонович, Население столицы позднескифского царства…, с. 98.
Западные исследователи чаще всего считают подвески-сферы украшениями либо вообще не указывают на их смысловое значение, ограничиваясь лишь описанием форм и их археологической систематизацией.
24. Турскова Т.А. Новый справочник символов и знаков. - М., 2003, с. 656.
25. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. - М., 1991, с. 368.
26. Богданова, Семантика и назначение…, с. 84; Залесская В.Н. Византийские серьги–лунницы // Тезисы докладов I коллоквиума «Памятники ювелирного искусства и проблемы их изучения и реставрации». - СПб., 1996, с. 21.
27. Штаерман Е.М. Человек и космос в мире Рима // ВДИ 3. - 1992, с. 183-184, 187.
28. Турскова, Новый справочник…, с. 656.
29. Богданова, Гущина, Новые могильники II–III вв. н.э. у с. Скалистое …, с. 138; Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 129; Богданова, Семантика и назначение…, с. 83.
30. Богданова, Могильник первых веков н.э…., с. 51, табл. XVI, с. 52.
31. Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). - К., 1993, с. 56; Гущина, О погребальном обряде населения…, с. 37.
32. Зубарь, Херсонес Таврический в античную эпоху…, с. 56; Сорочан С.Б. Економічні зв'язки Херсонеса Таврійського з Заходом в I ст. до н.е. – V ст.н.е. // Археологія 50. - 1985, с. 12.
33. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. - К., 1994, с. 119-120; Он же. Херсонес Таврический в античную эпоху…, с. 57.

	I – нач. II в. н.э.	II – сер. III в. н.э.	Сер. III – нач. IV в. н.э.	Итого
Усть-Альма	4	1		5
Заветное	2	1		3
Мамай-Оба	1			1
Бельбек II		1		1
Бельбек IV	1	5		6
Скалистое III		4		4
Неаполь Скифский	1	3		4
Дружное			2	2
Совхоз-10		4		4
Черноречье			1	1
Херсонес	1	1	1	3
Чатырдаг			1	1
Итого	10	20	5	35

Таблица 1. Находки бронзовых ажурных подвесок из могильников и поселений Юго-Западного Крыма.

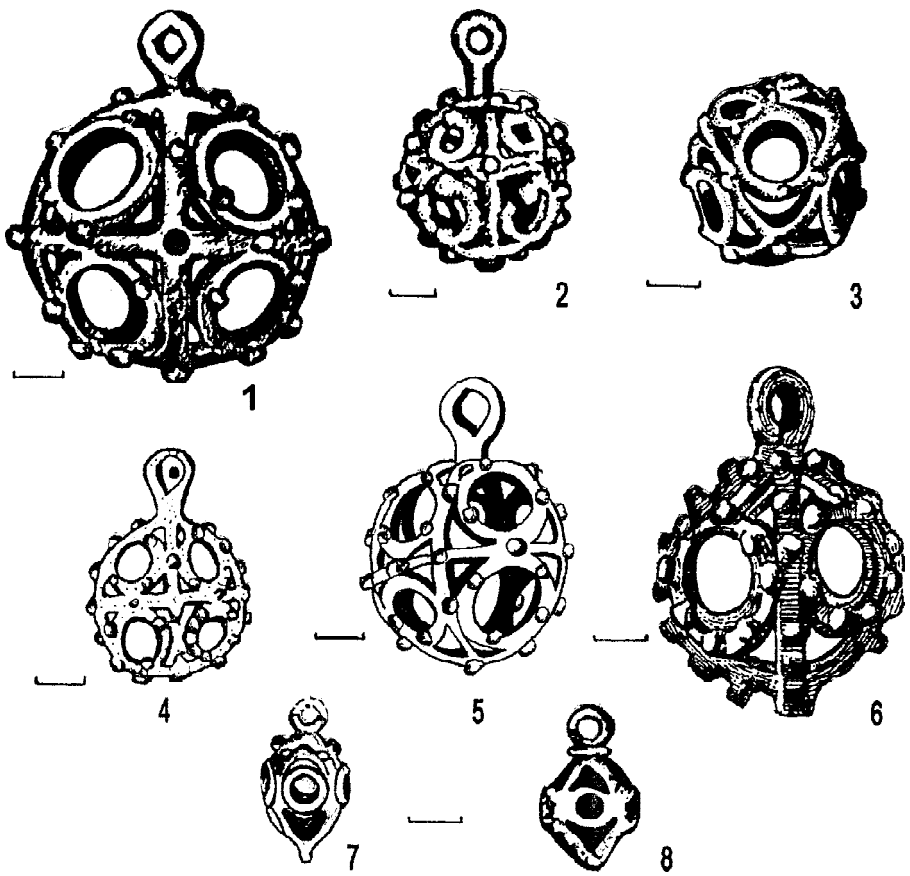

Рис. 1. 1 - Усть-Альма, склеп 88 (по Высотской Т.Н.); 2 - Усть-Альма, склеп 88 (по Высотской Т.Н.); 3 - Заветное (по Богдановой Н.А.); 4 - Неаполь Скифский, склеп 35 (по Сымоновичу Э.А.); 5 - Мамай-Оба, подбойная могила 1 (по Савеле О.Я.); 6 - Бельбек IV, погребение 223 “а” (по Гущиной И.И.); 7 - Херсонес Таврический, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, инв. №6418 Э-1937; 8 - Усть-Альма, склеп 88 (по Высотской Т.Н.).

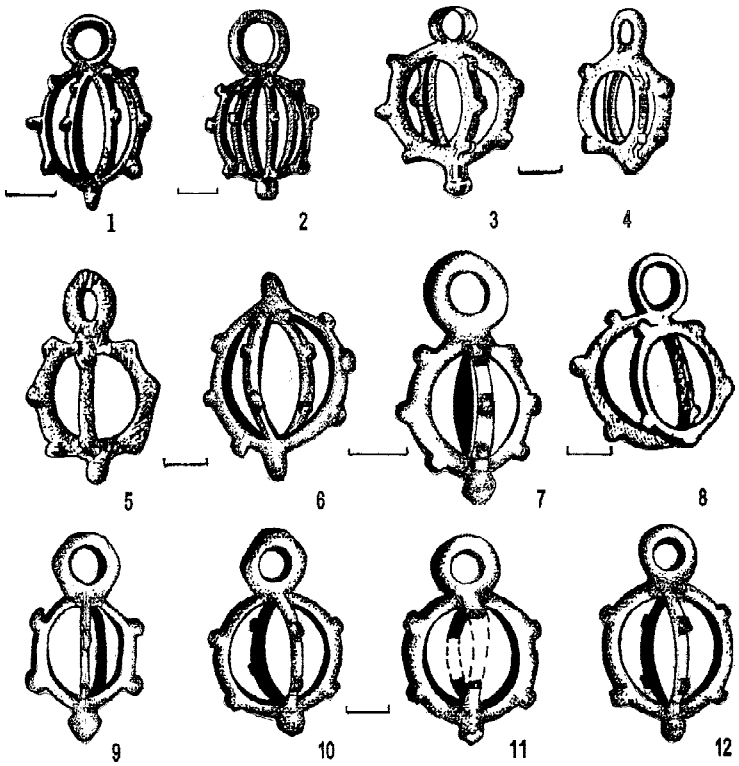

Рис. 2. 1 - Скалистое III, погр. 37/2 (по Богдановой Н.А.); 2 - Скалистое III, погр. 52 (по Богдановой Н.А.); 3 - Неаполь Скифский, склеп № 1 (по Сымоновичу Э.А.); 4 - Неаполь Скифский, подбойная могила 3 (по Сымоновичу Э.А.); 5 - Неаполь Скифский, подбойная могила 84 (по Сымоновичу Э.А.); 6 - Бельбек II, погребение 8 (по Гущиной И.И.); 7 - Бельбек IV, погребение 218 (по Гущиной И.И.); 8 - Усть-Альма, склеп 125 (по Высотской Т.Н.); 9 - Херсонес, раскопки Белова Г.Д. в северной части городища в 1949 году, инв. № 5/35951; 10 - Совхоз-10, подбойная могила 23, инв. № 221/36443; 11 - Совхоз-10, урна 356, инв. № 203/36576; 12 - Совхоз-10, подбойная могила 116, инв. № 440/36572.

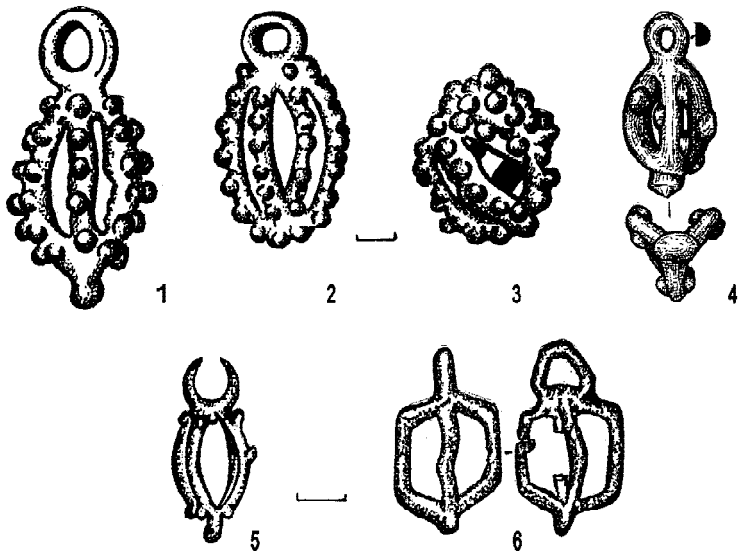

Рис. 3. 1 - Бельбек IV, погребение 108 (по Гущиной И.И.); 2 - Бельбек IV, погребение 106 (по Гущиной И.И.); 3 - Бельбек IV, погребение 108 (по Гущиной И.И.); 4 - Дружное, склеп 18 (по Храпунову И.Н.); 5 - Скалистое III, погребение 43 (по Богдановой Н.А.); 6 - Чатырдаг, каменный ящик (по Мыц В.Л.).

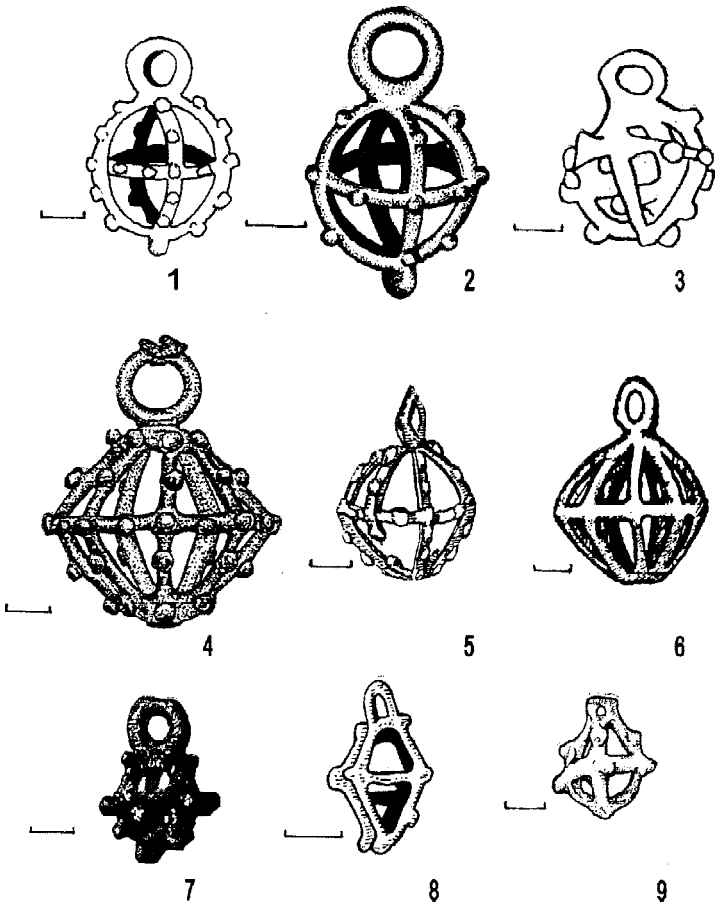

Рис. 4. 1 - Совхоз-10, подбойная могила 99 (по Стржелецкому С.Ф.); 2 - Заветное, погребение 137 (?), (по Богдановой Н.А.); 3 - Скалистое III, подбойная могила 8 (по Лободе И.И.); 4 - Заветное, погребение 294 (по Богдановой Н.А.); 5 - Бельбек IV, погребение 223 “а” (по Гущиной И.И.); 6 - Усть-Альма, склеп 88 (по Высотской Т.Н.); 7 - Херсонес Таврический, раскопки с наружной стороны южного участка городской стены (по Косцюшко-Валюжиничу К.К.); 8 - Чернореченский могильник, подбойная могила 18 (48) (по Бабенчикову В.П.); 9 - Дружное, склеп 3 (по Храпунову И.Н.).

С.Р. ТОХТАСЬЕВ

SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE

Первое привязанное к хронологии упоминание савроматов находим у Геродота в рассказе о скифском походе Дария I (IV, 120, 2 и др.). Географические разделы его книги дают две различающиеся локализации савроматов, восходящие, очевидно, к разным и, может быть, разновременным источникам: сразу за Танаисом, на север, начиная от самого дальнего (т. е. северного) угла Меотиды до земли будинов (IV, 21; аналогично, но менее конкретно – 57); на землях, отстоящих от Танаиса на три дня пути к востоку и от Меотиды на три дня пути к северу (116, 1)[1]. По всей видимости, к Геродоту восходят сведения Помпония Мелы I, 14: ad Tanain Sauromatae[2].

В гиппократовском сочинении Περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων, 17 (Κυεηλεωειν), написанном несколько позже книги Геродота, савроматы обитают «в Европе» (т. е. западнее Меотиды: о границе материков см. гл. 13) и «около озера Меотиды»: ἐν δὲ τῇ Εὐρώπῃ ἐστὶν ἔθνος Σκυθικόν, ὃ περὶ τὴν λίμνην οἰκέει τὴν Μαιῶτιν[3]. Вполне возможно, речь идет лишь о районах, примыкающих к дельте Танаиса; ср. Diod. II, 43, 6: выселенные скифами из Мидии, савроматы поселяются «по Танаису» – παρὰ τὸν Τάναϊν, без уточнения, в какой именно части света; но у Плиния n. h. VI, 19, где представлена та же традиция, прямо сказано о дельте: Tanain amnem gemino ore influentem incolunt Sarmatae, Medorum, ut ferunt, suboles. Эти сарматы, по Плинию, «разделены на много племен», и одним из них являются Sauromatae Gynaecocratumenoe (ср. Ps.-Scyl. 70 sq.), произошедшие от амазонок (версия Геродота)[4].

Эфор († около 330 г.) в описании Европы «вплоть до скифов» (περιοδεύσας τὴν Εὐρώπην μέχρι Σκυθῶν, Strab. VII, 3, 9 = Jacoby F. (ed.). Die Fragmente der griechischen Historiker, 70. F 42) сопоставлял нравы скифов и савроматов, но это еще ничего не говорит о локализации последних. Зато язаматов, которых античные авторы разного времени помещают в Приазовье – Прикубанье[5], он считал «народом савроматов» (F 160; текст см. ниже); таким образом, по его представлениям, савроматы (во всяком случае часть их) жили в Азии.

Сведения составленного около 361–357 гг.[6] перипла Псевдо-Скилака о местообитании савроматов (§ 70) не отличаются от геродотовских в гл. 21[7], а в Европе у Танаиса живут некие Συρμάται (68), упомянутые еще раз у Эвдокса (apud St. B., fr. 277 Lasserre) с той же локализацией. Предположим, что данные Псевдо-Скилака о савроматах древнее гиппократовских. Однако столь ранняя локализация савроматов к западу от Меотиды противоречит всему, что мы знаем об этногеографии Скифии как по другим литературным источникам, так и по данным археологии. Скорее всего, автор трактата *Περὶ ἀέρων* поместил савроматов в Европу по ошибке: скифы у него вообще европейские жители (18), а так как савроматы – «скифский народ», они и оказались перемещены в Европу. Кроме того, более чем вероятно, что автор был знаком с легендой, помещавшей прародину савроматов поблизости от греческого города Кремны на «европейском» берегу Меотиды в стране «свободных (т. е. «царских») скифов» (Hdt. IV, 110 sqq.)[8], и не упоминает амазонок только по причине сугубо научного характера своего сочинения. Отсюда – «европейская» локализация савроматов.

О живущих по Танаису сарматах говорит в начале описания «Азии» Псевдо-Скимн (875 sqq. Diller), черпавший, возможно, из Деметрия Каллатийского (писал в самом конце III в.[9]), на которого он тут же ссылается (Jacoby, Fragmente..., 85. F 1) по вопросу об этносе язаматов:

> τὸν Τάναϊν, ὅσ<τις> ἐστὶ τῆς Ἀσίας ὅρος,
> τέμνων <γε> τὴν ἤπειρον ἑκατέραν δίχα,
> πρῶτοι νέμονται Σαρμάται, δισχίλια
> στάδι᾽ ἐπέχοντες· εἶτα Μαιωτῶν γένος
> Ἰαζαματῶν λεγόμενον, ὡς Δημήτριος
> εἴρηκεν, ὡς Ἔφορος δέ (F 160), Σαυροματῶν
> ἔθνος

«Танаис, каковой является границей Азии, разделяя, собственно, оба материка надвое, первыми (sc. в Азии) населяют сарматы, занимая (пространство) в 2000 стадиев; затем – племя меотов, называемое язаматами, меотское, по словам Деметрия, а по словам Эфора – народ савроматов». «Затем» связывающее сообщение о сарматах и о язаматах создает полное впечатление того, что Деметрию был знаком и первый этноним, но связь эта могла возникнуть и в результате компиляционной работы автора перипла. С другой стороны, ясно, что Деметрий, автор книги «Об Азии и Европе», непременно должен был подробно писать о том, какой народ жил по Танаису, разделяющему материки, а Псевдо-Скимн говорит о сарматах, опираясь не на какие-то общеизвестные факты, но, располагая точными сведениями о размерах страны сарматов, и, таким образом, взял их из совершенно конкретного источника.

Во всяком случае, если отвлечься от напрашивающейся догадки, что Σαρμάται поставлено вместо Σαυρομάται по метрическим соображениям[10], источник перипла Псевдо-Скимна значительно древнее времени его составления (около 110 г. до н.э.), так как Полибий (XXVI, 6, 13) при изложении событий 179 г. до н.э. пишет уже о Σαρμάται в «Европе»[11], а по археологическим данным активное заселение сарматами степей к западу от Дона начинается за полвека до Псевдо-Скимна (см. ниже). Соответственно к предшествующему времени относятся и события, о которых сообщает Диодор (II, 43, 7), писавший в последней четверти I в. до н.э.: савроматы, поселенные скифами у Танаиса, спустя много лет «сделавшись сильнее» (чем скифы), «опустошили большую часть Скифии (πολλὴν τῆς Σκυθίας) и, полностью истребляя (ἄρδην ἀναιροῦντας) побежденных в войне, сделали пустыней бульшую часть страны (τὸ πλεῖστον μέρος τῆς χώρας)». Стандартные риторические выражения, со времен Горгия применяемые для гиперболизации и генерализации («бульшую часть», «полностью истребляя»), подчеркнутые плеонастическим повтором одного и того же в начале («опустошили…») и в конце фразы («сделали пустыней…»)[12], могли бы вызывать сомнения в достоверности деталей сообщения, если бы не свидетельства археологии о почти полной гибели скифской культуры степной и лесостепной зон Северного Причерноморья на рубеже IV/III или в первые два десятилетия III в. до н.э., что, как считает большинство специалистов, в той или иной степени связано с нашествием кочевников с востока, которых археологи по обыкновению именуют сарматами[13]. Строки херсонесского декрета IPE I^2 343, где Ю.Г. Виноградов (см. прим. 13) распознал имя сарматов (Σαρματᾶν, стк. 15), сильно фрагментированы как раз в самом интересном месте, но основные заключения исследователя не вызывают сомнений: надпись датируется первой четвертью III в. или, конкретнее, около 280 г., упоминание сарматов может быть объяснено только появлением их на территории бывшей Скифии, вероятно, и Крыма, что смыкается со свидетельствами археологии и вместе с ними дает хронологическую привязку рассказа Диодора, а заодно указывает, что он использует термин «савроматы» лишь по традиции, в качестве архаизирующего синонима вместо нового Σαρμάται (ср. ниже).

Приведенное место у Полибия дает самое раннее, твердо датированное упоминание самого термина Σαρμάται в литературе. Правда, некоторые исследователи считают, что впервые он появляется в книге Феофраста († 285 г.) «О меняющих окраску (животных)». Кроме отдельных ссылок, цитат и переложений, она известна лишь в реферате Фотия (Bibl. Cod. 278, p. 525a, 36): тарандр водится, «как говорят, у скифов или сарматов» – ἐν Σκύθαις φασὶν ἢ Σαρμάταις (fr. 172, 1 Wimmer). Но уже само по себе странное «или» вызывает сомнения в том, стояло ли Σαρμάταις в тексте самого Феофраста. Другие античные авторы, сведения которых о тарандре восходят к Феофрасту[14], сарматов не упоминают; более того, вполне определенно выясняется, что диковинный зверь водился, собственно, даже не вообще в Скифии (как Plin. n. h. VIII, 123 sq.: Scytharum tarandrus; Ael. n. an. II, 16: скифы обтягивают его кожей щиты), а конкретно «у скифов, называемых гелонами»: ἐν δὲ Σκύθαις τοῖς καλουμένοις Γελωνοῖς (Ps.-Aristot. *Θαυμ. ἀκουσμ.* 30, p. 832 b 7; то же – Philo, de ebr. 174). Гелоны же, согласно Геродоту (IV, 108 sq.; ср. Mela I, 116), жили на территории будинов, с которыми непосредственно граничили савроматы (гл. 21). Таким образом, Σαρμάται у Фотия, если и не является его собственным прибавлением[15], то актуализировано им из Σαυρομάται; сходным образом поступил Стефан Византийский (s. v. Γελωνός), который, пересказывая сведения

Псевдо-Аристотеля о таранд(р)е у гелонов, говоря, правда, о будинах, т. к. город Гелон находился в их стране, определяет Гелон – со ссылкой на Геродота! – как «город Сарматии, что в Европе».

Не более надежным является свидетельство Антигона Каристийского (Mirab. 152a, вероятно, через посредство Каллимаха), согласно которому получается, что термин Σαρμάται был знаком Гераклиду Понтийскому (fr. 128 a Wehrli = Callimach. 407, 91 Pf.), современнику Феофраста: «Об озере у сарматов (ἐν Σαρμάταις) Гераклид пишет, что над ним не поднимается ни одна птица, а какая приблизилась, погибает от смрада». У других парадоксографов (Parad. Vat. 14 R., откуда Parad. Flor. 22 Öhler[16]) и у медика Руфа Эфесского (apud Oribas. Coll. med. V, 3, 29), черпавших из Гераклида[17], говорится о Σαυρομάται. Совершенно ясно, что Гераклид, цитировавший его Каллимах, и, скорее всего, сам Антигон, младший современник Каллимаха, писали о савроматах, а рукописное Σαρμάται у Антигона – искажение под влиянием позднейшего словоупотребления. Следует отметить, что книга Антигона дошла в единственной рукописи. К сожалению, фрагменты Гераклида не содержат никаких данных о местообитании са(в)р(о)матов[18]. Предположение Д.А. Мачинского, что озеро в стране са(в)р(о)матов - это современный Сиваш, и, таким образом, они в IV в. (ближе к его концу) заселяли уже земли по западному побережью Меотиды, основано на песке: откуда можно заключить, что на землях восточнее Танаиса и Меотиды и вплоть до Волги и Каспия не было какого-то другого озера, о котором могли рассказывать подобные небылицы?

Лишь ради полноты стоит упомянуть недоказуемую гипотезу Ростовцева, что рассказ Полиена (VIII, 56) об Амаге, жене Медосакка, царя «сарматов, (земли которых) достигают побережья Понта», восходит к источникам, сообщавшим о событиях между 272 и 220 гг. до н.э. [19] Можно спорить с деталями аргументации Я. Харматты[20], но, по сути дела, его датировка примерно тем же временем, что и упомянутый Полибием (XXVI, 6, 13) договор Фарнака I с Херсонесом, сарматским царем Гаталом и др. в 179 г. до н.э., на мой взгляд, выглядит вполне убедительной[21].

Страбон в II, 5, 7 излагает вычисления Гиппархом размеров ойкумены, который в качестве исходной гипотезы взял размеры Земли, определенные Эратосфеном, опираясь на его же географические материалы (книга Гиппарха была не оригинальным географическим исследованием, а лишь рецензией на «Географические записки» Эратосфена и называлась «Против Эратосфена»: Strab. I, 1, 41; I, 1, 12). Подводя промежуточные итоги, Страбон обтекаемо говорит о специалистах, которые, с опорой на известные и доступные для плавания расстояния, изучают вопрос (λαβόντες οὖν τὰ διαστήματα γνώριμα καὶ πλεόμενα σκοποῦσι), как далеко обитаемы области выше Борисфена (τὰ ὑπὲρ Βορυσθένους): «а обитают выше Борисфена самые крайние из известных скифов – роксоланы», однако их область южнее (они – νοτιώτεροι) стран, лежащих выше Бреттании (т. е. Туле[22]); дальше к северу от роксоланов земля из-за холода необитаема; южнее роксоланов находятся и савроматы, живущие «выше Меотиды» (ὑπὲρ τῆς Μαιώτιδος), и скифы «вплоть до восточных скифов». Вместе с географической справкой в VII, 3, 17 (роксоланы на крайнем севере Скифии, на равнине между Танаисом и Борисфеном) эти сведения с основанием атрибутируют[23] Эратосфену († не позже 192 г.[24]). Роксоланы названы скифским племенем[25] и отдельно от савроматов, локализация которых, как и скифов, выглядит не очень определенной. При интерпретации этих указаний следует иметь в виду, что здесь Эратосфену важно было, прежде всего, взаиморасположение народов по параллелям: νοτιώτεροι означает, что савроматы, скифы и «восточные скифы» обитают не то чтобы прямо к югу от роксоланов, а в более южном поясе. «Выше Меотиды» лежат территории к северу от параллели, проведенной через устья Танаиса; в сущности, савроматы живут если и не по ту сторону Танаиса, то и не на Севере Понта, занятом скифами (здесь он во всяком случае следует традиции[26]), самым северным племенем которых являются роксоланы. Полностью проясняет это место пересказ Эратосфена у Страбона XI, 6, 2[27]: по правую руку вступающему в Каспийское море (с севера) находятся «скифы, смежные с европейскими (скифами), и сарматы[28], (живущие) между Танаисом и этим морем», а по левую руку – восточные скифы (οἱ πρὸς ἕω Σκύθαι) вплоть до Океана по соседству с Индией (ср. II, 5, 31; XI, 1, 7). Таким образом, по сведениям Эратосфена, скифы жили и где-то к северу от

Кавказа[29], тогда как савроматы, в отличие от скифов, не доходили до Индии. В итоге, формулировку в II, 5, 7 следует понимать так: южнее параллели роксоланов – понтийские скифы (параллель Борисфена), затем между Танаисом и Каспием (параллель Меотиды, т. е. устья Танаиса) – савроматы и опять скифы вплоть до Восточного океана.

Что, однако, должно означать ὑπὲρ Βορυσθένους? Со времен Геродота (IV, 53, 4 sq.) истоки Борисфена так и не сделались доступны научному изучению (Strab. II, 4, 6: οὔτε... κατωπτευμένων). Тем не менее, путем вычислений, исходя из расстояний от экватора до границ ойкумены на юге и на севере, Страбон (или Гиппарх, если не сам Эратосфен) условно определяет расстояние от устья Борисфена до северных областей в 4000 стадиев (II, 5, 9; основания – в § 8). Таким образом, «выше Борисфена» – географический terminus technicus для областей где-то в верхнем течении Борисфена, на границе обитаемой земли. То же выражение использует Плиний (n. h. VII, 12), который, однако, говорит о савроматах: ... *supra Borysthenen Sauromatas* (ср. прим. 4).

В II, 5, 13 (C. 128) Страбон, опираясь в целом на географическую схему Эратосфена, пишет, однако, о тирегетах, бастарнах и савроматах до Танаиса и Меотиды; аналогично – VII, 2, 4: мне, говорит Страбон, неизвестно, чтобы бастарны или савроматы или какие-либо другие «живущие в кибитках» племена жили «выше Понта»; ὑπὲρ τοῦ Πόντου – это земли, севернее территории, которую, по достоверным сведениям, населяют савроматы (севернее причерноморских степей). Очевидно, здесь эратосфеновская картина мира актуализирована Страбоном или уже Гиппархом (или даже Посидонием?)[30], который всё же пользуется старой номенклатурой (савроматы, а не сарматы).

В позднейших источниках роксоланы именуются сарматским народом (Tac. Hist. I, 79: Sarmatica gens; SHA, tyr. trig. X, 2), что, с точки зрения современной терминологии, следует признать правильным. Сарматские диалекты объединяет, прежде всего, важная и яркая особенность, неизвестная ни в скифском, ни в других иранских языках, кроме осетинского: переход сочетаний ri, ry > l[31], riy > li[32], что и находим в этнониме Ῥωξολανοί < *rōxšnālan(a) или, скорее, *rōxšan-alan(a) < *rauxšna-aryana-, с диссимилятивным выпадением [n] (фактически целого слога[33]) и -o- вместо -α- в качестве греческого композиционного гласного[34]: *aryana- (= Ἀλανοί), определенное прилагательным *rauxšna – «блестящий, светлый»[35].

Сообщение о местообитании роксоланов в VII, 3, 17 продолжено историческим экскурсом из другого источника[36]: они были союзниками скифского царя Палака в войне с Херсонесом. Однако херсонесский декрет в честь Диофанта (IPE I^2 352$_{23}$) говорит о ревксиналах – Ρευξιναλοι[37], и правильность этого чтения[38] подтверждается надписью КБН 698 первой половины II в. н.э.: Παιρισαλος Σαυροφου ἑρμηνεύς (sc. Ἀλανῶν или Ρευσ/ξιναλῶν[39]), Ρευσιναλος Παιρισαλου[40]. Ρευσι-ναλος представляет собою имя-этникон (ср. прим. 48)[41], причем, в отличие, например, от боспорского царского имени Σαυρομάτης[42], собственно сарматское, т. к. оно связано гомеотелевтом с сарматским же именем отца[43]; ср. также Ῥευκα-νάλοι в описании Европейской Сарматии у Птолемея рядом с роксоланами (Geogr. III, 5, 10 Müller; к членению ср. Σακά-ραυκαι, Strab. XI, 8, 2; Sa<ca>raucae, Iustin. Prol. XLII)[44].

Можно ли сомневаться, что у Страбона произошла путаница, вызванная созвучием двух варварских названий? Гораздо удивительнее, что она продолжилась путаницей в головах исследователей нового времени, не замечающих, что Ρευξιναλοι и Ῥωξολανοί никак не могут быть возведены к единой иранской праформе и, стало быть, не могут быть обозначением одного и того же народа.

Помимо того, что Эратосфен первым после Псевдо-Скилака и Эвдокса (Συρμάται) фиксирует сарматское (в современном понимании термина) племя в «Европе», особое значение его свидетельства состоит в том, что «савроматы» у него по-прежнему обитают фактически за Меотидой. Получается, что переселение роксоланов не рассматривалось как переселение савроматов (сарматов) за Танаис или даже прошло незамеченным для греков метрополии. Это может косвенно свидетельствовать о том, что еще в конце III – начале II в. основная масса савроматов (сарматов) еще жила в «Азии»[45] и это хронологически согласуется с данными Псевдо-Скимна 875 sqq., если они почерпнуты у Деметрия Каллатийского.

И по археологическим данным собственно заселение бывшей Скифии кочевниками из-за Танаиса, тогдашнее имя которых сообщает херсонесская надпись IPE I^2 343 и Полибий, начинается не раньше середины II в.;

присутствие в степях западнее Танаиса сирматов, роксоланов и сарматов Гатала, причисленного Полибием к правителям («династам») европейских народов (… τῶν δὲ κατὰ τὴν Εὐρώπην [sc. δυνάστων] Γάταλος ὁ Σαρμτης), археологически прослеживается очень слабо[46]. Ольвийский декрет в честь Протогена (IPE I² 32 B_9), изданный примерно тогда же, когда Эратосфен писал свой географический труд[47], еще упоминает Σκύθαι как непосредственных соседей Ольвии, причем речь идет, несомненно, о политическом, а не об этническом термине: территориально ужавшееся скифское царство продолжало владеть землями в районе Ольвии. Сообщению о панике, охватившей этих скифов и других соседних варваров (савдаратов, тисаматов) при слухах о грядущем нашествии галатов и скиров (B_{5-8}), хронологически предшествует ситуация, описанная на стороне А декрета, когда Ольвия год за годом выплачивала «дары» царю неких сайев (Σαιων[48]) Сайтафарну. Этноним и, очевидно, связанный с ним этимологически первый компонент имени царя – Σαιτα-φαρν- (явно отглагольное имя на *-to-) не имеют убедительного объяснения[49], но второй компонент, как известно, иранский (*farnah-). Поскольку сайи никак не могут быть племенем скифов (коль скоро скифы упомянуты в B_9), большинство исследователей считает их сарматским племенем. Декрет рассказывает о них так: «когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и требовал даров по случаю проезда» (τὰ δῶρα τῆς παρόδου); «когда явились во множестве сайи за получением даров…»; «когда отдано было на откуп (снаряжение) посольства в резиденцию царя (Сайтафарна)…»; «и когда царь Сайтафарн явился на ту сторону за дарами…»; «но царь, недовольный дарами, разгневался и выступил в поход…» (перевод В.В. Латышева). Создается впечатление, что сама страна сайев, где находилась ставка (βασίλεια) Сайтафарна, лежала на довольно значительном удалении от Ольвии[50], но в любом случае вымогательство «даров» у ольвиополитов предполагает право на владение соседними землями, которое надо было завоевать, вытеснив с них скифов. Точно так же причисление Гатала к европейским правителям не исключает того, что он, подобно Сайтафарну, лишь контролировал значительную часть бывшей Скифии политически и экономически, а сама его орда базировалась, например, в районе дельты Танаиса[51].

Можно предположить, что, спустя некоторое время, скифы частично отвоевали утраченные территории, чем объясняется появление их имени в стк. 9 на стороне В декрета при отсутствии упоминания Сайтафарна (но раболепие, которое звучит в каждой строке, сообщающей о сайях, свидетельствует, что ольвиополиты благоразумно учитывали возможность возвращения свирепого царя). Во второй половине II в. скифский царь Скилур чеканит монеты на монетном дворе Ольвии и, по всей видимости, даже контролирует ее политически[52]. Надпись на построенном около 130 г. до н.э. мавзолее Аргота в так называемом Неаполе Скифском, составленная от имени «владыки богатой конскими пастбищами Скифии» (подразумевается, несомненно, Скилур), сообщает о его победах над фракийцами и «меотами»[53], откуда следует, что скифы были тогда вполне в силах осуществлять военные походы в весьма отдаленные страны, не очень опасаясь удара с тыла со стороны сарматов[54]. Страбон (VII, 4, 5) пишет о Крыме: «И называлась вся эта страна, а частично (σχεδὸν δέ τι) и та, что за перешейком вплоть до Борисфена Малой Скифией». Источником справки, по-видимому, был Посидоний[55], писавший во второй – третьей четверти I в. до н.э. Как бы то ни было, имперфект ἐκαλεῖτο у Страбона (прямо из источника?) относит использование этого названия к прошлому, скорее всего, ко времени Скилура[56]; современным Страбону обозначением (но только для Крыма) является «Большой Херонес» – ἡ Μεγλη Χερρόνησος, термин, который использовал (или впервые ввел) Артемидор Эфесский[57].

Начиная с I в. до н. э., когда сарматы уже заселили северопричерноморские степи, термин Σαρμάται становится более употребительным, однако Σαυρομάται удерживается не только в цитатах из более древних авторов и в их переложениях (например, Strab. II, 5, 7; XI, 6, 2: наряду с Σαρμάται, заменяющим Σαυρομάται Эратосфена, ср. прим. 28), но широко используется в качестве архаизирующего обозначения сарматов[58]; иногда оба термина встречаются promiscue, особенно у Страбона. Это было настолько распространенным явлением, что Плиний даже объявил термин «сарматы» латинским, в противоположность греческому «савроматы» (Sarmatae, Graecis Sauromatae, n. h. IV, 80). Иногда оба термина встречаются promiscue, особенно часто у Страбона.

Таким образом, с какого-то времени греки

стали отождествлять оба этнонима и сами народы. Из числа рассмотренных выше авторов, писавших до Страбона, это отождествление фактически присутствует у Псевдо-Скимна и в источнике Диодора, который прямо связал савроматов архаических времен с сарматами, опустошившими Скифию в начале III в. Древние основывались, надо думать, не только на очевидном созвучии этнонимов, но и на приблизительном совпадении мест обитания савроматов VI–IV вв.до н.э. и сарматов III–II вв. до н.э. (и те, и другие – за Танаисом), а также общем образе жизни. Хотя эти основания выглядят довольно убедительными, отождествление савроматов и сарматов (в диахроническом плане) можно будет считать надежным лишь в том случае, если расхождение этих двух форм (Σαυρομ и Σαρμ) получит убедительную лингвистическую интерпретацию.

В отечественной науке наиболее известна этимология, предложенная В. И. Абаевым, который выделил в Σαυρομάται элемент -ται в качестве суффикса, а оставшееся истолковал как др.-иран. *s(y)ava-arma- «чернорукие»[59]. Это едва ли удовлетворительно фонетически[60], никак не обосновано семантически[61], но главное заключается в полной невозможности такого же объяснения формы Σαρμάται (и Συρμάται, о котором Абаев не упоминает). Кроме того, Абаев, подобно большинству прочих исследователей, упустил из виду наличие общей морфемы -μάται в других этнонимах родственных народов, обитавших в том же степном поясе: Ἰαζα-μάται и под. (см. прим. 5), Θισα-μαται (IPE I² 32 B_9, протогеновский декрет), а как раз такое сопоставление и ведет к единственно правильной лингвистической интерпретации Σαυρομάται/Σαρμάται. Вплотную к ней подошел еще Карл Мюлленхофф, поддержанный Ф. Юсти[62]. Тем не менее, в дальнейшем ей долгие годы упорно предпочитали другие, иногда заведомо неприемлемые (как у Абаева) сопоставления и конструкции. Догадку Мюлленхоффа существенно уточнил в 1923 г. Фасмер[63], окончательное же решение проблемы принадлежит Р. Шмитту[64]: тематизированное прилагательное *sa^{u}ru-mat-a-, которое находит себе цельнолексемное соответствие в др.-инд. (RV) śáru-mant- «вооруженный» śáru-, метательным оружием (дротиками, стрелами). Ср. далее апеллатив íṣu-mant- «снабженный стрелами», антропоним Iṣu-mata- и другие от названий оружия с тем же суффиксом: Ketu-mant-, Garma-vant-, а также Śalyá-, Śalyānuya- (от родственного śalyá- «стрела»)[65].

Только возведение Σαυρομάται к форме с u-эпентезой справедливо подчеркивает Шмитт[66], объясняет различие Σαυρ: Σαρ[67], если только не решиться на акт отчаяния (очевидно, бессмысленный), допустив, что речь идет о названиях, образованных от разных и лишь созвучных основ.

Таким образом, имя савроматов семантически сближается с этнонимом Σκύθαι в объяснении О. Семереньи: *skuδa- «стрелки, лучники» < и.-е. *skudo-[68].

Мы располагаем несколькими лишь гипотетическими примерами для дифтонга au в древнеиранских языках степной зоны: скиф. Σαύλιος (Hdt. IV, 76, брат Анахарсиса), Αὐχάται (IV, 6, 1, скифский род, происходящий от Липоксая), Νευρο (ibid. 17, 2 и др., народ на севере Скифии, по Гипанису); однако этимологии этих слов неизвестны. С другой стороны, имя одного из скифских «царей» времени скифского похода Дария Σκώπασις (Hdt. IV, 120, 2; 128, 1)[69], несмотря на отсутствие этимологии, должно отражать ō, хотя стяжение дифтонга, скорее всего, отражает ситуацию в скифском уже времени Геродота. Вместе эти свидетельства указывают на переходную стадию – когда монофтонгизация еще не утвердилась (ср. ниже персидские и мидийские данные).

Вместе с тем, знакомство с этнонимом и первый контакт с самими савроматами, а значит, и закрепление этой формы в традиции должны были иметь место не позже последнего десятилетия VI в. (Hdt. IV, 120, 2; см. выше). Свидетельства иранских языков Передней Азии у того же Геродота, а также у Ктесия указывают на монофтонгизацию au с превращением его в звук, близкий ω (долгий открытый ō): ср. Γω-βρύης (Hdt. III, 70 и др.) < *Gō-b < *Gau-b, Ῥωξάνη (Ctes. Jacoby, Fragmente…, 688. F 15; Plut. Alex. 47 и др.) < *Rōxšanā- < *Rauxšnā- и т. д.) и др.; встречается также ου < иран. [ū], как в Πισσούθνης и др., см. ниже. Имеется, однако, и такой пример, как Ἀρτα-ΰκτης < *Rta-uxta- (Hdt. VII, 33 и др.)[70], притом что дифтонг в этой позиции греческому не очень свойственен (откуда «трема» над υ). Аккадские передачи V в., собранные Дандамаевым, по-видимому, фиксируют переходную стадию; ср. вавил. Ar-ia-ú-pa-am-ma (время?) < *Arya-upama-[71], Is-pa-ú-du < *Spauda- (461 г.), Par-na-uh-ti-i < *Farna-uxti- (437 г.; ср. Ἀρτα-ΰκτης)[72], но Gu-ba-ru и т.

п. (уже 539 г.) = Γω-βρύης (однако элам. Kambar-ma отражает дифтонг, ср. также Qa-u-ba-ra < *Gaubara-), Gu-uk-ka-a' < *Gōka- < *Gauka- (417 г.), Gu-su-ri < *Gō-sūra- < *Gau-sūra- (или патронимическое *-sūri-; 423–420 гг.), Is-ku-ti-ik-ku < *Skōθika- < *Skauθika- (419 г.), Ru-šu-un-da-ti и под. < *Rōxšan-dāta- (или *-dāti-) < *Rauxšna-dāta- (429 г. и позже, ср. Ῥωξάνη)[73]. Аналогичную картину дают, по-видимому, менее показательные эламские свидетельства из Персеполя, которые частично могут отражать историческое произношение или написание[74].

Утверждение Бранденштайна[75] о завершившейся монофтонгизации au в древнеперсидском «незадолго до времени Дария I» не может быть принято. Наиболее взвешенным и отвечающим данным источников представляется мне заключение Дандамаева: «… по всей вероятности, монофтонгизация имела место не во времена Дария I или до него, а во второй половине V в. до н. э., когда писал Геродот»[76].

Но и Бранденштайн не отрицает, что, например, в мидийском au мог сохраняться, причем еще довольно продолжительное время. Помимо вавил. A-hu-ra-ma-az-da-' (в собственно др.-перс. – hu > u)[77], доказательством ему служит Καπαῦτα, название озера в Армении (на самом деле в Мидии) у Страбона (XI, 13, 2 coll. 14, 8; источник явно не ахеменидского времени) < *kapauta- «синий», сопоставляемое с mons Capotes (из *Καπωτης) в Армении у Плиния (n. h. V, 83)[78], однако, как указал Х. Миттельбергер[79], Καπαῦτα является лишь эмендацией (В. де Сен-Мартена, 1818 г.): рукописи дают Σπαῦτα(ν)[80].

По-настоящему показательные греческие примеры Бранденштайн даже не упоминает: καυνάκη - «персидская одежда», этимологически – «власяница» (Aristoph. Vespae 1137, 1149 и др., см. LSJ; ближе к этимону γαυνάκης в папирусе III в. до н.э.[81]), элам. Kam-na-ak-qa < др.-иран. *gaunaka-, *Gaunaka- (ср. авест. gaona- «волосы») при аккад. gu-nak-ku < *gōnaka-[82], Ῥοδο-γούνη и др. с *gauna- (ниже). Греки едва ли могли заимствовать слово ранее 540-х гг., когда Малая Азия вошла в состав Ахеменидской империи. Следующий по хронологии пример – упомянутое уже Ἀρτα-ΰκτης у Геродота (478 г.); далее, возможно, Τιθρα-ύστης, командующий персидским флотом в битве при Евримедонте (между 469 и 466 г., Ephor. Jacoby, Fragmente…, 70. F 192; Diod. XI, 60, 6: сын Ксеркса); то же имя носили два персидских полководца в первой половине IV в.[83]: мид. *Čiθra-ušta- (?) (у Ксенофонта и в Hellenica Oxyrhynchia – рядом с перс. Τισσα-φέρνης < *Čiça-farnah-)[84]; ср. также Ἀρτα-όζος (Xen. An. II, 4, 16; V, 35; Cyr. VI, 3, 21), если из *Rtāujah- (из *Rta-aujah-); однако, вероятно, и *Rta-vaza- или под.[85]

Рассмотренные скифские и мидийско-персидские данные не оставляют сомнений, что au еще вполне мог удерживаться по крайней мере до последнего десятилетия VI в. (времени похода Дария) и в савроматском.

Единственное препятствие интерпретации Мюлленхоффа – Фасмера – Шмитта заключается в том, что соответствующий иранский апеллатив не документирован. Однако śáru- имеет индоевропейские корни, ср. гомер. κῆλα «стрелы, перуны богов»[86], а образованное, по-видимому, от śaru- имя ведийского божества (одно из имен Рудры-Шивы) Śarvá- (вооруженный стрелами?) фонетически прямо соответствует авест. Saurva-[87], имени предводителя дэвов, который, правда, представлен в «Видевдате», обладающим совсем другими свойствами (см. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch…, Sp. 1568).

Выше уже говорилось, что в перипле Псевдо-Скилака и у Эвдокса из Книда (первая половина IV в.) упомянуты Συρμάται, живущие по Танаису, а именно в Европе (Псевдо-Скилак), т. е. к западу от него, подобно савроматам в Περὶ ἀέρων, 17. Но у Псевдо-Скилака савроматы, названные отдельно от сирматов, обитают, как это у Геродота, к востоку от Танаиса. Немедленно приходящая на ум догадка, что Псевдо-Скилак и Эвдокс имели общий источник, в котором Συρμάται было искажением Σαυρομάται или Σαρμάται, что привело к ложной дупликации этнонима[88], опровергается упоминанием Syrmatae у Плиния (n. h. VI, 48), причем поблизости от Окса (о чем см. ниже)[89].

Свидетельство Эвдокса сохранилось в невнятной справке эпитомы словаря Стефана Византийского: Συρμάται· οἱ Σαυρομάται, ὡς Εὔδοξος πρώτῳ· ποταμὸν τοῦ Τανάιδος Συρμάται κατοικεῖν – «Сирматы: савроматы, как Эвдокс в I-й книге: «(долину) реки Танаиса населяют сирматы». Слова после колона являются цитатой и, как показывает accus. cum inf., в свою очередь, переложением чьих-то сведений (скорее всего, в безличной форме – φασιν). Необычно здесь то, что статьи об этнонимах Стефан, как правило, начинает с

указания этнической принадлежности народа или указывает страну, в которой он обитает (например, s. v. Σαρμάται· ἔθνος Σκυθικόν; Δόλογκοι· ἔθνος Θρᾴκης), подобно тому, как при названии местности или города указано местонахождение или принадлежность тому или иному народу. Хотя текст Стефана может быть сильно искажен, т. к. от эпитоматора можно ожидать чего угодно (сокращение словаря Стефана производилось бессистемно, т. е. обычно чисто механически и бездумно), более чем вероятно, что Эвдокс говорил о синонимии, ср. s. v. Μοψοπία· ἡ Ἀττική, ἀπὸ Μόψοπος. Καλλίμαχος (fr. 351 Pf.). Разумеется, отождествлению им сирматов и савроматов не стоит придавать большого значения, оно могло быть лишь ученой конструкцией, исходящей из сходства наименований и других внешних характеристик: и те, и другие – номады, обитают в том же степном регионе и под.

Вместе с тем, форма Συρμάται выглядит так, как если бы она передавала среднеиранское соответствие Σαυρομάται: с монофтонгизацией au (> ō) > ū и утратой конечного -u основы (*Sūr-mata- < *Sa^{u}ru-mata-), которого нет и в Σαρμάται, другом варианте этнонима без эпентетического u (ср., однако, ниже).

В сарматских именах первых веков н. э. достоверно зафиксировано, кажется, только au > ō, которое передается *омегой*[90], но унаследованное ū, как и u, отражено через o, υ[91]; аналогично – в осетинском: au > ō (сармат. ω) > дигор. o (ирон. ū < o)[92].

В хотанском – ū < ō, иногда o[93]. В бактрийском находим двойной рефлекс au: ω [ō][94] и o[ū][95].

В афганском (пашто) – o (ср. tóma = бактр. τοχμανο), u (ср. γunj = бактр. γωνζο)

В языке переднеазиатских иранцев наряду с au > ω засвидетельствовано ου (ū): Ῥοδο-γούνη (со времен Дария I, см. Pape – Benseler), Φρατο-γούνη (Hdt. VII, 224, 2), Ἀλο-γούνη (Ctes. Jacoby, Fragmente…, 688. F 15) к *gauna-[96], при κ/γαυνάκη < *gaunaka- (см. выше), ср. афг. γuna < *gauna-; Πισσούθνης (Thuc. I, 115 и др., около 427 г.; Ctes. F 15 (53): Πισούθνης) < *Pišyauθna-[97]; Τερι-τούχμης (Ctes. F 15 (55); leg. Τειρι-?) < *Tīrī-tauxma-[98]; Μιθρο-βουζάνης (Arr. An. I, 16, 3 и др.) < *Miθra-baujana-[99]; для ου < ū ср. Σοῦσα (Aeschyl. Pers. 16 и др.) ~ др.-перс. Çūšā.

Как видим, рефлексация ου < au вместо более обычного ω не зависит от фонетического окружения исторического дифтонга. Таким образом, мы констатируем практически синхронное существование au и ō < au наряду с ū (< ō?) < au в иранских языках Передней Азии, вероятно, как-то распределенное по диалектам[100].

Буква υ и – реже – o перед буквами для согласных служит для передачи др.-иран. u; кроме Σκύλης (см. выше и прим. 68) и других скифских примеров, ср. перс. τυκτά < *tuxta-[101], Μεγα-βύζης (Hdt. III, 70, 2 и др.: codd. -βύζης; Syll.^{3} 282 II) < *Baga-buxša-, Ἀρτύκας (Ctes. F 5) < *Rt-uka-[102] и др., Δηϊ-όκης (Hdt. I, 16, 2 и др.) < мид. *Dahyuka-[103], Μαρδόνιος (Hdt. VI, 43, 1 и др.) < *Marduniya-[104].

Для υ - ū в ахеменидский период мне известно только Ἀρτασύρας < *Rta-sūra-[105]; сюда же, возможно, скиф. Οἰτό-συρος (Hdt. IV, 59, 2) или Γοιτό-συρος (Hesych.), Γογγό-συρος (Origen. c. Cels. VI, 39)[106]: к авест. sura- «сильный, мощный» (Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch…, Sp. 1584 f.)[107]; ср. также Καμβύσης ~ др.-перс. K-b-u-ji-i-y /Kambujiya-/, если не aujiya-[108], и скиф. Τύρης (Hdt. IV, 11, 4 и др.) к *tura- «быстрый, бурный»[109]; близко – Ὀτάσπης (Hdt. VII, 63) < *Hūta-aspa- (?)[110].

Кроме ненадежного Καμβύσης, примеров υ - ū, происходящего из au, кажется, нет, но (не говоря уже о скудости материала), скорее всего, лишь потому, что начало монофтонгизации перс. au приблизительно совпадает по времени с превращением ион. υ в [ü], чем и объясняются написания через дограф ου < перс. ū < au в Ῥοδογούνη и др.

Впрочем, поиски подходящих случаю примеров в родственных языках близкого времени, вполне возможно, вообще не имеют особого смысла, поскольку облик Συρμάται должен в известной мере отражать грецизацию (ср. σύρμα -ατος и производные, см. LSJ). Аналогичной адаптации могло подвергнуться и Σαρμάται (ср. σρμα -ατος); в то же время гипотеза о грецизации объясняет «синкопу» -o- в Σαρ-μάται, также отличающую и последнее, и Συρ-μάται[111] от Σαυρο-μάται, где отражен -u- первой основы[112].

Во всяком случае нет оснований отрывать Συρμάται от Συρμάται этимологически.

В принципе, Συρμάται можно было бы рассматривать в качестве формы этнонима тех же самых савроматов, сменившей более древнюю Συρμάται. А различение сирматов и савроматов у Псевдо-Скилака объяснить компилятивным характером его сочинения, в котором наслоились друг на друга данные от конца VI до середины IV в. до н.э.

Однако сведения Плиния о Syrmatae близ Окса (см. выше), едва ли восходящие к источникам раньше времени Александра[113], указывают на то, что перед нами этнонимический дублет (осколки былого единства) наподобие Γούτωνες (< *Gutans, *Gutôs - *готы* и др.-исл. Gautar - германское племя в Скандинавии); правда, здесь – не историческое развитие (отвлекаясь от др.-исл. ротацизма), а аблаут. Более близкие параллели дает славянский материал: ср. праслав. *Xurvāt- > Χορβάτοι и под. - балканские хорваты, др.-рус. **Хръвати** - славянское племя в районе Перемышля с регулярной метатезой и ст.-польск. Charwaci, Chrwaci, славянское племя на территории Польши, др.-чеш. Charvaty (топоним от этнонима) с вторичным › < *ur (*X›vat- < *Xъrvat-), который параллельно развился и в диалекте балканских хорватов, ср. с.-х. Hrvât[114]; такого же рода праслав. *slavēne, Σκλαβηνοί и др.-рус. **Словѣне** - племя на озере Ильмень[115].

Ничто не мешает предположить, что часть сирматов не позже середины IV в. продвинулась из Средней Азии на запад и обосновалась в низовьях Танаиса по его «европейским» берегам.

Соотношение разных форм этнонима и их эволюцию можно представить так:

*sa^{u}ru-mata- (Σαυρομάται) ~ *sar(u)mata- (Σαρμάται)

*sōr(u)mata- > *sūr(u)mata-(?) (Συρμάται)

Если принять предположение о грецизации, Συρμται может передавать *sōr(u)mata-.

Этноним *saurumata-/*sarumata-, который первоначально был самоназванием какого-то конкретного племени (об этом свидетельствует сам его тип и семантика: древнейшие этнонимы обобщающего характера представляют собой чистую основу, как *arya- или *saka-), со временем стал общим именем целого ряда близкородственных племен, кочевавших в степях от Дона до Средней Азии и носивших особые названия (как *славяне*, которые делятся на русских, поляков, чехов, словаков, болгар, сербов, хорватов и др.). Показательно устойчивое словосочетание «язиги-сарматы» или «сарматы-язиги» (Strab. VII, 3, 17: οἱ Ἰάζυγες Σαρμάται; Plin. n. h. IV, 80: Iazyges Sarmatae; Tac. hist. III, 5: principes Sarmatarum Iazugum; Ann. XII, 29: eques e Sarmatis Iazugibus), которое, судя по всему, восходит к номенклатуре самих язигов, где адъективное *yazug (< *yazuka-: к авест. yazu- ‘младший’, др.-инд. yahú- ‘молодой; энергичный’?[116]) служило определением к давно субстантивировавшемуся *sarumata- (к суффиксации ср. Ἀπασιάκαι, Polyb. X, 48, 1; Ἀναριάκαι, Strab. XI, 8, 11, наряду с Ἀνάρειοι Σκύθαι, Ptol. Geogr. VI, 14, 13). Существенно, что язигов, поселившихся в Среднедунайской низменности, римские писатели часто называют просто Sarmatae, Σαρμάται; тримфальный титул Sarmaticus Марк Аврелий получил в честь победы над язигами (ср. Cass. Dio LXXI, 8, 1; 13, 1 и SHA, Marc. Ant. 17, 3). Того же типа комбинированный этноним «царские сарматы» – βασίλειοι Σαρμάται (Strab. Ibid.; App. Mithr. 293, оба раза упоминаются в компании с язигами, см. прим. 58), бесспорно, калька с сарматского, как показывает еще более древний термин βασιλήιοι Σκύθαι у Геродота; упоминавшиеся выше Σακάραυκαι и Ῥωξολανοί являются композитами, развившимися из сочетаний этнонима (*saka- и *aryana-: расширение первичного *arya-) и определения к нему (как др.-перс. sakā tigraxaudā = Σάκαι ὀρθοκορυβάντιοι и sakā haumavargā = Σάκαι Ἀμύργιοι, пусть даже они и не были самоназваниями).

Правда, фактическое тождество этнонимов, как известно, не обязательно предполагает прямую этнолингвистическую связь или преемственность. А восходящему к античности мнению, что исторически сарматы являются тем же народом или, выражаясь современным языком, совокупностью наиболее близко родственных племен, что и савроматы (такая же родоплеменная группа), сейчас обычно противопоставляют свидетельства археологии о различиях их материальных культур и смене (даже неоднократной) одной культуры другой. Однако ясно и то, что локальные и хронологические различия археологических культур сами по себе не в состоянии опровергнуть гипотезу о савроматско-сарматском пространственно-диалектном континууме, если рассматривать его в диахронии (достаточно сослаться на приведенный выше пример со *slavēne, **Словѣне** и т. д.).

Σαυρομάται и др. образовано в согласии с правилом, действовавшим на древнейшей стадии истории индоиранских языков: суффикс -ma(n)t- присоединяется к u-, uš-/uş-, реже к i-основам, его вариант -va(n)t- (греч. *-ϝεντ-) – ко всем прочим[117]. В дальнейшем эта дистрибуция утрачивает регулярность, что на нашем материале демонстрируют Ἰαζα-μάται и Θισα-μαται[118]. Но и сам по себе такой тип

образования этнонимов, как говорилось выше, является типологически поздним. Более того, у других иранских народов этнонимы с -mant-/-vant-, кажется, неизвестны. По-видимому, следует говорить об ареальном словообразовательном диалектизме, причем Ἰαζαμάται и Θισαμαται образованы уже по модели *sa(u)ru-mata- (своего рода «Reimbildungen»), этнического термина, покрывавшего собой и язаматов, и тисаматов, и многих других.

Хотя единственным памятником языка савроматов является их этноним, и он может кое-что дать для установления ближайших родственных связей их языка. В противоположность скифскому (именно – языку «царских скифов»), где, подобно древнеперсидскому, праиран. ś дал θ[119], Σαυρομάται и др. отражает s < ś (как в авестийском и прочих иранских языках). Отсюда понятно, что, в частности, предполагают слова Геродота IV, 117: «Языком савроматы пользуются скифским[120], но говорят на нем издавна с ошибками (σολοικίζοντες), так как амазонки усвоили его неправильно» (перевод И.А. Шишовой). Во всех известных и поддающихся интерпретации свидетельствах языка сарматов также находим s < ś. Другое важнейшее, но не столь древнее отличие скифского (языка «царских скифов») от сарматского: вост.-иран. δ (< праиран. d) не позже конца VI в. перешел в скифском в l, а в сарматском удержался[121].

Исторически первичная (регулярная) форма *sarumata-, вполне возможно, сосуществовала с *sa^{u}rumata-, но с какого-то времени (не позже конца IV - начала III в. до н.э.: IPE I^2 343$_{15}$ и, вероятно, Деметрий Каллатийский) стала единственно употребительной. Смена одной формы другой доказывает, что эта вариация не связана с тем, что в одном случае он стал известен грекам непосредственно от его носителей, а в другом – через иноязычное посредство.

Форма *sōrumata- (> *sūrumata-?), возникшая в результате исторического развития Фарнаком I (Полибий)[122].

*saurumata-, специализировалась в качестве самоназвания одного из иранских кочевых племен, носивших это имя в качестве общего (ср. такую же связь др.-рус. **Словѣне** ‘ильменские славяне’, *слов-аки*, *словен-цы*, *слов-ины* с общим самоназванием *slavēne ~ Σκλαβηνοί; *тюрками* (türk) называло себя племя, создавшее в VI в. Тюркский каганат, Τοῦρκοι ранневизантийских историков, бактр. τορκο; так же называлось одно из огузских племен (черные клобуки) – др.-рус. **Торки** < törk). Это племя обитало значительно восточнее территории распространения савроматов, известных писателям VI-III вв. до н.э., так что часть их, появившаяся на Танаисе около середины IV в. или раньше, как говорилось, была отождествлена Эвдоксом с савроматами, скорее всего, лишь благодаря созвучию и по общим соображениям (тот же образ жизни и т. п.).

Что касается хронологии, то мы получаем следующую картину (ко всем датам надо прибавлять оговорку «около»):

350 г. до н.э. (terminus ante quem): переселение части сирматов с Окса в «европейские» области, прилегающие к низовьям Танаиса (Псевдо-Скилак, Эвдокс); савроматы продолжают жить в «Азии» (тот же Псевдо-Скилак, Эфор);

300–280 гг. до н.э.: нашествия савроматов из-за Танаиса, приведшие к обезлюдению большей части Скифии (Диодор);

300–190 гг. до н.э.: сарматы (савроматы) в массе продолжают жить за Танаисом (Деметрий Каллатийский?), появляясь в «Европе» лишь для грабительских набегов (IPE I^2 343$_{15}$: 280 г.) или ради сбора дани с зависимых греческих городов (сайи декрета в честь Протогена: 200–190 гг.?) и, вероятно, варварских племен;

235–200 гг. до н.э.: переселение роксоланов на север Скифии между Танаисом и Борисфеном; савроматы всё еще за Танаисом (Эратосфен);

179 г. до н.э.: Гатал, царь сарматов, живущих в «Европе», заключает договор с

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дневной путь в условиях Скифии Геродот определяет в 200 стадиев (IV, 101, 3).
2. Ср. Silberman A. (ed.). Pomponius Mela. Chorographie. - Paris, 1988, p. XXXIII suiv.
3. Встречающееся в некоторых переводах и исследованиях «вокруг Меотиды» – элементарная ошибка, περί с аккузативом обозначает «около».
4. В другом месте (IV, 88) Плиний переносит савроматов в Европу: они якобы живут от озера (или реки?) Букес выше

Меотиды по соседству с есседонами – a Buce vero super Maeotim Sauromatae et Essedones; по побережью (Меотиды) до Танаиса – меоты и, наконец, аримаспы, за которыми уже Рипейские горы. Это продолжение путаницы с географией и этногеографией европейской Скифии, которая начинается уже в гл. 84: Синдика перенеслась в Европу, превратившись в «область Скифии» (regio Scythiae Sindica nominatur), Гипанис (= Ю. Буг) впадает рукотворным (sic!) устьем в залив Букес и т. д., см.: Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. III. - Berlin, 1892, s. 56 ff.; Kretschmer K. Scythia Sindica // RE. V. Sp. 224. Одним из источников Плиния был здесь Помпоний Мела II, 2: ... *Scythae Scytharumque quis singuli oculi esse dicuntur Arimaspoe, ab eis Essedones usque ad Maeotida. huius flexum Buces amnis secat. Agathyrsi et Sauromatae ambiunt* и т. д. Но другое свидетельство Плиния (VII, 12: ... *supra Borysthenen Sauromatas*), не связанное с IV, 88, по-видимому, передает реальные данные того времени, когда савроматы (сарматы) действительно переселились на территорию прежней Скифии; см. ниже, к Strab. VII, 5, 7.

5. Hecat. FGrHist. 1. F 216 (Ἰξιβάται, см. прим. 7), Demetr. Call. FGrHist. 85. F 1 (ap. Ps.-Scymn. 878 sqq. Diller: Ἰαζαμάται, вместе со ссылкой на Эфора), Ptol. Geogr. V, 9, 16 sq. (Ἰαξαμάται) и др. Правильное чтение можно установить лишь ex etymologia, но формы с *мю* во всяком случае следует предпочесть в виду Σαυρο-μάται, Σαρ-μάται, Συρ-μάται, Θισα-μαται, см. ниже.

6. См. с лит. P. Fabre. La date de la rédaction du Périple de Scylax // Lille études classiques 33. - 1965, p. 353-366.

7. В Азии «первый ее народ на Понте – савроматы». «Понт» является здесь, конечно, общим обозначением всего региона (как наше «Северное Причерноморье»), а не побережья Черного моря; аналогично, например, Strab. II, 1, 41; St. B. s.v. Ἰξιβάται· ἔθνος πρὸς τῷ Πόντῳ προσεχὲς τῇ Σινδικῇ (Hecat. FGrHist. 1. F 216).

8. Локальная легенда, имеющая ту же природу, что предания, давшие повод к локализации киммерийцев на Боспоре (откуда эпитет Боспора – Κιμμέριος, и названия Κιμμερικόν, Κιμμερίς и др.) и в низовьях Тираса (Hdt. IV, 11, 4), о чем см. Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. - СПб., 1993, с. 30 слл.; Tokhtas'ev S.R. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus 2/1. – 1996б, s. 25 ff.

9. Деметрий уже знает о бастарнах в дельте Дуная (F 2 apud Ps.-Scymn. 794 D.), появившихся здесь не раньше 20-х гг. III в. до н.э., ср. Щукин М.Б. Забытые бастарны // Stratum plus 5. – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999, с. 76.

10. Как чередуются Sarmaticus, Sarmatis и Sauromatae, -es в произведениях Овидия периода изгнания, ср. А.В. Подосинов. Овидий и Причерноморье // Древнейшие государства на территории СССР. - М., 1984, с. 129 сл. (но ни разу Sarmatae).

11. После Геродота в античной литературной традиции навсегда установилось представление, что границей Азии и Европы является Танаис. Псевдо-Скимн (872 sqq.) пишет, что Танаис «впадает двуустным потоком в (озеро) называемое Меотидой и в Киммерийский Боспор». Но отсюда нельзя заключить, как некоторые исследователи, что Танаисом названа здесь Кубань. В источнике Псевдо-Скимна о Танаисе говорилось приблизительно так же, как у Страбона VII, 4, 5: устье озера Меотиды, называется Киммерийским Боспором, эта теснина разделяет Азию и Европу, как и Танаис, «текущий с северных областей в озеро и его устье; а имеет он два впадающих в озеро русла» и т. д. (из Артемидора, см. Baladiй R. (ed.). Strabon. Géographie. Livre VII (T. IV). Paris. 1989. P. 22); надвигающуюся по тем же причинам путаницу находим у Арриана (Per. Ponti, 19, 1 Roos: Танаис, разделяющий Азию и Европу, отправляясь от Меотиды, впадает в Понт; ср. Ps.-Arr. 10 r 25 Diller: τὸ στόμα τῆς Μαιώτιδος λίμνης ἤτοι τοῦ Τανάεως, из перипла Мениппа (p. 155, 25 Diller) с добавлением слов ἤτοι τοῦ Τανάεως) и уже вполне оформившуюся у Прокопия, B. VIII, 4, 10 и 5, 5 (ср. Diller A. The Tradition of Minor Greek Geographers. Lancaster – Oxford. 1952, p. 104, 111, без учета мест Псевдо-Скимна и Страбона и без объяснения недоразумения). Аналогичную подоснову имеет сообщение Плиния (n. h. IV, 87), упоминающего самое узкое место Боспора Киммерийского, через которое проходит граница материков: на Боспоре находятся города Гермисий, Мирмекий и внутри его остров Алопека (et intus insulam Alopecen); на самом деле Алопека (Алопекия) – остров в дельте Танаиса (Strab. XI, 2, 3; VII, 4, 5; Ptol. Geogr. III, 5, 16), см. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н. э. - М., 1970, с. 69 сл.

12. Ср. Тохтасьев С.Р. // Свод древнейших письменных известий о славянах I. - М., 1991, с. 339, комм. 29. 1.

13. См. с лит.: Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ 3. – 1997, с. 101 слл.; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I^2 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ 3. – 1997, с. 104 слл.; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // Hyperboreus 5. – 1999, № 1, с. 56-81; Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. - М., 1999, с. 145-152; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. - СПб., 2003, с. 250 сл.; необходимо отметить также важную рецензию И.В. Бруяко на книгу С.В. Полина «От Скифии к Сарматии» (Киев, 1992) в: ВДИ 1. – 1995, с. 230-237, особ. - 235, и более развернуто - Он же. О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ 1. - 1999, с. 76-91; Глебов В.П. Еще раз о проблеме III века до н. э. // Боспорский феномен II. - СПб., 2002, с. 186-197.

14. См. Flaschar H. in: Aristoteles. Werke in deutscher Übersetzung. Bd. 18. – Berlin, 1972, s. 82, (с лит.).

15. Этноним Σαρμάται еще раз упоминается им в конспекте позднеантичного историка Олимпиодора, Cod. 80, p. 60b, 1; савроматов нет нигде.

16. Автором Vaticanus считается Исигон из Никеи; это основной источник флорентийского парадоксографа (ср. прим. 17), которого в прошлом ошибочно идентифицировали с перипатетиком Сотионом.

17. См. Öhler H. Paradoxographi Florentini anonymi opusculum de aquis mirabilibus… Diss. - Tuebing, 1913, p. 41, 71.

18. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по сведениям античных письменных источников // АСГЭ 13. – 1971, с. 45 сл.

19. Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. I. – Berlin, 1931, s. 123 f. Не более доказуемо мнение А.Н. Щеглова (Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л., 1978, с. 129), датировавшего рассказ об Амаге первыми десятилетиями III в., начальным этапом скифского натиска на Херсонес; за ним – Ф. Бози. Письменные источники о сарматах (IV–I вв. до н. э.) // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. - М., 1997, с. 37 (претендующая на новейший обзор литературных источников, но в целом бесполезная статья).

20. Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. – Szeged, 1970, p. 16 ff.

21. Ср. с лит. Зайцев Ю.П. Скилур и его царство // ВДИ 2. – 1999, с. 143; Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э., // ХСб. X. – Севастополь, 1999, с. 210.

22. Согласно Эратосфену, параллель Туле отстоит от параллели Борисфена (т. е. его устья) на 11500 стадиев, Strab. I, 4, 4.
23. Ср. Baladié. Op. cit. p. 197, n. 1 ad p. 101. Гиппарх (акме около 161–127 гг.) мог написать о савроматах к северу от Меотиды (ср. ниже), разве что основываясь на совершенно устаревшей информации, во что трудно поверить, особенно учитывая как научный уровень Гиппарха, так и то, что речь идет о полемическом сочинении.
24. Годы жизни долгожителя (Ps.-Luc. Macrob. 27) Эратосфена в точности не установлены; написание «Географических записок» относят ко времени после 235 г., когда он стал заведовать Александрийской библиотекой, ближе к концу III в.
25. В VII, 3, 17 роксоланы превращаются в одно из племен бастарнов – следствие неудачного соединения этнографического экскурса о бастарнах (из Посидония, согласно Баладье, Op. cit. p. 20) и фрагмента общегеографической конструкции, определяющей северные пределы ойкумены: (после описания племен между Борисфеном и Истром) «внутри материка – бастарны, соседние с тирегетами и германцами, будучи и сами некоторым образом германского рода, делящиеся на многие племена (φῦλα); ведь некоторые называются атмонами и сидонами, занявшие же Певку, остров на Истре, певкинами [здесь – шов между эксцерптами], роксоланы же – самые северные, населяющие равнины между Танаисом и Борисфеном. Ведь вся обращенная к северу (страна) от Германии до Каспия является равниной, насколько мы знаем; живет ли кто-то выше роксоланов, мы не знаем». Очевидно, правильным было бы: «роксоланы же – самые северные из варваров» (или: здешних народов) и т. д. и, судя по II, 5, 7 и VII, 3, 17, приблизительно так и стояло в исходном тексте страбоновского эксцерпта.
26. Понятия и самого термина «Сарматия» тогда не существовало, т. к. сарматы еще не заселили Северное Причерноморье (см. ниже); соответственно все здешние народы, особенно в географических конструкциях глобального характера, могли именоваться вообще (κοινῶς) скифами (ср. Strab. XI, 8, 2: κοινῷ... Σκύθας ὄνομα̣τι καλοῦσιν, о части «восточных скифов»).
27. Ср. Lasserre (ed.). Strabon. Géographie. Livre XI (T. VIII). Paris. 1975. P. 11.
28. Страбон заменил «савроматов» Эратосфена на более современный термин (так же – в XI, 2, 1). Ср. VII, 3, 13: скифы, бастарны и савроматы, но и «скифский и сарматский народ взятый в целом» в VII, 4, 8 – в обоих случаях из Посидония (Baladié. Op. cit. p. 20).
29. Ср. также Strab. II, 5, 31; XI, 2, 1; в основе могут лежать сообщения вроде Hellan. (Jacoby F. (ed.). Die Fragmente der griechischen Historiker, 4. F 69: «выше синдов – меоты-скифы»).
30. Ср. VII, 2, 4, где под «местностями по Борисфену и к северу от Понта», несомненно, подразумевается та же наиболее северная область Скифии, где, по Эратосфену, жили роксоланы, но Страбон (из Посидония?), пользуясь новейшими данными, помещает ее на параллели Эльбы.
31. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. - М., 1979, с. 334; ср. ниже, прим. 40. Первое точно датированное свидетельство сармат. l – имя сарматского царя Γάταλος (Polyb. XXVI, 6, 13), но оно не имеет надежной этимологии. В конце IV в. до н.э. царь сираков, которых причисляют к раннесарматским племенам (ср. Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ 3. – 2004, с. 178 и прим. 144), носил имя Ἀρι-φάρνης (Diodor. XX, 22, 4) < *Arya-farna(h)-, в котором группа ry еще сохранялась.
32. Ср. прим. 92. Сопоставление сармат. Ιρ-βις Ιρ-αμ-βους[του] (КБН 1242_{20}; < *Vīra-ham-busta-; ср. Αμ-βουστος 1278_{25}; ясск. Ambultan, Gombocz Z. Ossites et Iazyges // Revue des études hongroises 1-2. – 1925, p. 9: leg. Ambustan < *Ham-bust-āna-) с Ιλβιος (IPE I² 83_6, Ольвия) указывает на возможность спорадического перехода r > l под влиянием i в следующем слоге, как в осетинском, ср. talm < *θarmi- (Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка III. - М.-Л., 1958–1989, с. 226) и др.
33. Ср. Schwyzer Ed. Griechische Grammatik. I. - München, 1953, s. 262 ff.
34. Ср. Μιθρο-δάτης вместо Μιθρα-δάτης, Ρευρομανος (очевидно, по-гречески имя членилось не Ρευ-ρομανος, как выходит этимологически (см. прим. 37), а Ρευρο-μανος) и т. п.
35. См. с лит.: Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven I // Die Iranier in Südrußland. - Lpz., 1923, s. 49.
36. Вероятно, Посидоний, см. Baladié, Op. cit. p. 20.
37. Во втором компоненте, вероятно, *-narya-, но остальное неясно. Ρευσ/ξ° может передавать *rēv(a)xš° < *raivaxš° (формально – с сокращением *ηυ > ευ); ср. перс. Ρεο-μίθρης (Xen. Cyr. VIII, 8, 4; Arr. An. I, 12, 8 и др.) < *Raiva-miθra- (Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. - Wiesbaden, 1975, s. 196: ‘богатый благодаря Митре’ или под.; ср.-перс. Rēv-mihr, Gignoux Ph. Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique (Iranisches Personennamenbuch. II/2). – Wien, 1986, p. 154; та же основа, вероятно, в сармат. Ρευ-ρομανος (IPE I² 103); Ρευ-ρομαρος (НО $90_{10/11}$), с *rāman-/*rāmar- ‘покой, мир’ во второй части (ср. Ραμαν-αγος 88_6 и, по-видимому, в Αμω-ραμαρος IPE I² 262). Однако сопоставление Ρευξι-ναλοι с Σακά-ραυκαι : Ῥευκα-νάλοι (ниже) и, возможно, также сармат. Σευρ-αγ в КБН 1099_{12} (V в.) и Σαυροφος 698 (II в.; этимологии этих имен тоже не выяснены) ставит новые вопросы. Переход ευ > αυ встречается в греческом лишь в периферийных диалектах (элейск., дельф., аркад., аргосск., дор. (Тера): αϝ < εϝ, Schwyzer, Griechische Grammatik…, s. 198) и в койне (тоже после ρ), но только в двух словах: ἐραυνάω, ἐραυνητής < ἐρευν° < *ρεϝν° в надписях с I в. до н.э., египетских папирусах с I в. н. э., в Септуагинте и Новом Завете (Blass F., Debrunner A., Rehkopf F. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. - Göttingen, 1984, s. 24 f. § 30. 4; Bauer W., Aland K., Aland B. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments. Berlin-NewYork, 1988⁶. Sp. 620 f.), λαυκά (Schwyzer Griechische Grammatik…, s. 198). Но редок и переход в противоположном направлении αυ > ευ: γλευκισμός в папирусах III-IV вв. (Schwyzer Griechische Grammatik…, s. 198), λευκανίη (наряду с гомер. λαυκ°), которое объясняется сближением с λευκός (Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. II. - Paris, 1968, p. 623), и этимологически неясное πέτευρον (возможно, гиперкорректная форма для πέταυρον, Chantraine, Dictionnaire…, III, p. 891 suiv.). Сделать выбор помогает то, что дифтонг ai сохранялся в сарматских диалектах не только начала II в. до н.э. (ср. Σαιτα-φαρν-, ниже), но даже во II-III вв. н.э. (несколько примеров см. в прим. 40): ευ в Ρευ°отражает не ēv < aiv, а факультативное сужение [a], т. е. происходит из αυ < av (*Rav(a)ka-). Аналогичное чередование в этнониме нижнедунайских кельтов: ἔνιοι... τοὺς Ταυρίσκους... Τευρίσκους... φασί (Strab. VII, 3, 2), вероятно, тоже является фактом греческого языка (по любезному указанию А.И. Фалилеева, в кельтском au должен был сохраниться: *taur-isk-). Таким образом, Ρευξιναλοι можно рассматривать как едва ли не самое раннее свидетельство αυ [av] > ευ [ev] в койне. Однако необъяснимое на греческой почве οι (в это время начинается переход [oi] > [ü]) в Ροιρομαρος в том же посвящении Ахиллу НО 90_{16}, где засвидетельствовано написание Ρευρομαρος (тот же агораном!; различается и орфография дважды написанного патронимика: Σειπελαγου и Σιπ°), пожалуй, указывает на отражение каких-то ближе неизвестных особенностей сарматского

произношения (очевидно, еще знакомого Реврому, который лично составлял – ἔγραψε – рукописный оригинал надписи), предполагающих, кажется, что сужение av > ev (и делее в [ö]) имело место уже в сарматском (замечание издателей НО, что «чередование ευ и οι вполне допустимо для этого времени» непонятно, а ссылка на грамматический очерк А.И. Доватура в КБН ошибочна).

38. Можно было бы предположить метатезу, ср. в рукописях Страбона VII, 2, 4: Ῥαξανάλους, Ῥαξνάλους и др. для оказавшегося переписчикам не под силу Ῥωξολανούς; но названия расходятся и в первом слоге (ω и ευ), причем ευ (как и αυ в Σακάραυκαι, ниже) никак не может скрывать au, который ко II в. до н.э. (к которому относятся данные Страбона) уже давно монофтонгизировался во всех иранских языках (см. ниже).

39. См. комментарий Латышева в IPE II. Add., p. 268 ad № 86[2], воспроизведенный в КБН.

40. В Παιρισαλος (часто на Боспоре, начиная с конца II в. до н.э., КБН 266 и др.) наряду с λ сохраняется группа ρι; приходится предположить влияние боспорского династического имени Παιρισάδης, поддержанное диссимилятивной тенденцией (ср. Schwyzer, Griechische Grammatik…, s. 258). Ср. Πηρις[или (как в КБН) Πηριο[-$^{ca.4}$-, Φ]αζιο[υς?] КБН 1282_{29} (228 г. н.э., отчество Стирана, Στυρανος: сарматское имя); на камне достаточно места для восстановления Πηρις[αλου; к αι : η ср. Καινα-ξαρθος : Κηνε-ξαρθος (IPE I^2 91_3; 333_4, примерно того же времени) < *Kaina-xšaθra-. Вероятно, к той же основе сармат. Παιρακος (КБН 480) и Πηρακος из Ольвии (IPE I^2 99_5), удержавшие дифтонг, несмотря на падение финального -i в основе. Возможно, речь идет о гипокористиках от композитов с *pa^{i}ri- вроде Παιρι-σάδης; ср. др.-инд. гипокористики Parila-, Upaka-, -ika-, -ila- от имен с префиксами pari-, upa-, Velze J. A. van. Names of Persons in Early Sanscrit Literature (Proefschrift… Rijksuniv. te Utrecht. 1938), p. 109, 158. N. 618; 109.

41. Иранские имена-этниконы или сокращения композитов с этнонимической основой см. Schmitt R. Persepolitanisches // KZ 87. - 1973, s. 20 f.; Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. - Wien, 1973, s. 281.

42. Имя, отражающее действительное происхождение династии, воспроизводит архаизирующее употребление Σαυρομάται вместо Σαρμάται в греческой литературе.

43. К ξ > σ ср. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья: X-XVII // Hyperboreus 6/1. – 2000, с. 130 и прим. 29 (здесь по недосмотру говорится о ревксинах в ольвийском декрете в честь Протогена).

44. См. с лит.: Vasmer, Untersuchungen..., s. 49.

45. А.П. Медведев (Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья…, с. 150) справедливо подчеркивает, что Диодор говорит не о завоевании, а об опустошении Скифии и истреблении «побежденных в войне» (καταπολεμηθέντας).

46. См. лит. в прим. 13 и ниже, прим. 50. С роксоланами Эратосфена можно было бы связать прямые и косвенные свидетельства присутствия сарматов в лесостепном Подонье и прилегающих степных районах, о которых см.: Медведев А.П. К вопросу о времени появления сарматов в лесостепном Подонье // Проблемы хронологии сарматской культуры. – Саратов, 1993, с. 29 сл.

47. Я намеренно избегаю здесь и ниже обсуждения всего клубка проблем, связанных с этим декретом, т. к. это способно завести слишком далеко. Поэтому дальнейшее изложение дано в тезисной форме и без какой-либо дискуссии. На мой взгляд, декрет был издан в конце III или начале II в. до н.э. и сообщает о событиях с конца III или рубежа III/II вв. и примерно до 190 г. до н.э.

48. Если Σαιος в КБН 88 (II в.) является, как обычно считают, именем-этниконом вроде Ρευσιναλος, номинатив должен быть Σαιοι.

49. Наиболее известному толкованию – к др.-иран. *xšay- ‘сиять’, ‘править’ или под. (соответственно *xšaya- и *xšaita-), как в именах скифских родоначальников Ἀρπό-ξαϊς, Κολά-ξαϊς, Λιπό-ξαϊς (Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. - СПб., 1899, с. 94 сл.; Абаев, Скифо-сарматские наречия…, с. 310, 340; Harmatta, Studies in the History…, p. 94 f., Add. 107), препятствует *сигма* вместо ожидаемой *кси*: соответствие др.-иран. xš- : σ- (в частности, в словах от той же основы *xšay-) встречается только в передачах древнеперсидских и мидийских слов (σατρπης < *xšaθrapā-, Σατραβάτης < *Xšaθrapāta- и т. п.), отражая начавшийся переход xš- > š-, характерный для западноиранских языков. Ссылка Абаева на Σατράκης у Арриана (Anab. IV, 4, 8: царь среднеазиатских скифов, т. е. саков) недоказательна, т. к. имя стало известно грекам, конечно, через персидское посредство. В восточноиранских языках древне- и среднеиранского периодов (см. обзор: Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. - М., 1986, с. 116 сл.) он, кроме поздно зафиксированного хотанского, известен только в бактрийском, причем лишь с кушанского времени; свидетельство II в. до н.э. в греческой записи дает xš: Ξαθραννος < *Xšaθrān (Grenet F. L’onomastique iranienne à Aï-Khanum // BCH 107. – 1983, p. 380); в сарматском xš сохраняется во всех позициях (об особом случае ξ/σ в инлауте – Ρευξιναλοι : Ρευσιναλος, см. прим. 43: колебание в самом греческом) или, как в осетинском, совпадает с xs; см.: Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. - Praha, 1955, § 384; Harmatta, Studies in the History…, p. 94 (например, Ξαρθανος КБН 1287_{11} = бактр. Ξαθραννος); ср. также Ξηφαρνουγου/hsyprnwg (*Xšē-farnug), имя иберийского царя II в. н.э., судя по всему, сарматского происхождения, Церетели Г. В. Армазская билингва. – Тбилиси, 1941, с. 22 сл.; Donner H., Röllig W. Kanaanäische und aramäische Inschriften. – Wiesbaden, 1962, № 276.

50. По всей видимости, даже за Танаисом или в прилегающих к его низовьям европейских областях; ср. Виноградов, Херсонесский декрет…, с. 123 сл., прим. 96; Виноградов, Северное Причерноморье…, с. 76. В.П. Глебов (Глебов, Еще раз о проблеме III века до н. э…, с. 194) пишет об «археологической лакуне приблизительно от начала или первой трети III в. до н.э. до рубежа III-II в[в]» на Нижнем Дону, когда здесь вновь появляются памятники, принадлежащие, по его мнению, новой волне сарматов.

51. К общей характеристике ситуации terra deserta («Дикое поле») в прежней Скифии с начала III до середины II в. см. Алексеев, Хронография…, с. 251; Виноградов, Херсонесский декрет…, с. 123 сл.; Виноградов, Северное Причерноморье…, с. 67 сл.

52. См. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. - М., 1989, с. 230 слл. (раздел «Протекторат Скилура»). По новейшим данным, время правления Скилура определяется между 130 и 114/113 гг. до н. э., см. с лит.: Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский. – Симферополь, 2003, с. 43. Ср. Gavrilov A.K. Das Diophantosdekret und Strabon // Hyperboreus 2/1. - 1996, s. 159-168.

53. Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского // Археологія 1. – 2003, с. 46 слл.;

Зайцев, Неаполь Скифский…, с. 43 сл., 52, 110, рис. 40.
54. Впрочем, «меоты», с которыми воевал Скилур, вполне возможно, на самом деле являются обитавшими по (восточным?) берегам Меотиды сарматами; к этой мысли независимо пришел и Ю.А. Виноградов (устно). Упоминание фракийцев определенно указывает на связи Скифии Скилура с задунайской Скифией.
55. Baladié, Op. cit. p. 20; ср. VII, 3, 13 и выше, прим. 28. Иначе, но неубедительно – Виноградов, Херсонесский декрет…, с. 122, прим. 89 (якобы Эратосфен).
56. Виноградов, Политическая история…, с. 231.
57. Baladié, Op. cit. P. 22.
58. Ibid., II, 5, 30; 31; III, 2, 4; 3, 13; VII, 3, 13; App. Mithr. 71, 234, 293, 594; Cass. Dio LIV, 20, 3; LV, 30, 4 и т. д. Наиболее яркий пример чередования традиционного и нового наименований находим в параллельных свидетельствах Аппиана и Страбона: Σαυροματῶν οἵ τε βασίλειοι καὶ Ἰάζυγες, App. Mithr. 293; οἱ Ἰάζυγες Σαρμάται καὶ οἱ βασίλειοι λεγόμενοι, Strab. VII, 3, 17.
59. Абаев, Скифо-сарматские наречия…, с. 305: Σαυρομάται: «может быть = ос. saw-жrm-a-ŧж ‘чернорукие’ или ‘смуглорукие’»; ср. Он же. Историко-этимологический словарь III…, с. 43, где этноним сопоставляется с именем Sauromaces (Amm. Marc. XXVII, 12, 4: quis auctoritas Romana praefecit Hiberiae), др.-груз. Saurmag, Surmag, др.-арм. Surmag: «вероятно = ос. saw-жrm ‘смуглорукий’ + суфф. –ag». То же имя находим в осетинском – Sawrmæg (приведено у Л.З. Мсерианца: К боспорской ономастике // Юбилейный сборник в честь Вс. Ф. Миллера. - М., 1900, с. 25), истолковать которое из saw-жrm(ag) уже точно невозможно.
60. Ожидалось бы что-нибудь вроде *Σαυαρμαται, хотя, при желании, можно предположить метатезу.
61. Почему ‘черный’ должно служить положительной коннотацией? Красивыми считались белые руки, причем ‘белый’ в таких обозначениях являлся синонимом ‘красивого’ (см. Wackernagel J. Kleine Schriften. Göttingen. – 1953, s. 355 ff.): авест. auruša.bāzu- ‘белорукая’ (о красивых девушках), греч. λευκώλενος ‘белолокотная’ (гомер., о Гере и смертных женщинах), λευκόπηχυς ‘то же’ (ὅλη λευκὴ καὶ καλή, Hesych.); ср. также λεύκασπις ‘с белым щитом’ (X 293, эпитет Деифоба). Но красота богов и мужей была преимущественно иного свойства, они были ‘мощнорукие’, ‘долгорукие’ – авест. uγra.bāzu- (Митра), сармат. Ουργβαζος (IPE I^2 95_4; 101_8), др.-инд. ugrabāhu- (Индра), авест. dar´gō.bāzu- (Заратуштра); встречается, правда, и ‘красиворукий’ (Индра; др.-инд. subāhú-) и под., но всё же не ‘белорукий’ и уж тем более не ‘чернорукий’.
62. Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde. III (см. прим. 4), s. 120. Anm. **; 128; Justi F. Iranisches Namenbuch. - Marburg., 1895, s. 293.
63. Vasmer, Untersuchungen..., s. 51.
64. Schmitt R. Onomastica Iranica Platonica // ΛΗΝΑΙΚΑ. FS für Carl Werner Müller. – Stuttgart-Lpz., 1996, s. 90 f.; здесь же см. критику других заслуживающих упоминания этимологий.
65. Velze, Names..., p. 86 ff.
66. Schmitt, Onomastica Iranica Platonica..., s 91. Это подметил уже Фасмер (ibid.): «Zum Lautlichen vgl. Ἀλανοί : Ἀλαῦνον ὄρος” (ср. S. 31, к Ἀλανοί), хотя это чтение части рукописей Птолемея недостоверно (см. комментарий Мюллера к Geogr. III, 5, 5 и St. B. Ἀλανός· ὄρος Σαρματίας), а u-эпентезы (в отличие от -i-) в *aryana- (> Ἀλανοί), вообще говоря, и не должно быть.
67. Эпентетический -u- (и -i-) фиксируется во многих иранских языках, в том числе в сарматском диалекте – предке осетинского, см. Eilers W. Verbreitung und Fortleben alter Epenthese // Commémoration Cyrus. Actes du Congrès de Shiraz, 1971 I. - Teheran–Liège, 1974 (важен, главным образом, материал); Абаев, Историко-этимологический словарь… I, с. 476; II, с. 114; Bailey H.W. A Range of Iranica // W.B. Henning Memorial Volume. - London, 1970, p. 23; Benveniste E. Etudes sur la langue ossète (Paris 1959) 8 suiv.; Bielmeier R. Historische Untersuchungen zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. - Frankfurt a. M., 1977, s. 42; Исаев М.И. Осетинский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа. - М., 1987, с. 557 сл., 575 сл.
68. Szemerényi O. Iranica // ZDMG 101. - 1951, p. 212–219; Idem. Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian – Skudra – Sogdian – Saka // SB 371. - Wien, 1980, p. 17. N. 35; 18 ff. Ср. уже Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde III..., s. 120. Anm. ***.
69. В 120, 2 так читается в **AB CT MP²**, а в **P¹** и **DR SV** – Κώπασις. В 128, 2 Κώπασις дают **MP DR SV** (контаминация!). Таким образом, стемматически верное чтение не установить. Внешние причины искажения очевидны: в первом случае перед именем стоит ἐβασίλευε, во втором – ἦρχε; таким образом, речь идет или о гаплографии (последовательность лунарных Є и C), или о диттографии. Издатели традиционно и не без оснований предпочитают Σκπασις.
70. Schmitt R. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot // ZDMG 117. – 1967, s. 129; Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 216.
71. Ср. Μιθρωπάστης (Strab. XVI, 3, 5, время Дария III; также на керамических клеймах Синопы III в., Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope. // Histria. VIII. - Bucarest–Paris, 1998, p. 123, № 417-418; βάστης: 114, № 365) < *Miθra-upastā-, Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 168.
72. Dandamayev M. A. Iranians in Achaemenid Babylonia / Costa Mesa. - Cal.–N.Y., 1992, p. 32, 87, 109.
73. Idid., p. 72 f., 80, 87, 118.
74. Mayrhofer. M. Die altiranischen Namen. 1. Die avestischen Namen (Iranisches Personennamenbuch. I/1). – Wien, 1979, s. 100; Дандамаев М.А. // ВДИ 1. – 1961, с. 108 сл.; Hoffmann K. Aufsätze zur Indoiranistik. II. – Wiesbaden, 1976, s. 643 ff. (эламские данные говорят о сохранении au).
75. Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. – Wiesbaden, 1964, s. 29.
76. Там же, с. 109 (см. прим. 75). К данным древнеперсидской клинописи ср. Mayrhofer M. Das Altpersische seit 1964 // W.B. Henning Memorial Volume. – London, 1970, s. 281 f.; Майрхофер рассматривает противоречивые данные клинописи и иноязычных источников как свидетельство существования социолектных различий, ссылаясь, вслед за Койпером (Indo-Iranian Journal. VIII. - 1965, p. 302) на аналогичные латинские факты (см. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. - М., 2001^2, с. 81 сл.): «Die archaisch-medisierende Hofsprache zur Zeit der frьhen Inschriften besass jedoch offenbar noch /ai/ /au/…».
77. «… geht auf das Med. zurück!», Brandenstein, Mayrhofer, Handbuch des Altpersischen...., s. 29.
78. Ibid., s. 30, 129, с путаницей, см. Mittelberger H. Zum Altpersichen // Die Sprache XI. – 1965, s. 108. Anm. 53.
79. Mittelberger, Zum Altpersichen..., s. 108; Ср. Schmid W.P. // IF 69. - 1964. 263.

80. См. в издании Ф. Лассерра (1975, Coll. Budé), который отвергает эту конъектуру.
81. Greek and Demotic Texts from the Zenon Archive / Ed. P.W. Pestman. – Leiden, 1980, № 51_{28}.
82. См. с лит. Schwyzer Ed. Iranisches // Zeitschr. f. Indoiranistik 6. – 1928, s. 234-243; Benveniste E. Titres et noms propres en iranien ancien. - Paris, 1966, p. 122; Schmitt R. «Méconnaissance» altiranischen Sprachgutes im Griechischen // Glotta 49. – 1971, s. 104 f.; Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 105; ср. Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н. э. - М., 1996, с. 145 сл.
83. Xen. Hell. III, 4, 25; Ages. I, 35 и др.: 395 г.; Hell. Ox. Jacoby, Fragmente…, 66. F 1: 385 г.; Ael. v. h. I, 21: 367 г.
84. Иное, но фонетически едва ли возможное толкование предложил Ф. Юсти (Justi, Iranisches Namenbuch…, s. 164); за ним – Mayrhofer, Die altiranischen Namen…, s. 257 (8. 1876); Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 75 (*Čiθrā-vahišta-). С другой стороны, Арриан (An. III, 8, 5) упоминает имя полководца Дария III Μιθραύστης, которое Хинц (Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 303) сопоставляет с Μιθρώστης у Ктесия (Jacoby, Fragmente 688. F 15 (55), добавляя еще арам. Mtrwhšt с реконструкцией *Miθrāvahišta-. Похоже, речь идет об именах с различными вторыми компонентами.
85. Ср. др.-иран. *Arya-vaza- (Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 41), авест. Važāspa-, Mayrhofer, Die altiranischen Namen…, s. 93.
86. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. II. – Paris, 1968, p. 524; ср. Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. II. – Heidelberg, 1993, s. 618.
87. Барроу Т. Санскрит. - М., 1976, с. 176.
88. Ср. выше, Sauromatae Gynaecocratumenoe как часть Sarmatae у Плиния.
89. Но само по себе предположение об общем источнике Псевдо-Скилака и Эвдокса вполне вероятно, особенно учитывая, что оба автора – современники.
90. Ср., например, Βωρακος (КБН 1179_{41}) < *Bauraka-; Βωρο-βαρακος (1287_{31}) < *Baura-bāraka- ‘скачущий на гнедых конях’; Βωρο-ψαζος (IPE I² 101_{10}, Ольвия) < *Baura-fša-ča- (?; ср. др.-иран. *Vīra-fša- (?), Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 262); явно сюда же Βορασπος КБН 1237_{16} (к этой группе имен см. с лит. Huyse Ph. Gab es eine Lautentwicklung /k/ > /x/ im «Skytho-Sarmatischen»? // Hyperboreus 4/1. – 1998, s. 180 f.); Γωσακος (КБН 1278_{17}, 1279_{24}) < *Gaušaka- (Vasmer, Untersuchungen…, s. 37); Ραθα-γωσος (IPE I² 91_7 и др.) < *Raθa-gauša- (см. Mayrhofer M. in: Brandenstein W. Die Abstammungssagen der Skythen / / Wiener Zft. f. Kunde d. Morgenl. 52. 1953/1955, s. 207; Brandenstein, Mayrhofer, Handbuch…, s. 121); Ιωδας (КБН 36 $Б_{35}$, 706) < *Yauda-; Ιωδ-εσμ-αγος (IPE I² 13_4, Ольвия) < *Yōd-ēšm-ag < *Yauda-aišma-ka- ‘сражающийся яростно’ (Weber D. Zwei pontisch-iranische Personennamen // Die Sprache 12. – 1966, s. 90 f.); Βαγδο-σαυος Σαυα-ιωσου (КБН 1282_{18}) < *Sava-yauza-, к авест. sava-, -ah- ‘польза’ или savah- ‘сила, мощь’ (ср. др.-инд. śávas-; Mayrhofer, Die altiranischen Namen…, s. 74, к авест. Sauuah-) и др.-иран. *yauza- ‘волнение, возбуждение’ (ср. Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 275); Σωρακος (731_2; SEG XXVIII. 641: Σωρ[ακε) < *Sauraka-, ср. осет. дигор. sorun ‘expellere, преследовать’, Миллер Вс.Ф. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях // ИАК 47. – 1913, с. 90; Vasmer. Untersuchungen…, s. 53; Абаев, Скифо-сарматские наречия…, с. 303 (s. v. «скиф» sor [!]); Он же. Историко-этимологический словарь III..., с. 173; Bailey H.W. // BSOAS 21. – 1953б p. 531; Schmid W. P. Rez.: Zgusta. Pers. // Beiträge zur Namenforschung 7. – 1956, s. 209; иначе – Бартоломэ, (Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. – Strassburg, 1904, sp. 1680); ошибочно – Мсерианц (см. прим. 59). Предложенное Абаевым (Скифо-сарматские наречия…, с. 299) объяснение Ασφωρουγος (IPE I² 205_1 = *HO* 102), Ασπαυρουκις (надпись на гемме из Армази-Мцхеты, иберийский питиашх II в., арам. ’sprwg в надписи царя Михрдата, сына Фарасмана оттуда же) и протобулг. ı Ασπαρούχ из *Aspa-rauka- несостоятельно (см. подробнее Schmitt R. Iranica Protobulgarica // LB XXVII (1). - 1985, p. 21; 31, Anm. 106; Idem. Iranica Protobulgarica suppleta // FS Johannes Schröpfer zum 80. Geburtstag. – München, 1991, s. 365 ff.). На этом фоне часто встречающаяся в литературе (см. с лит. Harmatta, Studies in the History…, p. 82 ff.) этимология сарматского этнонима ῎Αορσοι < *aʰruša- ‘белый’ (осет. дигор. ors), не может считаться сколько-нибудь достоверной, хотя Ασπαυρουκις, возможно, отражает форму с эпентезой (*Aspaʰr-uk; или *Aspa-wruk?), а Ασφωρουγος может быть формой уже со стяжением вторичного дифтонга (*Aspōruk), если только ω не стоит здесь вместо о.
91. Ср. имена со *stūra- ‘большой’: Στορανη (КБН 744), Στορ-μαις (1280_{15}), Στο-σαρακος (см. к 1) наряду со Στυρανε Ταν̣υ-σαλου (КБН 708, к *tanū- ‘corpus’). Συβλε[(ι)αγο(υ)ς (КБН 1137 $Е_1$), Συβλ[(1181_1), Συβλη[αγο- (1209; остаток нижней части *альфы* виден на камне), Συβλιαγους (Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгиппии // ВДИ 2. – 1967, с. 193, № 9_{11}; Болтунова А.И. Надписи Горгиппии // НЭ IX. – 1971, с. 14, с восстановлением КБН 1137 $Е_1$), по-видимому, *Subriya-ka-, к др.-иран. *subra- ‘светлый, яркий’, арм. surb ‘чистый’, ‘святой’ (из парф., Benveniste E. Eléments parthes en arménien // Revue des études arméniennes. I. – 1964, p. 2), др.-инд. śubh- ‘украшать’, śubhrá-, śubhrí- ‘украшенный, красивый, блестящий’, ‘ясный’, ‘чистый’, имена Śubha-, Śubhra-, патронимическое Śaubhr-eya- и др. (Hilka A. Die altindischen Personennamen. – Breslau, 1910, s. 125; Velze, Names..., p. 54 f., и там же [p. 84] Śubhān-gada-); сокращение композита (к суфф. *-iya- ср. Mayrhofer, Die altiranischen Namen..., s. 286 [11.1.7.3.13]; Ουργιος КБН 362, 1262_{18} < *Ug-r-iya- [Zgusta, Die Personennamen..., § 441, ср. 679] от *ug-ra-) или прямо к *sub-r-iya- ‘украшение’ («фалар»?)?; ср. санскр. Śekhara-ka- к śekhara- ‘диадема’, Hilka, Die altindischen Personennamen..., s. 156.
92. Ср. bor : būr ‘желтый’, iğosun : qūsyn ‘слышать’, qos : qūs ‘ухо’, имя Qūsæg (ср. Γωσακος, см. прим. 91); ozon : ūzyn ‘укачивать ребенка’ < *yauz-; см. обзор: Эдельман, Сравнительная грамматика…, с. 73 сл.
93. Emmerick R.L. The Vowel Phonemes in Khotanese // FS for Oswald Szemerényi. I. // Studies in the Theory and History of Linguistic Science 4. Current Issues in Linguistic Theory. 2. - Amsterdam, 1979, p. 244 f.
94. Ср., например, δδρωγο < *drauga, Ιωλο = сармат. Ιωδας (см. прим. 91) < *Yauda-, ρωσο < *raučah-, στωρο < *staura-, ωζο < *aujah-(Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. I // Corpus inscriptionum Iranicarum. II/VI. - Oxford, 2000, Glossary, p. 172-236. s. vv.). Наиболее древнее свидетельство в греческой надписи из Тахт-и-Сангина (Б.А. Литвинский, Ю.Г. Виноградов, И.Р. Пичикян. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ 4. – 1985, с. 94 (= SEG. XXXV. 1480, II в. до н.э.)) дает ō: Ατροσωκης < *Ātr-sōka- (ср. авест. atrə.saoka-), Grenet. L’onomastique iranienne à Aï-Khanum..., p. 376, nr. 15.
95. Ср. γοβ < *gauba-, ¹σαβολο < *sapauda-, τοχμανο < *tauxman-, τοχμιγο < *tauxmaka-; γογγο < *(-)gaunaka-, но и γωγγο, γωνζο < *gaunī-čiya-; аналогично – σαγονδο/σαγωνδο < *čiyāt-gauna-, Sims-Williams, Bactrian Documents…, Glossary. s. vv.
96. Benveniste, Titres..., p. 121 suiv.

97. Ibid., p. 123 suiv.; Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 192; Mayrhofer, Die altiranischen Namen ..., s. 71.
98. Justi, Iranisches Namenbuch..., p. 323; Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 237.
99. Benveniste, Titres…, p. 114 suiv.
100. Формы с ου на месте др.-иран. au вызывают недоумение исследователей (ср. Schwyzer, Iranisches…, s. 241, Anm. 1), дав повод для догадок о дифтонгическом произношении ου в ионийском (см. с лит.: Schmitt, Medisches und persisches Sprachgut.., s. 136, Anm. 139); однако, как видно из приведенных примеров, оно встречается и после Геродота, причем в независимых от него источниках.
101. Schmitt, Medisches und persisches Sprachgut..., s. 138. Anm. 165; Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 238.
102. Schmitt R. Die Wiedergabe iranischer Namen bei Ktesias von Knidos im Vergleich zur sonstigen griechischen Ьberlieferung // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979, s. 127; ср. Huyse, Gab es eine Lautentwicklung..., s. 174; впрочем, следует учитывать грецизацию, ср. имена на Ἀρτυ-.
103. Schmitt R. Deiokes // Anzeiger Österr. Akad. Wiss. 110. Jg. – 1973, s. 137-147.
104. См. Schmitt, Medisches und persisches Sprachgut..., s. 120 ff. и passim.
105. Fraenkel M. Die Inschriften von Pergamon. I–II. – Berlin, 1890–1895, 613 A_4: Ὀρόντης Ἀρτασύ[ρου, τὸ γέν]ος Βάκτριος; Ctes. Jacoby, Die Fragmente, 688. F 13 (9): Ὑρκάνιος, и др., см. Justi, Iranisches Namenbuch..., s. 37 f.; Zwanziger R. Studien zur Nebenüberlieferung iranischer Personennamen in den griechischen Inschriften Kleinasiens (машинописная дисс.). – Wien, 1975, s. 64; Hinz, Altiranisches Sprachgut..., s. 215; вавил. Ar-ta-sur-ru, Dandamayev, Iranians…, p. 44. Согласно Хойзе (Huyse, Gab es eine Lautentwicklung..., s. 175. Anm. 43), для исконного др.-иран. ū в греческом надежно засвидетельствованы в раннее время только Σοῦσα и Ἀρτασύρας (ошибочно цитирует как Ἀρτασούρας).
106. Последняя форма (ΓΟΓΓΟ-, очевидно, из ΓΟΙΤΟ-) подкрепляет чтение Гесихия. Форма, засвидетельствованная рукописями Геродота, вероятно, является очень древним (восходящим к общему архетипу обеих stirpes) искажением под влиянием οἶτος, Οἴτη; совершенно неправдоподобно, что Г- стоит вместо *дигаммы*, как предположил Г. Калленберг, а за ним Х. Розен (ed. Hdt, 1987). Во всяком случае -συρος текстологически не вызывает сомнений.
107. Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. II. - Lpz., 1905, s. 90; Vasmer, Untersuchungen..., s. 13.
108. См. Mayrhofer Die altiranischen Namen..., s. 23; в пользу дифтонга см. Idem. Über die Verschriftung des Altpersischen // KZ 102. - 1989 (1990), s. 183; против – Schmitt, Onomastica Iranica Platonica..., s. 87: «… da iran. **au* durch griech. ω (wie in Γωβρύης…) reflektiert sein müsste».
109. Vasmer, Untersuchungen..., s. 20, 61 f.
110. Schmitt, Medisches und persisches Sprachgut..., s. 134 f.
111. Отпадение -u в исходе первой основы уже в начале III в. (Σαρμάται в IPE I^2 343_{15}; см. прим. 13) представляется маловероятным, хотя такая гипотеза, быть может, лучше объяснила бы исчезновение формы этнонима с u-эпентезой.
112. В источниках встречается и этимологизация Σαυρομάται от σαῦρα ‘ящерица’ (σαύρας ὄμματ᾽ ἔχοντες и др., см. Grasberger L. Die griechischen Stichnamen. – Würzburg, 1883^2, s. 25); ясно, однако, что она не могла оказать никакого влияния на утверждение в греческом этой формы, но лишь исходила из нее.
113. И.В. Пьянков (Средняя Азия в античной географической традиции. - М., 1997, с. 148 слл., с ошибочной интерпретацией фрагмента Эвдокса о сирматах на с. 150) не без оснований предполагает, что данные Плиния восходят к Гиппарху через посредство карты Марка Випсания Агриппы. Однако в том, что касается конкретных этногеографических сведений, Гиппарх базировался едва ли не исключительно на материалах Эратосфена (см. выше о роксоланах).
114. См. с лит. Тохтасьев С.Р. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания 2. - СПб., 1998, с. 41.
115. Обычная реконструкция праслав. *slověne является фикцией: византийские греческие и латинские свидетельства доказывают отсутствие самого звука [o] во всех известных славянских диалектах даже в VI-VII вв. (в лучшем случае существовал [å]), см. Тохтасьев, Древнейшие свидетельства..., с. 45.
116. См. Vasmer, Untersuchungen..., с. 40.
117. Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. II/2. – Göttingen, 1954, s. 880 ff.; Hoffmann K. Aufsätze zur Indoiranistik. I. – Wiesbaden, 1975, s. 311 ff.
118. Но наиболее древнее свидетельство – Ἰξι-βάται (Гекатей), соотношение которого с формами на -a-mat- (Ἰαζα-μάται и др.) непонятно, отвечает древнему правилу, правда, известному едва ли не исключительно в древнеиндийском.
119. Ср. скиф. *Ἀριαπείθης < *Arya-paiθa(h)- ‘арийского облика’, Scolopitus из *Σκολο-πείθης < *Skula-paiθa(h)- ‘скифского облика’ (или *Σκολο-πιθης < *Skula-piθ-a- ‘украшение скифов’, к *piθ- с тематизацией, ср. авест. pis- ‘украшение’) и Σπαργαπείθης < *Sparga-paiθa(h)- ‘подобный (юному) побегу’ (?) при авест. paēs- ‘украшать’, ‘раскрашивать’ и однокоренном (и.-е. *peik´-) осет. дигор. finsun ‘писать’ < *pi(n)s- < *pi(n)ś- (Абаев, Историко-этимологический словарь I…, с. 501). См. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. - М., 1970, с. 162; Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания // ВЯ 5. - 1992, с. 55 сл. Имя Σπαργαπίσης (Hdt. I, 211, 3), которое носил массагетский царевич, сын царицы Томирис, представляет собой гипокористик *Sparga-p-ič̌a- от того же *Sparga-paiśa- (к суффиксации ср. Mayrhofer, Die altiranischen Namen…, s. 284, 285 f.) или *Sparga-pis-a- < *Sparga-piś- (ср. авест. pis-). Если скифский теоним (Г)οιτόσυρος действительно содержит компонент *sūra- (< *śūra-; см. выше), конечным источником информации Геродота был скифский диалект, отличный от языка «царских скифов» (согласно Геродоту, это божество почитали все скифы).
120. Собственно, речь идет о языке «царских скифов», т. к. савроматы произошли от браков амазонок с юношами из «царских скифов».
121. Ср. скиф. Σκύλης < *Skula- < *Skuδa-; (к собственно скифской форе их имени, ср. прим. 41) форма этнонима Skuδa- зафиксирована более древними источниками в виде аккад. Iškuz-, греч. Σκύθαι; см. выше и прим. 68, 119 (Scolopitus), и далее с лит. Витчак. Скифский язык. С. 52 сл.
122. Я благодарен всем своим друзьям и коллегам, которые способствовали написанию этой статьи – и дельными советами, и помощью с литературой. Прежде всего, я должен назвать А. Ю. Алексеева, С. Л. Соловьева, В. Ф. Столбу и О. В. Шарова.

М.Ю. ТРЕЙСТЕР

ХЕРСОНЕССКИЙ ВАРИАНТ ГРЕКО-СКИФСКОГО СТИЛЯ В ТОРЕВТИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

По косвенным данным в 1907 г. при раскопках на территории некрополя Херсонеса К.К. Косцюшко-Валюжиничем был найден фрагмент золотой пластины, толщиной около 1 мм, на лицевой стороне которого зернью выполнено изображение фигуры бородатого скифа в профиль вправо. На длинноволосом скифе - кафтан, расшитый бляшками, узкие штаны до щиколоток и мягкие войлочные сапоги. У левого бока висит горит с луком, в правой поднятой вверх руке - секира, которой воин замахивается на нападающее на него справа животное, от которого сохранились только передние ноги. Позади скифа изображено кустообразное растение. Такое же растение было и спереди; одна из ветвей его заметна под ногами животного. По краям пластина украшена филигранным орнаментом в виде S-видных спиралей со впаянными в завитки шариками зерни, обрамленными двумя напаянными крученых проволочками (Рис. 1-2)[1].

По мнению Б.Н.Гракова, животное, нападающее на скифа, – грифон, фигура скифа является изображением Таргитая-Геракла, декоративные элементы позволяют датировать время создания пластины IV - первой половиной III в. до н.э., а изготовлена она была на Боспоре[2]. Атрибуция персонажа на пластине как Таргитая-Геракла была поддержана М.И. Артамоновым[3]. По мнению Н.В. Пятышевой, животное, нападающее на скифа, - не грифон, а кабан, пластина реконструируется исследовательницей вслед за художником-анималистом В.А. Ватагиным (Рис. 3) как круглый медальон, вероятно, бывший украшением погребального венка-диадемы, датируется, скорее, первой половиной или серединой III в. до н.э. и относится к кругу изделий не боспорского, а греко-фракийского или греко-македонского искусства[4].

В дальнейшем в отечественной литературе рассматриваемая пластина не привлекала внимание исследователей, практически незамеченной прошла публикация второй части пластины, попавшей через коллекцию А. Мерля де Массоно, управляющего царскими виноградниками в Крыму и основателя Восточного Банка в Париже[5], в Античное собрание Государственных музеев Берлина - Прусское культурное наследство (Рис. 4)[6]. Тот факт, что А. Мерль де Массоно в конце XIX - начале XX в., когда К.К. Косцюшко-Валюжинич *нашел* «московский фрагмент», находился в Крыму, где он проживал в Ялте, делает весьма вероятным предположение, что и «берлинский фрагмент» имеет, скорее всего, то же происхождение. В пользу этого говорят и следующие наблюдения.

Берлинский фрагмент, в левой части которого изображен движущийся влево грифон, за которым представлена фигурка коленопреклоненного скифа в башлыке и с горитом, висящим на поясе справа, стреляющим в грифона из лука, безусловно, принадлежал к тому же предмету, что и московский фрагмент, так как оба фрагмента стыкуются в нижней части (Рис. 5). На оборотной стороне сохранились остатки петли, расположенной симметрично петле, следы которой имеются на московском фрагменте (Рис. 2).

Берлинский фрагмент, изначально записанный в инвентарную книгу как подделка, после публикации находки «из херсонесского некрополя» был признан аутентичным, атрибутирован как произведение греко-скифского стиля второй половины IV - начала III в. до н.э. А. Грайфенхаген вслед за Н.В. Пятышевой считал, что пластина является украшением венка или погребальной диадемы, в известной степени, потому, что неправильно понял место в тексте Н.В. Пятышевой: «медальон мог находиться в центре погребального венка - диадемы из листьев сельдерея»[7]. По А. Грайфенхагену, «wie von dem Moskauer Fragment berichtet wird, wurde es in der Mitte eines Totenkrazes aus Sellieriebläettern gefunden»[8], т.е. «как сообщается относительно московского фрагмента, он был найден в центральной части венка из листьев сельдерея». Эта путаница тем более досадна, что венки,

украшенные листьями сельдерея, характерны для первых веков н.э.[9] Функционально маловероятно, что рассматриваемая нами пластина украшала венок или диадему. Пластины, украшавшие венки или диадемы, как правило, припаивались или прикреплялись при помощи заклепок. Петли, припаянные на концах пластины с оборотной стороны, предполагают, скорее, иную функцию.

Реконструируемая из московского и берлинского фрагментов пластина имеет вид горизонтально вытянутого прямоугольника со скругленными углами, длиной 4,3 см и шириной 2,3 см. На пластине в технике зерни выполнено изображение сцены сражения скифов с грифоном. Грифон нападает на длинноволосого воина, обороняющегося секирой. Другой скифский воин, находящийся сзади грифона, стреляет в него из лука (Рис. 5).

Рассматриваемая пластина представляет особый интерес по двум причинам. Во-первых, ее отличает чрезвычайно редкая техника изображений. Контуры фигур и их детали выполнены зернью. Во-вторых, представленный на пластине сюжет до сих пор практически не привлекал внимание исследователей скифского и греко-скифского антропоморфного искусства.

Изображение персонажей в технике зерни уникально для ювелирного дела Северного Причерноморья. Все известные произведения из скифских курганов с изображениями сцен из скифской жизни выполнены в другой технике - чеканкой, гравировкой или тиснением по матрице[10]. Вряд ли в данном случае справедливо сопоставление с диадемой из Келермеса[11], на которой изображение птицы выполнено зернью, впрочем, сам А. Грейфенхаген отмечал, что хронологический разрыв между диадемой из Келермеса и пластинкой из Херсонеса не позволяет видеть какую-либо близкую связь между ними[12]. По этой же причине трудно предположить и связь с некоторыми ювелирными изделиями Этрурии середины-третьей четверти VII в. до н.э., украшенными изображениями людей и животных, выполненными зернью, причем со сплошным заполнением в пределах контура изображений[13].

Несмотря на то, что нам неизвестны памятники торевтики с контурными изображениями, выполненными в технике зерни, обращает на себя внимание серия украшений, в которых изображение представлено в рельефе и одновременно оконтурено зернью. Выполненная в такой технике серьга, хранящаяся в Музее Михо, с подвеской трапециевидной формы украшена бюстом женского божества. К пластине на цепочках подвешены инкрустированные подвески в форме цветков лотоса ахеменидского типа[14]. В аналогичной технике выполнено изображение бюста Гелиоса на круглом медальоне неизвестного происхождения из Новороссийского музея[15]. Прототипы таких комбинированных изображений мы находим в торевтике Греции архаического времени, например, на розетте с о. Мелос (?) в Британском Музее[16] или на подвеске из Камироса, хранящейся в Лувре[17].

Композиционно сцена, представленная на пластинке, сопоставима с изображением сцен охоты пеших воинов на животных в греческом искусстве IV в. до н.э., например, на мозаиках из Пеллы, на одной из которых со львом, изображенным в центре, сражаются два воина с мечами[18], а на другой, подписанной мастером Гносисом, на оленя нападают воины, вооруженные двулезвийной секирой и мечом[19]. В то же время сцен охоты двух пеших воинов на грифона в античном искусстве мы не находим. Что касается сцен сражения человека с грифоном, то сцены нападения грифона на человека представлены в довольно схематизированном исполнении на тисненных в матрицах прямоугольных пластинах височных подвесок из кургана IV в. до н.э. у с. Новоселки[20], а также на прямоугольных бляшках из Чертомлыка[21]. Трудно сказать, имеется ли связь между этими изображениями и сценами сражения грифонов с аримаспами, представленными на золотых тисненых пластинах калафа из Большой Близницы[22]. В отличие от изображений на калафе из Большой Близницы, на рассматриваемой пластине представлены воины в скифских костюмах и с другим вооружением, в руках у них не мечи, как в сценах на калафе, а секира[23] или лук. Поза коленопреклоненного лучника-скифа, как было справедливо отмечено А. Грайфенхагеном, находит прототипы в греческой вазописи и скульптуре[24]. Практически не встретим мы в торевтике так называемого греко-скифского стиля[25], т.е. изображений, созданных греческими торевтами на скифские темы, изображений грифона с повернутой назад головой, как на херсонесской пластинке[26]; исключением является изображение одного из грифонов на

калафе из Большой Близницы[27].

В любом случае, будем ли мы вслед за Б.Н. Граковым отождествлять персонаж на пластине с Гераклом-Таргитаем или нет, последнее представляется, кстати, более вероятным (кем в таком случае является лучник, целящийся в грифона сзади?)[28]; очевидно, что перед нами уникальная композиция, представляющая, вероятно, один из скифских мифов (?), при этом выраженная формами, заимствованными из раннеэллинистического античного искусства и выполненная в технике, имеющей отдельные прототипы в торевтике VII в. до н.э.

Очевидным отличием указанных выше изображений из скифских курганов у с. Новоселки и из Чертомлыка от сцены на пластинке из Херсонеса является тот факт, что на последней представлены изображения воинов, иконографически близкие образам скифов на изделиях так называемого греко-скифского стиля, в частности, на электровом сосуде из Куль-Обы[29], серебряном сосуде из Частых курганов[30], конусообразном предмете из Передериевой Могилы[31]. На указанных памятниках скифы, как правило, представлены простоволосыми. Лишь на электровом сосуде из Куль-Обы представлены персонажи в башлыках, напоминающих правую фигуру на берлинском фрагменте.

Композиции из шариков зерни, украшающие одежду скифов, находят соответствия в памятниках греко-скифской торевтики в прочерченных или штампованных кружочках с точками и крестиками[32]. Укажем также на выполненные гравировкой и чеканкой растения с цветками, украшающие конусообразный предмет из Передериевой Могилы[33], электровой сосуд из Куль-Обы[34], а также серебряный с позолотой круглодонный кубок из Соболевой Могилы[35]. Выполненные в технике зерни на рассматриваемой пластине подобные кустики являются их прямой параллелью. Учитывая датировки указанных выше произведений, наиболее вероятной датой херсонесской пластинки могла бы быть середина-третья четверть IV в. до н.э.

Обрамляющий мотив в виде S-видных спиралей состоит из элементов, достаточно распространенных в торевтике Северного Причерноморья. Подобные спирали со впаянными в завитки шариками зерни украшают манжеты гривен из Корнеевки[36], из Талаевского кургана[37], гривны с фигурками скифов из Куль-Обы[38], обкладку точила из Бердянского кургана[39].

Очевидно, что херсонесская пластинка представляет один из вариантов так называемого греко-скифского или боспорского[40] стиля, выполненный в необычной для торевтики Северного Причерноморья IV в. до н.э. технике. Можно ли говорить, учитывая место находки пластины, о Херсонесе как месте ее изготовления?

Это было бы весьма вероятно, если бы не пышный букет уникальности, отличающий рассматриваемый нами памятник.

1. Форма и функциональное назначение пластины - неясны, аналогии предположительно рассматриваемого времени отсутствуют.

2. Композиция сцены, представленной на пластине, - уникальна, не имеет прямых прототипов ни в скифском, ни в античном искусстве, хотя отдельные персонажи представлены в позах, заимствованных из архаического греческого искусства.

3. Техника исполнения - не только необычна для IV в. до н.э., но находит лишь отдаленные параллели в ювелирных изделиях Этрурии VII в. до н.э.

4. Любопытно, что рассматриваемый нами памятник торевтики греко-скифского стиля является единственной находкой подобных произведений, сделанной не в скифском кургане, а предположительно в городском некрополе. Впрочем, в извлечениях из отчета о раскопках Херсонеса 1907 г., опубликованных после смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича, среди находок из насыпи некрополя пластинка не упоминается[41].

Все вышесказанное заставляет все-таки усомниться в подлинности пластины и предположить ее изготовление если и не на месте древнего Херсонеса, то, вероятнее всего, в «южной России», но не середины-третьей четверти IV в.до н.э., а, скорее, конца XIX - начала XX в. н.э., т.е. в эпоху «первого расцвета» деятельности фальсификаторов древних памятников Северного Причерноморья[42]. «Второй расцвет» этого явления мы переживаем в последние годы, наглядным свидельством чему являются многочисленные более или менее искусно выполненные фальшивки, представленные на выставках коллекции С.Н. Платонова и «Индустриального Союза Донбасса»[43].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГИМ. Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК XXXIV. – 1950, с. 14сл., рис. 3; Пятышева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н.э. - IV в.н.э. // Памятники культуры XVI. - М., 1956, с. 14-18. № 13, табл. II, 1; Greifenhagen A. Fragmente eines skythischen Goldbleches aus Chersones in Berlin und Moskau // Archäologischer Anzeiger. - 1974, s. 171-175; Idem. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. II. - Berlin, 1975. s. 120. Abb. 32 (слева); Wolters J. Die Granulation. Geschichte und Technik einer alten Goldschmiedekunst. 2. Aufl. - München, 1986, s. 145. Abb. 164 (слева). Автор выражает искреннюю признательность Д.В. Журавлеву за предоставление фотографий лицевой и оборотной сторон пластины.
2. Граков, Скифский Геракл…, с. 14сл.
3. Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АсбГЭ 2. - 1961, с. 79, рис. 22.
4. Пятышева, Ювелирные изделия Херсонеса…, с. 14-18.
5. О Мерле де Массоно и его коллекции см., например: Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. - Berlin, 1970, s. 10, 41; Damm I.G. Goldscmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergart 2 // Kölner Jahrbuch für Vor-und Frühgeschichte 21. - 1988, s. 65.
6. Берлин, Античное собрание Государственных музеев Берлина – Прусское культурное наследство, инв. № 11863, 123. Greifenhagen, Fragmente eines skythischen Goldbleches..., s. 171-175. Abb. 2; Idem, Schmuckarbeiten in Edelmetall..., s 120, nr. 7, Abb. 32 (справа); Wolters, Die Granulation..., s. 145. Abb. 165.
7. Пятышева, Ювелирные украшения Херсонеса..., с. 16.
8. Greifenhagen, Fragmente eines skythischen Goldbleches..., s. 172; Idem, Schmuckarbeiten in Edelmetall..., s. 120.
9. О погребальных венках с листьями сельдерея см. наши наблюдения: Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю. Инвентарь богатого горгиппийского (?) склепа II в. н.э. в собрании ГИМ // Древности Боспора (в печати).
10. Treister M. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. - Leidem-Köln-Boston, 2001, p. 127-160.
11. Диадема из Келермеса, см.: Галанина Л.К. Келермесские курганы. - Москва, 1997, с. 132сл, № 15, табл. 29.
12. Greifenhagen, Fragmente eines skythischen Goldbleches…, s. 175.
13. См., например: Cristofani M., Martelli M. L'oro degli etruschi. - Novara, 1983, s. 114. fig. 58 (булавка из Ветулонии, Tomba del Littore, ок. 630 г. до н.э.); s. 118, fig. 65-66 (фибулы, Tomba del Littore, ок. 630 г. до н.э.); s. 135, fig. 94 (подвеска из Вульчи, ок. 650 г. до н.э.); s. 142, fig. 107-108 (фибулы неизвестного происхождения, хранящиеся в Нью-Йорке и Провиденсе, ок. 630 г. до н.э.).
14. Treasures of Ancient Bactria. The Miho Museum. - 2002, nr. 171.
15. Колбасина Л.А., Раскатова Т.В., Терехова В.П., Соколова Р.М., Шишлов А.В. Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. - Новороссийск, б.г., с. 11, рис. справа вверху.
16. Musti D. et al. L'oro dei Greci. - Novara, 1992, p. 126, fig. 91.
17. Ibid., p. 121, fig. 80.
18. Salzmann D. Untersuchungen zu den antiken Kieselmosaiken. - Berlin, 1982, s. 105f, nr. 98, taf. 30-31.
19. Salzmann, Untersuchungen zu den antiken Kieselmosaiken..., s. 107f, nr. 103, taf. 29.
20. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ Д 4-5. - М., 1978, с. 32, табл. 21, 4; Galanina L., Grach N. Skythische Kunst. - Leningrad, 1986, Abb. 243; Seipel W. (Hrsg.), Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien. - Wien, 1993, nr. 35; Schiltz V. Die Skythen und andere Steppenvölker. - München, 1994, s. 378, Abb. 295; Curletti M.G. (ed.) Tesori delle Steppe. Cimmeri, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari. - Milano, 1995, nr. 43; Reeder E. (ed.), Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. - New York, 1999, nr. 19.
21. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. - Киев, 1991, с. 249. № 212. 29; Galanina, Grach, Skythische Kunst…, Abb. 263.
22. Уильяимс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н.э. - СПб., 1995, № 203; Galanina, Grach, Skythische Kunst..., Abb. 226-228; Schiltz, Die Skythen..., s. 381, Abb. 298. Об изображениях сцен сражений аримаспов с грифонами в античном искусстве, см.: Gorbunova X. Arimaspoi // LIMC VIII. - Stuttgart-Zürich, 1997, s. 529-534.
23. Ср. находку бронзовой секиры в погребении № 2 кургана № 18 у дер. Львово Херсонской области (Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine…, nr. 23). Изображения скифов с секирами представлены как в сценах на греческих чернофигурных вазах (см., например: Schiltz, Die Skythen und andere Steppenvölker…, s. 392-393. Abb. 313, 317), так и на произведениях торевтики греко-скифского стиля (круглодонный кубок из Частых курганов: Galanina, Grach, Skythische Kunst…, Abb. 172; Schiltz, Die Skythen…, s. 390-391, Abb. 312, C).
24. Greifenhagen, Fragmente eines skythischen Goldbleches…, s. 172, Anm. 6. См, например, подобное изображение на так называемой «вазе Франсуа» (Schiltz, Die Skythen und andere Steppenvölker…, s. 392. Abb. 314). См. на эту тему также: Raeck W. Zum Barbarenbild in der Kunst Athens im 6. und 5. Jahrhundert v. Chr. - Bonn, 1981, s. 10ff, Abb. 3; Lissarrague F. L'autre guerrier. Archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique. - Paris-Rome, 1990, p. 125ff.
25. Савостина Е.А. «Боспорский стиль» и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья // В: Е.А.Савостина (ред.), Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). - М., 2001, с. 287; Schiltz, Die Skythen…, s. 133ff.
26. Автор выражает искреннюю признательность за это тонкое наблюдение С.С. Бессоновой.
27. См. выше прим. 22.
28. Подобным же образом сомневались в аттрибуции Б.Н. Гракова и А. Грайфенхаген и Д.С. Раевский. См.: Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. - М., 1977, с. 184, прим. 24; Greifenhagen, Fragmente eines skythischen Goldbleches…, s. 174.

29. Galanina, Grach, Skythische Kunst…, Abb. 184-187; Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. - London, 1994, p. 201-202, fig. 6. 21a-b; Schiltz, Die Skythen…, s. 171-175, Abb. 124-127; Barkova L., Kalašnik Ju. (Hrsg.) Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. - Bonn, 1997, nr. 74.
30. Galanina, Grach, Skythische Kunst…, Abb. 171-173; Schiltz, Die Skythen..., s. 390-391, Abb. 312, A-D; Barkova, Kalašnik, Zwei Gesichter der Eremitage..., nr 39.
31. Русяева М.В. Золотой предмет ритуально-культового назначения из кургана Передериева Могила // В: М.Ю. Вахтина и др. (ред.), Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной конференции. - Санкт-Петербург, 1999, с. 208-215; Савостина, «Боспорский стиль»…, с. 287 сл., табл. XLII, XLIII, XLV, рис. 17-19, 24, 25; Moroujenko A.A. Le kourgane scythe de Perederieva Moguila // Les Dossiers d'Archéologie 194. – 1994, p. 22-25; Schiltz, Die Skythen..., s. 335, Abb. 243; s. 370-371, Abb. 277; Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine…, nr. 124.
32. См., например, на бляшках из Куль-Обы (Galanina, Grach, Skythische Kunst…, Abb. 196, 199, 202).
33. См. выше прим. 31.
34. См. выше прим. 29.
35. Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine..., nr. 164.
36. Gold aus Kiew…, nr. 30.
37. Петренко, Украшения Скифии…, табл. 31, 1; Galanina, Grach, Skythische Kunst…, Abb. 236-237.
38. Петренко, Украшения Скифии…, с. 46. табл. 35, 1-1а; Galanina, Grach, Skythische Kunst…, Abb. 126-127; Schiltz, Die Skythen…, s. 162-163, Abb. 120; Williams D., Ogden J. Greek Gold. Jewellery of the Classical Period. - London, 1994, nr. 81; Barkova, Kalašnik, Zwei Gesichter der Eremitage..., nr. 67.
39. Чередниченко М.М., Мурзин В.Ю. Основні результати дослідження Бердянського кургану // Археологія 1. 1996, - с. 73, 76, рис. 10; Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine..., nr. 100.
40. Савостина, «Боспорский стиль»..., с. 287 сл.
41. Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИАК 42. - 1911, с. 89-91.
42. См. подробнее: Treister M. Eine Halskette in Museum Odessa - ein fast unbekannter Fund aus Olbia oder eine Fälschung? // In: J. Gebauer, E. Grabow, F. Jünger, D. Metzler (Hrsg.), Bildergeschichte. Festschrift für Klaus Stähler. - Möhnesee, 2004, s. 461f.
43. См.: Явтушенко І.Г (Ред.), Шедеври Платар. Колекція старожитностей. Фотоальбом. - Київ, 2004; Архипова Е.І., Відейко М.Ю., Клочко В.І., Левада М.Е., Симоненко О.В., Стоянов Р.В. Платар. Колекція старожитностей родин Платонових і Тарут. Каталог. - Київ, 2004.

Рис. 1. Фрагмент пластинки с изображением скифа.
Лицевая сторона. ГИМ. Фото Д.В.Журавлева.

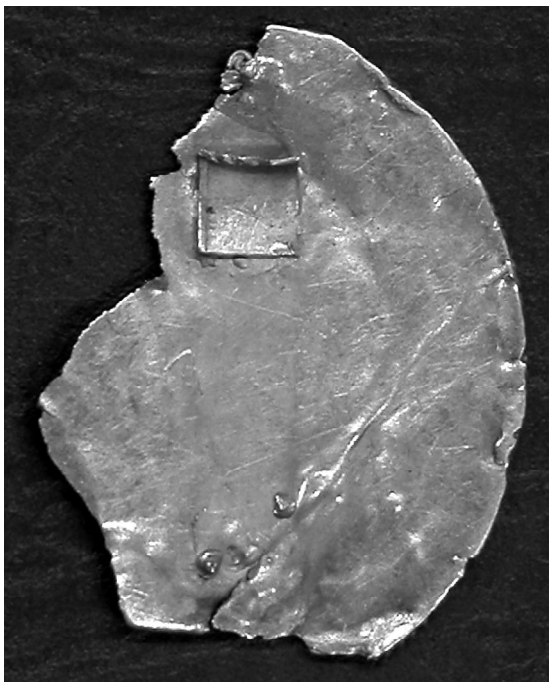

Рис. 2. Фрагмент пластинки с изображением скифа.
Оборотная сторона. ГИМ. Фото Д.В. Журавлева.

Рис. 3. Реконструкция пластинки, выполненная В.А. Ватагиным
(по: Greifenhagen A. Fragmente eines skythischen Goldbleches aus Chersones in Berlin und Moskau // Archaologischer Anzeiger 1974. S. 173. Abb. 1).

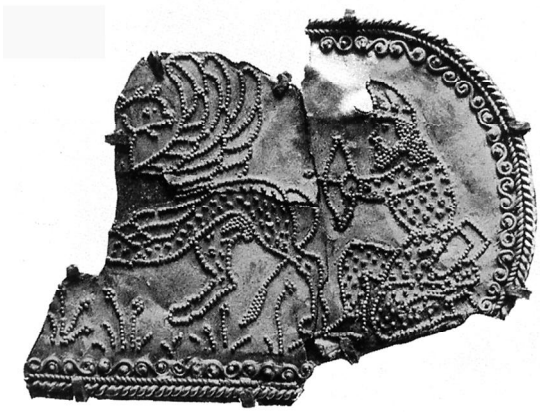

Рис. 4. Фрагмент пластинки с изображением скифа и грифона.
Античное собрание. Государственные музеи Берлина – Прусское культурное наследство
(по: Greifenhagen A. Fragmente eines skythischen Goldbleches aus Chersones in Berlin und Moskau // Archaologischer Anzeiger 1974. S. 173. Abb. 2).

Рис. 5. Совмещенное изображение «московского» и «берлинского» фрагментов пластинки с изображением двух скифов и грифона
(по: Greifenhagen A. Fragmente eines skythischen Goldbleches aus Chersones in Berlin und Moskau // Archaologischer Anzeiger 1974. S. 173. Abb. 3).

А.А. ТРУФАНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА У С. БРЯНСКОЕ В 1995-1996 гг.*

В 1995-1996 гг. отряд Альминской экспедиции Крымского филиала ИА НАН Украины провел охранные археологические раскопки на территории могильника, расположенного у с. Брянское Бахчисарайского района. До этого в 1993 г. сотрудниками Бахчисарайского историко-культурного заповедника после получения информации о начавшемся разграблении памятника здесь были обследованы грабительские ямы и собран ряд выразительных находок, позволивших датировать могильник первыми веками н.э.[1] Тогда же в отвале грабительского шурфа, разрушившего одну из подбойных могил, была обнаружена архитектурная деталь вторичного использования, изготовленная из обломка известняка[2].

Исследовавшийся могильник расположен на левобережье р. Альма, на расстоянии 1-1,5 км к юго-востоку от села Брянское, на северном склоне глубокой Сакальской балки, приблизительно в 500 м к северо-западу от позднескифского городища Заячье.

Краткие сообщения о результатах раскопок могильника прежде уже появлялись в печати[3]. Кроме того, автор использовал возможность ознакомить коллег с материалами отдельных раскопанных погребений этого некрополя[4].

Всего в ходе двух полевых сезонов 1995-1996 гг. на территории могильника было изучено 19 погребальных сооружений, в том числе 8 подбойных могил (среди них одна с двумя подбоями), 4 плитовые, 5 грунтовых, 1 склеп и одно конское захоронение.

Могила № 1 (рис. 1). Подбойная. Могильная яма, размерами 2,5х0,6 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Подбой, размерами 2,45х0,6 м, вырублен в северо-восточной стенке входной ямы. Могила ограблена: сохранилась лишь северо-западная часть заклада. В засыпи подбоя были найдены разрозненные кости взрослого человека, стеклянная бусина, железный нож и кость крупного животного.

Могила № 2 (рис. 1). Грунтовая. Могильная яма овальных очертаний, размерами 1,1х 0,75 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Заполнение ямы состояло из рыхлого суглинка и многочисленных разномерных обломков известняка. На дне находилось захоронение человека, погребенного в скорченном положении на правом боку, его руки были согнуты в локтях. В области шейных позвонков зафиксированы стеклянные бусы. У ног были обломки краснолаковой тарелки, остальные ее фрагменты были обнаружены в подбое могилы № 4, во входной яме которой и было совершено захоронение могилы № 2.

Могила № 3 (рис. 1). Подбойная. Могильная яма, размерами 2,15х0,7 м, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ. Подбой, размерами 2,1х 0,6 м, расположен с ССВ стороны от ямы. На дне подбоя располагалось захоронение женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮВ. В области груди лежала фибула смычковой конструкции, на шее зафиксировано ожерелье из янтарных, фаянсовых и стеклянных бус, в районе позвоночника – орнаментированное зеркало-подвеска с боковой петлей. В области запястий зачищены бусы, а также каплевидные и полусферические золотые бляшки, которыми были расшиты рукава одежды. Среди фаланг пальцев правой и левой рук найдены бронзовые перстни со вставками. У ног погребенной находилась краснолаковая чашка с румянами и бронзовой иглой внутри, железное шило, краснолаковый кувшин, железный нож и кость животного.

Могила № 4 (рис. 1). Подбойная. Могильная яма, размерами 2,00 х 1,00 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. В ЮЗ стенке ямы сооружена ступень высотой 0,40 м. Подбой, размерами 1,95х0,6 м, вырублен в СЗ стенке ямы. Могила ограблена в древности. В засыпи подбойной

* Выражаю признательность руководителю Альминской экспедиции А.Е. Пуздровскому за разрешение опубликовать материалы исследования могильника у с. Брянское в полном объеме.

камеры были найдены железный нож, мелкие кости и фрагменты краснолаковой тарелки, остальные части которой обнаружены на уровне погребения в могиле № 2.

Могила № 5 (рис. 2). Подбойная. Могильная яма, размерами 2,15 х 0,50 м, ориентирована по линии ЮВВ-СЗЗ. Подбой, размерами 2,15 х 0,60 м, вырубленный в ССВ стенке ямы, был отделен от нее закладом из небольших обломков известняка, поставленных в несколько рядов. На дне подбоя было расположено захоронение женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на ЮВВ, руки согнуты в локтях, кисти рук находились на костях таза. За головой погребенной стоял краснолаковый кубок, рядом с которым находились железный нож и кость животного. По обеим сторонам от черепа зафиксированы бронзовые серьги, на груди - бронзовая фибула. На шее, запястьях и в области стоп зачищены янтарные, стеклянные и гагатовые бусы. Рядом со стопами найдено лепное пряслице.

Могила № 6 (рис. 2). Подбойная. Ограблена в недавнее время. Могильная яма, размерами 2,0х0,7 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Подбой вырублен в СВ стенке ямы, его размеры - 2,0х0,6 м. Закладные плиты смещены. В засыпи найдены отдельные кости взрослого человека.

Могила № 7 (рис. 2). Плитовая. Могильная яма, размерами 2,3х1,1 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Северо-восточная и юго-западная стенки ямы выложены вертикально поставленными известняковыми плитами. Из плит перекрытия на месте сохранилась лишь одна, остальные смещены при разграблении могилы в древности. В засыпи могилы найдены кости разрушенного погребения, обломки бронзового зеркала-подвески, стеклянные и гагатовая бусы, фрагменты краснолакового кубка.

Могила № 8 (рис. 4). Плитовая. Могильная яма, размерами 2,2х0,8 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Из плит перекрытия на месте уцелели две, третья была смещена при ограблении могилы в древности. В засыпи обнаружены хаотично располагавшиеся кости взрослого человека, бронзовая игла, бронзовый перстень, глиняное пряслице и фрагмент железной фибулы пружинной конструкции.

Могила № 9 (рис. 3). Подбойная. Входная яма, размерами 2,25х0,8 м, ориентирована по оси З-В. В могиле находилось два подбоя, отгороженных расположенными под наклоном известняковыми плитами, укрепленными в таком положении небольшими обломками известняка.

Подбой «А», размерами 2,25х0,55 м, вырублен в северной стенке входной ямы. На дне подбоя находился скелет мужчины, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на восток. С обеих сторон черепа, под левой плечевой костью и под костями левой стопы находились плоские, положенные плашмя обломки известняка. Погребение сопровождалось краснолаковой тарелкой с костью животного и ножом, а также краснолаковым кувшином.

Подбой «Б», размерами 2,2х0,5 м, вырубленный в южной стенке входной ямы, содержал захоронение женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на восток. Погребение сопровождалось краснолаковым кувшином, краснолаковой тарелкой с железным ножом и костью животного, краснолаковой чашкой. За головой погребенной находились: лепное пряслице, бронзовая и железные детали шкатулки, небольшие кусочки мела и румян. В области шеи было зачищено ожерелье из гагатовых, стеклянных и янтарных бус, в районе ребер лежали бронзовая пружинная фибула-брошь с фрагментированным щитком, закрепленная на бронзовом кольце, и фигурная шарнирная фибула с эмалевым орнаментом. На запястьях зачищены стеклянные, янтарные и гагатовые бусы, среди фаланг пальцев левой руки - бронзовый перстень со вставкой-геммой с изображением бюста. В области стоп было зафиксировано скопление мелких стеклянных, гагатовых и фаянсовых бус.

Могила № 10 (рис. 4). Плитовая. Могильная яма, размерами 1,5х0,9 м, ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Продольные стенки могильной ямы обложены вертикально поставленными известняковыми плитами. Из плит перекрытия уцелели две, остальные были смещены при ограблении могилы в древности. В засыпи могилы среди нескольких смещенных костей погребения обнаружена бронзовая пронизь.

Могила № 11 (рис. 4). Конское погребение в грунтовой яме, размерами 2,3х0,7 м, головой на СЗ.

Могила № 12 (рис. 4). Подбойная. Входная яма, размерами 2,3х0,55 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Подбой, размерами 2,35х0,6 м, расположен в северо-восточной стенке ямы.

Захоронение было ограблено в недавнее время. В засыпи входной ямы находились обломки закладных плит и отдельные кости взрослого человека.

Могила № 13 (рис. 4). Грунтовая. Могильная яма, размерами 1,85х0,45 м, ориентирована по линии З-В. На дне могилы находилось захоронение взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на восток. Инвентарь отсутствовал.

Могила № 14 (рис. 4). Грунтовая. Могильная яма, размерами 1,7х0,45 м, ориентирована по линии З-В. На дне могилы находилось захоронение взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, с перекрещенными ногами, головой на восток. Инвентарь отсутствовал.

Могила № 15 (рис. 4). Грунтовая, с заплечиками и каменным перекрытием, ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Размеры могильной ямы: 1,8х0,7 м. Плиты перекрытия оказались смещенными при ограблении могилы. В засыпи были обнаружены отдельные кости человека.

Могила № 16 (рис. 5). Грунтовая. Могильная яма, размерами 2,05х0,5 м, ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Ограблена в древности. В засыпи были зафиксированы разрозненные кости взрослого человека и мелкие обломки известняка.

Могила № 17 (рис. 5). Подбойная. Входная яма, размерами 2,2х0,65 м, ориентирована по оси З-В. Подбой, размерами 2,1х0,45 м, был вырублен в северной стенке ямы и отгорожен закладом из небольших обломков известняка в несколько рядов. На дне подбоя находилось захоронение девочки-подростка, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на восток. У головы погребенной лежала краснолаковая чашка, на груди была обнаружена бронзовая фибула, на шее - ожерелье из стеклянных бус, в области стоп - скопление мелких стеклянных и фаянсовых бус.

Могила № 18 (рис. 5). Плитовая. Могильная яма, размерами 2,8х1,3 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Продольные стенки могилы были выложены вертикально поставленными известняковыми плитами. Из плит перекрытия уцелела лишь одна, остальные были смещены при ограблении могилы. В засыпи у северо-западной стенки могилы были найдены смещенные кости погребения (в том числе деформированный череп), железное шило и бронзовая фибула. На дне у юго-восточной стенки могилы был найден фрагментированный железный нож и кость животного.

Восемь погребальных сооружений к моменту проведения исследования оказались ограбленными, причем вначале в древности, впоследствии снова в недалеком прошлом. В остальных нетронутых грабителями могилах погребенные были ориентированы головами на восток, с незначительными отклонениями от этого направления. Некоторые детали обряда и условия находки потревоженных, сдвинутых при ограблении костяков в разрушенных погребениях, позволяют предполагать, что и в данных могилах ориентация погребенных была такой же. Исключение представляет склеп, информацию о расположении погребенных в котором получить не удалось.

Все погребенные (кроме скорченного захоронения в могиле 2) находились в вытянутом положении на спине, в одном случае (могила 14) кости ног у покойного были перекрещены в голени. У большинства погребенных одна или обе кисти рук находились на костях таза. Череп из плитовой могилы 18 был незначительно деформирован.

Говоря о конструктивных особенностях раскопанных погребальных сооружений, следует отметить, что могильные ямы двух из них (могилы 2-3) были заполнены разномерными обломками известняка. Над могилой 3 на уровне древней поверхности было зачищено скопление необработанных известняковых обломков, из которых один, высотой около 0,4 м, был укреплен вертикально, представляя собой нечто вроде надмогильной стелы.

Необычной для Юго-Западного Крыма является конструкция склепа 19. Поскольку публикации этого погребального сооружения была посвящена отдельная, уже вышедшая в печати статья, ограничусь лишь его общим описанием. Для создания склепа использовалась природная выемка в скале типа небольшого грота, путем искусственной обработки которой была оформлена погребальная камера. Далее к ней был пристроен дромос, кладки которого состояли из полуобработанных обломков известняка, сложенных на глиняном растворе. Вход в дромос предваряли две ступени из плоских известняковых плит. Перекрытие дромоса и закладная плита не сохранились. В заключение отмечу, что при осмотре отвесного выступа скалы, продолжающегося на несколько десятков метров вдоль Сакальской балки, были

замечены провалы грунта, указывающие на существование здесь еще нескольких склепов, расположенных в одну линию с уже раскопанным склепом 19 и аналогичных ему по конструкции.

Погребальный инвентарь захоронений могильника состоит из краснолаковой посуды, фибул, перстней, ножей, шильев, иголок, сережек, деталей шкатулки, пряслиц, бусин, зеркала и лепных рюмкообразных курильниц.

Остатки погребальной пищи в виде кости животного вместе с ножом располагались у головы или у ног погребенного. В чашке (рис. 1. 6) из женского погребения № 3 были зафиксированы следы румян. Из прочих особенностей обряда следует отметить наличие на ногах и запястьях умерших женщин рядов бус, которыми были расшиты рукава и подол платья. Рукава одежды погребенной женщины из могилы 3 были украшены золотыми нашивными бляшками полусферической и каплевидной формы (рис. 1. 12).

Краснолаковые сосуды, найденные при исследовании могильника у с. Брянское, принадлежат к нескольким распространенным керамическим группам. Наиболее широко представленная серия состоит из сосудов северопричерноморского производства: кувшинов (рис. 1. 7; 3. 1, 7), кубков (рис. 2. 1), чашки (рис . 5. 1), мисок и тарелок (рис. 1. 4). Некоторые формы находят соответствия в керамике группы Pontic sigillata[5].

Одна фрагментированная тарелка II - первой половины III в. н.э., происходящая из разграбленного склепа 19, относится к группе Eastern sigillata C.

Часть сосудов относится к группе Eastern sigillata B-2: две тарелки (рис. 3. 3, 11) и чашка (рис. 3. 4) из могилы 9, а также чашки (рис.1. 6) из могилы 3. Относительно этого последнего сосуда интересным представляется то, что глина его имеет серый цвет, а поверхность покрыта лаком черного цвета, что является результатом специфических условий обжига. Из числа известных нам по крымским комплексам чашек данного типа более половины сосудов имеют ту же особенность, не присущую вовсе изделиям других форм, лаковое покрытие которых, равно как и глина, различных оттенков красного цвета.

Широкая датировка сосудов группы ES-B-2 определяется исследователями в пределах 50-125/150 гг. н.э.[6] или 50/75-150 гг. н.э.[7] Стремясь ее сузить, Д.В. Журавлев предложил относить большую часть данных сосудов и связанных с ними погребальных комплексов к третьей четверти I в. н.э.[8] В.В. Кропотов, напротив, счел необходимым настаивать на целесообразности «омоложения» комплексов, содержащих посуду группы ESB-2, и отнесения их ко времени не ранее рубежа I-II вв. н.э.[9] Последовавшая вслед за этим статья Д.В. Журавлева содержала критический анализ предлагаемых оппонентом дат и основной вывод автора, сводившийся к тому, что датировка некоторых комплексов с посудой группы ES-B-2 может быть пересмотрена в сторону их «омоложения», но это не влияет принципиально на общие хронологические рамки бытования изделий ES-B-2, причем ряд учтенных погребений следует датировать именно третьей четвертью I в. н.э.[10]

Допуская попадание в крымские комплексы ранних форм посуды ES-B-2, начиная с третьей четверти I в. н.э., наиболее характерную керамику этой группы для погребений последней трети I в. н.э. и первой трети II в. н.э., на наш взгляд, необходимо датировать как раз-таки этим периодом. Именно в комплексах этого времени она представлена наиболее массово. Это относится, в том числе, к посуде с оттиском штампа POY/ФОУ, которая в ряде комплексов Юго-Западного Крыма зафиксирована вместе с сильно профилированными северопричерноморскими фибулами. О том, что погребение из могилы 3 (Брянское) с чашкой группы ES-B-2 относится ко времени после рубежа I-II вв. н.э., свидетельствует наличие в инвентаре орнаментированного зеркала-подвески с боковой петлей.

На внешней поверхности трех сосудов, происходящих из могилы 9, прочерчено граффити: тамгообразные знаки на тарелках и надпись греческими буквами на чашке. Граффити на стенках сосудов группы ES-B-2, найденных в погребениях Юго-Западного Крыма, вообще частое явление, а надписи, сделанные буквами греческого алфавита, за редким исключением[11], встречаются именно на керамических изделиях данной группы. А.Е. Пуздровский высказал мысль о том, что греческие надписи на сосудах из позднескифских погребений свидетельствуют о «более широком, чем ранее принято было думать, круге лиц в скифо-сарматской среде, поклонявшихся греческим богам», а также об «эллинизации и романизации населения в первые

века н.э.». При этом исследователь не исключил вероятности их вторичного использования[12]. Последняя гипотеза нам представляется более продуктивной: во-первых ввиду отсутствия целесообразности письменного посвящения греческим богам, нанесенного на сосуд с пищей, предназначенной для покойного, к тому же варвара; во-вторых, из-за весьма сомнительного уровня знания греческой письменности в скифо-сарматской среде - иначе мы были бы знакомы с многочисленными надписями, сделанными на иных предметах, а не только на краснолаковых сосудах, причем в основном группы ES-B-2. Возможно, первоначальными владельцами тарелок и чашек с надписями были грекоязычные жители полуострова. Граффити, прочерченное на чашке, найденной в могиле 9, вероятно, представляет собой две связанные между собой по смыслу монограммы, из которых первая (НР) - возможно, имя божества (Геракла?), а вторая (ПҮ) - начальные буквы имени жертвователя.

Среди фибул, найденных при изучении из могильника у с. Брянское, встречаются изделия как местного, северопричерноморского, производства, так и предметы импорта. Первую группу составляют бронзовые лучковые подвязные фибулы варианта 3/4 (могила 17), варианта 5 (склеп 19), с нижней тетивой и фигурной проволочной обмоткой спинки (могилы 5 и 18); смычковые фибулы (находка из грабительского шурфа)[13]; пружинная фибула-брошь (могила 9) (вероятно, фибула из могилы № 3 также являлась брошью, но ее щиток утрачен); фибула с кнопкой на конце пластинчатого приемника (склеп 19). Среди предметов, обнаруженных в разграбленной могиле № 8, был, помимо прочего, найден обломок железной лучковой фибулы.

К импортным изделиям, производство которых обычно связывают с Подунавьем, относятся шарнирные фибулы-броши с эмалью из могилы № 9 и из грабительского шурфа[14].

Монография А.К. Амброза, посвященная систематизации фибул Северного Причерноморья[15], в целом выдержала проверку временем и продолжает использоваться абсолютным большинством исследователей. Все фибулы Брянского могильника находят соответствия в типологии А.К. Амброза, поэтому нет особой нужды рассматривать каждую из находок в отдельности. Остановлюсь лишь на фигурной шарнирной фибуле-броши (рис. 3. 10) в виде лежащего кошачьего хищника, украшенной кругами синей и красной эмали (могила 9). Аналогичная находка происходит из округи Пантикапея (могила 1912 г.), из комплекса со стеклянным бальзамарием типа I-2-Г и стеклянным сосудом с рельефным орнаментом в виде капель[16]. Оба комплекса датируются в рамках конца I - первой половины II в. н.э. А.К. Амброз упоминает такую же фибулу в комплексе с монетой Антонина Пия (138-161 гг. н.э.)[17], что заставляет продлевать дату бытования типа, по крайней мере, до середины II в. н.э.

Наиболее ранние из достоверно датированных раскопанных погребений могильника у с. Брянское относятся к последней трети I- началу II в. н.э. (подбойные могилы 3 и 9). Этим же временем, возможно, следует датировать безинвентарные захоронения в грунтовых ямах, обнаруженные на раннем участке некрополя (могилы 13-14). Самое позднее погребение, совершенное в подбойной могиле 5, содержит материал III в. н.э.

Говоря о времени использования раскопанных плитовых могил, основываясь на полученном разрозненном материале, можно предположить, что все они относятся к периоду второй половины II - середины III в. н.э. Эти погребальные сооружения составляют поздний участок некрополя.

Склеп 19, судя по зафиксированным фрагментированным находкам, использовался для совершения захоронений по крайней мере с конца I - начала II вплоть до середины III в. н.э.

Сложнее обстоит вопрос с датировкой скорченного погребения в грунтовой могиле 2. Найденные здесь бусы не дают достаточных оснований для определения времени захоронения. Единственным подспорьем при этом служит дата тарелки из разрушенной подбойной могилы 4, «перекрытой» могилой 2. Эта дата - вторая половина II- первая половина III в. н.э. Надо полагать, что скорченное погребение из могилы 2 совершено не ранее этого времени, а вот насколько позднее - сказать трудно.

Некрополь у с. Брянское имеет множество общих черт с прочими позднескифскими могильниками первых веков н.э., расположенными в Юго-Западном Крыму. Прежде всего, сказанное касается близости основного комплекса погребальных сооружений, состоящего из подбойных и плитовых могил, а

также захоронений в грунтовых ямах. Плитовые могилы II-III вв. н.э., аналогичные раскопанным у с. Брянское и характерные для могильников юго-западной части полуострова, в Центральном Крыму редки[18]. Довольно распространенной конструктивной особенностью в указанном регионе можно считать забивку бутовым камнем могильных ям (Заветное, Усть-Альма, Бельбек IV)[19]. Немногочисленные скорченные погребения известны на Усть-Альминском и Заветненском некрополях[20].

Погребальный инвентарь раскопанных захоронений в целом аналогичен вещевым находкам из прочих позднескифских могильников второй половины I - III в. н.э. Имеющиеся отличия в основном сводятся к отсутствию тех или иных типов погребального инвентаря (бронзовых браслетов, колец с тремя рядами «шишечек» и прочих амулетов, пронизей из «египетского фаянса», некоторых форм лепных курильниц), столь часто встречающихся в погребениях поздних скифов Крыма, но данный факт может являться отражением недостаточно полной изученности памятника.

Как уже было сказано, могильник находится в непосредственной близости от позднескифского городища Заячье и близлежащих поселений в его окрестностях. Не вызывает сомнений, что их обитателям он и принадлежал. В этой связи следует упомянуть о датировке материалов городища. В процессе разведочных работ 1954 г., проведенных на территории памятника Н.П. Кацуром, были собраны фрагменты керамической тары, представленной обломками светлоглиняных широкогорлых амфор с двуствольными ручками, светлоглиняных узкогорлых амфор и красноглиняных амфор «мирмекийского» типа, а само городище было датировано I-IV вв. н.э.[21] Исследования, осуществленные Т.Н. Высотской в 1960 и 1963 гг., привели к обнаружению находок (фрагментов амфор, краснолаковой и лепной керамики), отнесенных ко II-III вв. н.э.[22] С.Г. Колтухов более преемлемой по отношению к памятнику счел датировку I в.до н.э. - III в. н.э.[23]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белый О.Б., Неневоля И.И. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма. - Симферополь, 1994, с. 253-255, рис. 1. 3-8.
2. Волошинов А.А. Новые памятники позднескифской скульптуры из Юго-Западного Крыма // Поздние скифы Крыма. - М., 2001, с. 151, рис. 2. 1.
3. Труфанов А.А. Погребальные сооружения позднескифского могильника у с.Брянское // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Севастополь, 1997, с. 114-115.
4. Труфанов О.А. Пізньоскіфський могильник біля с. Брянське у Південно-Західному Криму // Матеріали IV Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених. - К., 1996, с. 165-167; Труфанов А.А. Раскопки могильника у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. - К., 1997, с. 192-193; Он же.Вырубной склеп из позднескифского могильника у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // ХСб. IX. - Севастополь, 1998, с. 141-145.
5. Hayes J.W. Sigillate orientali // Ceramica fine Romana nell bacino Mediterraneo (tardo-ellenismo e primo impero). Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell'arte antica. Classica e orientale. - Roma, 1985, f. 1, f. 5; Zhuravlev D. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skithian necropoleis of the south-western Crimea (1st- 3rd centuries AD) // Rei cretariae romanae favtorum acta. - 2000, p. 152-155.
6. Журавлев Д.В. О датировке Eastern sigillata B из Юго-Западного Крыма // Археология 3. - 2001, с. 99-118.
7. Beyll D. Terra sigillata aus der marrienkirche in Ephesos erste zwischenbilanz // Berichte und Materialien des Österreichischen Archäologischen Institutes 5. - Wien, 1983.
8. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. - М., 1997.
9. Кропотов В.В. Імпортна червонолакова кераміка південномалоазійської групи в Криму // Археологія 1. - 2001, с. 92, 93.
10. Журавлев, О датировке Eastern sigillata…, с. 99-118.
11. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. - К., 1994, табл. 21. 5; Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993-1995 гг. // БИАС I. - Симферополь, 1997, рис. 1. 4.
12. Пуздровский, Граффити на краснолаковой посуде…, с. 178, рис. 1. 1-3; 2. 1.
13. Белый, Неневоля, Охранные работы…, рис. 1. 5.
14. Там же, рис. 1. 6.
15. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ Д 1-30. - М., 1966.

16. Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ XIII. - 1972, рис. 8. 25.
17. Амброз, Фибулы юга Европейской части СССР…, с. 34-35.
18. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. - Симферополь, 1994, с. 116.
19. Высотская, Усть-Альминское городище…, с. 57; Пуздровский, О погребальных сооружениях..., с. 115.
20. Гущина И.И. О погребальном обряде населения Бельбекской долины (по материалам могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму) // ТГЭ 93. - М., 1997, с. 30, 32.
21. Веймарн Е.В. Отчет о работе Горного отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1954 г. // Архив КФ ИА НАН Украины, с. 22.
22. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. - К., 1972, с. 26-28, рис. 30, 33-35.
23. Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. - Симферополь, 1999, с. 117.

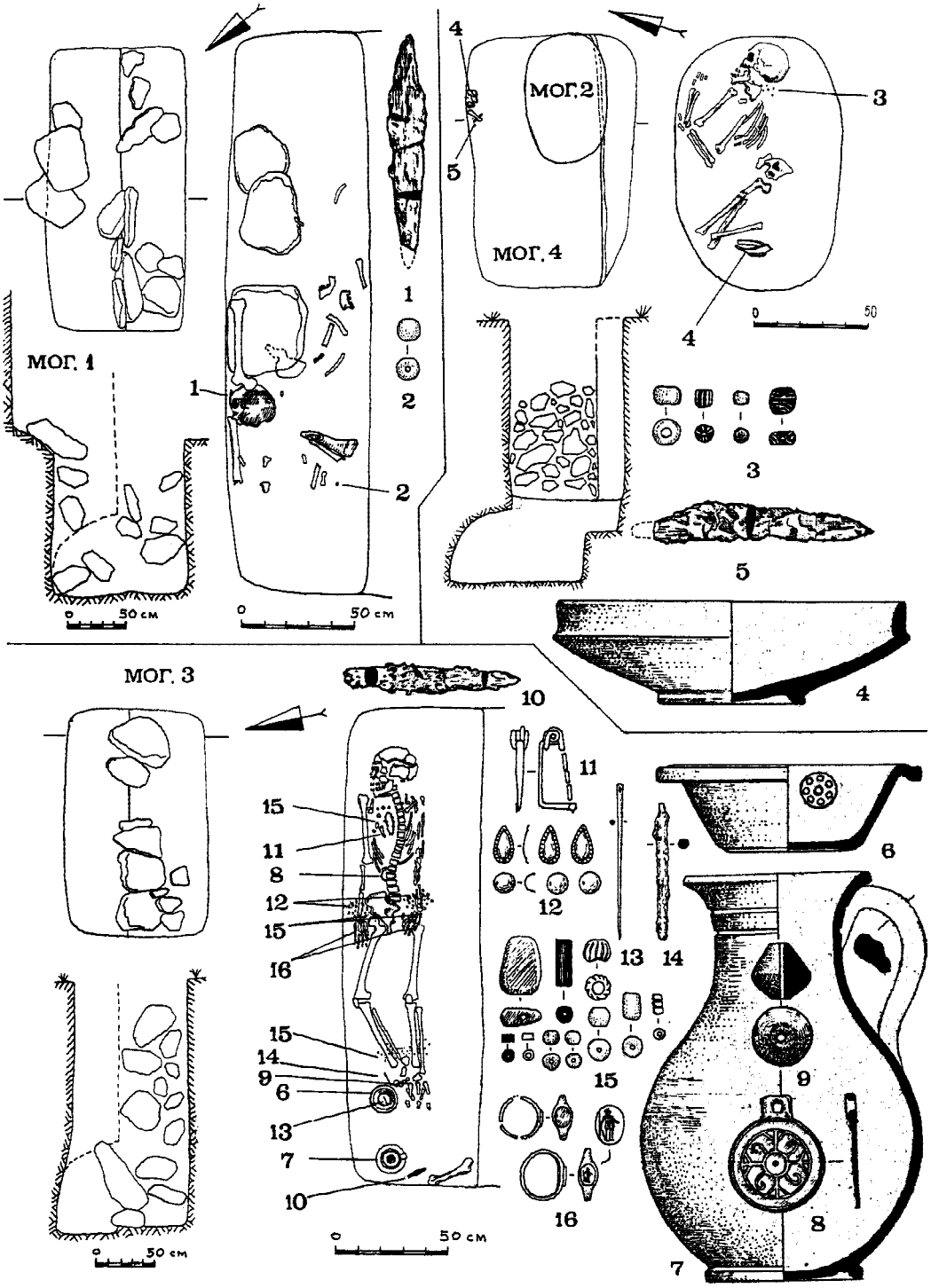

Рис.1. Могильник у с. Брянское. Могилы №№ 1, 2, 3, 4. Планы, разрезы, погребальный инвентарь.

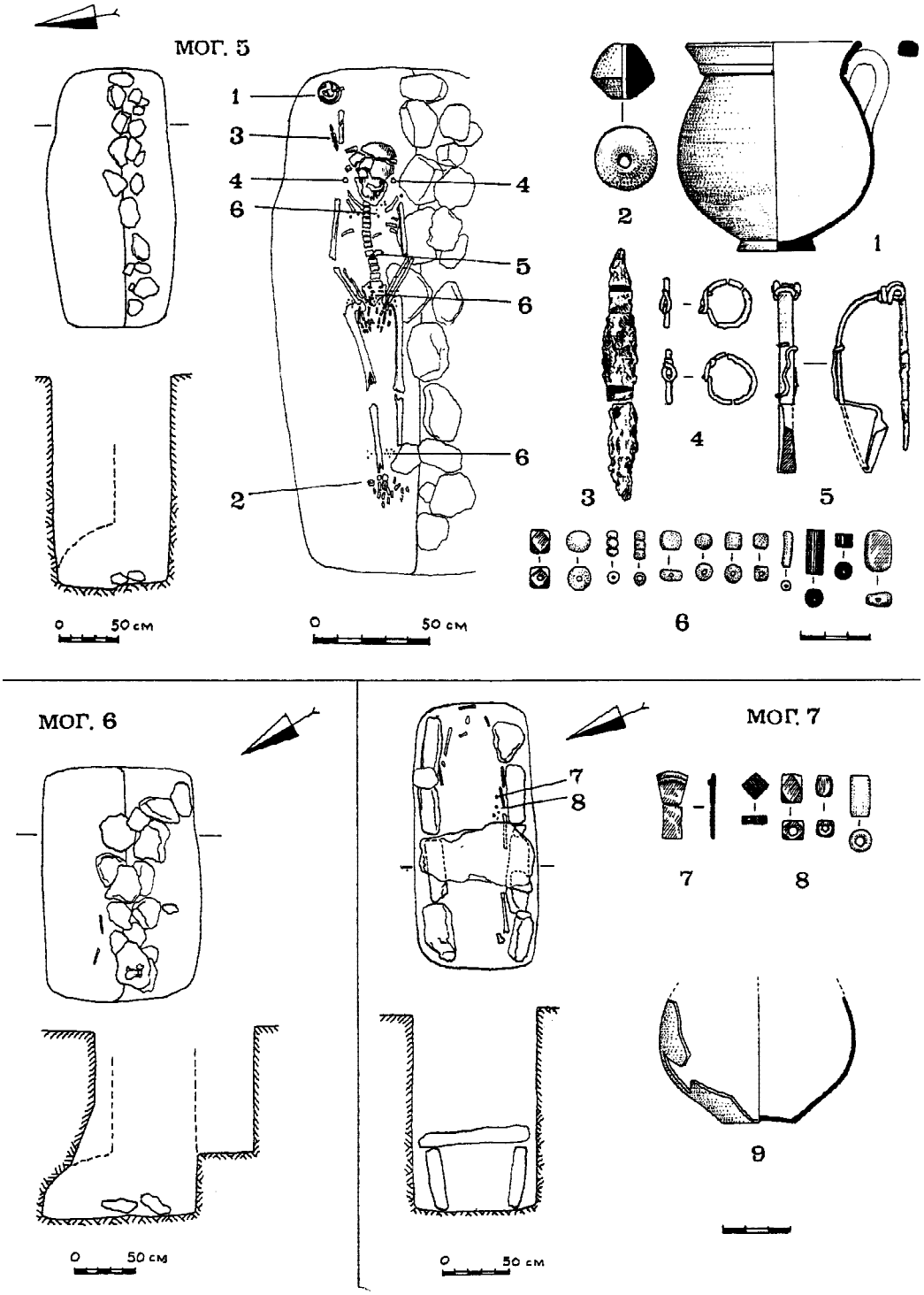

Рис. 2. Могильник у с. Брянское. Могилы №№ 5, 6, 7. Планы, разрезы, погребальный инвентарь.

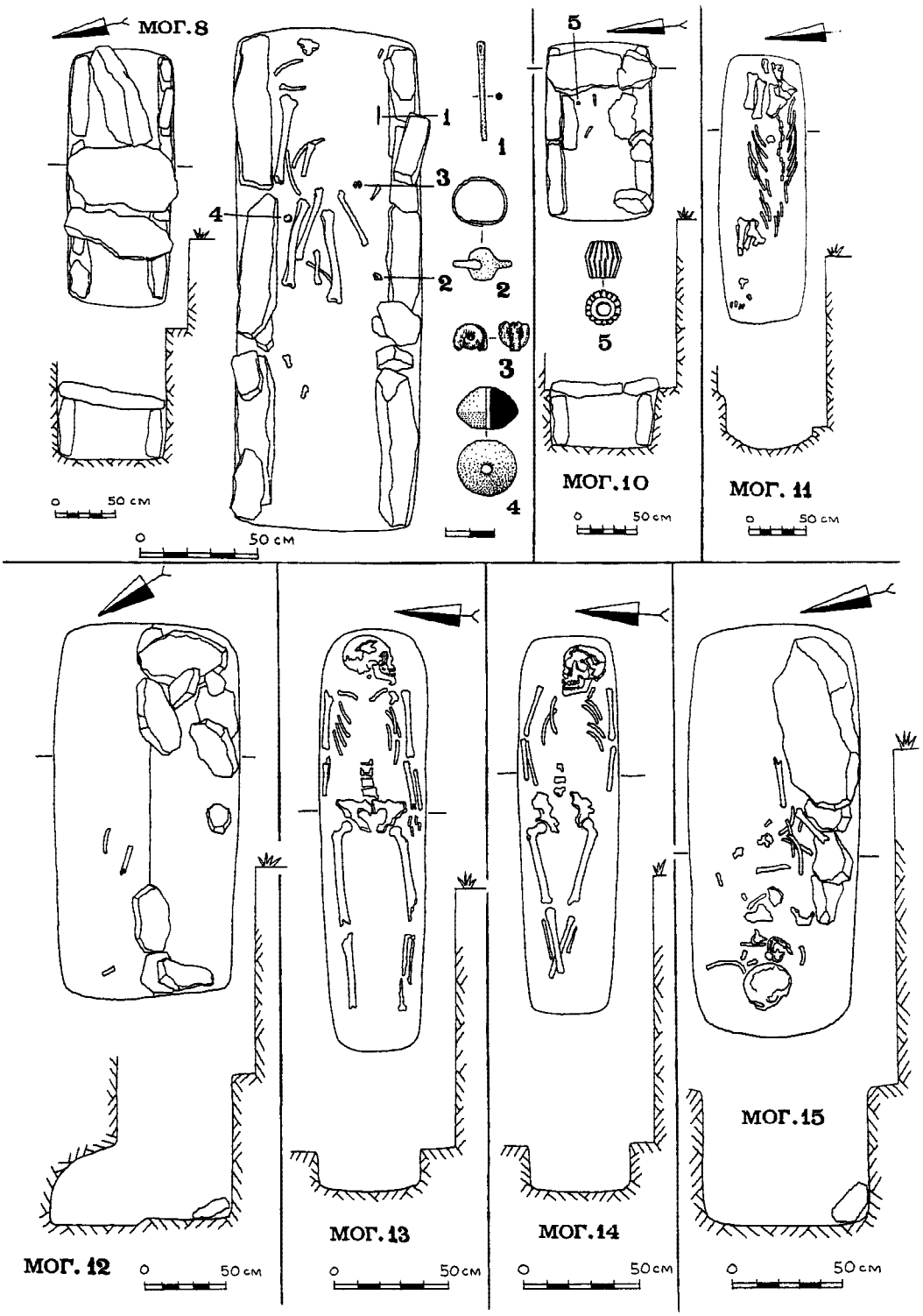

Рис. 3. Могильник у с. Брянское. Могила № 9. План, разрез, погребальный инвентарь.

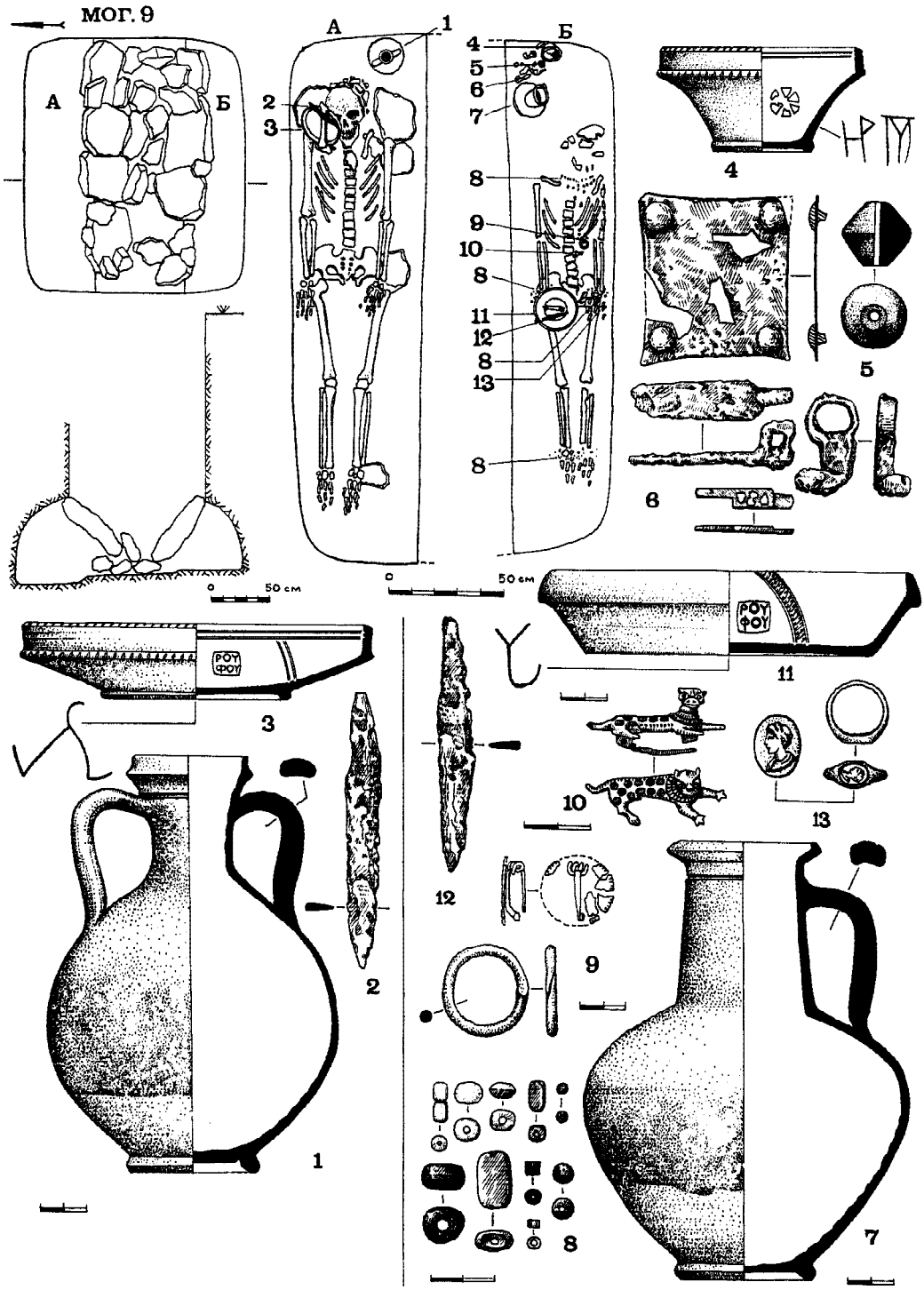

Рис. 4. Могильник у с. Брянское. Могилы №№ 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15.
Планы, разрезы, находки из могил № 8 и № 10.

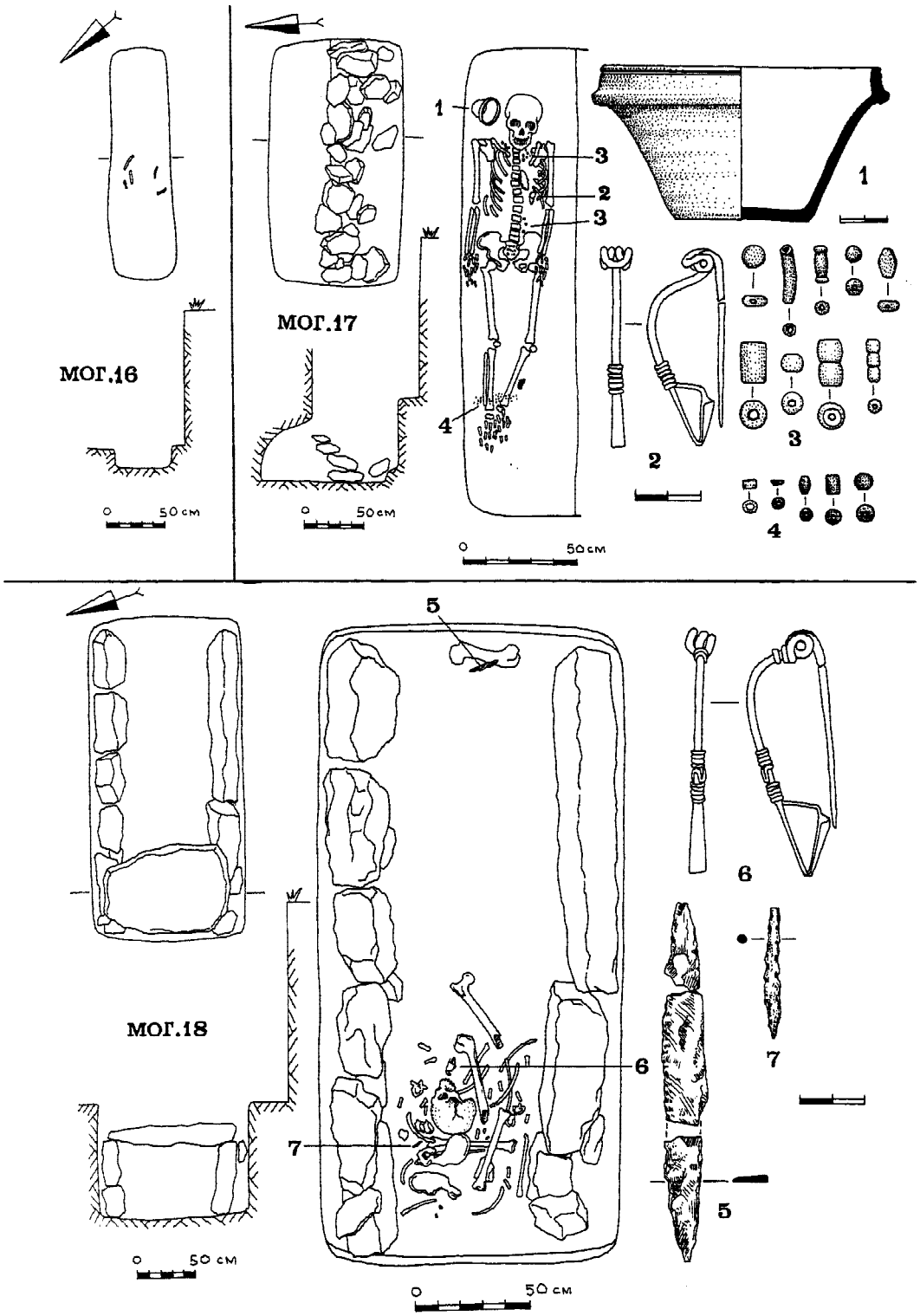

Рис. 5. Могильник у с. Брянское. Могилы №№ 16, 17, 18.
Планы, разрезы, погребальный инвентарь.

Е.Я. ТУРОВСКИЙ

СВИНЦОВЫЕ МОНЕТЫ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Находки чеканеных монетовидных знаков, выполненных из свинца, известны во многих центрах античного мира. С самого начала моды на коллекционирование монет они начинают поступать в нумизматические собрания. Однако у коллекционеров и исследователей долгое время существовало пренебрежительное отношение к этим знакам как к монетным суррогатам.

Первые публикации подобных свинцовых знаков относятся еще к XVII столетию. В середине XVIII в. известный римский антиквар Ф. Фикорони опубликовал более семи сотен свинцовых знаков. По его мнению, большинство из этих знаков являлись не монетами, а специальными жетонами, которые он впервые предложил называть тессерами. В осторожной форме Фикорони предположил, что эти тессеры являлись своеобразными входными «билетами» на спектакли и игры[1].

В начале XIX в. немецкий археолог Штиглиц пришел к выводу, что свинцовые знаки не имели единого назначения. Он выделил среди известных ему свинцовых монетовидных знаков печати и фальсификации монет, а собственно тессеры разделил по характеру на общественные и частные[2]. Большая работа по тессерам была опубликована итальянским исследователем Р. Гарручи[3]. Его монография была посвящена почти исключительно римским тессерам. Широкомасштабные археологические раскопки в XIX в. на территории Греции стали давать сотни экземпляров греческих тессер, тогда же начались и их научные публикации. Исследованиями греческих тессер занимались такие крупные ученые того времени, как Дюмонт[4] и Бендорф[5]. Они выделили обширные серии тессер общественного назначения и указали на частный характер остальных. В начале прошлого столетия римским и греческим тессерам много внимания уделили крупнейшие европейские нумизматы И.Н. Сворнос[6] и Е. Бабелон[7].

В России фундаментальным исследованием по проблеме римских свинцовых тессер стала докторская диссертация М.И. Ростовцева, в которой представлены все основные признаки античных тессер, отличающие их от монет[8]. Исследователь специально подчеркивал, что отличительная особенность тессер не в материале, из которого они сделаны, поскольку известны тессеры из меди и кости, но совсем в других свойствах.

Примеры использования свинца в качестве материала для мелкой разменной монеты Ростовцев видел в нумизматических материалах северопричерноморских греческих полисов – Ольвии и Херсонеса. Монетовидным свинцовым знакам последнего исследователь уделил особое внимание. В книге дана сводка известных автору херсонесских свинцовых знаков, включавшая 9 типов.

Наблюдения М.И. Ростовцева во многом сохраняют актуальность. Он отмечал, что все изображения на херсонесских свинцовых знаках повторяют монетные типы большей частью самого Херсонеса и отчасти других городов – Родоса (роза), Клазомен (лебедь). Ряд однотипных знаков дифференцируются по размеру и весу. Их часто находят в могилах, куда было принято класть мелкую монету. Все это привело исследователя к выводу, что в Херсонесе изготовлялись из свинца настоящие монеты, назначенные для внутреннего обмена, и притом монеты разной стоимости, но, очевидно, сплошь мелкой.

Отмечу, что отношение к изучению херсонесских свинцовых монет в России, а затем в СССР во многом повторяли подход, долгое время существовавший в ученом мире по отношению к изучению свинцовых монетных знаков в целом. Херсонесские свинцовые знаки также, очевидно, принимались большинством исследователей за недостойные внимания суррогаты. К такому выводу приводит то обстоятельство, что после блестящей работы М.И. Ростовцева, посвященной в целом иной проблеме, крупнейшие специалисты в области херсонесской нумизматики (А.В. Орешников, А.Л. Бертье-Делагард, А.Н. Зограф, А.М. Гилевич, В.А. Анохин) в своих работах

полностью игнорировали существование такой интереснейшей группы нумизматического материала, как херсонесские свинцовые монеты. Поскольку я полностью разделяю точку зрения о монетном характере херсонесских свинцовых знаков, далее для удобства я буду употреблять понятие свинцовые монеты. С легкой руки П.О. Бурачкова, давшего свинцовым монетам Херсонеса имя «вотивных знаков», которые, по его мнению, по аналогии с римскими свинцовыми тессерами, служили входными марками на праздники богов, почитаемых в Херсонесе, за свинцовыми монетами прочно утвердилось название тессеров[9].

Характерно, что небрежительное отношение к свинцу приводило к тому, что даже публикация новых типов монет почти не проводилась. Исключение в дореволюционное время составляют работы П.О. Бурачкова, Х.Х. Гиля[10] и М.И. Ростовцева; в советское время единственным исследователем, уделившим внимание херсонесским свинцовым монетам, был известный собиратель античных монет Н.Н. Грандмезон[11], научным консультантом которого был П.О. Карышковский. Он опубликовал некоторые новые типы свинцовых монет, привел ряд соображений о характере и хронологии херсонесских свинцовых выпусков. В основном Н.Н. Грандмезон разделял взгляды М.И. Ростовцева, приведя и ряд оригинальных суждений. Он отмечал, что анализ монетного металла монет античного Херсонеса показывает, что медь в значительной степени разбавляли свинцом, что позволяет полагать, что в Херсонесе свинец в определенные периоды мог замещать медь и использоваться для чеканки мелкой разменной монеты.

Н.Н. Грандмезон отмечал большое количество фальшивых свинцовых монет, изготовленных довольно искусно для продажи коллекционерам. На них бывают изображения пчелы, краба, черепахи, горита, амфоры, лиры, медузы, колоса, стоящего оленя, рога изобилия, совы, головы быка в профиль, кадуцея, проры, кисти винограда, цветка, колоса, бодающего быка, а также различные монограммы и надписи. На оборотной стороне почти всех фальшивых монет имеется изображение букрания. Но эти изделия, несмотря на стремление изготовителей придать им древний вид, можно отличить от настоящих, которые имеют довольно толстый слой желто-серой патины.

Данное утверждение, на мой взгляд, справедливо лишь отчасти. Конечно, среди свинцовых монет встречаются фальшивые, однако масштабы изготовления таких фальшивок не столь велик, как это представлялось исследователю. Это было вызвано традиционно пренебрежительным отношением коллекционеров к свинцовым монетам, большинство из которых вообще не включало их в свои собрания. Издержки по изготовлению таких монет вряд ли покрывались бы доходом от их продажи. Другое дело сам Н.Н. Грандмезон, в коллекцию которого вошли некоторые «новые» типы свинцовых монет, сфабрикованные фальсификаторами специально для него. Как правило, это подлинные экземпляры известных типов, на которых вырезалось новое изображение или дополнительные элементы. После химической обработки такой монеты она приобретала вполне достоверный вид. Хочу отметить, что толстый слой желтой патины - не обязательный атрибут подлинной монеты. Многие свинцовые монеты, подлинность которых сомнения не вызывает, такой патины не имеют. Желтая патина образуется на свинце при длительном нахождении в грунте, но поскольку едва ли не большинство свинцовых монет попали в коллекции из воды, то и характер окиси на них другой.

Теперь обратимся к хронологии свинцовых монет. Н.Н. Грандмезон первоначально высказывался в пользу I в. до н.э.[12], позднее он уточнил собственную датировку, разместив время чеканки от третьей четверти II до н. э. до первой четверти I в. н.э.[13] В этот период, по мнению исследователя, серебряные монеты в Херсонесе не выпускались, а медные монеты значительно уменьшились по весу в сравнении с предыдущими периодами. Город, таким образом, ощущал недостаток серебра, и медь практически замещала его. А для выпуска мелких монет, которые раньше чеканились из меди, стали использовать свинец. Значительно повысился и процент свинца в медных монетах, который доходил до 22,6%[14]. Хронология свинца у Н.Н. Грандмезона целиком основана на сопоставлении типов свинцовых и медных херсонесских монет.

Н.Н. Грандмезон не разделял вывод М.И. Ростовцева о существовании среди однотипного свинца разных номиналов. Он

полагал, что херсонесские свинцовые монеты составляли один мелкий разменный номинал, поскольку, хотя отклонение весов крайних монет достигает 2 г, имеет место постепенное изменение веса, а поскольку изображения на свинце быстро стирались, определение номинала по ним было неудобным[15].

При сопоставлении двух точек зрения, мне представляется более обоснованным мнение М.И. Ростовцева, поскольку для ряда типов существование старшего и младшего номиналов прослеживается визуально. С другой стороны, предпочтительней выглядит мнение Н.Н. Грандмезона, который возражал против точки зрения М.И. Ростовцева о том, что свинцовые монеты всех типов выпускались одновременно. По его мнению, последовательность выпуска их в обращении видна из степени их деградации. Более ранними следует считать монеты с типами: голова Девы - букраний с буквами между рогами. Эти монеты чеканились наиболее тщательно. Затем буквы исчезают и появляются новые типы. Наиболее поздними следует считать монеты с типами: голова Гермеса - букраний, вес и размеры которых все уменьшаются, а изображения деградируют[16].

Я не случайно столь подробно остановился на изложении взглядов на херсонесские свинцовые монеты М.И. Ростовцева и Н.Н. Грандмезона, поскольку их работами практически полностью исчерпывается историография вопроса, и многие их идеи дают направление для дальнейшего исследования. В процессе изучения херсонесских свинцовых монет предстоит решить следующие задачи:

- являлся ли свинец в Херсонесе полноценной монетой или нет;
- определить относительную и абсолютную хронологию свинцовых выпусков;
- выявить все подлинные типы херсонесского свинца;
- найти монеты, с которых были заимствованы типы, а также разгадать семантику сюжетов;
- выяснить исторический контекст и причины появления свинцовых монет в Херсонесе.

Являясь безусловным сторонником точки зрения о монетном характере херсонесских свинцовых знаков, приведу аргументы в ее пользу. Прежде всего, в пользу такого заключения свидетельствуют не только чисто монетные типы этих знаков, но и условия их находки. Еще раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича дали находки свинцовых монет в могилах, куда они попали в качестве обола Харона[17].

Другой важный аргумент в пользу монетной природы свинцовых знаков - факты их находок на сельских усадьбах Херсонеса на Гераклейском полуострове (усадьбы наделов 106, 132, 151). В частности, на последней свинцовые монеты были найдены совместно с медными у алтаря. Таким образом, видно, что херсонеситы использовали свинцовые монеты в тех же целях, что и медные.

Следует отметить и характерные особенности свинцовых монет, отличающих их от херсонесских выпусков из других металлов. Прежде всего, это анэпиграфный характер большинства выпусков и главное - ни один из типов свинцовых монет не имеет сокращения имени города (демотикона) в форме ХЕР, обязательного элемента на серебряных и медных монетах Херсонеса.

В этой связи рискну предложить два предположения, которые столь же вероятны, сколь и сложно доказуемы. Первое, наиболее простое: отсутствие на свинцовых монетах демотикона и изображение на большинстве из них букрания давало возможность легко отличать свинец от многочисленной разнотипной меди, находившейся в обращении. Второе, нельзя исключать и того, что чеканка свинцовых монет в Херсонесе была отдана на откуп частным лицам или храмам. Это могло, с одной стороны, приносить доход полису и откупщикам, с другой - ликвидировать дефицит мелкой разменной монеты в Херсонесе. Может быть, поэтому свинцовые монеты и лишены демотикона, поскольку гражданская община не контролировала их выпуск.

Слоги на первых выпусках свинца могли обозначать начала имен лиц, бравших на откуп выпуск свинцовой монеты. Здесь уместно вспомнить замечание М.И. Ростовцева о римских свинцовых тессерах, которые, будучи выпущены для вполне конкретных целей, в определенные моменты выступали в качестве мелкой разменной монеты, которой в Риме постоянно не хватало[18].

Говоря о современном этапе изучения свинцовых монет Херсонеса, необходимо сказать о работе С.А. Коваленко, который сделал на сегодняшний день наиболее полный свод таких монет[19]. Он провел штемпельный

анализ монет и установил важное обстоятельство: все свинцовые выпуски с букранием (кроме первого выпуска) имеют это изображение на аверсе, а не на реверсе, как считалось ранее. При этом исследователь не считает свинцовые знаки монетами. Его ответы на поставленные выше вопросы целиком лежат в русле его главной концепции. Его основные аргументы contra: кроме случайной монограммы и сокращений с двумя буквами, все свинцовые монеты не имеют надписей; они не несут и обозначения этникона. Таким образом, в отличие от свинцовых монет, используемых как монеты в других местах, они, как ему представляется, не подражают реальным монетам. Они никогда не были зафиксированы в кладах. Обе основные гипотезы относительно природы чеканеных херсонесских свинцовых знаков имеют свои pro и contra. К слову, относительно последнего из приведенных С.А. Коваленко аргументов: в кладах херсонесских монет ни разу не зафиксировано не только присутствие свинцовых монет, но и медных монет номиналом ниже тетрахалка. Отсутствовали в кладах и мелкие номиналы серебра (ниже драхмы). Относительно природы свинцовых знаков С.А. Коваленко придерживается точки зрения, высказывавшейся еще в XIX в.: наиболее вероятно использование свинцовых знаков в качестве своеобразных билетов на общеполисные праздники с бесплатной раздачей продуктов питания. При этом исследователь полностью не отрицает возможности использования в дальнейшем этих знаков в качестве мелкой разменной монеты, как это имело место в Риме со свинцовыми тессерами. Кажется, что трудно опровергнуть такую гипотезу, но не следует забывать, что она полностью основана на допущениях и соображениях общего плана и не имеет никакого подтверждения в источниках. В силу этого, считаю точку зрения о монетном характере чеканеных свинцовых знаков в Херсонесе (с учетом отмеченной выше специфики) более предпочтительной. Теперь вернусь к другим вопросам, связанным с выпуском чеканеных свинцовых монет.

Абсолютная хронология выпусков свинцовых монет в Херсонесе в настоящий момент может быть представлена только в самом общем виде. Количество хорошо датируемых археологических комплексов, в которых представлены эти монеты, очень невелико. Тем более, значение каждого такого комплекса для абсолютной и относительной хронологии монет трудно переоценить. Остановлюсь на характеристике этих комплексов.

Прежде всего, обращусь к упомянутым находкам свинцовых монет на усадьбах Гераклейского полуострова. В 1983 г. при раскопках усадьбы надела 106 была найдена свинцовая монета типа: дельфин - букраний. Три монеты этого же типа найдены у алтаря на усадьбе надела 151. При раскопках усадьбы надела 132 была найдена свинцовая монета типа: голова Афины в коринфском шлеме вправо - сидящий орел с головой, повернутой влево. Финальная дата существования названных усадеб не выходит за рамки 80-х гг. II в. до н.э.[20]

При раскопках херсонесского некрополя К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил захоронение, в котором были найдены две свинцовые херсонесские монеты с изображением головы Гермеса и букрания. Исследователь отнес данный участок могильника ко II в. до н.э.[21] Хронологические индикаторы из числа находок вполне подтверждают справедливость такой датировки. Среди инвентаря могильника упомянуты: чернолаковые тарелки с граффитовым и бурым лаком; лагинос, украшенный красными полосами; мегарская чаша с чешуйчатым орнаментом; терракота Эрот с лебедем III-II вв. до н.э.; сильно потертые монеты III в. до н.э., тип: голова Девы в венке - лежащая лань[22] и тип: голова Девы - бодающий бык[23]. Весь этот комплекс указывает на II в. до н. э., причем, скорее, на его первую половину.

Таким образом, мы имеем определенные реперы для хронологии трех типов херсонесских свинцовых монет. Что касается остальных, то здесь основанием для датировок могут служить лишь косвенные данные и общие соображения, а также штемпельный анализ монет. Н.Н. Грандмезон, предлагая свои датировки, исходил, прежде всего, из близости некоторых типов свинца и херсонесских монет из иных металлов. Путь вполне правомерный при условии критического подхода к датировкам этих монет. При этом следует подчеркнуть, что заимствование типа необязательно происходило в очень близкое к моменту чеканки прототипа время. Тип вполне мог быть заимствован с монет, выпущенных за несколько десятилетий до того, но остававшихся к моменту чеканки в обращении.

Типологически выпуски херсонесского свинца можно разделить на несколько групп:

- с двусторонним изображением и

буквенными дифферентами (ΙΣ, ΔΙ, ΠΑ);

- с двусторонним изображением и монограммами;
- анэпиграфные, с двусторонним изображением;
- анэпиграфные, с односторонним изображением;
- с изображением букрания на одной из сторон;
- без изображения букрания;
- с монограммами в качестве монетных типов.

Однако типология херсонесского свинца не во всем совпадает с его относительной хронологией. В целом хронология свинцовых монет на сегодняшний день вряд ли может быть установлена достаточно точно. На мой взгляд, можно предложить следующую примерную схему.

Первый опыт выпуска свинцовых монет в Херсонесе связан с типами, имеющими в поле изображения две буквы, скорее всего, представляющие сокращения личных имен херсонесских магистратов, контролировавших выпуск, хотя не исключены и другие варианты (см. выше). Вероятно, прав был Н.Н. Грандмезон, полагавший, что первыми выпусками свинца в Херсонесе были монеты следующего типа.

Каталог 1. (табл. I, 1).

Аверс. Голова Девы вправо, волосы собраны пучком на затылке, за спиной лук и колчан;

Реверс. Букраний с гирляндой на рогах, между рогами дифферент - ΙΣ.

Каталог 2. (табл. I, 2).

Аверс. Голова Девы вправо;

Реверс. Букраний, между рогами дифферент - ΔΙ.

Оба варианта данного типа отличаются только буквенными дифферентами. Встречаются они часто и хорошо представлены в музейных и частных собраниях. Диаметр монет колеблется от 13 до 15 мм, вес от 1,8 до 3,8 г; однако вес подавляющего числа экземпляров составляет около 3 г.

В пользу ранней датировки выпуска можно привести следующие аргументы. Стилистически изображение Девы находит наиболее близкие параллели среди выпусков херсонесского серебра и меди, чеканившихся около 60-х гг. III в. до н.э.[24]; полностью совпадают детали прически Девы на всех названных монетах; кроме того, лук и колчан на них одного и того же вида. Что касается типа реверса, то традиционное для херсонесского свинца изображение букрания выполнено более тонко, нежели на монетах последующих выпусков.

Однако наиболее важным отличительным признаком свинцовых монет первых выпусков служит присутствие слогов ΔΙ и ΙΣ. Относительно характера этих букв еще М.И. Ростовцев высказал предположение, что «может быть, мы имеем здесь аналогичные типам чужих городов инициалы, связанных с Херсонесом торговыми отношениями городов черноморского побережья - Истры, Диоскуриады, может быть, Пантикапея и Прианы»[25]. Такое предположение не представляется удачным. Трудно предположить, что автономный полис помещал в легенде своей монеты (даже свинцовой) демотикон другого полиса (пусть даже и крупного торгового партнера). Таких примеров в практике монетного дела античных государств не имеется.

Гораздо ближе к истине, на мой взгляд, мысль Н.Н. Грандмезона, что легенды на херсонесском свинце, скорее всего, это первые буквы магистратских имен. Отмечу, что в Херсонесе были весьма распространены теофорные имена типа Истрон и Диоскурид. Возможно, что первые выпуски херсонесского свинца были осуществлены в те времена, когда практика маркировки монет именами магистратов была обязательной. На мой взгляд, наиболее вероятной датой первого выпуска следует считать 50-е - 30-е гг. III в. до н.э., когда в Херсонесе наблюдался тяжелейший экономический кризис, сопровождаемый кризисом в монетном деле полиса.

К близким выводам относительно первой серии херсонесского свинца пришел С.А. Коваленко[26]. Он отметил следующие моменты. Ранняя дата выпуска предложена, с известной долей осторожности, на основании характера изображений. В отличие от последующих серий, букраний размещен на реверсе, а его изображение весьма реалистично. Все другие выпуски несут букраний на лицевой стороне. Изучив 36 экземпляров монет, он выделил 12 штемпелей лицевых сторон и 11 оборотных. На 5 штемпелях голова Девы выполнена весьма большой, тогда как на 7 она дана маленькой и обычно в точечном ободке. Буквы ΙΣ или ΔΙ появляются между рогами букрания на реверсе. Оба - большой и маленький - варианты изображений лицевой стороны появляются с обоими сокращениями.

К первой серии, возможно, следует присоединить еще один достаточно редкий тип

херсонесского свинца.

Каталог 3.

Аверс. Лебедь (или гусь) на черте вправо, в клюве непонятный предмет, дифферент - ПА;

Реверс. Букраний.

Тип опубликован еще М.И. Ростовцевым[27], упоминается он и Н.Н. Грандмезоном[28]. Мне удалось ознакомиться с двумя экземплярами данного типа. Оба они в посредственном состоянии, однако подлинность их никакого сомнения не вызывает. Слог ПА в данном случае, скорее всего, выражает начало магистратского имени типа Пасион.

Больше сокращений магистратских имен на херсонесском свинце мы не наблюдаем. В этой связи специально останавлюсь на монете, опубликованной Н.Н. Грандмезоном[29] и включенной мною в каталог херсонесских монет[30].

Аверс. Крылатая Ника влево, слева монограмма, справа имя - ΑΝΔΡΟ.

Реверс. Треножник, справа монограмма.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что монета выбивается из показанной выше типологической схемы херсонесского свинца. Ни в одном другом случае мы не наблюдаем сочетания монограммы и имени. Это заставляет усомниться, если не в подлинности монеты, то, по крайней мере, имени на ней. Мне удалось познакомиться с рядом экземпляров монет того же типа, что и указанная монета. Многие из них в отличном состоянии, при этом ни на одной не прослеживается даже следов какой-либо надписи. По свидетельствам севастопольских коллекционеров, видевших данную монету, имя на ней явно вырезано штихелем. К сожалению, местонахождение монеты мне неизвестно, однако приведенные доводы заставляют отказаться от включения ее в каталог херсонесских свинцовых монет.

Следующая группа свинцовых монет, по-видимому, представляет собой деградированный вариант первой серии.

Каталог 4. D - 12 мм. W - 2,6-3,2 г.

Аверс. Голова Девы вправо.

Реверс. Букраний.

Каталог 5. D - 9 мм. W - 1,3-1,7 г.

Аверс. Голова Девы вправо.

Реверс. Букраний.

В отличие от монет первого выпуска, изображение Девы менее искусное, отсутствует лук в колчане, на реверсах нет букв и гирлянд на рогах букрания. Похоже, что этот выпуск херсонесского свинца впервые представлен двумя номиналами. Старший резко отличается от младшего по размеру и весу. Можно предположить, что эти монеты соотносились по номиналу как один к двум. Наиболее вероятным, на мой взгляд, временем выпуска следует считать 40-е-30-е гг. III в. до н.э. - время кульминации денежного кризиса в Херсонесе. Небрежность исполнения особенно сильно выражена на младшем номинале: портрет Девы очень условен, букраний на реверсе различим с большим трудом.

По-видимому, близки по времени к первой серии монеты типа: букраний - дельфин(ы). Они, как и монеты первой серии, встречаются на усадьбах Гераклейского полуострова. Монеты серии имеют несколько вариантов.

Каталог 6. D - 10-16 мм; W - 3,5-4,7 г (табл. I, 3).

Аверс. Букраний.

Реверс. Дельфин вправо.

Каталог 7. D - 13-16 мм; W - 2,63-3,85 г (табл. I, 4).

Аверс. Букраний.

Реверс. Два дельфина вправо.

Каталог 8. D - 13 мм; W - 3,3 г.

Аверс. Букраний.

Реверс. Дельфин влево.

К данной серии примыкает достаточно редкий выпуск, на ранний характер которого указывает наличие гирлянд у букрания.

Каталог 9. D - 14-16 мм; W - 2,63-4,15 г (табл. I, 5).

Аверс. Букраний.

Реверс. Краб, держащий в клешнях дельфина.

Вероятно, все указанные выпуски чеканились в период денежного кризиса в Херсонесе между 60-ми и 30-ми гг. III в. до н.э. Однако, по-видимому, в обращении в качестве мелкой разменной монеты находились они гораздо дольше.

Следующий по времени выпуск заимствует типы бронзовых херсонесских монет.

Каталог 10. D - 17-18 мм; W - 4,1-4,5 г (табл. I, 6).

Аверс. Голова Афины Паллады в коринфском шлеме вправо.

Реверс. Сидящий орел с головой, повернутой влево.

Прототипом аверса монет послужил, очевидно, выпуск херсонесской меди последней четверти III в. до н.э.[31]. Датировать выпуск, скорее всего, надлежит концом III - началом II в. до н. э. и, скорее всего, не позднее 80-х гг. II в. до н.э.

На мой взгляд, 80-70-ми гг. II в. до н.э. следует датировать начало самого массового выпуска херсонесского свинца, тип: Гермес - букраний. Обилие вариантов, разнообразие

штемпелей позволяют предполагать, что данный тип монет выпускался на протяжении многих лет. Тип аверса, скорее всего, заимствован с херсонесской меди конца III - начала II в. до н.э.[32] Я полагаю, что к моменту появления свинца (Гермес-букраний) чеканка медной монеты почти полностью прекращается, потребность в разменной монете покрывается за счет свинца. Монеты этого типа имели два номинала.

Каталог 11. D - 13 мм; W - 2,3-3,6 г (табл. I, 7).
Аверс. Букраний.
Реверс. Голова Гермеса в петасе вправо.
Каталог 12. D - 11 мм; W - 1,5-2,1 г.
Аверс. Букраний.
Реверс. Голова Гермеса в петасе вправо.

Относительно финальной даты выпуска что-либо точно сказать нельзя, кроме того, что она вряд ли выходит за рамки середины II в. до н.э.

По-видимому, около середины II в. до н.э. осуществляется целый ряд малочисленных выпусков с разнообразными типами, появляются и монеты с односторонним изображением.

Каталог 13. D - 13 мм.
Аверс. Букраний.
Реверс. Цветок граната.
Каталог 14. D - 19 мм.
Аверс. Букраний.
Реверс. Рог изобилия, слева X.
Каталог 15. D - 11 мм; W - 1,4 г (табл. I, 8).
Аверс. Треножник.
Реверс. Чистый.
Каталог 16. D - 13 мм; W - 3,02 г (табл. II, 1).
Аверс. Прора.
Реверс. Чистый.
Каталог 17. D - 17 мм; W - 1,8 г (табл. II, 2).
Аверс. Кувшин.
Реверс. Чистый.

Особняком среди выпусков свинца стоят монеты с монограммами на аверсе. Приведу только монеты, монограммы которых читаются вполне определенно.

Каталог 18. D - 14 мм; W - 1,8 г (табл. II, 3).
Аверс. Букраний.
Реверс. Монограмма.
Каталог 19. D - 13 мм; W - 2,85 г (табл. II, 4).
Аверс. Букраний.
Реверс. Монограмма.

Другая группа херсонесского свинца, стоящая особняком, имеет на аверсе крылатую Нику. Прототипом изображения, очевидно, следует считать реверс младшего номинала медной херсонесской серии с Афиной на аверсе[33]. Изображения реверсов имеют несколько вариантов.

Каталог 20. D - 15x16 мм (овал); W - 1,98 г.
Аверс. Крылатая Ника влево.
Реверс. Рог изобилия(?).
Каталог 21. D - 14x17 мм (овал); W - 3,73 г (табл. II, 5).
Аверс. Крылатая Ника влево.
Реверс. Лира.
Каталог 22.
Аверс. Крылатая Ника влево.
Реверс. Треножник.

Следует отметить, что изображение крылатой Ники имеет широкое распространение на реверсах херсонесской меди I в. н. э.[34] Однако датировать свинцовые выпуски этим временем нет никаких оснований, поскольку весь круг сюжетов их реверсов целиком принадлежит II в. до н. э.

Финальным выпуском херсонесского свинца был, на мой взгляд, выпуск, на котором двустороннее изображение сочетается с монограммами. Датировать его, по-видимому, следует уже митридатовским временем.

Каталог 23. D - 15 мм; W - 3,2 г (табл. II, 6).
Аверс. Крылатая Ника влево, в руке венок, под венком монограмма – ПАР.
Реверс. Треножник, справа монограмма - ПАР .

Кроме того, каталог херсонесских свинцовых монет можно дополнить еще несколькими типами, которые приводит С.А. Коваленко[35].

Каталог 24. D - 15 мм; W - 2,73 г (НЗХТ, № 4624).
Аверс. Восьмилучевая звезда.
Реверс. Восьмилучевая звезда.
Каталог 25. D - 12 мм; W - 1, 87 г (коллекция У. Станкомба).
Аверс. Чистый.
Реверс. Сосуд о двух ручках.
Каталог 26. D - 17 мм; W - 1, 70 г (НЗХТ, №4622).
Аверс. Чистый.
Реверс. Лук в колчане.

Работа по изучению свинцовых монет Херсонеса далека от завершения. Следует создать полный корпус херсонесских свинцовых монет (работа С.А. Коваленко – важный шаг в этом направлении), выделить все их типы и разновидности. Важное значение для уточнения хронологии свинцовых монет будет иметь каждый новый, хорошо датируемый археологический комплекс, включающий их в свой состав.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Piombi antichi, opera di Francesco Ficoroni. - Roma, 1740.
2. Stieglitz. Archaeologische Unterhaltungen. - Leipzig, 1820.
3. Garrucci r. Ipiombi Altieri raccolti dallem pr. Il card. L. Altieri. - Roma, 1847.
4. Dumont. De plumbeis apud Graecos tesseris. - Paris, 1870.
5. Benndorf. Zeit schrift fur oesterr. - Gymnasien, 1875, XXVI, p. 579 sqq.
6. Σβορωνος I.N. Περί τών είστηρίων τών άρχαίων μέρο. - Αθήνα, 1900.
7. Babelon E. Traite des monnaies grecques et romaines. - Paris, 1901, p. 699 sqq.
8. Ростовцев М.И. Римские свинцовые тессеры. - СПб., 1903, с. 333.
9. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч. I. - Одесса, 1884.
10. Гиль Х.Х. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. // ЗРАО VI. - СПб., 1895.
11. Грандмезон Н.Н. Свинцовые монеты Херсонеса // НЭ XII. - 1978, с. 41-46; Он же. Неопубликованные разновидности монет античного Херсонеса // КСИА 182. - 1985, с. 60-62.
12. Грандмезон, Свинцовые монеты…, с. 43.
13. Грандмезон, Неопубликованные разновидности…, с. 62.
14. Там же.
15. Грандмезон, Свинцовые монеты…, с. 45.
16. Там же, с. 44.
17. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году // ИАК 2. - 1902, с. 15.
18. Ростовцев, Римские свинцовые тессеры..., с. 306.
19. Kovalenko S.A. Struck Lead Pieces from Tauric Chersonesos: Coins or Tesserae? // Numismatic Chronicle 162. - 2002, p. 33-58.
20. Туровский Е.Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове в IV-II вв. до н. э.: Автореф. канд. дисс. - СПб., 1994, с. 12.
21. Косцюшко-Валюжинич, Извлечение из отчета…, с.17.
22. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. - Киев, 1977, №№ 143, 144.
23. Там же, №№ 148-149.
24. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV-II вв. до н. э. - Симферополь, 1997, №№ 123-128, 136, 138.
25. Ростовцев, Римские свинцовые тессеры…, с. 301.
26. Kovalenko, Struck Lead Pieces…, p. 34.
27. Ростовцев, Римские свинцовые тессеры…, с. 299, № 182.
28. Грандмезон, Свинцовые монеты…, с. 46.
29. Грандмезон, Неопубликованные разновидности…, с. 62.
30. Туровский, Монеты независимого Херсонеса…, № 189.
31. Анохин, Монетное дело…, №№ 161-165.
32. Там же, №№ 174, 175.
33. Там же, №№ 163 – 165.
34. Там же, №№ 219 - 225.
35. Kovalenko, Struck Lead Pieces…, p. p. 33-58; Коваленко С.А. Об одном феномене херсонесской нумизматики // БИ VII. - Симферополь-Керчь, 2004, с. 125-167.

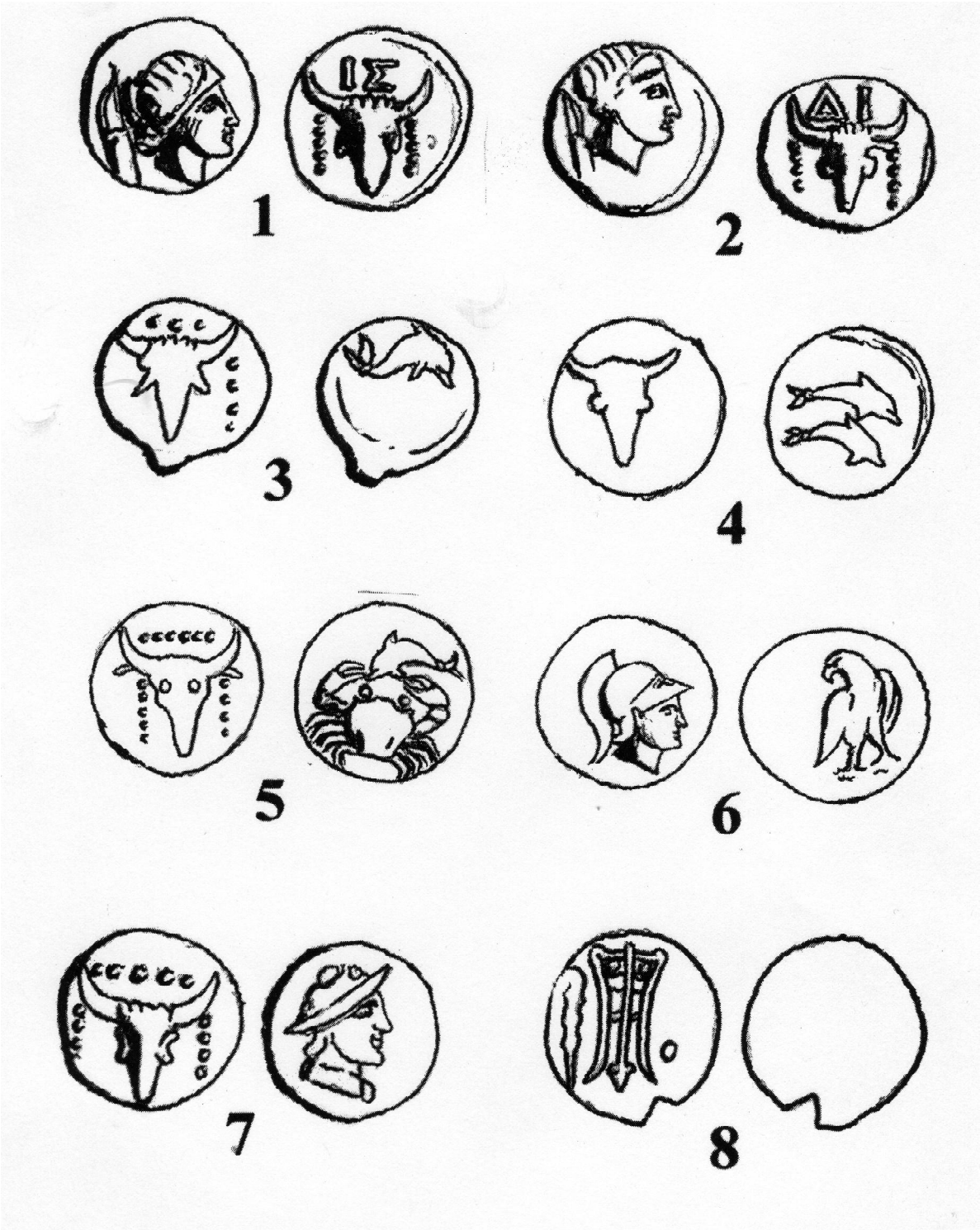

Таблица I. Херсонесские свинцовые монеты.

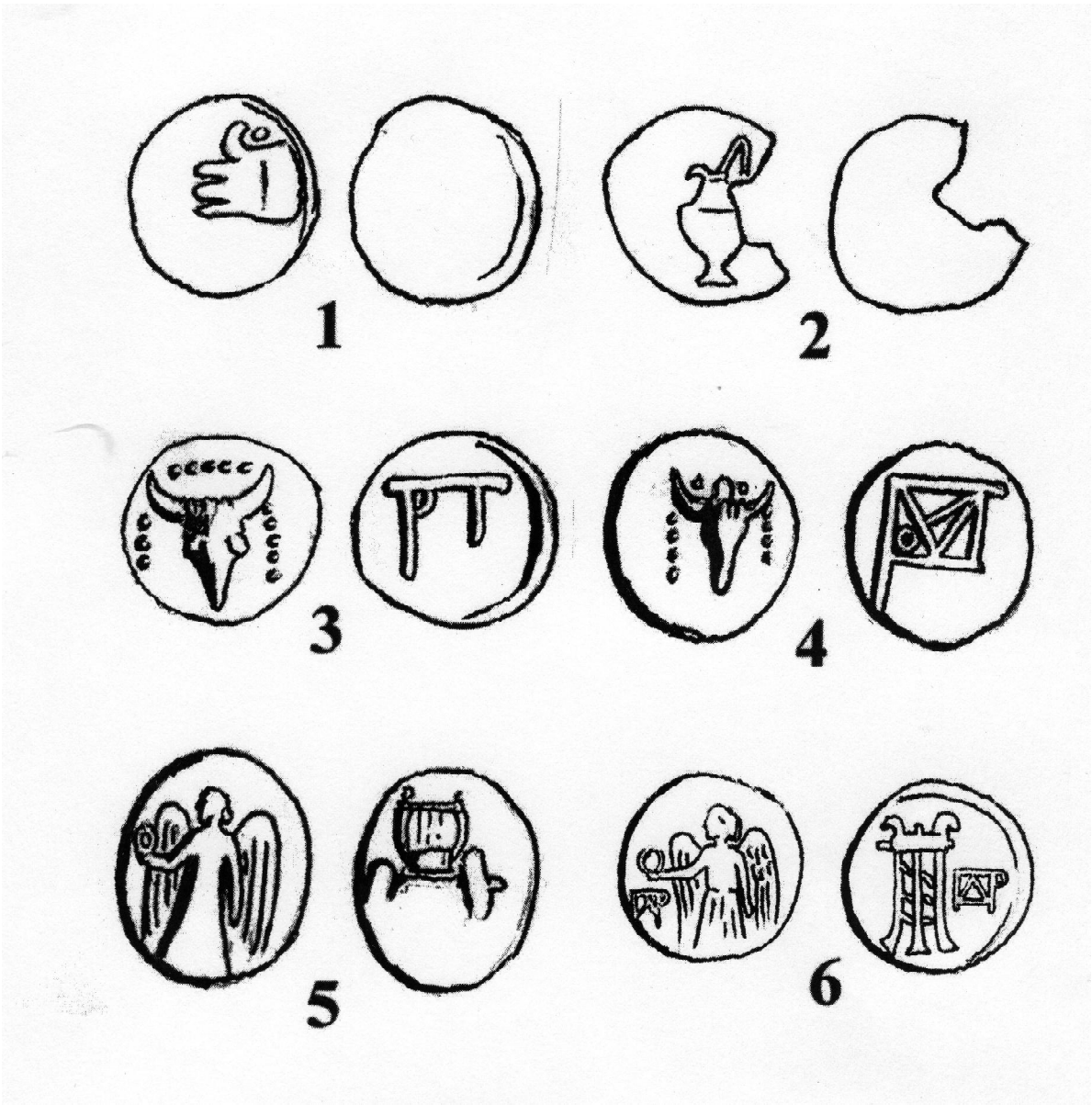

Таблица II. Херсонесские свинцовые монеты.

Н.Ф. ФЕДОСЕЕВ

МЕРНЫЕ СОСУДЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО*

Античные мерные сосуды херсонесского производства уже публиковались в научной литературе. В книге В.И. Каца, посвященной херсонесским керамическим клеймам, упоминается два клейменых мерных сосуда и приведен их чертеж[1]. Один из них клеймен магистратским штампом Сотерия, сына Дионисия, а второй, по определению исследователя - Скифа, сына Сополия. К сожалению, автор не привел ни масштаба, ни метрологических данных. Из рисунка ясно лишь, что один из них меньше по размеру второго.

По форме эти сосуды практически идентичные и представляют собой кувшины с высокой ручкой. У В.И. Каца они нарисованы как целые, но на самом деле кувшины фрагментированы; по сути дела сохранилось по половине сосуда. Даже визуальное сравнение с приведенными ниже фотографиями свидетельствует о неточностях в чертежах, приведенных издателем. В этой связи считаем необходимым дать их полное описание и атрибуцию.

Описание сосудов

1. №165/37102 (Рис. 2). Высота примерно 11 см, объем ориентировочно 0,24-0,25 литров[2]. На ручке двойной оттиск клейма ΣΚΥ[ΘΑΣ]. В.И. Кац предположительно идентифицировал его с известным магистратом ΣΚΥΘΑΣΣΤΟΥΣΩΠΟΛΙΟΣ. Если это предположение верно, то сосуд следует датировать 237-230 гг. до н.э.[3]

2. №47/38102 (Рис. 3). Высота сосуда 16 см, объем ориентировочно 0.680-0.720 л. На ручке штамп ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ | ΣΩΤΗΡΙΟΥΤΟΥ | ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ, датируемый 230-215 гг. до н.э.[4]

Обращает на себя внимание, что по форме кувшины практически идентичны и отличаются только размерами. Не исключено, что первый сосуд составляет половинную фракцию от второго. Сходство формы подкрепляется датировкой обоих кувшинов – судя по клеймам, оба кувшина относятся ко времени около 230 г. до н.э.

3. Третий мерный сосуд был также опубликован, правда уже в монографии А.Л. Якобсона по средневековой керамике (Рис. 4), где автор интерпретировал сосуд как «салтовский» и относил его к X в.[5] Сосуд был найден в Херсонесе в 1928 г. К.Э. Гриневичем при исследовании юго-восточной части городища в IX-X квадратах от базилики Леонтия на глубине 2,6 м от поверхности (Херсонес, 1928, портовый район, № пол. оп. 29266). В том же слое, что и сосуд, были найдены «фрагменты чернолакового сосуда с накладным орнаментом и закраина мегарской чаши». Перекрывающий этот слой материал датируется, судя по описанию автора раскопок, началом - серединой III в. до н.э.[6]

Сосуд представляет собой кубок с шарообразным туловом и высоким горлом без выделенного венчика. По горлу проведены десять полос по сырой глине примерно через одинаковое расстояние. На горле в круглом клейме - монограмма

К.Э. Гриневич никак не интерпретировал находку. Сосуд был склеен и догипсован. Догипсована была и ручка, которая и была интерпретирована как салтовская.

Поверхность сосуда покрыта характерным для синопской керамики ангобом, хотя изготовлен, несомненно, из херсонесской глины. Аналогичный метод известен при изготовлении херсонесских амфор. Именно «синопский» ангоб послужил ошибочно отнесению к числу синопских ряда херсонесских магистратов[7]. По горлу сосуда по сырой глине были проведены 10 кольцевых линий, которые, на мой взгляд, предназначены для отмера товара. Замеренный максимальный объем этого сосуда равняется 0,85 литров, что очень близко одному секстарию

* Я благодарен В.Д. Письменному, за финансовую поддержку моей работы по публикации керамических клейм.

(0,758 л) или одному эгинскому ксесту[8].

Круглое клеймо представляет собой монограмму из 3 букв: Т, М и Ф. Определенное сходство эта эмблема имеет с монограммами на амфорных ручках[9], которую В.И. Кац интерпретирует как сокращение имени HREAS[10].

Херсонесские мерные сосуды, также как и ольвийские мерные ойнохои, были шаровидной формы с большой ручкой, крепящейся к тулову и горлу[11]. В качестве аналогии мерным сосудам является и кувшин с оттиском геммы-инталии (голова юноши) на ручке, найденный при раскопках усадеб «Чайка»[12]. Аналогичные мерные сосуды хорошо известны и из других мест Северного Причерноморья, в том числе из раскопок Фанагории[13], Мирмекия[14], загородной усадьбы в Керчи[15], Пантикапея[16], Ольвии[17], Козырки XII и поселения Генеральское Западное[18].

Из последних находок следует отметить клеймо на стенке мерного сосуда пантикапейского производства. Легенда двустрочного ретроградного клейма - DHMO|SION[19]. Эта легенда в значительной степени совпадает с клеймом аналогичного содержания DAMOSION[20] на херсонесских амфорах. Такие амфоры по своим линейным размерам и объему соответствуют аттическим мерам – объем в 1000 куб. дактилей, что составляет 8,46-8,66 литров[21]. Вслед за В.В. Борисовой С.Ю. Монахов отнес ее к эталонным образцам. По отношению к последнему сосуду ее объем в 10 раз больше. Полагаю, что накопленная информация о мерных сосудах, позволят провести сравнительный анализ всех находок и главное - сравнить объемы известных сосудов.

Таким образом, херсонесские мерные сосуды расширяют нашу коллекцию мерных сосудов, происходящих из Причерноморья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. - Саратов, 1994, рис. 5.
2. Выражаю признательность Е.Я. Туровскому за фотографии и замеры сосудов.
3. Кац, Керамические клейма..., с. 76.
4. Там же, с. 77.
5. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. - Л., 1979, с. 81, рис. 49.4.
6. Гриневич К.Э. Раскопки в Херсонесе в 1927-28 гг. // Крым. - М.-Л., 1928, с. 15
7. Федосеев Н.Ф. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ 2. - 1993, с. 85-104.
8. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). - Л., 1984, с. 89; Hultsch F. Griechische und römische Metrologie. - Berlin, 1882, s. 574.
9. Кац, Керамические клейма..., табл. CII. 2A-18.2.
10. Там же, с. 121.
11. Ольвия, 1991. - АГД 101.
12. Коваленко С.А. О времени существования чайкинских усадеб (по материалам керамической эпиграфики) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - Запорожье, 1999, с. 132.
13. Зеест И.Б. Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны // Памятники искусства. Бюл. ГМИИ № 2. - М., 1947, с. 6, рис. 5; Кобылина М.М. Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ // Памятники искусства. Бюл. ГМИИ № 2. - М., 1947, с. 16-20, рис.5; Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА 19. - М., 1951, с. 28; Цветаева Г.А. Керамическое производство // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ Г1-20. - М., 1966, табл. 23.2, 23.3, 23.6; Никулина Н.М. Керамическое клеймо с головой Афины из раскопок Фанагории // ВДИ 4. - 1981, с. 64-72.
14. Гайдукевич В.Ф. Мирмекий II. - Варшава, 1959, с. 99, рис. 124.
15. Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. - Л., 1981, с. 64, рис. 7.3.
16. Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // МИА 103. - М., 1962, с. 61.
17. Леви Е.М. Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА 50. - М.-Л., 1956, рис. 21-22; Федосеев Н.Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА 2. - 1991, с. 244-247; Крапивина В.В. Коллегия агораномов в Ольвии // БИ V. - Симферополь - Керчь, 2004, с. 127-141.
18. Федосеев Н.Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА 2. - 1991, с. 244-247.
19. Федосеев Н.Ф. Керамические клейма из раскопок 2002 г. На поселении Заветное-5 // В: Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Часть 1. - СПб., 2004, с. 55, № 52.
20. 1954, с/х 10, п. 13. - ГХЗ 75/36360.
21. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. (опыт системного анализа). - Саратов, 1989, с. 85.

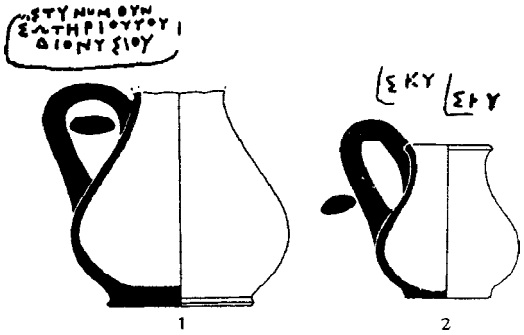

Рис. 1. Херсонесские мерные сосуды по Кацу (1994).

Рис. 2. Херсонесский мерный сосуд №165/37102.

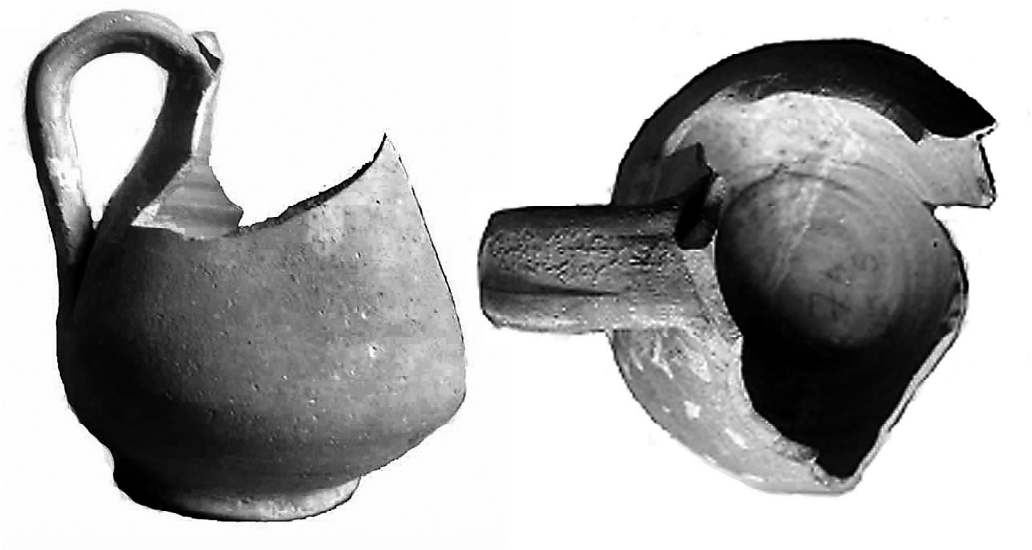

Рис. 3. Херсонесский мерный сосуд №47/38102.

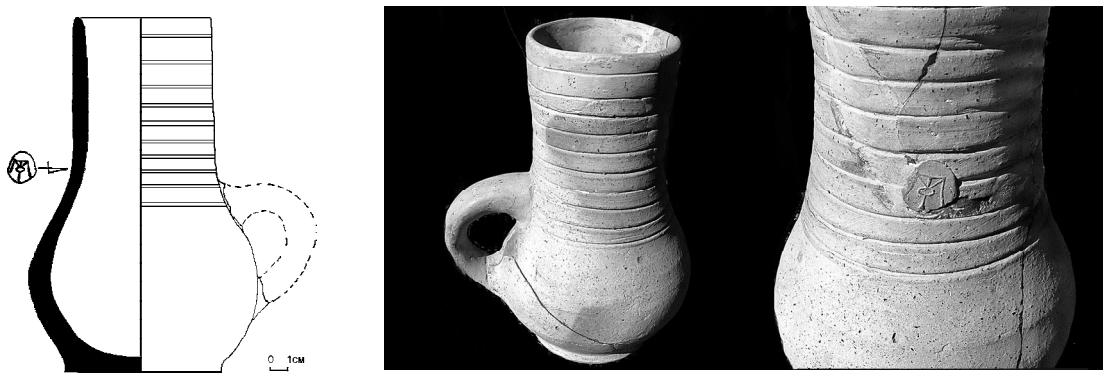

Рис. 4. Херсонесский мерный сосуд с монограммой.

И.Н. ХРАПУНОВ, С.А. МУЛЬД

ТРУПОСОЖЖЕНИЕ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ

Могильник расположен приблизительно в 15 км к юго-востоку от Симферополя, в 2,0–2,5 км к юго-западу от с. Опушки. На территории могильника в течение 2002 – 2004 гг. постоянно велись грабительские раскопки. В результате действий грабителей на площади более 2,5 га уничтожено около 200 погребальных сооружений.

В 2003 – 2004 гг. памятник исследовался экспедицией Таврического национального университета. За два года раскопок исследовано 33 могилы, в том числе 10 грунтовых (из них 3 с конскими захоронениями), 17 подбойных, 4 склепа (из них 1 детский), 1 плитовая и 1 каменный ящик. Хронологически могилы образуют непрерывный ряд с I в. до н. э. до IV в. н. э. Они относятся к разным археологическим культурам: позднескифской, сарматской, а также той, что была привнесена в Крым северокавказскими аланами[1].

В данном случае речь пойдет о единственном на территории могильника каменном ящике. Он был сооружен в грунтовой яме, контур которой удалось проследить на уровне материка. Яма в плане прямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Ее размеры: 0,65 х 0,5 м, глубина от современной дневной поверхности 0,7-0,6 м, в материке 0,2 м. Ящик сложен из небольших необработанных известняковых плит толщиной 0,05-0,03 м. Его стены состояли из вертикально установленных плит по одной с трех сторон, четвертая (северо-восточная) стена сложена из двух плит. Сверху ящик был перекрыт двумя плитами. Его внутренние размеры – 0,45 х 0,3 м, высота стен составляла 0,25-0,3 м. Плиты перекрытия находились на глубине 0,3-0,2 м от современной дневной поверхности. Вертикальные стены находились на грунтовой подсыпке толщиной 0,1 м (рис. 1).

Внутри каменного ящика находился большой фрагмент (примерно половина) лепного горшка с ручкой (рис. 2, 1). Его положили горлом на юго-восток ручкой вниз на каменную плиту, расположенную на высоте 0,2-0,15 м от дна ямы и служившую полом погребального сооружения. Сосуд был плотно заполнен кальцинированными костями. По определению В. Ю. Радочина, кости, вероятно, принадлежали ребенку 4–5 лет (удалось идентифицировать фрагменты нижней челюсти, правой локтевой кости, ключицы, надколенной чашечки). Среди костей обнаружены три необожженных обломка костяного гребня, один из них – с бронзовой заклепкой. Там же найдены два фрагмента оплавленной стекловидной массы. Над горшком в несколько рядов положили крупные обломки стенок светлоглиняной амфоры (рис. 1, II). Несколько обломков стенок амфоры лежали на одной из плит перекрытия каменного ящика (рис. 1, I). Под плитой, служившей полом каменного ящика, упираясь в нее верхним краем, а нижним в дно ямы, под углом стояла другая плита. Рядом с ней расчищен крупный обломок стенки амфоры, два обломка лепного сосуда (рис. 2, 2), еще одна плита и небольшой камень (рис. 1, IV).

Находки, сделанные в каменном ящике, дают немного оснований для его датировки. Горшок, несмотря на относительное сходство со многими сосудами римского времени, точных аналогий не находит. Похожие, но отличающиеся в деталях, горшки с ручками были распространены в позднескифской среде[2], на Боспоре в конце античной эпохи[3], на Северном Кавказе[4]. От двух амфор сохранились только стенки, нет ни одной профильной части. Обломки костяного гребня слишком малы, чтобы отнести его к определенному типу подобных изделий. Можно лишь констатировать общее мнение исследователей о том, что костяные гребни появились в Крыму в результате контактов с носителями культур, в формировании которых принимали участие германцы[5].

Трупосожжения римского времени открыты на территории нескольких крымских могильников, расположенных в юго-западной части полуострова и на южном берегу. Кремаций в урнах, заключенных в каменные ящики,

немного. На территории чатырдагского могильника открыто восемь погребений в каменных ящиках (могилы №№ 1, 2, 3, 13, 14, 15, 16, 55). В четырех из них (№№ 1, 2, 3, 55) находились амфоры, служившие урнами, в остальных кальцинированные кости хоронили вместе с обломками сосудов. Погребения сопровождались, как правило, разнообразным инвентарем, который в большинстве случаев датируется IV в. н. э.[6] Однако в разрушенной могиле № 15 найдены две вещи, явно изготовленные в III в. н.э., – это «перекладчатая» фибула и пряжка[7]. Кроме того, на территории могильника сделаны находки, по-видимому, относящиеся к V в. н. э. Одна из них сомнительна – это найденная в 1877 г. и датированная Ф.А. Ребецом «изглаженная монета»[8], вторая – вполне определенная фибула типа «Пильвины»[9].

Одно из погребальных сооружений (№ 10) чернореченского могильника названо В.П. Бабенчиковым каменным ящиком. В нем находился лепной сосуд с кальцинированными костями. Еще четыре могилы (№№ , 3, 6, 14) он описал как ямы, стенки которых были обложены плоскими камнями. В них находились амфоры и в одном случае (могила № 6) лепной сосуд с кремированными останками[10]. Следует отметить, что различия между каменным ящиком и ямами со стенами, обложенными каменными плитами, которые к моменту раскопок находились, кстати, в полуразрушенном состоянии, не вполне ясны. В отличие от чатырдагского могильника, на Черной Речке лишь одна могила (№ 3) с каменными конструкциями сопровождалась погребальным инвентарем, причем изображения вещей не опубликованы, имеется лишь словесное описание. Таким образом, дату захоронения кремированных останков можно определить только в самом общем виде – это позднеримское время.

Каменные ящики с урнами, заполненными кальцинированными костями, в большом количестве раскопаны в могильнике Совхоз 10 под Севастополем. Однако результаты этих исследований не опубликованы, и составить о них сколько-нибудь целостное представление невозможно. По данным Т.Н. Высотской, в могильнике Совхоз 10 обнаружено 30 каменных ящиков, содержавших 162 урны с кремациями, в том числе 35 лепных сосудов. Датируются они концом III – началом IV в. н. э.[11]

Погребение в каменном ящике из Опушек имеет специфические, не зафиксированные в других местах черты погребального обряда. Это расположение нескольких обломков амфор на плите перекрытия, а также фрагменты сосудов и каменные плиты, обнаруженные под полом каменного ящика.

Среди современных исследователей общепризнано, что трупосожжения на крымских варварских некрополях распространились в связи с появлением на полуострове германцев около середины III в. н. э. При этом нельзя не отметить довольно давнюю историографическую традицию, в соответствии с которой крымские некрополи с кремациями оставлены местным населением, находившимся под римским влиянием[12].

М. Казанский обратил внимание на то, что в ареале германцев каменные ящики с трупосожжениями характерны лишь для Скандинавии, в частности для южной и средней Норвегии. На этом основании высказано предположение о проникновении какой-то части населения из этого региона в Крым. Явные отличия в других элементах погребального обряда объясняются длительностью, пространственной и хронологической, миграций, а также контактами участвовавшего в них населения с носителями различных археологических культур[13].

Любопытен тот факт, что в Опушках единственный каменный ящик с кремацией окружен традиционными для Крыма склепами, грунтовыми и подбойными могилами. Подобные случаи зафиксированы в могильниках юго-западного Крыма Скалистое III, Танковое, Бельбек I, где единичные кремации расположены среди обычных для Крыма погребальных сооружений[14]. Такая ситуация свидетельствует, вероятно, о внедрении каких-то групп германцев в сарматскую среду. Причем, если судить по погребальному инвентарю из юго-западного Крыма, происходило это еще до начала готских походов середины III в. н. э.[15] Находки из каменного ящика в Опушках, как уже говорилось, не дают возможности датировать захоронение точнее, чем позднеримским временем в целом.

Другой признак, указывающий на взаимодействие германцев с крымскими варварами, заключается в том, что во многих случаях, в том числе и в Опушках, кремированные по германским обрядам останки умерших помещались в лепные сосуды местного

производства.

Во всяком случае, находка в Опушках – это первое трупосожжение римского времени, открытое в центральной части крымских предгорий. Теперь есть все основания утверждать, что германцы проникали не только на южный берег и в юго-западную часть полуострова, но и в центральный Крым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Храпунов И.Н., Власов В.П., Мульд С.А., Стоянова А.А. Новые исследования могильников римского времени в центральном Крыму // Археологічні відкриття в Украпні 2002 – 2003 рр. - Київ, 2004.
2. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ Д1 - 7. - М., 1991, табл. 20, 20; Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // БИАС I. - Симферополь, 1997, табл. VII, 14.
3. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. - Л., 1981, табл. XX, 7.
4. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV в. н. э.). - М., 1993, рис. 53, 23.
5. Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. - М., 1978, с. 153; Казанский М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. - Киев, 1999, с. 277; Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ III. - Симферополь, 2003, с. 344.
6. Мыц В.Л. Могильник III - V вв. н. э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н.э. – VII в. н.э.). - Киев, 1987; Лысенко А.В. Погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя // У Понта Евксинского. - Симферополь, 2004.
7. Щукин М.Б. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. - Киев, 2002, рис. 1. 1, 3.
8. Мыц, Могильник…, с. 145.
9. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б., Щукин М.Б. Исследования Чатырдагского некрополя // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. - Симферополь, 1997, с. 213.
10. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник// Археологічні пам'ятки УРСР. XIII. - Київ, 1963, с. 119, 120.
11. Высотская Т.Н. Погребальные сооружения и обряд погребений могильника «Совхоз № 10» (Севастопольский) // Stratum plus. № 4. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 2001-2002, с. 274.
12. Историографию см. Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Боспорские исследования VI. - Симферополь-Керчь, 2004, с. 40-43, 143-146.
13. Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la Mer d'Azov // Ancient West and East 1. ą 2. - Leiden-Boston, 2002, p. 412-413.
14. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. - М., 1974, с. 32, 47; Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I - III вв. н.э.) // СА 4. - 1976, с. 124, 147; Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. - Симферополь, 1994, с. 85-86.
15. Храпунов, Этническая история Крыма..., с. 141.

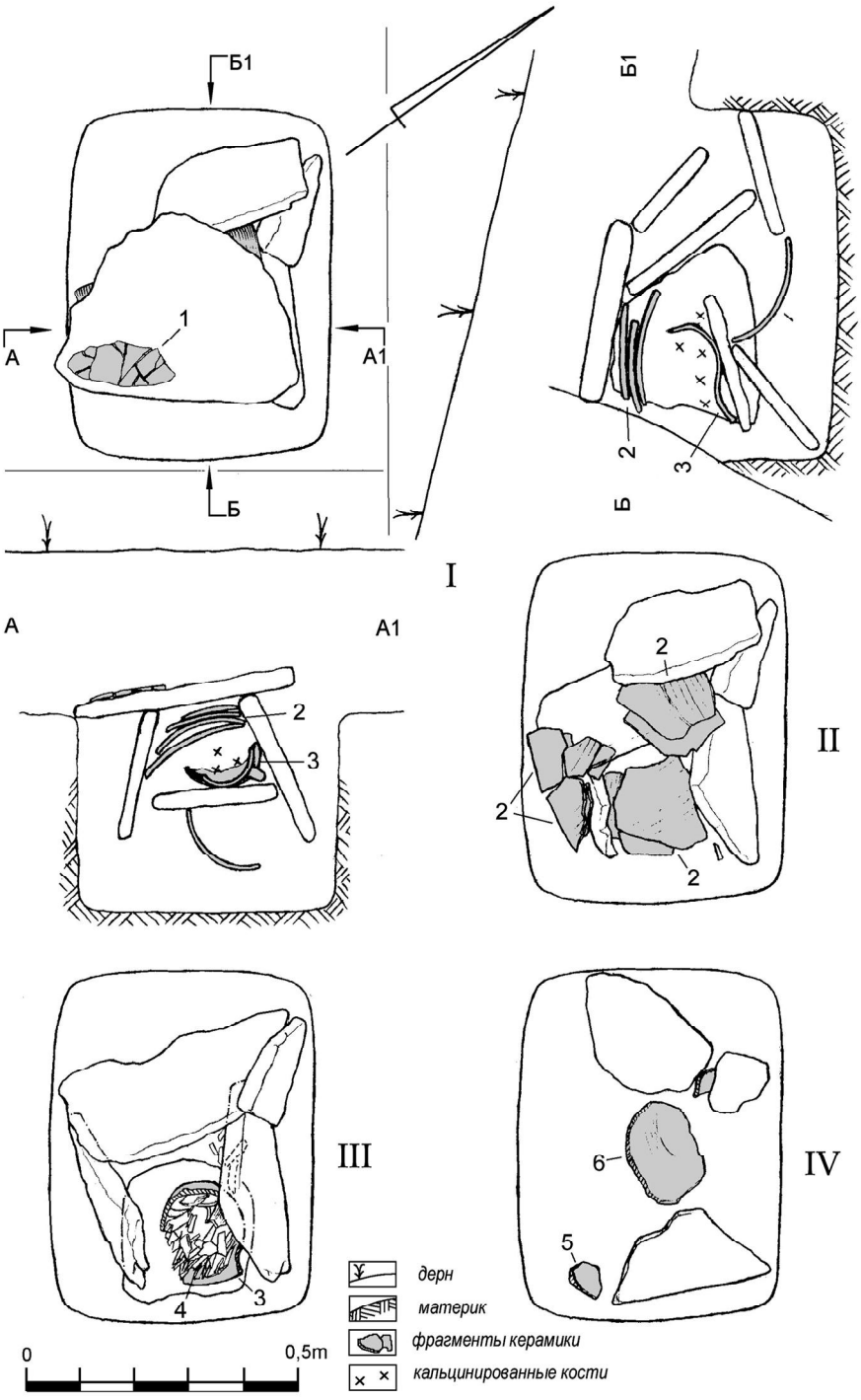

Рисунок 1. Могильник Опушки. Могила №20. I – план (уровень плит перекрытия) и разрезы; II – уровень перекрытия стенками амфоры; III – уровень урны; IV – уровень дна ямы; 1, 3, 5 – фрагменты лепных сосудов; 2, 6 – фрагменты стенок амфор; 4 – фрагменты костяного гребня.

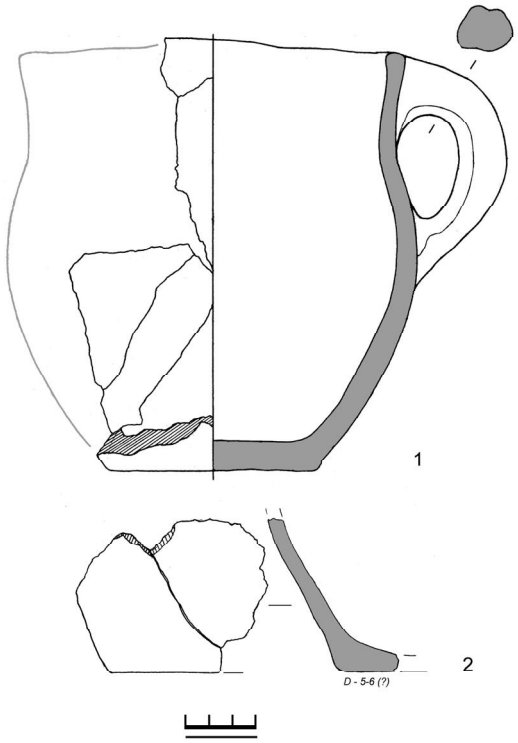

Рисунок 2. Могильник Опушки. Могила №20. Лепные сосуды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	- Античные государства Северного Причерноморья
АДСВ	- Античная древность и средние века
АДУ	- Археологічні дослідження на Україні
АИК	- Археологические исследования в Крыму
АИУ	- Археологические исследования на Украине
АИЮВЕ	- Археологические исследования на юге Восточной Европы
АО	- Археологические открытия
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ	- Боспорские исследования
БИАС	- Бахчисарайский историко-археологический сборник
БС	- Боспорский сборник
ВВ	- Византийский временник
ВДИ	- Вестник древней истории
ДБ	- Древности Боспора
ЖМНП	- Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	- Записки Одесского Общества истории и древностей
ИАСК	- История и археология средневекового Крыма
ИАК	- Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК	- Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК	- Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК	- Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ	- Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МАР	- Материалы по археологии России
НЗХТ	- Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
ОАК	- Отчеты Императорской археологической комиссии
ПИФК	- Проблемы истории, филологии и культуры
РА	- Российская археология
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СГЭ	- Сообщения Государственного Эрмитажа
СГМИИ	- Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
СХМ	- Сообщения Херсонесского музея
СЭ	- Советская этнография
ТГЭ	- Труды Государственного Эрмитажа
УЗМГПИ	- Ученые записки Московского городского педагогического института
ХСб	- Херсонесский сборник
AA	- Archäologischer Anzeiger
AAH	- Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
AE	- L'année épigraphique
ACSS	- Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
Anc.Soc	- Ancient Society
Atti CRDAC	- Atti Centro ricerche e documentazione sull'antichitŕ classica

BAR - British Archaeological Report
BCH - Bulletin de correspondence hellénique
BHR - Bibliotheka Helvetica Romana
CAH - The Cambridge Ancient History
CIL - Corpus inscriptionum latinarum
ClAnt - Classical Antiquity
DHA - Dialoques d'histoire ancienne
DNP - Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike
ISM - Inscriptiones Scythiae Minoris
JdI - Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JIES -Journal of Indo-European Studies
JHS - Journal of Hellenic Studies
KHKM - Kwartalnik Historii Kultury Materialnej
KZ - Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung
LIMC - Lexikon iconogarphicum mythologie classicae
ML - Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie
QuadUCCl - Quaderni Urbinati di Cultura Classica
RArch - Rheinischer Archiv
RE - Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REB - Revue des Études Byzantines
SCIVA - Studii şi cercetari de Istorie Veche şi Archeologie
SEG - Supplementum epigrahicum graecum
SHA - Scriptores Historiae Augustae
SymbOslo - Symbolae Osloenses
ZDMG - Zeitschrift der Deutschen morgenlдndischen Gesellschaft
ZPE - Zeitschrift für Papyriologie und Epigraphik

Наукове видання

ХЕРСОНЕССЬКИЙ ЗБІРНИК
Випуск XIV

Збірник наукових статей
пам'яті М.И. Золотарьова

(російською мовою)

Головний редактор С.Д. Крижіцкий
Складач збірника С.В. Ушаков
Художнє оформлення М.О. Алексеєнко
Комп'ютерна верстка М.Є. Арефьєв
Коректори О.А. Денісова, К.В. Струкова

Підписано до друку 05. 12. 2005 р.
Формат видання 60х84/8. Папір офсетний № 1.
Гарнітура Times. Друк офсетний.
Ум. Друк. Арк. 40,60. Об.-вид. Арк. 41,41

Наклад 1000 прим.

Оригінал-макет виготовлено Видавничим домом «Максим»,
99053, Севастополь, вул. Вакуленчука, 31- В.
Свідоцтво про реєстрацію СВ № 002 від 26.12.2001.
Тел.: + 38 (0692) 24 01 84
E-mail: maksim@ sferos.com

Надруковано у типографії ПП «Інтерсфера»,
99053, Севастополь, вул. Вакуленчука, 31- В.
Тел.: + 38 (0692) 24 01 84
E-mail: intersfera@ sferos.com